Марк

СОЛОНИН

Июнь 41-го

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ

Марк Солонин

Июнь 41-го. Окончательный диагноз

Серия «Победа любой ценой»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6700176
Июнь 41-го. Окончательный диагноз / Марк Солонин.: Яуза, Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-67335-3

Аннотация

Подлинные масштабы военной катастрофы 1941 года скрываются до сих пор – пытаясь найти хоть какие-то оправдания сокрушительному разгрому Красной Армии, исторический официоз замалчивает тот факт, что соотношение советских и немецких потерь в Приграничном сражении достигало невероятной цифры 1:35 (35 наших бойцов за одного выбывшего из строя гитлеровца)!

«Это есть «чудо», не укладывающееся ни в какие каноны военной науки. Такое соотношение потерь возможно разве что в том случае, когда белые колонизаторы, приплывшие в Африку с пушками и ружьями, наступают на аборигенов, вооруженных копьями и мотыгами. Но летом 1941 г. на западных границах СССР была совсем другая ситуация: обороняющаяся сторона в целом не уступала противнику ни в численности, ни в вооружении, количественно превосходила его в средствах нанесения мощного контрудара – танках и авиации, да еще и имела возможность построить свою оборону на системе естественных преград и долговременных оборонительных сооружений…»

Уникальное по масштабу и глубине исследование ведущего военного историка дает исчерпывающий ответ на вопрос: к какой войне готовился Сталин и почему реальная война началась с катастрофического поражения Красной Армии? Использовав десятки тысяч страниц первичных документов, хранящихся в российских и германских архивах, и предоставив 37 оригинальных карт-схем, иллюстрирующих описание боевых действий первых дней войны, Марк Солонин ставит окончательный диагноз сталинскому режиму, за который в 1941 году не желала воевать даже собственная армия. Это именно та книга, которую десятки лет ждали все, кто хочет глубоко и непредвзято изучить историю величайшей трагедии нашего народа.

Содержание

Предисловие 5
Часть 1 18
Глава 1.1 18
Глава 1.2 62
Часть 2 94
Глава 2.1 94
Глава 2.2 115
Глава 2.3 140
Глава 2.4 175
Глава 2.5 205
Часть 3 215
Глава 3.1 215
Глава 3.2 232
Глава 3.3 256
Глава 3.4 277
Глава 3.5 303
Глава 3.6 325
Часть 4 332
Эпилог 342
Источники 349

Солонин Марк Семенович
Июнь 41-го. Окончательный диагноз

Эта книга, как и все предыдущие, была написана вне рамок заказа, финансирования, прямой или косвенной поддержки со стороны каких-либо государственных, академических, общественно-политических структур. В то же время поиск, сбор и перевод огромного массива архивных документов потребовал значительных усилий и затрат. Мне удалось решить такую задачу лишь благодаря разносторонней помощи десятков людей, в большинстве своем неизвестных мне даже по именам. Я горячо и искренне благодарю каждого из них и своим приятным долгом считаю отметить особый вклад Петра Чернышева (Украина), Игоря Гуменного (Украина), Михаила Горфункеля (Великобритания), Сергея Горшенева (Россия), Ильи Домбровского (Нидерланды), Алексея Жарова (Россия), Дмитрия Кирикова (Германия), Рихарда Лехманна (Украина), Сергея Петрова (Россия), Василия Ристо (Германия), Александра Фишера (США).

Предисловие

Катастрофа

На рассвете 22 июня 1941 г. войска гитлеровской Германии вторглись на территорию СССР. Три недели спустя немецкие генералы могли констатировать, что первая задача, поставленная перед ними по плану «Барбаросса» (*«Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено…»*), в основном уже выполнена.

Выдвижение «танковых клиньев» было глубоким и быстрым. Противник занял Литву, Латвию, почти всю Белоруссию, Западную Украину, форсировал Буг, Неман, Западную Двину, Березину, Горынь и Случь, вышел к Днепру. 10 июля немцы заняли Псков, 16 июля – Смоленск.

Две трети расстояния от западной границы до Ленинграда и Москвы были пройдены. Танковые дивизии вермахта преодолели по 500 и более километров советских дорог. За первые 20 дней войны немцы заняли территорию площадью порядка 450 тыс. кв. км, что примерно в 2 раза больше территории Польши, оккупированной вермахтом в сентябре 1939 г., и в 3 раза больше территории Бельгии, Голландии и северо-востока Франции, захваченных вермахтом в мае 1940 г. (см. рис. 1).

Войска Прибалтийского и Западного особых военных округов (более 70 дивизий, 1 млн человек) были разгромлены, рассеяны по лесам или взяты в плен. Чуть позднее то же самое произошло с Юго-Западным и Южным фронтами. «Отступление боеспособных войск противника» было успешно (для немцев) предотвращено – за Днепр и Западную Двину смогли отойти лишь разрозненные остатки некогда огромной армии; командиров дивизий, которые смогли вывести полторы тысячи человек с дюжиной пулеметов и парой пушек (т. е. сохранить порядка 10–15 % личного состава), отмечали в приказах как особо отличившихся…

К 6–9 июля войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов потеряли 11,7 тыс. танков, 19 тыс. орудий и минометов. **[1]** Особенно тяжелые, практически невосполнимые потери понесли танковые войска – крупнейшие в мире советские танковые войска, на создание которых был потрачен многолетний труд и огромные материальные ресурсы. Уже 15 июля 1941 г. остатки мехкорпусов начали официально расформировывать. Авиационные дивизии и полки ВВС западных округов потеряли не менее 80–85 % самолетов; впрочем, и оставшиеся в списках боевые машины в большинстве своем считались неисправными. В итоге к 1 августа 1941 г. советские ВВС потеряли 10 тыс. самолетов (в четыре раза больше, чем было у люфтваффе на Восточном фронте), из которых 5240 числились как «неучтенная убыль». **[4]**

Стремительная потеря огромных территорий с неизбежностью повлекла за собой потерю гигантских запасов военного имущества, по какой-то причине сконцентрированного у западных рубежей Советского Союза. По данным ГАУ (Главное артиллерийское управление), из 40 артиллерийских складов, расположенных до линии Ленинград, Нежин, Кременчуг, удалось эвакуировать только 11. В приграничных округах были потеряны также сотни тысяч тонн ГСМ, десятки миллионов индивидуальных перевязочных пакетов, огромное количество продовольствия, фуража, обмундирования…

Не приходится удивляться тому, что к середине июля многим немецким генералам кампания на Восточном фронте показалась уже завершенной – они представить себе не могли, что армия, понесшая такие потери, окажется способной к дальнейшему сопротивлению. Да, «битые гитлеровские генералы» в конечном счете ошиблись, и война закончилась в Берлине, но наша радость по этому поводу – со слезами на глазах. То, что было легко и быстро потеряно за 3–4 месяца лета – осени 41-го года, пришлось возвращать ценой беспрерывного трехлетнего кровопролития, ценой жизни миллионов солдат на фронте, миллионов мирных жителей на оккупированных территориях. В целом на линию границы 41-го года Красная Армия смогла вернуться лишь к июлю – августу 1944 г. Это в целом; в частности, например в Прибалтике, бои продолжались до весны 1945 года.

И все же самым невероятным во всей этой истории следует признать не высокие темпы и глубину наступления вермахта, не огромные цифры потерь Красной Армии – а удивительные (неправдоподобно малые) потери противника. Наступающий, причем чрезвычайно успешно наступающий вермахт нес потери **в десятки раз меньшие**, чем обороняющаяся Красная Армия.

Вот, например, 6-я танковая дивизия вермахта (Группа армий «Север»). Пример этот примечателен тем, что 6-я тд была вооружена хуже всех – основу ее танкового парка составляли легкие чешские танки образца 1935 г. (Pz-35(t) по немецкой системе обозначений), устаревшие технически и весьма изношенные многолетними маршами, походами и боями. 24 июня у реки Дубиса (Литва) 6-я немецкая танковая столкнулась во встречном бою со 2-й танковой дивизией Красной Армии, имевшей на вооружении, кроме всего прочего, 31 новейший тяжелый танк КВ. Для советской дивизии танковое сражение закончилось полным разгромом, потерей матчасти и гибелью командира. 6-я немецкая тд потеряла 24 июня всего 121 человека (31 убит, 18 пропали без вести, 72 ранено). **[5]** Менее одного процента штатной численности.

И это – самый тяжелый день и самые большие потери. 28 июня 6-я танковая дивизия форсирует полноводную Даугаву – естественный оборонительный рубеж стратегического значения. Потери: 3 убитых, 14 раненых. **[6]** Переправившись на северный берег, немецкая танковая дивизия устремилась к Пскову. 4–6 июля она разгромила во встречном бою части 163-й моторизованной и 3-й танковой дивизий Красной Армии, прорвала линию ДОТов Островского укрепрайона, форсировала пару мелких речушек. Потери за три дня: 28 убитых, 55 раненых. **[7]**

Вот еще одна немецкая дивизия, 11-я танковая. Уровень потерь личного состава – один из самых высоких среди всех танковых дивизий вермахта: к 3 июля потери дивизии составили 923 человека, в т. ч. 333 – безвозвратно. **[8]** Шесть процентов от штатной численности. Ценой этих шести процентов 11-я тд успела сделать следующее: непрерывно наступая в авангарде 1-й Танковой Группы, дивизия прошла более 200 км; вступила в бой с советскими 10-й и 43-й танковыми и 228-й стрелковой дивизиями, 109-й и 213-й моторизованными дивизиями и 114-м танковым полком 57-й танковой дивизии; бои эти закончились тем, что от упомянутых дивизий Красной Армии остались номера и, в лучшем случае, 30–40 % личного состава с десятком танков, а немецкая дивизия покатила дальше на восток…

В целом вся группировка вермахта на Восточном фронте в период с 22 июня по 6 июля потеряла 64 132 человека, в том числе 19 789 – безвозвратно. Такие цифры приводит в своем знаменитом «Военном дневнике» (запись от 10 июля 1941 г.) начальник штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер.

Разумеется, 10 июля Гальдер не располагал еще всей информацией по потерям на 6 июля, поэтому указанные выше цифры (64 тыс., в том числе 20 тыс. безвозвратно) несколько занижены. По так называемым «десятидневкам» (отчетам о потерях, составляемым верховным командованием на основании донесений штабов частей и соединений за каждый деся-

тидневный период) потери вермахта к 10 июля 1941 г. составили 77 тыс. человек, в том числе 23 тыс. безвозвратно. Численность группировки вермахта на Восточном фронте на тот момент Гальдер оценивает в 3,3 млн человек, соответственно общие потери (убитые, раненые, пропавшие без вести) составляют всего 2,3 %.

Да и эти цифры можно оспорить, т. к. любые донесения, составленные в ходе боевых действий, недостаточно точны и полны. Можно и дальше заниматься уточнением статистических данных, но бесконечная эта дискуссия не должна заслонять от нас главное. А главное – это то, что за разгром Первого стратегического эшелона Красной Армии (по числу дивизий не уступавшего ни одной европейской армии, а по количеству танков и самолетов в разы превосходившего любую из них), за оккупацию огромной территории вермахт заплатил потерей 2–3 % своего личного состава. Если же говорить не об общих, а только о безвозвратных (убитые и пропавшие без вести) потерях, то они оказались порядка 1 %. «Отряд не заметил потерю бойца…» Даже в ходе того, что советская историография называла «триумфальный марш вермахта во Франции», безвозвратные потери немцев были вдвое больше (46 тыс. человек). **[16]**

Самой главной оценкой потерь вермахта может служить сравнение их с потерями противника, т. е. Красной Армии. По официальному мнению современных российских военных историков, в период с 22 июня по 6–9 июля войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов потеряли безвозвратно 589 тыс. человек, и эта цифра не включает еще потери Северного фронта (Ленинградский ВО) и Южного фронта (Одесский ВО), которые начали активные боевые действия, соответственно, 29 июня и 2 июля 1941 г. **[17]**

Сегодня уже не вызывает сомнений явное и значительное занижение данных о потерях, допущенное составителями сборника «Гриф секретности снят» (сборник Кривошеева). Так, в частности, общие потери Северо-Западного фронта они оценили в 88,5 тыс. человек (всего 23 % от первоначальной численности). Может ли это быть правдой, если все известные документы с абсолютным единодушием свидетельствуют – фронт был разгромлен наголову, до Острова и Пскова добрались лишь разрозненные группы бойцов и командиров[1]. И что примечательно, на стр. 368 все того же сборника нам сообщают, с 22 июня по 9 июля СЗФ потерял 341 тыс. единиц стрелкового оружия. Как 89 тыс. человек могли «потерять» 341 тыс. винтовок?

В нормальной воюющей армии потери личного стрелкового оружия меньше, чем потери людей – бросать винтовки не положено, у них есть номера, и за каждую винтовку кто-то расписался; винтовка весит 3–4 кг, и один здоровый мужчина без особого напряжения может вынести с поля боя 3–4 винтовки, оставшиеся от раненых и убитых товарищей. В ненормальной, панически разбегающейся армии потери личного оружия могут сравняться с потерями личного состава, но не превысить же их в 4 раза! Западный фронт, кстати, также смог (на страницах статистического сборника «смог») потерять 521 тыс. единиц стрелкового оружия при потере 418 тыс. человек. Только в случае с Юго-Западным фронтом цифры, приведенные в сборнике Кривошеева, приходят в некоторое соответствие со здравым смыслом (потеряно 242 тыс. человек и 170 тыс. единиц стрелкового оружия).

В итоге мы имеем следующее: даже если принять заведомо и значительно заниженные цифры Кривошеева, то и в этом случае соотношение безвозвратных потерь личного состава в ходе т. н. «приграничного сражения» (до 6–10 июля) составит **1 к 23**. Реальная же картина безвозвратных потерь определяется, скорее всего, цифрами порядка 900–1000 тыс. с советской стороны и 25–30 тыс. с другой, что дает в итоге соотношение **1 к 35.** Несколько нарушая

[1] По расчетам И.И. Ивлева, проделавшего гигантскую работу по изучению первичных документов о движении личного состава Северо-Западного фронта, потери фронта на 9 июля составили 260 тыс. человек, что втрое больше того, что подсчитано у Кривошеева.

хронологию изложения, сразу же отмечу, что итоговое соотношение безвозвратных потерь за весь 1941 год составило порядка **1 к 28.**

Это есть «чудо», не укладывающееся ни в какие каноны военной науки. Такое соотношение потерь возможно разве что в том случае, когда белые колонизаторы, приплывшие в Африку с пушками и ружьями, наступают на аборигенов, вооруженных копьями и мотыгами. Но летом 1941 г. на западных границах СССР была совсем другая ситуация: обороняющаяся сторона в целом не уступала противнику ни в численности, ни в вооружении, количественно превосходила его в средствах нанесения мощного контрудара – танках и авиации, да еще и имела возможность построить свою оборону на системе естественных преград (полноводные реки Буг, Неман, Березина, Западная Двина, Днепр, Днестр) и долговременных оборонительных сооружений (порядка 1 тысячи железобетонных ДОТов вдоль «новой» границы и более 3 тысяч – у «старой»).

Поиск объяснений

Что это было? Что произошло с «непобедимой и легендарной» Красной Армией? Как такой жуткий разгром мог случиться с армией страны, наделенной неисчислимыми природными ресурсами, страны, которая ничем другим, кроме подготовки к будущей войне, честно говоря, и не занималась?

Правильный ответ начинается с правильного вопроса. Этот же афоризм можно, на мой взгляд, перефразировать иначе: неправильный ответ (тем паче – преднамеренная попытка ввести людей в заблуждение) начинается с нелепо сформулированного вопроса. Именно так и действовали советские историки-пропагандисты – соответствующий параграф в их книжках назывался «Причины временных неудач Красной Армии» или еще круче: «Причины проигрыша приграничного сражения».

Слова «временная неудача» – это совсем не то, что побуждает искать какую-то весомую причину. С кем не бывает временных неудач? А уж термин «приграничное сражение» – применительно к военной кампании, развернувшейся на пространствах, превышающих площадь большинства европейских стран, – и вовсе следует признать блестящей находкой партийных пропагандистов. Воображение читателя сразу же рисует картину боя взвода пограничников с навалившейся на них бандой. Остается только добавить два слова – «неожиданно и внезапно» – и причина «проигрыша приграничного сражения» станет простой и понятной…

Впрочем, тезис о «неожиданном и внезапном нападении на мирно спящую страну» даже в советские времена не претендовал на статус «первой линии обороны», а выполнял скорее роль «предполья» (этим термином в военном деле обозначают полосу территории, на которой предполагается притормозить наступление противника, задержать его выход к главной линии обороны).

Даже советские пропагандисты (слово «даже» в данном случае относится не к оценке их умственных способностей, а к оценке ситуации, в которой они работали, чувствуя за спиной надежную поддержку «органов», готовых заткнуть рот любому несогласному) понимали, что излишне акцентировать тему пресловутой «внезапности» не стоит – уж в слишком дурацком виде выставляла она родную партию, ее мудрый Центральный комитет и самого Вождя, которые не смогли разглядеть сосредоточение у границ СССР трехмиллионной вражеской армии. С первыми же лучами «гласности» цветы внезапности окончательно увяли; сегодня даже добросовестный школьник знает, что длинная череда тяжелейших поражений Красной Армии (Уманьский, Киевский, Вяземский, Брянский, Керченский, Харьковский «котлы»), начавшись летом 41-го, продолжилась осенью и возобновилась в мае 42-го года; о какой «внезапности» можно тут говорить?

Соответственно, первой и главной «линией обороны» в советской исторической мифологии стало «многократное численное превосходство противника, особенно в танках и авиации». Вот это звучит убедительно. Весомо. С детства обработанный советский человек сразу же представлял себе трех красноармейцев с «одной винтовкой на троих», на которых надвигаются пять немцев, укрытых под броней «Тигра». А следом за ними – колонна автоматчиков, все как один на бронетранспортерах. Вот и повоюй тут!

Весь этот бред растаял, как туман на рассвете, при первых же признаках ликвидации идеологической цензуры. На сей момент танки, пушки, пулеметы и дивизии давно посчитаны и пересчитаны, результаты многократно перепроверены и опубликованы. Не знать реального соотношения сил сегодня может только тот, кто очень сильно зажмурился, да так и не открывал глаза последние 10–15 лет. Из множества достойных публикаций могу порекомендовать, например, обстоятельную статью М. Мельтюхова. **[19]** Самые любознательные могут обратиться непосредственно к первичным документам, благо в наше время с ними можно ознакомиться, даже не отходя от компьютера. **[20]**

От себя я хочу лишь напомнить о том, что 22 июня война не закончилась, а только началась. Соответственно, «мгновенная фотография» состава противоборствующих группировок по состоянию на первый день войны никоим образом не может считаться исчерпывающим ответом на вопрос о соотношении сил сторон. Ничуть не менее важным является (и теоретически, и практически) способность наращивать силы, восполнять потери личного состава и техники, формировать новые соединения. Вот об этом-то у нас принято традиционно забывать. И привычка такая возникла в советские времена совсем не случайно – «мгновенная фотография» серьезно искажает (в пользу Германии) реальную картину соотношения сил.

То, что командование вермахта собрало 22 июня 1941 г. у границ Советского Союза, представляло собой максимум достижимого для Германии, которая уже давно провела мобилизацию резервистов и теперь вела боевые действия на нескольких сухопутных фронтах, в небе над «рейхом» и на безбрежных просторах Атлантического океана. Всего до конца 1941 г. на Восточном фронте из резерва ГК в бой были введены 2 танковые, 1 моторизованная и 25 пехотных дивизий; очень скромно – как в абсолютных, так и в относительных числах (в составе трех Групп армий «Север», «Центр», Юг» изначально было 119 дивизий, не считая т. н. «охранные»). В качестве маршевого пополнения соединения вермахта на Восточном фронте получили до конца 1941 г. менее 20 % от своей первоначальной численности.

С другой стороны, те силы, которые Красная Армия развернула в западных округах к 22 июня, представляли собой минимум, который 200-миллионный Советский Союз смог сосредоточить на Западе в условиях незавершенной скрытой мобилизации. 23 июня 1941 г. была начата открытая мобилизация, и уже к 1 июля в ряды Вооруженных сил было призвано 5,3 млн человек[2]. Это означало увеличение общей численности Красной Армии в два раза и позволило формировать новые дивизии и бригады сотнями. 1 июля мобилизация, разумеется, не закончилась. Она еще только начиналась. Всего до конца года – по минимальным из имеющихся оценок – было мобилизовано 11,7 млн человек, добросовестные современные исследователи насчитали и все 14 млн. Разумеется, не все эти миллионы сразу же попали в действующую армию, но в целом общий «ресурс живой силы», предоставленный командованию Красной Армией в 1941 г., примерно втрое превысил соответствующий ресурс противника.

[2] Вопреки усиленно распространяемому – и успешно внедренному в массовое сознание – заблуждению, в первой «волне мобилизации» были призваны не мальчишки-школьники, а прошедшие ранее воинскую службу резервисты, включая 505 тыс. офицеров запаса.

Уже к 10 июля, несмотря на тяжелейшие потери и окружения первых недель войны, в составе действующих фронтов Красной Армии числилось 202 (!) дивизии, в том числе 62 «свежих», не принимавших участия в июньских боях соединений Второго стратегического эшелона[3]. **[140]** И упомянутые 62 дивизии – это только начало длинного перечня; уже к этой дате в составе резерва ГК, непосредственно за фронтом, находились 22 стрелковые, 6 танковых и 3 моторизованные дивизии. К 1 августа численность действующей армии возрастает до 263 дивизий. А маховик мобилизации все крутится и крутится, и на фронте появляются все новые и новые формирования…

Еще более красноречива динамика пополнения танковых войск. На восполнение потерь вермахта на Восточный фронт в течение второй половины 1941 г. поступило всего 513 танков и «штурмовых орудий», кроме того, в бой были введены две свежие танковые дивизии (2-я и 5-я), на вооружении которых числилось 380 танков. Итого – 893 танка, в том числе 631 средний. Красная Армия за тот же период получила от промышленности 5600 танков, в том числе 2200 средних Т-34 и 1000 тяжелых КВ. И это – не считая танки, которые поступили в действующую армию в составе танковых частей и соединений, переброшенных на фронт из внутренних военных округов.

Отдадим должное советским пропагандистам – они понимали, что долго удерживать первую линию обороны (т. е. откровенно и нагло врать про «многократное численное превосходство вермахта») им не удастся, и поэтому заблаговременно начала готовиться вторая линия: «Да, вооружения было много, но все оно было безнадежно устаревшим, не идущим ни в какое сравнение с военной техникой противника». Замечательный пример – в упомянутой выше статье М. Мельтюхов сообщает, что на полях рукописи 4-го тома классической советской «Истории Второй мировой войны» было сделано следующее замечание: *«Показатели по Вооруженным силам СССР, особенно по танкам – 18 600, самолетам – 15 990, слишком велики* (как сказано! – *М.С.*). *Без качественной характеристики может сложиться у читателя ложное представление о силе сторон накануне войны. Известно, что в Советской Армии абсолютное большинство танков было устаревших систем…»*

Придумана эта уловка была много десятилетий назад, но особым успехом она пользуется как раз сегодня. Молодое поколение «новых россиян», уже привыкших к тому, что в магазине нельзя найти не то что радиоприемник отечественного производства, но и сделанные в России утюг, пылесос и чайник, без лишних сомнений готово поверить в то, что и Советский Союз был такой же отсталой деревней. *«В любом случае не требуется доказывать* (выделено мной. – *М.С.*)*, что советская промышленность была заведомо слабее германской как по технологическому оснащению, так и по уровню квалификации рабочей силы».* Вот так, уверенно и твердо, пишет один весьма известный в узких «патриотических кругах» публицист, без тени смущения сообщающий о себе: «*Не окончил два института – Свердловский государственный медицинский и Уральский государственный педагогический. Активист движения клубов любителей фантастики».*

Еще один – но не простой «любитель», а писатель фантастики («*А.А. Уланов, писатель-фантаст. Родился 22 января 1976 г. в Киеве. Пишет в жанрах боевой и юмористической фантастики, фэнтези и альтернативной истории»*) на пару с известным блогером Д. Шеиным написал целую книгу, в которой буквально «размазал по стенке» советскую оборонную промышленность предвоенной поры: *«СССР не мог, никак не мог обеспечить линию производства бронебойных снарядов тремя (токарь, сварщик, штамповщик) специалистами высокой квалификации, как это сделали немцы – такие люди были в советской*

[3] Не учтены т. н. «дивизии народного ополчения» и отдельные полки; две кавдивизии или две бригады считаются за одну «расчетную дивизию»; пять воздушно-десантных корпусов учтены как две «расчетные дивизии».

промышленности наперечет, их распределяли по заводам поштучно…» **[21]** Оцените гипнотизирующий речитатив: «не мог, никак не мог…»

Я готов безоговорочно поверить в то, что среди друзей и знакомых Уланова и Шеина даже «поштучно» нельзя найти ни одного, реально знакомого с заводским цехом. Некому объяснить молодым людям, что сочетание слов «штамповщик высокой квалификации» – это неудачная шутка. Высокая квалификация требуется от ученого, изучающего природу механической деформации металлов. Высокая квалификация потребовалась от большого коллектива инженеров, разработавших мощный гидравлический пресс. А вот от малограмотной колхозницы, которая к этому прессу будет в военное время приставлена, требуется умение выполнить три операции: вставить заготовку, нажать на кнопку, вынуть готовую деталь. Таких штамповщиков (и кандидатов в штамповщики) в Советском Союзе были десятки миллионов.

Токарь штамповщику не чета, но и токарная работа бывает разной. Самая простая из возможных: закрепить в шпинделе токарного станка небольшую круглую (осесимметричную) деталь и проточить на ней круговую канавку. С таким заданием справится учащийся ФЗУ на первом месяце обучения. Счет токарей подобной квалификации в СССР шел не на «штуки», а на миллионы (учебная мастерская с токарным станком была в каждой школе), а ничего большего не требовалось для установки на бронебойный снаряд штампованного колпачка (аэродинамического обтекателя); т. к. упомянут еще и сварщик, то можно предположить (чертеж Уланов с Шеиным не привели), что колпачок крепился сваркой, а не тугой посадкой, т. е. допуски на размеры установочной канавки были весьма широкими. Работа как раз для мальчишки-фэзэушника…

К счастью, за последние 10–20 лет были написаны и серьезные исследования истории создания, производства и боевого применения едва ли не всех образцов советской военной техники. Проделана большая работа, изучены горы первичных документов, развеяны некоторые устоявшиеся мифы (вроде «летающего танка» Ил-2 и всесокрушающей «катюши», которую немцы якобы «даже не смогли скопировать»). В результате установлено: в целом вооружение Красной Армии находилось на уровне выше среднего, не уступая по своим тактико-техническим характеристикам – опять же, в целом и в основном – ни одной армии мира.

Активно работали в предвоенном СССР и над «чудесами техники» – не только на чертежах, но и в металле существовали гиростабилизированные танковые прицелы, автоматы вывода самолета из пикирования, инфракрасные системы ночного видения, радиолокаторы, ракетные ускорители и пр. Да, многое (если не большинство) из вышеперечисленного было куплено или своровано на Западе, но нас в данном случае интересует не процесс, не способ, а результат.

Да, были проблемы с эргономикой военной техники, с ее конструктивной надежностью и удобством обслуживания – сказывался дефицит опытных инженерных кадров и суетливая поспешность в постановке техники на вооружение. Эти недоработки усложняли боевое применение и ремонт вооружения, но вовсе не делали то и другое невозможным. Эта истина была убедительно подтверждена на практике: финская армия в 1944 г. воевала (и как еще воевала!), используя трофейные советские самолеты, танки и артиллерийские тягачи, захваченные в 1940–1941-м годах.

И тем не менее, нельзя не признать, что «*в Советской Армии абсолютное большинство танков было устаревших систем».* Это утверждение является абсолютно истинным, но с двумя важными уточнениями. Во-первых, если за точку отсчета брать советские Т-34 и КВ, то не большинство, а все до единого танки вермахта по состоянию на 22 июня 1941 г. были «устаревших систем». Во-вторых, новейшие системы всегда, в любой армии мира, находятся в меньшинстве, а к тому времени, когда они заменят своих предшественников и станут самыми массовыми, с неизбежностью перейдут в разряд «устаревших». Это и есть

гонка вооружений. Летом 1941 г. бронированный монстр КВ производил ошеломляющее впечатление как на советских, так и на немецких танкистов; к весне 45-го, рядом с тяжелыми танками серии ИС и самоходкой ИСУ-152, тот же самый КВ смотрелся очень бледно…

Новая эпоха, эпоха безудержной свободы мысли и слова породила целый букет новых, порой весьма экстравагантных, версий объяснения причин военной катастрофы 41-го года. Порог входа в дискуссию радикально снизился; это раньше для того, чтобы опубликовать статью в газете, надо было оби-вать пороги редакций, предъявить ордена, звания, ученую степень… Теперь все просто, и всякий, кого осенила «идея», может через всемирную Сеть ознакомить с ней всю планету.

Многие этим активно пользуются. Мне приходилось читать (и не единожды!) про то, что в штабах вермахта, оказывается, существовало страшное секретное правило, в соответствии с которым в донесениях о потерях использовался тайный «понижающий коэффициент». Одни товарищи считают, что в немецких донесениях цифры потерь занижены ровно в два раза, другие без тени смущения говорят про десятикратное («так им было считать удобнее») занижение потерь. И еще в вермахте, оказывается, безвозвратно потерянным танком считался только тот, кто уже ушел на переплавку, а все остальные, застывшие обугленными коробками на полях, в перечень потерь не включались… При всей своей фарсовости даже эти «версии» заслуживают упоминания – они еще раз подтверждают, что невероятный разгром Красной Армии, произошедший летом 1941 года, не укладывается ни в какие рамки формальной логики и настоятельно требует какого-то объяснения.

Несколько таких «объяснений» предложил молодой к.и.н. А.В. Исаев. Если мне не изменяет память, первым по счету был «догмат о плотностях». Есть в теории военного дела такие понятия: «плотность боевых порядков», «тактическая плотность». Рассчитывается этот параметр делением чего-то на геометрические размеры участка фронта, например: 15 танков на км фронта, 130 орудийных стволов на км, 250 снарядов на гектар и т. д. Иногда используется обратная дробь: 20 км на дивизию, 800 метров на батальон… В боевых уставах указаны и вполне конкретные требования к плотности построения боевых порядков – как при наступлении, так и в обороне.

Так вот г-н Исаев посчитал расстояние от Балтики до Черного моря (причем посчитал правильно, с учетом причудливо петляющей линии границы), разделил километры на количество дивизий в Первом стратегическом эшелоне Красной Армии и пришел к неоспоримому выводу: сдержать наступление вермахта не было никакой возможности! На одну дивизию приходится гораздо больше километров фронта обороны, чем установлено боевым уставом. Поражение было неизбежным!

Публику этот печальный вывод чрезвычайно обрадовал («наконец-то! все так просто, и понятно, и по науке!»), а меня несказанно огорчил. Неужели сейчас в школе уже совсем ничему не учат? Если А больше В, то и частное от деления А на С всегда будет больше частного от деления В на С. При любом, заметьте, С. Количество советских и немецких дивизий можно поделить на ширину фронта, глубину озера Байкал, длину хвоста лошади Жукова – в любом случае, при любых ухищрениях, показатель для Красной Армии получится БОЛЬШЕ! И если 150 советских дивизий было недостаточно для обороны, то как же 120 немецких дивизий смогли на таком бескрайней фронте наступать? Да еще как наступать!

Вторая идея Исаева («меч-кладенец и золотое сечение») просто ошеломляет своей… хм, красотой. «Золотое сечение» – это организационная структура немецкой танковой дивизии (*«Немцы пришли к своему «золотому сечению» организации танковых войск: на 2–3 батальона танков в танковой дивизии вермахта было 4 (или 5, если считать с мотоциклетным) батальона мотопехоты… Именно такая организация танковых войск позволила немцам дойти до стен Москвы, Ленинграда и Киева»*). Сформированная в соответствии с такими пропорциями дивизия – это и есть, по г-ну Исаеву, всесокрушающий «меч-кладе-

нец». А что же в Красной Армии? *«Если называть вещи своими именами, то эффективная организационная структура типа «танковая дивизия» у советской стороны отсутствовала. Наличие организационных структур с названием «танковая дивизия» не должно вводить в заблуждение – решать задачи самостоятельного танкового соединения они были неспособны… Дивизии эти были перегружены танками* (выделено мной. – *М.С.*) *и недогружены мотопехотой и артиллерией*». **[22]**

Феерическая фраза про «перегруженность танковых дивизий танками» настойчиво повторяется на десятках страниц. Советские танковые войска, мощнейшие в мире, объявляются несуществующими только на том основании, что структура танковой дивизии Красной Армии отличалась от соответствующей немецкой структуры обр. 1941 г., причем последняя объявляется непревзойденным идеалом совершенства, позволяющим творить чудеса.

Вся эта «теория» отправляется в утиль простым напоминанием о том, что и в Красной Армии были дивизии самого, что ни на есть, «золотого сечения». Разумеется, речь идет о моторизованной дивизии штата июля 1940 г. Все в ней структурно точно так, как в танковой дивизии вермахта: один танковый, два мотострелковых и артиллерийский полк. И соотношение числа танков и людей, и состав вооружения артиллерийского полка вполне сопоставимые. Вот только «чудо» если и произошло, то совсем в другую сторону…

Что же касается «перегруженности» советских танковых дивизий танками, то «перегруженность» эта, увы, существовала лишь в теории. Практически же, к началу войны среднее количество танков в дивизии было равно 208 единицам (у немцев в среднем по 200 танков в дивизиях Восточного фронта). Дальше – хуже; уже через несколько дней (в лучшем случае – через пару недель) даже в немногих изначально «перегруженных» танками дивизиях осталось по дюжине танков, вот только воевать лучше они от этого не стали. Немцы же с первых дней и часов войны решительно ломали организационные структуры мирного времени – в танковых дивизиях формировались «боевые группы» самого разнообразного количества и состава, которые и вели наступление, нисколько не заморачиваясь золотистостью своего «сечения»…

Военная неудача, тем более – быстрый и сокрушительный разгром, неизбежно влечет за собой поиски шпионов и подозрения в измене. В принципе, эта версия не столь безумна, как может показаться на первый взгляд – если доподлинно известно, что десятки генералов Красной Армии, оказавшись в плену, активно сотрудничали с противником, то нет ничего невероятного в предположении о том, что некоторые могли начать работу на врага еще до попадания в плен[4]. Более того, при всей моей нелюбви к «теории заговора» и прочим конспирологическим схемам, я не могу не признать, что версия «заговора генералов» является первой (из перечисленных в данном обзоре), которая хотя бы теоретически может быть адекватна произошедшему событию.

Плохая конструкция узла смазки верхнего левого поддерживающего катка гусеницы танка или недостаточно «золотая» организационная структура дивизии – это частности, которые изначально непригодны для объяснения катастрофы такого масштаба, которая произошла летом 41-го года с Красной Армией. А вот предательство генералов – дело серьезное, могущее иметь самые сокрушительные последствия. Наконец, некоторые реальные факты действий (а в еще большей степени – бездействия) высшего командования накануне войны не укладываются даже в самые широкие рамки безграничного российского разгильдяйства.

---

[4] 19 августа 1941 г. начальник Генерального штаба РККА, генерал армии г. К. Жуков направил Сталину такой доклад: *«Я считаю, что противник очень хорошо знает всю систему нашей обороны, всю оперативно-стратегическую группировку наших сил и знает ближайшие наши возможности. Видимо, у нас среди очень крупных работников, близко соприкасающихся с общей обстановкой, противник имеет своих людей…»* (Русский Архив, т.16, Великая Отечественная, Ставка ВГК. Документы и материалы, 1941 год – М.: ТЕРРА, 1995. С. 361).

Дело за малым – осталось найти заговорщиков, выявить их умысел, план, контакты с врагом. Ничего подобного по сей день никем не сделано. То, о чем пишут наши знатные конспирологи (Козинкин, Мартиросян, Мухин), настолько нелепо, что принять это всерьез может только тот, кто и без лишних аргументов верит «и в сон, и в чох, и в птичий грай». Пресловутые «генералы-заговорщики» ведут себя как-то очень нелогично: они не пытаются объединить и скоординировать свои усилия, но «изменяют поочередно», друг за другом, из месяца в месяц: от окружения и гибели Западного фронта в июне 41-го через еще большую по размаху и последствиям катастрофу под Киевом (сентябрь 1941 г.) и Вязьмой (октябрь 1941 г.) до сокрушительного и позорного разгрома в Крыму и под Харьковом в мае 1942 г.

На свою беду, сочинители «теории заговора» дружно набросились на генерала армии Д.Г. Павлова, командующего Западным фронтом; «беда» же их в том, что история эта (в отличие от многих подобных) хорошо известна – протоколы допроса и суда над Павловым опубликованы еще в 1992 г. Из документов следует, что даже проведенное известными методами «следствие» не смогло найти никаких следов связи Павлова с немцами. Стоит также отметить, что «изменник» Павлов в ночь на 22 июня, не имея на то разрешения из Москвы (!), отдал приказ о боевой тревоге со вскрытием «красных пакетов». В дальнейшем он не предпринял и малейших попыток перейти к противнику (что в обстановке полного развала фронта было совсем не сложно), более того, послушно «понес повинную голову» в Москву, куда был вызван «на ковер» в первых числах июля; получив новое назначение (заместитель командующего Западным фронтом), немедленно выехал из Москвы на фронт.

Наконец, крайнее изумление вызывает отсутствие со стороны мифических «заговорщиков» малейшей попытки сделать то единственное, что только и могло привести «заговор» к успеху: арестовать (или убить) Сталина. Обратиться к народу, армии, красноармейцам в немецком плену с призывом к антисталинскому восстанию «заговорщики» также забыли. Воля ваша, но так заговоры не устраивают…

Естественным завершением, кульминационной точкой строительства «теории заговора» стала идея о том, что заговорщик был один, и пробрался он на самую вершину государственной власти, а звали его – Сталин. У этой версии есть несколько вариантов.

Непревзойденный рекорд абсурда установил некий г-н Осокин. **[23]** Его сенсационное «открытие» заключается в том, что Сталин якобы заключил с Гитлером наисекретнейшую договоренность, в соответствии с которой Красная Армия концентрировалась у западных границ СССР для того, чтобы сесть в вагоны и отправиться… к берегам Ла-Манша, завоевывать Англию! В качестве ответной любезности Сталин якобы разрешил немецким войскам проехать через территорию Советского Союза в Иран. Однако Гитлер подло обманул Сталина: немцы повыскакивали из вагонов с автоматами и «засученными рукавами» (последнее обстоятельство г-н Осокин особо отмечает) и разгромили Красную Армию, которая – опять же, по условиям тайного соглашения Сталина с Гитлером – ехала к Ла-Маншу налегке, без снарядов и патронов. В качестве одного из косвенных подтверждений своей гипотезы г-н Осокин приводит факт выдачи личному составу некоторых частей Красной Армии трусов вместо кальсон – в трусах, по его мнению, удобнее форсировать Ла-Манш.

Казалось бы, сей феерический бред не заслуживает даже малейшего упоминания – однако обнаружились и другие мнения. Книга Осокина была издана в прекрасном полиграфическом исполнении, затем на бюджетные деньги был снят «документальный» (как это?) фильм, с большой помпой презентованный в Москве; талантливый «первооткрыватель» раздал множество интервью для центральных российских СМИ. Вот эти чудеса объяснить, не прибегая к конспирологическим версиям, действительно трудно.

Еще одну (правда, не столь экстравагантную) версию высказали супруги-пенсионеры Я. Верховский и В. Тырмос. И не просто высказали, но и материализовали ее в виде книги, изданной издательством «Олма-Пресс», известным своим плодотворным сотрудничеством

с архивной службой ФСБ. **[24]** Более того, если верить заявлениям авторов, книга была включена в некий «перечень рекомендуемой литературы», каковой перечень Администрация Президента Российской Федерации якобы рассылает губернаторам и иным высокопоставленным государственным чиновникам.

Верховский и Тырмос подробно развили давно уже присутствующую в блогосфере идею о том, что Сталин преднамеренно позволил Гитлеру нанести сокрушительный первый удар по Красной Армии. Зачем? А для того, чтобы предстать перед миром и, прежде всего, перед президентом США в качестве «жертвы агрессии» и получить за это помощь по ленд-лизу.

Нелепость подобного предположения очевидна. Закон (билль) о ленд-лизе имел официальное наименование «Закон Содействия Обороне США». В нем ничего не было сказано об «агрессии», «жертве агрессии» и пр. Закон предоставил президенту Соединенных Штатов право самостоятельно – без санкции конгресса – принимать решение о передаче вооружения, боеприпасов, иной военной техники странам, поддержка которых важна для обороны США. Для обороны США. Никаких «благотворительных целей», никакой рыцарской «заботы о вдовах и сиротах» закон не предусматривал.

Практически первым и главным (по совокупному объему поставок) получателем ленд-лиза стала Великобритания. И этому отнюдь не помешало то обстоятельство что, формально говоря, «первый выстрел» сделали англичане: Англия объявила войну Германии (а не наоборот), и именно английская авиация нанесла 4 сентября 1939 г. первый бомбовый удар по территории противника; французская армия, ближайший союзник Великобритании, также первой вторглась на территорию Германии 9 сентября 1939 г. Разумеется, принимая решение о политической и военной поддержке Англии и Франции в их войне против гитлеровской Германии, президент и конгресс США руководствовались не юридическим крючкотворством на тему «кто выстрелил первым», а оценкой реальных целей войны и реальных интересов Америки.

Что же касается «репутации» товарища Сталина, то в июне 41-го спасать ее было уже поздно. После всего, что произошло в 1939–1940 годах, после раздела Польши, демонстративно и нагло оформленного «Договором о дружбе и границе» с Гитлером, после агрессии против Финляндии и аннексии трех прибалтийских государств (Эстонии, Латвии и Литвы) никаких шансов предстать перед американцами в качестве невинной жертвы у Сталина не было. «Чума на оба ваши дома» – вот и все, что мог сказать любой гражданин США по поводу драки за передел разбойничьей добычи между Сталиным и Гитлером, в каких бы формах эта драка ни началась. И если в конечном счете Великобритания и Соединенные Штаты признали СССР в качестве своего союзника, то это было обусловлено суровой прозой «реальной политики», а вовсе не романтическим стремлением помочь «невинной жертве агрессии».

Незаурядную идею сформулировал Н. Вольский. Он также считает, что Сталин преднамеренно позволил Гитлеру нанести первый – и не просто первый, но и весьма успешный – удар. Мотивы такого решения Вольский объясняет гораздо серьезнее: *«У кадровой армии (а если брать шире, то и у населения страны в целом) не было мотивации для серьезной войны… Уже в Финляндии выяснилось, что победного марша не получается… Поэтому для осуществления своих планов – действительно, завоевательных – Сталину требовалось реально мотивировать своих подчиненных, начиная от маршалов и кончая сменным мастером на уральском заводе. Заставить всех воевать не на жизнь, а на смерть, могла только смертельная угроза всеобщему существованию».* **[25]**

Звучит логично – но совсем не похоже на стиль и метод тов. Сталина. Как известно, Хозяин отличался большой осторожностью, сдержанностью, осмотрительностью – на грани трусости (малоизвестный факт: тов. Сталин не подписал распоряжение о проведении испы-

тания первой атомной бомбы, так за подписью тов. Берия ее и бабахнули). А то, о чем пишет Н. Вольский, требовало готовности пойти на отчаянный риск, ибо никто заранее не мог предугадать – как отреагирует страна и армия на первые поражения: «приливом холодного бешенства и готовности стоять до конца» (так советский посол в Лондоне И. Майский описывал реакцию англичан на первые бомбардировки люфтваффе) или массовым дезертирством?

Наконец, совершенно несовместимо с намерением «дать Гитлеру немножко попобеждать» размещение в приграничных округах гигантских запасов военного имущества. Если бы намерения Сталина были именно таковы, как их описывает Н. Вольский, то в приграничной полосе «на заклание» оставили бы десятка два стрелковых дивизий, а главные силы кадровой армии, включая драгоценные (во всех смыслах этого слова) мехкорпуса, оказались бы к востоку от Днепра и Западной Двины…

Контрольная работа

Мы не случайно уделили выше столь много места рассмотрению арифметики потерь немецкой и советской армий. Именно вопрос о том, почему потери Красной Армии оказались в десятки раз выше потерь вермахта, подводит нас к разгадке мрачной «тайны» лета 41-го года. У потерь этих очень разная структура. Если у немцев на одного убитого приходится в среднем трое раненых, то в Красной Армии безвозвратные потери в три-четыре раза больше санитарных потерь.

Как такое может быть? Не могла же анатомия и физиология советского и немецкого человека радикально различаться? Разумеется, дело совсем не в анатомии; летом 41-го года в частях Красной Армии безвозвратные потери состояли главным образом (в некоторых случаях – почти полностью) из дезертиров и пленных, убитых же было в 5–6–7 раз меньше. «Войска разрозненными группами разбрелись по лесам», как пишет в своих мемуарах генерал Болдин (в начале войны – заместитель командующего Западным фронтом).

Анализ структуры потерь личного состава подсказал дальнейшее направление исследования. Не менее красноречивыми оказались и потери боевой техники (их динамика, структура, соотношение с потерями аналогичной техники до и после 41-го года, сравнение с потерями противника). После этого оставалось только «подкрутить резкость» и внимательно, по дням и часам рассмотреть реальный ход боевых действий первых недель войны. Таким образом удалось сформировать целостную картину военной катастрофы лета 41-го года.

Результаты работы были изложены мною в книге под названием «Бочка и обручи» (первый тираж вышел в свет в 2004 г.), затем в 2008 г. радикально переработанный вариант этой книги издавался под названием «22 июня. Анатомия катастрофы». Основная концепция была развита и дополнена в книге «23 июня: день «М». Весьма показательным для понимания реального состояния советских Вооруженных сил является история начала 2-й советско-финской войны, подробно рассмотренная в книге «25 июня – глупость или агрессия?». Авиационной «составляющей» истории разгрома 41-го года были посвящены книги «На мирно спящих аэродромах» и двухтомная «Новая хронология катастрофы».

В конечном счете сформировался некий «корпус работ», в котором подробно рассмотрен и предметно аргументирован следующий вывод: главная причина поражения лежит вне сферы проблем оперативного искусства, тактики, количества и качества вооружений. В самой краткой формулировке ответ на вопрос о причине поражения может быть сведен к трем словам: АРМИЯ НЕ ВОЕВАЛА. На полях сражений 1941 г. встретились не две армии, а организованные и работающие как отлаженный часовой механизм Вооруженные силы нацистской Германии с одной стороны, и огромная вооруженная толпа – с другой.

Причины превращения Красной Армии в неуправляемую толпу не имели ничего общего с пресловутым «отсутствием средств связи». **И причиной, и следствием, и главным содержанием процесса стихийного распада армии стали массовое неисполнение приказов, массовое дезертирство (как явное, так и скрытое), массовая сдача в плен.** Советский Союз оказался не готовым к войне с точки зрения «человеческого фактора». В полном противоречии с тем, что десятилетиями вдалбливала советская пропаганда, Красная Армия уступала противнику не в числе пушек, танков и пулеметов, а в готовности, умении и желании солдат исполнить свой долг. В столкновении с настоящим, упорным и стойким противником выяснилось, что **в Красной Армии было много танков, но мало мотивации для вооруженной борьбы.**

Шесть лет назад, в предисловии к «Анатомии катастрофы», я писал: *«Использованная источниковая база имеет явный недостаток: она неполна, фрагментарна и составлена главным образом именно теми людьми, которые в силу своих служебных и партийных обязанностей имели целью скрыть правду об обстоятельствах и причинах катастрофического разгрома Красной Армии… Строго говоря, в этой книге нет ни одного нового документа или факта*». Та книга, которую вы сейчас держите в руках, сделана совершенно иначе – в ней принципиально и последовательно проигнорированы все и всякие сочинения советских «историков»; если они пару раз встречаются в перечне использованной литературы, то это значит, что использованы они были в качестве иллюстрации к какому-то запредельному вранью.

Та же участь постигла и мемуары советских генералов; Бог им всем судия, но сегодня, имея возможность сравнить с реальными документами и фактами то, что они написали (а точнее говоря – что написали за них идейно подкованные «литработники»), трудно избавиться от чувства неловкости и стыда. А если и есть в этом мутном потоке сверкающие крупицы правды, то добыча такого «золота» слишком трудоемка, утомительна, ненадежна; сегодня уже проще воспользоваться первичными архивными документами.

Мои первые книги предоставили читателю новые выводы из общеизвестных (правильнее и честнее сказать – из доступных, но проигнорированных двумя поколениями историков) фактов. В последней книге все точно наоборот: здесь нет новых (новых по отношению к моим прежним работам) выводов, все выводы «старые», но на этот раз они подкреплены тысячами страниц документов из российских и немецких военных архивов; по большей части документы эти ранее никогда не публиковались.

Можно сказать, что эта книга является «контрольной работой». Проверкой и уточнением предыдущих книг. Можете также считать ее «контрольным выстрелом» в набитое опилками чучело советской псевдоистории; теперь ему место – только на свалке.

Часть 1
Накануне

Глава 1.1
Красная Армия обр. 1941 г

В этой главе (как и во всей книге в целом) мы не будем обсуждать процесс, в результате которого Советская Россия, дотла разоренная в ходе многолетней войны (с 1914 по 1920 г.), превратилась в мощнейшую военную державу. Об этом и без того много написано, а нас в данном случае – для изучения и понимания хода боевых действий первых недель советско-германской войны – интересует не метод, не процесс, а конечный результат. Ограничимся лишь короткой цитатой из одного вполне официального документа. 2 апреля 2008 г. Государственная дума приняла специальное Заявление, посвященное памяти жертв голодомора. Там, в частности, сказано: *«В результате голода, вызванного насильственной коллективизацией, пострадали многие регионы РСФСР, Казахстана, Украины, Белоруссии. От голода и болезней, связанных с недоеданием, в 1932–1933 годах там погибло около 7 млн человек. Народы СССР заплатили огромную цену за индустриализацию, за гигантский экономический прорыв, произошедший в те годы…»*

Семь миллионов. Ни одна страна Западной Европы (не считая самой Германии) не понесла в годы Второй мировой войны таких жертв, которые подданные Сталина еще в так называемые «мирные годы» принесли на алтарь форсированной милитаризации СССР. Заставить людей работать Сталин и его соратники умели. Можно (и нужно) спорить о том, насколько рационально были организованы эти великие труды с точки зрения критерия «цена – результат». В любом случае «цена» беспокоила Сталина мало, а результат вышел огромный. Весомый, грубый, зримый.

Циклопические горы накопленного оружия позволили создать крупнейшую в мире сухопутную армию, в составе которой к лету 1941 г. числилось **198 стрелковых** (в том числе 19 горностелковых), **61 танковая, 31 моторизованная, 13 кавалерийских дивизий. Всего 303 дивизии.** А также **94 корпусных** артполка и **74 артполка РГК**, **10 ПТАБРов** (противотанковая артиллерийская бригада РГК), **16 воздушно-десантных бригад**. По принятой традиции, мы не стали включать в этот перечень весьма многочисленные части и соединения войск НКВД.

Стрелковая дивизия

Основой армий первой половины XX века, главной силой в обороне, единственным инструментом, с помощью которого можно было занять территорию и закрепить ее за собой в ходе наступления, была пехота. *«Любая карта с обстановкой на Восточном фронте покажет, что как на главных направлениях большинства оборонительных сражений, так и на участках многочисленных прорывов, действовали прежде всего пехотные дивизии»* (Миддельдорф).

Главным «кирпичиком», основной тактической единицей была пехотная («стрелковая», как она называлась в Красной Армии) дивизия. При конструировании этого весьма сложного и многогранного «кирпичика» необходимо было решить две задачи. Во-первых, обеспечить максимально возможную способность дивизии к самостоятельным, автономным

действиям; дивизия (в идеале) должна все делать сама: подавить противника огнем, обеспечить свои действия разведкой и связью, взорвать мост при отступлении, навести паромную переправу при наступлении, ремонтировать свою боевую технику, лечить заболевших лошадей и чинить конскую упряжь. Во-вторых, во всех этих компонентах дивизия собственной армии не должна уступать дивизиям потенциальных противников.

Последний аспект стоит рассмотреть подробнее. Несмотря на то, что состав, структура и вооружение стрелковой дивизии Красной Армии и пехотной дивизии вермахта не представляют сегодня никакого секрета, несмотря на то, что на бумаге и в Интернете можно без труда найти всю необходимую информацию, вплоть до полного штатного расписания дивизии с перечислением всех положенных ей шорников, почтальонов, гуртовщиков скота и пропагандистов, безграмотные рассуждения о том, что «советская дивизия была вдвое слабее немецкой», все еще не сходят со страниц сочинений отечественных «историков» и журналистов.

Поскольку речь идет о пехоте, то с пехотных подразделений мы и начнем. В стрелковой дивизии Красной Армии три пехотных (стрелковых) полка, по три батальона в каждом. И в немецкой пехотной дивизии три пехотных полка, по три батальона в каждом. Имеет место почти полное тождество. За словом «почти» скрывается некоторое, не принципиально важное, но превосходство советской дивизии. Уже на уровне мельчайшей частички – стрелкового отделения – в дивизии Красной Армии чуть больше людей (11 вместо 10). В немецком пехотном полку взвод связи, а в советском стрелковом полку – рота связи; у немцев саперный взвод, а в полку Красной Армии – саперная рота; аналога роты ПВО и взвода пешей разведки в пехотном полку вермахта нет вовсе. В конечном счете общая численность личного состава стрелкового полка Красной Армии несколько больше численности пехотного полка вермахта: 3182 против 3049 человек.

Разумеется, сравнение одного только количества людей мало о чем говорит применительно к армии XX века (впрочем, уже и в сражениях II века до н. э. всадников считали отдельно от пехотинцев, лучников не смешивали «в одной куче» с тяжеловооруженными латниками и т. д.). Гораздо важнее оценить вооружение советской и немецкой пехоты.

Основой системы огня пехотных частей и подразделений были пулеметы[5]. В советской дивизии один ручной пулемет на стрелковое отделение, и в немецкой – один ручной пулемет на отделение. В советской стрелковой роте 12 ручных пулеметов, и в немецкой пехотной роте 12, в батальонах, соответственно, 36 и 36. С учетом вооружения подразделений полкового уровня всего в стрелковом полку советской дивизии 116 ручных пулеметов, в немецком пехотном полку – 115.

А вот станковых, т. е. более мощных, обеспечивающих лучшую точность и практическую скорострельность пулеметов, в советской дивизии значительно больше. В немецкой пехотной роте станковых пулеметов нет вовсе, а в стрелковой роте Красной Армии есть пулеметный взвод с 2 «максимами». В каждом батальоне, как советской, так и немецкой дивизии, по одной пулеметной роте. В общем итоге в стрелковом полку советской дивизии набирается 54 станковых пулемета, в немецком пехотном – только 36. Разница в плотности огня уже вполне ощутимая.

[5] Совокупный боекомплект патронов в пехотном батальоне вермахта включал в себя 58 тыс. патронов для ручных и станковых пулеметов и всего 24 тыс. патронов для винтовок. Советский норматив 1938 г. «расхода боеприпасов на день напряженного боя» предполагал расход 20 патронов на винтовку и 620 патронов на ручной пулемет, таким образом, уже на уровне отделения пулеметчик расходовал в три раза больше патронов, чем все стрелки вместе взятые; в стрелковом батальоне, с учетом наличия на его вооружении станковых пулеметов с нормативом 1400 патронов на день боя, перевес пулеметного огня над винтовочным становится еще более заметным.

Второй (меньшей) составляющей огневой мощи пехотных подразделений были винтовки. Количество их было примерно одинаковым (123 единицы в стрелковой роте Красной Армии и 130 в пехотной роте вермахта). Существенно различным было качество, точнее говоря – тип используемого оружия.

Немецкий пехотинец был вооружен винтовкой Маузера, затвор которой (так же, как на русской «трехлинейке» Мосина) надо было передернуть «назад-вперед» после каждого выстрела. При этом неизбежно сбивалась наводка, и прицеливание приходилось повторять заново, как следствие – значительное снижение практической скорострельности. Красная Армия накануне войны перевооружалась на самозарядную винтовку Токарева (СВТ-38/40) с магазином на 10 патронов, которая обеспечивала существенно большую скорострельность и плотность огня стрелковых подразделений[6]. Винтовка эта могла на тот момент считаться одним из лучших в мире образцов стрелкового оружия, подтверждением чему может, в частности, служить тот факт, что трофейные СВТ были официально приняты на вооружение вермахта.

По штатному расписанию на вооружении стрелковой роты Красной Армии должно было быть 96 СВТ и 27 обычных «трехлинеек», причем последними вооружались ездовые, писаря, посыльные, бойцы расчета станкового пулемета и миномета, т. е. те, у кого необходимость стрелять из винтовки могла возникнуть лишь во «внештатной ситуации». В дивизии всего 27 стрелковых рот. Для того, чтобы полностью обеспечить их самозарядными винтовками, требовалось 2,6 тыс. СВТ; в целом же по штатному расписанию стрелковой дивизии полагалось 3307 самозарядных винтовок. Фактически к началу войны советская промышленность выпустила порядка 1 млн СВТ, чего с большим запасом хватало для оснащения всех стрелковых дивизий Красной Армии.

Всего же, всех типов винтовок и карабинов, в Красной Армии числилось 7740 тыс. шт. **[30]** В среднем по 33 тыс. на каждую из 236 «расчетных» стрелковых дивизий[7]. Принимая во внимание, что по штатному расписанию стрелковой дивизии полагалось иметь 10 420 винтовок и карабинов, реальную ситуацию можно обозначить словами «три винтовки на одного». Пулеметов (особенно станковых «максим», производство которых в России/СССР продолжалось несколько десятилетий) также было накоплено очень много. В среднем по 722 ручных и 323 станковых на одну «расчетную дивизию». Примерно вдвое больше штатной потребности.

Что же касается так называемых «автоматов» (МП-40 в вермахте, ППД и ППШ в Красной Армии), то это оружие под пистолетный патрон, с дальностью действительного огня не более 200 метров. Их роль в общей системе огня пехотного (стрелкового) полка была ничтожно мала. В вермахте пистолетами-пулеметами вооружались командиры подразделений (всего 16 МП-40 на вооружении пехотной роты), разведчики, саперы, но при этом никаких специальных подразделений «автоматчиков» в штатном расписании пехотной дивизии вермахта не было вовсе (что, конечно же, не исключало возможность создания импровизированных боевых групп, вооруженных «автоматами» и наводящих панику в тылу деморализованных войск противника). В целом пистолетами-пулеметами было вооружено менее 5 % личного состава пехотной дивизии вермахта. В Красной Армии теоретически эта цифра должна была составить 9 % (1204 единицы на дивизию), но фактически к началу войны их было раза в три меньше.

---

[6] Тов. Сталин, выступая 17 апреля 1940 г. на совещании высшего комсостава Красной Армии, говорил: «Боец, у которого 10-зарядная винтовка, он в три раза больше пуль выпустит, чем человек с нашей винтовкой. Боец с самозарядной винтовкой равняется трем бойцам…»

[7] Фактически 198 стрелковых и 31 моторизованная; 13 кавдивизий, исходя из численности личного состава в них, считаются как 7 стрелковых.

Одним только стрелковым оружием вооружение пехотного полка не ограничивалось; в армиях середины XX века пехотный полк имел собственное артиллерийское вооружение: минометы и легкие пушки. Количество и порядок распределения минометов в советской и немецкой дивизиях абсолютно одинаковые: 9 легких (50-мм) и 6 средних (81/82-мм) минометов в каждом пехотном (стрелковом) батальоне, еще 3 легких миномета в разведывательном батальоне. Итого 84 легких и 54 средних минометов на дивизию.

Количество и калибр легких полковых пушек также полностью совпадает: по шесть «трехдюймовок» в полку (правда, с учетом двух таких пушек на вооружении разведбата, пехотная дивизия вермахта имела 20 легких орудий против 18 в стрелковой дивизии Красной Армии). Но вот сами артсистемы были весьма различными. Основная задача полковой артиллерии заключается в том, чтобы, находясь непосредственно в боевых порядках наступающей пехоты, подавлять огневые точки (пулеметы) противника. Соответственно, от такого орудия не требуется ни большая дальность стрельбы, ни особая мощность снаряда, но вес орудия должен позволять расчету катить его по полю боя собственными силами.

Германское командование решило, что главное для полковой пушки – малый вес. В результате была создана система калибра 75 мм, с необычайно низкой начальной скоростью снаряда (221 м/сек, что более соответствует параметрам миномета, нежели орудия стволь-ной артиллерии) и при этом очень легкая – всего 400 кг. Еще одной особенностью немецкого пехотного орудия было раздельное заряжание (снаряд и метательный заряд не связаны в единую конструкцию), что в сочетании с большими углами возвышения ствола позволяло на малых зарядах обстреливать навесным огнем близкорасположенные цели. Заплатить за это пришлось существенным снижением скорострельности по сравнению с унитарным заряжанием.

В Красной Армии пошли другим путем. Советская 76-мм полковая пушка обр. 1927 г. весила вдвое больше немецкого «легкого пехотного орудия», но и разгоняла снаряд до скорости 387 м/сек (кинетическая энергия в 3,5 раза больше); использование унитарного выстрела обеспечивало более высокую скорострельность. В результате: большая точность и дальность стрельбы, возможность поражения малоразмерных и подвижных целей, а на очень коротких дистанциях – даже легкие танки.

С тяжелым артиллерийским вооружением пехотного полка немцы явно ошиблись. 150-мм «тяжелое пехотное орудие» представляло собой «не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку». Ни в одной армии мира, ни до ни после, таких систем в полковой артиллерии не было. Огромный вес (1750 кг в боевом положении) делал практически невозможным перемещение орудия силами расчета по пересеченной местности, а никаких механических транспортеров для него в пехотном полку не было. С другой стороны, очень низкая начальная скорость снаряда (240 м/сек, меньше, чем у советского 120-мм миномета) и обусловленная этим малая дальность стрельбы (4700 м) делали невозможным использование системы в качестве полноценной гаубицы (не говоря уже о том, что в структуре пехотного полка не было подразделений – связь, корректировка, инструментальная разведка, – которые могли бы обеспечить боевое применение тяжелой гаубицы)

Таких «чудо-орудий» в пехотном полку вермахта было два. А на вооружении стрелкового полка Красной Армии было четыре 120-мм миномета. Четыре в два раза больше, чем два, и это еще не вся разница. Советский миномет весил в шесть раз меньше немецкого «тяжелого пехотного орудия», и его перемещение на поле боя особых проблем не создавало. Поражающее воздействие (в артиллерии это называется странно звучащим выражением «могущество снаряда») 16-кг мины 120-мм миномета было вполне достаточным для разрушения основных типов целей (пулеметные гнезда, блиндажи с легким перекрытием) – а ничего большего от полковой артиллерии и не требовалось. Окончательный итог подвела

практика войны – начиная с 1943 г. немцы стали выводить 150-мм орудия из состава вооружения пехотных полков, заменяя их четырьмя 120-мм минометами.

На момент начала войны все положенное стрелковому полку Красной Армии артиллерийское вооружение существовало в натуре. Причем с некоторым запасом. На каждую из 236 «расчетных» дивизий в среднем приходилось 154 миномета калибра 50 мм (вместо 84), 62 миномета калибра 82 мм (вместо 54), 16 минометов калибра 120 мм (вместо 12), 20 полковых 76-мм пушек (вместо 18). **[30, 33]**

Подведем первый, короткий и бесспорный итог: по своему вооружению советский стрелковый полк ни в чем не уступал пехотному полку вермахта, а во многих аспектах и превосходил его.

Сравнение вооружения артиллерии стрелковой дивизии Красной Армии и пехотной дивизии вермахта приводит к еще более простому и однозначному выводу. В советской дивизии два артполка, всего пять артиллерийских дивизионов. В германской пехотной дивизии один артиллерийский полк, всего четыре артиллерийских дивизиона. Дивизионная артиллерия советской дивизии насчитывает 60 стволов, немецкой – 48 стволов. Совокупный вес залпа составляет, соответственно, 1300 кг и 1100 кг. Очевидное превосходство по всем трем параметрам.

Однако такой простой арифметикой превосходство артиллерии советской дивизии не исчерпывается; надо еще оценить сами «стволы». Но для начала – немного необходимой теории.

Все артсистемы делятся на два основных типа: пушки и гаубицы. Разницу между ними проще всего проиллюстрировать конкретным примером. На вооружении вермахта была 105-мм пушка и 150-мм гаубица. Вес систем в боевом положении почти одинаковый (5640 и 5510 кг соответственно), энергетика также весьма схожая (5,23 мДж и 5,82 мДж). Вот только используются эти мегаджоули совсем по-разному: в пушке легкий 15-кг снаряд разгоняется до скорости 835 м/сек (что, кстати, в 2,5 раза больше скорости звука у земли), гаубица же бросает гораздо более тяжелый (43 кг) снаряд со скоростью всего в 520 м/сек.

Разница в технических параметрах обуславливает и существенную разницу в тактике боевого применения. Пушка стреляет настильным огнем (на дистанции выстрела высокоскоростной снаряд движется почти параллельно земной поверхности), прямой наводкой по малоразмерным и/или подвижным целям. Гаубица бросает свой снаряд так, как бросали камни боевые катапульты Древнего мира – высоко в небо. Навесной огонь гаубиц часто ведется с закрытых позиций (т. е. противники не видят друг друга, а управление огнем осуществляется с использованием внешних корректировщиков – наземных или воздушных). Пушка незаменима при стрельбе по танкам, самолетам, амбразурам ДОТов, зато гаубица способна поражать цели, укрытые за обратными скатами высот. При равном весе орудия снаряд гаубицы всегда будет значительно тяжелее и мощнее; с другой стороны, вероятность попадания в малоразмерную цель у гаубицы невысока, а управление гаубичным огнем требует серьезных усилий и ресурсов.

Как видим, применительно к сравнению гаубиц с пушками абсурдно использование слов «лучше» или «хуже»; это разные инструменты для решения разных задач, причем решение этих задач одинаково необходимо для победы в бою. Именно поэтому не иначе как ошибкой следует признать тотальную «гаубизацию» артиллерии пехотной дивизии вермахта. В немецком артиллерийском полку были только гаубицы: 12 тяжелых 150-мм (один дивизион) и 36 легких 105-мм (три дивизиона). А если к этому добавить отсутствие «нормальных» (т. е. с высокой начальной скоростью снаряда) пушек в полковой артиллерии, то получается, что инструмента для поражения точечной подвижной цели в пехотной дивизии вермахта не было вовсе.

Последствия этого отчетливо проявились уже в июне 41-го (о чем будет сказано в десятках документов, которые ждут нас в следующих разделах книги), когда на поле боя появилась такая подвижная точечная цель, как тяжелый танк КВ. Немецкие командиры и солдаты с ужасом обнаружили, что перед этим противником они просто безоружны – противотанковые 37-мм «колотушки» оставляли на броне стального монстра лишь малозаметные вмятины, а более мощной пушки в составе штатного вооружения пехотной дивизии вермахта не было[8].

Состав вооружения артполков стрелковой дивизии Красной Армии гораздо разумнее, возможности боевого применения – шире. Из пяти дивизионов три гаубичные (12 тяжелых 152-мм и 24 легкие 122-мм), один пушечный (12 длинноствольных 76-мм «дивизионок») и один смешанный (4 пушки и 8 легких гаубиц). С учетом того, что советская «легкая» гаубица калибра 122-мм имела в полтора раза более тяжелый снаряд, нежели немецкая 105-мм, гаубичная артиллерия советской стрелковой дивизии (всего 44 ствола) дает совокупный вес залпа больший, чем гаубичная артиллерия немецкой пехотной дивизии (48 стволов). И при этом в дополнение к гаубицам в распоряжении командира советской стрелковой дивизии есть еще и 16 пушек, энергетика которых позволяла пробить лобовую (т. е. самую прочную) броню любого немецкого танка на километровой дальности.

Совсем мало времени займет у нас сравнение зенитного вооружения советской и немецкой дивизии. Тут все просто – на вооружении пехотной дивизии вермахта зенитных средств нет. То есть вообще нет. В это трудно поверить, трудно понять – чем и о чем думали немецкие генералы, составляя такое штатное расписание (книжек советских историков про то, как «на рассвете, ударом по мирно спящим аэродромам вся советская авиация…» тогда еще не было), но от атак с воздуха немецкой пехотной дивизии отбиваться было нечем. А у стрелковой дивизии Красной Армии свой собственный зенитный дивизион, которому по штатному расписанию полагается 8 автоматических 37-мм пушек и 4 средних 76-мм зенитки. И этим перечень зенитных средств стрелковой дивизии отнюдь не исчерпывается.

В каждом стрелковом полку имеется своя рота ПВО, которой по штатному расписанию положено иметь 3 крупнокалиберных (12,7 мм) пулемета ДШК и 6 установок счетверенных пулеметов «максим». В артиллерийских полках по одной счетверенной установке придано каждому из пяти дивизионов. Да, можно согласиться с тем, что такими зенитными средствами можно было скорее напугать летчика, нежели сбить вражеский самолет – так ведь у стрелковой дивизии и задачи другие, нежели у истребительного авиаполка, и если удалось заставить противника занервничать, отклониться от боевого курса, выйти раньше времени из пикирования, то свою работу зенитчики войсковой ПВО выполнили полностью. Да, в данном компоненте реальное наличие вооружения сильно отличалось от штатного: 37-мм автоматы только начали поступать в войска, пулеметов ДШК также повсеместно не хватало; однако выборочное знакомство с документами показывает, что по 10–12 зенитных «стволов» разных типов набиралось почти в каждой дивизии. Мало, спору нет, но у немцев не было ни одного.

Теперь обратимся к такому важнейшему для армий середины XX века показателю, как наличие средств активной противотанковой обороны. На уровне пехотного (стрелкового) полка имеет место полное тождество – по 12 противотанковых пушек на полк. Только пушки разные: в Красной Армии калибра 45 мм, в вермахте – калибра 37 мм. Некоторые товарищи

[8] В пехотные дивизиях т. н. «1-й волны» (одна четвертая от общего числа пехотных дивизий вермахта на Восточном фронте по состоянию на июнь 1941 г.) были 50-мм противотанковые пушки в количестве 2 единицы на пехотный полк; впрочем, и это мало что меняло практически, т. к. пробить стандартным бронебойным снарядом броню КВ такая пушка могла, лишь стреляя в упор).

(например, к.и.н. А. Исаев) долго и упорно объясняли публике, что «*характеристики 37-мм немецкой и 45-мм советской пушек при разных калибрах были сходными как по фугасному действию, так и по возможностям поражения бронецелей».* **[26]** Чудес, однако же, не бывает, а объем и вес тела возрастает пропорционально третьей степени геометрических размеров; соответственно, даже при соблюдении полного геометрического подобия снаряд калибра 45 мм будет в 1,8 раза тяжелее снаряда калибра 37 мм. Но никто не обязывал советских конструкторов сохранять геометрическое подобие, и они разработали для 45-мм пушки осколочный снаряд весом в 2,14 кг, в то время как осколочный снаряд немецкой 37-мм пушки весил 0,62 кг – в три раза меньше!

Тут еще важно отметить, что использование «сорокапятки» в качестве легкого пехотного орудия не было вынужденной импровизацией – такая тактика боевого применения была предусмотрена изначально; в составе штатного боекомплекта 45-мм противотанковых пушек осколочные выстрелы составляли три четверти (!) от общего количества. И снаряды эти были не только на бумаге – миллионы 45-мм выстрелов лежали на складах, план 1941 г. предусматривал выпуск 8,3 млн. осколочных 45-мм выстрелов (и «всего лишь» 2,2 млн бронебойных). **[27]**

Что же касается главного, т. е. борьбы с танками противника, то в этом смысле возможности немецкой 37-мм и советской 45-мм пушки, действительно, были равны (несмотря на то, что по начальной кинетической энергии бронебойного снаряда советская система вдвое превосходила немецкую). И та, и другая уверенно поражала легкие танки с противопульным бронированием и оказалась практически бесполезной[9] при встрече с тяжелыми танками нового поколения (подробнее мы это обсудим в следующей главе).

Если на уровне полка количество противотанковых пушек в немецкой пехотной и советской стрелковой дивизиях одинаковое, то на следующем уровне появляется радикальное различие. В распоряжении командира советской дивизии противотанковый дивизион (18 45-мм пушек), а у командира пехотной дивизии вермахта целый противотанковый батальон[10] (три роты по 12, всего 36 пушек калибра 37 мм). Казалось бы, уж в этом-то случае у немецкой дивизии появляется явное превосходство.

Но не будем спешить с выводами. Противотанковый батальон – это все, что командир пехотной дивизии вермахта может направить в район намечающегося прорыва танков противника. Никаких других пушек, способных бороться с танками, в пехотной дивизии вермахта нет (что уже было отмечено выше). А для командира стрелковой дивизии Красной Армии противотанковый дивизион – лишь один из многих инструментов борьбы с танками. Есть еще 16 длинноствольных 76-мм пушек (начальная скорость снаряда 650–680 м/сек) в составе артиллерийского полка. Летом 1941 г. они гарантированно пробивали лобовую броню любого танка вермахта. Есть еще более мощные 76-мм зенитные пушки в количестве 4 единиц в составе дивизиона ПВО. В сумме это уже дает 18 + 16 + 4 = 38 «стволов». Больше, чем в противотанковом батальоне пехотной дивизии вермахта, и несравненно лучше. А некоторые стрелковые дивизии успели до начала войны получить еще и 37-мм скорострельные зенитки, которые также могли быть с успехом использованы для борьбы против легких танков.

---

[9] Из книг, мемуаров и кино читатель, наверное, знает, что «сорокапятка» простояла на вооружении Красной Армии до самого конца войны. Но это была ДРУГАЯ пушка. При сохранении прежнего калибра в 45 мм новая противотанковая пушка М-42 имела значительно большую длину ствола (60 калибров вместо прежних 46) и усиленный метательный заряд. В результате – возросшая с 760 до 870 м/с начальная скорость снаряда и бронепробиваемость до 60 мм на близких дистанциях.

[10] Имеет место многолетняя дискуссия о том, как в данном случае правильно перевести немецкое слово Abteilung. Применительно к артиллерии оно обычно переводится как «дивизион», но достаточно странно называть дивизионом структуру, на вооружении которой 36 орудий. Поэтому в данной книге принят перевод словом «батальон»; соответственно, входящие в него подразделения называются «ротами», а не «батареями».

Но и это еще не все. В составе дивизии есть разведывательный батальон. Разведбат стрелковой дивизии Красной Армии в два раза меньше немецкого разведбата по численности личного состава (273 и 623 чел.), но несравненно мощнее по вооружению. Разведбат пехотной дивизии вермахта – это, по сути дела, обычный пехотный батальон сокращенного состава; он и использовался часто как передовой отряд наступающей пехоты (что многократно встретится нам в документах следующих разделов книги). В общий перечень средств ПТО он добавляет лишь три 37-мм пушки. А в разведбате советской стрелковой дивизии 16 плавающих пулеметных танкеток Т-37/Т-38 и 10 бронеавтомобилей БА-10; последние вооружены 45-мм пушкой, установленной во вращающейся «танковой» (по виду и конструкции) башне. Вот и еще 10 противотанковых «стволов», причем укрытых броней и высокомобильных.

Мобильность есть важнейшее требование к подразделениям ПТО. Танковая атака всегда скоротечна (расстояние в 1,5–2 км от рубежа развертывания до линии вражеских окопов танк неспешно проползает за 7 минут). Соответственно, противотанковый дивизион, прибывший к месту прорыва с опозданием на полчаса, боевую задачу не выполнил и выполнить уже не сможет – танки противника скрылись за клубами дыма и пыли… Проблема быстроходности ПТО в вермахте была решена отлично. Для транспортировки 37-мм орудий противотанкового дивизиона использовался трех-осный автомобиль Kfz-69. По шоссе эта достаточно легкая (2450 кг) машина с 60-сильным двигателем неслась со скоростью 70 км/час (правда, без орудия – ходовая часть 37-мм пушки не допускала транспортировки со скоростью более 40–50 км/час). Что же касается проходимости, то автомобиль с двумя ведущими задними осями мог считаться «вездеходом» на автомагистралях Бельгии и Франции, но не среди российского бездорожья.

В Советском Союзе пошли другим путем. Командование Красной Армии решило, что средство транспортировки противотанковых орудий должно обладать проходимостью ничуть не меньшей, чем танк. Такая машина – бронированный гусеничный тягач «Комсомолец» – была создана на базе узлов и агрегатов легкого плавающего танка Т-37. Тягач мог буксировать орудия весом до 2 тонн (т. е. все имеющиеся и перспективные противотанковые пушки), преодолевал ров шириной 1,4 м, брод 0,6 м, ломал бронированным носом молодые елочки диаметром до 18 см, разворачивался на площадке диаметром в 5 метров. Благодаря очень низкому удельному давлению гусениц на грунт (0,58 кг/кв. см против 0,9–1,0 у немецких танков) «Комсомолец» обладал проходимостью лучшей, чем любой танк противника. При этом гусеничная машина была вооружена пулеметом в шаровой установке, развивала скорость 47 км/час (по шоссе, без груза и прицепа) и 11 км/час с полной нагрузкой (пушка на прицепе, боеприпасы в кузове) по пересеченной местности.

Таких чудо-машин с 1937 по 1941 год включительно было выпущено 7780 единиц, и к началу войны в частях Красной Армии числилось порядка 6,7 тыс. «Комсомольцев». **[31]** На 18 пушек противотанкового дивизиона по штатному расписанию стрелковой дивизии полагается 21 тягач. Таким образом, простая арифметика показывает, что наличным количеством «Комсомольцев» можно было полностью укомплектовать 319 дивизионов – что почти в полтора раза больше их реального количества[11]. Упомянутых выше плавающих танков Т-37/Т-38/ Т-40 по состоянию на 1 июня 1941 г. в военных округах числилось 3447 единиц. **[32]** В среднем по 15 танков на одну дивизию, т. е. почти полная укомплектованность. Плавали эти танки, конечно же, плохо – хуже прогулочного катера, но могли и лесную речку без брода и моста преодолеть, и противотанковую пушку на огневую позицию отбуксировать.

[11] По состоянию на 22 июня 1941 г. в войсках Киевского ОВО Юго-Западного фронта числилось 1142 тягача «Комсомолец» при штатной потребности в 874 ед. (ЦАМО. Ф. 229. Оп. 157. Д. 20. Л. 6 и 9).

Совершенно уникальным был уровень моторизации гаубичной артиллерии стрелковой дивизии Красной Армии. На три дивизиона (36 гаубиц) по штатному расписанию полагалось 72 трактора (гусеничных тягача), 90 грузовых, 9 специальных и 3 легковые автомашины. Из них 36 тракторов использовались для буксировки орудий, 27 тянули прицепы с боеприпасами, 9 держались в резерве, для замены вышедших из строя. О такой роскоши немецкие артиллеристы не могли даже мечтать – в пехотной дивизии вермахта вся артиллерия на конной тяге. К очевидным преимуществам гусеничного тягача (мощность, проходимость, способность к безостановочному, не знающему усталости движению) следует добавить еще одно, чрезвычайно важное для войны середины XX века – трактор, в отличие от бедного животного, не начинает биться в конвульсиях при виде и звуке низколетящего самолета.

Специализированных артиллерийских тягачей не хватало даже первоочередным потребителям – механизированным корпусам, поэтому гаубичные полки стрелковых дивизий оснащались обычными тракторами (СТЗ-3, ЧТЗ-60, ЧТЗ-65) с моторами мощностью 52–65 л.с. Скорость буксировки была, конечно же, низкой (6–8 км/час), но вполне приемлемой для артиллерии стрелковой дивизии – от идущих пешком солдат орудия не отставали. Что же касается проходимости, то в осеннюю распутицу на российских дорогах-направлениях гусеничный трактор был вне конкуренции.

Для того, чтобы управлять огромной, сложной, много-звенной махиной под названием «стрелковая дивизия», нужна надежная связь. Как «известно» всем и каждому, связи в Красной Армии не было, так как диверсанты перерезали все провода, а про рацию никто в армии и не слыхивал. Про этих диверсантов «знают» даже те, кто ничего другого про историю войны не читал. И это не случайно – диверсанты и вправду были. Каждой из четырех Танковых групп вермахта было придано по одной роте диверсантов из части особого назначения «Бранденбург». В дальнейших главах нас ждут документы, в которых мы найдем конкретный ответ на вопрос о том, как это несметное полчище диверсантов было использовано. Выяснится и то, какой реальный процесс скрывался за словами «связь в частях и соединениях Красной Армии была потеряна». Пока же вернемся к сухим цифрам, и для начала разберемся с самым простым – с геометрией театра военных действий.

Полевой устав (ПУ-39, п. 375) устанавливал ширину полосы обороны дивизии в 8–12 км (в наступлении она еще меньше). В реальности соблюсти эти нормы удавалось не всегда, и мы будем исходить из того, что дивизия обороняется на широком фронте в 20 км. У дивизии есть сосед слева и сосед справа, будем считать, что и у них по 20 км фронта. Дивизии, как правило, входят в состав стрелкового корпуса, штаб которого находится в 20–30 км от передовой. Таким образом, командиру стрелковой дивизии нужна связь с подчиненными ему полками (до них 5–6 км), связь с вышестоящим штабом (20–30 км), связь с командирами соседних дивизий (те же самые 20–30 км максимум). В итоге дистанции более 30 км нигде не наблюдается.

На таком расстоянии оперативную сводку в штаб корпуса можно передать просто с посыльным. Это самый помехозащищенный канал связи из всех, какие только можно придумать. Ходить пешком для этого совсем не обязательно: в составе стрелковой дивизии есть целый батальон связи, на оснащении которого числятся 6 верховых лошадей, 3 мотоцикла, 1 легковой автомобиль и 3 бронеавтомобиля БА-20 (уж с ними-то диверсант точно не справится). Еще в батальоне держат 18 служебных собак, как раз для того, чтобы пересылать с ними шифрованные донесения. На расстоянии в 10–20 км «средством связи» вполне могут служить и сигнальные ракеты, костры, цветные дымы и пр.

Так, с такими средствами связи (правда, без мотоциклов и автомобилей) воевали Суворов и Наполеон, и у них отлично получалось! В конце XIX века появился телефон. Телефонов в Красной Армии было много, а именно – 252 376 штук по состоянию на 1 января 1941 г. **[28]** В среднем – более 800 аппаратов на каждую из 303 дивизий. Телефонные аппараты

надо соединить проводами. Провода также были. По состоянию на 1 июня 1941 г. в Красной Армии числилось 71 тыс. км телефонного кабеля 2-проводного, 315 тыс. км телефонного кабеля 1-проводного и 35 тыс. км кабеля телеграфного. **[29]** Таким количеством проводов можно было обмотать Землю по экватору 10 раз. В пересчете на одну дивизию получается в среднем по 1400 км провода.

Для того, чтобы не таскать тяжеленные катушки с проводом на себе, в батальоне связи 11 грузовиков. Провода надо раскатать, уложить, подсоединить к аппаратам. Для этого нужны люди. Люди были. В каждом стрелковом полку Красной Армии – рота связи. 60 человек в каждой. В батальоне связи дивизии 278 человек. И еще взвод связи в составе разведбата. В одной дивизии связистов примерно столько же, сколько было немецких диверсантов на всем Восточном фронте.

В стрелковой дивизии, темп наступления которой даже в самых оптимистичных расчетах не превосходил 10 км в день, проводные телефонные линии в принципе могли обеспечить всю необходимую связь. И тем не менее, пехоте Красной Армии полагались и средства радиосвязи. 24 радиостанции в каждом стрелковом полку. 37 радиостанций в гаубичном артиллерийском полку, 25 радиостанций в легком артиллерийском полку, 10 в зенитном дивизионе, три радиостанции в батальоне связи дивизии, три радиостанции в разведбате… Всего по штатному расписанию в стрелковой дивизии 153 (сто пятьдесят три) радиостанции. Запомните эту цифру, уважаемый читатель. И поймите, что когда «историки» определенной идеологической ориентации начинают жалобные причитания на тему «средствами радиосвязи дивизии округа были обеспечены всего лишь на 30 процентов», то они рассказывают вам про то, как диверсанты перерезали провода дивизии, в которой было не 153, а только 46 радиостанций.

Теперь от количества перейдем к качеству. Радиостанции подразделялись на т. н. «полковые» и «батальонные». В качестве «полковой» использовалась, как правило, радиостанция 5-АК (принята на вооружение в 1939 г.). Мощность передатчика 20 Вт, радиус действия 25 км при телефонной и 50 км – при телеграфной связи. Как видим, «полковая» радиостанция практически могла обеспечить связь в звене «дивизия-корпус». И таких раций в дивизии по штатному расписанию должно было быть 19 штук (в частности, 3 в разведбате).

В качестве «батальонных» использовались легкие переносные радиостанции мощностью в 1,5–3 Вт (РБ, 6-ПК, РБК, РБС, РРУ и др.). Вопреки распространенному заблуждению, были среди них и радиостанции, работающие в УКВ-диапазоне (например, РРУ, имевшая 58 фиксированных настроек в диапазоне 33,25–40,5 МГц).

Это – теория. А что же на деле? Фактическая оснащенность Красной Армии средствами радиосвязи по состоянию на 1 июня 1941 г. была следующей: **6729 радиостанций 5-АК и 41 735 батальонных радиостанций** названных выше типов. **[29]** На самом деле, их было еще больше, т. к. документ, из которого взяты эти цифры, называется «Ведомость наличия средств связи в военных округах», а кроме округов есть еще и центральные учреждения Вооруженных сил. В частности, в Западном ОВО (большая часть рассказов про «диверсантов перерезавших» связана именно с первыми днями войны в Белоруссии) числилось 708 раций 5-АК и 5011 батальонных. В среднем по 10 полковых и 73 батальонные радиостанции на каждого «потребителя» (44 дивизии всех типов и 25 отдельных артполков).

Разумеется, не были забыты и штабы крупных соединений. Для организации связи в звене «корпус-армия-фронт» массово выпускались радиостанции РСБ и РСМК (мощность 80 Вт), 11-АК и РАФ (мощность 500 Вт). Их к 1 июня 1941 г. совокупно насчитывалось **1638 шт**. В среднем по 18 штук на каждый стрелковый и механизированный корпус (а в корпусе три, самое большее – четыре дивизии, каждой из которых полагалась одна РСБ, плюс линии связи командования корпуса с соседями и штабом Армии). В частности, в Западном ОВО

было 89 мощных 11-АК и РАФ (они указаны одной строкой) и 57 РСБ – и это не считая 34 стационарные армейские радиостанции разных типов. В соседнем Киевском округе, соответственно, 107, 92 и 53.

Как все это было использовано? Подробно об этом пойдет речь в следующих главах, но один примечательный документ стоит привести уже сейчас. В первых числах (цифра в документе неразборчива) июля 1941 г. Военный совет 5-й Армии Юго-Западного фронта направляет в штабы подчиненных ему корпусов директиву, которая начинается с констатации следующих фактов:

«На протяжении всех военных действий нашей Армии связь по радио с механизированными корпусами, как единственное средство связи, работает крайне неустойчиво по вине начальников связи корпусов. Установлено, что радиосвязь, как правило, пропадает с наступлением ночи, в то время как атмосферные данные для работы радио ночью являются самыми благоприятными. Это говорит о том, что или же работа прекращается из-за боязни быть запеленгованными, или же просто радисты спят. Как правило, при свертывании раций для передвижения об этом не доносят. Таблица радиосигналов совершенно игнорируется, и сигналами для донесения корпуса не пользуются. В особенности на всем протяжении действий безобразное отношение к вопросу установления радиосвязи наблюдается со стороны штаба 22 МК. По докладу капитана Филимонова рация 22 МК на протяжении 2-х суток совершенно не работала из-за того, что застряла в болоте, и об этом никто не доносит. Мало того, распоряжением начальника связи этого корпуса рация переходит для работы только на прием – опять же по причине боязни быть запеленгованным…» **[277]**

Вернемся, однако, к стрелковой дивизии Красной Армии и сопоставлению ее возможностей с пехотной дивизией вермахта. Были и такие параметры, по которым немецкая дивизия бесспорно превосходила советскую. Прежде всего – мотоциклы. Пехотной дивизии вермахта полагалось 530 мотоциклов (в том числе 190 с колясками), а по штату советской дивизии их всего 14. Специальных подразделений мотоциклистов в немецкой пехотной дивизии не было, но мотоциклами были густо насыщены практически все части дивизии: на них ездили связисты, разведчики, курьеры, посыльные, врачи и пр. Еще одна строка в списке матчасти дивизии – легковые автомобили. Их у немцев 394 против 19 в стрелковой дивизии Красной Армии.

Арифметическое превосходство налицо. Тактическое не столь велико, как может показаться с первого взгляда. Большая часть командного состава советской стрелковой дивизии должна была ездить верхом (для этого в штате дивизии было предусмотрено 616 верховых лошадей). Спору нет, немецкий офицер в легковом автомобиле перемещался в пространстве быстрее и с несравненно большим комфортом – до тех пор, пока этим пространством были брусчатые мостовые старой доброй Европы. В осеннюю распутицу, на тех направлениях, которые в России назывались «дорогами», легковой автомобиль или останавливался вовсе, или его приходилось буксировать парой лошадей (есть соответствующие фотографии)…

Как бы то ни было, но основная масса личного состава пехотной дивизии вермахта шла пешком. Вся артиллерия (кроме противотанковой) была на конной тяге. Именно эти два факта и определяли возможный темп марша. Обилие легких транспортных средств (мотоциклы и легковые автомобили) ничего тут изменить не могло – хотя, конечно же, их наличие повышало общий боевой потенциал дивизии. Что же касается грузовых автомобилей (а это – подвижность тылов, доставка боеприпасов), то цифры штатного расписания вполне сопоставимые (615 в пехотной дивизии вермахта и 529 в советской стрелковой). Сразу же отметим, что такое количество машин могло появиться в дивизии Красной Армии только после проведения открытой мобилизации.

Последнее – и по порядку, и по значимости – это количество людей. Людей в пехотной дивизии вермахта было на 16 % больше, чем в стрелковой дивизии Красной Армии (16 859 против 14 483). Объяснение этому самое простое. Прежде всего, в немецкой дивизии более многочисленные тылы, там примерно на 2 тыс. человек больше, чем в советской дивизии. Во-вторых, немецкое штатное расписание почти повсеместно предполагает большее количество людей на единицу оружия; так, например, расчет станкового пулемета у немцев состоит из четырех (!) человек, при этом стреляет, разумеется, только один. У немцев в артиллерийском полку 2696 человек на 48 орудий, а в двух артполках советской стрелковой дивизии 2315 человек на 60 орудий, и т. д. Наконец, в составе пехотной дивизии вермахта есть целый «полевой запасной батальон» (876 человек по штату), чего в советской дивизии не было вовсе.

Резюме. В боевых частях и подразделениях советской стрелковой и немецкой пехотной дивизий примерно равное количество людей и оружия, артиллерия стрелковой дивизии мощнее и мобильнее (мехтяга), средств ПВО и ПТО в советской дивизии больше, автотранспорта и тыловых структур больше у немцев. В общем и целом – вполне равноценные соединения. И это, разумеется, не случайное совпадение – Генеральные штабы в Москве и Берлине внимательно следили за строительством Вооруженных сил потенциального противника.

Артиллерия и боеприпасы

Беспощадным «богом войны» в вооруженных конфликтах первой половины XX столетия была артиллерия. Не элегантный, стремительный самолет-истребитель, и не грозный танк, а простые и незатейливые с виду миномет и пушка лавиной огня разрушали оборонительные укрепления и командные пункты, быстро и безжалостно уничтожали поднявшегося в атаку противника (на их счету половина всех убитых и раненых во 2-й МВ), прокладывали дорогу своим танкам и пехоте.

Поясним сказанное одним, достаточно условным, но показательным расчетом – сравним возможности гаубичного артполка и бомбардировочного авиаполка. Корпусной артполк – это три дивизиона, всего 36 орудий. Предположим, что это 152-мм гаубицы. Норматив расхода «на день напряженного боя» составляет для них 72 снаряда; снаряды бывают разные, но возьмем типовой 40-кг осколочно-фугасный. Итого, полк способен «выложить», как говорят артиллеристы, 104 тонны. При этом важно подчеркнуть, что упомянутый выше норматив – это расчетная снабженческая единица, к техническим возможностям орудия он никакого отношения не имеет. 72 снаряда гаубица без особого напряжения расчета и техника отстреляет за один час. При наличии снарядов (и с необходимыми перерывами для охлаждения ствола) цифру в 104 тонны можно и удвоить, и утроить, и учетверить…

Бомбардировочный полк фронтовой авиации лета 1941 года – это 60 бомбардировщиков СБ. Затраты материальных ресурсов на вооружение, оснащение, обслуживание авиаполка и аэродромов, на подготовку летчиков и наземного технического персонала просто несопоставимы с затратами на артиллерийский полк. И что эти затраты дают в результате? В редчайших случаях бомбардировочный полк выполнял за день 60 самолето-вылетов и сбрасывал на врага 36 тонн бомб (типовая загрузка – шесть бомб ФАБ-100). Да и эти тонны самолеты могли поднять только днем, в хорошую погоду, а артиллерия молотила врага круглосуточно и круглогодично. Для полноты картины надо еще учесть, что артиллерия – при тщательной пристрелке и качественной работе корректировщиков – бьет весьма точно, а

«горизонтальные бомбардировщики» той эпохи даже в полигонных условиях едва попадали в круг радиусом 300 метров[12].

Сразу же отметим, что товарищ Сталин артиллерию любил и ценил, ее роль и значение отчетливо понимал. На совещании по итогам войны с Финляндией (17 апреля 1940 г.) он говорил: *«Современная война требует массовой артиллерии. В современной войне артиллерия – это Бог… Кто хочет перестроиться на новый современный лад, он должен понять, что артиллерия решает судьбу войны, массовая артиллерия…»* Понимание нашло свое выражение в конкретных делах – см. Таблицу 1 (составлена по **3** и **33**).

Таблица 1

	СССР	Германия
82-мм (81-мм) минометы	14 524	11 767
76-мм (75-мм) полковые и горные пушки	6785	4176
76-мм дивизионные пушки	8513	–
120-мм минометы (150-мм «пехотные орудия»)	3872	867
105-мм гаубицы	–	7076
122-мм гаубицы	8124	–
107-мм (105-мм) пушки	862	760
152-мм (150-мм) гаубицы	3817	2867
122-мм пушки А-19	1255	–
152-мм пушки-гаубицы МЛ-20	2603	–
203-мм (210-мм) гаубицы	871	388

Как видим, по всем позициям, по всем основным калибрам артиллерийских систем к моменту начала войны Красная Армия располагала большим числом стволов, чем ее противник.

Совершенное отсутствие в пехотной дивизии вермахта хоть какого-то аналога советской дивизионной пушки было уже отмечено выше. С другой стороны, в СССР 76-мм «дивизионок» наделали с таким избытком, что их порой ставили на вооружение артиллерийских батарей стрелковых полков, где штатно должны были быть легкие короткоствольные 76-мм пушки. В качестве самой массовой дивизионной гаубицы (а это и есть главная труженица войны) Красная Армия использует 122-мм систему, вес снаряда которой значительно (на 45 %) превосходит вес снаряда 105-мм немецкой гаубицы (22 кг против 15 кг).

Еще более заметным становится превосходство артиллерии Красной Армии на следующем уровне, в корпусах и армиях. В отдельных артиллерийских дивизионах, придаваемых пехотным соединениям вермахта, использовались 105-мм пушки и те же самые 150-мм гаубицы, которые стояли на вооружении артполков пехотных дивизий. На этапе подготовки к вторжению в СССР было принято решение ввести тяжелый дивизион (12 гаубиц калибра 150-мм или 8 таких гаубиц и 4 105-мм пушки) в состав артполка танковых дивизий; для этого, действуя по методу «тришкина кафтана», командованию вермахта пришлось расформировать 17 отдельных артдивизионов.

В конечном счете (и не учитывая пока артиллерию т. н. «большой мощности», т. е. гаубицы калибра более 200 мм и пушки калибра 150 мм и более) к июню 1941 г. вермахт

[12] Сказанное вовсе не означает, что «авиацию придумали зря». Авиация радикально превосходит ствольную артиллерию по меньшей мере в трех параметрах: дальность «стрельбы», вес единичного боеприпаса, оперативная мобильность. Авиация решает такие задачи, которые артиллерия не способна решить в принципе. Но в том, что касается непосредственной огневой поддержки сухопутных войск, решающая роль артиллерии в эпоху 2 – й МВ бесспорна.

имел в своем составе, на всех фронтах и направлениях, 33 пушечных, 38 гаубичных и 12 т. н. «смешанных» (8 гаубиц + 4 пушки) дивизионов. Всего 83 дивизиона.

В Красной Армии на тот момент развертывалось (не учитывая артиллерию «большой мощности») 133 отдельных артполка (94 корпусных, 12 пушечных РГК и 27 гаубичных РГК). (**3, 19, 33**) Полков было в полтора раза больше, чем у немцев дивизионов! Полки эти были разной структуры, но в основном трехдивизионного состава. Наличного количества орудий (в общей сложности 4,7 тыс. единиц) в основном хватало для их полного укомплектования. Но и останавливаться на достигнутом никто не собирался – утвержденный 7 февраля 1941 г. план производства артиллерийского вооружения на 1941 г. предполагал выпуск еще 2 тыс. орудий (300 пушек калибра 107 мм, 600 пушек калибра 122 мм и 1100 пушек-гаубиц калибра 152 мм). **[34]**

Многократное количественное превосходство дополнялось существенным превосходством в ТТХ артсистем (см. Таблицу 2)

Таблица 2

	Вес	Вес снаряда	Дальность, км
105-мм пушка К.18	5640	15	19,1
150-мм гаубица s.F.H.18	5510	44	13,3
122-мм пушка А-19	7155	25	20,4
152-мм пушка-гаубица МЛ-20	7130	43	17,2

Удивительно, но факт – единственной артсистемой вермахта, пригодной для стрельбы на дальность в «20-км диапазоне», была 105-мм пушка К.18[13]. Однако по весу снаряда эта система не идет ни в какое сравнение с советскими А-19 и МЛ-20. Что же касается основной немецкой 150-мм гаубицы, то она, имея равный с МЛ-20 вес снаряда, уступала советским корпусным орудиям в дальности стрельбы на 4–7 км. Такое количество начинает уже переходить в качество, т. к. в условиях артиллерийской дуэли (контрбатарейной борьбы, выражаясь строгим военным языком) разница в досягаемости на 4–7 км позволяет – при наличии необходимого «человеческого фактора», т. е. грамотного командира и обученных артиллеристов, – подавить батарею противника, оставаясь при этом в относительной безопасности. Великолепные орудия А-19 и МЛ-20 оставались на вооружении советской армии несколько десятилетий после окончания 2-й МВ, а в армиях сателлитов СССР – вплоть до конца XX столетия.

Для разрушения особо прочных оборонительных сооружений (железобетонные ДОТы) предполагалось использовать тяжелые артсистемы (артиллерия «большой» и «особой» мощности, по принятой в СССР терминологии). Советские историки неустанно подчеркивали, что увлечение тяжелыми артсистемами наглядно и убедительно демонстрирует агрессивные устремления германского милитаризма. Огромные орудия весом по 15–20 и более тонн, на тяжелых колесных, гусеничных или даже железнодорожных платформах стоили недешево, но на Гитлера, как известно, работала вся Европа.

С помощью «всей Европы» (т. е. с использованием орудий чешского и французского производства) в вермахте удалось сформировать 41 дивизион, на вооружении которых числилось 388 гаубиц калибра 210 мм[14] и 40 тяжелых 173-мм пушек. Кроме того, было раз-

[13] Разумеется, речь идет о массовых системах, поступавших на вооружение в тысячах единиц; при этом мы оставляем за скобками «штучные» образцы, например, превосходную по своим ТТХ немецкую 150-мм пушку, выпуск которой составил 101 ед. за 4 года.

[14] В вермахте они назывались «мортирами», хотя по длине ствола (31 калибр) и максимальной скорости снаряда (565 м/сек) это были скорее тяжелые гаубицы-пушки.

вернуто 7 дивизионов, вооруженных 150-мм пушками (по штату в каждом таком дивизионе должно было быть 9 орудий). **[33]** Всего набирается без малого 500 тяжелых артсистем («экзотику» вроде 600-мм мортир мы обсуждать не будем, т. к. заметной роли в событиях лета 41-го года они не сыграли).

На Сталина Европа не работала, а политика его была, как всем известно, неизменно миролюбивой. В результате к июню 1941 г. в Красной Армии числились 871 гаубица калибра 203 мм, 47 новейших мортир Бр-5 калибра 280 мм и 38 тяжелых пушек Бр-2 калибра 150 мм. **[3]** Итого (не считая «экзотику») 956 артсистем крупного калибра. Основной структурной единицей были гаубичные полки РГК большой мощности, по три дивизиона в каждом (было два разных штата – по 24 и 36 орудий в полку), на вооружение которых поступали 203-мм гаубицы Б-4. Таких полков развертывалось 33 (по другим источникам – 34), и это был один из немногих структурных элементов советской артиллерии, в котором наличного количества орудий заметно не хватало для полного укомплектования по штатам военного времени. В результате пришлось довольствоваться всего лишь двойным численным превосходством над вермахтом.

Верная своим традициям[15], советская историческая пропаганда, умалчивая о реальных фактах превосходства советской артиллерии, соорудила развесистый миф о «катюше». В сотнях книг и газетных статей было рассказано о том, как «ретрограды» из Главного артиллерийского управления тормозили разработку этого «чудо-оружия», но правда восторжествовала, за день до начала войны реактивная установка залпового огня БМ-13 была принята на вооружение, и уже 14 июля 1941 г. батарея «катюш» нанесла первый сокрушительный удар. *«Батарея стерла с лица земли железнодорожный узел Орша… Боевая эффективность нового оружия превзошла все ожидания… Впоследствии с этого участка фронта гитлеровцы вывезли три эшелона убитых* (их-то куда повезли?) *и раненых».* В дальнейшем *«гитлеровцы пытались, но до самого конца войны так и не смогли создать ничего подобного».*

Ничего подобного на вооружении вермахта, действительно, не было. И не случайно. Пороховые ракеты были известны еще древним китайцам, и в средневековых летописях встречаются разрозненные упоминания об использовании при осадах крепостей чего-то похожего на ракету. Но для того, чтобы превратить новогоднюю «шутиху» в систему оружия, способную не только «навести панический ужас на врага», но и уничтожить заданную цель, необходимо было решить целый ряд сложных научно-технических вопросов. Первейшим из них был выбор способа стабилизации траектории полета ракеты.

Разработчики советских неуправляемых ракет выбрали аэродинамическую стабилизацию. Ту самую, которая успешно используется в военном деле, начиная с оперенной стрелы для лука или арбалета. Просто, дешево, но для эффективной стабилизации нужна достаточно высокая скорость полета (аэродинамические силы зависят от квадрата скорости потока воздуха). Ракетный снаряд калибра 82-мм (РС-82) с аэродинамической стабилизацией был разработан и успешно применялся советской боевой авиацией еще начиная с боев у Халхин-Гола. Для авиации это было дважды удачное решение. Во-первых, к моменту пуска ракета уже движется относительно воздушной среды со скоростью 100–120 м/сек. Во-вторых, «все познается в сравнении» – на фоне основного на тот момент стрелкового вооружения самолетов (пулеметы винтовочного калибра и легкие 20-мм пушки) РС-82 был необычайно мощным инструментом огневой поддержки наземных войск.

---

[15] Самым прославленным диверсантом усилиями этой пропаганды стала несчастная девушка, пытавшаяся поджечь конюшню в занятом немцами селе, самым знаменитым летчиком – командир экипажа сбитого в первых же вылетах бомбардировщика, самым известным образцом мужества советских воинов – вымышленная от начала и до конца история «про 28 панфиловцев и 50 танков». При этом сотни реальных примеров героических и успешных действий бойцов и командиров Красной Армии оказались безнадежно забытыми.

Попытка использовать те же подходы для создания наземной системы реактивной артиллерии с неизбежностью вела в тупик. Для того, чтобы к моменту схода ракеты с направляющих она обладала достаточной скоростью, сами направляющие приходилось делать длинными (5 и более метров), что увеличивало габариты и вес установки (пусковая установка «катюши» – разумеется, без учета веса автомобиля – весила 2200–2300 кг), а в структуре веса ракеты большую часть занимал маршевый двигатель. Впрочем, и при этих усилиях и затратах рассеивание ракетных снарядов было огромным (по таблицам 1942 г. при дальности стрельбы 3000 м боковое отклонение составляло 51 м, отклонение по дальности – 257 м).

Немецкие инженеры, ставшие в конце 30-х годов абсолютными мировыми лидерами в ракетостроении, пошли другим путем. Реактивные снаряды германской армии стабилизировались вращением, которое обеспечивалось истечением раскаленных газов через систему сопел, установленных под углом к продольной оси снаряда. Мало того, что такой способ стабилизации обеспечивал несравненно большую кучность стрельбы; для вращающегося неоперенного снаряда скорость схода с направляющей почти не влияет на стабильность траектории. Это позволило сделать низкоскоростной снаряд, в котором большая часть веса приходится на боевую часть, поражающую противника; сами направляющие при этом могли быть очень короткими и легкими.

Наибольшее распространение получила 6-ствольная пусковая установка для 150-мм ракет (в отечественной литературе часто называемая «шестиствольным минометом», что технически неверно), которая в походном положении весила всего 515 кг, могла буксироваться любым автомобилем, конной упряжкой, перекатываться по полю боя усилиями расчета. Принцип стабилизации вращением, не требующий большой скорости полета снаряда, позволил от 150-мм перейти к еще более тяжелым, 280-мм и 320-мм ракетам. Боевая часть первой снаряжалась 45 кг ВВ (в десять раз больше, чем в 132-мм снаряде «катюши») и при прямом попадании разрушала кирпичный дом; 320-мм ракета снаряжалась 50 кг огнесмеси, способной вызвать на площади в 200 кв. м пожар с высотой пламени до 2 м.

Таким образом немцам удалось создать высокоэффективную систему оружия, занявшую свою специфическую «нишу»: легкая, дешевая, мобильная установка, способная при малой дальности стрельбы нанести удар, сопоставимый с огнем артиллерии большой мощности. Окончательный итог «соревнования конструкторов» подвела практика боевого применения: уже в 1943 г. в СССР начались работы по модернизации реактивного снаряда «катюши» с использованием раскрутки снаряда истечением газов из косо расположенных сопел. Принятые в начале 50-х годов на вооружение советской армии системы БМ-14 и БМ-24 использовали неоперенные вращающиеся реактивные снаряды, практически полностью повторявшие основные технические решения немецких инженеров.

Система «Небельверфер»[16] была принята на вооружение вермахта в 1940 г. К июню 41-го, на тот момент, когда в Москве еще только подписывали бумаги о постановке «катюши» на вооружение, в составе вермахта числилось 18 дивизионов реактивных минометов (по 18 пусковых установок в каждом); они приняли участие в боях с первых же часов вторжения в СССР.

Среди всех составляющих матчасти артиллерии важнейшим следует признать боеприпасы. В конечном счете именно снаряд (мина) является той «полезной нагрузкой», ради доставки которой к цели работает весь огромный комплекс, состоящий из людей, орудий, артиллерийских тягачей, грузовых автомобилей, линий связи, самолетов-корректировщиков и пр. В эпоху 2-й МВ низкая точность стрельбы компенсировалась огромным расходом

[16] «Метатель дыма» в дословном переводе; название связано с тем, что изначально система разрабатывалась как средство доставки химического оружия и постановки дымовых завес, т. е. средств поражения, не требующих высокой точности доставки.

боеприпасов (на подавление одной пулеметной точки по нормативам предполагалось израсходовать 60–80 снарядов). В результате даже по самой простой характеристике – по совокупному весу – артиллерийские снаряды значительно превосходили орудие, при помощи которого их отправляли на голову врагу.

Так, установленный приказом НКО № 0182 (по странной иронии истории приказ этот был подписан 9 мая 1941 г.) боекомплект к самой массовой в Красной Армии 122-мм гаубице составлял 80 выстрелов. С учетом веса снаряда, заряда и укупорки (снарядного ящика) полный вес одного боекомплекта (порядка 2,5 тонны) был чуть больше веса самой гаубицы. Одним боекомплектом, однако, много не навоюешь. Как правило, на проведение наступательной операции (что в календарном исчислении соответствует 15–20 дням) планировался расход боеприпасов в размере 4–5 боекомплектов[17], таким образом, вес израсходованных в ходе операции боеприпасов многократно превосходил вес орудий. В 1941 г. вермахт израсходовал на Восточном фронте порядка 580 килотонн боеприпасов всех видов, что примерно в 15 раз превышает совокупный вес всех действующих на фронте артсистем.

По условиям Версальского мирного договора страны-победители установили для Германии жесткие ограничения: она имела право иметь на вооружении рейхсвера по 1000 артвыстрелов на каждое из 204 орудий калибра 75 мм и по 800 выстрелов на каждую из 84 гаубиц калибра 105 мм. Всего 217 тыс. снарядов. Мизерное – в сравнении с армиями великих держав – количество орудий и боеприпасов. Когда весной 1935 г. Гитлер заявил о выходе Германии из подчинения условиям Версальского договора, до начала мировой войны оставалось чуть более 4 лет. История отпустила Гитлеру мало времени, а природа – еще меньше сырьевых ресурсов (с добычей меди, свинца, олова, селитры в Германии, как известно, напряженка). Советский Союз находился в несравненно лучшем положении; тем более показательной является разница приоритетов, с которыми две тоталитарные диктатуры готовились к войне (см. Таблицы 1, 3, 4)

Таблица 3

Боеприпасы (млн. шт.)	Германия	СССР
81-мм (82-мм, 107-мм) минометы	12,7	12,1
75-мм (76-мм) полевые пушки	8,0	16,4
105-мм (122-мм) гаубицы	25,8	6,7
150-мм (152-мм) гаубицы и г-п	7,1	4,6

Таблица 4

Боеприпасы на один ствол:	Германия	СССР
81-мм (82-мм, 107-мм) минометы	1100	600
75-мм (76-мм) полевые пушки	1900	1100
105-мм (122-мм) гаубицы	3650	800
150-мм (152-мм) гаубицы и г-п	1900	717

Ситуация, как видим, достаточно парадоксальная. Значительно превосходя вермахт по числу орудий всех основных калибров, Красная Армия уступала своему будущему против-

[17] Например, в первоначальном (от 29 октября 1939 г.) плане разгрома финской армии на Карельском перешейке планировался следующий расход боеприпасов: 1 боекомплект для боя в приграничной полосе, 3 боекомплекта на прорыв укрепленного района («линии Маннергейма») и 1 боекомплект на последующее преследование отступающего противника.

нику и по общему количеству накопленных боеприпасов (к июню 41-го Германия имела порядка 740 килотонн снарядов ствольной артиллерии средних калибров, а Советский Союз – 450 килотонн), и по удельному числу снарядов в пересчете на один ствол. Причем по последнему показателю соотношение ресурсов сторон многократное.

Здесь не случайно использованы слова «соотношение ресурсов» вместо короткого слова «превосходство». Много снарядов на один ствол – это и не хорошо, и не плохо; **это разные подходы к планированию войны**. Несколько тысяч снарядов на орудие позволяют воевать долго, проводя одну операцию за другой. Большое число «стволов» при малом количестве снарядов к каждому из них – это способность к нанесению одного короткого, но сокрушительного удара. Гитлер, как известно всем и каждому, готовил свою армию к «блицкригу», молниеносной войне. К чему же – если судить по цифрам в Таблице 4 – готовился Сталин?

Впрочем, самым верным критерием оценки количества накопленных боеприпасов будет сравнение числа снарядов не со стволами, а с поставленными задачами. Например, по установленным в конце войны на основании практического опыта нормативам (а нормативы эти многократно превосходили довоенные представления!) для уничтожения всех огневых средств пехотной дивизии вермахта требовалось «выложить» 50 тыс. снарядов 122-мм гаубицы. А к началу войны непосредственно в пяти западных приграничных округах (не считая «занаряженные» для них запасы центра) было сосредоточено 3,38 млн выстрелов[18] к 122-мм гаубице (в среднем по 10 боекомплектов на орудие). Таким образом, наличного запаса выстрелов должно было с избытком хватить для разгрома 60 дивизий, т. е. половины немецкой армии вторжения.

Вторую половину ждала ничуть не лучшая судьба – кроме 3,38 млн 122-мм выстрелов в западных округах было накоплено еще и 2,79 млн гораздо более мощных выстрелов к 152-мм гаубицам и гаубицам-пушкам. И для окончательной «зачистки местности» – еще 7,2 млн выстрелов к 76-мм полковым, горным и дивизионным пушкам. А если и этого не хватит, так есть еще 6,1 млн выстрелов к 82-мм минометам.

Не были забыты и танки противника. Всего в пяти западных приграничных округах числилось 6870 «сорокапяток» (по другим источникам – 7520), и на каждую из них в среднем приходилось по 373 бронебойных выстрела; эта цифра варьировалась от 149 в Одесском до 606 в Западном округе. Если же считать по самому минимуму (без учета Ленинградского и Одесского округов), то к утру 22 июня 1941 г. для боя с тремя тысячами немецких танков было подготовлено 2,3 млн бронебойных 45-мм выстрелов. В среднем – 700 на один танк.

Заслуживают самого пристального внимания и 234 тысячи выстрелов к 203-мм гаубицам Б-4, завезенные в приграничные округа. В 1944 г., в ходе грандиозных по масштабу наступательных операций Красная Армия израсходовала «всего лишь» 168 тыс. таких снарядов. В полтора раза меньше. 203-мм гаубица бросала 100-кг снаряд на дальность в 18 км и предназначалась для разрушения особо прочных оборонительных сооружений (специальный бетонобойный снаряд пробивал перекрытие ДОТа толщиной в 1,5 метра). Наличие циклопических гор бетонобойных снарядов в приграничных округах (по 12 боекомплектов на орудие) молча, но твердо свидетельствует об исключительной серьезности намерений тов. Сталина…

Увы, в деле обеспечения Красной Армии боеприпасами были допущены и серьезные ошибки, одну из которых объяснить разумными доводами не удается: в войсках было мало бронебойных выстрелов к 76-мм пушке. Всего 132 тыс. штук. Нехватка бронебойных 76-мм

[18] Здесь и далее – если не оговорено иное – приведены цифры из справочника «Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (№ 3 в списке источников).

выстрелов в значительной мере обесценила два военно-технических преимущества Красной Армии: наличие в составе вооружения стрелковой дивизии 16 длинноствольных пушек, способных пробить лобовую броню любого немецкого танка, и наличие почти такой же «трехдюймовки» на танках новых типов (Т-34 и КВ). При отсутствии бронебойных снарядов новейшие советские танки «опускались» до уровня немецкого Pz-IV с короткоствольным 75-мм «окурком».

И это, безусловно, плохо. Однако слово «мало» всегда требует уточнения – мало в сравнении с чем? Бронебойных 76-мм выстрелов было очень мало в сравнении с реальными возможностями советской экономики, которые позволили накопить к июню 1941 г. 12 млн бронебойных 45-мм выстрелов, 16 млн осколочно-фугасных 76-мм и 5 млн зенитных (т. е. гораздо более сложных и дорогих) 76-мм выстрелов. Глядя на эти цифры, трудно понять – что же помешало наладить массовое производство 76-мм БР выстрелов? Времени было достаточно: танки Т-34 и КВ приняты на вооружение Красной Армии 19 декабря 1939 г.; дивизионная 76-мм пушка Ф-22 была принята на вооружение еще раньше, в 1936 г.

Картина становится не столь безнадежной, если сравнить число БР снарядов с задачей, для решения которой их используют. Бронебойными снарядами не стреляют «по площадям», не ставят «огневые завесы», их вовсе не обязательно расходовать миллионами. В ситуации дуэли «танк – пушка» выстрелить много раз пушка просто не успевает… По состоянию на 22 июня 1941 г. в составе немецкой армии вторжения целей, на которые стоило бы тратить трехдюймовый бронебойный снаряд, было порядка 1400 (строго говоря, еще меньше, т. к. среди учтенных в этой цифре средних танков Pz-IV было некоторое количество машин ранних серий с 30-мм лобовой броней). Поделив реально имевшиеся снаряды на это число, мы получаем впечатляющий результат: 95 единиц 76-мм бронебойных снарядов на один средний немецкий танк или САУ с усиленным лобовым бронированием. А вот это уже совсем не мало!

Да, конечно, война – это не пасьянс, и на войне нельзя попросить противника подогнать средние танки к огневым позициям 76-мм «дивизионок», а прочую легкобронированную мелочь – поближе к противотанковым «сорокапяткам». Но даже если обстоятельства боя заставят расходовать дефицитные 76-мм БР снаряды на любую появившуюся в прицеле бронированную гусеничную машину (а таковых в вермахте на Восточном фронте насчитывалось никак не более 4 тысяч, включая пулеметные танкетки и легкие САУ), то и тогда чисто арифметически войска Красной Армии имели в наличии 33 снаряда на одну цель. При умелом использовании – вполне достаточно для гарантированного поражения.

Вся эта неопровержимая арифметика не учитывает, к сожалению, самое главное – «человеческий фактор», проявившийся в том, как были распределены и использованы наличные ресурсы. За два месяца до начала войны, 24 апреля 1941 г., зам. наркома обороны, начальник ГАУ маршал Кулик отправил в западные приграничные округа телеграммы такого содержания: *«76-мм бронебойные выстрелы направлять в войска по следующему расчету: на каждую пушку в стрелковых дивизиях – 6, в кавалерийских дивизиях – 12, моторизованных дивизиях – 12, укрепрайонах – 12, бронепоездах – 10, казематные орудия – 20, капонирные – 10, на танках КВ – 25, на танках Т-34 – 13».* **[35]** А следом идет еще одна, очень интересная фраза: *«Расчет составлен на боевой состав к 1.1.42 г., исходя из фактического наличия бронебойных выстрелов к 1.7.41 г.»* Т. е. в расчет было принято реальное количество БР-выстрелов (с небольшой погрешностью на разницу в датах между 24 апреля и 1 июля), но «стволов» было учтено значительно больше («*на боевой состав к 1.1.42 г.»*).

Для того, чтобы загрузить 25 бронебойных снарядов в каждый тяжелый танк КВ и еще 13 в каждый танк Т-34, требовалось (считая только по западным округам) 27 тыс. 76-мм БР-снарядов; ровно одна пятая от наличного ресурса снарядов. Казалось бы, какие проблемы

могли возникнуть в деле выполнения приказа маршала и заместителя наркома обороны? Увы, совладать с советским «человеческим фактором» оказалось невозможно.

16 мая 1941 г. все тот же маршал Кулик отправляет в Минск, начальнику артиллерии Западного ОВО следующую телеграмму: *«Предлагаю немедленно, оперативным транспортом вне обычного плана перевозок отправить бронебойные выстрелы в войска, в первую очередь – в танковые дивизии»*. Прошел месяц и еще четыре дня. 20 июня, в 15.30 маршал Кулик отправляет очередную (за номером 1543) телеграмму в Минск: *«По докладу одного из командиров ПТАБР* (противотанковой артиллерийской бригады) *округ не выдает бригаде боекомплект артвыстрелов. Предлагаю немедленно выдать всем ПТАБР боекомплект, в том числе положенные бронебойные выстрелы. Телеграфируйте 21 июня Ваше распоряжение и объяснение причины недопустимой задержки отпуска боекомплектов».* **[36]**

Через два дня началась война. Телеграфировать о причинах стало уже поздно…

Укрепрайоны

Существует некоторый набор «фактов» в кавычках, которые известны в нашей стране каждому, кто хотя бы в минимальной степени интересуется историей Великой Отечественной войны. Одна винтовка на троих, фанерные советские истребители, безнадежно устаревшие танки… В этом же ряду стоит и легенда о том, как накануне войны линию укреплений вдоль «старой границы» взорвали, а у новой границы ничего путного построить так и не успели. Как и положено всякому мифу, эти байки отвечают какой-то важной психологической потребности общества, в данном случае – дают необременительное для национальной гордости великороссов объяснение причин страшной военной катастрофы лета 1941 г. Как и всякий миф, этот живет сам собой, не требуя документальных подтверждений и ничуть не слабея от встречи с реальными фактами.

И все же история про «там взорвали, здесь не построили» имеет некое принципиальное отличие от других, подобных ей заведомо ложных измышлений. Количество винтовок и противотанковых пушек в Красной Армии есть некая абстракция, пощупать рукой это количество невозможно; читатель вынужден или верить тому, что рассказывают маститые ученые с экрана государственного телевидения, или тратить собственные деньги и законный отпуск на поездку и работу в столичных архивах (чего ни один нормальный человек делать не станет). А вот «непостроенные ДОТы» существуют в натуре. Да, их взрывали немцы, их взрывали советские, их пытались снести в 40-е и 50-е годы, но построено было так много и так прочно, что и по сей день сохранившихся ДОТов очень много. Их можно увидеть глазами, потрогать руками, зайти вовнутрь. И в нашей стране, и в Польше (большая часть укрепрайонов Западного ОВО после окончания войны осталась на территории, возвращенной Польше) существуют многочисленные объединения «поисковиков», которые облазили едва ли не каждый ДОТ; есть специализированные интернет-сайты, на которых выложены сотни, если не тысячи, фото-графий. Но миф живет своей жизнью…

Словами «укрепленный район» в советском военном языке обозначались два понятия: это и район местности, оборудованный системой оборонительных сооружений, главными из которых являются железобетонные долговременные огневые точки (ДОТы), и воинская часть, которая занимает эти сооружения и ведет в них бой. Сооружения – оборонительные, воинские подразделения укрепрайона занимают оборону и ведут оборонительный бой, но никакого отношения к выбору оборонительной или наступательной стратегии эти факты не имеют. Точно так же, как противотанковые пушки и оружие противовоздушной обороны (зенитные пулеметы и пушки) абсолютно необходимы наступающей армии, так и укрепрайоны играют свою важную роль в ходе наступательной операции. О чем прямо и четко было

сказано в Полевом уставе Красной Армии: *«Сковывая противника на всем своем фронте, они создают возможность сосредоточения крупных сил и средств для нанесения врагу сокрушительных ударов на других направлениях»* (ПУ-39, Глава 2, п. 33).

Основа основ военного дела – принцип концентрации. *«Быть всюду одинаково сильным нельзя»,* – с жесткой военной лаконичностью утверждает п. 11 упомянутого выше Полевого устава. *«Подавляющая часть сил и средств должна быть в наступательном бою применена на направлении главного удара».* Сказать это легко, труднее сделать. Сосредоточив большую часть сил в узкой полосе наступления, мы с неизбежностью ослабляем обширные соседние участки. И если противник не трус и не дурак – а именно на случай встречи с таким противником разрабатываются боевые уставы, – то он попытается нанести контрудар по ослабленному участку нашего фронта. Вот в этой-то ситуации роль и значение укрепрайона трудно переоценить.

Карта-схема, составленная на основании реальной карты, подписанной 6 апреля 1941 г. заместителем начальника Оперативного управления Генштаба генерал-майором Анисовым (ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 244), показывает – как эту теорию планировалось применить на практике. (Рис. 1.) Отчетливо видно, как опасный разрыв между флангами двух ударных группировок Юго-Западного фронта (5-й Армии, наступающей по линии Ковель, Хелм, Люблин, и 6-й Армии, наступающей по линии Львов, Билгорай, Люблин) закрывают три укрепрайона: Владимир-Волынский (УР № 2), Струмиловский (УР № 4) и Рава-Русский (УР № 6). На северном «острие» «Львовского выступа» развертывается главная ударная группировка фронта, там укрепрайонов нет.

Южный фланг ударной группировки прикрывает Перемышльский укрепрайон (УР № 8). Далее к югу, в верховьях р. Сан, граница проходит по непроходимым для крупных масс войск хребтам Карпатских гор. Севернее Ковеля территорию Киевского ОВО естественным образом прикрывает непроходимый массив заболоченного леса (украинское Полесье), впрочем, и этот участок решено было усилить укреплениями Ковельского УРа, но его строительство к июню 41-го еще только начиналось.

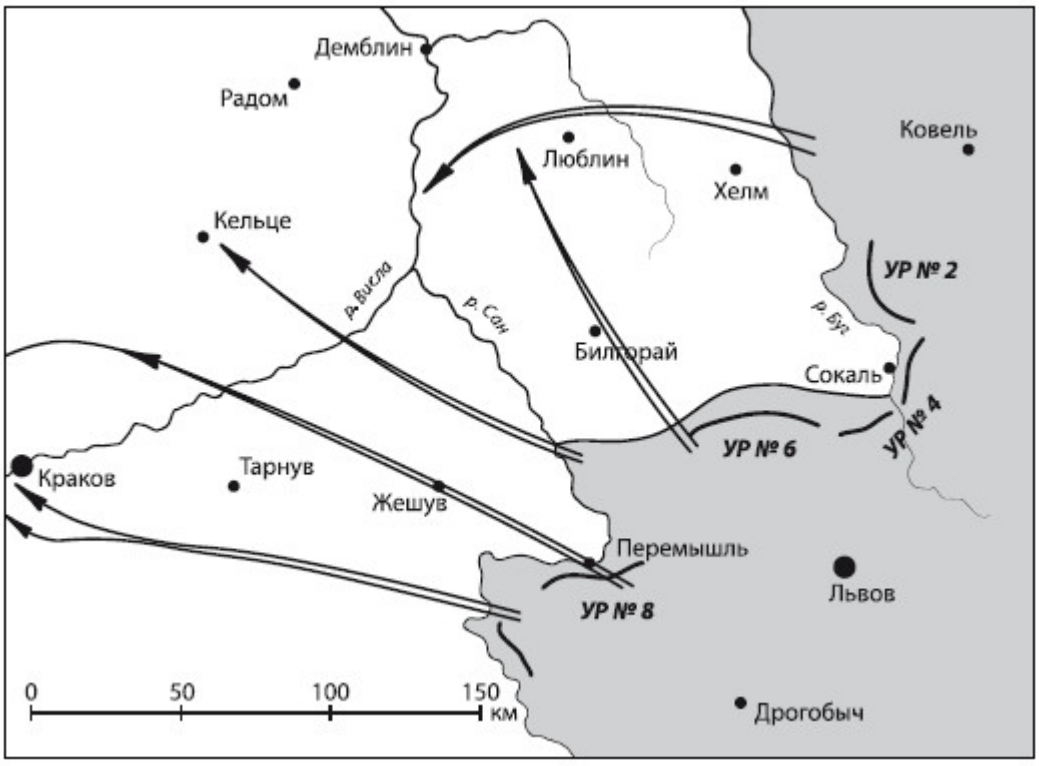


Рис. 1. Укрепрайноны Киевского ОВО

Схема наглядно показывает еще одну значимую особенность укрепрайонов XX века – в отличие от Великой китайской стены они вовсе не были вытянуты в единую неразрывную линию. УРы закрывают лишь малую часть общей протяженности границы. А если перейти от упрощенной схемы к военной топографической карте, то станет видно, что и внутри полосы укрепрайона нет ничего похожего на сплошную цепочку ДОТов. Оборонительные сооружения сконцентрированы в нескольких группах, весьма точно названных «узлами обороны». В каждом таком узле по 10 и более ДОТов (в Рава-Русском УРе были узлы обороны с 17 ДОТами, в составе Брестского УРа в районе села Семятыче был узел обороны с 20 ДОТами). В конечном счете каждый узел обороны становился неким подобием средневековой крепости, только «стены» ее были не из камня, а из свинца – ни к одному из ДОТов нельзя приблизиться, не оказавшись под шквалом огня его соседей.

Строились эти «крепости» там же, где ставили крепости в древности – у дорог, мостов и переправ. Армии эпохи 2-й МВ, как никогда ранее или позднее, были привязаны к дорогам – они уже нуждались в транспортировке огромного количества тяжелой матчасти (прежде всего артиллерии и боеприпасов) и еще не пересели на вездеходные гусеничные транспортеры и вертолеты. Мощные узлы обороны УРов «запирали» основные транспортные артерии[19], что с неизбежностью останавливало продвижение всей вражеской армии; вне дорог, по горным перевалам и лесным тропам могла пройти группа разведчиков-диверсантов, но не дивизия вермахта.

В Рава-Русском УРе на 90 км фронта планировалось построить 13 таких узлов-крепостей, в Брестском УРе – 10. И это еще очень скромно. На правом (северном) фланге Западного ОВО, в полосе предполагаемой обороны (наступать на Варшаву и Люблин должна была ударная группировка фронта, сосредотачиваемая на его левом фланге) строился Осовецкий УР (22 узла обороны по 27 ДОТов в среднем в каждом из них) и Гродненский УР (28 узлов, 606 ДОТов). **[37]**

На территории Литвы, в составе четырех УРов (Тяльшяйский, Шяуляйский, Каунасский, Алитусский) предполагалось построить 1641 ДОТ – в восемь (!) раз больше, чем было на знаменитой «линии Маннергейма». Всего же система укрепрайонов вдоль новой границы от Балтики до Черного моря должна была насчитывать порядка 5 тыс. ДОТов (в разных источниках называются цифры от 4737 до 5807, такой разброс объясняется тем, что программа строительства непрерывно расширялась, принимались решения о создании все новых и новых укрепрайонов).

В апреле 1941 г., с наступлением весеннего тепла, работы по сооружению УРов перешли в стадию круглосуточного строительного аврала. Кроме собственно строительных частей и неизбежных в подобном деле зэков, к строительству привлекались десятки тысяч местных жителей; затем и этого показалось мало и на стройку послали по несколько стрелковых батальонов от каждой дивизии округа. Из Москвы одна за другой летели грозные телеграммы, подхлестывающие и без того бешеный темп строительства (так, в Западном ОВО за два месяца весны 41-го было забетонировано 217 оборонительных сооружений, что составило 128 % от первоначального плана). Если судить по доступным документам (ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 19–21, исходящие телеграммы Генштаба), в последние мирные дни высшее военное руководство выполняло функции дирекции огромного строительного треста; главная тема переписки – цемент, арматура, проценты выполнения плана…

Сколько всего ДОТов успели построить у новой границы? Точного ответа на этот вопрос не знает никто (в частности, еще и потому, что множество сооружений было реально

[19] Упомянутый выше узел обороны Брестского УР у Семятыче перекрывал единственное на 140-км участке границы от Бреста до Замбрува шоссе, идущее с территории оккупированной немцами Польши через Бельск на Белосток.

построено, но не принято по акту заказчиком, а последние довоенные отчеты датированы, как правило, 1 июня). При этом вариантов ответа существует множество. Самый «неправильный» (т. е. признающий огромное число построенных сооружений) ответ дает в своей знаменитой книге «Воспоминания и размышления» маршал Жуков: *«К началу войны удалось построить около 2500 железобетонных сооружений, из коих 1000 была вооружена УРовской артиллерией, а остальные 1500 – только пулеметами».* **[39]** Мемуары Жукова – одна из самых читаемых книг по истории ВОВ, ее переиздавали 12 раз, выпущено более миллиона экземпляров; многие из тех, кто верит в заклинание «на новой границе ничего построить не успели», эти слова читали (по крайней мере – видели их глазами). Впрочем, чего требовать от широкой публики, если иные доктора исторических наук буквально в соседних абзацах одной статьи приводят и жуковские 2,5 тысячи ДОТов, и известные специалистам, в три раза меньшие, цифры. **[40]**

Скромные оценки таковы: в трех округах (Прибалтийском, Западном и Киевском) построено более 800 ДОТов, из них оборудованы вооружением и спецсистемами порядка 550. Самым достоверным, на мой взгляд, следует считать доклад, подготовленный в феврале 1942 г. штабом Верховного командования сухопутных войск Германии: после многомесячного изучения захваченной территории немцы обнаружили 1113 ДОТов на «линии Молотова» у новой границы (это там, где «ничего построить не успели») и 3096 ДОТов на «линии Сталина» (это там, где «все взорвали»). **[41]**

Тысяча на новой границе. Три тысячи на старой. Много ли это? Все познается в сравнении. В составе «линии Маннергейма» было порядка 200 ДОТов. В пять раз меньше, чем на «линии Молотова». Впрочем, эта разница в количестве даже в малой степени не отражает главное – принципиальную разницу в техническом уровне финских и новых советских укреплений.

«Генералы готовятся к прошедшей войне». Этот афоризм как нельзя лучше подходит к тому, как была построена «линия Маннергейма». В первой половине 20-х годов было построено 120 ДОТов. Каждый из них представлял собой приземистый железобетонный сарай с дыркой в стене. Из дырки торчал ствол станкового пулемета (в амбразурах не было даже простейших бронезаслонок). Удаление пороховой гари предполагалось естественным сквозняком, через дырку амбразуры и решетку во входной двери. От крайней бедности молодой финляндской республики ДОТы строились из бетона марки 350–450 (советские стандарты требовали использования в фортификационных сооружениях бетона марки 750 и выше) и с «гибким армированием», т. е. вместо прочной стержневой арматуры использовалась проволока; в результате в ходе боев по прорыву «линии Маннергейма» некоторые ДОТы были разбиты снарядами дивизионных 152-мм гаубиц. Вот такого, «сарайно-пещерного» уровня была большая половина всех ДОТов «линии Маннергейма». И даже это считалось тогда достаточной преградой, способной остановить наступление пехоты и конницы противника.

Финские ДОТы второй очереди строительства были существенно лучше: нормальный бетон, 2–3 пулемета, заслонки на амбразурах и даже такое чудо техники, как вентиляционная установка с ручным приводом. Наконец, в 1937–1939 гг. было построено несколько (в разных источниках называются разные цифры – от 5 до 8) крупных фортов (так называемые «ДОТы миллионники»), в каждом из которых размещалось несколько пулеметов и 1–2 пушки. Примерно такого же (или чуть лучшего) уровня были и советские ДОТы «линии Сталина», разница была только в количестве: так, например, в составе Летичевского УРа числилось 363 ДОТа, Коростеньского – 455.

Практика боевых действий первого года Второй мировой войны показала, что такие ДОТы могут быть достаточно быстро выведены из строя артиллерией, танками и авиацией наступающих. Урок пошел впрок. Укрепрайоны вдоль новой границы СССР, строительство

которых началось летом 1940 г., создавались на совершенно иной технической базе; ДОТы нового поколения были похожи на своих предшественников, как современный большегрузный автомобиль похож на деревенскую телегу. (Рис. 2.)

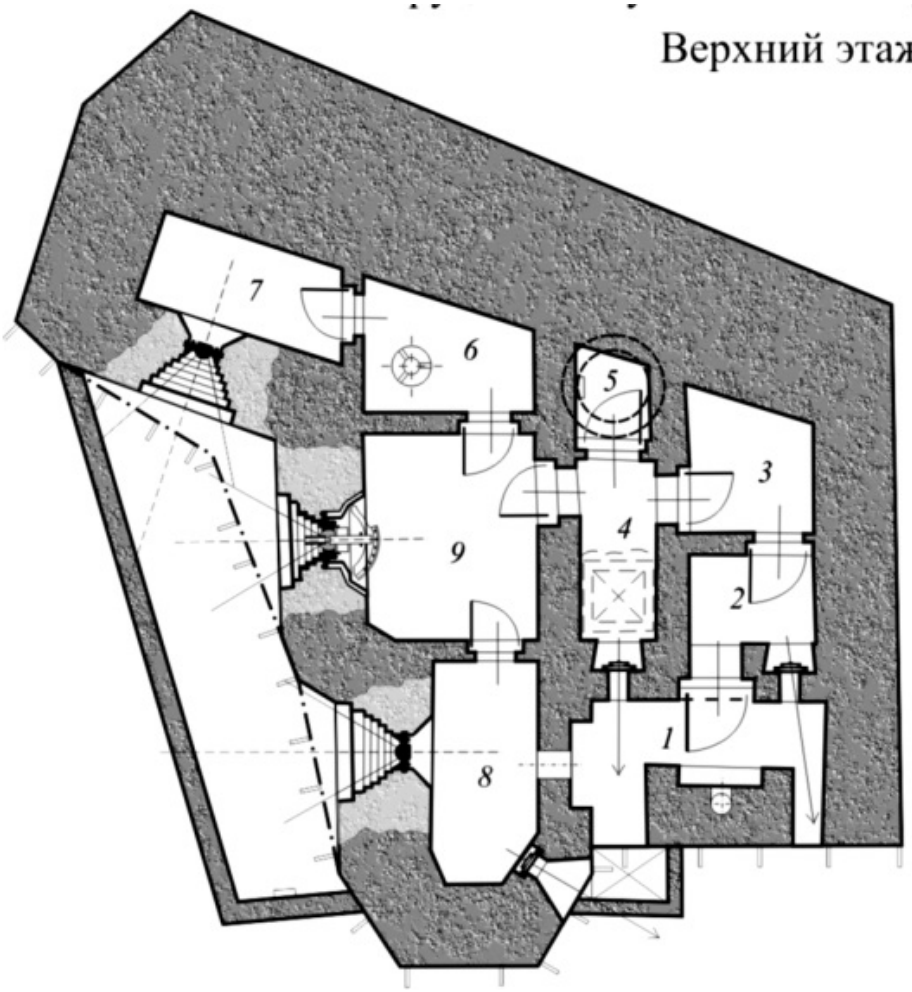


Рис. 2. Типовой ДОТ «линии Молотова»

Крупное, сложной формы сооружение с одним (иногда с двумя) подземными этажами. Стены и перекрытия толщиной в два и более метра высокопрочного железобетона выдерживали (и это было реально подтверждено в июне 41-го) единичные попадания бетонобойных снарядов 210-мм гаубицы. Т. н. «напольная» (обращенная к полю боя) стена глухая, без единого отверстия, амбразуры флангового огня находятся на боковых стенах ДОТа; они не видны наступающим и их невозможно разрушить дальним огнем артиллерии. В амбразуры вмурованы литые бронекороба, выдерживающие прямое попадание снаряда противотанковой пушки; внутри короба, в герметично закрытой шаровой установке 45-мм пушка, спаренная с пулеметом, или 76-мм танковая пушка. Как правило, в ДОТе была одна орудийная и две пулеметные установки (хотя были сооружения и с 5–6 амбразурами). Перископы, фильтро-вентиляционные установки, радио– и телефонная связь, подземные укрытия для гарнизона. Таким был полностью оборудованный ДОТ «линии Молотова», но даже и без большей части спецтехники, даже на этапе завершенного строительством бетонного бункера он обеспечивал гарнизону лучшую защиту, нежели типовой ДОТ «линии Маннергейма».

Теперь послушаем тех, кому эти крепости пришлось штурмовать. Вот как описывают немцы оборонительные сооружения южного сектора Перемышльского укрепрайона: *«ДОТы очень выгодно размещены на местности и полностью доминируют над дорогой Салюж-Санок и низиной, что лежит перед ней до р. Сан… Бетонное покрытие достигает двух*

метров, стены приблизительно такой же толщины. ДОТы закрываются извне одними или несколькими решетчатыми дверями, таким образом удалось предохранить их от срывания взрывной волной. За ними есть еще несколько дверей из стали, которые ведут во внутренние помещения. Часть ДОТов вооружена двумя 76-мм орудиями, часть – несколькими станковыми пулеметами. Противотанковые орудия и скорострельные пулеметы размещены за толстыми стальными амбразурами, необычайно стойкими против артобстрелов. Наведение орудий осуществляется с помощью прицельного устройства, обеспечивающего безопасность наводчиков в случае артобстрела противника (речь идет об использовании перископов. – *М.С.*)*... Перед пушками или пулеметными амбразурами есть огражденный бетонным забором ров в 1,5 метра, который делает невозможным заглушение или подрыв амбразуры, по крайней мере, сделать это очень трудно…»* **[42]**

А вот воспоминания одного из тех, кто видел штурмующих Перемышльский УР немцев через прорезь прицела. Младший сержант Молчанов Иван Иванович рассказывает: *«Это было мощное укрепление, на вооружении которого в 4 амбразурах было две 76-мм пушки и 2 пулемета Дегтярева станковые… На инструктаже нам было сказано командиром, что не просто должны занять его, а просидеть в обороне 6 месяцев, не выходя. Или пока нас не взорвут вместе с ДОТом, или на полгода должно было хватить продуктов питания и боеприпасов. ДОТ был двухэтажный, здоровый, железобетонные стены толщиной 3,5 метра* (это, скорее всего, преувеличение. – *М.С.*)*. Пока мы его занимали, немец тем временем захватил нашу сторону Перемышля; тогда он открыл по ДОТу сильный огонь, но снаряды отлетали от ДОТа, как горох от стенки…»*

Вопреки широко распространенному (т. е. усиленно распространяемому) заблуждению, ДОТы «линии Молотова» не ставились в двух шагах от границы, «в результате чего немцы смогли захватить их в первые же часы вторжения». Для начала напомним, что Замбрувский, Брестский, Владимир-Волынский, Струмиловский, часть Рава-Русского и Перемышльский укрепрайоны находились у берегов пограничных рек (Буг, Солокия, Сан), и «перешагнуть» эти реки, да еще и с пушками, огнеметами и зарядами взрывчатки, штурмовые группы вермахта не могли при всем желании. Во-вторых, в реальности между границей и узлами обороны УРов была оборудована т. н. «полоса предполья» глубиной в несколько километров. В своей хрестоматийно известной специалистам монографии Владимирский (на момент начала войны – заместитель начальника оперативного отдела штаба 5-й Армии ЮЗФ) без особых эмоций констатирует: *«Во Владимир-Волынском УРе также была оборудована полоса обеспечения глубиной от 1 до 4 км, включавшая в себя десять батальонных районов полевого типа, построенных вдоль правого берега Буга. Готовность: 80–90 процентов»*. **[43]**

Слово «также» относится тут к предшествующему описанию полосы предполья Ковельского укрепрайона[20], где, по сообщению того же Владимирского, *«в каждом батальонном районе в полосах обеспечения укрепленных районов было построено по 130–135 оборонительных сооружений полевого типа, преимущественно ДЗОТов* (дерево-земляная огневая точка. – *М.С.*) *и траншей, и по несколько ДОТов. В числе сооружений каждого*

[20] Именно с предпольем Ковельского УРа связана одна из весьма распространенных легенд. Якобы инициативные командиры на местах в середине июня распорядились занять предполье УРа, а глупый Сталин (по другой версии – подлый сатрап Берия) распорядился войска вывести, а командиров наказать. К счастью для историков, уцелела телеграмма Военного совета Киевского ОВО, направленная в Москву 10 июня: *«Начальнику Генерального штаба Красной Армии тов. Жукову. На № 59/НГШ доношу, что железобетонные сооружения и часть ДЗОТов батальонных районов № 7, 8, 9, 10 полевого строительства 1940 г. по Ковельскому УР заняты кадрами двух батальонов Ковельского УР согласно шифротелеграмме за подписью тов. Ватутина* (здесь и далее выделено мною. – *М.С.*) *№ 9/485 от 4.6.с.г. Во всех остальных УРах полевые сооружения нигде не заняты… Прошу указать – продолжать ли занимать гарнизонами огневые сооружения по переднему краю Владимир-Волынского, Струмиловского, Рава-Русского и Перемышльского УРов».* (ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 46. Л. 13.)

[батальонного] *района имелось: 3–4 железобетонных каземата для 45-мм пушек и станковых пулеметов, 6–9 ДЗОТов полукапониров для станковых пулеметов, 6 противоосколочных пулеметных гнезд, 12–15 скрывающихся огневых точек (СОТ), 6 противоосколочных окопов для 45-мм и 76-мм пушек…»* Сущие мелочи. Ничего толком не построили…

Разумеется, все, что построили одни люди, могут сломать другие люди. Нет таких крепостей, которые нельзя взять штурмом или осадой. Никакой принципиально неразрешимой задачи ДОТы «линии Молотова» перед наступающими немцами не ставили, вопрос был лишь в затрате ресурсов, включая абсолютно невосполнимый ресурс – время. Вот ресурсов на уничтожение тысячи ДОТов предстояло потратить много. Для того, чтобы наполнить слово «много» конкретным содержанием, обратимся к истории прорыва Красной Армией несравненно более слабой «линии Маннергейма».

Общая хронология событий хорошо известна. 7–10 дней ушло на то, чтобы преодолеть 30–40 км «предполья» и выйти к главной линии укреплений, затем – две недели бесплодных и кровопролитных попыток прорыва. После этого – полтора месяца оперативной паузы. 11 февраля 1940 г. началось наступление, которое в первых числах марта закончилось окончательным прорывом финского укрепрайона и выходом Красной Армии к Выборгу.

Для достижения такого результата в состав войск Северо-Западного фронта, развернутого на Карельском перешейке, было включено 13 полков и 4 дивизиона артиллерии большой и особой мощности (это не эпитеты, а термины); к началу марта в составе фронта числилось 7 тыс. орудий и минометов, более 3 тыс. танков. Наступающая группировка израсходовала 46 тыс. выстрелов к 203-мм гаубице и 6 тыс. выстрелов к арт-системам особой мощности; всего же (т. е. не только на Карельском перешейке) за три месяца войны были израсходованы 79,7 килотонн (!) боеприпасов артиллерии. Разумеется, этого оказалось мало, и авиация добавила еще 22,6 килотонны бомб, в том числе 12 890 ФАБ-250 и 1677 ФАБ-500. **[44]**

Поработав калькулятором, мы выясним, что в среднем на один ДОТ «линии Маннергейма» было израсходовано 260 снарядов тяжелых гаубиц (калибра 203 мм и более). По самой скромной оценке (считая, что половина тяжелых фугасных авиабомб была израсходована на бомбардировку финских городов, что есть явное преувеличение) на каждый ДОТ было сброшено 36 бомб крупного калибра. На этом фоне про 104 тыс. авиабомб ФАБ-100, 1,8 миллиона снарядов к 122-мм и 152-мм гаубицам, а также 127 миллионов винтовочных патронов, израсходованных в ходе «зимней войны», можно и не вспоминать.

Вот при таком расходе материальных ресурсов прорыв «линии Маннергейма» занял месяц, а потери личного состава Северо-Западного фронта составили 40 тыс. убитых и 150 тыс. раненых (примерно половина общих потерь Красной Армии в финской войне). **[45]**

Северо-Западным фронтом командовал тогда командарм 1-го ранга (будущий маршал) С.К. Тимошенко. В мае 1940 г. он стал наркомом обороны СССР. Одной из двух армий Северо-Западного фронта командовал К.А. Мерецков, ставший после «зимней войны» генералом армии и начальником Генштаба Красной Армии. Именно эти два человека накануне Большой Войны отвечали за разработку самых главных, стратегических планов Красной Армии. И для них приведенные выше цифры не были значками на бумаге – это знание было дано им в самых отчетливых ощущениях. Своими глазами видели они груды трупов красноармейцев на подступах к финским ДОТам, собственными ушами слышали жуткий рев артиллерийской канонады. Стоит ли удивляться тому, что от несравненно более мощной «линии Молотова» они ожидали чего-то сопоставимого?

Танковые войска

Одними укрепрайонами, одной только обороной войну не выиграть. Устав Красной Армии формулировал эту мысль без тени сомнения: *«Только решительное наступление на главном направлении, завершаемое окружением и неотступным преследованием, приводит к полному уничтожению сил и средств врага. Наступательный бой есть основной вид действий РККА»* (ПУ-39, п. 10). Для сухопутных армий середины XX века основным инструментом ведения наступательного боя, преследования и окружения противника стали танковые войска.

Ни одна страна в мире не приложила такие огромные усилия – и не достигла таких огромных успехов – в деле создания этой ударной составляющей вооруженных сил, как Советский Союз. Ни одна из крупных военных держав мира не имела таких преград и трудностей в деле создания бронетанковых войск, какие имела Германия, которой по условиям Версальского мирного договора было вовсе запрещено производить танки или закупать их за рубежом. В то время (начало 30-х годов), когда в Советском Союзе уже было развернуто серийное производство танков и созданы первые в мире крупные бронетанковые соединения, немецкий рейхсвер проводил полевые учения с картонными макетами несуществующих танков. С какими же результатами в деле создания танковых войск подошли противники к июню 41-го года?

Элементарной частицей, из которой складываются танковые войска (но к которой отнюдь не сводится все их содержание!), является бронированная гусеничная машина, танк. На начальном этапе Второй мировой войны это была весьма убогая (в сравнении с тем, что появилось всего лишь через 3–4 года) машина: ни крепкой брони, ни огня, сопоставимого с огнем дивизионной или хотя бы полковой артиллерии, ни реальной способности к движению вне дорог. *«Они были маломаневренны и легкоуязвимы для артиллерийского огня, работали на бензине и, следовательно, были легковоспламеняемы, имели недостаточно прочную броню».* Абсолютно верная, реалистичная и трезвая оценка. Не согласиться с Маршалом Победы в данном случае нельзя. Правда, с одним важным уточнением: Жуков написал это про советские танки, забыв добавить, что немецкие были гораздо хуже.

В польской кампании (сентябрь 1939 г.) самым массовым «танком» вермахта был Pz-I. Это учебно-боевая 5-тонная танкетка, вооруженная двумя пулеметами винтовочного калибра; запущена в производство она была в первые годы после прихода Гитлера к власти в качестве замены картонных макетов, с которыми готовили ранее кадры будущих танковых войск Германии. В мае 1940 г. самым массовым танком в боевых частях вермахта стал 9-тонный Pz-II (в составе 10 танковых дивизий, разгромивших тогда Францию и ее союзников, было 880 танков этого типа); второй по численности была все та же убогая танкетка Pz-I (643 единицы).

По бронированию «двойка» вполне соответствовала советскому Т-26, такая же тонкая (14,5 мм) броня, пробивавшаяся любой противотанковой пушкой, а с близких дистанций – и противотанковым ружьем или короткоствольными полковыми пушками. Двигатель бензиновый, по авторитетному мнению маршала – «легко воспламеняемый»; узкие гусеницы, весьма условная проходимость по бездорожью. Самое же главное – удивительно слабое вооружение. Pz-II был вооружен 20-мм автоматической «пушкой» (что примечательно, в советских документах первых недель войны этот танк обычно описывается как «легкий танк с крупнокалиберным пулеметом»). 20 мм – это типичный калибр авиационных пушек, и для того, чтобы пробить тонкий дюралевый лист обшивки вражеского самолета, такого калибра хватало. В Советском Союзе 30-х годов никому и в голову не пришло вооружать

подобным образом танки или тяжелые бронемашины; осколочно-фугасное действие 20-мм снарядика (вес 90–130 г) ничтожно мало, поразить что-нибудь он был способен лишь при прямом попадании.

«Германия вступила во Вторую мировую войну, имея смешное количество плохих танков» (В. Суворов). Лучше не скажешь. Именно с такими танками вермахт за несколько недель в пух и прах разгромил французскую армию (не самую слабую в Европе) и ее союзников. Как такое стало возможным? Ответ на этот вопрос хорошо известен. Очень важно подчеркнуть, что известен он был задолго до гитлеровского «блицкрига»; этот ответ записан во все боевые уставы, его обязан был выучить наизусть выпускник краткосрочных 6-месячных курсов младших командиров.

Концентрация сил и взаимодействие родов войск. Старые как мир, не отменяемые никакими чудесами техники, основополагающие принципы военного дела. Немцы грамотно использовали имевшееся у них «смешное количество плохих танков».

На уровне стратегии немцы проявили свою приверженность идее концентрации сил тем, что из имевшихся у них 156 дивизий для войны с Францией и ее союзниками выставили 136. На огромных пространствах Дании, Польши, Чехословакии, Австрии и собственно Германии было оставлено всего 13 дивизий (еще 7 дивизий вели боевые действия в Норвегии). На оперативном уровне принцип концентрации сил был реализован с той же неуклонной решимостью: в полосе главного удара, на фронте в 130 км от Льежа до Седана, было сосредоточено 7 танковых дивизий из 10 и 5 моторизованных дивизий из 5. Мало этого – 15 мая на участок прорыва были переброшены еще 2 танковые дивизии из Бельгии. На уровне тактики (боя) танковая дивизия вермахта (а в мае 1940 г. в ней было порядка 270 танков) наступала на участке фронта шириной всего в несколько километров, т. е. в полосе обороны пехотного полка противника.

На таком фронте у французов могла оказаться одна противотанковая батарея, в лучшем случае – дивизион. В момент танковой атаки на позицию противотанкового дивизиона (12–18 орудий, расчеты которых защищены только гимнастеркой) обрушивался шквал огня – да, очень слабых 20-мм пушек, но в количестве двух сотен, а затем пушки и расчеты вдавливали в землю «легкими танками», т. е. 10-тонными стальными махинами… Даже если командир и личный состав дивизиона проявят самоубийственное мужество и высокое воинское мастерство, то они успеют подбить один-два десятка танков (броня-то у танков почти «картонная»), но ни одного шанса остановить танковую дивизию у них нет.

Впрочем, терять десятки дорогостоящих танков вовсе не обязательно. На руках у наступающих есть еще один «козырь» – взаимодействие. Противотанковую артиллерию обороняющихся можно и нужно подавить еще до начала атаки танков. Термин «подавить» имеет в артиллерийском деле вполне конкретное содержание: заставить расчет вражеского орудия прекратить огонь и уйти в укрытие (физическое уничтожение матчасти и личного состава – это уже «сверхзадача»). Атака танков всегда скоротечна – даже еле ползущему по мокрой пашне Pz-II достаточно 5 минут для того, чтобы преодолеть последний километр, отделяющий его от огневой позиции противотанкового дивизиона. Соответственно, подавить артиллерию ПТО противника достаточно на очень короткое время.

Разумеется, прежде чем стрелять, замаскированные вражеские пушки надо обнаружить, а для этого нужна разведка. Данные разведки надо передать артиллеристам – для чего нужна надежно работающая связь. Для организации взаимодействия нужен грамотный и энергичный командир – самая главная «деталь» военной машины. Если все перечисленное имеется в наличии и работает, то танковая дивизия, даже вооруженная слабыми легкими танками, пройдет через оборону пехотного полка противника как нож сквозь масло.

И вот после этого, после прорыва танками первой линии обороны начинается самое главное. Результатом тактического успеха танковой дивизии может быть все или ничего.

Именно из документального описания этого «все или ничего» будут состоять следующие главы нашей книги. Могу сразу же огласить ее краткое содержание: летом 41-го года, даже в тех редких, редчайших случаях, когда танковые дивизии и корпуса Красной Армии добивались локального успеха, заканчивалось это «ничем». Ни разу, ни в одной точке фронта развить тактический прорыв в оперативный не удалось. Немцы хладнокровно подтягивали противотанковую и зенитную артиллерию, вызывали авиацию, пускали в ход все «подручные средства» – от тяжелых гаубиц до связок гранат. В конечном счете, через один-два дня наступление потерявших всякое управление советских танковых частей заканчивалось их полным разгромом.

Напротив, почти всегда первый же успех немецких танковых соединений приводил к обрушению всей системы обороны противника. Атакованные войска с головокружительной скоростью превращались в вооруженную толпу, каковая толпа обращалась в бегство. Но убежать от танка, даже самого тихоходного, трудно. Дороги и мосты имеют отнюдь не бесконечную пропускную способность, причем неразбериха и паника эту пропускную способность еще и многократно снижают. И тут у немцев начиналось взаимодействие следующего уровня – в действие вступала авиация. Людские толпы, загромоздившие дороги, сбившиеся в кучу у мостов и переправ, представляли собой идеальную мишень для бомбовых ударов; хаос и неразбериха переходили в стадию коллективного безумия, толпы бросали оружие и разбегались кто куда. После чего от наступающих требовалось лишь подгонять бегущих; с такой задачей успешно справлялся любой танк, его ТТХ уже не имели существенного значения.

Именно это произошло в мае – июне 1940 г. во Франции. То же самое, но в многократно увеличенном масштабе произошло в 1941 г. на Восточном (для немцев) фронте. Затем повторилось летом 1942 г. А потом что-то изменилось. Красная Армия перестала разбегаться – и «танковые клинья» вермахта немедленно заклинило. ТТХ немецких танков радикально улучшились, про убогие Pz-I, Pz-II, Pz-38(t) в войсках уже и забыли, на поля сражений выкатились могучие «Тигры» и «Пантеры», но ни одного стремительного танкового броска – подобного тем, что немцы раз за разом проводили в первый год войны, – в 43-м, 44-м годах осуществить не удалось. Да, были эпизоды удачных боев, даже удачных операций, проведенных немецкими танковыми соединениями, но в конечном счете заканчивались они «ничем» – если не считать результатом огромные потери танков.

Общий вывод: наличие большого количества замечательных танков является желательным, но отнюдь не обязательным условием эффективных действий танковых войск. **Воюют тем, что есть.** Если убогие танки соединить с очень качественным «человеческим фактором», да еще и добавить полную дезорганизацию на стороне противника, то можно добиться огромных оперативных успехов даже с «картонными танками».

Такова теория. Теперь обратимся к практике. Практика боевых действий первых недель советско-германской войны нашла свое отражение в докладах командиров танковых частей и соединений Красной Армии. Докладов этих сохранилось в архивах немало. Читая их, желательно не забывать о том – кто, где и когда их писал. По большей части приведенные ниже документы составлены в первых числах августа 1941 г. Их подписали командиры разгромленных наголову полков, дивизий и мехкорпусов; многие из них писали эти отчеты, выйдя из окружения, потеряв всю матчасть и до 90 % личного состава. Эти люди еще не знали – простят им результаты такого замечательного руководства войсками или «поставят к стенке». Казалось бы, кому как не им рассказывать про могучие, несокрушимые немецкие танки, про многократное численное превосходство врага, про устаревшие и ненадежные собственные танки и так далее – по всему перечню «объективных причин», успешно сочи-

ненному двумя поколениями советских историков. Но командиры 41-го года говорят совсем о другом:

24-я танковая дивизия (10 МК, Северный, затем Северо-Западный фронт)

«Мотомехчасти противника действуют только по дорогам, смело углубляются в тыл и располагаются в основном в населенных пунктах… Таким образом, противник привязан к дорогам, от качества которых зависит скорость его движения… Действия мотомехчастей противника доходят до полного нахальства, при отходе [наших войск] *ищет фланги наиболее слабые по составу. При неудаче атаки с ходу немедленно переходит к артиллерийской подготовке, при появлении танков КВ все средства сосредотачивает против них…»* **[46]**

11-й мехкорпус (Западный фронт)

«В первых же атаках наших танков противник понес большие потери в танках и в последующих боях при появлении наших танков уходил за свою обороняющуюся пехоту… Наступление [противника] *подготавливает авиация, путем бомбежки и обстрела из пулеметов. После этого ведется артподготовка и обстрел из минометов в течение 2–3 часов, затем двигаются танки в удалении 300–500 метров впереди пехоты. На пересеченном и лесном участке танки не участвуют в атаке. Танки при атаке в глубине обороны не отрываются далеко от пехоты, и только когда обороняющиеся* (в оригинале – «оборона») *начинают быстрый отход – вклиниваются в отступающих и преследуют их…»* **[47]**

7-я танковая дивизия (6 МК, Западный фронт)

«Танки немцы используют главным образом мелкими подразделениями: взвод, рота, батальон во взаимодействии с другими родами войск (мотопехотой и конницей)… При появлении наших танков танки противника боя не принимали, а поспешно отходили. Система противотанковой обороны у немцев развита, причем надо отметить, что, кроме 37-мм противотанковых орудий, широко используется вся полуавтоматическая артиллерия крупного калибра… Лично преодолевал четыре противотанковых района машинами КВ и Т-34. В одной машине была выбита крышка люка механика-водителя, а в другой – яблоко «ТПД». Надо отметить, что выводятся из строя главным образом орудия и пулеметы, в остальном машина Т-34 прекрасно выдерживает удары 37-мм орудий, не говоря уже о КВ». **[48]**

114-й танковый полк (отдельная 57-я тд, Юго-Западный, затем Западный фронт)

«В направлении действия полка со стороны противника применялось до одного батальона легких танков, до роты средних танков. Кроме того, противник применял танкетки и бронемашины. Ни при одной нашей танковой атаке танки противника в бой с нашими танками не вступали, они действовали или на флангах своих частей или выходили на фланги наших частей, но в случае отхода наших танков танки противника наседают на хвост и преследуют. Больше всего танки противника использовались небольшими группами для выхода во фланг и тыл наших частей, а также при преследовании… Был случай лобовой атаки средними танками противника, но стоило вывести из строя два танка противника, как весь боевой порядок возвращался обратно и через некоторое время появлялся с другого направления…

Вывод: Танки противника как правило являются средством прорыва и деморализации тылов и флангов (выделено мной. – *М.С.*)*, отсюда наши части нигде не должны забывать об организации ПТО. Во всех случаях наши танки, вооруженные пушками, могут использоваться в качестве ПТО (танки Т-26)…»* **[49]**

17-я танковая дивизия (5 МК, Западный фронт)

«За весь период боев с 7.7 по 5.8.1941 г. части 17-й дивизии провели (неразборчиво – 1, 4 или 7) *танковых атак на танки противника. Один раз были атакованы танками противника в количестве 60 танков. Во всех случаях противник избегал атак, всегда уклоня-*

ясь от равных сил и даже меньших. В ходе длившихся месяц боев установлено: хорошее взаимодействие частей [противника]*, в особенности наземных войск с авиацией, хорошая работа средств службы связи. Особенно широко противник применяет свето-сигнальную связь…»* **[50]**

8-я танковая дивизия (4 МК, Юго-Западный фронт)

«Танки противника, действовавшие в районе Старо-Константинов и других районах, имеют следующую характеристику. Средний танк: вооружение – одна короткоствольная пушка 75-мм, два пулемета (судя по описанию – Pz-IV, который в большинстве других отчетов называют «тяжелым». – *М.С.*)*… Броня до 25 мм. Ходовая часть: гусеница узкая, катки и балансиры слабые. Проходимость танка слабая, вне дорог не действует…*

Танки противника, [даже] *имея превосходство в количестве против наших танков, как правило, в атаку не идут, только один случай в районе Старо-Константинов,* [когда] *до батальона танков пошли в атаку, из коих нашими танками было уничтожено 22 штуки, остальные отошли, не принимая боя. Наступлению танков и пехоты как правило предшествует длительная артиллерийская подготовка и сильный минометный обстрел по большой площади. Наступление организуется при тесном взаимодействии всех родов войск. Очень быстро по вызову появляется авиация…»* **[51]**

37-я танковая дивизия (15 МК, Юго-Западный фронт)

«В боях установлено, что при сопротивлении наших войск (выделено мной. – *М.С.*) *наступающие части противника отходили или обходили районы сопротивления. Нужно отметить, что в случае отхода наших частей противник организовывал преследование и стремился по параллельным дорогам выходить на пути отхода наших войск…*

Танки противника в бой с нашими танками не вступали и атак не принимали, а стремились расстраивать наши танковые атаки с места. Броневая защита [немецких] *танков недостаточная и пробивается не только бронебойным снарядом 45-мм пушки, но и осколочным снарядом… Танки противника имеют слабую броневую защиту и используются в ограниченном количестве, по всей вероятности из-за экономии самих танков, а также горючего. В противоположность средствам борьбы противника наши танковые и артиллерийские средства борьбы превосходят* [их] *и являются совершенными (сильная броневая зашита, большая мощность огня и подвижность)…»* **[52]**

32-я танковая дивизия (4 МК, Юго-Западный фронт)

«Броня наших танков [новых типов] *37-мм пушками немцев не пробивается; были случаи, когда танк КВ имел до 100 попаданий, но броня не была пробита. Танки Т-26, БТ-7 и бронемашины (легкие и тяжелые) пробиваются как крупнокалиберными пулеметами, так и 37-мм пушками противника. Огонь наших танков с первых двух-трех выстрелов уничтожал танки противника. Очень часто танки противника от огня наших 76-мм танковых пушек воспламеняются…»* **[53]**

Доклад о боевых действиях 104-й танковой дивизии с 21 по 30 июля (Западный фронт)

«Танки КВ и Т-34 по выходу из боя имеют большое количество следов удара бронебойных снарядов. Сквозного пробивного действия снаряда по броне на указанных машинах не обнаружено. Боевые и технические свойства танков КВ и Т-34, выявленные в процессе боя, оцениваются командованием дивизии высоко… Движение на марше Т-34 и в особенности КВ замедленно по причине неподготовленности труднопроходимых участков пути. Указанные танки необходимо сопровождать саперами или подготовленной пехотой…» **[54]**

Доклад помощника начштаба ГАБТУ майора Сиротина «Действия танковых частей германской армии. По опыту боев танковых соединений Красной Армии с 22.6 по 1.9.41 г.»

«Броня всех немецких танков противостоит лишь стрелковому оружию и пробивается снарядами нашей противотанковой артиллерии. При пробитии брони моторных отделений снарядами и пулями крупнокалиберных пулеметов все немецкие танки горят.

Воздухопритоки расположены сверху корпуса танка над моторным отделением. В крыше башни немецких танков расположен люк вентиляции. Горящая жидкость из бутылки, брошенной на крышу или моторное отделение, будет свободно проникать вовнутрь танка. В последнее время на воздухопритоках ставятся мелкие металлические сетки для предохранения от пламени… Наши противотанковая и танковая артиллерия, огонь снайперов по смотровым щелям и люкам, противотанковые мины и гранаты, бутылки с горючей жидкостью являются действенными средствами борьбы с немецкими танками…» **[55]**

Да, бдительному читателю такое совпадение – не только содержательное, но и почти дословное – отчетов, написанных разными командирами независимо друг от друга, покажется подозрительным. Уж не скрыл ли коварный автор от читателей другие доклады, с другими оценками? Опасения эти мне понятны. Чем помочь – не знаю. Показать читателю «все документы» я не могу – все документы занимают в хранилище архива несколько многоэтажных зданий. Остается просто подождать, пока молодые историки правильной идеологической ориентации, не имеющие минимальных инженерных знаний, но столь бойко чирикающие про «цементированную хромо-молибденовую броню», предъявят публике другие документы, с другими оценками и выводами…

Знало ли командование Красной Армии про необходимость концентрации сил и взаимодействие родов войск? Вопрос ернический, можно прямо сказать – дурацкий вопрос, но приходится обсуждать даже его, ибо доверчивой публике на каждом углу рассказывают про какую-то «технологию блицкрига», про некое потаенное знание, которое открылось немцам «на основании опыта двух лет мировой войны» (кстати, где это вермахт до 22 июня 1941 г. успел повоевать два года? в польской, французской и балканской кампаниях и трех месяцев совокупно не набирается). Так вот, господа, «блицкриг» (молниеносная война) – это не технология, не метод, не тайное заклинание. Гитлеровский блицкриг 1940–1941-го годов – это результат. Следствие, а не причина. Результат воздействия многих причин, в частности – грамотного использования командирами вермахта основополагающих принципов оперативного искусства.

Принципы эти были не только известны командованию Красной Армии, но и зафиксированы в боевых уставах. В самых категорических выражениях: *«Взаимодействие родов войск является основным условием успеха в бою… Только в совместном применении и объединенном усилии все рода войск обеспечивают достижение победы… Никакие действия войск на поле боя невозможны без поддержки артиллерии и недопустимы без нее… Применение танков должно быть массированным… Атака танками переднего края должна быть во всех случаях обеспечена артиллерийской поддержкой и не допускается без нее…»*

Более того, если немецкое командование и в теории, и на практике предполагало возможным использование танковых соединений в самом начале операции, в первом эшелоне, для прорыва оборонительной полосы противника, то советская военная школа была в этом аспекте куда более осмотрительной. «*Танковые соединения для самостоятельных действий используются совместно с конницей, моторизованной пехотой и авиацией для развития прорыва через взломанную брешь обороны противника* (выделено мной. – *М.С.*) *и являются большей частью средством высшего командования для достижения решающего результата наступления»* (ПУ-39, п. 264). В ходе известного декабрьского (1940 г.) Совещания высшего командного состава Красной Армии эта тема – ввод танковых соединений в прорыв, предварительно пробитый пехотой и артиллерией – стала предметом самого пристального рассмотрения. Примечательно, что выступавший с основным докладом на эту тему генерал армии Павлов (танкист, участник войны в Испании, затем начальник ГАБТУ КА)

охарактеризовал немецкий вклад в теорию «глубокой операции» так: *«Немцы ничего нового не выдумали. Они взяли то, что у нас было, немножко улучшили и применили».*

Теория – это хорошо, но даже самый высокообразованный архитектор не построит дом без кирпичей и строителей. Были ли у командования танковых войск Красной Армии «кирпичики», которые можно было применять массированно? Было ли с чем организовывать взаимодействие? Ответ на эти вопросы будет еще короче и проще. Про артиллерию было уже сказано выше: отдельных артполков в Красной Армии было в полтора раза больше, чем у немцев – отдельных дивизионов. Что же касается количества танков, то по этому показателю сталинская империя была впереди планеты всей.

По состоянию на 1 января 1934 г. советский танковый парк составлял 7574 машины (да, в эту цифру включены и пулеметные танкетки, но немцы на тот момент упражнялись с картонными макетами). Три года спустя, 1 января 1937 г., в Красной Армии числилось уже 17 280 танков – больше, чем во всех странах Европы вместе взятых. 1 января 1939 г. на вооружении Красной Армии было (уже не считая легкобронированную пулеметную мелочь) 11 600 танков, вооруженных 45-мм пушкой или огнеметом (Т-26, БТ-5, БТ-7) и порядка 550 танков, вооруженных 76-мм пушкой (т. н. «артиллерийские» БТ-7А и тяжелые многобашенные Т-28 и Т-35). **[56]** В шесть раз больше, чем будет на момент начала мировой войны (1 сентября 1939 г.) в вермахте – и это если зачислять в разряд танков 1223 Pz-II с его 20-мм «пушкой».

Огромное количество бронетанковой техники – вкупе с отчетливым пониманием идеи концентрации сил – позволило приступить к созданию первых в мире крупных танковых соединений. В 1930 г. (Европа тогда беззаботно танцевала фокстрот) была сформирована 1-я отдельная мехбригада. В 1932 г. эту мехбригаду развернули в мехкорпус. В том же году было принято наставление «Вождение в бой самостоятельных механизированных соединений», а к концу 1935 г. в РККА было уже 4 мехкорпуса и 18 танковых бригад. В следующем, 1936 г. число танковых бригад выросло до 30 – в вермахте на тот момент было три танковые дивизии и формировалась четвертая.

Названия, структура и боевой состав моторизованных соединений Красной Армии непрерывно обновлялись, были созданы танковые, стрелково-пулеметные, мотоброневые, моторизованные бригады. В конце концов, летом 1940 г. были приняты решения о формировании механизированных корпусов следующего состава: две танковые дивизии, одна моторизованная дивизия, мотоциклетный полк, корпусные подразделения (батальон связи, инженерный батальон и др.). Строго говоря, в мехкорпусе было не две, а три «танковые» дивизии, т. к. советская моторизованная дивизия по своей структуре соответствовала немецкой танковой (один танковый, один артиллерийский и два пехотных полка), а по штатному количеству танков (275 единиц) превосходила ее.

К 1 декабря 1940 г. было завершено формирование девяти мехкорпусов и двух отдельных танковых дивизий – но при этом в составе Красной Армии все еще сохранялись и 45 (!) танковых бригад. **[57]** Последней точкой на пути организационно-структурной концентрации бронетанковых войск стали принятые в феврале – марте 1941 г. решения о расформировании танковых бригад. Такие «мелкие» структуры были сочтены устаревшими. Теперь в Красной Армии должны были остаться только крупные соединения (мехкорпуса), способные самостоятельно решать задачи оперативного масштаба. Предполагалось развернуть 30 (тридцать) мехкорпусов, по 1 тыс. танков и 36 тыс. человек в каждом.

Миллион человек в танковых войсках. 100 тысяч человек непосредственно в танках – это больше, чем было всадников в орде Чингисхана.

В конце 30-х годов конструкторский и технологический задел, накопленный в военной промышленности СССР, позволил создать новые, принципиально лучшие «кирпичики» для

строительства танковых войск: средний танк Т-34 и тяжелый танк КВ (и тот и другой были приняты на вооружение Красной Армии 19 декабря 1939 г.). Противоснарядное бронирование, мощное вооружение (длинноствольная 76-мм пушка), дизельный двигатель, широкие гусеницы, высокая проходимость и большой запас хода в своей совокупности означали создание качественно нового инструмента ведения войны. И это, увы, не я первый понял. И не Виктор Суворов. В далеком 1954 г. в классической работе Мюллер-Гиллебранда, ставшей настольной книгой каждого военного историка, было написано:

«На вооружение Красной Армии к началу кампании поступил новый танк Т-34, которому немецкие сухопутные силы не смогли противопоставить ни равноценного танка, ни соответствующего оборонительного средства. Появление танка Т-34 было неприятной неожиданностью, поскольку он благодаря своей скорости, высокой проходимости, усиленной бронезащите, вооружению и главным образом наличию удлиненной 76-мм пушки, обладающей повышенной меткостью стрельбы и пробивной способностью снарядов на большой, до сих пор не достигаемой дистанции, представлял собой совершенно новый тип танкового оружия». **[33]**

Т-34 и КВ во многих ситуациях могли самостоятельно, без помощи полевой артиллерии, уничтожить огневые средства противника на переднем крае, а затем мощным огнем поддержать пехоту при прорыве обороны противника на всю тактическую глубину. Вооруженная такими танками дивизия могла уже не только гнать бегущих, но и преодолевать упорное сопротивление противника. Тяжелый танк КВ был реально способен действовать под градом снарядов немецкой дивизионной артиллерии. Приведем один, вполне документированный эпизод: в первых числах августа 1941 г. танк КВ из состава 107-й танковой дивизии (командир экипажа – лейтенант Капуста Василий Дмитриевич) подавил батарею противотанковых орудий противника, получив при этом 200 прямых попаданий, ни одно из которых не пробило броню. **[321]**

Структура танковой дивизии, вооруженной танками новых типов, была установлена следующей: два танковых полка 4-батальонного состава (батальон тяжелых танков КВ, два батальона средних танков Т-34, батальон огнеметных танков ОТ-26), артиллерийский гаубичный полк 2-дивизионного состава и мотострелковый полк типового 3-батальонного состава. Кроме того, в составе дивизии были разведывательный батальон, батальон связи, зенитный дивизион, понтонно-мостовой батальон, ремонтные и медицинские подразделения. В структуре дивизии отчетливо просматривается стремление обеспечить ей максимальную автономность, способность к самостоятельным действиям в оперативной глубине обороны противника, в отрыве от основной массы своих войск.

Основное вооружение мехкорпуса – танки и бронемашины – распределялось следующим образом (см. Таблицу 5):

Таблица 5

	тд	тд	мд	МК	нем. тд
КВ	63	63	0	126	–
Т-34	210	210	0	426	30 Pz-IV
БТ-7	26	26	258	310	106 Pz-III
Т-26	22	22	0	44	–
ОТ-26	54	54	0	108	65 Pz-II
Т-37/38/40	0	0	17	17	8 Pz.Bef
Всего танков:	375	375	275	1031	209
БА-10	56	56	18	152	–
БА-20	39	39	33	114	?

Примечание: кроме бронетехники, входившей в состав дивизий, танки и бронеавтомобили были на вооружении корпусных частей и управления мехкорпуса.

Таким образом, всего в составе мехкорпуса Красной Армии (с учетом 40 гусеничных тягачей «Комсомолец») по штату должно было быть 1337 единиц вооруженной бронетехники. Пушками калибра 45-мм и более были вооружены 1058 единиц бронетехники (танки КВ, Т-34, БТ-7, Т-26, бронеавтомобили БА-10).

Все познается в сравнении. Но для корректного сравнения желательно предварительно определиться – что с чем сравниваем и почему? Выше, в обзоре структуры и вооружения пехотных соединений, мы сравнивали стрелковую дивизию Красной Армии с пехотной дивизией вермахта. Такой подход имеет понятное обоснование: перед пехотными (стрелковыми) дивизиями той и другой стороны ставились сопоставимые задачи, общее число дивизий в СССР и Германии было сопоставимым (примерно 200 с одной стороны, 170 с другой), их количество в июне 41-го на фронте также было почти равным (90–100 дивизий).

В случае же с танковыми соединениями арифметика совсем другая: 17 танковых дивизий вермахта против 20 мехкорпусов Красной Армии[21], причем по всем предвоенным планам мехкорпус предполагалось использовать в «нерасчлененном виде», как единое бронетанковое соединение, перед которым ставились задачи именно того масштаба, какой в вермахте приходилось решать силами танковой дивизии. Сравнение структуры и вооружения пары «немецкая танковая дивизия – советский мехкорпус» было бы, на мой взгляд, наиболее честным. Но уж слишком простым и очевидным. И без долгих подсчетов ясно, что даже укомплектованный всего лишь наполовину мехкорпус по всем количественным показателям превосходит танковую дивизию вермахта. Поэтому и мы пойдем традиционным путем, сравнивая дивизию с дивизией.

Структура танковой дивизии вермахта многократно менялась, причем только в одну сторону – в сторону сокращения ее танкового ядра. Сформированные в конце 1935 г. три первые дивизии имели в своем составе два танковых полка, по два батальона в каждом полку, всего 561 танк. К началу французской кампании количество танков в батальоне сократили до 74 единиц, всего же (с учетом управления дивизии) должно было быть 316 танков, но в некоторых дивизиях (6-й, 7-й и 8-й) было всего три танковых батальона. На этапе подготовки к вторжению в СССР число танковых дивизий вермахта удвоили (с 10 до 20), но при этом их структура радикально изменилась – теперь в танковой дивизии остался всего один танковый полк.

Единой штатной структуры для единственного танкового полка не было; были варианты и 2– и 3-батальонного состава; из 17 танковых дивизий, сосредоточенных к 22 июня 1941 г. на Восточном фронте, 8 имели танковый полк 2-батальонного состава (в среднем по 154 танка в дивизии). К полному 3-батальонному штатному составу (именно он представлен в Таблице 5) приближалась лишь одна-единственная, 17-я танковая дивизия (2-я Танковая группа, Группа армий «Центр»).

Никто из военных теоретиков (за исключением к.и.н. Исаева) и, что гораздо важнее, практиков не усмотрел ничего хорошего в этом вынужденном сокращении танкового ядра дивизии. Самый, наверное, знаменитый и успешный практик вермахта Гейнц Гудериан, назначенный в 1943 г. генерал-инспектором бронетанковых войск Германии, подготовил для Гитлера подробный доклад, в котором обрисовал положение и наметил необходимые меры для его улучшения. По поводу структуры танковой дивизии было сказано следующее:

[21] В этот перечень не включен 10 МК Ленинградского ВО, который активного участия в боевых действиях первых недель войны не принимал, не включены также формирующиеся 17-й и 20-й мехкорпуса Западного ОВО.

«Полностью боеспособной танковая дивизия считается в том случае, когда число ее танков находится в соответствующей пропорции к остальным боевым средствам и машинам… Если число танков станет значительно меньше 400, то обслуживающий аппарат (количество людей и колесных машин) не будет соответствовать подлинной ударной силе дивизии… Лучше иметь немного полноценных дивизий вместо большого количества плохо оснащенных соединений. Последние требуют для оснащения несоразмерно много автомашин, расходуют много горючего и живой силы без должного эффекта (выделено мной. – *М.С.*)*, затрудняют управление и снабжение и создают на дорогах заторы».* Далее Гудериан предложил вернуться к довоенной схеме, когда в составе танковой дивизии было 4 танковых батальона. **[59]**

В 1956 г. вышла в свет ныне хрестоматийно известная специалистам книга Э. Миддельдорфа (в годы войны – боевой офицер, затем референт по обобщению тактического опыта в Генеральном штабе сухопутных войск Германии) «Русская кампания: тактика и вооружение», где были подведены такие итоги:

«Хотя немецкие бронетанковые войска в период последней войны произвели революцию в методах ведения боевых действий, их организация не была передовой. Еще в 1940 г. бронированные машины составляли лишь небольшую часть танковой дивизии. В то время на 300 танков приходилось около 3000 небронированных колесных машин, не способных двигаться вне дорог. Вместо того чтобы перед нападением на Россию усилить танковое ядро дивизии, Гитлер настоял на сокращении численности танков в дивизии до 200 единиц. В 1944 г. делалась попытка исправить эту ошибку…» В противовес этому Миддельдорф высоко оценивает организационные структуры танковых войск Красной Армии: *«Особенностью организации русских бронетанковых соединений является наличие сильного танкового ядра… Русская танковая дивизия при численности личного состава в 10 тыс. человек имела в два раза больше танков, чем немецкая танковая дивизия, насчитывавшая около 15 тыс. человек».* **[60]**

Практики не случайно столь часто вспоминают про «колесные машины, не способные двигаться вне дорог». Из 17 танковых дивизий Восточного фронта 3 вовсе не имели ни одного бронетранспортера пехоты. Большая часть (12 дивизий) имела одну мотопехотную роту на БТР. Одну роту из двенадцати. Заметное количество полугусеничных бронетранспортеров было лишь в 10-й танковой дивизии (один мотопехотный батальон из четырех) и 1-й танковой дивизии (два батальона на БТР). **[61]** Автомобили, на которых перемещалась мотопехота танковых дивизий вермахта, вовсе не были трехосными «Студебеккерами», тем паче – сегодняшними дизельными «Уралами»; на восток катилась лавина разномастных автомобилей, включая трофейные французские автобусы и хлебные фургоны. Даже летом 1941 г., после первого же дождя (или без дождя, но на песчаных лесных дорогах Белоруссии и Литвы) мотопехота отставала от танкового авангарда, что крайне затрудняло организацию взаимодействия в бою.

Вернемся теперь к Таблице 5. Типы немецких танков размещены в ней по единственному критерию: калибру пушки и весу осколочного снаряда[22]; при этом речь вовсе не идет о том, что по другим критерия Pz-IV можно приравнять к Т-34 и т. п. Как видим, по числу танковых «стволов» советская танковая дивизия штатного состава превосходит немецкую в 2,4 раза (321 против 136). Вследствие того, что «трехдюймовых стволов» в советской дивизии гораздо больше (273 против 30), по весу совокупного залпа танковых пушек она **превосходит немецкую в пять раз**. И все это – еще без учета 56 бронеавтомобилей БА-10, вооруженных 45-мм пушкой.

[22] Советские огнеметные танки и легкие немецкие Pz-II помещены в одну строку как носители нетипичного, способного к решению узкого круга специфических задач, вооружения.

Разительное превосходство танковой дивизии Красной Армии по числу и калибру танковых пушек делает понятным и логичным отсутствие в ее структуре противотанкового артиллерийского дивизиона. В танковой дивизии вермахта был противотанковый батальон стандартного 3-ротного состава (36 пушек калибра 37 мм, к началу вторжения в СССР в некоторых дивизиях одна рота 37-мм «колотушек» была заменена на 9 пушек калибра 50 мм). В советской же дивизии дивизион буксируемых 45-мм ПТО странно бы смотрелся рядом с 273 гораздо более мощными 76-мм пушками, укрытыми танковой броней. Что же касается моторизованной дивизии – советского аналога танковой дивизии вермахта, то в ее составе был стандартный противотанковый дивизион (18 «сорокапяток»), еще 12 пушек ПТО было в составе двух мотострелковых полков дивизии. Кроме того, к отражению танковой атаки противника можно было привлечь 8 длинноствольных 76-мм пушек из состава артполка моторизованной дивизии, четыре 76-мм зенитки, 18 бронеавтомобилей БА-10.

Единственным параметром, по которому огневые возможности немецкой танковой дивизии были выше, является соотношение численности артиллерийских полков. В танковой дивизии Красной Армии два дивизиона (12 122-мм и 12 152-мм гаубиц), в артполку танковой дивизии вермахта три дивизиона (24 105-мм и 12 150-мм гаубиц). Стволов у немцев в полтора раза больше, но с учетом разницы веса снарядов 105-мм и 122-мм гаубиц (15 и 22 кг) превосходство в совокупном весе артиллерийского залпа становится минимальным (876 и 744 кг). Едва ли эти две цифры могут служить разумным основанием для утверждения о «недогруженности советской танковой дивизии артиллерией». Впрочем, и мизерное превосходство исчезает вовсе в тех случаях, когда в составе тяжелого артдивизиона немецкой дивизии четыре 150-мм гаубицы заменялись четырьмя 105-мм пушками.

Средства противотанковой обороны

Соотношение численности, вооружения и бронезащиты новых советских танков (КВ и Т-34) и лучших немецких (последние модификации Pz-III с 50-мм пушкой) оставляли немцам мало шансов на успех в танковой дуэли; совсем не случайно командиры Красной Армии в своих отчетах единодушно отмечают: «танки противника в бой с нашими танками не вступают». Безумство храбрых в вермахте не поощрялось, и танковые войска использовались – по меньшей мере во всех тех ситуациях, когда немцы имели возможность навязывать свою инициативу противнику, – для решения главной задачи (*«танки являются средством прорыва и деморализации тылов и флангов»*).

С другой стороны, мехкорпуса Красной Армии – хотя в теории и в предвоенных планах именно они считались главным инструментом нанесения контрудара по прорвавшимся танковым соединениям противника – в большинстве случаев сражались с немецкой пехотой. В частности, из пяти мехкорпусов, оснащенных значительным количеством танков новых типов (3 МК, 6 МК, 4 МК, 8 МК, 15 МК), три разбились вдребезги после столкновения с пехотой вермахта; во встречном танковом сражении участвовал (с тем же результатом) один только 3 МК. Для понимания хода и исхода этих боев необходимо подробно рассмотреть возможности противотанковой обороны пехоты периода начала 2-й МВ.

Прежде всего, следует уточнить конкретный смысл многократно использованного выше термина «противоснарядное бронирование». Снаряды бывают разные. Снаряд 122-мм советской пушки А-19 на километровой дальности пробивал броневую плиту в 180 мм (в два раза толще лобовой брони «Тигра»). И пушка калибра 122 мм отнюдь не является пределом возможностей ствольной артиллерии – на тяжелых крейсерах и линкорах были «стволы» калибром в 250–350 мм, обладающие умопомрачающими энергетическими характеристиками. Однако линкоры с танками, как правило, не воюют. Соответственно, под «про-

тивоснарядным бронированием» танков понимается их способность выдерживать прямое попадание снарядов вполне определенного перечня артсистем.

Каких именно? Есть два, взаимно дополняющих подхода к определению этого перечня. Самый распространенный, простой и понятный: любых артсистем, стоящих на вооружении пехотной (стрелковой) дивизии противника – и не более того. Логика здесь вполне очевидная – за то время, пока командир дивизии запросит и получит поддержку корпусной или армейской артиллерии, танки «раскатают» его дивизию и уйдут в оперативную глубину обороны.

Второй подход основан на том, что для успешного ведения дуэли с танком пушка ПТО должна обладать не только достаточной пробивной способностью, но и малыми габаритом и весом. Первое позволяет пушке надежно замаскироваться и выиграть таким образом «право первого выстрела», второе (малый вес) позволяет силами самого расчета многократно сменить в ходе боя огневую позицию. Конкретные цифры предельного веса орудия ПТО, как показала практика войны, не должны превышать 1,5 тонны (в этот диапазон укладываются самые массовые системы завершающего периода Второй мировой войны: немецкая 75-мм Pak-40, советские 57-мм ЗиС-2 и 76-мм «дивизионка» ЗиС-3).

Таким образом, применительно к июню 1941 г. понятие «противоснарядное бронирование» конкретно означает: для танка Красной Армии – способность выдержать попадание снаряда немецкой 37-мм пушки Pak-36, для танка вермахта – способность выдержать попадание снаряда 45-мм противотанковой и 76-мм дивизионной пушки (имевшиеся в некоторых немецких и советских пехотных дивизиях в штучных количествах 50-мм Pak-38 и зенитные 76-мм пушки мы вполне осознанно выводим за рамки обсуждения типовых, наиболее распространенных ситуаций боя).

Прежде чем начать листать соответствующие справочники, полезно уяснить, что само понятие «пробитие брони» весьма сложно и многозначно. Что считать пробитием? Крохотную трещину на тыльной стороне бронелиста («предел тыльной прочности», на профессиональном языке)? Или пробоину, через которую целиком прошел бронебойный снаряд («предел сквозного пробития»)? Или пролом в броне размером с футбольный мяч? Наконец, сам процесс взаимодействия снаряда и преграды является вероятностным, т. е. снаряды, взятые из одной заводской партии и отстрелянные из одного и того же орудия, могли пробить мишень, а могли и не пробить. Стоит отметить, что принятые в СССР стандарты испытаний были одними из самых жестких – перенос через преграду более 90 % массы снаряда в 75 % попаданий. Все эти различия в способах оценки приводят к тому, что показатели бронепробиваемости противотанковых пушек, приведенные в разных источниках, существенно различаются. Что и было учтено при составлении Таблицы 6.

Таблица 6

	37-мм Pak-36	45-мм обр. 37 г.	76-мм УСВ
Вес БР-снаряда, кг	0,68	1,43	6,2
Дистанция 100 м (мм)	50–38 / 42–31	58–47 / 43–40	80–74 / 69–65
Дистанция 500 м (мм)	48–35 / 36–27	50–43 / 44–32	75–70 / 61–55

Примечание: угол встречи с броней 90 град / угол встречи 60 град.

Цифр много, зато выводы из этих цифр получаются предельно простые. Советские танки «старых типов» (Т-26, БТ, Т-28) имели броню толщиной 15–22 мм. Такая броня пробивалась немецкой 37-мм пушкой всегда, на любых реальных дистанциях прицельной стрельбы. Немецкие танки 38–40-х гг. (а также принятые на вооружение вермахта легкие чешские танки) имели броню толщиной 15–30 мм. Такая броня пробивалась советскими

пушками ПТО всегда, на любых реальных дистанциях прицельной стрельбы. Можно сказать, что имеет место полное «равенство в нищете», и все же немецкие танки «равнее других» – им предстояла встреча с более тяжелыми советскими БР снарядами, и есть существенная разница в заброневом воздействии снарядика весом в 680 г и снаряда весом в 6,2 кг.

На рубеже 40–41-х годов будущие противники занялись усилением бронезащиты своих танков. На Гитлера работала «вся Европа» (интересная такая «всяевропа», в составе которой не было Великобритании, Испании, Швейцарии, Швеции, а на вооружение Италии приходилось еще и тратить германские ресурсы), но работала плохо, не по-сталински. В результате все, что совместными усилиями удалось сделать, – это привинтить (или приварить) к лобовым листам корпуса танков Pz-III и Pz-IV стальные «нашлепки». Таким образом толщина лобовой брони выросла до 50–60 мм, что уже превысило бронепробиваемость «сорокапятки»[23]. Затем, на следующих модификациях, усилили бронирование «лба» башни до 50 мм. Борт и корма корпуса и башни всех немецких танков по-прежнему **остались с 20–30-мм противопульной броней**.

Танк на поле боя не всегда движется строго по прямой линии, подставляя под огонь орудий ПТО исключительно и только свой «лоб»; башня танка не случайно сделана вращающейся (хотя это и создает уйму технических и компоновочных проблем), а при всяком повороте немецкий танк подставлял тонкий борт башни под огонь ПТО. И тем не менее, самые массовые 45-мм пушки (напомню, что ими же были вооружены легкие советские танки и бронемашины БА-10) стали «ограниченно годными» для борьбы со средними танками вермахта. Теперь при встрече с ними нужно было использовать 76-мм «дивизионки», которых было относительно мало (16 на дивизию), а непосредственно в составе стрелкового полка их не было вовсе.

Впрочем, и танков с «нашлепками» было не слишком много. Точного их количества по состоянию на 22 июня 1941 г. на Восточном фронте не знает никто. Обычно принято зачислять в этот перечень все Pz-III с 50-мм пушкой (707 единиц) и некую неопределенную «большую часть» от общего количества (439 единиц) танков Pz-IV. Даже при таком подходе получается одна треть от общего числа танковой группировки вермахта (причем в 6 из 17 танковых дивизий «троек» не было вовсе). Однако знакомство с документами штабов Красной Армии заставляет усомниться в правильности этой оценки – в большинстве случаев при описании встречи с танками противника, вооруженными 75-мм и 50-мм пушками, толщина их брони оценивается в 25–30–40 мм. Это еще можно было бы объяснить поспешностью (в бою не до работы с микрометром), но и в обобщающем документе, подготовленном в ГАБТУ (судя по входящему делопроизводственному номеру – 28.1.1942 г.), «тройка» описана как танк с толщиной брони *«лобовой, бортовой и башни – 30 мм»*; про «четверку» сказано: *«лобовая броня 40–50 мм, бортовая 20–40 мм, башни – 20 мм».* **[62]**

Сталин готовился к войне серьезно и имел для того значительные сырьевые и трудовые ресурсы. Про «нашлепки», кстати, тоже не забыли (дополнительной броней экранировали средние трехбашенные танки Т-28), но главное было в том, что к 1 июня 1941 г. в составе Красной Армии числилось без малого полторы тысячи танков «новых типов» (545 КВ и 969 Т-34). Эти машины поставили перед ПТО немецкой пехотной дивизии почти неразрешимую задачу. Корпус и башня тяжелого танка КВ имели толщину брони в 75 мм (на некоторых

[23] Тем не менее, существуют документально зафиксированные случаи пробития экранированной брони немецких средних танков 45-мм пушкой. Это может объясняться как общей статистической неопределенностью взаимодействия снаряда с броней, так и тем, что в случае нескольких прямых попаданий «экран» могло сорвать с корпуса танка.

модификациях «лоб» был усилен до 90 мм). Пробить это 37-мм немецкая пушка не могла ни при каких условиях.

Корпус среднего танка Т-34 был сварен из броневых листов толщиной «всего лишь» в 40 и 45 мм, но миллиметры эти были установлены под большими углами. Лобовой лист корпуса имел наклон в 60 градусов от вертикали, что обеспечивало почти гарантированный рикошет бронебойного снаряда[24]. Бортовой лист корпуса (40 мм) был установлен под углом 40 градусов, борт башни (52 мм толщиной) имел наклон в 30 градусов. При таких углах встречи снаряда с броней 37-мм немецкая пушка оказалась практически бесполезной даже на самых ближних дистанциях (за что и получила от солдат вермахта презрительное прозвище «колотушка»). Да, уязвимым местом «тридцатьчетверки» был вертикальный 45-мм лист борта корпуса, но для того, чтобы поразить его, надо было загнать снаряд в просвет между гусеничными катками – фокус не для слабонервных…

Еще раз напомним, что никаких других пушек (аналогов советских длинноствольных 76-мм «дивизионок» и зениток) в составе вооружения пехотной дивизии вермахта не было. Новейшие на тот момент 50-мм противотанковые пушки Pak-38 поступили лишь в каждую четвертую пехотную дивизию Восточного фронта, да и то в количестве 2 единицы на пехотный полк. Это позволяло подбить несколько «блуждающих» танков, но отразить собственными силами массированную атаку Т-34 и КВ пехотная дивизия вермахта не могла.

«Противотанковая оборона, без сомнения, является самой печальной главой в истории немецкой пехоты. Путь страданий немецкой пехоты в борьбе против русских танков Т-34 идет от 37-мм противотанкового орудия, прозванного в армии «колотушкой», через 50-мм к 75-мм противотанковой пушке на механической тяге. Видимо, так и останется до конца неизвестным, почему в течение трех с половиной лет с момента первого появления танка Т-34 в августе 1941 г. до апреля 1945 г. не было создано приемлемого противотанкового средства пехоты». **[63]**

В этой известной цитате из книги Миддельдорфа много примечательного, в частности – слова о том, что танки Т-34 якобы появились на фронте лишь в августе 41-го (то есть без малого тысяча таких танков, находившихся в июне в западных округах, оказалась незамеченной). Что же касается затянувшегося на долгие годы перевооружения пехоты адекватной противотанковой пушкой, то одной из причин такого провала стала попытка решить проблему «просто и быстро» – совершенствованием снаряда к имеющимся малокалиберным орудиям ПТО.

Бронебойные снаряды бывают разные, и по своей конструкции эта «болванка» совсем не так проста, как можно подумать. В конце 30-х годов был придуман и запущен в крупносерийное производство т. н. «подкалиберный» снаряд. Он имел достаточно сложную конструкцию, состоящую из очень твердого бронебойного сердечника, вставленного в оболочку («поддон»), внешне похожую на катушку из-под ниток; на носовую часть снаряда устанавливался легкий аэродинамический обтекатель. При попадании снаряда в цель обтекатель мгновенно сминался, а сердечник пробивал броню.

Такая конструкция позволила примерно вдвое снизить вес снаряда и существенно повысить его начальную скорость. Так, подкалиберный снаряд к 37-мм пушке имел начальную скорость 1020 м/сек (против 760 м/сек у обычного БР-снаряда), подкалиберный снаряд к 50-мм Pak-38 разгонялся до скорости 1200 м/сек (против 830 м/сек у обычного). В результате в таблицах бронепробиваемости появились ошеломляющие цифры: стандартная немецкая

[24] Нарушая хронологию нашей книги, отметим, что в октябре 1942 г., когда основной пушкой ПТО вермахта стала 50-мм Pak-38, обследование 154 подбитых танков Т-34 дало следующую статистику: лоб корпуса пробили лишь 11 % от попавших в него 50-мм снарядов, борт пробили 62 %.

37-мм пушка на 100-метровой дистанции пробивала подкалиберным снарядом броню в 75–80 мм (а это уровень бронезащиты тяжелого танка КВ), 50-мм Pak-38 и вовсе пробивала на 100 метрах 120 мм брони. Можно предположить, что на кого-то такие таблицы произвели сильное впечатление, и германские заводы в 1940 г. произвели 319 тыс. подкалиберных 37-мм снарядов. **[64]**

После того, как эти снаряды встретились с новыми советскими танками, выяснилось, что «не все то золото, что блестит». Выяснилось настолько отчетливо, что в 1941 г. производство 37-мм подкалиберных БР-снарядов сократилось до 16 тыс., а затем было свернуто вовсе. Почему?

Прежде всего потому, что танк – это не воздушный шарик, который достаточно проткнуть иголкой. Сам по себе факт появления сквозного отверстия в броне еще не гарантирует уничтожение танка. Приведем один характерный пример. Полигонный обстрел легкого Т-26 из противотанкового ружья показал, что из 39 пуль, пробивших броню танка, лишь одна повредила «ногу» одного из трех манекенов, изображавших экипаж; серьезные повреждения конструкции причинили лишь два попадания в бензобак. Подкалиберный снаряд к 37-мм пушке представлял собой не более чем толстый твердый «гвоздь», который мог вывести танк из строя только в случае случайного попадания в особо уязвимый агрегат. Ситуация усугублялась тем, что советские танки «новых типов» (Т-34 и КВ) были дизельными и внутри них по определению не могло быть паров бензина, способных вспыхнуть от первой же искры.

Совсем не случайно «нормальные» снаряды снабжались зарядом ВВ (от 120 до 155 г в советских БР-снарядах к 76-мм пушке) и донным взрывателем; взрыв внутри замкнутого объема танка выводил из строя экипаж, мог вызвать воспламенение моторного отделения и детонацию боеукладки – но в подкалиберных снарядах разрывного заряда не было по определению.

Далее. В силу действия непреложного физического закона[25] легкий подкалиберный снаряд быстрее терял свою первоначальную скорость. В результате на дистанции более 600–700 м эффективность подкалиберного снаряда снижалась до уровня обычной «болванки». Но и это еще не все – длинный и относительно тонкий твердый сердечник крошился при встрече с наклонным листом брони «тридцатьчетверки». Так, упомянутое выше обследование 154 подбитых Т-34 осенью 1942 г. показало, что только 20 % попаданий подкалиберных снарядов привели к пробитию лобового листа корпуса (хотя «по табличке» броню в 45 мм такой снаряд должен был прошить как лист картона).

Последним по счету (но не по важности!) недостатком подкалиберных снарядов было то, что твердый сердечник изготавливался из карбида вольфрама. Вольфрам – это дорогостоящая экзотика, и разбрасываться (в самом прямом смысле этого слова) дефицитным сырьем, необходимым и для электроники, и для производства специальных сталей, Германия во время затяжной войны не могла. Объем выпуска подкалиберных 50-мм снарядов снизился с 644 тыс. в 1941 г. до 40 тыс. в 1943 г., а затем и вовсе был прекращен. Реальным и, увы, весьма эффективным (процент поражений доходил до 90 % случаев попадания снаряда в танк) средством борьбы с советскими танками смогла стать только 75-мм противотанковая пушка Pak-40 с «нормальным» калиберным снарядом.

Принцип концентрации сил, о котором мы столь подробно говорили применительно к танковым войскам, верен и в деле организации противотанковой обороны. Неудивительно,

[25] Т.к. после выхода снаряда из ствола орудия единственной движущей его вперед силой является «сила энерции» (школьные учителя не любят этот термин), уменьшение массы снаряда при сохранении его геометрических размеров, а следовательно, и аэродинамического сопротивления (или даже увеличении его при отсутствии обтекателя), приводит к быстрой потере скорости.

что обе стороны (Германия и СССР) создали в структуре своих вооруженных сил специальные противотанковые части. В вермахте основным инструментом усиления противотанковой обороны был стандартный батальон (36 пушек калибра 37 мм) на механической (автомобильной) тяге, точно такой же, как и в любой пехотной дивизии. С теми же ограничениями по боевой эффективности, какие создало появление на поле боя танков Т-34 и КВ. К 22 июня 1941 г. таких батальонов на всем Восточном фронте было 6 (шесть). Итого – 216 дополнительных «колотушек» на фронте от Балтики до Черного моря.

Но это еще не все. Была ведь и «всяевропа», от которой Гитлеру досталась пара сотен захваченных в Чехословакии противотанковых 47-мм пушек «Шкода» обр. 1938 г. (эта система по весу БР-снаряда и его начальной энергии на 15–20 % превосходила нашу «сорокапятку»). Так как примитивная и устаревшая конструкция колесного хода чешской пушки не позволяла транспортировать ее со скоростью более 15 км/час, немцы решили взгромоздить эту пушку на шасси легкой танкетки Pz-I. Так появился удивительный «девайс», получивший гордое название «истребитель танков» (Panzerjäger I).

Если попытаться найти аналог этому сооружению среди бронетехники Красной Армии, то нужно представить себе легкий танк Т-26, которому срезали крышу и корму башни (пушка на немецком «истребителе» помещалась в открытой броневой рубке). По бронированию (13–15 мм), мощности двигателя (90–100 л/с) и вооружению они были вполне сопоставимы. Главная же разница заключалась в том, что шасси немецкой легкой танкетки (подвеска, трансмиссия) не было изначально рассчитано на такую нагрузку. Чтобы не тратить более собственных слов, перейдем к цитированию документа – отчета командира 643-го истребительно-противотанкового батальона, принявшего участие в боях во Франции:

«…Совместные с подразделениями пехоты марши привели к выходу из строя матчасти. Особенно часто отмечались поломки сцепления и дифференциалов. Совместные марши с танковыми частями приводили к аналогичным деструктивным результатам… Каждые полчаса в первые 20 км марша необходимо делать остановки, чтобы охладить двигатели, выполнить осмотр, произвести при необходимости смазку и ремонт. В дальнейшем остановки необходимо делать через каждые 30 км пробега…

Обзор из машины – исключительно плохой. Можно смотреть вперед через верхний обрез щита рубки, результатом чего может стать «Kopfschuesse» (что можно перевести как «секир башка»). *В уличных боях экипаж фактически лишен возможности наблюдать поле боя… Храбрый неприятельский пехотинец способен легко уничтожить экипаж ручной гранатой, бросив ее с бортов или с кормы…*

Бронирование шасси неадекватно. Снаряды французских противотанковых пушек калибра 25 мм пробивают броню, стреляя даже с больших дистанций. Бронирование рубки пробивают даже бронебойные пули винтовочного калибра… Высокие рубки наших истребителей танков делали работу машин на поле боя исключительно опасной…» **[65]**

Таких чудо-машин было выпущено всего 202 единицы. Ими были оснащены отдельные истребительно-противотанковые батальоны, каковых на Восточном фронте 22 июня 1941 г. было восемь (2 в ГА «Север», 5 в ГА «Центр», 1 в ГА «Юг»). По штату в каждом батальоне должно было быть 3 роты по 9 машин в каждой, но фактически их было меньше, в среднем по 20 на батальон. Еще две роты числились в составе 900-й моторизованной бригады и бригады СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Накануне вторжения в СССР немцы наладили выпуск подкалиберных 47-мм снарядов, что повысило бронепробиваемость орудия самоходки – со всеми упомянутыми выше оговорками. Практика боевого применения «Панцеръягера» на Восточном фронте подтвердила заслуженную им ранее репутацию. Командир 521-го батальона в июле 1941 г. докладывал:

«При атаке вражеских позиций, оснащенных противотанковыми пушками и артиллерией, как это было у Могилева и Рогачева, высокая рубка становилась хорошей мишенью,

и «Панцеръягер» уничтожался раньше, чем мог вступить в бой. При близком взрыве тяжелого артиллерийского снаряда осколки пробивали тонкую броню, как это было у Рогачева. Русская 45-мм противотанковая пушка поражала броню на дальности в 1200 м. 1-я рота потеряла в этих боях 5 машин, из которых только 2 возможно было восстановить…»

Немецкий «истребитель танков» был изначально обречен. Противотанковая пушка должна быть легкой, компактной и малозаметной – или ее надо ставить на шасси среднего (еще лучше – тяжелого) танка и укрывать броней, причем броней исключительно прочной, позволяющей вступить в дуэль с любым танком противника; пушка ПТО на шасси легкой танкетки с противопульным бронированием – это заведомый абсурд.

В СССР пошли другим путем. Для усиления противотанковой обороны предназначались не батальоны, и даже не полки. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 23 апреля и соответствующими директивами НКО от 26 апреля 1941 г. было оформлено решение о формировании 10 противотанковых артиллерийских бригад Резерва Главного командования (пять в Киевском ОВО, три в Западном и два в Прибалтийском). Война началась раньше намеченного Сталиным срока, и фактически большая часть ПТАБР к 22 июня не была укомплектована полностью, но имеет смысл рассмотреть эту структуру подробнее, дабы оценить масштаб и серьезность намерений советского военно-политического руководства.

По утвержденному штатному расписанию в составе ПТАБР было 2 артполка по 5 дивизионов в каждом, всего 10 дивизионов, 120 орудий ПТО в бригаде. Калибр противотанкового вооружения бригады начинался с 76-мм пушек Ф-22 (она обладала несколько большей начальной скоростью снаряда и бронепробиваемостью, чем указанная выше, в Таблице 6, пушка УСВ). Такими орудиями вооружались 4 дивизиона, и на ближайшие два года, до появления «Тигров» и «Пантер», этого было достаточно для поражения любого танка вермахта.

Однако те, кто разрабатывал штатное расписание ПТАБР, отнеслись к делу строже. Еще 4 дивизиона бригады вооружались 85-мм зенитками 61-К обр. 1939 г. Использование этого орудия было уже «чрезмерной жестокостью» – на дальности в 1 км зенитка могла пробить броневой лист толщиной в 110 мм, а у немцев ничего подобного не было даже в чертежах. Но и этого показалось мало, и в состав ПТАБР ввели 2 дивизиона 107-мм пушек!

Поскольку опыт немецкого «блицкрига» во Франции показал, что наступление танковых дивизий вермахта неустанно поддерживается действиями пикирующих бомбардировщиков, в состав ПТАБР ввели необычайно большое количество средств ПВО: 16 скорострельных 37-мм зенитных пушек и 36 крупнокалиберных пулеметов ДШК. Кроме того, в состав бригады были включены минно-саперный и автотранспортный батальоны. Всего в бригаде должно было быть 5322 человека, 11 легковых, 707 грузовых и специальных автомашин, 165 гусеничных тягачей.

«Кому много дано, с того много спросится». Командование Красной Армии возлагало на ПТАБР серьезные надежды, о чем со всей очевидностью свидетельствует документ: утвержденные 3 июня 1941 г. начальником штаба Киевского ОВО «Временные указания по боевой подготовке, боевому использованию и построению боевых порядков ПТАБР». **[67]**

Боевое использование представлялось следующим образом. На участке фронта шириной в 3–4 км ПТАБР должна была остановить наступление 400–500 танков противника (и это не опечатка). При этом ожидалось, что стальная лавина будет двигаться *«последовательными волнами в 20–30 танков на км фронта, т. е. примерно пять волн»*, со скоростью 15 км/час (250 м/мин). Боевой порядок бригады предполагался в два эшелона: в первом 4 дивизиона 76-мм пушек и один дивизион 107-мм пушек на наиболее угрожаемом направлении, 4 дивизиона 85-мм пушек и 1 эшелон 107-мм (т. е. более мощные орудия) выводились в резерв командира бригады для уничтожения прорвавшихся в глубину обороны тяжелых танков.

Действия первого эшелона описаны следующим образом: *«Каждое орудие с дальности 1200 м способно дать минимум 3–4 прицельных выстрела в минуту, из них 1 выстрел выводит танк из строя* (с учетом мощи используемых орудий оценка вполне реалистичная. – *М.С.*). *Следовательно, первый и второй эшелоны танков выводятся из строя на 100 %, не дойдя до огневых позиций на 200 метров»*. Другими словами, предполагалось, что одна пушка должна вывести из строя четыре танка противника прежде, чем танки выкатятся на огневые позиции. Дальнейшее во «Временных указаниях» не описано; вероятно, ожидалось, что противник после такой бойни прекратит атаку или же самые настойчивые будут расстреляны орудиями второго эшелона бригады.

Вот такая армия строилась в начале 40-х годов в СССР. Огромная, вооруженная горами новейшего оружия. Разве не давали эти тысячи и десятки тысяч танков, орудий, минометов основания надеяться на сокрушительный успех в войне?

Правильный ответ – нет. Пушки сами не воюют, воюют люди. Эта тривиальная, но и самая важная мысль была четко зафиксирована в Полевом уставе Красной Армии: *«Самым ценным в РККА является новый человек Сталинской эпохи. Ему принадлежит в бою решающая роль. Без него все технические средства борьбы мертвы, в его руках они становятся грозным оружием. Весь личный состав РККА воспитывается в большевистском духе активности, смелой инициативы, непоколебимого порыва, несокрушимого упорства и постоянного стремления разить врага»* (ПУ-39, п. 6). Впрочем, по авторитетному мнению наркома обороны СССР (затем – председателя Комитета обороны при СНК), народ и так рвался в бой, безо всякого воспитания. Выступая с речью на первомайском параде 1939 года, тов. Ворошилов заявил дословно следующее: «*Советский народ не только умеет, но и любит воевать!»* **[68]**

Следующий вопрос. Был ли среди окружавших Сталина генералов и маршалов, наркомов и партийных секретарей хотя бы один, который мог сказать ему примерно следующее: «Коба, полстраны ненавидит тебя лютой ненавистью, остальные выживают, как могут. С первыми же выстрелами настоящей, большой войны вся твоя «непобедимая армия» разбежится по лесам или сдастся в плен». Правильный ответ – нет. Таких смелых не нашлось. Ни одного человека. Вот поэтому-то тов. Сталин и его маршалы разрабатывали смелые планы, о которых пойдет речь в следующей главе.

Глава 1.2
Большая игра

С момента выхода в свет книги В. Суворова «Ледокол» вопросы военного планирования в СССР 1939–1941 годов стали (и по сей день остаются) одной из самых острых тем общественной дискуссии. Для «патриотов совка» яростное, с пеной у рта, отрицание факта наличия у Красной Армии планов вторжения в Европу стало делом доблести, чести и геройства; отрицать они намерены до конца, игнорируя любые аргументы и факты, с тупым упорством героя известной серии анекдотов, в которых мужика без трусов находят в чужой спальне… Все, что я хотел и мог сказать по этому поводу, изложено в статьях «Три плана товарища Сталина» и «Первый удар». **[69]** Желающие могут ознакомиться. При всем при том тема еще далеко не исчерпана, в частности, нуждается она и в расширении хронологических рамок (немало «открытий чудных» ждут нас и в изучении вопроса участия СССР в «судетском кризисе» 1938 г.). Занимать страницы данной книги большой дискуссией на «суворовскую тему» мы не станем и перейдем сразу же к основным фактам и выводам из них.

Документы

В настоящий момент доступны, по меньшей мере, 13 текстовых документов, составленных в период с лета 1940 г. по май 1941 г. и непосредственно отражающих процесс разработки плана войны против Германии. Это:

– Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И.В.Сталину и В.М.Молотову «Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке», б/н, не позднее 15 августа 1940 г. **[70]**

– Документ с аналогичным названием, за номером № 103202 от 18 сентября 1940 г. **[71]**

– Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и В.М. Молотову № 103313 от октября 1940 г. (этот документ обычно именуют «уточненный октябрьский план стратегического развертывания»). **[72]**

– Директива наркома обороны СССР командующему Ленинградским ВО на разработку плана оперативного развертывания, б/н, от 25 ноября 1940 г. **[73]**

– Указания наркома обороны СССР по разработке плана оперативного развертывания армий Киевского ОВО, б/н, от 28 ноября 1940 г. **[74]**

– Докладная записка начальника штаба Киевского ОВО по решению Военного совета Юго-Западного фронта по плану оперативного развертывания, б/н, не позднее декабря 1940 г. **[75]**

– Директива наркома обороны СССР на разработку плана оперативного развертывания армий Прибалтийского ОВО, б/н, не позднее января 1941 г. **[76]**

– Записка по плану действий Западного фронта, б/н, не позднее февраля 1941 г. **[77]**

– Директива наркома обороны СССР на разработку плана оперативного развертывания армий Прибалтийского ОВО, б/н, от 3 марта 1941 г. **[78]**

– Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и В.М. Молотову «Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке», б/н, от 11 марта 1941 г. **[79]**

– Директива наркома обороны СССР на разработку плана оперативного развертывания войск Западного ОВО, б/н, апрель 1941 г. **[80]**

– Директива наркома обороны СССР на разработку плана оперативного развертывания войск Ленинградского ВО, б/н, от 11 апреля 1941 г. **[81]**

– Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками, б/н, май 1941 г. **[82]**

Таким образом, в нашем распоряжении имеется пять вариантов общего стратегического плана Красной Армии и по два текстовых документа, отражающих разработку планов оперативного развертывания войск каждого из четырех западных округов/фронтов. Чрезвычайно важно отметить, что шесть документов являются по форме и содержанию приказами (директивами) наркома обороны СССР; **это никакие не «черновики проектов предложений», а обязательные к исполнению приказы высшего военного руководства страны.**

Рассекречено несколько десятков рабочих карт (ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 240, 244, 245), на которых в графическом виде отражены как упомянутые выше планы и директивы, так и еще какие-то промежуточные этапы их отработки (в частности, имеются карты с датами 24 февраля и 6 апреля, что не совпадает с датами составления известных текстовых документов; кроме того, состав группировки войск Красной Армии, указанный на картах, не всегда полностью совпадает с текстовыми документами).

По меньшей мере с сентября 1940 по май 1941 г. все известные варианты Большого Плана – равно как и детализирующие его оперативные планы округов/фронтов – представляют собой фактически единый документ, лишь в малозначимых деталях меняющийся от месяца к месяцу. Имеет место не только смысловое, но и явное текстуальное сходство всех этих «соображений», «записок» и «директив». Как матрешки, похожи друг на друга и обнаруженные в архивах карты – сегодня они вполне сгодятся для известного теста на наблюдательность «найдите пять отличий» (рис. 3 и 4).

Все документы представляют собой описание плана подготовки и проведения крупномасштабной наступательной операции, проводимой за пределами государственных границ СССР. Стратегическая оборона на собственной территории не рассматривается в них даже как один из возможных вариантов действий[26]. Никаких других планов никто так и не нашел. Учитывая, что желающих «дать отпор враждебным происках» у нас много и в их распоряжении были и остаются все архивы страны, можно с вероятностью в 99,99 % предположить, что никакого другого плана просто не существовало.

Что касается замысла наступательной операции, то он неизменно формулируется так: *«Наиболее выгодным является развертывание наших главных сил к югу от р. Припять с тем, чтобы мощными ударами на Люблин, Радом и на Краков разбить главные силы немцев и в первом же этапе войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важных экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне против нас».* **[83]** Основной удар должны были нанести войска Юго-Западного фронта во взаимодействии с левым (южным) флангом Западного фронта с задачей *«нанести решительное поражение Люблин, Радом, Сандомир, Краковской группировке противника, форсировать р. Висла, овладеть Краков и Варшава и выйти на фронт Варшава, Лодзь, Крейцбурн, Оппельн, Оломоуц»* (города в Польше и Словакии на расстоянии в 250–350 км к западу от тогдашней границы СССР. – *М.С.*).

Мартовский (1941 г.) вариант[27] плана устанавливал такой темп наступления: на 3-й день занять подвижными частями (т. е. танковыми и моторизованными дивизиями) Люблин

---

[26] Стоит отметить, что в новейшей истории России был краткий миг, когда с этим очевидным выводом соглашались даже признанные корифеи официальной исторической науки. Так, не кто иной, как М.А. Гареев в июле 1991 г. писал: *«Направление сосредоточения основных усилий советским командованием выбиралось не в интересах стратегической оборонительной операции (такая операция просто не предусматривалась и не планировалась), а применительно совсем к другим способам действий».*

[27] Текст документа составлен 11 марта; 17 марта нарком обороны Тимошенко, начальник Генерального штаба Жуков, член Главного военного совета Маленков (эта тройка номинально имела право подписать самые главные директивы) и председатель Комитета обороны при СНК Ворошилов провели в кабинете Сталина шесть (!) часов, с 17.15 до 23.30, что является совершенно необычайным явлением для лаконичного стиля работы «Хозяина».

и на 8-й день операции – Краков, «главными силами» выйти на р. Висла к 10-му дню операции (т. е. даже для пехоты планировался темп наступления порядка 10–12 км в день). Мартовский вариант примечателен еще и тем, что в нем появляется то заветное слово, без которого само намерение «разбить главные силы немцев» повисает в воздухе: *«Дальнейшей стратегической целью для главных сил Красной Армии в зависимости от обстановки может быть поставлено: развить операцию через Познань на Берлин* (выделено мной. – *М.С.*)*, или действовать на юго-запад, на Прагу и Вену, или нанести* [удар] *на север, на Торунь и Данциг с целью обхода Восточной Пруссии».*

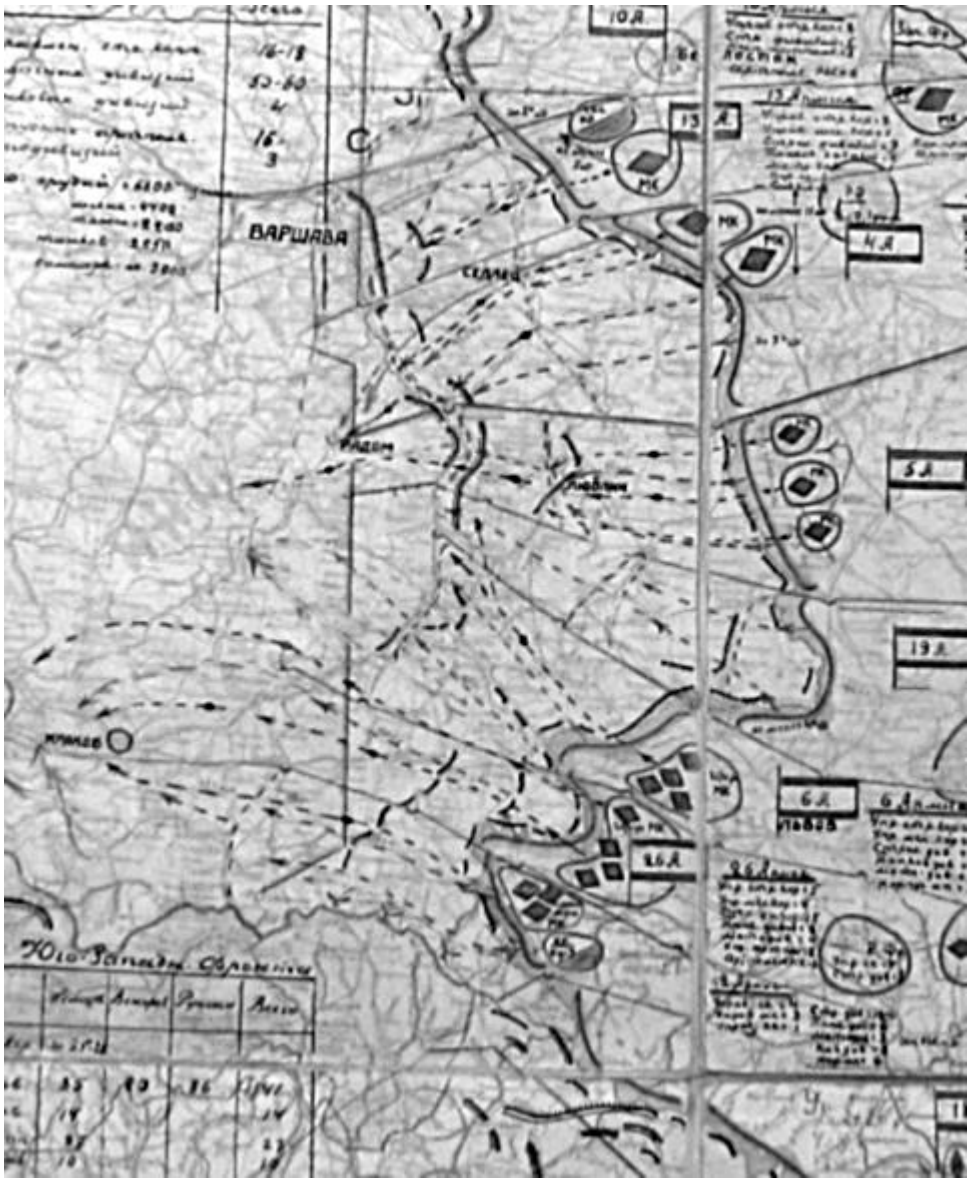


Рис. 3. План наступление Красной Армии, вариант 24 февраля 1941 г.

Что я хочу этим «доказать»? Ровным счетом ничего, так как нет спорного тезиса, требующего доказательств. Наступательная направленность военной доктрины Красной Армии является бесспорным фактом. Это не гипотеза, а директивное указание, зафиксированное уже во втором параграфе Полевого устава ПУ-39. *«Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательно, с самой решительной целью полного разгрома противника на его же территории».* Столь же бесспорно и то, что наступательная направленность планов и системы боевой подготовки Вооруженных сил ни в коей мере

не могут служить доказательством агрессивности внешней политики государства. Армия любой страны, даже самой миролюбивой, создается для того, чтобы побеждать. Самым эффективным способом решения этой задачи было, есть и будет наступление. «Наступление» и «агрессия» – это разные слова, из разных словарей, и они далеко не всегда являются синонимами.

Рис. 4. План наступление Красной Армии, вариант 27 апреля 1941 г.

Неизменная агрессивность сталинской империи также не нуждается в доказательствах. Эта агрессивность нашла свое выражение не в параграфах Устава и не в красных стре-

лочках на оперативных картах; ее нельзя прикрыть «фиговым листочком» слов типа «Если враг навяжет нам войну…». Неукротимое стремление к всемирной экспансии было зафиксировано в государственном гербе СССР, на котором серп с молотом накрывали весь земной шар, а границы «пролетарского государства» не были обозначены даже тончайшей линией.

В Декларации о создании Союза ССР (30 декабря 1922 г.) было прямо сказано, что новое государство *«послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику».* Вполне официальной пропагандой войны были пронизаны все сферы жизни в СССР 30-х годов[28]. Непосредственно в Москве находился руководящий центр глобальной подрывной организации (Коминтерн), которая, игнорируя государственные границы и нормы международного права, пыталась (к счастью – безуспешно) насадить контролируемую Сталиным диктатуру во многих странах мира. Наконец, стремление к экспансии нашло свое прямое выражение в расширении границ империи, произошедшем с 1922 по 1953 год.

Менялась лишь идеологическая «упаковка». Начиналось все с яростного мессианского порыва («*взвихренной конницей рвется к новому берегу мир»*), с мечты о новой земле и новых небесах, под которыми не останется места для таких устаревших глупостей, как государственные границы *(«чтобы в мире без Россий и Латвий жить единым человечьим общежитьем»*), с веры, у кого-то даже искренней, что весь мир ждет своего превращения в огромный сталинский барак (*«Когда последний пограничный знак / С лица земли сметут солдаты наши / Восторжествует всюду красный флаг / Цветы для всех свои раскроют чаши / И люди, населяющие мир, / Вслед за тобой, одна шестая света / Как победители, придут на пир / Провозгласить великую победу»*).

Цветы революционного энтузиазма завяли быстро. Последняя попытка изобразить что-то вроде «восстания трудящихся» была предпринята 1 декабря 1939 г., когда в первые дни вторжения в Финляндию было объявлено о появлении какого-то «народного правительства демократической Финляндии»; правда, на посмешище всему свету, начальником этого мифического правительства был назначен тов. Куусинен, член ЦК ВКП(б) с 1918 г., живущий в Москве. Больше Сталин так не позорился, и все последующие «освобождения» осуществлялись по жесткой схеме: сначала – военная оккупация, и только после этого – стихийные митинги, в ходе которых «весь трудовой народ единодушно…».

К лету 1941 г. советская пропаганда окончательно сбросила всякий камуфляж. Подготовленная в начале июня лично секретарем ЦК ВКП(б) Щербаковым директива «О состоянии военно-политической пропаганды» была составлена в таких выражениях: *«Внешняя политика Советского Союза ничего общего не имеет с пацифизмом, со стремлением к достижению мира во что бы то ни стало… Ленинизм учит, что страна социализма, используя благоприятно сложившуюся международную обстановку, должна и обязана будет взять на себя инициативу наступательных военных действий…»* **[84]**

Последний вариант

В начале мая появляется очередной вариант «Соображений по плану стратегического развертывания». С точки зрения замысла операции этот пятый по счету (с августа 1940 г.)

---

[28] *«Эх, лет через двадцать, после хорошей войны, выйти да взглянуть на Советский Союз – республик этак из тридцати-сорока. Черт его знает, как хорошо!»* Такие замечательные слова в фильме «Великий гражданин» произносит его главный герой, партийный руководитель Шахов (прообразом которого был С.М. Киров). При этом доподлинно известно, что Сталин не просто ознакомился со сценарием фильма, но и одобрил его (*«составлен он бесспорно политически грамотно»*) и оставил на полях сценария множество замечаний. По злой иронии истории Сталинская премия создателям фильма была присуждена в 1941 г., незадолго до начала «хорошей войны»…

вариант плана войны против Германии ничем не отличался от своих предшественников. По задачам, направлениям главных ударов, пропорциям распределения войск между отдельными фронтами, срокам и рубежам майские «Соображения» почти дословно повторяют «Уточненный план стратегического развертывании» от 11 марта 1941 г. В очередной раз планируется «*разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Демблин, и выход к 30 дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц. Последующей стратегической целью иметь: наступлением из района Катовице в северном или северо-западном направлении разгромить крупные силы Центра и Северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии. Ближайшая задача – разгромить германскую армию восточнее р. Висла и на Краковском направлении, выйти на реки Нарев, Висла и овладеть районом Катовице…*»

Столь же неизменной остается и полнейшая неосведомленность разработчиков «Соображений» относительно планов противника. Увы, «секреты Гитлера на столе у Сталина» лежат только в сочинениях отставных кагэбэшников. Фактически же в майских «Соображениях» намерения противника описаны следующим образом:

«*Вероятнее всего главные силы немецкой армии в составе… будут развернуты к югу от линии Брест – Демблин для нанесения удара в направлении – Ковель, Ровно, Киев. Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться ударом на севере из Восточной Пруссии на Вильно и Ригу, а также короткими, концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи. На юге следует ожидать ударов: а) в направлении Жмеринки – румынской армии, поддержанной германскими дивизиями; б) в направлении Мункач* (ныне Мукачево. – *М.С.*)*, Львов; в) Санок, Львов*».

С реальными планами немцев тут нет даже отдаленного сходства. Основные силы вермахта (Группа армий «Центр») развертывались не к югу, а к северу от полосы болот Полесья («*от линии Брест – Демблин*»); сосредоточенная у Бреста самая мощная 2-я Танковая группа имела задачу нанести главный удар на глубину в 300–400 км, на Минск и Бобруйск, а вовсе не короткий вспомогательный удар на Барановичи. В полосе Группы армий «Юг» основной удар наносила 1-я Танковая группа, но не через заболоченный лес у Ковеля, а в 50–60 км южнее, в полосе Устилуг, Крыстынополь (ныне Червоноград); в Карпатах (*«в направлении Мункач, Львов; Санок, Львов»*) вовсе не было никаких немецких войск (не считая две т. н. «охранные», т. е. полицейские дивизии); удар под южное основание «Львовского выступа» (*«в направлении Жмеринки»*) был нанесен, но через три недели после начала войны, в уже совершенно иной оперативной обстановке.

Впрочем, столь ошибочная оценка намерений противника в определенной степени «обнулялась» тем, что разработчики «Соображений» вовсе не собирались предоставлять противнику возможность реализовывать его (противника) наступательные планы: «*Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск*».

Имеет смысл по возможности уточнить хронологию составления и обсуждения данного документа. Как и другие, этот вариант плана был написан рукой заместителя начальника Оперативного управления Генштаба генерал-майора Василевского. Документ выполнен на бланке наркома обороны СССР, указан только месяц (май), дата не проставлена. Сталин, которому адресованы «Соображения», на этот раз назван Председателем СНК; сле-

довательно, документ не мог быть составлен ранее 5 мая 1941 г. Существует также рабочая карта, подписанная Василевским 15 мая 1941 г. **[89]** (см. рис. 16).

Теперь обратимся к такому хрестоматийному источнику, как «Журнал посещений кабинета Сталина». Для удобства читателя сведем информацию в Таблицу 7, из которой видно – с кем и сколько времени провели в кабинете Сталина нарком обороны Тимошенко и начальник Генштаба Жуков:

Таблица 7

Дата	Кто был еще:	Продолжительность
10 мая	Молотов, Маленков	1 ч. 50 мин.
12 мая	Молотов, Каганович, Вознесенский	1 ч. 35 мин.
14 мая	Каганович	1 ч. 55 мин.
19 мая	Молотов, Ватутин	1 ч. 25 мин.
23 мая	Молотов, Каганович	2 ч. 20 мин.

Примечание: фактически 23 мая Тимошенко с Жуковым провели в кабинете Сталина 2 ч. 55 мин., но последние 35 мин. были уделены совещанию с группой конструкторов авиационного вооружения.

Картина, на мой взгляд, складывается вполне отчетливая. 10 мая в кабинете Хозяина собирается в полном составе (и без единого лишнего человека) именно та группа, которая представляет собой многократно упомянутое «высшее военно-политическое руководство СССР». Молотов – формальный заместитель Сталина в правительстве и фактически «второй человек» в стране; Маленков – секретарь ЦК, член Главного Военного совета, и два высших руководителя военного ведомства (Тимошенко и Жуков). Тройка, которая номинально имела право подписать самые главные Директивы, и Сталин с Молотовым – два человека, которые реально принимали основные политические решения.

Есть все основания предположить, что именно тогда, 10 мая, «Соображения» были первый раз доложены Сталину. Затем, 12 и 14 мая, план войны против Германии был детально проработан. Весьма показательно двукратное участие в совещаниях наркома путей сообщения Кагановича – к решению сугубо военных, оперативных вопросов он прямого отношения не имел, но если речь зашла не о планах на отдаленное будущее, а о вполне практических действиях по стратегическому развертыванию Вооруженных сил, то здесь без железных дорог не обойтись, и на этом этапе паровозы и вагоны несравненно важнее танков. Не случайно и появление (очень короткое, всего на 15 минут) председателя Госплана СССР Вознесенского – если речь шла о стратегическом развертывании, то частью его является мобилизационное развертывание (мобилизация), которая неизбежно нарушает обычный ритм хозяйственной деятельности.

Затем, с 14 по 19 мая, в совещаниях наступает пауза, и именно в этот момент Василевский подписывает карту от 15 мая. Затем 19 мая в кабинете Сталина собралась вся тройка разработчиков плана, включая заместителя начальника Генштаба Ватутина – весьма редкого посетителя сталинского кабинета; тут есть все основания предположить, что обсуждался откорректированный план стратегического развертывания с уточнениями и изменениями, внесенными по результатам совещания 10, 12 и 14 мая. Наконец, 23 мая этот уточненный вариант мог быть снова (и весьма пристально – 2 часа 20 минут) обсужден с участием «главного железнодорожника» Кагановича.

24 мая 1941 г. состоялось явно неординарное, многочасовое Совещание. Первыми в кабинет Сталина вошли Молотов, Тимошенко, Жуков и Ватутин. Через 50 мин. к ним присоединились командующие войсками пяти западных приграничных округов, члены Военных

советов и командующие ВВС этих округов, а также начальник Главного управления ВВС Красной Армии Жигарев. В столь широком составе Совещание продолжалось 2 ч. 30 мин. Ничего подобного не было ни за несколько месяцев до 24 мая, ни после этой даты вплоть до начала войны.

Вот и все, что сегодня известно про Совещание 24 мая. Советская официальная историография не проронила ни слова о предмете обсуждения и принятых 24 мая решениях. Ничего не сообщили в своих мемуарах и немногие дожившие до смерти Сталина участники Совещания. Рассекреченные в начале XXI века Особые Папки протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) за май 1941 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 34–35) также не содержат даже малейших упоминаний об этом Совещании. Не помогут нам и германские архивы – никто из участников Совещания в немецком плену не был. Остается лишь констатировать, что сам факт тотального засекречивания всего, что связано с Совещанием 24 мая, говорит о многом: если бы там обсуждались вопросы обороны страны, подготовки к отражению гитлеровского вторжения, то соответствующие цитаты были бы включены во все школьные учебники…

Хронологически последним из доступной ныне череды предвоенных документов стратегического планирования является «Справка о развертывании Вооруженных сил СССР на случай войны на Западе», б/н, от 13 июня 1941 г. **[90]** Документ написан рукой Ватутина. В нем нет планов боевых действий, сроков и рубежей наступления. Только длинная-длинная череда номеров дивизий, корпусов и армий.

Сам по себе этот документ мало что дает для понимания намерений и военных планов Сталина – но совместно с картой от 15 мая 1941 г. он окончательно «расставляет все по своим местам». Справка от 13 июня описывает в точности ту группировку войск Красной Армии, которая изображена на карте от 15 мая. Совпадают и номера армий, и их боевой состав, и номера мехкорпусов, и схема передачи соединений из внутренних округов в приграничные округа/фронты. Имея эти два документа, мы можем обоснованно предположить, что именно тот план войны, который зафиксирован в майских «Соображениях» – с дополнениями и изменениями, внесенными в ходе пяти обсуждений в кабинете Сталина, – оставался действующим документом. Никакого другого плана стратегического развертывания – по меньшей мере, до 13 июня 1941 года – не появилось.

«Неслыханное по наглости…»

На рассвете 22 июня 1941 г. первый удар нанес Гитлер. Инициатива действий оказалась в руках германского командования. Почему? Едва ли найдется другой вопрос, который бы на протяжении полувека обсуждался с такой страстью. Не дерзая «сорвать покровы» и обнажить «всю правду», попытаемся собрать и систематизировать немногие известные документы и факты.

Для начала определимся с самой постановкой вопроса: что, собственно говоря, произошло 22 июня 1941 года? Произошло не с точки зрения нашего сегодняшнего знания, а по мнению и оценке высокопоставленных современников событий. Рассекреченные в начале XXI века архивные фонды позволяют дать конкретный и точный ответ на вопрос о том, как оценило день 22 июня высшее командование Красной Армии.

«Оперсводка № 01
Генерального Штаба Красной Армии
на 10.00 22.06.41

4.00 22.6.41 немцы без всякого повода совершили налет на наши аэродромы и города и перешли границу наземными войсками… (далее идет детальная, на трех страницах, сводка поступивших к тому времени в Москву сообщений с мест первых боев. – *М.С.*). *Коман-*

дующие фронтами ввели в действие план прикрытия и активными действиями подвижных войск стремятся уничтожить перешедшие границу части противника. Противник, упредив наши войска в развертывании (выделено мной. – *М.С.*)*, вынудил части Красной Армии принять бой в процессе занятия исходного положения по плану прикрытия. Используя это преимущество, противнику удалось на отдельных направлениях достичь частичного успеха».* **[97]** Точка. Конец цитаты.

Оперсводку № 01 подписал начальник Генштаба генерал армии Жуков. Оперсводка № 02 была выпущена поздним вечером 22 июня[29], и подписал ее вместо Жукова (уже вылетевшего в штаб Юго-Западного фронта в Тарнополь) заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Маландин. События дня были резюмированы следующим образом: *«Германские регулярные войска в течение 22.6. вели бой с погранчастями СССР, имея незначительный успех на отдельных направлениях. Во второй половине дня, с подходом передовых частей полевых войск Красной Армии, атаки немецких войск на преобладающем протяжении нашей границы отбиты с потерями для противника»*. **[98]** В 9 часов вечера 22 июня командованию фронтов была отправлена Директива № 3. Главный Военный совет (Тимошенко, Жуков, Маленков) снова констатировал, что *«противник, понеся большие потери, достиг небольших успехов на указанных направлениях…».* Далее в Директиве ставилась задача *«мощными концентрическими ударами окружить и уничтожить»* прорвавшегося на советскую территорию противника, перейти границу и к исходу дня 24 июня занять Сувалки и Люблин. **[99]**

Вечером 22 июня была составлена и очередная сводка Разведуправления Генштаба. Этот документ еще интереснее:

«Разведсводка № 1/660724 РУ ГШ Красной Армии
на 20.00 22.6. 1941 г.

1. В итоге боевых действий за день 22.6.1941 получили фактическое подтверждение имевшиеся на 20.6 данные о нижеследующей группировке противника, находящейся непосредственно на границе с СССР… (далее длинный перечень на семи страницах. – *М.С.*).

ВЫВОД: Противник за 22.6 ввел в бой значительные силы, а именно: 37–39 пехотных, 5 моторизованных, 8 танковых, а всего 50–52 дивизии. Однако это составляет лишь примерно 30 % сил противника, сосредоточенных к фронту». **[100]**

Да, именно так. Начальник Разведуправления ГШ Красной Армии генерал-лейтенант Голиков начинает сводку за 22 июня 1941 г. с чувством законной гордости за проделанную его ведомством работу («получили фактическое подтверждение имевшиеся данные…»). Причин для легкого смущения тов. Голиков в событиях дня 22 июня не видит. Реальную группировку противника он, к сожалению, тоже не видит. Даже по самой аккуратной и сдержанной оценке[30], немцы в первый день войны ввели в бой 72 дивизии (59 пехотных, 11 танковых, 1 моторизованную и 1 кавалерийскую), что составляло порядка 60 % от общей численности трех Групп армий вермахта на Восточном фронте.

В следующей сводке Разведуправление ГШ несколько повысило оценку действующей группировки противника (*«общее количество введенных противником в действие сил к исходу 23.6 составляет 62–64 дивизии»*), но закончило документ вполне оптимистичным выводом: *«Учитывая подавляющее превосходство сил противника по сравнению с нашими дивизиями прикрытия на направлениях его главных ударов, необходимо оценить действия наших войск за 22 и 23 июня в целом как весьма положительные, а темп продвижения про-*

---

[29] Сводка формально обозначена как *«на 20.00 22.6.41»,* но по пометкам на оригинале видно, что в шифровальный отдел Генштаба документ был сдан утром 23 июня.

[30] Напомню, что в традиционной версии советской историографии вероломное и внезапное нападение было совершено силами 190 дивизий Германии и ее союзников.

тивника признать низким». **[101]** Такие оценки были даны в тот момент, когда немцы на широком фронте форсировали Неман, подошли к Вильнюсу, заняли Гродно, Кобрин и Пружаны, а от оказавшихся на направлениях главных ударов противника 11-й и 4-й Армий оставались уже только номера…

Для полноты картины следует, конечно же, вспомнить и Директиву № 2, выпущенную в 7 ч. 15 мин. 22 июня; формально документ был выпущен от имени Главного Военного совета, за подписями Тимошенко, Жукова и Маленкова, но все трое на тот момент находились на совещании в кабинете Сталина, который, надо полагать, и был ее реальным автором:

«22 июня 1941 г. 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке. Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу. В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.

Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100–150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать». **[102]**

Ни по форме, ни по содержанию Директива № 2 не соответствует уставным нормам. «Неслыханная наглость», «без всякого повода» – так боевые приказы не пишут. Есть стандарт, и он должен выполняться. Этот стандарт установлен не чьими-то литературными вкусами, а ст. 90 Полевого устава ПУ-39 (*«Первым пунктом приказа дается сжатая характеристика действий и общей группировки противника… Вторым пунктом указываются задачи соседей и границы с ними. Третьим пунктом дается формулировка задачи соединения и решение командира, отдающего приказ…»*). С позиции этих уставных требований Директива № 2 есть не более чем эмоциональный выкрик. Но это вовсе не вопль отчаяния! Скорее – громовой рык разъяренного льва…

Вот так провел день 22 июня 1941 г. наш «коллективный Сталин». Это был день демонстраций. Сталин демонстрировал перед своим «ближним кругом» возмущение оскорбленной невинности. Демонстрировал перед теми, с кем десятки часов провел над оперативными картами планируемого вторжения в Европу, кто доподлинно знал, что «неслыханное по наглости» нападение Гитлера всего лишь опередило нападение Сталина. Генералы и маршалы демонстрировали бодрый оптимизм, тонко намекали на то, что все гениальные предвидения сбылись *(«получили фактическое подтверждение имевшиеся данные… противник ввел в бой лишь 30 % сосредоточенных к фронту сил…»*), и обещали в ближайшие три дня исправить случившийся казус (перенести боевые действия на территорию противника).

План обороны и план прикрытия

В реальности же основания для оптимизма не было вовсе. Войск у границы было мало, и у них не было адекватного ситуации плана оборонительной операции. Последнее утверждение нуждается в чуть более подробном рассмотрении.

Плана отражения внезапного нападения у Красной Армии не было – потому что не могло быть никогда. Мобилизационная армия в принципе не способна к немедленному вступлению в бой (общая продолжительность процесса мобилизации составляла 30–35

дней; отмобилизование, сосредоточение и развертывание основной массы боевых частей требовало, в зависимости от их боеготовности в мирное время и места расположения, 5–10 дней). С таким же успехом можно спросить – был ли у Наркомата вооружений проект вечного танкового двигателя, и кто (Сталин или генералы-предатели) виноват в том, что такового проекта не оказалось… А вот для того, чтобы нападение противника не оказалось для армии и страны ошеломляющей «внезапностью», высшее военно-политическое руководство должно проделать большой объем разнообразной работы.

Постоянная и достоверная разведка намерений и действий потенциального противника – это только одна из (да и не самая главная) составляющих. Прежде всего необходимо выстроить такую внешнюю политику государства, такие экономические, дипломатические, военные взаимоотношения с соседями, при которых вопрос о нападении не возникает вовсе. В конкретных условиях 1939–1941 годов это означало, что если бы Сталин не увлекся мелким мародерством, а добился взаимопонимания с Финляндией, Польшей и Румынией, то «внезапное нападение» Германии на СССР стало бы совершенно невозможным.

Однако и после того, как Сталин на пару с Гитлером уничтожил польский «разделительный барьер», еще можно было существенно снизить вероятность и негативные последствия «внезапного нападения», и ни одна страна в мире не имела к тому такие возможности, какие имел сталинский СССР. Такая уж у нас была география. Это для Польши отступление на 250 км от границы с Германией означало потерю Варшавы, это для Франции отступление на 200 км от бельгийской границы означало потерю Парижа; Советский Союз мог позволить себе использовать 200–300 км западных областей в качестве огромного «предполья» главной полосы обороны[31].

Никакой нужды загонять войска в капкан Белостокского и Львовского «выступов» не было; с учетом естественных речных преград один из возможных оборонительных рубежей можно было создать по рекам Неман, Щара, Стырь, Серет, т. е. по линии Гродно, Слоним, Пинск, Луцк, Тернополь, Черновцы. К западу от этой линии не было ни одного сколь-нибудь значимого промышленного или сельскохозяйственного района, временная потеря которого могла бы ослабить оборонный потенциал страны; для межвоенной Польши (2-й Речи Посполитой) то была отсталая заброшенная окраина, для Советского Союза – «проблемный», еще не освоенный ни в политическом, ни в экономическом отношении регион. На его территории можно (нужно) было держать лишь малочисленные, но при этом полностью укомплектованные по штатам военного времени части прикрытия, которые с началом военных действий имели бы задачу перейти к подвижной обороне[32] и, отходя на восток от рубежа к рубежу, разрушать за собой дороги, мосты и переправы. При таком варианте развития событий вермахт не смог бы выйти к главной полосе обороны Красной Армии раньше, чем на 5–7-й день наступления, и вопрос о «внезапном нападении» был бы окончательно снят.

Удалось ли за 70 послевоенных лет найти хотя бы один документ, относящийся к такому плану стратегической обороны? Нет.

Можно ли обнаружить в реальных практических действиях «коллективного Сталина», в дислокации войск, в поставленных перед ними задачах следы чего-то подобного? Нет.

Все происходило точно наоборот. Оборонительные сооружения «линии Молотова» строились непосредственно в приграничной полосе. Войска западных округов уже в мирное

---

[31] Стоит отметить, что именно такой вариант действий противника германское командование считало самым невыгодным для себя; имеющиеся документы свидетельствуют, что зимой – весной 1941 г., на совещаниях в ходе отработки «плана «Барбаросса» постоянно высказывались опасения о том, что *«русские, распознав наши оперативные цели, после первого поражения организуют отступление крупного масштаба и перейдут к обороне за каким-либо рубежом на востоке».*

[32] Полевой устав ПУ-39 определял этот термин так: *«Подвижная оборона преследует цель – за счет потери пространства выиграть время, необходимое для организации обороны на новом рубеже… Войска, обороняющие промежуточный рубеж, должны нанести наступающему противнику потери, заставить его развернуться, потерять время на организацию наступления и, не вступая с ним в упорный бой, ускользнуть из-под удара».*

время были сконцентрированы на территории «выступов», а те соединения, которые еще не успели попасть в западню, выдвигались к границе в последние предвоенные дни. Особенно впечатляет карта дислокации главной ударной силы Красной Армии, механизированных корпусов (тут еще надо принять во внимание, что на схеме показана именно предвоенная дислокация, а с началом развертывания все приходило в движение на запад). (Рис. 5.)

«Считаю своим долгом доложить о некоторых вопросах по обороне западной границы СССР на территории Западного ОВО… Очертание границы очень выгодно противнику и чрезвычайно невыгодно нам… создает условия охвата наших частей… в результате даже небольших успехов со стороны немцев сразу резались бы тылы 3-й и 4-й армий, а при большом успехе отрезалась бы вся 10-я армия… Все эти положения в более подробном виде докладывались и прорабатывались в Генеральном штабе, со всем этим соглашались, но реальных мер не предпринималось. Кроме того, всегда давались задания проработать варианты наступательной операции при явном несоответствии реальных сил…» **[103]**

Такую докладную записку 19 июля 1941 г. подал бывший ЧВС Западного фронта корпусной комиссар Фоминых начальнику Главного политуправления Красной Армии тов. Мехлису. Командующий Западным фронтом Павлов и начальник штаба фронта Климовских были на тот момент уже арестованы и ждали суда, приговор которого сомнений не вызывал; жизнь самого комиссара Фоминых висела на тонкой ниточке – вот почему не стоит удивляться интонациям «наивного изумления», с которыми он описывает дислокацию войск округа, «бездействие» Генерального штаба и постоянные задания «*проработать варианты наступательной операции».* Мехлис в последний предвоенный год был наркомом госконтроля, к разработке стратегических планов доступа не имел[33], и Фоминых не стал усугублять свое положение разглашением самой главной военной тайны СССР.

[33] Начальником ГлавПУРа (что означало по должности статус заместителя наркома обороны) Мехлис был назначен 21 июня 1941 г. До этого за весь 1941 г. он лишь один раз (13 марта, на большом совещании с руководством промышленности) оказался в кабинете Сталина.

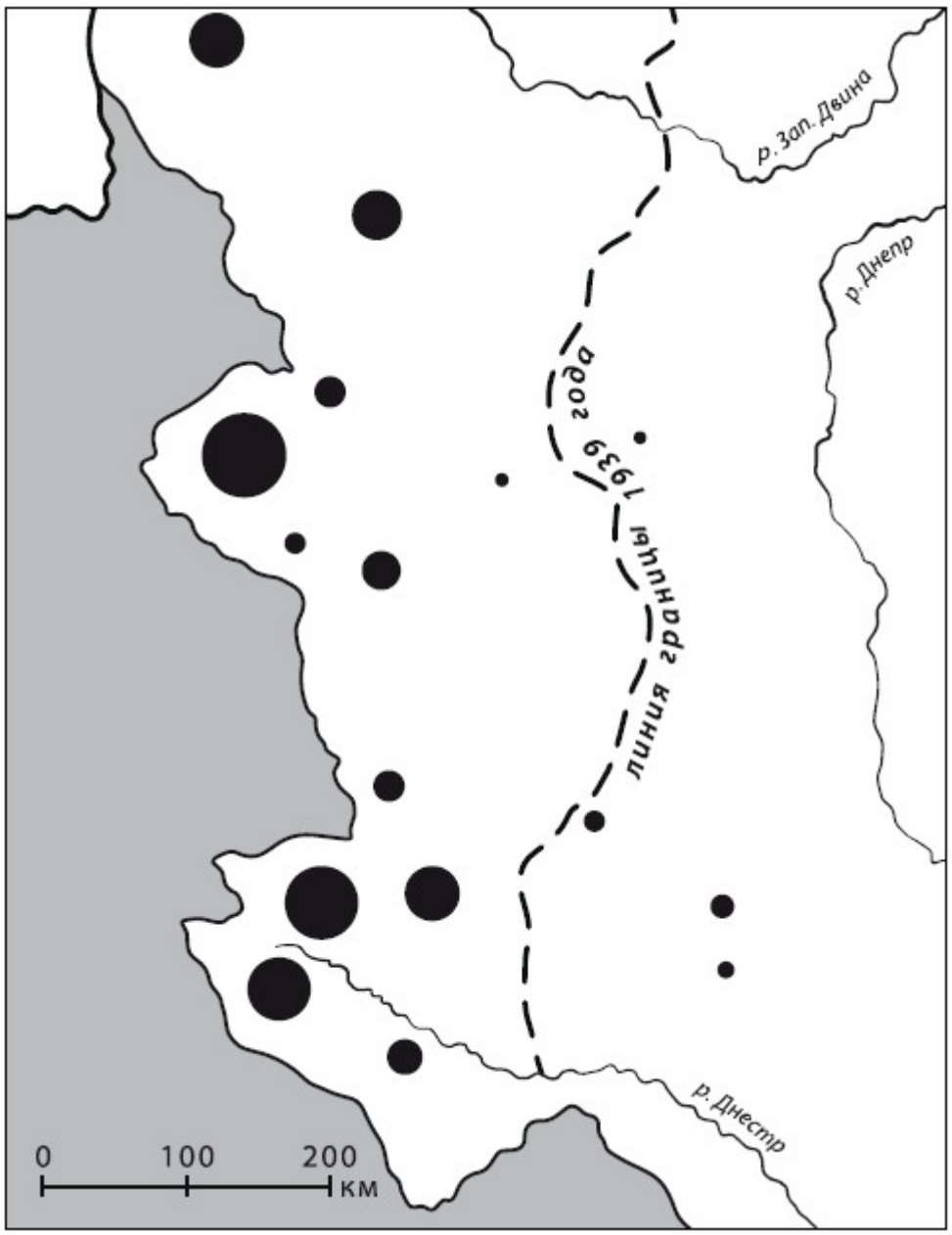


Рис. 5. Дислокация мехкорпусов (размер значка пропорционален количеству танков)

Я понимаю возмущение, которое к этой странице должно уже переполнить начитанного читателя: «Как это не было планов обороны? А как же планы прикрытия, разработанные в каждом округе?» Вопрос, несмотря на наличие очевидного ответа, заслуживает обсуждения, ибо тема эта основательно затуманена многолетними усилиями фальсификаторов истории (без кавычек).

Операция «*прикрытия отмобилизования, сосредоточения и развертывания войск*» (именно так она называлась в Директивах наркома обороны, полученных в начале мая 1941 г. командующими западными приграничными округами) и стратегическая оборонительная операция – это разные операции. Разные по названию, по задачам, срокам и – что в данном случае самое важное – по масштабу привлекаемых сил и средств.

Операция прикрытия отмобилизования, сосредоточения и развертывания войск проводится всегда, с началом каждого развертывания, независимо от его (развертывания) задач и возможной (ожидаемой, предполагаемой, наиболее вероятной) реакции противника. Соот-

ветственно, план прикрытия неотъемлемой составной частью входил в общий перечень документов оперативного плана войны, и такой порядок был прямо предписан соответствующими директивными документами. **[104]** Точным аналогом этому может служить вооруженный караул, который каждый день и каждую ночь заступает на охрану военного городка – даже если этот городок находится в сибирской тайге, за тысячи миль до ближайшего вероятного противника.

Одним из характерных примеров может служить упомянутая в предыдущей главе апрельская (1941 г.) Директива наркома обороны на разработку плана оперативного развертывания войск Западного ОВО. Напомню, что левый (южный) фланг фронта в составе 13-й и 4-й Армий должен был наступать на Варшаву и Люблин, центр и правый фланг имели задачу на оборону. Так вот, Директива наркома предписывала разработать: «план прикрытия и обороны на весь период сосредоточения; план сосредоточения и развертывания войск фронта; план выполнения первой операции 13-й и 4-й армий и план обороны 3-й и 10-й армий». Как видим, составители (и исполнители) Директивы совершенно четко разделяют понятия «план прикрытия» и «план обороны».

Операция прикрытия имеет строго ограниченные временные рамки. В соответствии с директивами советского командования операция начиналась в первый день мобилизации (в документах это обозначалось как «М-1»)[34]и продолжалась 15 суток (до «М-15»); после этого завершившие сосредоточение и развертывание войска приступали к выполнению основной (для войск Юго-Западного и левого фланга Западного фронта – наступательной) операции.

Операция прикрытия всегда оборонительная по своим задачам, но это никак не связано с характером и целями основной операции, в интересах которой проводится отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск. Необходимость прикрытия развертывания предполагалась и на этапе подготовки к наступательным операциям.

Так, в плане разгрома Финляндии («Соображения по развертыванию вооруженных сил Красной Армии на случай войны с Финляндией») от 18 сентября 1940 г. решительным и недвусмысленным задачам *(«ударом главных сил Северо-Западного фронта вторгнуться в центральную Финляндию, разгромить здесь основные силы финской армии и овладеть центральной частью Финляндии; этот удар сочетать с ударом на Хельсинки со стороны полуострова Ханко*») предшествует указание обеспечить *«прочное прикрытие наших границ в период сосредоточения войск»*. **[105]**

Накануне ввода советских войск в Иран, т. е. одно-значно наступательной операции, причем против противника, сопротивление которого считалось маловероятным, Директива Ставки № 001196 поставила войскам Средне-азиатского ВО такие задачи: *«До 27.08 1941 г. частями прикрытия обеспечить границу с Ираном, не допуская прорыва противника на нашу территорию* (выделено мной. – *М.С.*). *Особое внимание уделить направлениям… По окончании сосредоточения основных сил армии с утра 27.08 1941 г. перейти границу Ирана и к 1.09 1941 г. занять… В дальнейшем быть готовым к наступлению на Тегеран. В случае вооруженного сопротивления со стороны иранских войск уничтожить войска и материальную часть противника, не допуская отхода их на Тегеран».* **[106]**

Необходимость прикрытия процесса сосредоточения и развертывания (и обусловленная этим постановка оборонительных задач) отражена и в документах германского командования – и это при том, что наступательный характер операции «Барбаросса» еще ни у кого не вызывал сомнений. Так же, как и в Красной Армии, единого общего плана прикрытия

[34] В довоенных документах цифра, обозначающая день, отделялась от буквы дефисом; соответственно, запись «М-3» обозначает «третий день мобилизации», а не «третий день ДО НАЧАЛА мобилизации». В вермахте система обозначений была другой, и запись «В-5» в немецких документах означает «пятый день до начала операции».

(ПП) для всей сосредотачиваемой у границы группировки вермахта не было, а необходимые планы и приказы составлялись на уровне армий, корпусов и дивизий.

Первые упоминания «плана Берта» удалось обнаружить в документах 6-й армии (ГА «Юг»), и они относятся к 23 апреля 1941 г. В документах 8-го Армейского корпуса (9-я армия, ГА «Центр») «план Берта» появляется 6 мая 1941 г. **[107]** В последующие дни документов на эту тему становится все больше и больше.

Так, в 4-й армии вермахта (самая крупная во всей группировке, развертывалась у южного обвода «Белостокского выступа» с задачей наступления через Брест, Барановичи на Минск и Бобруйск) 5 июня за подписью начальника штаба армии генерал-майора Блюментрита была выпущена Директива № 0355/41 «Относительно операции «Внимание, Берта». Предполагаемые действия противника описывались так: *«По совпадающим данным русские и далее продолжают выдвигать свои войска в приграничную полосу. Несмотря на усиление находящихся вблизи границы русских соединений, нападение представляется маловероятным. Если же оно произойдет, то следует ожидать внезапной атаки русских с применением ВВС, парашютных десантов и десантов на планерах».* После чего формулировалась задача собственных войск: *«В связи с этим, по приказу Верховного командования сухопутных войск, должны быть предприняты все меры для безусловного прикрытия приграничной полосы и, прежде всего, армейских складов… Корпуса 4-й армии обороняются на немецко-русской границе и немедленной контратакой отбрасывают вторгшегося противника назад…»*

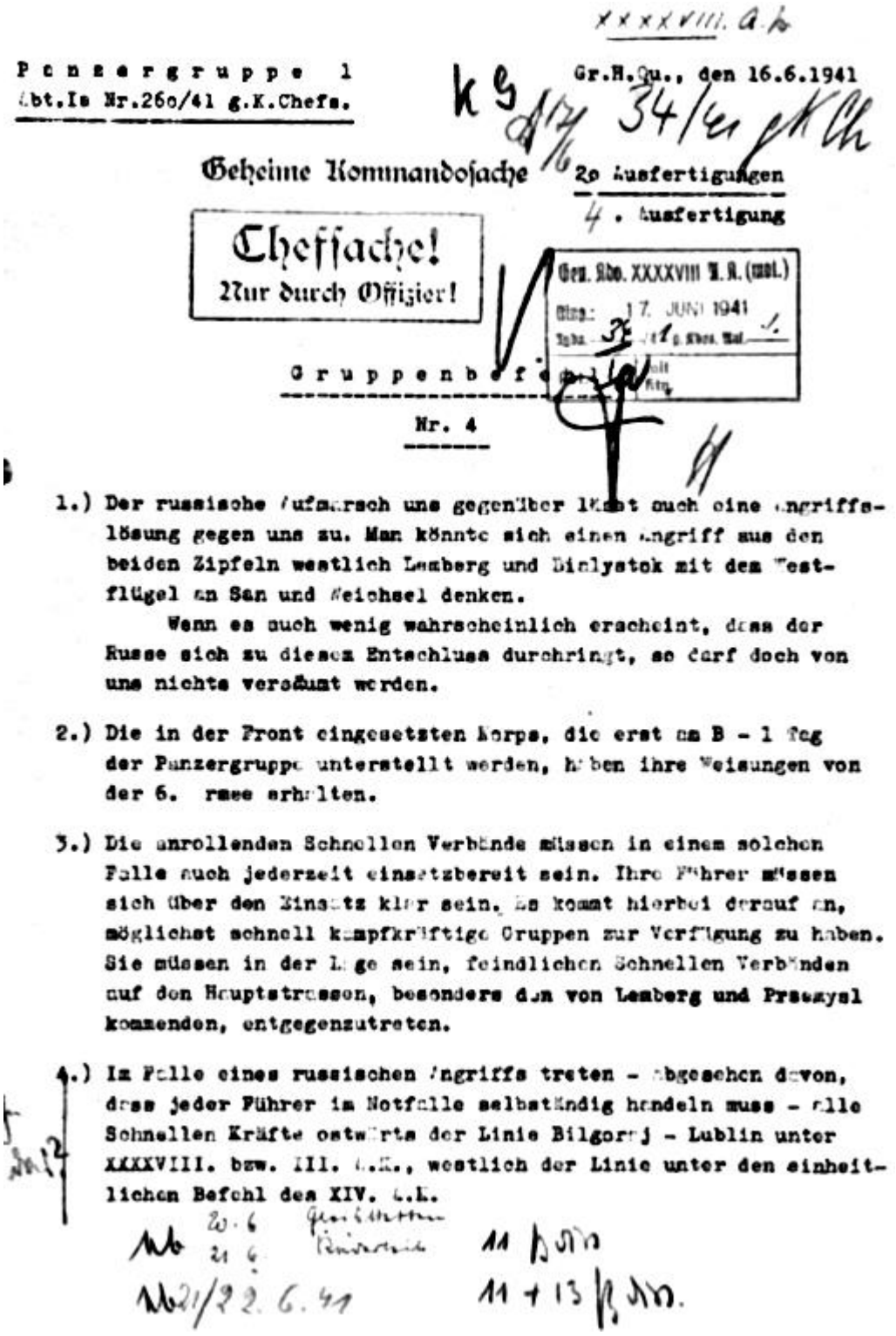
15 июня 1941 г. за подписью командующего 4-й армией генерал-фельдмаршала фон Клюге выпущен приказ № 0450/41 *«О мероприятиях против возможного наступления русских».* Оценка ситуации стала более тревожной: *«Общее положение, наши собственные приготовления и возрастающая* [в связи] *с этим напряженность не позволяют считать невозможным, что русские, имея в первом эшелоне авиацию (а также парашютно-десантные войска), а отчасти наземными атаками и внезапными диверсиями смогут помешать нашим приготовлениям и сорвать развертывание. В этом, все же возможном случае, усилия противника в наступлении будут направлены, в первую очередь, против крупных мостов через Вислу, Буг, Нарев, а также против складов обеспечения. Предполагаемые атаки могут быть проведены не только днем, но прежде всего ночью».* **[108]**

Далее шли конкретные указания соединениям армии, изложенные на четырех страницах машинописи. Особое беспокойство, как можно судить по документу, было связано с возможными диверсиями и/или высадкой воздушного десанта на стратегически важных для развертывания вермахта мостах.

Ближе всех к разгадке намерений советского командования приблизилось командование 1-й Танковой группы (ГА «Юг»), которое 16 июня задумалось, наконец, над угрозой, которую создает наличие двух обращенных на запад выступов границы. (Рис. 6.) Впрочем, и на этот раз возможность упреждающего удара Красной Армии оценена как весьма сомнительная: *«Выдвижение русских* [войск] *в нашу сторону дает возможность предположить, что готовится нападение на нас. Можно предположить наступление* [противника] *из района двух выступов западнее Львова и Белостока фронтом* [в направлении] *к Сану и Висле. Хотя и представляется маловероятным, что русские склонятся к такому решению, все же мы ничего не должны здесь упустить (прозевать)… В случае такого развития событий прибывающие* [в настоящее время] *подвижные соединения должны быть постоянно боеготовыми. В таком случае важно как можно быстрее иметь в распоряжении боеготовые воинские части. Они должны быть в состоянии выйти навстречу мобильным соединениям противника на главных дорогах, особенно на дороге Львов – Перемышль…»* **[109]**

Примечательно, что если во множестве других документов открывать огонь по советским самолетам разрешается лишь в том случае, *«когда однозначно видно их намерение ата-*

ковать бортовым оружием или бомбами», то в приказе по 1-й ТГр от 16 июня разрешено *«открывать огонь по всем однозначно опознанным самолетам противника в 5 км к западу от границы».*



XXXXVIII. A.K.

Panzergruppe 1
Abt.Ia Nr.260/41 g.K.Chefs.

Gr.H.Qu., den 16.6.1941

Geheime Kommandosache 20 Ausfertigungen

4. Ausfertigung

Chefsache!
Nur durch Offizier!

Gen. Kdo. XXXXVIII A.K. (mot.)
Eing.: 17. JUNI 1941

Gruppenbefehl

Nr. 4

1.) Der russische Aufmarsch uns gegenüber lässt auch eine Angriffslösung gegen uns zu. Man könnte sich einen Angriff aus den beiden Zipfeln westlich Lemberg und Bialystok mit dem Westflügel an San und Weichsel denken.

Wenn es auch wenig wahrscheinlich erscheint, dass der Russe sich zu diesem Entschluss durchringt, so darf doch von uns nichts versäumt werden.

2.) Die in der Front eingesetzten Korps, die erst am B - 1 Tag der Panzergruppe unterstellt werden, haben ihre Weisungen von der 6. Armee erhalten.

3.) Die anrollenden Schnellen Verbände müssen in einem solchen Falle auch jederzeit einsatzbereit sein. Ihre Führer müssen sich über den Einsatz klar sein. Es kommt hierbei darauf an, möglichst schnell kampfkräftige Gruppen zur Verfügung zu haben. Sie müssen in der Lage sein, feindlichen Schnellen Verbänden auf den Hauptstrassen, besonders den von Lemberg und Przemysl kommenden, entgegenzutreten.

4.) Im Falle eines russischen Angriffs treten - abgesehen davon, dass jeder Führer im Notfalle selbstständig handeln muss - alle Schnellen Kräfte ostwärts der Linie Bilgoraj - Lublin unter XXXXVIII. bzw. III. A.K., westlich der Linie unter den einheitlichen Befehl des XIV. A.K.

20.6 Gen.Kdo.
21.6 Eingang
11 Pz.Div.
11 + 13 Pz.Div.
Nb 21/22.6.41

Рис. 6. Приказ командования 1-й Танковой группы вермахта

При наличии определенного сходства с ПП советского командования, «план Берта» имел и существенные отличия. Отметим два из них. Во-первых, немецкий вариант ПП сугубо ситуативен, представляя собой реакцию на возможную атаку противника; если противник бездействует, то и действия немецких войск ограничиваются лишь усиленным

наблюдением и разведкой. Во-вторых, предполагаемые действия противника не выходят за рамки крупномасштабной диверсии, высадки воздушного десанта, налета авиации; соответственно, и наряд сил, привлекаемых к операции прикрытия, весьма ограничен. Например, в 28-й пехотной дивизии (входила в состав упомянутого выше 8 АК) для *«занятия линии обороны границы по сигналу «Внимание, Берта»* выделялся усиленный разведбат и истребительно-противотанковый батальон, которые, в соответствии с планом, *«в дальнейшем отходят перед превосходящими силами противника в район 7-го и 49-го пехотных полков».*

Командование Красной Армии подошло к планированию операции прикрытия несравненно более серьезно. К операции привлекались войска западных приграничных округов почти в полном составе, причем непосредственно в первом эшелоне прикрытия, в полосе 20–30 км от границы, предполагалось развернуть (по разным округам) 50–60 % от общего числа стрелковых дивизий. **[110]** Такими силами, да еще и с учетом наличия пограничных рек и тысячи ДОТов «линии Молотова» можно было остановить не только диверсионные группы, но и попытку прорыва крупных соединений противника.

Далее. ПП всех западных округов содержали указания об активных, не ограниченных госграницами, действиях авиации: *«Мощными ударами по основным группировкам войск, железнодорожным узлам, мостам и перегонам нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника».* И эти слова не были голословной декларацией – удар авиации по транспортной сети противника был детально разработан. Так, в ПП Западного ОВО расчет наряда сил авиации (пикирующие и т. н. «горизонтальные» бомбардировщики по отдельности) занимает три страницы текста; даны конкретные указания по высоте бомбометания, используемым типам бомб, необходимому (по мнению составителей документа) числу звеньев и попаданий (в частности, ж/д узел в Аллен-штайне – 60 звеньев, 170 попаданий, ж/д узел Варшавы – 60 звеньев, 80 попаданий, Торунь – 40 звеньев, 70 попаданий, всего предполагалось задействовать 320 звеньев, т. е. без малого тысячу бомбардировщиков). **[111]**

Более того, активные наступательные действия предполагались не только в воздухе, но и на земле. В Директивах нар-кома обороны на разработку ПП западным приграничным округам ставилась задача: *«При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий и округа быть готовыми по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей».* **[112]** Таким образом, оборонительная (в теории) операция прикрытия отмобилизования, сосредоточения и развертывания войск плавно **перерастала в первую фазу основной, наступательной операции.**

Разумеется, решение о начале столь «активной обороны» высшее военно-политическое руководство оставляло за собой, любая самодеятельность – даже на уровне командующих округами в генеральских званиях – категорически исключалась. *«План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за моей, члена Главного Военного совета, начальника Генерального штаба подписями следующего содержания: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.».* **[113]** Этой стандартной фразой завершались все Директивы на разработку плана прикрытия, направленные наркомом обороны СССР в военные округа. Командиры армий, корпусов и дивизий не имели даже права по собственной инициативе вскрыть «красный пакет», в котором хранились указания по действиям в операции прикрытия, включая заготовленный заранее Приказ № 1[35].

[35] Здесь, однако, необходимо принять во внимание, что командиры соединений участвовали в разработке ПП в части, касающейся действий вверенных им войск; таким образом, «секрет», опечатанный сургучом в «красном пакете», был им (по меньшей мере – в общих чертах) хорошо знаком.

Возвращаясь к сравнению операции прикрытия с вооруженной охраной военного городка, мы должны отметить принципиальную разницу в порядке введения в действие ПП (как он понимался в Красной Армии) и Уставом караульной службы. Каждый солдат знает (и ему это неустанно, при всяком выходе на дежурство напоминают), что в случае нападения на охраняемый объект часовой имеет право и обязан самостоятельно принять решение о применении оружия. Лишь после того, как нападение отражено, нападавшие уничтожены или задержаны, можно заняться написанием докладной записки для вышестоящего начальства, которое, в свою очередь, доложит еще выше по инстанции, и так тревожная волна докатится до Москвы. Порядок введения в действие ПП предусматривался в точности противоположный.

В этом нет ни случайности, ни ошибки. Просто надо, наконец, понять и признать, что план прикрытия ни в коей мере не был «планом отражения агрессии» – это план активного вооруженного обеспечения развертывания Красной Армии; такого развертывания, которое начнется раньше развертывания противника и завершится нанесением сокрушительного первого удара по немецким войскам. Если такой вывод еще нуждается в каких-то дополнительных подтверждениях, то они появились в июле 2009 года, после рассекречивания ряда исполнительных документов по плану прикрытия частей 5-й Армии (Киевский округ, в дальнейшем Юго-Западный фронт; опись документов подписал 4 июня 1941 г. заместитель нач-штаба 5-й Армии подполковник Давыдов). **[114]** Рассекреченные документы представляют собой те самые Приказы № 1, которые лежали в «красных пакетах» в сейфе командира каждой дивизии. Все приказы начинаются стандартной фразой: *«Противник угрожает западной границе. Решением Советского правительства и Партии части прикрытия выдвигаются к госгранице».* И ни одного слова про начавшуюся нападением противника войну!

Порядок введения плана прикрытия в действие («сверху вниз», по приказу из Москвы, а не в качестве ответной реакции на немецкое вторжение) был важным, но не единственным аспектом, делающим ПП практически бесполезным в ситуации внезапного нападения. Второй заключался в установленном ПП порядке (способе, тактике) решения оборонительной задачи: «*Упорной обороной по линии госграницы и рубежу создаваемых укрепленных районов отразить наступление противника и обеспечить отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа».* Именно такая фраза, без малейших вариаций, присутствовала в ПП каждого из западных округов.

В данном случае сочетание слов «упорная оборона» – это военный термин, а не прилагательное «упорный» рядом с существительным «оборона». В переводе со специфического военного языка на газетный термин «упорная оборона» означает «Ни шагу назад! Стоять насмерть!». В конкретной ситуации июня 1941 г. это означало: запрет на вывод войск из ловушки Белостокского и Львовского «выступов», безнадежную попытку оборонять границу, *«очертание которой очень выгодно противнику и чрезвычайно невыгодно нам».* Кстати, в ситуации реального нападения противника понять все это пришлось очень быстро: уже на четвертый день войны, в 15.40 25 июня командование Западного фронта отдает приказ об отходе всех армий на рубеж р. Щара (на линию Лида, Слоним, Пинск), 26 июня командование Юго-Западного фронта разрешило отход 6-й Армии из «Львовского выступа» на рубеж Почаев, Золочев (75 км восточнее Львова). **[115]**

Владимирский (накануне войны – зам. начальника оперативного отдела штаба 5-й Армии Киевского ОВО) недо-умевает и возмущается: *«Планом прикрытия предусматривался только один вариант развертывания войск армии – на приграничном оборонительном рубеже. Совершенно не учитывалась возможность нападения противника* (выделено мной. – *М.С.*) *до занятия этого рубежа нашими войсками, на этот случай не были предусмотрены и подготовлены запасные рубежи в глубине и возможные варианты развертывания на них войск армии».* **[143]**

Было ли решение «обеспечить развертывание войск упорной обороной по линии госграницы» ошибкой? Нет. Ошибкой (в лучшем случае) является упорное нежелание видеть разницу между ПП и планом отражения агрессии. ПП, будучи частью общего оперативного плана, не мог не быть подчинен решению главных задач. И если главной задачей было наступление на Варшаву, Люблин и Краков, то и основная ударная группировка с неизбежностью сосредотачивалась в приграничной полосе; только там ее и можно (нужно) было прикрывать. В рамках общего наступательного плана Красной Армии другой ПП, предполагающий, например, оборону по восточному берегу Днепра, нельзя придумать даже теоретически.

Последнее по счету и первейшее по важности отличие ПП от плана отражения агрессии – состав группировки прикрытия. Операция прикрытия всегда выполняется лишь частью сил. Это неизбежно – так же, как неизбежно направление в караул лишь малой части личного состава охраняемого военного городка, как неизбежно участие в работе службы «Скорой помощи» лишь малой части имеющихся в городе врачей и медсестер. А теперь от метафор перейдем к конкретным цифрам и картам. (Рис. 7, 8, 9)

На схемах изображена группировка войск приграничных округов в прикрытии, причем не на первый день (М-1) операции прикрытия, а на один из последних (первые эшелоны войск прикрытия завершали сосредоточение в указанных в ПП районах на М-3/М-4, вторые эшелоны сосредотачивались в период с М-3 до М-13). Что же мы видим? Всего в приграничной полосе от Балтийского берега до Бессарабии в первом эшелоне прикрытия (с учетом частей ЗапОВО на восточном берегу р. Бебжа) 40 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии[36]. Еще раз подчеркнем, что «так много» их будет только к М-3/М-4. Если же посчитать совсем строго, т. е. без учета т. н. «глубинных дивизий», которых в первый день войны у границы не было, и без учета 7 дивизий на южной кромке «Львовского выступа» (где в первые дни войны немцы наступательных действий не вели), то получается, что в первый бой могли вступить 29 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии. Всего 30,5 «расчетных дивизий».

[36] Где же были все остальные? 35 стрелковых, 1 кавалерийская дивизия, 1 стрелковая бригада во втором эшелоне и резервах командования трех упомянутых округов (Прибалтийского, Западного и Киевского); 28 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии в составе войск Ленинградского и Одесского округов; 37 стрелковых дивизий в составе пяти армий РГК. И еще 58 стрелковых дивизий во внутренних округах, в Закавказье и на Дальнем Востоке.

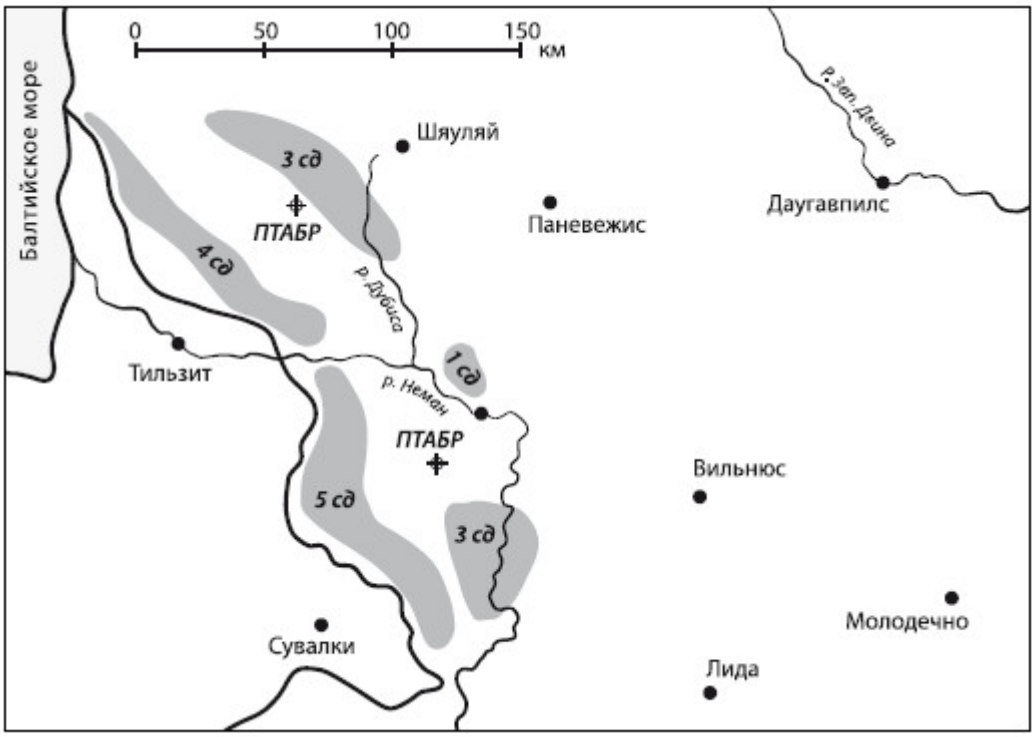


Рис. 7. Дислокация войск по плану прикрытия. Прибалтийский ОВО

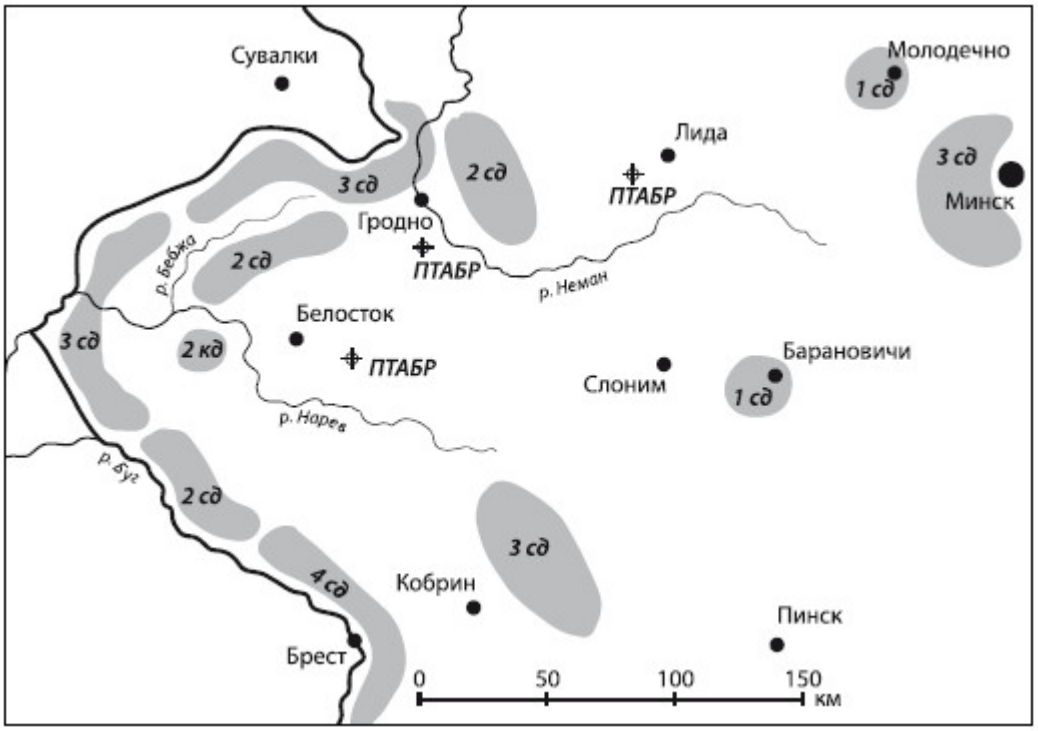


Рис. 8. Дислокация войск по плану прикрытия. Западный ОВО

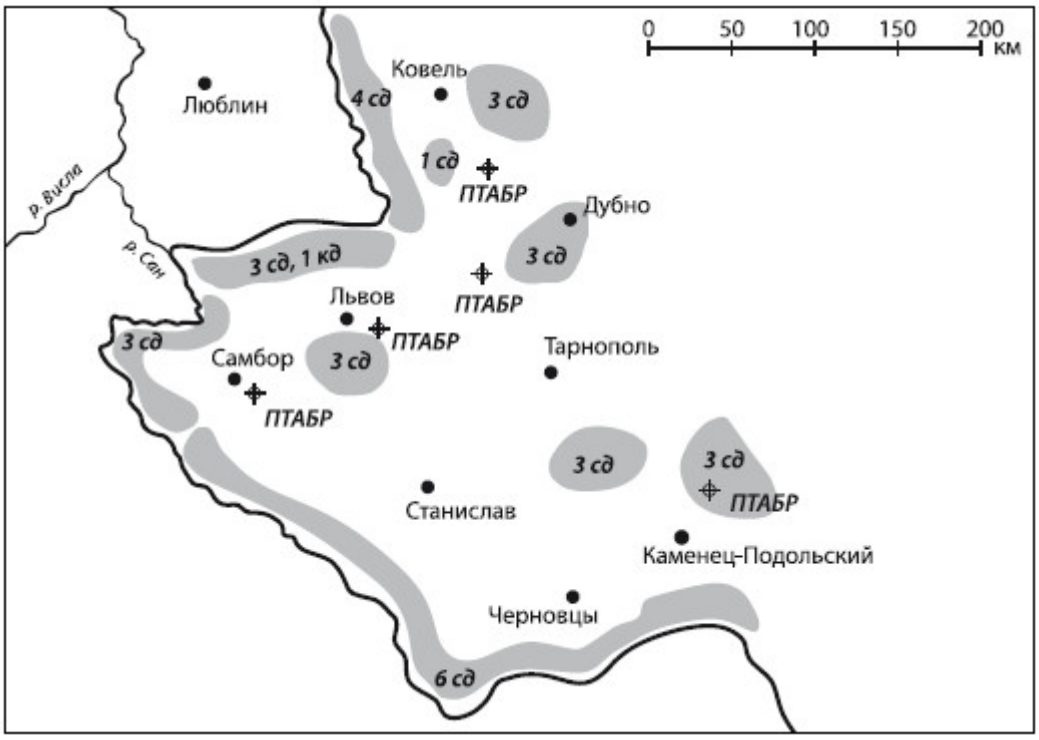


Рис. 9. Дислокация войск по плану прикрытия. Киевский ОВО

Какие задачи можно решить такими силами? В соответствии с п. 105 Полевого устава ПУ-39 стрелковая дивизия может вести упорную оборону на фронте в 8–12 км. При обороне в полосе укрепрайона считалось возможным увеличить ширину фронта вдвое, т. е. до 20–25 км максимум. Фактически же на одну дивизию первого эшелона приходилось 35–40 км границы. Но и эти, «средние по больнице» цифры не отражают весь трагизм ситуации: части прикрытия были растянуты вдоль границы почти равномерной «цепочкой», немцы же наступали, массируя силы в узких полосах прорыва. Так, на 45-км фронте обороны 128-й стрелковой дивизии (южный фланг Северо-Западного фронта) 22 июня границу пересекли 3 танковые и 2 пехотные дивизии вермахта.

Что это было? Ошибка, глупость, преступление, «заговор генералов»? Вовсе нет. ПП были вполне реальными – если использовать их по прямому назначению, т. е. в случае своевременного введения плана прикрытия в действие. Своевременным же для такого ПП могло быть только время **до начала развертывания армии противника**. Например, представим себе ситуацию, при которой «днем М» стало 22 мая 1941 г. (этот день примечателен тем, что именно тогда железные дороги Германии были переведены на режим максимальных военных перевозок и началась крупномасштабная передислокация немецких войск на восток).

Утром 22 мая вводится в действие план прикрытия и соединения первого эшелона организованно (не под бомбами противника) занимают указанные им полосы обороны, на что по ПП уходит 6–12 часов[37]. Что может противопоставить этому противник? Непосредственно в приграничной полосе у немцев 22 мая войск нет вовсе (не считая пограничников). На 100-км глубине от границы до Вислы разбросано порядка 45 пехотных дивизий; только на то, чтобы выйти к границе, им потребуется 3–4 дня. Нужно еще время на оценку ситуа-

[37] На подъем по боевой тревоге отводилось: для стрелковых, артиллерийских и кавалерийских частей – 2 ч. летом и 3 ч. зимой, для танковых (механизированных) – 2 ч. летом, 4 ч. зимой, для дежурных подразделений – 45 мин. Остальное время расходовалось на выход частей в район развертывания и занятие боевых позиций.

ции, на выявление факта начавшейся в приграничных округах СССР мобилизации, на принятие какого-то решения.

Даже если этим решением будет отчаянная попытка бросить все наличные силы в наступление, не дожидаясь сосредоточения предусмотренной планом «Барбаросса» группировки, то соотношение числа дивизий к западу и востоку от границы будет порядка 1,5 к 1. Плюс пограничные реки, мосты на которых уже успешно взорваны. Плюс тысяча ДОТов. Плюс подошедшие на М-5 к границе «глубинные» стрелковые дивизии (про 14 мехкорпусов мы даже не вспоминаем). Плюс мощные удары советской авиации *«по основным группировкам войск, железнодорожным узлам, мостам и перегонам».* И задача «восточных» становится уже совершенно реальной…

Разведка

Что же помешало своевременному (в указанном выше понимании слова «своевременно») началу мобилизации и введению в действие планов прикрытия? Ответ на этот вопрос предельно прост: высшее военно-политическое руководство СССР понятия не имело о реальных планах противника, тем паче – о конкретной дате начала операции «Барбаросса». Вот и вся разгадка. Да, на страницах сочинений советских историков-пропагандистов все гораздо интересней. Некоторые из придуманных историками историй совершенно замечательны.

Так, например, в 1995 г. под эгидой ФСБ и СВР был выпущен в свет сборник документов под ошеломляющим названием «Секреты Гитлера на столе у Сталина». Под номером один шел украшенный грифом «совершенно секретно» отчет… о пресс-конференции английского посла в Москве С. Крипса. Следующим «секретом Гитлера» был отчет НКГБ СССР *«об откликах в кругах дипломатического корпуса по вопросу о заключении договора между СССР и Югославией».* **[116]** В последние годы книжки подобного сорта пошли косяком. Составлены подробные списки: «сорок неопровержимых предупреждений разведки», «сто сорок предупреждений…». В качестве одного из «неопровержимых» приводится донесение пограничников о том, что польские деревенские бабы с западного берега Буга кричали: «Русские! Берегитесь! На вас немцы скоро нападут…»

Как гласит замечательная французская поговорка, «даже самая красивая девушка не может дать больше, чем у нее есть». Содержание и достоверность донесений советских (как и любых других) разведслужб определялись прежде всего и главным образом наличием «источников», т. е. завербованных носителей секретной информации. Все остальные, все эти загадочные штирлицы и радистки кэт могли лишь с большими или меньшими искажениями и запаздыванием транслировать в Москву полученную от «источников» информацию; транслировать, но не генерировать ее. В контексте «тайны 22 июня» обсуждать сорок или сто сорок сообщений, полученных от вечно голодных журналистов, продажных депутатов, коммивояжеров и жены немецкого посла, нет ни малейшего смысла – подобные «источники» не имели и малейшего доступа к документам высшего военно-политического руководства Германии. Что они могли сообщить, кроме разнообразных сплетен, включая дезинформацию германских спецслужб, преднамеренно распространяемую в подобной среде?

Что же касается немецких генералов и офицеров, завербованных советской разведкой, то их перечень не займет у нас много места. Это один-единственный человек, обер-лейтенант Харо Шульце-Бойзен, сотрудник разведывательного отдела штаба люфтваффе[38]. Стар-

[38] Слово «завербован» рядом с этим именем выглядит и неприлично, и неверно – убежденный антифашист, Шульце-Бойзен сам настойчиво искал контакта с советской разведкой и в дальнейшем сотрудничал с ней не за деньги, а по идейным соображениям.

ший лейтенант старался изо всех сил, но по своему служебному положению он находился слишком далеко от тех кабинетов, в которых принимались решения; фактически он собирал и передавал советской разведке слухи, циркулирующие в коридорах штаба люфтваффе. Иногда (особенно в сугубо авиационных вопросах) эти слухи отражали реальные события, не менее часто Шульце-Бойзен становился «источником», через который дезинформация германских спецслужб потоком лилась в Москву.

В начале XXI века «соловьи ФСБ» встрепенулись и с гордостью сообщили доверчивой публике, что раньше они морочили ей голову байками про судьбоносные сообщения Рихарда Зорге («сами понимаете, товарищи, время было непростое, и не обо всем можно было говорить прямо…»), но вот теперь-то они вспомнили и расскажут Чистую Правду. Оказывается, был компетентный «источник», и было достоверное сообщение о дате начала «Барбароссы». 19 июня 1941 г. сотрудник гестапо, гауптштурмфюрер Вилли Леман (агентурный псевдоним «Брайтенбах») встретился с представителем советской разведки и рассказал ему о том, что война начнется 22 июня в 3 часа утра. Публике были сообщены мельчайшие подробности: где происходила встреча, какие условные сигналы использовались, как был в тот день одет Леман («усталый, в несвежей рубашке») и т. п.

Тем не менее, вопросы остаются. Вопрос первый – откуда сам Леман все это узнал? Запытал до смерти армейского полковника? Существует простое и незыблемое правило: секретная информация сообщается только тем, кому она нужна для исполнения служебных обязанностей, и только в том объеме, какой необходим для исполнения обязанностей. Гауптштурмфюрер гестапо (это звание соответствует капитану в вермахте) В. Леман занимался контрразведывательным обеспечением предприятий оборонной промышленности; проще говоря – следил за тем, чтобы на военном заводе ничего не взорвали и через проходную не вынесли секретный чертеж, его «невидимый фронт» пролегал в сотнях километров от Буга и Немана. Зачем, для какой надобности ему информация о дне (тем более – о часе!) начала наступления на Восточном фронте?

Дальше еще интереснее. Оказывается, шифровки с сообщением Лемана ни в одном российском архиве нет. Знаете, почему? *«Она была направлена через посла Деканозова по линии НКИД, вызвала возмущение Берии* (какое отношение Берия имел к НКИД, которым руководил Молотов – номинальный заместитель Сталина и фактически второй человек в руководстве страны?) *и затерялась где-то либо в архивах МИДа, либо в бумагах Берии»*. Занавес. Про бумаги Берии ничего сказать не могу, но в архиве МИДа работать приходилось; свидетельствую – там сохраняются даже бумаги с графиком встречи посла третьеразрядной азиатской страны 70-летней давности, а единственное документальное подтверждение успеха советской разведки «затерялось»? Никаких документальных следов сообщения В. Лемана в военных архивах также нет (скажем аккуратнее – их никто не счел нужным найти). После этого уже не приходится удивляться рассказам про то, что «Брайтенбах» 25 апреля 1941 г. сообщил советской разведке о готовящемся вторжении в Югославию (каковое вторжение произошло 6 апреля), а *«в 1935 г. он лично присутствовал на испытании первой германской ракеты на жидком топливе Фау-1 на полигоне в Пенемюнде…»*[39].

А теперь обратимся к реальным фактам и реальным датам. С декабря 1940 г. по март – апрель 1941 г. разработка плана «Барбаросса» происходила в очень узком кругу (один-два десятка человек) высшего военно-политического руководства Германии. Проникнуть в него – сказочная мечта разведчика, и не приходится удивляться (тем паче – возмущаться) тому, что нашим штирлицам совершить такое чудо не удалось.

[39] Фау-1 (V-1) – это беспилотный самолет («крылатая ракета») с воздушно-реактивным двигателем, баллистическая ракета с ЖРД называлась Фау-2 (V-2), испытания той и другой систем начались в 1942 г.

К 1 мая план окончательно сформирован, установлена дата начала операции – 22 июня 1941 г. **[117]** С этого момента круг допущенных к информации о «Барбароссе» начинает медленно, но неуклонно расширяться. Некоторое (отнюдь не претендующее на окончательный диагноз) представление об этом процессе дают документы соединений вермахта, переводы которых представлены на моем сайте. **[118]** Наиболее ранней из обнаруженных дат является 4 мая. В этот день командование 48-го Танкового корпуса[40] получает *«Указания по выходу на исходные рубежи согласно плану «Барбаросса» (Aufmarschanweisung Barbarossa)»*. Два дня спустя в штабе корпуса подготовлен «*приказ на разведку, который содержал первые задачи на разведку дивизиям, артиллерийским и саперным штабам»*. **[119]** Разумеется, указания по выходу на исходные рубежи – это еще не план операции; про конкретную дату начала наступления речь тем более не идет.

В период с конца мая по 10–13 июня 1941 г. во множестве документов корпусов и дивизий отмечается появление «приказа о наступлении» и проведение совещаний с подчиненными командирами полков и отдельных батальонов. В совокупности это означает, что план вторжения (в части их касающейся) стал известен уже примерно тысяче офицеров вермахта. Точная дата начала «Барбароссы» им по-прежнему неизвестна, но сам факт ознакомления командиров тактического звена с такой информацией однозначно свидетельствует о том, что нападение запланировано отнюдь не на 1942–1943 и последующие годы («после победы над Англией»), а на ближайшие недели или даже дни.

С середины июня начинает расширяться и круг лиц, допущенных к самой главной военной тайне «третьего рейха» – информации о дне начала операции. 10 июня Верховное командование вермахта информирует об этом непосредственно подчиненные ему штабы армий и Групп армий. **[120]** Три Группы, семь армий, в каждой из них – командир, начальник штаба, начальник оперативного отдела штаба, плюс генералы и фельдмаршалы центрального аппарата вермахта; это уже порядка полусотни человек. 15 июня в Журнале боевых действий 3-й танковой дивизии (2-я Танковая группа) появляется такая запись: *«Командир дивизии, начальники оперативного и тылового отделов, командиры групп прорыва и саперных батальонов принимают участие в командно-штабной игре в штабе 24-го Танкового корпуса, в ходе которой во всех деталях проигрывается предстоящая операция… 16 июня объявлен днем «В минус 6»*. **[121]** В последующие три дня записи аналогичного содержания появляются в документах многих других соединений.

Таким образом, к 17–19 июня точную дату начала вторжения знают уже командиры корпусов, дивизий и полков, начальники соответствующих штабов и отделов; по самой скромной оценке – порядка тысячи человек. **Ни одного документального подтверждения того, что советская разведка смогла выявить этот факт, не существует**. Да, можно было бы выразиться осторожнее: «на сей момент никто не опубликовал соответствующие документы», но мне такая деликатность представляется уже излишней. Было бы что публиковать – составители сборников «Секреты Гитлера на столе у Сталина» не отказали бы себе в удовольствии дополнить отчеты о пресс-конференциях чем-то более весомым…

Скрытое развертывание

Прискорбная неудача советской разведки («проспали нападение Гитлера») вовсе не говорит о том, что в начале лета 1941 г. «коллективный Сталин» погрузился в мирный сон.

[40] Подобные соединения в документах вермахта назывались «армейский (моторизованный) корпус», здесь и далее они будут – в соответствии с их реальным составом, решаемыми задачами и для различения с мехкорпусами Красной Армии – называться «танковыми корпусами»; стоит отметить, что такая система обозначений была принята и в традиционной советской военно-исторической литературе.

Ничего подобного, работа кипела. С конца мая 1941 г. Красная Армия перешла в особое, необычное, не соответствующее нормам мирного времени, состояние. Оперативная сводка Генштаба № 01 без лишних затей называет это «развертыванием» (*«Противник, упредив наши войска в развертывании, вынудил части Красной Армии…»*). Первым четверть века назад обратил внимание на это обстоятельство Виктор Суворов, затем к мнению о том, что Красная Армия находилась в состоянии стратегического развертывания, присоединились и некоторые «статусные» российские историки (в частности, П. Бобылев и М. Мельтюхов). С другой стороны, многие специалисты высказывают обоснованное суждение о том, что стратегическое развертывание в отрыве от мобилизации невозможно в принципе, поэтому корректнее говорить не о «развертывании», а о проведении в мае – июне 41-го г. «широкомасштабных предмобилизационных мероприятий».

Личное мнение автора этой книги сводится к тому, что мне совершенно безразлично – как ЭТО должно называться. Интереснее и гораздо важнее выяснить – когда ЭТО началось и что успели сделать к 22 июня 1941 г.

Ответить на первый вопрос непросто. Строго говоря, вся жизнь сталинской империи была одним большим, нескончаемым «мобилизационным мероприятием». Тезис о «неизбежности военного столкновения первого в мире государства рабочих и крестьян с силами загнивающего капитализма» был намертво вбит в большевистский «символ веры». Всякий советский человек знал (обязан был знать), что враги, как голодные волки, рыщут у границ СССР. Если же говорить конкретнее, то следует согласиться с В. Суворовым, который начало процесса развертывания относит к августу 1939 г. С того момента начался резкий рост численности Вооруженных сил СССР, в результате которого к апрелю 1941 г. – т. е. еще до начала «широкомасштабных предмобилизационных мероприятий» – численность личного состава (с учетом ВМФ и ВВС) приблизилась к отметке в 4,7 млн человек. Армии мирного времени такой численности не было ни у одной страны Европы и Америки, а армия военного времени большей численности была только у гитлеровской Германии.

В соответствии с мобилизационным планом «МП-41» после проведения мобилизации по «западному варианту» (т. е. без полного отмобилизования дальневосточных и южных округов) численность Вооруженных сил должна была составить 7,85 млн человек. **[127]** Другими словами, в этом сценарии войны в ходе открытой мобилизации предстояло призвать «всего лишь» 3,2 млн резервистов[41] (и это действительно мало на фоне того, что в других европейских странах численность армии после проведения мобилизации возрастала в разы). Одну четверть от этого количества (802 тыс. человек) призвали под прикрытием «учебных сборов» в мае – июне 1941 г. В конечном счете, к 22 июня в Вооруженных силах числилось порядка 5,7 млн человек, в том числе в сухопутных войсках – 5,1 млн человек (из них в западных приграничных округах 2692 тыс., в армиях и отдельных соединениях РГК – 618 тыс.). **[128]**

Рассуждая арифметически, таким количеством людей можно было укомплектовать полностью, до последнего солдата, все 303 дивизии Красной Армии, включая соединения, дислоцированные в глубочайшем тылу. Реальность строительства Вооруженных сил значительно сложнее. Кроме дивизий, в Действующей армии есть еще корпусные, армейские и фронтовые части и подразделения, да и кроме Действующей армии в ВС есть огромные по составу, до 30–40 % от общей численности, тыловые (учебные, медицинские, научно-технические) структуры. Поэтому фактически к моменту начала войны в дивизиях западных

[41] Фактически в ходе открытой мобилизации 1941 г. призвали в четыре раза больше. Это было связано: во-первых, с истерикой, охватившей «коллективного Сталина», во-вторых, с необходимостью покрыть колоссальные, превысившие любые довоенные прогнозы, потери.

приграничных округов было от 9 до 14 тыс. человек, в большинстве случаев – порядка 10–11 тыс. Явно меньше штата. Это непреложный факт. Оценить же его можно по-разному.

Традиционная советская историография (правда, не предупреждая об этом читателей прямо) оценивала ситуацию в категориях кулачной драки или побоища двух первобытных племен: если племя А выставило 160 мужиков с дубинами, а племя В – только 120 с такими же дубинами, то А имеет очевидное численное превосходство, делающее поражение В неизбежным. Мы же не будем спешить с выводами и вооружимся (благо, что первобытные времена прошли) не дубиной, а калькулятором.

Для того, чтобы артиллерийское орудие могло вести прицельный огонь, абсолютно необходимы два человека: командир расчета и наводчик. Очень желателен третий – заряжающий (чтобы первые два от наблюдения за полем боя и целью не отвлекались). Те, кому такое утверждение покажется спорным, могут посмотреть на любую фотографию любого танка периода 2-й МВ. В башне танка 2, иногда 3 человека, при этом 76-мм (а к концу войны и 85-мм) пушка стреляет, стреляет и стреляет. В башне советского гиганта КВ-2 была установлена аж 152-мм гаубица, с которой управлялись 3 человека (четвертым был командир танка, занятый своими обязанностями). Однако установленный штатным расписанием апреля 1941 г. расчет 76-мм дивизионной пушки состоит из 6 человек, расчет 122-мм дивизионной гаубицы состоит из 9 человек, 152-мм гаубицы – 10 человек.

Пойдем дальше. Для полного укомплектования расчетов всех орудий артполка стрелковой дивизии (8 гаубиц 122-мм и 16 пушек 76-мм) требуется всего-то 168 человек. А по штатному расписанию апреля 41-го года в этом полку должно быть 1038 человек. Из шести бойцов артиллерийского полка около орудий находится только один. Что же делают все остальные?

Меньшая часть выполняет самую главную, требующую высокой квалификации и длительного обучения работу: обеспечивают управление и связь, разведывают, корректируют огонь, готовят расчетные данные для стрельбы. Количественно большая часть бойцов выполняет работы, высокой квалификации не требующие: катает, копает, таскает, выгружает, моет и кормит лошадей, моет и кормит людей, читает им политинформации, принимает и выдает письма и денежное довольствие… Вот этих-то людей – безусловно нужных и совсем не лишних – и призывают по повестке из военкомата, причем в июне 41-го, в ходе «первой волны» открытой мобилизации призывали не вчерашних школьников (любимый сюжет советских «инженеров человеческих душ»), **а резервистов,** т. е. мужчин, отслуживших «срочную» и получивших необходимый набор военных знаний и навыков.

Те же пропорции соблюдаются и в любых других частях и соединениях. В трех стрелковых полках стрелковой дивизии по штату 9,5 тыс. человек, из них непосредственно из винтовок и пулеметов стреляют по врагу всего 4,5 тыс. (в это число включены и «вторые номера» пулеметных расчетов). В танковой дивизии из каждых семи человек внутри танка находится только один, и т. д. Эти цифры (наверное, странные для далекого от военного дела человека) объясняют тот эмпирически наблюдаемый факт, что на завершающем этапе войны, в 1944–1945 годах стрелковая дивизия успешно начинала операцию, имея в лучшем (!) случае 7–8 тыс. человек; именно в такой численности Красная Армия победоносно дошла до Берлина и Праги.

Будет вполне уместным сравнить дивизию Красной Армии, находящуюся в состоянии мобилизационного развертывания, с худым человеком. Это вполне живой человек, с руками, ногами, глазами и головой. Да, он не способен изо дня в день выполнять ту работу, с которой может справиться сытый крепыш, да, он нуждается в санатории с усиленным питанием – но в случае крайней нужды (например, когда горит свой собственный дом) пару часов можно поработать, и не дожидаясь санатория. Точно так же, при наличии желания, дивизия может несколько дней провоевать в 10-тысячном составе, с немытыми лошадьми, неработающей

полевой почтой, без «красного уголка», полевой кассы Госбанка и даже – на войне как на войне – без кухни с горячей пищей.

Хуже – но отнюдь не безнадежно – обстояло дело с укомплектованием армии техникой: автомобилями и тракторами (артиллерийскими тягачами). По состоянию на 15 июня 1941 г. (т. е. еще до начала открытой мобилизации!) в Красной Армии числилось 272 тыс. автомобилей (всех типов) и 42,9 тыс. тракторов (тягачей). **[129]** Если сравнить эти цифры с расчетными по МП-41 (соответственно, 595 и 90,8), то выявляется отсутствие половины требуемого количества. И это, несомненно, плохо. Если же сравнивать со штатной численностью находившихся в составе пяти западных приграничных округов 110 стрелковых дивизий, 20 мехкорпусов и 10 ПТАБРов, то **наличного количества оказывается в 2 раза больше потребного по тракторам и в 1,6 раза больше по автомобилям.** И это, заметьте, по тем штатным нормам, когда в гаубичном полку обычной стрелковой дивизии на одно орудие приходится два тягача.

Таким образом, проблемой было не отсутствие людей и техники как таковых, а нехватка некоторого количества людей и техники в нужное время в некоторых местах. Что касается «времени», то на календаре Сталина стояла какая-та неизвестная нам дата в интервале от середины июля до конца августа[42].В любом случае, с 22 июня 1941 г. она ничего общего не имела. Что же касается «места», то крупномасштабная передислокация войск Красной Армии началась в конце мая 1941 г. Началась и продолжилась она весьма необычно – «задом наперед». Прежде всего пришли в движение войска внутренних округов, затем – вторые эшелоны приграничных округов. До первого эшелона приграничных округов очередь дойти не успела – началась война.

22 мая 1941 г. началась погрузка в эшелоны находившихся в Забайкалье и в Монголии соединений 16-й Армии и 5-го мехкорпуса; с учетом огромного расстояния и сохраняющегося графика работы железных дорог мирного времени они должны были прибыть на Украину, в район Бердичев, Проскуров, Шепетовка, в период с 17 июня по 10 июля.

Примерно в это же время (точные даты назвать не представляется возможным, т. к. процесс был покрыт беспрецедентной даже для Советского Союза завесой секретности) было принято решение о формировании четырех новых армий на базе командования и войск внутренних округов: 19-й (Северо-Кавказский округ), 20-й (Орловский округ), 21-й (Приволжский округ), 22-й (Уральский округ). Кроме того, в состав названных армий включались соединения Московского и Харьковского военных округов. Несколько позднее, в середине июня, формируются 24-я Армия (Сибирский округ) и 28-я Армия (Архангельский округ).

Итого – войска семи армий, погрузившись ночью на заброшенных полустанках, в заколоченных фанерными щитами вагонах двинулись на запад. Куда именно – решения об этом многократно уточнялись и радикально изменились после того, что произошло 22 июня. Первоначальное же решение (отраженное в упомянутой выше «Справке Ватутина» от 13 июня) предполагало, что 22-я Армия сосредотачивается в тылу Западного фронта в районе Витебска; 19-я, 20-я и 21-я сосредоточивались в глубине Юго-Западного фронта в полосе от Чернигова до Черкасс. 24-я и 28-я Армии развертывались, соответственно, юго-западнее и северо-западнее Москвы. Сроки завершения всех перевозок (а это порядка 3 тыс. железнодорожных эшелонов) приходились на 3–10 июля. **[130]**

---

[42] Как было уже выше отмечено, среди рассекреченных на сей момент документов нет ничего, что позволяло бы назвать точную дату запланированного начала наступления Красной Армии. Учитывая, что сосредоточение армий РГК (Второй стратегический эшелон) планировалось завершить к 10 июля, можно предположить, что середина июля является самой ранней из возможных дат начала операции. Природно-климатические условия юго-восточной Европы делают желательным завершение боевых действий до ноября; в таком случае рубеж августа – сентября может быть указан как «верхняя граница» возможных сроков начала вторжения.

Войска армий РГК (Второй стратегический эшелон) не только начали сосредоточение раньше Первого эшелона, но им и резервистов, призванных под прикрытием «учебных сборов», досталось больше, чем приграничным округам. Так, составленная 20 мая мобуправлением Красной Армии справка «О проведении сборов приписного состава в стрелковых дивизиях в 1941 г.» дает такие цифры: в четырех приграничных округах призывается 134 тыс. человек, а в тех внутренних округах, которые превращались в армии РГК, – 322 тыс. человек[43] (тут, правда, надо учесть, что в Справке не отражены данные по Прибалтийскому ОВО). **[131]** Это позволило еще в ходе «широкомасштабных предмобилизационных мероприятий» довести численность личного состава стрелковых дивизий в армиях РГК до штатного (или близкого к нему) уровня.

9 июня в кабинете Сталина состоялось очередное (предыдущие прошли 3, 6 и 7 июня), но совершенно рекордное по продолжительности (в общей сложности 6 ч. 25 мин.) совещание высшего военно-политического руководства. Кроме постоянных участников (Тимошенко, Жуков, Ватутин, Маленков) были вызваны маршалы Ворошилов и Кулик, главком ВВС Жигарев, начальник Госплана Вознесенский, начальник мобилизационно-планового отдела КО при СНК Сафонов, наркомы авиационной и танковой промышленности Шахурин и Малышев. Вполне ожидаемого для такого собрания решения о начале открытой мобилизации принято не было. Но и совещались в тот день не зря.

11 июня Василевский собственноручно пишет на бланке наркома обороны текст директивы для командующего Западным ОВО: *«Для повышения боевой готовности войск округа все глубинные стрелковые дивизии и управления стрелковых корпусов с корпусными частями вывести в лагерь в районы, предусмотренные для них планом прикрытия*[44] *(директива НКО за № 503859). Приграничные дивизии оставить на месте* (выделено мной. – *М.С.*)*, имея в виду, что вывод их на границу в назначенные им районы в случае необходимости будет произведен по особому указанию… Вывод указанных войск закончить к 1 июля 1941 года».* **[132]** На следующий день директива аналогичного содержания была отправлена в Киевский ОВО.

Директива, отправленная в Киев, содержала прямое указание: *«Передвижения войск сохранить в полной тайне. Марш совершать с тактическими учениями, по ночам».* **[133]** В «минской» директиве таких слов не было, но необычайные меры к соблюдению строжайшей секретности были приняты и там. В Журнале боевых действий Западного фронта[45] события последних предвоенных дней описаны следующим образом: *«Войска подтягивались к границе в соответствии с указаниями Генштаба Красной Армии. Письменных приказов и распоряжений корпусам и дивизиям не давалось. Указания командиры дивизий получали устно* (выделено мной. – *М.С.*) *от начальника штаба округа генерал-майора Климовских. Личному составу объяснялось, что они идут на большие учения. Войска брали с собой все учебное имущество (приборы, мишени и т. д.).»* **[134]** Примечательно, что донесения о ходе выдвижения «глубинных дивизий» поступали из Минска в Москву в формате Оперативных сводок, причем их порядковые номера в середине года оказались 2, 3, 4, 5, 6 (номер первый обнаружить в архиве не удалось). **[135]**

Если тезис о том, что Красная Армия готовилась к нанесению внезапного первого удара по противнику, еще нуждается в каких-то дополнительных аргументах, то такой удивительный порядок развертывания войск сам по себе может служить исчерпывающим дока-

---

[43] В Ленинградском ВО – 20 тыс., в Западном ОВО – 24 тыс., Киевском ОВО – 65,55, Одесском ВО – 24 тыс. В Московском округе – 60 тыс., в Харьковском – 58,55, Северо-Кавказском – 48, Орловском – 42, Приволжском – 42, Сибирском – 36, Уральском – 30, Архангельском – 5.

[44] В тексте директивы были указания, несколько меняющие – в сравнении с ПП – места дислокации войск; в частности, в районе Барановичи сосредотачивались четыре стрелковые дивизии вместо одной.

[45] Необходимо отметить, что ЖБД Западного фронта составлен «задним числом», после ареста и расстрела прежнего командования фронта, предположительно – в августе/сентябре 1941 г.

зательством: для подготовки к отражению агрессии следовало бы прежде всего отмобилизовать и вывести на боевые позиции войска первого эшелона приграничных округов, затем т. н. «глубинные дивизии» и только после этого – если судьба даст такой шанс – заняться мобилизацией и выдвижением на запад войск внутренних округов. В реальном июне 41-го все было сделано точно наоборот. Страстное желание «не спугнуть Гитлера раньше срока» безраздельно завладело сознанием «коллективного Сталина».

Еще одним (пожалуй, самым невероятным из реально состоявшихся) проявлением желания «не спугнуть» стало сохранение режима работы железных дорог по мирному времени. Немцы, как мы помним, ввели особый режим военных перевозок за месяц до начала вторжения (22 мая 1941 г.). В ходе развертывания Красной Армии перед войной с полуразрушенной Польшей железные дороги европейской части СССР были переведены на особый режим работы 12 сентября 1939 г., за пять дней до начала операции. **[136]** В июне 41-го, несмотря на огромный объем предстоящих перевозок, ничего подобного сделано не было. Режим военных перевозок был введен не 22, и даже не 23, а только с 18–00 24 июня, на третий день войны! **[137]**

Последние мирные дни

Сохранились и ныне рассекречены протоколы допросов командующего Западным фронтом генерала армии Д.Г. Павлова. Да, конечно, достоверность его показаний может быть оспорена – обреченный генерал пытался представить свои действия в возможно лучшем свете. С другой стороны, маршал Тимошенко (о телефонном разговоре с которым пойдет речь ниже) на момент ареста Павлова был вполне жив и занимал все тот же высокий пост, так что возводить на него напраслину для Павлова было, что называется, «себе дороже». Так вот, по версии Павлова, в час ночи 22 июня он доложил наркому о том, что *«в течение полутора суток в Сувалкский выступ шли беспрерывно немецкие мотомехколонны»,* и по донесению командующего 3-й Армией, *«во многих местах со стороны немцев снята проволока заграждения».* На что маршал Тимошенко ответил якобы так: *«Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите».* **[122]** Интересная формулировка. «Что-нибудь неприятное». Это про вторжение 3-миллионной армии жестокого врага? Трудно не заметить, что нарком обороны или все еще сомневается в неизбежности нападения, или морочит голову своему подчиненному. Зачем?

Можно было бы «вывести за скобки» обсуждения один такой казус. Но он далеко не один! Исходящие документы Наркомата обороны и Генштаба последних мирных дней потрясают своей неадекватностью. Размеры нашей книги не безграничны, но несколько примеров стоит привести.

18 июня нарком обороны подписал Приказ № 0039 «О состоянии строительства оперативных аэродромов по основному плану строительства 1941 г.». **[123]** За четыре дня до начала вторжения противника строительство аэродромов в приграничных округах следовало бы прекратить – великая стройка не только создавала помехи для летной работы, но еще и демаскировала аэродромы; в 50-км приграничной зоне аэродромы уже можно было начинать разрушать, т. к. при сложившемся соотношении сил захват их противником был более чем вероятен. Однако приказ маршала Тимошенко совсем о другом. В констатирующей части отмечается, что строительство ведется недопустимо медленно. После чего нарком приказывает: *«Военным Советам округов немедленно развернуть строительство аэродромов широким фронтом, с расчетом окончания строительства летных полей не позже 1 августа, и полного окончания аэродромов не позже 1 октября* (выделено мной. – *М.С.*). *График выполнения работ представить мне не позже 25.6.41 года…»*

18 июня в кабинете Сталина состоялось очередное совещание с военным руководством. Присутствовали Молотов, Маленков, Тимошенко, Жуков и зам. наркома госбезопасности Кобулов. Совещались довольно долго (2 ч. 45 мин.). Судя по известным ныне фактам и документам, никаких принципиальных изменений в ходе проведения «широкомасштабных предмобилизационных мероприятий» (т. е. скрытного стратегического развертывания Красной Армии) не произошло. Просьбы командования округов/фронтов о форсировании выдвижения (об этом пишет в упомянутой выше докладной записке ЧВС Западного фронта Фоминых) были отклонены. Была прямо запрещена и такая назревшая и перезревшая мера, как эвакуация семей командного состава из приграничной (фактически – уже прифронтовой) полосы. И это при том, что порядок такой эвакуации, сроки, задействованный транспорт, места погрузки и выгрузки были подробно расписаны в приложениях к планам прикрытия округов. **[138]**

19 июня в 10.45 генерал-лейтенант Конев, командующий 19-й Армией, формирующейся на базе управления и войск Северо-Кавказского военного округа, отправляет телеграмму на имя наркома обороны: *«Прошу разрешения на 3–5 дней выехать в Ростов-на-Дону для решения неотложных вопросов по делам округа»*. Армия Конева с 10 июня сосредотачивалась в районе г. Черкассы, составляя стратегический резерв ГК в тылу Юго-Западного фронта. 20 июня в 19.57 уходит ответная шифротелеграмма: *«Выезд в Ростов на Дону на 3–5 дней разрешаю. Тимошенко»*. **[124]** По меньшей мере до 24 июня армия Резерва ГК остается без командующего – но нарком обороны не видит причин для того, чтобы эту поездку запретить. Что же касается «неотложности вопросов по делам округа», то неотложность эта испарилась в ночь на 22 июня, и Конев самолетом (!) вылетел назад в Черкассы, в штаб Армии.

20 июня 1941 г. поздним вечером, в 23.25 заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Соколовский телеграфирует командующему Одесским ВО: *«По агентурным данным, германский штаб авиации усиленно интересуется расположением штабов бронетанковых частей в Кишиневе. Предполагается, что замышляется какая-то диверсия. Начальник ГШ приказал предупредить вас об этом»*. **[125]** Диверсия. Возможность того, что германский штаб авиации вносит последние уточнения в перечень целей для бомбардировок, не предполагается.

21 июня, 18 ч. 48 мин. Группировка вермахта, развернутая на Восточном фронте, приступила к «открытому выполнению приказов». Бесчисленные колонны войск двинулись к границе, командиры рот (т. е. десятки тысяч человек!) получили текст приказа-обращения «фюрера» к солдатам, который они зачитают в своих подразделениях поздним вечером (как можно судить по имеющимся документам – с 20 до 22 ч. по берлинскому времени). В этот момент генерал Соколовский отправляет две телеграммы, в ЗапОВО и ПрибОВО: *«Начальник Генштаба приказал допустить представителей Госконтроля т.т. Пономарева, Козаманова, Леонтьева к проверке строительства УР, не затрагивая оперативно-тактическую сторону вопроса»*. **[38]** Нет, кто бы спорил, учет и контроль – дело архиважное, самое время проверить, что ни один мешок народного цемента не ушел «налево».

Поздний вечер 21 июня. В кабинете Сталина составляют текст печально знаменитой Директивы Главного Военного совета. Той самой, которая начиналась словами: *«В течение 22–23.6.41 г. возможно* (!!!) *внезапное нападение немцев»*. И даже это, трагически-абсурдное в реально сложившейся ситуации слово «возможно» дезавуировалось требованием: *«Задача наших войск не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения»*.

Директива эта, несомненно, была. Соответствующее архивное дело рассекречено в мае 2002 г., и, ознакомившись с рукописным оригиналом (написан рукой Жукова на трех страницах), мы можем увидеть и оценить правку, которая были внесена в текст по ходу обсуждения. (Рис. 10.) В частности, вариант «в ночь на 22.6.41» в конечном счете заменен на менее

конкретное «в течение 22–23». Из фразы *«в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов и полевые сооружения на государственной границе»* убрали слова *«и полевые сооружения»*. Полевые сооружения (окопы, траншеи, укрытия, ДЗОТы) предполья УРов были расположены непосредственно у линии границы, и составители Директивы, видимо, все еще опасаются спугнуть немцев раньше времени.

Кстати, про время. Из кабинета Сталина Тимошенко и Жуков вышли в 22.20, а текст директивы был сдан в шифровальный отдел Генштаба лишь в 23.45. Нельзя сказать, что черный «паккард» мчался по центру ночной Москвы на бешеной скорости… И тем не менее, с момента передачи Директивы до шквала артиллерийского огня на границе оставалось еще несколько часов. Через р. Буг перебрался перебежчик – ефрейтор вермахта Альфред Лисков (в мемуарной литературе встречаются упоминания еще о двух перебежчиках, переплывших пограничные реки в ночь с 21 на 22 июня). Безвестные герои пытались в последнюю минуту спасти «родину мирового пролетариата». А что при этом делали в Наркомате обороны СССР?

Существует зафиксированное на бумаге описание реакции Сталина на сообщение о немецком вторжении. Оно принадлежит одному из главных участников события – маршалу Жукову. 19 мая 1956 г. он составил и передал для утверждения Хрущеву проект доклада на Пленуме ЦК КПСС. Пленум тот так и не состоялся, но текст непроизнесенной речи Жукова сохранился в архиве до наших дней: *«Сталин, тяжело дыша в телефонную трубку, в течение нескольких минут ничего не мог сказать, а на повторные вопросы ответил: «Это провокация немецких военных. Огня не открывать, чтобы не развязать более широких действий…» Свою мысль о провокации немцев Сталин вновь подтвердил, когда он прибыл в ЦК. Сообщение о том, что немецкие войска на ряде участков уже ворвались на нашу территорию, не убедило его в том, что противник начал настоящую и заранее подготовленную войну»*. **[126]** Следует отметить, что свой доклад на Пленуме Жукову предстояло произнести в присутствии живого свидетеля (весной 1956 г. Молотов был еще членом ЦК), и поэтому есть серьезные основания поверить в правдоподобие данной версии.

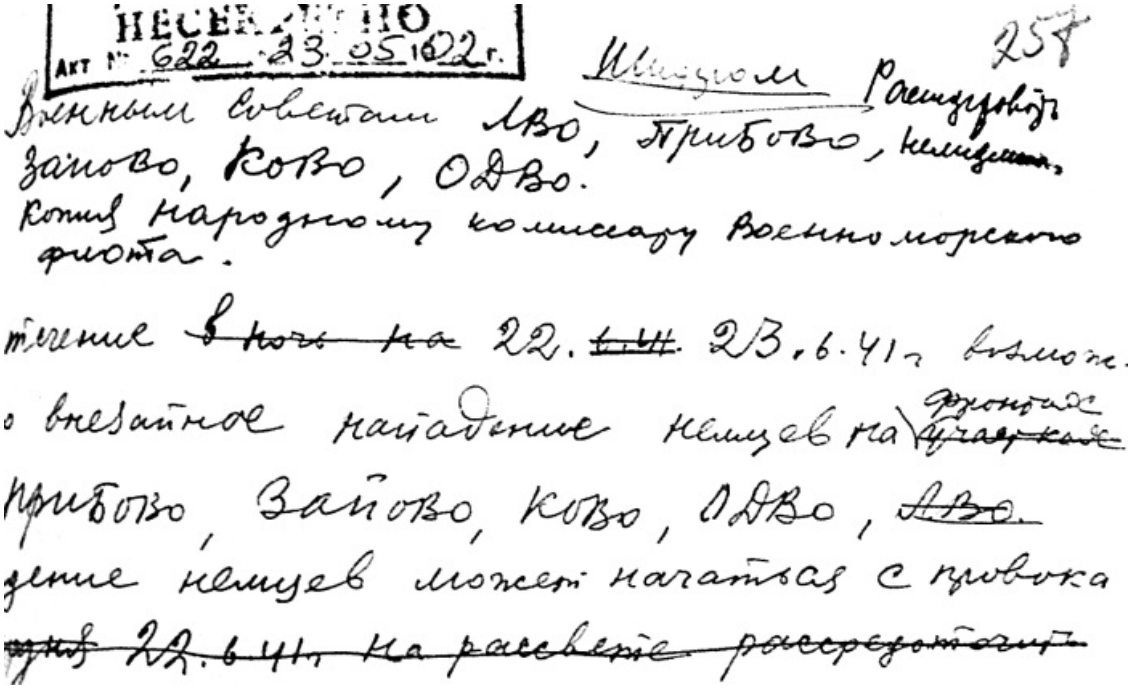

НЕСЕКРЕТНО
Акт № 622 23.05.1992 г.
258
Военным советам ЛВО, ПрибОВО, КОВО, ОдВО.
Копия Народному комиссару Военно-морского флота.
течение ~~в ночь на~~ 22. ~~VI~~ 23.6.41 г. возмож.
о внезапное нападение немцев на ~~фронтах~~ ~~участках~~
Прибово, Зайово, КОВО, ОдВО, ~~ЛВО~~.
дение немцев может начаться с провока
~~ний 22.6.41 г. на рассвете рассредоточить~~

Рис. 10. «Директива номер один», рукопись

21 июня 1941 г. глава Исполкома Коминтерна тов. Димитров записывает в своем дневнике: *«Звонил утром Молотову. Просил, чтобы переговорили с Иос. Виссарионови-*

чем о положении и необходимых указаниях для Компартий. Молотов: «Положение неясно. Ведется большая игра. Не все зависит от нас…» **[139]** «Большая игра». Но, быть может, вернее описали бы ситуацию слова «идет большая борьба»?

Большая, страшная борьба кипела в голове самого главного человека Страны Советов. Дураком он не был и не мог не понимать – что означает поток донесений, безостановочно множившихся в последние перед 22 июня часы. С другой стороны, очень не хотелось отрываться от любимого дела (подготовки к нанесению сокрушительного внезапного удара в спину своего берлинского конкурента), а опыт, личный практический опыт укреплял Сталина в мысли о том, что никто из людей не может, не посмеет противиться его воле. Здравый смысл и логика (которой он так гордился) подсказывали, что сравнивать Гитлера с такими ничтожествами, как Бухарин, Зиновьев или Ежов, ошибочно и опасно. Болезненно раздутое самомнение делало психологически невозможным даже косвенное, даже молчаливое признание собственных ошибок, тем паче – судорожные попытки исправить их. Обуреваемый такими терзаниями тов. Сталин необычайно рано, в 23.00 покинул свой кремлевский кабинет[46].

Завтра началась война. За проигрыш в игре Сталина советскому народу предстояло крупно заплатить.

[46] Я неоднократно (в книге «23 июня – день М», статьях «Три плана товарища Сталина», «Последние мирные дни») высказывал предположение о том, что существует, возможно, «недостающее звено», позволяющее связать воедино столь противоречивые, иррациональные на первый взгляд действия Сталина. Этим «звеном» является версия о запланированной на 22–23 июня крупномасштабной провокации – инсценировке нападения немцев (обстрел и/или бомбардировка жилых кварталов пограничных городов). Причем о запланированной провокации могли не знать даже Тимошенко и Жуков; перед ними Сталин поставил лишь одну задачу: на провокации не поддаваться, и они добросовестно добивались (и добились!) этого от своих подчиненных. Прямых документальных подтверждений у этой гипотезы нет, и шансы обнаружить их в российских архивах равны нулю. Впрочем, электроны, протоны и нейтроны тоже никто не видел; уверенность в их существовании основана только на том, что данная теоретическая модель позволяет объяснить огромное число реально наблюдаемых явлений.

Часть 2
Юго-Западный фронт

Глава 2.1
Состав, дислокация, планы сторон

На рассвете 22 июня 1941 г. началась война. Красная Армия вступила в нее, не завершив стратегическое развертывание, даже не успев начать открытую мобилизацию. Ни для одной из сколь-нибудь значимых европейских стран Вторая мировая не началась с такой «неожиданности». Красная Армия не имела адекватного возникшей ситуации плана действий, не успела выстроить ни предусмотренную предвоенными оперативными планами наступательную группировку, ни импровизированную оборонительную группировку. Такой оказалась цена проигрыша в загадочной «большой игре» Сталина, смысл которой, возможно, не понимал до конца и он сам.

При таких исходных условиях задача, возникшая перед командованием Красной Армии, не имела простых, готовых и надежных решений. Любой вариант действий был чреват возможной неудачей, любой вариант с неизбежностью приводил к тяжелым потерям людей и техники. И тем не менее, варианты выбора «лучшего среди худшего» имелись, и на различных участках огромного театра военных действий они были существенно разными. Их рассмотрение мы начнем с того участка, на котором ситуация для Красной Армии была наиболее благоприятной, т. е. с Юго-Западного фронта. Именно там развертывалась самая крупная и лучше всех прочих вооруженная группировка войск Красной Армии, именно там противник уступал ей по всем количественным параметрам.

Соотношение сил

В составе Юго-Западного фронта, развернутого на базе войск Киевского ОВО, было 32 стрелковые и 2 кавалерийские дивизии. Противник (6-я и 17-я армии Группы армий «Юг» вместе с резервами ГА) имел 24 пехотные дивизии (включая четыре легкопехотные дивизии, уступающие «нормальным» в количестве людей – два пехотных полка вместо трех). Таким образом, наступающая сторона (вермахт) не только не имела численного превосходства в пехоте, но и на одну треть уступала обороняющимся. Но и это еще не все – в полосе Юго-Западного фронта выгружались две Армии Резерва ГК (16-я в районе Шепетовка, Житомир и 19-я в районе Черкассы), в состав которых предполагалось включить 16 стрелковых дивизий.

Артиллерия ЮЗФ (корпусные артполки и полки РГК, не учитывая артиллерию «большой и особой мощности») насчитывала 30 отдельных артполков (четыре в составе 5-й Армии, пять в 6-й Армии, два в 26-й Армии, четыре в 12-й Армии, пятнадцать в подчинении командования фронта). Противник в полосе ЮЗФ имел 7 пушечных, 3 смешанных и 7 гаубичных дивизионов, всего 17 отдельных артдивизионов. Другими словами, на данном направлении у Красной Армии артполков (по три или четыре дивизиона в каждом) было почти вдвое больше, чем у противника дивизионов!

Весьма солидной была и группировка тяжелой советской артиллерии: пять (4, 168, 324, 330, 526-й) гаубичных полков большой мощности и четыре (34, 245, 315, 316-й) отдельных артдивизиона «особой мощности». **[140]** Организационно все они были подчинены командованию фронта, в распоряжении которого суммарно было 192 гаубицы калибра 203 мм и

35 сверхтяжелых 280-мм гаубиц. **[3]** Высокая концентрация тяжелой артиллерии в полосе ЮЗФ, конечно же, не была случайностью – это и есть материальная подготовка к наступлению на Краков и Катовице, в ходе которого артиллерия крупных калибров должна была крушить укрепления противника. Противник же в составе 6-й и 17-й Армий (в резерве ГА «Юг» артиллерии большой мощности не было вовсе) имел всего 13 дивизионов. Вооружены они были главным образом 210-мм гаубицами, но были и более тяжелые системы: 305-мм мортиры, 240-мм пушки. При полной укомплектованности по максимальным штатам в составе 13 немецких дивизионов могло набраться 117 артсистем большой мощности. Вдвое меньше, чем было на вооружении ЮЗФ.

В численности бронетанковых войск преимущество «восточных» было просто подавляющим. В составе ЮЗФ было восемь мехкорпусов, т. е. 16 танковых и 8 моторизованных дивизий (напомним, что советская моторизованная по структуре в основном соответствовала, а по штатному количеству танков превосходила немецкую танковую). Кроме того, в составе 16-й Армии прибывали и выгружались в районе Бердичев, Проскуров еще 3 танковые и 1 моторизованная дивизии. Суммарно набирается 28 бронетанковых соединений.

У противника в составе 1-й Танковой группы было всего 5 танковых дивизий, а также 3 моторизованные дивизии и моторизованная бригада СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер»[47]. Все пять танковых дивизий ГА «Юг» имели в своем составе танковый полк 2-батальонного (т. е. минимального) состава, от 143 до 149 танков в дивизии; всего 728 танков. Если же вычесть из этого перечня пулеметные танкетки Pz-I и «вооруженные» макетом пушки т. н. «командирские танки», то остается всего 666 танков (100 Pz-IV, 355 Pz-III, 211 Pz-II).

Стоит обратить внимание и на номера этих дивизий: 9, 11, 13, 14, 16-я. Пресловутый «двухлетний опыт ведения современной войны» в реальности состоял в том, что в польской кампании они не участвовали (т. к. еще не существовали), и лишь одна из пяти (9-я танковая) принимала участие в кампании на Западном фронте (май – июнь 1940 г.), да и то на второстепенном, голландском участке. Четыре другие были сформированы во второй половине 1940 г., на базе пехотных соединений и, не считая нескольких дней войны в Югославии, где успели «отметиться» 11-я тд и 14-я тд, боевого опыта не имели вовсе.

Для полноты картины стоит также учесть три (191, 197, 243-й) дивизиона «штурмовых орудий» (короткоствольная 75-мм пушка в броневой рубке на базе шасси среднего танка Pz-III), один (670-й) дивизион самоходных «истребителей танков» и один (102-й) батальон огнеметных танков, созданных на базе трофейных французских танков B-1bis. С учетом этих подразделений всего набирается порядка 770 единиц вооруженной бронетехники.

Если бы все 28 танковых и моторизованных дивизий, находившихся в полосе Юго-Западного фронта, были укомплектованы по полной штатной численности и введены в бой, то тогда немцам противостояла бы бронированная орда в 9,5 тыс. танков (тут, кстати, возникает вопрос – где было найти мосты и дороги, по которым танковая лавина такой численности могла бы перемещаться в пространстве?) Однако – как совершенно справедливо отмечено в трудах двух поколений советских историков – реальная укомплектованность была весьма далека от штатной. История отпустила Сталину мало времени, а командованию Юго-Западного фронта – мало танков. Это «мало» измерялось числом 4,7 тыс. танков[48], таким образом количественное превосходство над противником было «всего лишь» шестикратным. Не забудем и про 800 бронеавтомобилей БА-10, вооруженных 45-мм пушкой во вращающейся «танковой» башне.

---

[47] Эта воинская часть (первоначально – полк) имела вполне уникальную, к тому же многократно менявшуюся структуру. На момент 22 июня 1941 г. это было нечто вроде «пехотной бригады» или «дивизии сокращенного состава».

[48] В это число не включены танки 13-й, 17-й и 57-й танковых дивизий 16-й Армии, не включены плавающие пулеметные танки Т-37/38/40 и еще более древние танкетки Т-27.

Можно посчитать еще жестче. Танки не воюют большими толпами, они стоят на вооружении соответствующих воинских соединений; руководствуясь такой логикой, следует исключить из общего перечня танки, в малых количествах разбросанные по формирующимся новым дивизиям. При такой методике подсчета бронетанковые войска ЮЗФ сокращаются до 14 дивизий, в каждой из которых танков было примерно столько же, сколько в танковых дивизиях противника (или значительно больше).

Итак, только в составе крупных боеспособных соединений находилось порядка 3,7 тыс. исправных (!) танков и 0,4 тыс. бронеавтомобилей БА-10.

Подавляющее количественное превосходство советской стороны дополнялось столь же весомым превосходством в ТТХ бронетехники. На вооружении пяти танковых дивизий ГА «Юг» было всего 355 средних танков (Pz-IV и Pz-III последних модификаций с 50-мм пушкой и «нашлепкой» на лобовой броне корпуса). Все остальное – это легкие танки (100 Pz-III первых модификаций с 37-мм пушкой и 211 Pz-II). С другой же стороны фронта новейших танков (КВ и Т-34) было столько[49], сколько у немцев всяких, включая легкие танки и самоходки.

Таблица 8

	КВ	Т-34	Т-28	БТ, Т-26	БА-10
19 тд (22 МК)	–	–	–	148	58
41 тд (22 МК)	31	–	–	345	?
215 мд (22 МК)	–	–	–	129	?
10 тд (15 МК)	63	38	45	193	56
37 тд (15 МК)	1	34	–	277	14
8 тд (4 МК)	50	140	60	62	57
32 тд (4 МК)	49	173	–	128	28
81мд (4 МК)	–	–	–	238	18
12 тд (8 МК)	58	98	–	179	54
34 тд (8 МК)	8	–	48	267	10
15 тд (16 МК)	4	–	69	156	54
39 тд (16 МК)	–	–	–	203	16
43 тд (19 МК)	5	9	–	232	?
109 мд (5 МК)	–	–	–	154	?
ИТОГО:	269	492	222	2711	б. 378

Примечание:

– не учтены пулеметные танкетки Т-27, Т-37, Т-38, Т-40;

– учтены только исправные танки (за исключением данных по 215 мд, 34 тд, 39 тд, 109 мд);

– в 34 тд были танки Т-35, а не Т-28.

Памятуя о полувековом «мозгоимении» на тему того, что «две трети советских танков были неисправны», сразу же приведем реальные цифры по бронетанковым войскам Киевского ОВО на 1 июня 1941 г.: 1029 танков «1-й категории» (новые, исправные) и 3217 танков

[49] Арифметическая сумма по 14 дивизиям дает число 761, это можно принять лишь для ориентировочной оценки, т. к. процесс получения новых танков шел непрерывно, и в различных документах он отражен по-разному. Так, в различных документах одного и того же архивного дела (ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 909) совокупное количество танков Т-34 в составе ЮЗФ определяется как 485, 493, 496, 519 единиц.

«2-й категории» (*«находящиеся в эксплуатации, вполне исправные и годные к использованию по прямому назначению»*)[50]. Источник: «Ведомость наличия и технического состояния боевых машин», подписанная 11 июля 1941 г. начальником 2-го отд. 1-го отделения ГАБТУ тов. Седуковым. **[141]** Не удивительно, что по новейшим Т-34 и КВ процент исправных превышает 99 %. Но и по «безнадежно устаревшим» Т-26 исправные составляют 89 % от общего числа, по танкам БТ-5/7 процент исправных равен 90; даже среди давно снятых с производства трехбашенных Т-28 исправно 79,5 %.

Некоторое представление (серьезное изучение вопроса еще ждет своих исследователей) о возможностях ремонта и обслуживания танков ЮЗФ дает неполный перечень окружных и центрального подчинения складов автобронетанкового имущества на территории Киевского ОВО: № 376 в Тарнополе на 95 вагонов, № 965 во Львове на 143 вагона, № 130 в Харькове на 550 вагонов, № 304 в Киеве на 674 вагона. **[142]** Разумеется, не одними только запчастями для танков были заполнены склады АБТУ округа, но все равно – цифра в полторы тысячи вагонов впечатляет.

В особенности, если прочитать после нее вот этот отрывок из доклада начальника службы тыла 1-й Танковой группы вермахта от 4 августа 1941 г.: *«Снабжение запасными частями продолжает оставаться неудовлетворительным. Из 25 тонн, которые были доставлены в дивизии, только 25 % были пригодными. Так, для танков часто отсутствуют совсем незначительные запчасти, отсутствие которых препятствует быстрому ремонту».* **[143]** Или письмо, которое 3 июля начальник штаба 1-й ТГр направил в адрес генерал-инспектора «подвижных» (бронетанковых) войск: *«Должен попросить у Вас помощи. Мы запрашиваем запчасти, но ничего не приходит. Похоже, заявка идет слишком длинным путем. Мастерские заполнены, мы не можем работать, т. к. нет запчастей. Особенно не хватает танковых моторов (выходят из строя из-за пыли), коробок передач Variorex, опорных катков старого образца для Pz III…»* **[144]**

Наилюбимейшей темой обсуждения (завываний) современных российских фальсификаторов истории является отсутствие в мехкорпусах штатного количества автомобилей. Заливистый «плач Ярославны» катится по волнам Интернета и по страницам бумажных книг. «Хватит считать «танчики»! Танчики без автомобилей воевать не могут! Что могли сделать мехкорпуса, в которых ни боеприпасы, ни горючее во-зить (на этом месте кликуши делают паузу и, скомкав фразу, продолжают) было нечем». На месте паузы должны были бы звучать слова: «за стремительно наступающими на сотни км в глубь территории противника танками». С таким уточнением «плач» приобретал бы хоть какой-то смысл. В реальной же ситуации, когда ни одна танковая дивизия ЮЗФ (за исключением 34-й тд) не прошла в наступлении более 30–40 км и не вела бой более 1–2 дней, разговор о «подвозе горючего и боеприпасов» становится несколько странным…

Тем не менее, следует оценить реальные объемы материальных ресурсов, которые были бы потребны для стремительно наступающих на сотни км в глубь территории противника танков. Благо в нашем распоряжении есть ценнейший документ: упомянутый выше отчет службы тыла (квартирмейстера) 1-й Танковой группы вермахта от 4 августа 1941 г. **[143]** К тому моменту дивизии 1-й ТГр воевали у Киева и Умани (т. е. прошли не менее 500 км от границы), а от их противника – мехкорпусов Юго-Западного фронта – остались одни только номера. Такой результат был достигнут ценой расходования[51] в сутки в среднем:

– 1000 куб. горючего;

– 500 тонн боеприпасов;

---

[50] Здесь также не учтены плавающие Т-37/38/40, танкетки Т-27, тягачи на базе Т-26.

[51] Для любителей точных цифр: «До 42-го дня операции израсходовано 42 984 куб. м горючего, 21 011 тонн боеприпасов, 16 540 тонн продовольствия».

– 400 тонн продовольствия.

Составители немецкого отчета считали, что на довольствии у них находятся 10 дивизий. В составе мехкорпусов ЮЗФ – не считая формирующийся 24 МК, в котором не было ни машин, ни танков в заслуживающих упоминания количествах – было в два раза больше дивизий. Соответственно, для снабжения, позволяющего воевать так, как воевали немецкие моторизованные соединения, требовалось порядка 4 тыс. тонн в день. С запасом, с учетом удивительных свойств усушки и утруски бензина в СССР, возьмем круглое число: **5 тыс. тонн** горючего, боеприпасов и продовольствия в день.

Какие проблемы с перевозкой такого объема груза могли быть у мехкорпусов ЮЗФ? Чего не хватало? Огромные были проблемы – но в головах, а вовсе не в «отсутствующих» автомашинах. Начинаем считать: 2,3 тыс. грузовиков в 4 МК, 2,5 тыс. грузовиков в 8 МК, 1,5 тыс. в 15 МК, те же 1,5 тыс. в 16 МК, 1 тыс. в 22 МК, 0,9 тыс. в 9 МК и 0,7 тыс. в 19 МК. Суммарно это дает 10,4 тыс. автомашин. Без учета мобилизации машин из народного хозяйства. Делим цифру пополам (часть машин была занята перевозкой спецгрузов и оборудования, что-то забрали начальники для эвакуации своих роялей и фикусов и пр.). Остается 5 тыс. грузовиков. Не менее трети от этого числа – трехтонные ЗИСы, остальные – «полуторки». В чем проблема? 10 тыс. тонн груза (в два раза больше одно-дневной потребности) можно было перевезти одним рейсом…

Отдельные противотанковые части ГА «Юг» в полосе Юго-Западного фронта насчитывали целых три противотанковых подразделения: два (525-й и 652-й) батальона обычных буксируемых пушек, по 36 «колотушек» калибра 37 мм в каждом и один (670-й) батальон противотанковых самоходных 47-мм орудий (про боевую ценность этого «девайса» было сказано выше). В общей сложности (и в предположении, что все эти подразделения были укомплектованы до последней пуговицы) набирается 99 стволов. Цифра, в сравнении с численностью танковых соединений Юго-Западного фронта и их вооружением, просто несерьезная.

В составе ЮЗФ развертывалось пять (1, 2, 3, 4, 5-я) противотанковых артиллерийских бригад, что суммарно дает 600 стволов 76-, 85– и 107-мм пушек. Расходовать снаряды такого калибра на те танки, что были у немцев, довольно странно, но на войне (как, впрочем, и в любом другом деле) «запас карман не тянет». Выше мы уже цитировали составленные в штабе Киевского ОВО «Временные указания по боевому использованию ПТАБР», в соответствии с которыми одна бригада могла (должна была) остановить наступление 400–500 танков противника, а каждая пушка «*способна дать минимум 3–4 прицельных выстрела в минуту, из них 1 выстрел выводит танк из строя».* Для пяти ПТАБРов такого количества танков противника в полосе ЮЗФ просто не было, так что показать все свои возможности они не могли; тем не менее, вполне реалистично было бы предположить, что имеющихся ПТАБРов окажется достаточно для того, чтобы добить сильно потрепанные танковые части противника, прорвавшиеся через оборону стрелковых дивизий и огонь противотанковых пушек ДОТов «линии Молотова».

Характерной особенностью боевых действий лета 41-го года было использование тяжелых зенитных орудий в качестве импровизированного средства борьбы с танками (в еще большей степени эта тема заняла в последние годы страницы военно-исторической литературы). И хотя крупнокалиберная (85– или 88-мм) зенитка, весом в 4–5 тонн, с габаритами выше роста человека, была, мягко говоря, не самым подходящим оружием для дуэли с танком, нужда (отсутствие адекватных задаче орудий ПТО) заставила немцев использовать и их.

В полосе наступления 1-й Танковой группы, 6-й и 17-й Армий было сосредоточено 14 тяжелых и т. н. «смешанных» дивизионов ПВО, на вооружении которых имелись 88-мм зенитки. Строго говоря, все они предназначались для решения своих прямых задач –

борьбы с авиацией противника (а с учетом того соотношения сил в воздухе, которое сложилось в небе над Западной Украиной, такой состав сил ПВО вовсе не был избыточным); кроме того, следует учесть, что 10 из 14 дивизионов организационно входили в состав люфтваффе и командованию наземных войск не подчинялись. Тем не менее, в полосе Юго-Западного фронта противник имел (правильнее сказать – мог иметь при условии полной укомплектованности) 160 тяжелых зенитных орудий[52].

Красная Армия жила в другом числовом измерении: к 22 июня 1941 г. на вооружении войск ЮЗФ числилось 1140 зениток калибра 76 мм и 85 мм. **[3]**

Читатель, вероятно, уже заметил, что в этой книге война в воздухе вовсе выведена за рамки рассмотрения; интересующихся я могу адресовать к двухтомной «Новой хронологии катастрофы», где события первых дней рассмотрены буквально по часам, по каждому аэродрому и авиаполку. **[145]** Здесь же ограничимся лишь краткой справкой.

При самом жестком подходе – исключая из общего перечня разведывательные авиаполки, штурмовые авиаполки (они в начале войны были вооружены устаревшими бипланами И-15бис), исключая т. н. «формирующиеся полки», исключая тяжелые бомбардировочные авиаполки, оснащенные устаревшими четырехмоторными гигантами ТБ-3 – в составе ВВС Киевского ОВО к моменту начала войны было 1174 самолета-истребителя (в том числе 222 МиГ-3 и Як-1) и 586 бомбардировщиков. Всего 1760 самолетов и более 1,6 тыс. экипажей. Кроме того, к участию в боевых действиях в небе Украины мог быть привлечен 4-й авиакорпус ДБА (Запорожье, Мелитополь) в составе 6 полков, на вооружении которых числилось 345 бомбардировщиков, и 2-й авиакорпус ДБА (Курск) в составе 6 авиаполков, 252 бомбардировщика.

Противник в составе 5-го авиационного корпуса, действовавшего совместно с группой армий «Юг» над Украиной, имел 3 истребительные и 8 бомбардировочных групп (авиаполков). Всего (с учетом временно неисправных самолетов) на вооружении 5-го авиакорпуса числилось 247 бомбардировщиков (163 Ju-88 и 84 He-111) и 109 истребителей Bf-109. Ни одного пикировщика Ju-87 в небе над Юго-Западным фронтом не было вовсе. Через день после начала боевых действий (23 июня) поступил приказ о перебазировании из Румынии на аэродромы южной Польши еще одной истребительной группы, имевшей на вооружении 20 исправных «мессеров».

Таким образом, по общему числу самолетов и экипажей советские ВВС имели на данном ТВД почти пятикратное численное превосходство. С учетом бомбардировщиков ДБА оно становится шестикратным. По истребителям превосходство было девятикратным. Сразу же отметим, что за весь длинный день 22 июня ВВС ЮЗФ потеряли на земле безвозвратно 135 самолетов (126 истребителей и 9 бомбардировщиков) и еще порядка 25–34 истребителей было безвозвратно потеряно в воздушных боях. Противник безвозвратно потерял в тот день 33 самолета (28 бомбардировщиков и 5 истребителей). Калькулятор подсказывает, что соотношение количества самолетов сторон в первый день войны практически не изменилось.

Для полноты картины следует упомянуть и про наличие «третьей стороны» – вооруженного антисоветского подполья. Для войск Юго-Западного фронта война началась на, выражаясь языком газеты «Правда», освобожденной от панского гнета земле Западной Украины. Порядки, которые завели там «освободители» из НКВД, вызвали у местного населения сначала крайнее изумление, затем – смертный ужас, а потом – желание мести. Массовые расстрелы заключенных, произведенные в тюрьмах Западной Украины в первые дни

[52] Это число не кратно 12, т. к. два дивизиона армейской ПВО (275-й и 279-й) имели в своем составе не три, а две 4-орудийные батареи 88-мм зениток.

войны, еще более «подлили масла в огонь» разгоравшейся кровавой смуты. Особенно сильно «полыхнуло» в Галичине, которая предыдущие полтора столетия находилась в составе Империи Габсбургов (а до этого – в Речи Посполитой) и где к России и раньше относились без особой симпатии.

Подробное рассмотрение этой темы далеко выведет нас за рамки данного исследования. Кратко можно и нужно отметить лишь то, что масштаб влияния «третьей стороны» на ход и исход боевых действий не следует ни преуменьшать (как было принято в советской историографии), ни преувеличивать (что стало, увы, модно в последнее время).

Разумеется, малочисленные, плохо вооруженные, не имеющие единого командования боевые группы украинских и польских националистов не могли вступить в открытый бой с регулярной армией и нанести ей серьезные потери. С другой стороны, наличие антисоветского подполья обеспечило немецкую разведку необходимым (если не сказать – избыточным) количеством агентуры, привело к повсеместному срыву мобилизации людей и транспорта в Красную Армию. Быть может, самым существенным «вкладом» националистов в успех вермахта было создание такой обстановки вокруг семей комсостава Красной оккупационной Армии, при которой с первых же часов войны многие командиры бросили своих подчиненных и кинулись спасать от неминуемой жестокой расправы своих жен и детей.

Последней по счету (но никак не по значимости) рассмотрим такую составляющую соотношения сил сторон, как квалификация их командующих. Группой армий «Юг» командовал генерал-фельдмаршал Рундштедт. В его биографии трудно найти хоть что-то необычное – все вполне «заурядно». Потомственный военный (его отец дослужился до звания генерал-майора прусской армии), в возрасте 12 лет поступил в кадетское училище, произведен в лейтенанты в 1893 г., в 1907-м окончил Военную академию.

Его будущий противник, командующий ЮЗФ генерал-полковник Кирпонос два года спустя, в 1909 г., поступит на службу в Коровяковское лесничество лесным сторожем. В годы Первой мировой войны майор Рундштедт служил начальником штаба пехотного корпуса, награжден двумя Железными крестами. Лесничий Кирпонос был мобилизован в армию в сентябре 1915 г., но не слишком спешил воевать – лишь в августе 1917 г. он оказался на румынском фронте в должности ротного фельдшера.

После поражения Германии Рундштедт остался служить в рейхсвере, в 1927 г. он уже генерал-майор, на момент прихода Гитлера к власти в звании генерал-лейтенанта командует 1-й армейской группой в Берлине. Вторую Мировую войну Рундштедт встретил в звании генерал-полковника и в должности командующего Группой армий «Юг», занявшей в сентябре 1939 г. Варшаву. Затем – французская кампания, в ходе которой Рундштедт командует Группой армий «А», прорвавшей фронт у Седана и окружившей главные силы союзников у Дюнкерка. После победы во Франции получает высшее воинское звание генерал-фельдмаршала.

После поражения России в войне фельдшер Кирпонос ушел в революцию и, как пишет он в своей автобиографии, *«явился инициатором организации красных партизанских отрядов… 1 июля 1919 г. назначен был помощником начальника школы Красных командиров в г. Житомире… В мае 1920 г. назначен во 2-ю Киевскую школу красных старшин, в которой работал на должностях от командира хозяйственной команды до комиссара школы…»* **[146]** Пик военной карьеры Кирпоноса – три года (с 1931 по 1934) на должности начальника штаба 51-й стрелковой дивизии в Одессе, после чего его направляют в провинциальное захолустье на должность начальника Казанского пехотного училища.

Головокружительный взлет начался после финской войны. Начальник пехотного училища был призван в действующую армию и стал командиром 70-й стрелковой дивизии. В последние дни войны дивизия Кирпоноса совершила подвиг – страшный, кровавый, абсо-

лютно бессмысленный. По условиям мирного договора город Выборг (Виипури) должен был отойти к СССР. Тем не менее Сталин и Тимошенко приказали, не дожидаясь дня и часа прекращения огня, взять город штурмом. 70-й стрелковой дивизии поручено было обойти город по льду Финского залива, и командир дивизии зашагал впереди атакующих цепей. Личное мужество, проявленное Кирпоносом, было замечено – он получил золотую звезду Героя Советского Союза и назначение на должность командира 49-го стрелкового корпуса.

Вот тут бы товарищу Сталину и остановиться – но нет, уж очень ему приглянулся скромный и мужественный новоиспеченный генерал-майор Кирпонос. В июне 1940 г., перескочив сразу через несколько ступенек служебной лестницы, бывший командир дивизии назначается на должность… командующего войсками Ленинградского военного округа! Но и этого оказалось мало. В феврале 1941 г. Сталин назначает г. К. Жукова на должность начальника Генштаба, а освободившийся кабинет командующего войсками Киевского ОВО – самого мощного военного округа Советского Союза – занял Кирпонос, получивший при этом третье за 9 месяцев (!!!) повышение в воинском звании (теперь он уже генерал-полковник).

«Редкий в истории войн пример…»

Несмотря на арифметику соотношения сил, едва ли оставлявшую немцам теоретический шанс на успешную оборону, командование вермахта планировало наступательную операцию с решительными целями и на огромную глубину. До некоторой степени задача немецких генералов «облегчалась» тем, что они имели весьма смутное – и в целом заниженное – представление о численности противника. Так, в документах 6-й армии начала июня 1941 г. танковые силы в полосе Киевского ОВО оценивались в 1900 единиц, из них 1000 в «моторизованных ударных группах» (? возможно, так были названы мехкорпуса); *«воздушные силы противника в Галиции, Волыни и северной Украине до Днепра»* оценивались в 700 истребителей и 325 бомбардировщиков. **[147]**

Утвержденные 2 мая 1941 г. «Указания по выдвижению (*Aufmarscheinweisung*) «Барбаросса» формулировали задачу вермахта в полосе ГА «Юг» следующим образом: *«Задача операции состоит главным образом в том, чтобы уничтожить русскую армию в западных областях России. Для этого следует прорвать русский фронт в нескольких местах превосходящими силами, быстрым и глубоким ударом на восток предотвратить отход русских сил за Днепр и лишить русское командование условий для взаимосвязанных контроопераций… Делом чести каждого командира должно стать стремление не допустить отход боеспособного противника на восток».* **[148]**

Поскольку в рамках общего распределения сил и средств вермахта в состав Группы армий «Юг» была включена относительно небольшая по численности танковая группировка, от намерения нанести два удара (под северное и южное основания «Львовского выступа») немецкое командование после некоторых колебаний отказалось. Все пять танковых дивизий были сведены в составе одной 1-й Танковой группы, которой предстояло осуществить такую сложную операцию, как прорыв на глубину в 350–400 км и односторонний охват крупной группировки противника.

Природно-географические условия местности не оставляли большой свободы в выборе направления главного удара. (Рис. 11.) Южный обвод «Львовского выступа» проходит по гряде Карпатских гор, там могла пройти диверсионная группа, но не механизированная армия середины XX века. Местность южнее Карпат (Бессарабия и степи юга Украины), казалось бы, была оптимальна для применения крупных бронетанковых соединений, но на пути наступающих возникал «частокол» из рек Прут, Днестр, Южный Буг, причем в их нижнем, т. е. наиболее полноводном течении. Район севернее линии Ковель, Ровно, Ново-

град-Волынский (украинское Полесье) – это безбрежный массив лесов и болот; немецкая армия в таких местах воевать не умела. Бывший генерал вермахта Филиппи в своем известном послевоенном исследовании описывает их так: *«Даже в начале июля были еще заметны следы весенней распутицы. Нерегулируемые воды болот нередко все еще заливали берега; значительные участки местности не просохли. Пригодных для использования дорог было крайне мало, и в то же время всякое продвижение вне дорог почти исключалось».* **[149]**

Таким образом, «методом исключения» оставался один приемлемый вариант – нанесение главного удара механизированных соединений у северного основания «Львовского выступа». Стоит отметить, что и в этом решении потенциально имелось два подварианта: наступление строго на восток, по оси Луцк, Ровно, Житомир, или же прорыв приграничных укреплений на северном обводе «Львовского выступа» с дальнейшим наступлением на юго-восток, по оси Львов, Тарнополь, Проскуров. В последнем случае немцам предстояло двигаться по т. н. «галицкому хребту», возвышенности на водоразделе между притоками Припяти и притоками Днестра; это позволяло пройти по твердым грунтовым дорогам и избежать необходимости форсирования многочисленных водных преград.

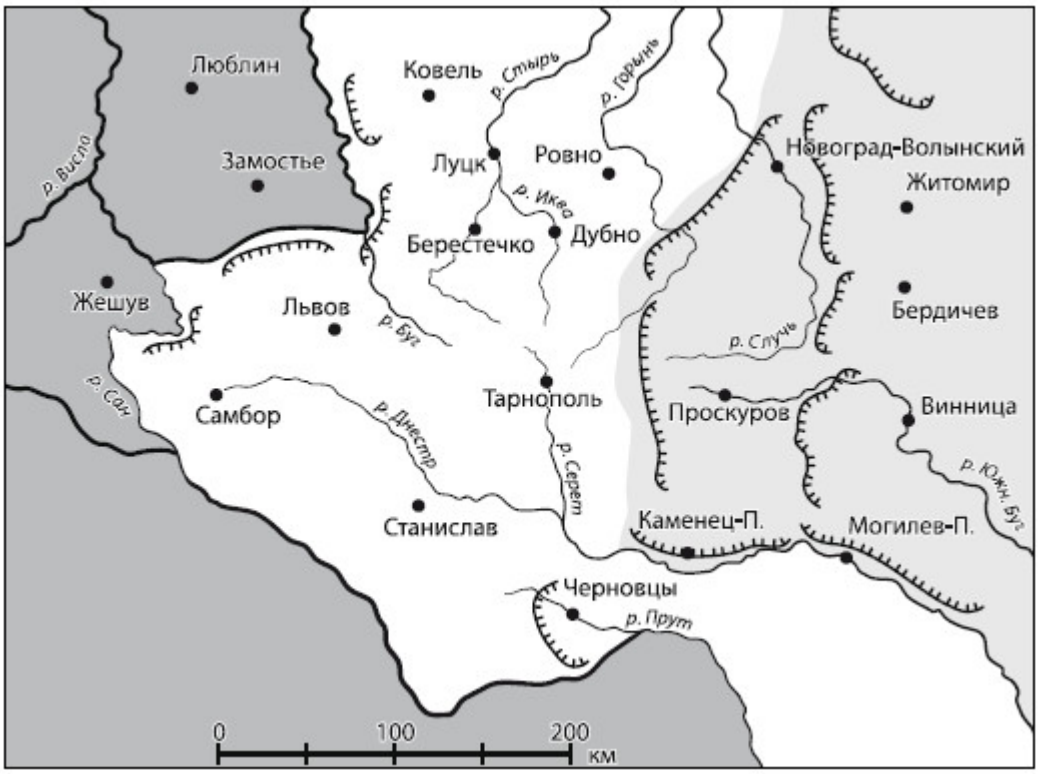


Рис. 11. Киевский Особый военный округ

Такая возможность была упомянута в процитированных выше «Указаниях по выдвижению», но фактически командование вермахта выбрало первый «подвариант», что означало движение по изрядно заболоченной местности и последовательное форсирование трех рек: Стырь, Горынь и Случь. Можно предположить, что решение наступать вдоль южной кромки полесских болот было обусловлено желанием «сгрести» в ходе намеченного одностороннего охвата как можно большую группировку советских войск; в случае же наступления на Тарнополь, Проскуров значительные силы Красной Армии могли остаться вне создающегося «котла окружения».

В конечном счете перед 1-й Танковой группой были поставлены такие задачи:

«После прорыва приграничных укреплений она движется своими моторизованными соединениями и приданными ей отдельными частями как можно быстрее на восток сле-

дующим образом: 48-й танковый корпус через Сокаль, Радзехов, Шуровице (у Стыри) на Дубно, 3-й танковый корпус через Владимир-Волынский, Луцк на Ровно… Первая задача для Танковой группы – как можно быстрее занять переправы через р. Стырь у Шуровицы, Берестечко и Луцка, чтобы с этого рубежа через Бердичев и Житомир идти на Киев. Центр усилий перенести туда, где начальные успехи будут лучше…

В дальнейшем ходе операции 1-я ТГр должна вовремя создать плацдармы у Киева и ниже от него, в то время как основная масса ее войск, не теряя времени, продолжает наступление западнее Днепра на юго-восток, чтобы отрезать противнику отход через Днепр и тем самым положить основу для его уничтожения». **[150]**

В состав каждого из упомянутых выше танковых корпусов включалось по три дивизии. Не без некоторой неразберихи, затянувшейся до самого дня начала вторжения, их состав определился следующим образом: 13-я и 14-я танковые, 25-я моторизованная в составе «северного» 3 ТК, 11-я и 16-я танковые, 16-я моторизованная в составе «южного» 48 ТК. Во втором эшелоне Танковой группы ждал команды на пересечение границы 14 ТК (9-я танковая дивизия, моторизованная дивизия СС «Викинг» и моторизованная бригада СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер»). В то время как советское командование (если судить по предвоенным планам) считало возможным развернуть и перемещать на западноукраинском ТВД от 30 до 42 танковых и моторизованных дивизий, генералы вермахта не видели достаточного количества дорог даже для пяти танковых и трех моторизованных дивизий; ввести в бой 14 ТК они сочли возможным лишь после того, как пехотные соединения 17-й армии прорвали Рава-Русский укрепрайон и открыли для движения танков направление Жолкев, Буск, Броды (см. Рис. 2).

Танковые корпуса – это «наконечник копья», деталь важная, но далеко не единственная и уж тем более не самая крупная. Как и на всех прочих участках Восточного фронта, в полосе ГА «Юг» основную массу немецких войск составляли пехотные дивизии. Отличие же от решений, принятых командованием ГА «Север» и «Центр», заключалось в том, что командование ГА «Юг» не стало рисковать своими малочисленными танковыми дивизиями, и задача прорыва линии приграничных укреплений была возложена исключительно на пехотные части; танковые дивизии должны были войти в «пролом», созданный для них пехотой, а моторизованным дивизиям предстояло двигаться вторым эшелоном следом за танковыми.

Общая протяженность границы (от Влодава на севере до Липканы на юге) в полосе Киевского ОВО, с учетом всех извивов пограничных рек Буг и Сан превышала 900 км. Если бы немцы растянули имеющиеся у них 24 пехотные дивизии вдоль всей границы, то получилась бы «нитка», не способная даже к обороне, тем паче – к «быстрому и глубокому удару на восток». Разумеется, командование ГА «Юг» такой ошибки не сделало и Первое Правило оперативного искусства (концентрация сил на выбранном направлении) строго соблюдало. 18 пехотных дивизий первого эшелона 6-й и 17-й Армий были развернуты на участке от Любомля до Перемышля (см. Рис. 2), который арифметически составлял всего лишь одну треть от общей протяженности границы в полосе Киевского ОВО. Южнее Перемышля действовала малосильная сковывающая группа в составе двух т. н. «охранных дивизий»[53]. Южнее г. Санок, т. е. на всем протяжении южного обвода «Львовского выступа» до реки Прут, немецких войск не было вовсе.

Столь же решительно массировались силы и на тактическом уровне. Имеющиеся 18 дивизий не были растянуты равномерной цепочкой. В полосе предстоящего главного удара

[53] Охранная дивизия – это специфическая военно-полицейская структура, предназначенная для охраны войскового тыла и борьбы с партизанами (диверсантами), усиленная одним пехотным полком и дивизионом легкой артиллерии; даже две такие дивизии по всем параметрам уступали нормальной пехотной (стрелковой) дивизии.

танковых корпусов, от Владимира-Волынского до Крыстынополя, было сосредоточено семь (а с учетом 9-й пд, имевшей задачу наступать на юг, отрезая советские войска от переправ через р. Буг у Крыстынополя, то и все восемь) пехотных дивизий. Еще один «сгусток сил» наблюдается в районе Рава-Русской, где три пехотные дивизии вермахта приготовились наступать вдоль шоссе Замостье, Жолкев. На остальных участках немецкая пехота наступала в весьма «разряженном» построении – в среднем по 20–25 км фронта на дивизию, что в несколько раз превышало уставные нормы, принятые в Красной Армии.

Сосредоточив большую часть сил в первом эшелоне, командование ГА «Юг» осталось с весьма слабыми резервами: 6 дивизий, в том числе одна (4-я) горно-пехотная неполного состава и три (97, 99, 100-я) легко-пехотные. Но, пожалуй, самым ярким проявлением «смелости на грани безрассудства» стало расположение штабов. Самый главный штаб (командование Группы армий) находился у г. Жешув, в 60 км по шоссе от границы, в удалении от своих войск, отрезанный от них рекой Сан. Не многим безопаснее было и расположение штаба 17-й Армии. Трудно не вспомнить тут историю гибели Василия Ивановича Чапаева, штаб дивизии которого оторвался на десятки верст от своих частей и был уничтожен полностью в результате дерзкого рейда казачьей конницы…

Важнейшим (если не сказать жестче – единственным) условием, позволявшим успешно реализовать оперативный план командования ГА «Юг», должна была стать пассивность командования Юго-Западного фронта. В упомянутой выше книге генерал Филиппи пишет:

«Группировка русских сил давала командованию Красной Армии значительные шансы на успешную оборону. Оно могло эффективно использовать эту группировку для удара по интервентам, например, сосредоточив в кулак удачно расположенные в глубине механизированные соединения и оставшиеся нескованными крупные силы на венгерской границе, а также перебросив в состав этой группы определенное количество частей с бессарабской границы, где активных военных действий не велось. Удар подобного мощного кулака можно было направить по южному флангу немецкого клина прорыва. Тогда разработанный с такой уверенностью немецкий план оказался бы под угрозой срыва. Только правильно оценив способность красных к управлению войсками (выделено мной. – *М.С.*)*, командующий Группой армий мог пойти на риск, связанный с изложенным замыслом…*

В целом обсуждаемый план и его успешное осуществление являют собой редкий в истории войн пример эффективности одностороннего охвата – тем более примечательный, что воздействие фактора внезапности вряд ли могло здесь выйти за рамки первых сражений. И хотя противник должен был свое-временно понять, какая опасность ему грозит, он все же оказал немецкому командованию «любезную услугу», необходимую для осуществления описываемого плана». **[149]**

Дислокация и состояние войск фронта

Непосредственно у границы, в полосе предстоящего наступления 6-й и 17-й Армий вермахта, находились десять советских дивизий: от Любомль до Крыстынополь четыре (45, 62, 87, 124-я) стрелковые дивизии 5-й Армии, далее 3-я кавалерийская и три (41, 159, 97-я) стрелковые дивизии 6-й Армии, у Перемышля и южнее находились две (99-я стрелковая и 72-я горностелковая) дивизии 26-й Армии. Входившая в состав 5-й Армии 135-я сд находилась севернее Луцка, в 80 км от границы.

В Карпатах, вдоль южного обвода «Львовского выступа» развертывались левофланговая (173-я стрелковая) дивизия 26-й Армии и шесть стрелковых (горностелковых) дивизий 12-й Армии. Пять (31, 36, 37, 49 и 55-й) стрелковых корпусов второго эшелона фронта, по три стрелковые дивизии в каждом, находились на марше и к утру 22 июня вышли к «старой

границе» или несколько западнее ее (на линию Сарны, Тарнополь), т. е. были в 150–200 км от линии фронта.

Три наиболее мощных мехкорпуса (не только в составе ЮЗФ, но и во всей Красной Армии), 8-й, 4-й и 15-й сосредоточились вдоль «дуги» Самбор, Львов, Броды, Кременец, на расстоянии в 50–100 км от границы. 22-й мехкорпус был разорван на две части: 41-я танковая дивизия (по количеству танков самая крупная во всей Красной Армии) находилась рядом с границей, у г. Владимир-Волынский, две другие дивизии корпуса (19-я танковая и 215-я моторизованная) дислоцировались между Луцком и Ровно. Эти бронетанковые соединения могли выдвинуться к фронту в течение 1–2 дней.

У южного основания «Львовского выступа», в полосе Станислав (ныне Ивано-Франковск), Черновцы, развертывался 16-й мехкорпус. Три формирующихся, относительно слабых мехкорпуса (9-й, 19-й и 24-й) находились в глубине, соответственно, у Новоград-Волынского, Бердичева и Проскурова, от линии фронта их отделяло 200–250 км. Наконец, в полосе Бердичев, Шепетовка, Проскуров выгружались соединения 16-й Армии Резерва ГК, в том числе 109-я моторизованная дивизия.

Подчиненные непосредственно командованию фронта противотанковые артбригады находились в районе Новоград-Волынского (5-я), Луцка (1-я), Тарнополя (2-я), Станислава (3-я), Каменец-Подольска (4-я); за исключением 1-й ПТАБР все они оказались на расстоянии более 100–150 км от границы.

Таким образом, сложилась следующая парадоксальная ситуация: несмотря на общее количественное превосходство войск ЮЗФ над противником, непосредственно в полосе первого соприкосновения сторон немцы имели двукратное численное преимущество в пехоте, а на направлениях главного удара (Сокаль, Крыстынополь, Рава-Русская) – трех– и даже четырехкратное.

Мало того, что стрелковые дивизии Юго-Западного фронта в нужный момент не оказались в нужном месте, они к моменту фактического начала войны не были укомплектованы по штатам военного времени. В мирное время они содержались по т. н. «10-тысячному штату», но фактически в дивизиях было по 9–9,5 тыс. человек. В ходе скрытой мобилизации, под предлогом «учебных сборов» в стрелковые дивизии Киевского ОВО было призвано более 60 тыс. человек, что позволило на 1–2–3 тыс. увеличить численность личного состава[54].

Конкретные цифры и сроки полного отмобилизования приводит в своей хрестоматийно известной монографии генерал Владимирский (на момент начала войны – заместитель начальника Оперативного отдела штаба 5-й Армии ЮЗФ):

«С 20 мая 1941 г. в целях переподготовки весь рядовой и сержантский состав запаса, проживавший в западных областях Украины, привлекался на 45-дневные учебные сборы при стрелковых дивизиях. В связи с этим в каждую стрелковую дивизию (кроме 135-й) дополнительно влилось около 2500 человек рядового и по 150–200 человек сержантского состава. Это позволило довести численность личного состава каждой стрелковой дивизии до 12–12,5 тыс. человек, или до 85–90 % штатного состава военного времени…

Предусмотренный мобилизационными планами частей порядок отмобилизования в основном сводился к следующему. Каждая часть делилась на два мобилизационных эшелона. В первый мобилизационный эшелон включалось 80–85 % кадрового состава части… Срок готовности первого эшелона к выступлению в поход для выполнения боевой задачи был установлен в 6 часов. Второй мобилизационный эшелон части включал в себя 15–20 % кадрового состава, а также весь прибывавший по мобилизации приписной состав запаса.

[54] В целом (а не только в стрелковые дивизии) в округе под прикрытием «учебных сборов» было призвано 142 тыс. человек, что позволило довести общую численность личного состава до 907 тыс. **[128]** Арифметически это дает 15,6 тыс. человек на каждую из 58 дивизий, но в реальности порядка 30–35 % личного состава находятся не в дивизиях, а в частях и подразделениях корпусного, армейского и окружного подчинения.

Срок готовности второму эшелону частей, а следовательно, всему соединению, был установлен: для соединений, дислоцированных в приграничной полосе, а также для войск ПВО и ВВС– не позднее установленного дня мобилизации, а для всех остальных соединений – через сутки (выделено мной. – *М.С.*). *К концу этих сроков весь личный состав, прибывавший по мобилизации, должен был, пройдя санитарную обработку, получив оружие, обмундирование, снаряжение и бое-припасы, влиться в те подразделения, к которым он был приписан».* **[43]**

Итак, для полного отмобилизования стрелковым дивизиям первого эшелона Юго-Западного фронта требовалось всего 1–2 дня – хотя бы в этом смысле «большая игра» Сталина пошла на пользу Красной Армии, и в ходе «широкомасштабных предмобилизационных мероприятий» многое удалось сделать еще до утра 22 июня. А теперь взглянем на хронометраж ситуации с другой стороны пограничной реки.

В полосе обороны 5-й Армии немцы имели в первом эшелоне 9 пехотных дивизий, что давало им двукратное численное превосходство. Но это численное превосходство надо еще перенести на восточный берег Буга, для чего нужно навести понтонные мосты, переправить по ним 16 тыс. человек и 5 тыс. лошадей в каждой дивизии, а затем развернуть дивизию из маршевой колонны в боевой порядок для наступления – все это совсем не просто и не быстро. Даже на учениях, безо всякого сопротивления противника такой маневр займет минимум полдня. А если противник сопротивляется? Если сносит переправы артиллерийским огнем (одних только отдельных артполков в составе 5-й Армии было четыре, а это минимум 12 дивизионов тяжелой артиллерии), бомбит с воздуха, если встречает неизбежно малочисленные передовые отряды ураганным огнем пулеметов и минометов? Сколько времени займет в такой ситуации перемещение абстрактного «численного превосходства» и что от этого превосходства останется?

Варианты

Подводя итог всему изложенному в данной главе, можно обрисовать три принципиально различных варианта действий, к которым могло прибегнуть командование Юго-Западного фронта.

Первый. Упорная оборона в полосе приграничных укрепрайонов и максимально форсированное выдвижение стрелковых корпусов второго эшелона ЮЗФ к границе. В этом случае условием успеха оборонительной операции становилась способность войск 5-й и 6-й Армий сопротивляться некоторое, вполне конкретное (и отнюдь не бесконечное) время.

Стрелковые корпуса второго эшелона (15 дивизий) находились примерно в 200 км от границы. Если продолжать все тот же пеший марш, с обозом и учебными мишенями, то до границы им предстояло брести еще 7–10 дней. Однако при наличии желания и грамотного командования воюют совсем по-другому. Тут можно вспомнить, как англичане эвакуировали свои войска (300 тыс. человек) из Дюнкерка через Ла-Манш: задействовано было все, любая посудина, способная держаться на воде, от прогулочных катеров до портовых буксиров и рыбачьих шхун. На твердой земле все становится еще быстрее и легче.

Прежде всего, следовало сократить массу перевозимых войск – для того, чтобы обеспечить успешную оборону на границе, вовсе не обязательно было перебрасывать одномоментно все 15 стрелковых дивизий, со всеми их службами и тыловыми подразделениями; необходимо и достаточно было в кратчайший срок выдвинуть на линию приграничных укрепрайонов «боевое ядро» (пулеметные, минометные, зенитные, противотанковые подразделения) 5–7 дивизий. И это, кстати, не запоздалые фантазии дилетанта, а решение, отработанное в феврале 1941 г. в ходе военной игры в Прибалтийском ОВО (тогда из 6 стрелковых дивизий второго эшелона вывели противотанковые дивизионы и спешно перебросили их на

условный «фронт»; по странной иронии истории происходило это «25–30 июня по игре»). **[151]**

Пять тысяч грузовых автомобилей могли перевезти это «боевое ядро» одним рейсом, максимум – двумя. Грузовики были: по состоянию на 22 июня 1941 г. в составе ЮЗФ числились 19 351 «полуторка» и 12 316 трехтонных ЗИС-5[55]. С момента объявления открытой мобилизации машин в армии должно было стать гораздо больше. Тягачей для транспортировки артиллерии было 6865 единиц, включая 1142 «Комсомольца», что на 268 единиц превышало расчетную штатную потребность (и это не говоря уже о том, что 45-мм противотанковую пушку мог буксировать любой автомобиль). **[152]**

Наконец, никто не отменял и самый производительный вид наземного транспорта, т. е. железную дорогу – благо Ковель и Львов были крупнейшими ж/д узлами, куда сходятся пути со всей Западной Украины. Самый тяжелый и объемный груз – боеприпасы – везти было незачем, их и без того заготовили в приграничной полосе в огромном количестве. В целом, при наличии командования, обладающего волей и способностью к проявлению инициативы, перебросить второй эшелон пехоты фронта к границе можно было за 2–3 дня.

Могли ли дивизии первого эшелона фронта продержаться 2–3 дня? Однозначного ответа на такой вопрос не существует. И никакой современный суперкомпьютер с программой моделирования боевых действий ответа не даст, т. к. в чудо-машину надо ввести некий очень спорный параметр: «моральная устойчивость войск». Финны на «линии Маннергейма», при гораздо худшем (для них) соотношении сил продержались три месяца. 41-я стрелковая дивизия удерживала Рава-Русскую до 15.00 27 июня. Гарнизоны отдельных ДОТов сопротивлялись до конца июня. 13-я застава 90-го погранотряда сражалась одиннадцать суток… Обращаясь к боевому Уставу ПУ-39, мы видим, что оборона против численно превосходящего противника считалась нормой, а вовсе не «форс-мажором», и при наличии сотен железобетонных ДОТов Владимир-Волынского, Струмиловского и Рава-Русского укрепрайонов такая оборона могла быть устойчивой. По крайней мере – в рамках указанного 2–3-дневного срока.

Читателю, возмущенному цинизмом автора, который «в мягком кресле перед монитором рассуждает, кому и как надо было воевать», хочу напомнить, что война – дело плохое и жестокое, сантименты там излишни. В сложившейся ситуации у бойцов приграничных дивизий выбор был невелик: или честная смерть в бою, или гибель в немецком лагере для военнопленных. Статистика сегодня хорошо известна: две трети пленных лета 41-го года до весны следующего года не дожили; боевые безвозвратные потери за 2–3–4 дня упорной обороны могли быть значительно меньшими.

Второй вариант. После первых же выстрелов начать отвод войск из «Львовского выступа» на восток, на рубеж рек Стырь, Иква, Серет, или еще дальше – за реку Случь, к укреп-районам на «старой границе». Это позволило бы значительно сократить протяженность линии обороны, вдвое уплотнить боевые порядки (за счет соединения на новом рубеже войск первого и второго эшелонов фронта), выиграть время для организованного и полного отмобилизования стрелковых дивизий второго эшелона. На первый взгляд такое решение представляется благоразумным и даже «гуманным». Таким бы оно и было (за исключением неуместного на войне эпитета «гуманный»), если бы его приняли за месяц до 22 июня. В реальной же обстановке подобный образ действий имел существенные недостатки и создавал дополнительные проблемы.

Прежде всего напомним, что Устав определяет отход как «самый сложный вид маневра». Отвести войска на 100–200 км, сохранив при этом управляемость, сохранив по

[55] Эти цифры взяты непосредственно из первичных документов, однако в известном «Статистическом сборнике № 1» указаны бо´льшие цифры: 34 779 грузовых автомобилей в составе войск Киевского ОВО.

крайней мере некоторую часть тяжелого вооружения, – задача непростая. Для пехоты оторваться от преследующих моторизованных частей противника трудно, оторваться от авиации невозможно в принципе, и войска, вышедшие из укреплений и вытянувшиеся в походную колонну, превращаются в идеальную мишень для бомбовых ударов.

Горы боеприпасов, сосредоточенных в приграничной полосе, в таком варианте пришлось бы с неизбежностью бросить (за три дня автомобилями нельзя вывезти то, что три месяца завозили вагонами). Оборонительные сооружения на «старой границе» были значительно слабее, а времени на их переоборудование уже не было. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и моральный фактор – после всей трескотни про непобедимую Красную Армию и «советский пограничный столб, о который разобьет голову любой агрессор», начинать войну с отступления на 200 км было чревато…

Третий вариант. Использовать свое «главное конкурентное преимущество» и нанести удар мехкорпусами во фланг и тыл главной группировки противника. Очертания границы создавали к тому идеальные условия: еще не сделав ни одного выстрела, 4-й и 8-й мехкорпуса нависали над глубоким тылом ГА «Юг»; третий «богатырь» (15-й мехкорпус) по двум шоссейным дорогам (Броды, Львов и Золочев, Львов) мог присоединиться к ним в течение 1–2 дней. Только эти три мехкорпуса в совокупности имели 2,5 тыс. танков, в т. ч. 720 новейших КВ и Т-34.

Наступление танковых соединений на запад, по линии Жешув, Тарнув, и на север, через Билгорай на Люблин, многократно отрабатывалось – и при составлении оперативных планов наступательной операции ЮЗФ, и в ходе многочисленных командно-штабных игр. **[93, 153]** Точно так же, многократно и в разных вариантах рисовались «красные стрелочки», протянувшиеся от Ковеля через Хелм на Люблин. Маршруты выдвижения, рубежи и направления атак были многократно изучены, так что «смелая импровизация» в данном случае и не требовалась. Выдвигавшийся к Ковелю 22-й мехкорпус был, конечно же, слабее своих «южных собратьев», но худо-бедно 700 танков, включая 31 КВ, в его составе были.

Оперативное построение группировки противника также способствовало успеху удара мехкорпусов. Сосредоточив большую часть стрелковых дивизий у северного основания «Львовского выступа», командование вермахта с неизбежностью ослабило фланги (см. рис. 2). В полосе Перемышль, Санок у немцев была одна легкопехотная и две охранные дивизии, т. е. порядка 1,5 «расчетных дивизий». Севернее Перемышля на 40-км участке границы по р. Сан, включая важный дорожный узел Ярослав, у немцев было всего две пехотные дивизии. На направлении Любомль, Хелм две пехотные дивизии вермахта должны были обеспечить 50 км фронта. Ситуация усугублялась еще и тем, что немецкое командование контрудар крупных мехчастей противника не ожидало (см. предыдущую главу, «план Берта»), численность советской танковой группировки оценивало вдвое меньше реального, а про существование танков КВ и Т-34, неуязвимых для основной немецкой противотанковой 37-мм пушки, даже не догадывалось.

Если бы реальная боеспособность мехкорпусов Красной Армии соответствовала их технической оснащенности, то дело закончилось бы окружением и разгромом немецкой ГА «Юг» с очевидными последствиями, причем не оперативного, а стратегического масштаба, для всей группировки вермахта на Восточном фронте. С учетом нашего сегодняшнего знания о боеспособности Красной Армии, квалификации ее командиров и готовности воевать ее бойцов, можно с непреложной уверенностью утверждать, что контрнаступление мехкорпусов закончилось бы полным их разгромом, потерей всей боевой матчасти, гибелью или пленением личного состава.

Но за такой результат немцам пришлось бы заплатить. Заплатить временной потерей инициативы, срывом графика тщательно спланированной наступательной операции. Заплатить серьезными потерями собственных танковых дивизий, которым встречный бой с семью

сотнями новых советских танков ничего хорошего не сулил. Заплатить растратой резервов Группы армий (и без того весьма малочисленных), без которых невозможно было бы в дальнейшем обеспечить наращивание сил в ходе наступления в глубине советской территории. В конечном счете, потеряв 5–7 дней на «перемалывание» советской бронированной орды, вермахт смог бы возобновить наступление на восток от Буга в первых числах июля. К тому моменту ему бы противостояли 15–20 полностью отмобилизованных стрелковых дивизий ЮЗФ. А это уже совсем другой «сценарий» приграничного сражения, скорее всего – с качественно иным его исходом.

Первые решения и оценки

Какой же из описанных выше вариантов действия выбрало командование Юго-Западного фронта? Все три, без исключения. В следующей последовательности: «третий», «первый», «второй». Оборвавшаяся, так и не начавшись, попытка нанести удар мехкорпусами на Люблин. Затем – попытка удержать линию укрепрайонов «ниткой» стрелковых дивизий первого эшелона фронта. И только после этого – отвод разбитых остатков войск фронта на линию «старой границы».

Вечером 22 июня, в 21.15, из Москвы в штабы фронтов была отправлена Директива № 3 Главного Военного совета Красной Армии, подписанная всей «троицей» из Тимошенко, Жукова и Маленкова. В части, касающейся южного фланга фронта войны, были поставлены такие задачи:

«…г) Армиям Юго-Западного фронта, прочно удерживая госграницу с Венгрией (т. е. южный обвод «Львовского выступа». – *М.С.*)*, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5 и 6 Армий, не менее пяти мехкорпусов* (выделено мной. – *М.С.*) *и всей авиации фронта, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, к исходу 24.6 овладеть районом Люблин. Прочно обеспечить себя с краковского направления».* **[154]**

Вот, собственно, и все. Изданием этой Директивы контрнаступление мехкорпусов ЮЗФ исчерпалось, так и не начавшись. Ни один танковый взвод ни в одной точке не пересек границу. Никаких документов (приказов, боевых донесений), свидетельствующих о том, что Директиву ГВС хотя бы пытались выполнить, хотя бы готовились к ее выполнению, пока еще никто не обнаружил. И это тем более странно, что один из составителей и «подписантов» Директивы № 3, начальник Генштаба генерал армии Жуков поздним вечером 22 июня прибыл в Киев, а затем в Тарнополь, куда, начиная с 19 июня, переместился штаб Юго-Западного фронта[56].

Что это было? Предоставляя читателю самому придумать любую, правдоподобную, на его взгляд, версию этого несостоявшегося события, обратимся к рассмотрению реальных действий. А реальные действия командования и штабов соединений фронта свелись к тому, что они вскрыли «красные пакеты» и попытались приступить к реализации плана прикрытия. Характерная деталь – маршал Баграмян (на тот момент – полковник, начальник оперативного управления штаба ЮЗФ) даже 30 лет спустя соответствующую главу своих мемуаров озаглавил именно так: *«КОВО-41 вступает в силу»*. **[155]** Но план прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск по определению был непригоден для

[56] Жуков в своих мемуарах как мог пытался отмежеваться от Директивы № 3 и даже сочинил историю про то, что в 13.40 он уже вылетел из Москвы в Киев, а про Директиву узнал лишь поздним вечером, находясь в штабе ЮЗФ в Тарнополе; однако из «Журнала посещений» видно, что в 14.00 Жуков еще только вошел и в 16.00 вышел из кремлевского кабинета Сталина.

ситуации начавшейся вторжением противника войны, а попытки действовать в строгом соответствии с ним данную ситуацию только усугубляли.

Еще более усугубило ее отсутствие адекватной оценки группировки и планов противника. В первый день войны численность введенных в бой войск противника была существенно занижена (что и послужило основой для неоправданно благодушной оценки положения на фронте). Так, в Оперативной сводке № 01 к 18–00 22 июня штаб 6-й Армии выявил перед фронтом 3-й кавдивизии (см. рис. 3) *«до полка пехоты с ротой танков»* (фактически там была одна пехотная дивизия), в полосе Рава-Русского укрепрайона *«до пехотной дивизии с батальоном танков»* (фактически – три пехотные дивизии, возможно участие в бою и одного дивизиона «штурмовых орудий»). **[156]**

К утру 24 июня содержание сводок советского командования приходит в соответствие с реальным числом пехотных дивизий противника на фронте 5-й и 6-й Армий ЮЗФ, но тут начинается новая напасть – многократное завышение количества вражеских танков. Оперсводка штаба фронта № 05 к 20–00 24 июня сообщает о наличии на фронте Влодава, Сокаль (т. е. в полосе 5-й Армии) *«свыше 2000 танков»* – это при том, что фактически на тот момент были введены в бой три (11-я, 13-я и 14-я) и начинала выдвижение через границу четвертая (16-я) танковые дивизии вермахта, по полторы сотни танков в каждой. **[158]**

И это еще не все. Кроме завышения численности реальной танковой группировки противника была еще «обнаружена» несуществующая. Разведсводка штаба фронта № 2 к 22–00 23 июня сообщает, что «*по шоссе из Брест на Ковель в 6 часов отмечалось выдвижение танков, количество не установлено».* **[159]** На следующий день, в упомянутой выше Оперсводке № 05, по поводу этих мифических танков было уже сказано следующее: *«На брест-ковельском направлении действуют крупные механизированные соединения противника; в 17 часов 15 минут танковая колонна головой подходила к Ратно, хвост – Великорита».* Между Ратно (это н.п. в украинском Полесье, у верховьев реки Припять) и Великорита (а это уже в Брестской области Белоруссии) 45 км по шоссе. Тут еще надо пояснить, что по немецким нормативам танковый полк в движении со скоростью 15 км/час имеет длину колонны в 8380 м, соответственно, на участке в 45 км могли расположиться несколько танковых дивизий. **[160]**

«Систему характеризуют не ошибки, а реакция на ошибки». Ошибки в работе разведки на войне абсолютно неизбежны, командирам всегда приходится принимать решения на основании неполной и часто ошибочной информации. Ничего сверхъестественного в том, что кому-то где-то померещилась гигантская колонна вражеских танков, нет. Странно другое – от Ковеля (в том районе находились штаб 5-й Армии и штаб 15-го стрелкового корпуса) до Ратно 50 км по шоссе. Отделение разведчиков на мотоциклах могло проехать туда и обратно за 2 часа. «Кукурузник» У-2 мог слетать в Ратно и приземлиться на любой поляне рядом со штабом у Ковеля за час. В реальности же четыре дня потребовалось разведке Юго-Западного фронта для того, чтобы 27 июня в Разведсводке № 7 было, наконец, со стыдливыми оговорками признано: «*Сведения о действии крупных мотомеханизированных частей с направления Брест на Ковель не подтвердились. Здесь действуют небольшие пехотные и кавалерийские части с небольшим количеством танков».* **[161]**

Присутствовало, к сожалению, еще одно обстоятельство, мешавшее принятию командованием ЮЗФ адекватных решений. Назовем его «фактор Тюленева». Днем 21 июня в Москве было принято решение о формировании Южного фронта. Фронт развертывался на базе соединений, главным образом, Одесского ВО, но его штаб решено было дислоцировать в Виннице, т. е. на территории Киевского ОВО. Парадокс этот, скорее всего, объяснялся тем, что главной задачей нового фронта должно было стать прикрытие направления Могилев-Подольский, Винница, т. е. южного основания «Львовского выступа». (Рис. 12.) Как бы

то ни было, но на Юго-Западном фронте появился «третий командующий» (в дополнение к Кирпоносу и Жукову). Им стал бывший командующий Московским ВО, ныне командующий войсками Южного фронта генерал армии Тюленев.

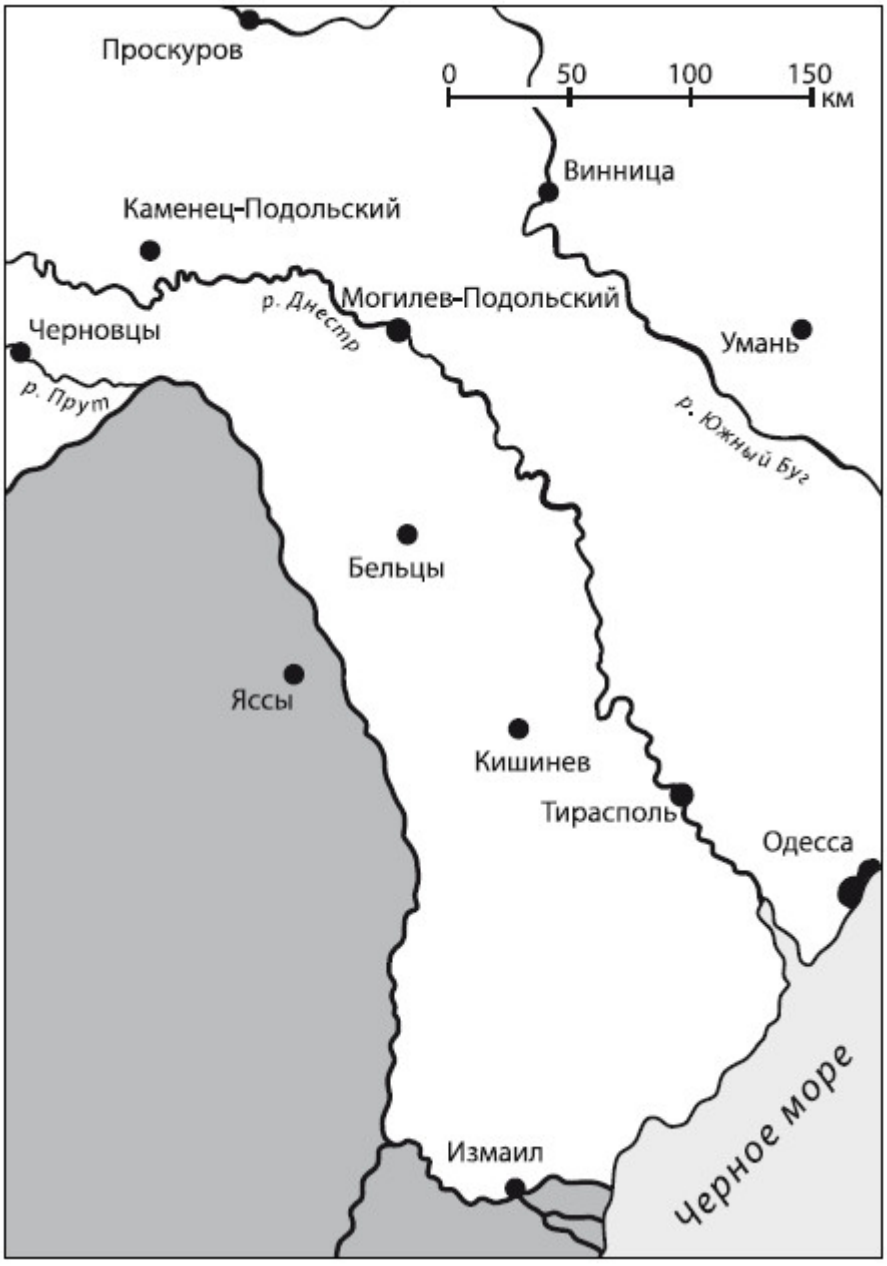


Рис. 12. Одесский военный округ

По формальным критериям комфронта Тюленев стоял всего лишь на одну ступеньку выше комфронта Кирпоноса (генерал армии против генерал-полковника). По негласной же «табели о рангах» их статус был просто несоизмерим. Тюленев – официально признанный «герой Гражданской войны», и не просто герой с тремя (!) орденами Красного Знамени, а «первоконник», личный друг маршала Буденного (в 1-й Конной Тюленев был начальником разведотдела). В 1930 г. Тюленев становится командиром Особой кавбригады им. Сталина, затем несет службу в центральном аппарате Наркомата обороны, с 1938 г. он командующий войсками Закавказского ВО и член Военного совета при наркоме обороны. Наконец, в августе 1940 г. Сталин назначает Тюленева командующим столичным военным округом, т. е. вверяет ему охрану своей жизни и власти. К такому авторитетному командующему и члену

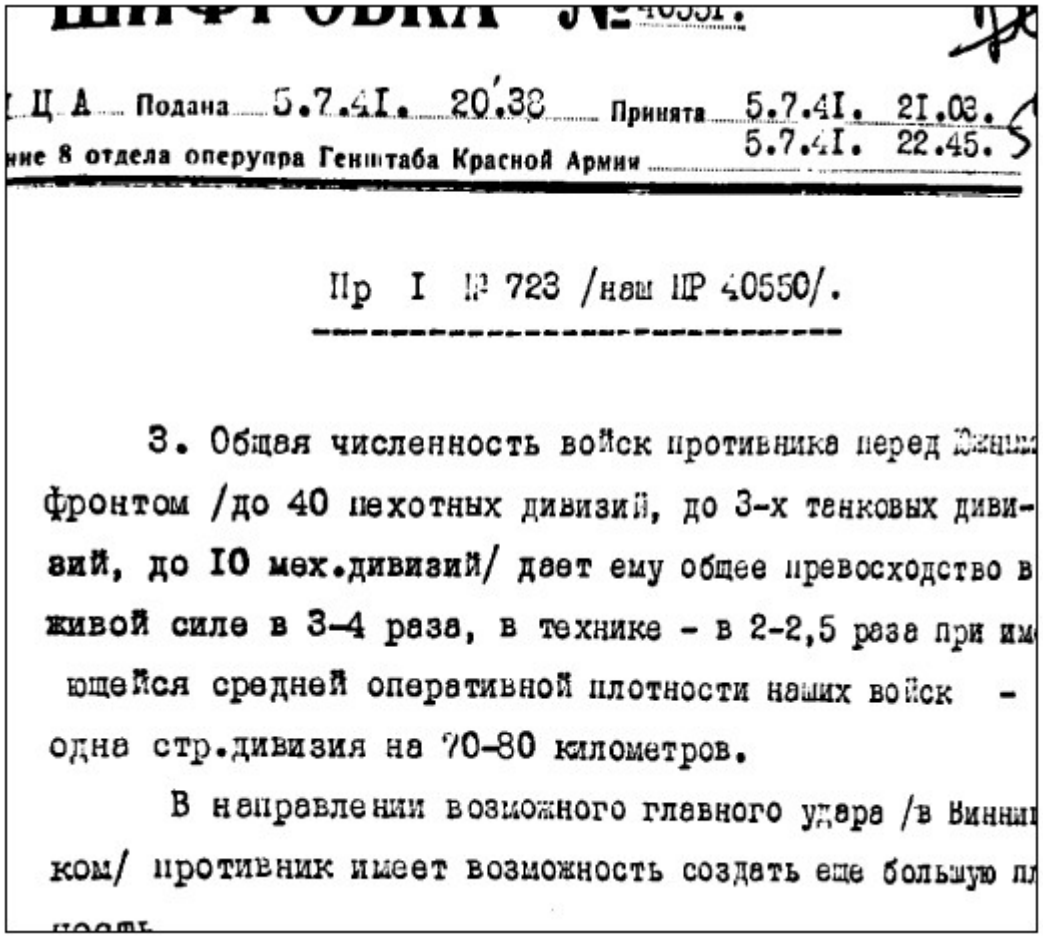
Военного совета Южного фронта назначили не абы кого, а бывшего начальника Главного политуправления Красной Армии (заместителя наркома обороны по должности) тов. Запорожца.

Прибыв в Винницу, Тюленев с Запорожцем начали бомбардировать Москву донесениями, а затем и личными письмами тов. Сталину, в которых сообщали о несметных полчищах врага, собравшихся у советско-румынской границы. (Рис. 13.) Правды ради надо сразу же подчеркнуть, что не они первые это придумали! Совершенно неадекватные оценки численности группировки вермахта в Румынии давались и ранее. Так, в Спецсообщении Разведуправления ГШ от 31 мая 1941 г. численность немецких (именно немецких, а не «немецко-румынских») войск в приграничной полосе *(«в Молдавии и Северной Добрудже»)* определялась в 17 дивизий, в том числе 2 танковые и 4 моторизованные; кроме того, *«в Прикарпатской Украине»* (т. е. на территории, занятой на тот момент венграми) было обнаружено 4 немецкие дивизии, а «*в центре Румынии (Бухарест и к западу от него)»* еще 11 дивизий резерва ГК вермахта. **[162]**

С началом войны цифры поползли вверх. Разведсводка № 1/660724 РУ ГШ Красной Армии от 20.00 22 июня сообщала, что *«в Словакии и Прикарпатской Украине количество немецких войск составляет 13–15 дивизий; в Румынии 33–35 дивизий, из них 4 танковые, 11 моторизованных и 1 горно-пехотная*». Разведсводка № 3/660739 от 20–00 24 июня чуть уменьшила эти фантастические оценки: *«Общая группировка противника перед нашим Южным фронтом составляет 15 немецких дивизий, из них 6 пехотных, 7 моторизованных, 2 танковые. В районе Бухарест, Плоешти, Питешти предполагаются фронтовые резервы в составе 15 немецких дивизий».* **[163]**

Фактически же развернутая в Румынии 11-я Армия вермахта имела в своем составе 7 (семь) пехотных дивизий и один-единственный (190-й) дивизион самоходных «штурмовых орудий». В Венгрии и вовсе не было ни одной немецкой дивизии. Командующий Южным фронтом мог бы, прибыв на место и разобравшись с ситуацией, пресечь эту дезинформацию. Увы, вместо этого 1 июля в 19–50 он направляет на имя Сталина и Тимошенко донесение, в котором оценивает обстановку на двух фронтах (одним из которых ему никто не поручал руководить) следующим образом:

«Противник к исходу дня 30.6. создал две основные ударные оперативные группировки: Ровно-Бродскую подвижную группу против Юго-Западного фронта и вторую, Ботошани-Ясскую, определяемую нами в 15–16 пехотных дивизий, 2–3 танковые и до 4-х механизированных дивизий. Оперативное положение этих группировок позволяет прийти к выводу, что противник предположительно будет стремиться нанести концентрический двойной удар обеих групп; а) короткий в направлениях Броды, Тарнополь и Черновцы, Тарнополь, б) одновременно глубокий удар в направлениях Ровно, Бердичев и Ботошани, Винница… Отсутствие фронтовых оперативных резервов заставляет высказать опасение за Винницкое направление со всеми вытекающими отсюда последствиями для Юго-Западного фронта…» **[164]**



ШИФРОВКА №40551.

Ц А Подана 5.7.41. 20.38 Принята 5.7.41. 21.03.
ние 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии 5.7.41. 22.45.

Пр I № 723 /наш ПР 40550/.

3. Общая численность войск противника перед Южным фронтом /до 40 пехотных дивизий, до 3-х танковых дивизий, до 10 мех.дивизий/ дает ему общее превосходство в живой силе в 3-4 раза, в технике - в 2-2,5 раза при имеющейся средней оперативной плотности наших войск - одна стр.дивизия на 70-80 километров.

В направлении возможного главного удара /в Винницком/ противник имеет возможность создать еще большую плотность

Рис. 13. Доклад командования Южного фронта Сталину

В следующем послании к Сталину (от 5 июля) Тюленев и Запорожец рисуют совсем уже мрачную картину: *«Общая численность войск противника перед Южным фронтом (до 40 пехотных дивизий, до 3 танковых дивизий, до 10 моторизованных дивизий) дает ему общее превосходство в живой силе в 3–4 раза, в технике – в 2–2,5 раза при имеющейся средней оперативной плотности наших войск – одна стрелковая дивизия на 70–80 км… Армии Южного фронта имеют возможность выполнять поставленную перед ними задачу методом подвижной обороны* (т. е. непрерывно отступая. – *М.С.*), *опираясь на укрепленный район р. Днестр…»* **[165]**

Тут, конечно, надо вспомнить, что, кроме семи дивизий вермахта, перед Южным фронтом была еще и румынская армия[57]. По номинальной численности группировка румынских войск была весьма солидной: 13 пехотных дивизий, 1 бронетанковая дивизия, 3 горно-пехотные и 3 кавалерийские бригады, всего порядка 17 «расчетных дивизий». По штатной чис-

[57] Традиционная советская историография представляет участие Румынии в войне против СССР как некую данность, неотвратимое явление природы, от действий и воли людей не зависящее. Реальность гораздо сложнее. В период между двумя мировыми войнами новорожденная Румыния ориентировалась – и во внешней политике, и в строительстве Вооруженных сил – на Францию и ее союзника Чехословакию. В начале Второй мировой войны именно Румыния предоставила убежище для правительства Польши и личного состава польской армии, разгромленной совместными усилиями Германии и СССР; именно Румыния стала поставщиком драгоценной во время войны нефти для англо-французского блока. Закончила же войну Румыния в составе антигитлеровской коалиции, а король Михай был награжден советским орденом «Победа» – и это не шутка. Есть серьезные основания предположить, что если бы не «смелая дебютная идея» Сталина с оккупацией летом 1940 г. Бессарабии и Северной Буковины (последняя вообще никогда не входила в состав Российской империи), то в 1941 г. румынского фронта у Красной Армии могло и не быть.

ленности личного состава (17,7 тыс. человек) румынская дивизия даже превосходила пехотную дивизию вермахта.

Соответствовал ли реальный боевой потенциал румынской армии такой численности? По этому поводу были высказаны разные мнения и оценки. Тюленев в своих донесениях, как видим, вообще не различал немецкие и румынские пехотные соединения, по умолчанию признавая таким образом, что румынская дивизия не уступает немецкой. Оценочное суждение Гитлера было совершенно иным: *«Никаких иллюзий по отношению к союзникам… От румын вообще ничего нельзя ожидать. Возможно, они будут в состоянии лишь обороняться под прикрытием сильной преграды (реки), да и то только там, где противник не будет атаковать. Антонеску увеличил свою сухопутную армию вместо того, чтобы уменьшить ее и улучшить».* **[166]**

С другой стороны, в составе войск Одесского ВО накануне войны числилось 13 стрелковых, 3 кавалерийские, 4 танковые и 2 моторизованные дивизии, очень мощная группировка артиллерии (13 отдельных артполков, включая 5 гаубичных большой мощности). **[140]** Авиация Одесского ВО по числу самолетов вдвое превосходила противостоящую ей группировку немецко-румынской авиации (и это без учета ВВС Черноморского флота и 4-го корпуса ДБА в Запорожье). По всем канонам военной науки войска Одесского ВО, опираясь на два мощных естественных оборонительных рубежа (реки Прут и Днестр в их нижнем течении) и сотни ДОТов Каменец-Подольского и Могилев-Подольского УРов, могли обеспечить устойчивую оборону против 7 немецких и 17 румынских дивизий.

Тюленев, однако же, рассудил по-другому, и подталкиваемая его пораженческими донесениями Ставка ГК начала передавать в состав Южного фронта одно за другим соединения Юго-Западного фронта: 17-й стрелковый корпус (левый, восточный фланг 12-й Армии), 55-й стрелковый корпус (резерв командования ЮЗФ), 16-й мехкорпус (12-я Армия), 4-ю ПТАБР. Строго говоря, эта «передача» не означала перемещения войск в пространстве, все (или почти все) остались на своих местах, но теперь об использовании этих войск для усиления обороны 5-й и 6-й Армий ЮЗФ, оказавшихся под «стальным катком» главной ударной группировки вермахта, не могло быть и речи.

Конечным результатом такого «оперативного искусства» стал сокрушительный разгром. Правый (северный) фланг Южного фронта, составленный из бывших соединений ЮЗФ, практически без боя сдал румынам (ни одной немецкой дивизии там не было) Северную Буковину; Черновцы были заняты 5 июля, на третий (!) день наступления противника. Три недели потребовалось румыно-германским войскам для того, чтобы занять большую часть Бессарабии и форсировать Днестр. 25 июля Ставка передала в состав Южного фронта беспорядочно отступающие войска 6-й и 12-й Армий Юго-Западного фронта (к тому моменту в состав 12-й Армии были переданы и все остатки 26-й Армии). В составе ЮФ они и были окружены и уничтожены в районе Умани.

Глава 2.2
Львов

Вернемся, однако, в первые дни войны и к войскам первого эшелона Юго-Западного фронта. Описание короткой и печальной истории их разгрома мы начнем с боевых действий на «Львовском выступе», т. е. в полосе наступления 17-й Армии вермахта. На начальном этапе операции перед ней стояла задача связать боем войска 6-й, 26-й и 12-й Армий ЮЗФ, не допустить их переброску в полосу главного удара, занять важнейший дорожный узел (Львов), обеспечить условия для ввода в прорыв 14-го танкового корпуса.

Имеет смысл сказать несколько слов об условиях местности, на которой разыгралось сражение (см. Рис. 3). К исторической столице Галичины ведут три дороги: «северная» (Томашув, Жолкев, Львов) и две «западные» (Радымно, Яворов, Львов и Перемышль, Грудек-Ягеллонский, Львов). Местность южнее дороги Перемышль – Львов сильно заболочена, прорезана многочисленными притоками Днестра; движение крупных масс войск там едва ли возможно. Полоса местности западнее «северной дороги», от Янув до Немиров и далее по территории Польши до Билгорай – это массив густого леса, местами заболоченного. К востоку от «северной дороги» местность открытая, но испещренная многочисленными мелкими речушками, притоками р. Буг. Полоса между двумя «западными дорогами» – всхолмленная возвышенность, покрытая лесом; наступающей в этом направлении армии предстоит форсировать (не говоря уже про пограничную р. Сан) две водные преграды: р. Вишня и р. Верещица, которая в районе Грудек-Ягеллонский, Любень Вельки[58] представляет собой цепочку озер, соединенных протоками.

Вероятно, именно учитывая эти обстоятельства, командование 17-й Армии вермахта решило нанести главный удар вдоль «северной дороги», по кратчайшему и относительно проходимому направлению на Львов. Там был сосредоточен 4-й Армейский (пехотный) корпус в составе 71, 295, 24, 262-й пехотных дивизий; корпусу был придан единственный в составе 17-й Армии дивизион самоходных «штурмовых орудий» и батальон огнеметных танков (это подразделение предполагалось использовать для подавления ДОТов Рава-Русского укрепрайона). С запада, с «острия» выступа на Львов, наступал 49-й горно-пехотный корпус (1-я горно-пехотная, 68-я и 257-я пехотные дивизии). 101-я легкопехотная дивизия должна была занять приграничный Перемышль и наступать вдоль дороги на Судова Вишня, Львов.

Два первых дня

В первые часы войны обстановка в полосе наступления 17-й Армии (как, впрочем, и на всем Восточном фронте) вызвала у немецкого командования прилив эйфории:

«6.00. По всей ширине фронта наши корпуса наталкиваются лишь на слабое сопротивление, бои ведутся поначалу лишь с пограничными войсками противника. Судя по всему, неприятель был захвачен врасплох. Мост [через р. Сан] *у Перемышль взорван не был, мост под г. Радымно находится в наших руках в исправном состоянии. Наступление повсюду развивается без помех…*

10.15. Противник захвачен врасплох. Пограничные укрепления заняты войсками противника лишь частично. Сопротивление усиливается, но остается хаотичным…

[58] На современных картах Украины это Городок и Великий Любень; Жолкев – Жовква, Янув – Ивано-Франково, Крыстынополь – Червоноград. Перемышль после окончания 2-й МВ вернулся в Польшу, и называется он сейчас Пшемышль.

11.30. Захвачен железнодорожный мост в районе Перемышля». **[167]**

Уверенность в том, что «хаотичное сопротивление» будет сломлено в ближайшие часы, была столь велика, что в 11.15 командование 17-й Армии предложило *«ввести в бой 14 ТК либо после полудня, либо в первой половине следующего дня, 23.06.41. Командование ГА «Юг» соглашается с этим мнением».* **[167]** В реальности же ввести в прорыв 14 ТК немцам удалось лишь вечером 28 июня; командование вермахта не оценило по достоинству Рава-Русский укрепрайон, а самое главное – занявшую там оборону 41-ю стрелковую дивизию генерал-майора Микушева[59].

Даже в обстановке неожиданного (для Сталина) нападения соединения 6-й Армии ЮЗФ вступили в бой достаточно организованно[60]. Еще 20 июня командующий армией генерал-лейтенант Музыченко отдал приказ: *«Штабам корпусов, дивизий, полков находиться на месте. Из района дислокации никуда не убывать. На всякие учения, связанные с отрывом от района дислокации, испрашивать разрешение Военного совета…Зенитные дивизионы срочно отозвать из Львовского лагерного сбора к своим соединениям, по прибытии поставить задачу – прикрыть с воздуха расположение дивизий…»* **[168]** В 41-й стрелковой дивизии этот приказ был выполнен в точности, артиллерийские подразделения, находившиеся на полигонах, были возвращены в дивизию, командный состав, благодаря налаженному взаимодействию с пограничниками, был поднят по тревоге в 2 часа ночи. В конечном счете части 41-й сд успели занять оборонительные позиции раньше, чем противник смог выйти к переднему краю Рава-Русского УРа.

По плану строительства укрепрайон должен был состоять из 306 (!) боевых сооружений, сгруппированных в 13 узлах обороны («опорных пунктах»). К моменту начала войны было построено порядка 150 ДОТов; бронированные амбразурные узлы, вооружение, воздушные насосно-фильтровальные установки смонтированы примерно в 90 ДОТах. Правда, вооружение было установлено далеко не в полном объеме, тем не менее 8 пушек калибра 76 мм, 52 пушки калибра 45 мм и 181 станковый пулемет, укрытые 2-метровым слоем фортификационного железобетона, уже ждали наступающую пехоту противника. **[41, 42]** Заблаговременно были оборудованы и оборонительные позиции – с траншеями, ДЗОТами и блиндажами – для составлявшей «пехотное заполнение УРа» 41-й стрелковой дивизии. (Рис. 14.)

В середине дня к Рава-Русской на усиление 41-й сд подошел 209-й корпусной артполк (36 гаубиц калибра 152 мм). Это серьезная сила, по показателю «вес единичного залпа» один такой полк превосходил пехотную дивизию вермахта. Заслуживает внимания и темп, с которым тихоходные (что особенно любят подчеркнуть некоторые современные историки) трактора протащили тяжелые гаубицы от местечка Шкло (10 км восточнее Яворов) до Рава-Русской (32 км по прямой, но через заболоченный лес трактора по прямой не летают). На следующий день, 23 июня, 41-й дивизии был придан еще более мощный 135-й артполк РГК (24 пушки калибра 122 мм и 24 пушки-гаубицы калибра 152 мм).

---

[59] Георгий Николаевич Микушев. Родился в 1898 г., по происхождению из народа коми. Участник Гражданской войны. В межвоенный период – командир полка в знаменитой 25-й Чапаевской дивизии, комбриг, с июня 1940 г. генерал-майор. Погиб в бою у г. Козелец (Черниговская обл.) 9 сентября 1941 г., лично возглавляя контратаку бойцов своей дивизии.

[60] Охрана и возможный подрыв мостов находились в руках войск НКВД, поэтому беспрепятственный захват противником важнейших мостов не может быть поставлен в вину командованию армейских частей.

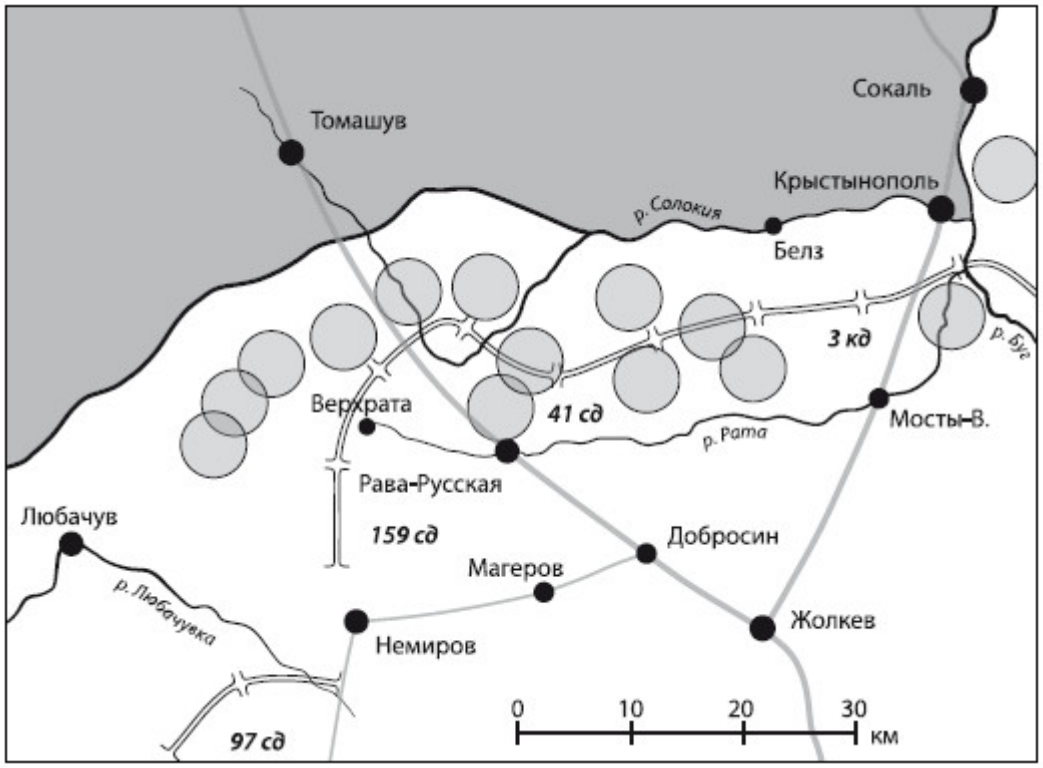


Рис. 14. Рава-Русский укрепрайон

Уже к вечеру 22 июня настроение в штабе 17-й Армии вермахта начало меняться:

«19.30. Вечером 22.6 противнику удалось прорвать боевые порядки наших войск на правом фланге 262 пд в районе северо-западнее Рава-Русская…

20.00. Опасная ситуация на левом фланге 4 АК еще больше усложняется. 4 АК подтягивает резервы, находящиеся в непосредственном подчинении командования корпуса…

Общая сводка за день… сильные контрудары противника из лесов северо-западнее и северо-восточнее Рава-Русская…» **[167]**

На следующий день глаза от страха настолько увеличились, что в них отразились даже 150 несуществующих танков:

«13.00. 4 АК докладывает о концентрации танковых соединений противника в районе Хребенне с целью атаки позиций 262 пд в районе Корнье (н.п. у южной излучины р. Солокия, в 10 км севернее Рава-Русской. – *М.С.*).

Сводка за день… Около полудня отмечалось скопление приблизительно 150 танков[61]*, которые своими активными действиями представляли угрозу позициям 262 пд в районе Корнье… Силами 5-го авиакорпуса было проведено два налета на группировку противника в этом районе…»* **[167]**

Существует подробное описание боевых действий 41-й сд, составленное бывшим начальником штаба дивизии полковником (в дальнейшем – генерал-майором) Ереминым. **[169]** Его статья, опубликованная в 1959 г. (в короткую эпоху хрущевской «оттепели»), столь же незаурядна (если не сказать – уникальна), как и сама история боев у Рава-Русской. В статье Еремина нет ни «лавины танков с бронетранспортерами» в боевых порядках пехотной

[61] Трудно сказать определенно – какие реальные события стоят за этим странным сообщением. Ни одной танковой части Красной Армии в районе Рава-Русской не было. Однако на вооружении 41-й стрелковой дивизии, вместо положенных по штату 17 плавающих танкеток, были обычные легкие танки (скорее всего, Т-26). Кроме того, за «танк» немцы могли принять бронированный гусеничный тягач «Комсомолец», вооруженный пулеметом в шаровой установке на лобовой плите корпуса. «Комсомольцев» в Киевском ОВО было много, в некоторых стрелковых дивизиях – до 50 и более единиц.

дивизии вермахта, ни диверсантов с ножницами (*«связь со штабом армии работала бесперебойно»*), ни вездесущей немецкой авиации, которая «с утра до вечера висела над полем боя», ни жалоб на отсутствие и неисправность матчасти (*«части пополнились с дивизионного склада боеприпасами, необходимым вооружением и снаряжением до норм военного времени»*); дивизии противника имеют конкретные номера, и ни одной лишней не наблюдается (вместо традиционно-безразмерного «немцы бросали в бой все новые и новые соединения…»).

Итоги первого дня войны в изложении бывшего начштаба 41-й сд были такими:

«Наши части, действуя на хорошо знакомой местности, ободренные первыми успехами и искусно используя выгоды и преимущества обороны, чувствовали себя уверенно в заранее подготовленных и оборудованных сооружениях, отражали все атаки противника… Мы сумели удержать при сравнительно небольших потерях решающий оборонительный рубеж, с которого не только нанесли весьма значительное поражение противнику, но и на всем своем фронте остановили его дальнейшее продвижение… Не имея информации о положении на фронтах и исходя из успешных действий на своем участке, мы были настроены оптимистически, полагая, что на всем протяжении западной границы наши войска действовали не менее успешно…»

Не менее успешно действовал и правый сосед дивизии Микушева – кавалерийская дивизия под командованием генерал-майора Малеева. Казалось бы, кавдивизия мало приспособлена для ведения статичной обороны, да и по простой арифметике кавалерийская дивизия Красной Армии (8968 человек при полной штатной численности) была значительно меньше наступающей на фронте Белз, Крыстынополь 9-й пехотной дивизии вермахта. Но кавдивизия была не простая, а 3-я Бессарабская Краснознаменная ордена Ленина имени Г.И. Котовского. Что же касается входившего в состав 3-й кд танкового полка (44-й тп), то он и вовсе был одним из старейших в Красной Армии и свою родословную вел от «первого пролетарского бронедивизиона», сформированного еще в 1917 году!

Накануне войны 3-я кавдивизия дислоцировалась в н.п. Мосты Вельки. Во второй половине дня 22 июня, стремительно выдвинувшись на север, дивизия своим танковым и двумя кавалерийскими полками контратаковала противника и выбила немцев из района ж/д станции Пархач[62]. В дальнейшем 3-я кд, усиленная 491-м стрелковым полком 159-й стрелковой дивизии, держала оборону в междуречье р. Солокия и р. Рата вплоть до вечера 27 июня. Сильно нарушая хронологию событий, отметим, что 3-я кд дожила до конца 41-го года (ситуация уникальная для фронта, дважды разгромленного в Уманском и Киевском «котлах»), в декабре стала 5-й Гвардейской кавалерийской и в таком звании дошла до Берлина.

Совершенно иначе развивались события на фронте к западу от 41-й сд. Левый сосед, 159-я стрелковая дивизия (без одного полка, переданного в 3-й кд) после безуспешной попытки контратаковать противника отходила к н.п. Верхрата и южнее, преследуемая наступающей 71-й пд вермахта. 23 июня нажим противника усилился, и 159-я сд начала беспорядочный отход, обнажая левый фланг Рава-Русского укрепрайона. Утром 24 июня передовой отряд немецкой 71-й пд (две велосипедные роты) после короткого боя занял Немиров. Три крайних слева опорных пункта УРа были заняты немцами, приступившими к методичному уничтожению блокированных ДОТов. В Журнале боевых действий 17-й Армии вермахта читаем:

«23 июня. Общая сводка за день… Во второй половине дня было взято два укрепленных опорных пункта неприятеля в районе Брусно и Вельки Дзял…

24 июня. 15.00. Исключительно ожесточенное сопротивление и упорные контратаки противника… Примером может служить поведение гарнизона ДОТа близ Брусно. После

[62] Ныне Межиречье, н.п. в 6 км южнее Крыстынополь, у впадения р. Рата в р. Буг.

того, как русские солдаты осознали безнадежность дальнейшего сопротивления, они застрелились. Один русский солдат, который передал немецкое требование о прекращении сопротивления и сдаче в плен, был застрелен командиром гарнизона ДОТа…» **[167]**

Командование 17-й Армии и 4-го армейского корпуса вермахта быстро оценило ситуацию. Вечером 23 июня были отданы приказы, в соответствии с которыми на Рава-Русское направление из резерва Армии были переброшены две свежие дивизии: 296-я пехотная и 97-я легко-пехотная. Лобовую атаку укрепрайона вдоль шоссе Томашув, Жолкев должна была вести лишь одна 296-я пд, трем дивизиям (71 пд, 295 пд, 97 лпд) предстояло, наступая с рубежа Верхрата, Немиров, обойти укрепрайон с юга; 24-я пд и 262-я пд продолжали наступление на правом фланге УРа. В общей сложности к 41-й стрелковой дивизии и остаткам 159-й сд было приковано шесть (!) дивизий вермахта; едва ли на всем протяжении Восточного фронта наблюдалось еще что-то подобное…

Несравненно успешнее (для немцев) развивалось наступление 49-го горно-пехотного корпуса. Все мосты и переправы на р. Сан были захвачены без боя. В 6.40 (по берлинскому времени, «советское» было на 1 час больше) штаб корпуса констатирует: *«На всем пространстве противник не произвел ни одного артиллерийского выстрела».* К 3 часам дня 1-я горно-пехотная дивизия в нескольких местах форсировала р. Любачувка (7–10 км южнее границы). Прикрывавшая «острие Львовского выступа» 97-я стрелковая дивизия (наряду со 159-й и 41-й она входила в состав 6-го стрелкового корпуса 6-й Армии) перешла к подвижной обороне, и, судя по тому, что к исходу второго дня войны пехота вермахта успела переправиться через две реки и продвинуться на 20–25 км в глубину советской территории, эта «оборона» превратилась в беспорядочный отход. (Рис. 15.)

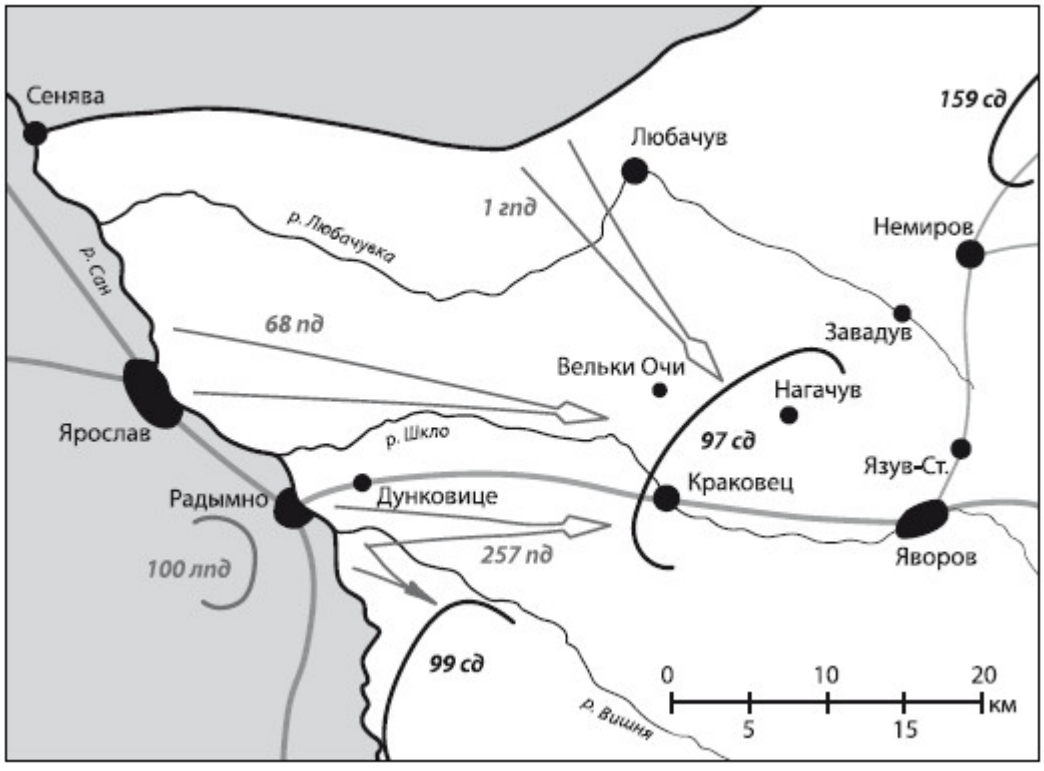


Рис. 15. 49-й горно-пехотный корпус вермахта, боевые действия 22–23 июня

Прискорбное для историка правило заключается в том, что от разгромленных частей и соединений почти (или вовсе) не остается первичных документов. Так и в случае с 97-й сд главным источником информации может служить лишь Журнал боевых действий 49 ГПК вермахта. **[170]**

«22 июня, 20.00. Наше наступление явилось для противника полной неожиданностью. Сопротивление на границе оказывали только пограничники. Противнику до сих пор не удалось создать единую оборонительную линию…

23 июня, 08.00. В настоящий момент 68-я пехотная дивизия наступает в хорошем темпе и без какого-либо противодействия противника…[63]

11.30. 68 пд потеряла боевое соприкосновение с противником.

16.00. 257 пд периодически вступает в боевое соприкосновение с противником…

22.15. Противник отступил 23.6. по всему фронту. Отмечается отсутствие организованного сопротивления, сопротивление оказывают лишь отдельные разрозненные группы…»

К утру 24 июня вследствие отхода 97-й и 159-й стрелковых дивизий во фронте обороны 6-й Армии юго-западнее Немирова образовался разрыв шириной в 10–15 км. Возникла реальная угроза окружения 41-й сд и выхода немецких войск на шоссе Жолкев, Львов. Дивизия Микушева и гарнизоны ДОТов Рава-Русского укрепрайона продолжали героическую и неравную борьбу, но оптимизм первого дня начинал таять. Как пишет в своей статье Еремин, *«среди личного состава дивизии стали невольно возникать и распространяться настроения нетерпения, досады и даже недовольства из-за отсутствия поддержки со стороны нашей авиации и танков; каждый думал – где же они и почему их так долго нет?»*

Нетерпение и даже недовольство были вполне понятными и оправданными: свою часть общей работы дивизия выполнила и даже перевыполнила, заставив командование 17-й Армии вермахта стянуть к Рава-Русской шесть дивизий. Чудес не бывает, и, сконцентрировав войска на восточном фланге, немцы с неизбежностью ослабили свой западный фланг, где на «острие Львовского выступа», в полосе от Любачув до р. Сан остались разбросанные по лесным дорогам подразделения всего двух (1 гпд и 68 пд) пехотных дивизий. Таким образом создавались идеальные условия для нанесения сокрушительного танкового удара силами двух мехкорпусов (4 МК и 8 МК) в северном направлении, на Билгорай и далее на Люблин.

Серьезные возможности открывала и ситуация на Перемышльском направлении, где 99-я стрелковая дивизия продолжала удерживать город и вечером 23 июня захватила ж/д мост через р. Сан. **[167]** Поскольку «южная дорога» (Львов, Грудек, Перемышль) на всем протяжении еще оставалась в руках советского командования, ее можно было использовать для сосредоточения механизированных соединений у Перемышля с задачей дальнейшего наступления на Жешув, в район расположения штаба ГА «Юг».

Но ничего этого сделано не было. Реальная и короткая история боевых действий самого мощного во всей Красной Армии 4-го мехкорпуса выходит за рамки всякой логики.

81-я моторизованная дивизия

О бесславном разгроме 4 МК молча, но красноречиво свидетельствует состояние его архивных дел. В фонде мехкорпуса (ЦАМО. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1) хранится лишь один документ. Это т. н. «Исторический формуляр» (т. е. краткое официальное изложение истории воинской части), причем последняя запись в формуляре датирована 24 мая 1941 г. Боевые действия корпуса не отражены ни одним словом. В состав 4 МК входили три дивизии: две танковые (8-я и 32-я) и одна (81-я) моторизованная. Фонда 32-й тд в ЦАМО нет. То есть вообще нет. Фонд 8-й танковой дивизии существует (ЦАМО. Ф. 3008. Оп. 1. Д. 3), но в нем

[63] В документах вермахта отмечены ожесточенный бой и контратаки противника вечером 22 июня в районе н.п. Лазы и Лашки (в 5–7 км восточнее границы у р. Шкло). Некоторые российские историки сообщают, что накануне войны в тот район выдвинулся мотоциклетный полк 4-го мехкорпуса; быстрый отход обороняющихся, которые исчезли уже к 8 часам утра 23 июня, до некоторой степени подтверждает эту версию.

нет ни одного оперативного документа от 22 июня и позднее. Не многим поможет нам и мемуарная литература – корпусом командовал генерал Власов, само имя которого стало в СССР синонимом предательства; соответственно, и желающих поделиться воспоминаниями о своей совместной службе с Власовым не нашлось.

При всем при этом бесследно 4-й мехкорпус не пропал: остались донесения командования 8-й тд и 32-й тд в вышестоящие штабы, осталось зафиксированное в документах вермахта «отражение» боевых действий (и бездействия) корпуса. Кое-что полезное можно почерпнуть и из упомянутого выше «Исторического формуляра». В частности, информацию о том, что по итогам 1940 г. 4 МК *«среди всех мехчастей и соединений округа занял 1-е место и получил Переходящее красное знамя КОВО «За первенство в боевой подготовке».* Далее можно ознакомиться и с оценками (по 5-балльной шкале), которые получил в ходе инспекторской проверки лучший мехкорпус округа: огневая подготовка – 3, состояние и содержание матчасти – 3, инженерная подготовка – 3,5 и тактическая подготовка – 3,8. Зато с партийной прослойкой в корпусе все было в наилучшем виде: 1884 коммуниста, 2593 кандидата в члены, 14 290 комсомольцев, итого – 52 % личного состава. **[171]**

Направленность боевой подготовки – вполне ожидаемая. 25–29 сентября 1940 г. штаб 4 МК участвовал в проводимых лично наркомом обороны учениях на тему «Наступление армии и ввод мехкорпуса в прорыв»; с 10 по 16 октября – в учениях, проводимых Военным советом КОВО на тему «Ввод мехкорпуса в прорыв, форсирование водной преграды и встречный бой». О том, где и что собирались прорывать и форсировать, свидетельствует интересный документ – боевое донесение начальника штаба 81-й мд от 30 июня: *«В частях и штабе дивизии нет карт района от г. Львов на восток и юго-восток. Прошу выслать возможное количество экземпляров».* **[177]**

К началу войны в 4 МК числились 101 КВ, 313 Т-34, 75 Т-28, 290 БТ и 103 Т-26 (включая огнеметные), всего 882 танка, не считая плавающие пулеметные танкетки. А также 198 бронеавтомобилей, в том числе 89 пушечных БА-10. Итого – более тысячи единиц вооруженной бронетехники. По количеству тяжелых и средних танков 4-й мехкорпус вполне соответствовал типичной советской Танковой армии периода 1944–1945 годов. Разница лишь в том, что к 44-му году про 37-мм «колотушку» в вермахте уже и забыли, новейшая для лета 41-го года 50-мм противотанковая пушка Pak-38 повсеместно снималась с вооружения и заменялась 75-мм Pak-40, поступили на вооружение и мощнейшие 88-мм Pak-43; такой состав противотанкового вооружения позволял вермахту успешно уничтожать атакующие советские танки, в то время как в июне 41-го адекватного оружия для борьбы с советскими танками КВ и Т-34 пехотная дивизия вермахта не имела.

Не забыли при комплектовании 4 МК и про технику, обеспечивающую боевые действия танков. В составе корпуса было 245 (по другим документам – 274) гусеничных тягачей, без малого три тысячи автомобилей, в т. ч. 2146 грузовиков, 567 (по другим документам – 606) спецмашин (топливозаправщиков, ремонтных мастерских и пр.). И все это – еще до начала открытой мобилизации и без учета получения автомашин из предприятий народного хозяйства. В ходе скрытой мобилизации под прикрытием «учебных сборов» численность личного состава 4-го мехкорпуса довели до 33,7 тыс. человек, т. е. до 94 % от полной штатной численности.

Вот такой бронированный «колун» был в руках командования Юго-Западного фронта, такая мощь была бездарно и безрезультатно растрачена в течение одной недели войны. Описание этой печальной и позорной истории мы начнем со «слабого звена» мехкорпуса – его 81-й моторизованной дивизии. Так уж получилось, что именно это соединение действовало чуть активнее двух других дивизий корпуса, да и документов от 81-й мд осталось значительно больше (пять архивных дел, включая боевые донесения частей и Журнал боевых действий дивизии, написанный по горячим следам событий).

Война для 81-й моторизованной дивизии началась с приказа командира корпуса № 01 от 22 июня, в соответствии с которым дивизия к 10 часам утра 22 июня должна была *«закончить сосредоточение в районе лес западнее Янув и быть готовой к боевым действиям в направлении: Немиров, Радымно, Янув-Пшемысль».* После чего *«части дивизии были подняты по тревоге в 3.15 22 июня и к 16.00 сосредоточились в районе лес 3 км западнее м. Янув».* **[172]** Район сосредоточения дивизии – укрытый лесом от наблюдения и ударов со стороны авиации противника и в непосредственной близости от трех основных дорог – открывал широкий выбор вариантов для применения дивизии. Сразу же отметим, что в первый день войны никаких потерь от действий немецкой авиации в 81-й мд не было.

Потери, причем весьма ощутимые, дивизия понесла от командования 6-й Армии. Один из двух мотострелковых полков (202 мсп) сразу же изъяли *«для гарнизонной службы в г Львов».* Из второго мотострелкового полка (323 мсп) изъяли одну роту *«для охраны Штарма-6».* Для охраны того же штаба была взята и одна танковая рота танкового полка (53 тп) дивизии. Можно предположить, что такие экстраординарные меры командования 6-й Армии были обусловлены наличием во Львове и его окрестностях «третьей силы», т. е. боевых групп украинского националистического подполья. Однако и тех, кому по долгу службы полагалось бороться с вооруженным подпольем, во Львове было немало: Окружная школа младшего начсостава погранвойск, 6-й мотострелковый полк оперативных войск НКВД, 66-й полк 10-й дивизии войск НКВД по охране ж/д сооружений, 233-й (возможно, и 229-й) полк конвойных войск НКВД. Да, полки эти по численности скорее соответствовали армейскому стрелковому батальону, так ведь и вооруженных оуновцев в первые дни войны во Львове было не более батальона… Сразу же отметим, что вечером 23 июня командование 6-й Армии забрало для «охраны и наведения порядка в г. Львов» еще и мотострелковый полк 8-й танковой дивизии. **[173]**

Далее «разборка» дивизии на составные части продолжилась следующим образом: один стрелковый батальон 323-го мсп ранним утром 23 июня был направлен в Радзехув, где вместе с двумя танковыми батальонами 32-й танковой дивизии должен был помогать частям 15-го мехкорпуса разгромить 11-ю немецкую танковую дивизию (как это происходило и чем закончилось, будет описано в следующей главе), еще одна рота 323-го мсп в 8 часов (то ли утра, то ли вечера) вместе со взводом танков была направлена в район г. Буск (65 км по прямой на восток от места сосредоточения дивизии) *«с задачей уничтожения десантных групп противника»*. Видимо, командование 6-й Армии рассматривало мотострелковую дивизию как «большой мешок» с пехотными ротами и танковыми взводами, их по одному доставали из мешка и использовали по потребности, включая борьбу с мифическими «десантами».

Реальные боевые действия дивизии начались во второй половине дня 22 июня, когда 2-й батальон 323-го мсп совместно с одной танковой ротой и разведывательной ротой 53-го танкового полка отправились по шоссе Янув, Яворов к границе. К 17–30 эта боевая группа достигла поселка Глиницы (6 км западнее Краковец), а разведрота ушла еще дальше на запад и у н.п. Залеска Воля наткнулась на наступающую немецкую пехоту 257-й пд. Завязался короткий бой, в котором (судя по ЖБД 81-й мд) было потеряно два танка, а если верить ЖБД 49-го горно-пехотного корпуса вермахта – подбито четыре разведывательные бронемашины (*Panzerspähwagen*). На этом эпизоде всякие упоминания о действиях и самом существовании «боевой группы» в ЖБД дивизии, увы, заканчиваются.

В результате всех этих странных перемещений в подчинении командования дивизии остались: одна (!) стрелковая рота, танковый полк (к началу войны в нем числилось 226 исправных танков БТ, в т. ч. 97 новейших БТ-7М с дизельными моторами), артиллерийский полк полного и полностью укомплектованного (36 орудий) состава, разведбат (на вооружении которого было 16 бронеавтомобилей и 13 новейших плавающих танков Т-40), проти-

вотанковый и зенитный дивизионы, батальон связи (4 мотоцикла, 31 автомобиль, 6 радиостанций, 107 км кабеля). **[174]** Все это получило Приказ мехкорпуса № 03 от 18–00. 22 июня – быть готовым к совместному с 8-й танковой дивизией наступлению вдоль яворовского шоссе к границе.

В 6-30. утра 23 июня начальник штаба танкового полка дивизии подписывает вторую с начала войны Оперсводку: *«Полк ночь провел в районе сосредоточения благополучно… Боеприпасами полк укомплектован полностью. Личный состав ждет приказа на бой с зарвавшимся противником. Погода, рельеф* [местности] *выполнению боевой задачи благоприятствует».* **[175]**

Долго ждать не пришлось – в дивизию поступил новый приказ: выдвинуться в район н.п. Добросин (севернее Жолкев) и быть готовой к наступлению или на Мосты Вельки, или на Рава-Русскую. Однако и этот приказ действовал не долго – в 6.30. 24 июня дивизия в соответствии *с «устным приказом командира 4 МК* (с началом реальных боевых действий письменные приказы почему-то сменились устными указаниями) пошла в наступление в третьем по счету направлении – через Магеров на Немиров. **[172]**

Если верить тому, что написано в ЖБД дивизии, танки БТ (что расшифровывается как «быстроходный танк») ползли 30 км по лесной дороге из Добросин в Немиров в течение семи часов. Такой «черепаший темп» можно было бы объяснить наличием артиллерии, буксируемой «тихоходными тягачами»[64], но это предположение ошибочно – в том же ЖБД читаем: *«2-й дивизион 125 АП имел задачей поддержать атаку 53 ТП, опоздал с развертыванием и не произвел ни одного выстрела».* Про то, где были при этом 1-й и 3-й дивизионы артполка, документ умалчивает. Пехоты в дивизии осталось, как было уже отмечено, всего одна рота (меньше 200 человек). Строго говоря, где-то в районе Немирова должны были находиться многотысячные остатки 159-й стрелковой дивизии, но никаких следов их участия в бою не обнаруживается – ни в советских, ни в немецких документах.

Таким образом, вопрос взаимодействия родов войск был, что называется, «снят» еще до боя. Оставался (теоретически) главный козырь – концентрация сил, удар лавиной в двести с лишним танков. Увы, два танковых батальона (из четырех) исчезают из описания боевых действий дивизии «по-английски», не прощаясь, без какого-либо упоминания и объяснения. Впрочем, даже принявшие (если верить ЖБД дивизии) участие в бою за Немиров 1-й и 4-й батальоны танкового полка – это порядка 120–130 танков. Казалось бы, не так уж и мало…

Описание боя в Немирове занимает в ЖБД дивизии немного места:

«В 14.00 высланный РО [разведывательный отряд] *дозорами не установил наличие противника в Немирув. В 15.00 весь состав отряда вступил в Немирув и неожиданно был обстрелян огнем орудий ПТО и минометов, тщательно замаскированных в домах Немирув. Боем установлено наличие в Немирув до батальона пехоты, до батареи орудий ПТО, до двух орудий полевой артиллерии, до дивизиона дальнобойной артиллерии.*

Два батальона 53 ТП и 8-я стрелковая рота 323 МСП старшего лейтенанта Струкова выступили на уничтожение противника Немирув. В 17.00 в результате атаки противник в Немирув был разбит, остатки отошли в западном направлении. Город горел. Улицы усеяны фашистскими трупами. Ввиду малочисленности пехоты закрепить занятый рубеж не удалось. Танки были отведены, и Немирув был оставлен…

Потери в бою за Немирув: 36 танков БТ-7 и до 65 % личного состава 8-й СР 323 МСП». **[172]**

---

[64] Укомплектованность 81-й мд средствами мехтяги была совершенно незаурядной: 133 тягача, в т. ч. 20 мощнейших «Ворошиловцев» (непонятно, что они могли буксировать в составе моторизованной дивизии) и 29 «Комсомольцев».

Поверить во все это мешает чрезвычайно подробное описание боя в Немирове, составленное немцами: есть ЖБД 71-й пд, донесение командира истребительно-противотанкового батальона (дивизиона) и написанная уже после войны «история боевого пути» дивизии. **[176]** Из этих документов следует, что к моменту (14–00 по «советскому времени», т. е. 13.00 по времени, принятому в документах вермахта), когда разведывательный отряд 81-й мд «не установил наличие противника», Немиров являл собой такое зрелище: *«Время близилось к 13.15. Немиров пылал со всех концов. В городе и его окрестностях стояли около 35 горящих русских танков».*

Такие ужасные картины – результат боя, который немцы вели с 11–40 (12–40 по «советскому времени») с «тяжелыми русскими танками» (это были КВ и Т-34 из состава 8-й танковой дивизии, о чем пойдет речь далее). 81-я моторизованная дивизия подошла к Немирову явно после (или во время) боя, начатого утром 8-й танковой дивизией. Тут еще надо пояснить, что местечко Немиров Яворовского района Львовской обл. – это не Москва, не Лондон и не Шанхай, где 35 горящих танков можно и не заметить. Население «города» в 1940 г. составляло 3 тыс. человек; по российским меркам это даже нельзя назвать «большой деревней». Как же можно было не заметить там горящие факелами дома и танки?

И уж совсем странную информацию обнаруживаем мы в Оперативной сводке штаба 6-й Армии № 03 к 18.00 24 июня: *«4 МК движется в исходный район по маршруту: 8 тд – Добросин, Магеров, Немиров, Язув Старый; 81 мд – Магеров, Вишенка Мале, Стажиска…»* Магеров, Вишенка Мале, Стажиска (ныне Старичи) – это значит, что 81-я мд, выйдя из Добросин, у Магерова повернула строго на юг и прошла примерно в 12 км от Немирова.

Я склонен предположить, что в штабе Армии просто не знали, где находятся и что делают вверенные им войска; 81-я дивизия, скорее всего, в бою участвовала, но ее передовой (разведывательный) отряд вошел не в Немиров, а в какое-то из его «предместий», т. е. крохотных поселков. Возможно, именно к действиям РО относится следующая запись в ЖБД 71-й пехотной дивизии вермахта: *«В период с 14.00 до 14.30 последовала повторная, более слабая танковая атака, далее, около 16.00 – еще одна, третья атака против наступающего 2-го батальона 211-го пп южнее Соснови* (поселок в 2 км северо-восточнее Немирова. – *М.С.*). *И эти две атаки были успешно отбиты. Однако 2-й батальон 211-го пп пришлось отвести несколько назад».*

Вечером кто-то еще раз атаковал Немиров (*«около 20.00 последовала последняя танковая атака на Немиров с востока и северо-востока. Она была отбита огнем установленных оборонительных средств. При этом было уничтожено еще 10 танков»*), но обнаружить этот эпизод в советских документах не удалось.

Самое же главное заключается в том, что разрозненными действиями подразделений двух советских дивизий (8-й тд и 81-й мд) противник разбит не был, его «остатки» остались в Немирове и уже на следующий день возобновили наступление. Что же касается потерь танков, то в данном случае наблюдается удивительное сочетание данных с двух сторон; удивительно оно тем, что заявленное немцами количество подбитых советских танков *(«свыше 50»)* даже несколько меньше признанных в документах советских дивизий потерь (19 танков в 8-й тд и 36 танков в 81-й мд).

Как бы то ни было, но после потери 36 танков в танковом полку 81-й дивизии должно было оставаться порядка двухсот танков. Даже в той группе из 1-го и 4-го танковых батальонов, которая атаковала Немиров, должно было остаться 70–80 танков. Однако ЖБД 81-й моторизованной дивизии характеризует ее состояние следующим образом: *«С 20.00 остатки дивизии* (выделено мной. – *М.С.*) *совершают марш в р-н Язув-Новый, Шкло».*

В то время (вечер 24 июня), когда разрозненные подразделения двух советских дивизий отходили от Немирова, у местечка Краковец кипел ожесточенный бой (см. рис. 4). Журнал

боевых действий 49-го горно-пехотного корпуса вермахта описывает его весьма подробно и в самых драматичных выражениях. Проблема же в том, что ни с каким советским документом совместить это событие не удается; вечером 24 июня ни одной танковой части из состава дивизий 4-го мехкорпуса там вроде бы не было – а бой с советским танками был:

«Около 18.00 в полосе 68 пд возникла кризисная ситуация. Соединения противника, двигающиеся из Кохановка и лесов западнее и восточнее этого населенного пункта, при поддержке артиллерии и танков атаковали соединения дивизии в районе Свидница и Нагачув. 168-й разведывательный батальон и 3-й батальон 169 пп (из состава 68 пд) вынуждены оставить Свидница и отступить в Сколин. Танковые соединения противника, расположенные в Кохановка, двигаясь по обе стороны от (неразб.) *через Руда Краковецка, атаковали наши части в районе Краковец.*

Другие вражеские танковые части прорвали боевые порядки 169 пп в районе южнее шоссе у Росновка, Предборже (ныне Предворье, н.п. у шоссе в нескольких км восточнее Краковец. – *М.С.*) *и пробились в глубину вплоть до Предборже. 169 пп (без одного батальона) вынужден отступить в лес северо-западнее Росновка…*

525-й истребительно-противотанковый батальон, находившийся в лесу 2 км юго-восточнее Млыны (н.п. у шоссе, 7 км западнее Краковец. – *М.С.*)*, около 18.30 предоставлен в распоряжение командования 68 пд с целью отражения удара танковых частей противника в районе Краковец… После неудавшейся попытки опрокинуть наши части в районе Нагачув, части* [советской] *механизированной бригады, по всей видимости, пытаются прорваться в западном направлении через линию Кохановка, Свидница. Офицеры штаба корпуса убеждены, что 68 пд во взаимодействии с 1 гпд удастся нанести успешный контрудар и отбросить прорвавшегося противника…*

19.30 Командование корпуса получает по телефону донесение, в котором говорится, что шум канонады на восточном направлении стихает; по всей видимости, источник шума переместился еще дальше к востоку…» **[170]**

Что это было? Кто там воевал? Если читатель еще не окончательно запутался в круговерти номеров и дат, то он может вспомнить, что 22 июня по шоссе на запад к границе ушел стрелковый батальон 323-го мсп и одна танковая рота. Больше ничего в документах дивизии про них не сказано. Не исключено, что именно эти подразделения участвовали в бою у Краковец вечером 24 июня, но как-то мало верится, что одна танковая рота могла так взволновать командование немецкого корпуса. 8-я и 32-я танковые дивизии вечером 24 июня вроде бы находились в совершенно других местах (8-я отошла от Немирова на восток к Магеров, а 32-ю и вовсе загнали к Каменке-Бугской). Может быть, Краковец атаковали те самые, «выпавшие» из ЖБД дивизии два танковых батальона 53-го танкового полка 81-й мд? Некоторым косвенным подтверждением такой версии могут служить сами действия советских танкистов: от Кохановки они атакуют в трех разных направлениях, и еще какая-то группа наступает вдоль шоссе от Росновки, такое могло случиться только при полном отсутствии общего руководства…

Следующий день, 25 июня, стал последним днем боевых действий 81-й моторизованной дивизии. Состав соединения стал к тому моменту чрезвычайно причудливым: один батальон пехоты (в дивизию после боя у Радзехув вернулся 1-й батальон 323-го мсп), артиллерийский полк (вроде бы в полном составе), истребительно-противотанковый дивизион. Разведбат со всеми своими танкетками и бронемашинами исчезает бесследно (нет никаких упоминаний о его существовании и в последующих, июньских и июльских документах дивизии). К вечеру 25 июня в бой вступают и две танковые роты, где были остальные подразделения танкового полка дивизии – понять невозможно.

Накануне боя, в соответствии с приказом командира мехкорпуса № 007, дивизия вошла в подчинение командира 6-го стрелкового корпуса. Теоретически моторизованная дивизия стремительным ударом своих танковых и мотострелковых под-разделений должна была атаковать противника и выручить отступающую вдоль шоссе к Яворов 97-ю стрелковую дивизию. Практически 81-я мд превратилась в батальон пехоты с артполком, который, однако же, действовал очень слабо (*«к началу наступления 323 МСП артподготовка не предшествовала. Огневые позиции и точки* [противника]*, занимавшие высоты по обе стороны шоссейной дороги Яворув – Наконечнэ, подавлены не были»*. От мгновенного разгрома остатки 81-й мд спасло (ненадолго) лишь то обстоятельство, что в 5–10 км севернее шоссе противника атаковали части 32-й (а может быть, и 8-й) танковой дивизии 4-го мехкорпуса, именно они и приковали к себе силы и внимание противника.

В описании ЖБД 81-й мд события развивались следующим образом:

«В 13.00 части дивизии атаковали противника на восточной окраине м. Краковец, успеха не имели. Неоднократные попытки атаковать противника успеха не имели. 97 СД, на фронте которой развивали свои действия 323 МСП и 84 ПТД, с 16.00 начала неорганизованный отход, в результате на фронте остался [только] *323 МСП, который к этому времени понес до 80 % потерь личного состава и матчасти. В 19.00 под натиском превосходящих сил противника 323 МСП и 84 ПТД отошли в район Наконечнэ…*

В 18.00 представитель штаба 6-й Армии передал устный (?) *приказ командующего 6-й Армией: атаковать противника севернее Вельке Пшедмесце* (западное предместье г. Яворов) *на Лясек и высота 280. В 18.30 две роты танков 53 ТП пошли в атаку, успеха не имели, действия танков были самостоятельны, без поддержки артиллерии и пехоты».* И это, заметьте, при том, что пехота как раз к этому времени отступила до Вельке Пшедмесце, а артполк оттуда и не выходил.

Тем временем командование противника планировало и осуществляло свой замысел. Поскольку 1-й гпд и главные силы 68-й пд были связаны боем севернее шоссе, разгромить советские войска в районе Яворов было поручено 257-й пехотной дивизии:

«11.35. Концентрация больших сил противника у Яворов заставила штаб корпуса отдать приказ 257 пд, остающейся вне соприкосновения с противником – срочно открыть огонь артиллерии дивизии из района Поруденко по району Яворов, в особенности по восточному выезду из города и пересечениям дорог…»

Заслуживает пристального внимания дальнейшая судьба указания «срочно открыть огонь».

«13.25. 257 пд сообщает, что для предписанного приказом артналета на Яворов потребуется перегруппировка, которая займет около трех часов. В этот период времени обстрел Яворов невозможен. Наступление может быть выполнено силами двух пехотных полков.

13.40. По телефону из штаба корпуса передан приказ для 257 пд: а) 257 пд вести наступление силами только одной полковой группы, но с усиленной артиллерией, б) время – не ранее 16.30.

16.25. Предварительный доклад из 257 пд: Перед дивизией противник отсутствует. Дивизия выполняет артиллерийскую подготовку…

18.15. Командир корпуса разрешает 257 пд штурмовать Яворов. В случае плохого развития событий он принимает ответственность на себя…» **[170]**

Принимать ответственность не пришлось, события развивались (для немцев, разумеется) чрезвычайно успешно. В скупых строках ЖБД 81-й мд разгром дивизии описан так:

«В 17.30. (т. е. в 16–30 по «немецкому времени») *артиллерия противника открыла огонь из района рощи, что юго-западнее Наконечнэ (до двух дивизионов) по нашим огневым*

позициям артиллерии и транспортам. Огонь артиллерии корректировался самолетами. Наша артиллерия была подавлена.

В 20.00. завязался ожесточенный бой, восточная окраина Наконечнэ подвергалась ураганному огню артиллерии и минометов противника… Транспортные машины, находящиеся на шоссе, горели. Артиллерийские позиции, обстрелянные артиллерийским и минометным огнем противника, были оставлены. Попытка вытащить матчасть была без успеха. Огонь противника не подпускал к огневым позициям[65].

Общее руководство было прервано. Связи с частями не было. Прорвавшиеся к району Яворув подразделения были встречены огнем противника (т. е. подошедших с юга частей 257-й пд. – *М.С.*). *Часть боевых подразделений 97 СД продолжали отходить в направлении Яворув. За ними пошли подразделения 323 МСП и 125 АП, оставив матчасть. Были приняты меры со стороны командования к задержанию отходящих частей, но мероприятия эти трудно поддавались выполнению* (в переводе на человеческий язык – началось паническое бегство).

Группа начсостава с остатками 323 МСП заняла круговую оборону и так держалась до утра. Ожесточенная стрельба артиллерии, минометов и пулеметов, начавшаяся с 18.30 25 июня, к утру не прекратилась. Со всех сторон в небольшое кольцо, в которое были заключены остатки подразделений, сыпались снаряды и мины противника. Попытка прорваться на Яворув была безуспешна… Группа под командованием [командира дивизии] *полковника Вырыпаева, выходящая в направлении Лясек, была также встречена сильным огнем противника. Лишь только отдельные лица и небольшие группы к вечеру 26.6 и утру 27.6 прорвались из этого кольца…»*

В числе тех, кто из кольца не вырвался: командир дивизии, его заместитель, начальник штаба дивизии, начальник оперативного отдела штаба, начальник разведотдела штаба, начальник штаба артиллерии дивизии, командир 323-го мсп, начальник штаба 323-го мсп, его заместитель, командир 125-го артполка, его заместитель… Номинально дивизия все еще существовала, к исходу дня 27 июня в ее состав вернули 202-й мсп (задача по обеспечению порядка во Львове стала к тому времени уже не актуальной), назначили новых командиров – но все это было лишь бледной тенью того мощного моторизованного соединения, каким 81-я мд была всего лишь пять дней назад.

8-я Танковая дивизия

Главной ударной силой мехкорпуса были, конечно же, танковые дивизии (от моторизованной дивизии – в случае использования мехкорпуса в качестве слаженного механизма, а не «мешка» с батальонами и ротами – требовалось лишь поддержать главный удар и закрепиться на занятой местности). Главной составляющей 4-го мехкорпуса была (должна была стать) старая кадровая 8-я танковая дивизия. Дивизия была создана на базе 24-й танковой бригады, прибывшей во Львов в ходе «освободительного похода» 1939 г. Командовал дивизией полковник Фотченков, участник войны в Испании, кавалер ордена Ленина.

Вооружена и оснащена 8-я тд была на таком уровне, о котором в других танковых дивизиях Красной Армии могли только мечтать. Основу вооружения составляли новейшие танки: 50 КВ и 140 Т-34. Весьма весомым «аргументом» в бою с пехотой противника (а ничего другого, кроме пехотных дивизий, на «Львовском выступе» у немцев и не было) должны были стать 60 трехбашенных танков Т-28[66]. Всего лишь добавкой к такому изобилию смотрятся

[65] Чрезвычайно наглядная иллюстрация того, что такое дивизионный артиллерийский полк при грамотном его использовании.

[66] Танк был вооружен короткоствольной 76-мм пушкой (аналог полковой «трехдюймовки») в главной башне и двумя

«безнадежно устаревшие» (по мнению советских историков) легкие танки: 26 БТ-7, 20 Т-26 и 16 огнеметных ХТ-26. **[178]** Итого: 312 танков, причем учтены тут только исправные танки («1-я и 2-я категории»).

Танки – это только начало длинного перечня. Кроме них, в дивизии к началу войны числились 57 пушечных бронеавтомобилей БА-10, 39 легких бронемашин, 84 гусеничных тягача (включая 30 новейших «Ворошиловцев» с 400-сильным дизельным мотором), 78 автоцистерн разных типов, 967 грузовиков (в основном 3-тонные «ЗИС»), 135 специальных а/м (включая 24 машины понтонно-мостового парка, кинопередвижку, типографию, душевые и дезкамеру, а также «машину для перевозки катера»), 38 легковых автомашин, 177 мотоциклов. Особо отметим наличие 12 раций на автомобильном шасси, включая две мощные РСБ с дальностью связи в сотни км.

Отчет о боевых действиях 8-й тд (подписали его заместитель командира дивизии старший батальонный комиссар Подпоринов и заместитель начальника штаба капитан Шабалин) начинается с интереснейшей фразы: *«8-я танковая дивизия выход частей в район сосредоточения начала по приказу 4-го мехкорпуса 18 июня 1941 г.».* **[173]** 18 июня. За четыре дня до внезапного нападения Германии на СССР. В документах Прибалтийского ОВО эта дата (18 июня) встречается многократно, но в Киевском ОВО это пока единственный из обнаруженных мною подобных случаев.

Читаем дальше: *«21 июня 1941 г. в лесах восточнее Янув были сосредоточены: 8-й мотострелковый полк, 15-й и 16-й танковые полки и 8-й гаубично-артиллерийский полк в полном составе, остальные части дивизии до 22.06.41 находились в г. Львов. 22 июня по приказу 4 МК остальные части дивизии были выведены из Львова в район сосредоточения по мобилизации. Полный вывод частей дивизии был произведен к 16.00 22.06.41, где и было произведено полное отмобилизование* (выделено мной. – *М.С.*) *и ввод частей дивизии в бой».*

Итак, полнокомплектная, отлично вооруженная дивизия, своевременно поднятая по боевой тревоге и полностью отмобилизованная, готова к бою. Можно еще долго спорить о том, была ли «внезапность», а если и была, то для кого и что оказалось внезапным, но к 8-й танковой дивизии все эти споры отношения не имеют.

Как выше отмечено, отчет о боевых действиях дивизии составлен в августе, когда ход и исход этих действий был уже доподлинно известен. Только этим обстоятельством можно объяснить совершенно феерическую фразу, в которой составители отчета обрисовали задачу дивизии: *«Завести противника в заблуждение, создав мнение о наличии большого количества танковых соединений на участке 6-й Армии, что и достигалось переброской частей дивизии в составе 4 МК с одного фланга армии на другой. Цель была достигнута произведением больших маневров дивизии за 23–26.06.41 г.».* Маневры были большими, спору нет (см. вкл., рис. 5). Однако новейшими танками дивизию вооружали вовсе не для того, чтобы ограничить ее использование ролью «огородного пугала».

Боевой приказ № 001 командующего 6-й Армией был отдан в ночь с 22 на 23 июня. **[179]** В тот момент наибольшие опасения у командования Армии вызывал возможный удар немецких танков, прорвавших фронт соседней 5-й Армии, на юг, вдоль шоссе Мосты – Вельки, Жолкев, Львов. Соответственно 4-му мехкорпусу было приказано «*для задержания противника, в случае его прорыва в районе Мосты – Вельки, к утру 23.6.41 г. выбросить мотопехоту на рубеж Желдец, Турынка* (н.п. у шоссе, примерно в 10 км севернее Жолкев. –

пулеметами в боковых башнях. Пушка должна была уничтожать огневые точки обороняющегося противника; пулеметы, способные вести огонь в направлении под 90 град. к оси движения танка, носили жутковатое название «чистильщик траншей» и предназначались для уничтожения живой силы, укрытой в окопах; на основании опыта финской войны значительная часть Т-28 получила «нашлепку» на лобовую броню и по своей защищенности вполне соответствовала немецкому «тяжелому» танку Pz-IV.

М.С.)». Во исполнение этого приказа мотострелковый полк 8-й танковой дивизии выдвинулся на указанный рубеж, противника не встретил (48-й танковый корпус вермахта в это время развивал наступление строго на восток, на Радзехув и Берестечко) и в 18–30 *«убыл в распоряжение Командарма-6 в район Бжуховице* (северо-западный пригород Львова. – *М.С.*)». **[173]**

Убыл и больше в распоряжение дивизии не вернулся; таким образом 8-я тд еще до начала активных боевых действий осталась без пехоты. Этот факт (как, впрочем, и любой другой) следует оценивать в контексте реальных событий: если бы 8-я танковая отправилась в глубокий рейд, на 100–200 км в глубину обороны противника (именно это и делали в июне 41-го немецкие танковые дивизии), то отсутствие собственной мотопехоты могло бы стать губительным; в реальности же дивизия до момента своего окончательного распада действовала в полосе обороны своих войск, и пехоты там было (правильнее сказать – должно было быть) гораздо больше, чем один полк.

Следующий приказ (№ 002) командования 6-й Армии был отдан 24 июня (точное время в документе не указано). На этот раз 4-му МК предстояло, наконец, заняться тем, для чего мехкорпус создавался и к чему готовился. В точном соответствии с темой предвоенных учений («встречный бой и форсирование водной преграды») корпусу было приказано *«во взаимодействии с 97-й стрелковой дивизией в 14.00 24.6.41 г. нанести удар в направлении Нагачув, Залеска Воля* (н.п. у Яворовского шоссе, в 10 км к востоку от границы. – *М.С.*)*, разгромить противника, отбросив его за р. Сан».* **[180]**. Не пытайтесь найти соответствующие «стрелочки» на рис. 5. Ни одна дивизия 4-го МК не смогла дойти даже до исходной точки (местечко Нагачув) запланированного наступления.

В отчете о боевых действиях 8-й тд события дня 24 июня описаны предельно лаконично:

«15-й танковый полк при совершении марша в Язув Старый вел бой с частями противника в районе Немирув, уничтожив до батальона пехоты, 10–12 ПТО, 1 артиллерийскую батарею, 10 крупнокалиберных пулеметов, потеряв при этом 19 танков Т-34.

16 ТП в боях не участвовал.

МСП выполнял задачу по наведению порядка в гор. Львове и охранял подступы к Львов с западного направления». **[173]**

Теперь постараемся понять – что все это значит. В дивизии четыре полка (два танковых, артиллерийский и стрелковый). Боевую задачу выполняет только один. Артполк не упомянут вовсе, бездействие одного из двух танковых полков не удостоено каких-либо пояснений. Далее, каким образом, двигаясь из района сосредоточения дивизии (лес в 7 км северо-восточнее Янув) на Язув Старый, можно было оказаться у Немирова? Из немецких документов известно, что советские танки подошли к Немирову с востока, по дороге из Магерова, но как и зачем они на эту дорогу попали – непонятно. Вопрос тут не в географии, а в арифметике – то, что вело бой у Немирова, совершенно не похоже на танковый полк. Обратимся снова к Журналу боевых действий 71-й пехотной дивизии вермахта:

«11.40…Немедленное занятие позиций всеми наличными противотанковыми средствами (примерно две 50-мм ПТО и восемь 37-мм ПТО). Один танк врывается в Немиров и поворачивает на север, в сторону Врублячына (н.п. в нескольких км к северо-востоку от Немирова. – *М.С.*). *Значительные потери материальной части, раздавленной и расстрелянной танком.*

На удалении в 1 км следовали плотным строем около 18 танков, первый из которых был в упор уничтожен огнем ПТО на рыночной площади Немирова. Он перекрывает дорогу на север. В связи с этим следующие танки сворачивают на юг и на выезде из города встречаются с совершающим марш 171-м истребительно-противотанковым батальоном (под-

разделение 71-й пд), *который немедленно занимает позиции и уничтожает несколько танков.*

Следующие же походной колонной 8 танков на окраине города были перехвачены [огнем] *ПТО и остановлены перекрывшим дорогу первым подбитым танком. Они были по одному сожжены с помощью ПТО, противотанковых ружей и пулеметов*[67].

4 двигавшихся в конце общей колонны танка отклонились от предместья к северу и через поля атаковали северную окраину Немирова. Примерно в 500 м перед городом они были расстреляны ПТО и пехотными орудиями (в вермахте этим термином обозначались короткоствольные 75-мм и 150-мм пушки. – *М.С.*).

За атакой этих последних танков следует слабая атака пехоты, которая была остановлена примерно в 1 км северо-восточнее Немирова (время – около 13.00)…»

1, 18, 8, 4 танка. Даже если эти числа суммировать, то едва наберется половина танкового батальона, но суммировать их не надо, т. к. последние 4 явно входят в сумму предыдущих. С другой стороны, в написанной после войны «Истории 71-й дивизии» говорится про 35 советских танков, подбитых к полудню в районе Немирова, но не факт, что все они были из состава 8-й тд (совершенно не понятно, как можно было подбить КВ или Т-34 противотанковым ружьем, пулеметом или короткоствольным «пехотным орудием»). В любом случае, ничего похожего на атакующий танковый полк (полторы сотни танков) не просматривается; более того, если бы действовал полк (а не один батальон разрозненными группами), то и немецкая дивизия после такого воздействия «просматривалась» бы с большими прорехами…

Запись за 25 июня в отчете о боевых действиях 8-й тд начинается так: *«15 ТП в составе 54 танков в ночь на 26.06.41 вышел в район Магерув, разведкой было установлено наличие противника в Магерув. Танки 15 ТП на дистанции 150 метров танк от танка атаковал и вел ночной бой в местечке Магерув».* Тут нет опечатки – именно в ночь с 25 на 26 июня полк, съежившийся до размера батальона, подошел к Магерову. Это подтверждается записью в Журнале боевых действий 17-й Армии вермахта: *«26 июня. Вечером и ночью противник атаковал наши позиции силами тяжелых и сверхтяжелых танков в районе Рава-Русская и Магеров (что уже отмечалось в сообщении от 25.6). Атаки проводились частично в темноте при свете прожекторов…»* **[167]**

Откуда (откатываясь на восток от Немирова или двигаясь на север от Янува) танковый полк подошел к Магерову, где он был во вторую половину дня 24 июня и весь день до позднего вечера 25 июня – понять невозможно. Самое главное – почему в полку 54 танка, где остальные? Судя по отчету, подписанному теми же самыми людьми, накануне было потеряно всего 19 единиц… Как бы то ни было, ночной бой в Магерове шел с большим ожесточением и потерями с обеих сторон. В отчете 8-й тд читаем: «*Уничтожены батарея 75-мм пушек, батарея минометов, уничтожены и захвачены документы штаба 7-го артиллерийского полка противника, потеряв при этом 19 танков».*

Запись в ЖБД 17-й Армии вермахта проникнута глубокой обеспокоенностью: *«По поступающим сообщениям из войск, противодействовать сверхтяжелым танкам противника имеющимся противотанковым вооружением представляется затруднительным. Сообщения о бесполезности всех без исключения противотанковых снарядов и бронебойного снаряда для легкой полевой гаубицы следует перепроверить… Командованием было указано придать частям зенитную артиллерию. 97 лпд и 24 пд смогли отразить вражеские атаки, но понесли при этом значительные потери. В районе Магеров части наших войск*

[67] Примечательно, что эта глава в «Истории 71 пд» заканчивается фразой, дословно совпадающей с советским Полевым уставом (ПУ-39): *«Исход дела решает человек, который хорошо владеет оружием».*

попали в окружение. Вследствие этого воздушный налет на Магеров был отменен до следующего распоряжения…»

25 июня вступили в бой и два других полка 8-й танковой дивизии: *«3-й танковый батальон 16 ТП убыл в распоряжение штаба 6-го стрелкового корпуса в район Яворув, где вел с артиллерией и пехотой противника бой. 8 ГАП в течение дня вел бой с артиллерией противника в районе восточнее*[68] *Язув Старый».* **[173]** Точка. Больше про участие дивизии в сражении у Яворов не сказано ничего. Потери танков (если таковые были) не указаны. Почему полк превратился в «3-й танковый батальон», где при этом были 1-й, 2-й и 4-й батальоны? Ни одного упоминания о них в документах не обнаружено. Тут еще стоит пояснить, что тяжелые танки КВ находились именно в первых батальонах танковых полков.

Впрочем, и один батальон средних танков, которыми была вооружена 8-я тд, произвел на немцев сильное впечатление:

«11.50. Крупные бронетанковые силы противника из Яворов атакуют левый фланг 68 пд и правый фланг 1 гпд. Противник вновь и вновь наносит удары группами по 10–25 танков. Для отражения атаки выделен полностью 525-й истребительно-противотанковый батальон. Штаб 49-го корпуса оценивает обстановку следующим образом: в Яворов находится минимум одна танковая дивизия, которая ведет отчаянную борьбу.

16.35. Поступил предварительный доклад из 1 гпд: Дивизия отбивала контратаки противника, поддержанного танками, из Яворов и Язув Старый между 9.40 и 10.30. Отмечается сильный огонь артиллерии противника по дивизии днем (весьма вероятно, что это и есть последствия действий артполка 8-й тд. – *М.С.*)». **[170]**

К счастью для противника, продолжалось все это недолго. Запись за 26 июня в отчете о боевых действиях 8-й тд кратко констатирует:

«16 ТП в боях не участвовал. ГАП – в боях не участвовал». Вот так, коротко и просто закончился сокрушительный контрудар по наступающей немецкой пехоте у Яворова. Из района Магерова другой танковый полк дивизии также ушел. Описано это невнятной фразой: *«15 ТП с боями в м. Магерув производил эвакуацию оставшихся танков в м. Магерув».* **[173]**

Вот, собственно, и все. На этом история боевых действий танкистов 8-й тд во «Львовском выступе» заканчивается. На следующий день *«из остатков 15 и 16 ТП был создан сводный танковый полк»,* который по шоссе Львов – Буск убыл в распоряжение командира 15-го мехкорпуса для участия в контрударе на Берестечко. Если верить отчетам командиров 15 МК, «сводный полк из остатков» прибыл к ним в составе 65 (шестидесяти пяти) танков.

312 – 19–19 = 65? Даже с учетом не указанных в отчете потерь 3-го танкового батальона 16-го танкового полка в бою у Яворов, Язув Старый, цифры категорически не сходятся.

На эту странную арифметику я обратил внимание публики еще в 2004 г., в книге «Бочка и обручи». Предложил соответствующий термин: «танковый падеж». Возмущению патриотической общественности не было (и нет) предела, однако за прошедшие с тех пор девять лет никакого благопристойного объяснения исчезновению двух сотен танков так никто и не нашел.

32-я Танковая дивизия

Изначально в составе 4 МК были 8-я и 10-я танковые дивизии, но затем, после начала формирования «второй волны» мехкорпусов (февраль – март 1941 г.), 10-ю танковую пере-

[68] Так в тексте отчета, но почти наверняка это опечатка, а должно быть написано «западнее Язув Старый», т. к. восточнее Язува глухой лес, и противника в тот день там не было.

дали в формирующийся 15-й мехкорпус, а в состав 4 МК включили новую 32-ю танковую дивизию (сформирована на базе 30-й танковой бригады). Аналогичные «рокировки» происходили и в других мехкорпусах Киевского ОВО, в результате чего многие корпуса имели одну «старую», хорошо укомплектованную танковую дивизию, и «новую» дивизию, с большим порядковым номером и малым (а то и вовсе нулевым) количеством танков «новых типов». Характерный пример: 12-я и 34-я танковые дивизии 8-го мехкорпуса или 10-я и 37-я дивизии 15-го мехкорпуса (боевые действия этих соединений будут рассмотрены далее).

Мехкорпус Власова стал исключением из этого правила – новорожденная 32-я танковая дивизия в дополнение к 70[69] легким танкам Т-26 и 31 БТ-7 успела получить 49 танков КВ и 173 танка Т-34 (последняя цифра – абсолютный рекорд среди всех танковых дивизий Красной Армии). Стоит ли радоваться такому рекорду – большой вопрос. Наверное, разумнее было бы распределить дефицитные танки «новых типов» по-другому, обеспечив ими прежде всего «старые» кадровые, сколоченные и укомплектованные дивизии. Однако что сделано – то сделано, и получив в свое распоряжение дивизию, «под завязку» вооруженную новейшими танками, командование 6-й Армии и 4-го мехкорпуса могло бы озаботиться тем, чтобы привести количество вспомогательной техники в соответствие с наличием главного вооружения (танков).

Судя по тому, что *«инженерным имуществом дивизия была обеспечена на 28 %, особенно ощущался недостаток в шанцевом инструменте (пилы, лопаты, топоры)»,* история отпустила командованию мало времени. Наряду с отсутствующими топорами, были и более серьезные проблемы. Так, в мотострелковом полку дивизии числилось всего 60 грузовых автомобилей и 16 мотоциклов; понятно, что поднять таким количеством транспорта личный состав невозможно, и полк фактически превратился в обычную пехоту. Артиллерийский полк дивизии имел всего 19 тягачей СТЗ-5. **[181]** Судя по имеющимся документам, никому и в голову не пришло хотя бы перераспределить имеющиеся средства мехтяги между дивизиями корпуса (напомню, что в 81-й мд было 133 тягача, в т. ч. 20 «Ворошиловцев», для которых в составе моторизованной дивизии просто не было объектов для буксировки)[70].

Одним словом – проблемы с техническим оснащением 32-й тд были, и их достаточно много для того, чтобы подать их невзыскательному читателю в качестве «объективных причин» ошеломительного разгрома дивизии. При чуть более внимательном изучении реальных фактов становится видно и многое другое. Что касается мотострелкового полка без автомашин, то его постигла та же самая участь, что и вполне подвижные 8-й мсп 8-й танковой дивизии и 202-й мсп 81-й моторизованной дивизии – решением командования 6-й Армии и этот полк был изъят из состава танковой дивизии и выведен в резерв, караулить Львов и штаб Армии[71]. Там он и простоял до утра 28 июня, когда в соответствии с приказом № 009 командующего 6-й Армией полк был передан в подчинение командира 6-го стрелкового корпуса, а противник сам подошел к месту предстоящего боя. **[182]** При таком варианте использования мотострелкового полка наличие или отсутствие полного комплекта автотранспорта ничего принципиально не меняло.

В артиллерийском полку танковой дивизии по штату должно быть два дивизиона, 24 орудия (12 гаубиц калибра 122 мм и 12 гаубиц калибра 152 мм). 19 тягачей на 24 орудия, конечно же, мало, но это еще не катастрофа. Особенно, если принять во внимание факти-

---

[69] Такие цифры приведены в августовском докладе командира дивизии, однако по довоенным ведомостям в 32-й тд на 5 июня числилось 98 Т-26 в исправном состоянии.

[70] Тяжелый гусеничный тягач «Ворошиловец», оснащенный 400-сильным танковым дизельным мотором, предназначался для решения двух основных задач: буксировка артсистем большой и особой мощности (гаубицы калибра 203-мм и выше) и эвакуация (буксировка) тяжелых танков.

[71] Правды ради надо уточнить, что перед этим личный состав полка основательно погоняли: 22 июня совершен 30-км марш из Львова к Жолкеву, затем 12-км переход от Жолкев к Крехув и только после этого – возвращение во Львов.

ческое наличие в артиллерийском полку 32-й танковой дивизии 27 грузовиков ЗИС-5. Вес 122-мм гаубицы в походном положении, т. е. вместе с т. н. «передком» (колесная повозка, на которую при движении опираются станины орудия), составляет 2900 кг, что соответствует весу большого легкового автомобиля с пассажирами. В легком артиллерийском полку стрелковой дивизии такую гаубицу буксировали шестеркой лошадей – неужели 3-тонный грузовик обладает меньшим тяговым усилием? Наконец, мощнейшим «тягачом», на три головы превосходящим тихоходные СТЗ-5, мог стать любой из 173 танков Т-34, находившихся в дивизии.

Как, вероятно, уже догадался понимающий читатель, вся эта «теория» к практике никакого отношения не имеет, а вопрос был решен предельно просто: *«артиллерийский полк не был укомплектован тракторами и половину своей материальной части оставил на зимних квартирах»*. Итак, один дивизион оставили для буксировки 12 орудий другого дивизиона в наличии 19 тягачей. Теперь достаточно? Никак нет. *«Из-за отсутствия средств передвижения орудий их приходились перебрасывать в район сбора по тревоге в два рейса»*. Но и эта фраза в докладе о боевых действиях дивизии – не самая странная. Удивительнее другое: *«К началу боевых действий уровень боевой подготовки частей дивизии характеризуется следующим… 32-й гаубичный артиллерийский полк не успел провести ни одной стрельбы из орудий. Личный состав не был подготовлен к стрельбе в полевых условиях»*. **[181]**

Что значит «не успел»? Дивизия начала формирование в марте. В апреле на Западной Украине уже достаточно тепло, в мае бывает и жарко – самое время для занятий в поле. Нарком обороны Тимошенко после вступления в должность издал (16 мая 1940 г.) знаменитый приказ № 120, в котором потребовал *«учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне»*. Эта фраза, превращенная в лозунг, красовалась в каждом «красном уголке», была сто раз повторена на всех партсобраниях командного состава. И после этого трех месяцев не хватило артиллерийскому полку танковой дивизии, дислоцированной в 70 км от границы, чтобы хотя бы один раз поучиться тому, что предстоит делать на войне?

Доклад о боевых действиях 32-й танковой дивизии (подписан 2 августа 1941 г. командиром дивизии полковником Пушкиным) не содержит, к счастью, феерических фраз о том, что дивизия металась по фронту с целью введения противника в заблуждение – однако гоняли 32-ю тд с гораздо большим размахом, нежели 8-ю танковую (см. вкл., рис. 5). Первый день войны прошел относительно спокойно – дивизия вышла из места постоянной дислокации (пригороды г. Львов) и к 14 часам сосредоточилась в районе Ляс Загуменный (4 км юго-западнее Жолкева). Поздним вечером (в 23–00) поступил приказ отправить два танковых батальона дивизии в район Радзехува, для совместных со стрелковым батальоном 81-й мд действий против наступающей на Берестечко танковой дивизии противника; во исполнение этого приказа было выделено по одному батальону от каждого танкового полка дивизии.

Следующая запись в докладе вызывает вопросы: *«23 июня дивизия получила приказ во взаимодействии с 8-й танковой и 81-й мотострелковой дивизиями окружить и уничтожить противника в районе Дуньковице* (н.п. у Яворовского шоссе в 5 км восточнее границы. – *М.С.*). *Не пройдя 30 км до района Лозина* (н.п. в 6 км северо-восточнее Янув. – *М.С.*), *она получила в 10 часов на марше вторую задачу – уничтожить танки противника в районе м. Мосты-Вельки…*» **[181]** Кто отдал первый приказ? Командование 6-й Армии поставило задачу на наступление вдоль Яворовского шоссе к границе лишь 24 июня, напротив, 23 июня 4-му мехкорпусу было поручено действовать именно в северном направлении, на Мосты-Вельки, Пархач. Возможно, был какой-то приказ командира мехкорпуса, обнаружить который пока не удалось.

Дальше все происходит достаточно понятно и, увы, традиционно:

«Колонну дивизии пришлось поворачивать по одной дороге на 180 градусов. По прибытии в район м. Мосты-Вельки дивизия танков противника не обнаружила.

После выхода частей дивизии в район сосредоточения по инициативе командования дивизии (вот это как раз не традиционно. – *М.С.*) *была выделена танковая группа в составе 1-го танкового батальона 64-го танкового полка под командованием подполковника Голяс для совместных действий с 3-й кавалерийской дивизией в районе Пархач против частей 9-й пехотной дивизии противника. В 17 часов танковая группа Голяс сосредоточилась в ур. Черный Ляс и была готова к атаке, но был получен новый приказ командующего 6-й армией на уничтожение авиационного десанта и 300 танков противника в районе Каменка Струмилова* (на современных картах – Каменка Бугская, или просто Каменка. – *М.С.*). *Части дивизии и танковая группа Голяс стали выполнять новый приказ, но там танков противника не обнаружено, а в Каменка Струмилова были свои части…*

24 июня к 1 часу дивизия сосредоточилась в районе Дзибулки, Батятыче (н.п. в 6 км западнее Каменка. – *М.С.*), *организовав разведку в направлении Каменка Струмилова. В 11 часов был получен приказ к 15 часам сосредоточиться в районе Язув Старый* (т. е. за 4 часа пройти порядка 85 км. – *М.С.*), *отметка 236 с задачей во взаимодействии с 8-й танковой и 81-й мотострелковой дивизиями уничтожить противника в районе Ольшина, Хотынец, Млыны* (н.п. у Яворовского шоссе западнее Краковец. – *М.С.*)*… Дивизия, совершая марш по улицам гор. Львов, встретилась с встречным потоком боевых и транспортных машин 8-го механизированного корпуса. На улицах гор. Львов шли уличные бои с диверсантами. С большими трудностями, преодолевая уличные пробки машин, к 2.00 25 июня дивизия сосредоточилась в районе Яновский лес, Грабник…*»

Встреча «лоб в лоб» двух стальных потоков на узких улицах средневекового города не закончилась уничтожением сотен танков лишь потому, что «фаустпатрон» к тому моменту еще не был изобретен. Причина же происшествия была в том, что танковыми соединениями, оказавшимися на территории «Львовского выступа», командовали сразу все: 6-я Армия, штаб Юго-Западного фронта, лично тов. Жуков; в результате для переброски в район Броды использовали не 32-ю тд, которая уже находилась «в двух шагах» от автострады Буск, Броды, а 8-й мехкорпус, метавшийся на тот момент в юго-западном секторе «Львовского выступа».

Первый (он же и последний) бой 32-й танковой дивизии состоялся вечером 25 июня, между Язув Старый и Нагачув (см. рис. 4). В нескольких км южнее в то же самое время (вторая половина дня 25 июня) противника атаковали части 81-й мд, в первой половине дня там же вели бой один танковый батальон и артиллерийский полк 8-й танковой дивизии. Если верить докладу командира 32-й тд, он об этом даже не знал – в любом случае, никакие совместные действия трех дивизий одного мехкорпуса не просматриваются:

«В 10 часов [25 июня] *дивизия получила приказ командира 4-го механизированного корпуса, по которому дивизия должна была развить удар 6-го стрелкового корпуса в его наступлении* (от 6-го СК в том районе остались полуразбитые части одной, 97-й стрелковой дивизии. – *М.С.*), *но штаб 6-го стрелкового корпуса поставил танковой дивизии самостоятельную задачу – атаковать в направлении сильно укрепленного противотанкового района* (откуда на советской территории у противника, находящегося на марше, мог взяться противотанковый район, да еще и сильно укрепленный? – *М.С.*) *с наличием реки* (ручья, впадающего в речушку Ретычин. – *М.С.*) *и болотистой местности, не поддержав действия дивизии ни пехотой, ни артиллерией.*

К 14 часам дивизия сосредоточилась на исходных позициях Шипки, Тышыки, Борусы. В 18 часов 20 минут дивизия атаковала части 5-го армейского корпуса противника в направлении Басяки, Варенцы, Семерувка (н.п. в 7–8 км северо-западнее Язув Старый. – *М.С.*). *В результате боя уничтожено: танков* (которых там не было ни одного. – *М.С.*) –

16, 75-мм орудий – 4, противотанковых орудий – 8, прицепов с боеприпасами – 14. Наши потери – 15 танков». **[181]**

Судя по ЖБД 49-го горно-пехотного корпуса вермахта, главные события боя с танками в полосе Яворов, Нагачув происходили в первой половине дня, соответственно, к боевым действиям 32-й танковой дивизии они отношения не имеют. Появление танков КВ из состава 32-й тд на поле сражения, возможно, описано в следующих строках:

«1 гпд сообщает, что дивизия встретила наиболее тяжелые танки противника, до сих пор неизвестного типа (отсутствующие в наших руководствах), против которых противотанковые средства дивизии, включая 37-мм бронебойные снаряды PgGr40 (подкалиберные снаряды с карбид-вольфрамовым сердечником. – *М.С.*), *неэффективны. В отдельных случаях бойцы-истребители танков бросались на танки с ручными гранатами, связками гранат и пистолетами и выводили их из строя…»* **[170]**

В итоговых немецких сообщениях за день 25 июня выделить долю 32-й тд в потерях и успехах практически невозможно:

«22.15. Танковый корпус противника проводил в течение всего дня атаки из района Яворов крупными силами при поддержке танков и артиллерии против 68 пд и 1 гпд. Атаки были отбиты с большими потерями с обеих сторон.

26 июня 1941 г.

22.15. Штаб корпуса передал в армию следующий ежедневный доклад: В результате успешных оборонительных действий против танковых сил у Яворов противник в полосе корпуса отступает на юго-восток…

23.00. Зачистка полей сражений показала, что на участке фронта перед корпусом в ходе оборонительных боев с танками 24 и 25 июня было подбито минимум 100 танков и захвачено более 50 орудий…» **[170]**

И на этот раз немцы не сильно завысили количество подбитых советских танков. Потеря 15 танков признана в докладе командира 32-й тд, две танковые роты 81-й мд, скорее всего, были уничтожены полностью, понес какие-то потери и танковый батальон 8-й тд, который вел бой утром 25 июня. Вполне может набраться 70–80 единиц. Успех достался ценой больших (по меркам и представлениям вермахта) потерь. 26 июня решено было вывести 68-ю пехотную дивизию, как понесшую наибольшие потери, в резерв, заменив ее на фронте наступления корпуса 4-й горно-пехотной дивизией (это было соединение неполного состава, с двумя пехотными полками вместо положенных по штату трех).

В конкретных цифрах тяжелые потери в боях 24–26 июня были таковы: **[183]**

1-я гпд – убито 101, ранено 235, всего 336 чел.;

68-я пд – убито 114, ранено 433, всего 547 чел.;

257-я пд – убито 23, ранено 67, всего 90 чел.

Завершая разговор про сражение у Яворова, процитируем еще один примечательный фрагмент записи в ЖБД 49-го ГПК от 26 (это не опечатка) июня:

«11.00. Штаб 17-й Армии, принимая во внимание спокойную обстановку в воздухе (однако при активизации действий [авиации противника] *ранее существовавшее положение должно быть восстановлено), выделил для борьбы против тяжелых танков одну зенитную батарею, ныне находящуюся в районе Краковец для выполнения задач ПВО»*. Как видим, немецкие зенитки в количестве 4 штук (если речь идет про батарею тяжелых 88-мм орудий) появились, но уже «после драки». Стандартная же немецкая 37-мм противотанковая пушка в бою с новыми советскими танками была практически бесполезна, что в очередной раз подтверждается и в докладе командира 32-й танковой дивизии: *«Броня наших танков 37-мм пушками немцев не пробивается; были случаи, когда танк КВ имел до 100 попаданий, но броня не была пробита»*. **[181]**

В тот момент, когда противотанковая оборона противника трещала по всем швам и немецкие солдаты «*бросались на танки с ручными гранатами, связками гранат и пистолетами»,* бронированная махина 32-й тд развернулась и по проселочной дороге Яворов, Судова Вишня ушла на юг:

«26 июня в 4 часа дивизия получила приказ командира 4-го механизированного корпуса выйти в район Грудек Ягеллонски, Судова Вишня с задачей разгромить колонну в 300 танков противника, двигающуюся из Мосциска на Львов. К 18 часам (от Язув-Старый до Судова Вишня 30 км по дороге. – *М.С.*) *дивизия сосредоточилась в ур. Замлынье. Разведкой батальона танков 64-го танкового полка на рубеже реки у Судова Вишня были установлены передовые части 14-го пехотного полка противника, но танков противника в этом районе не оказалось….»*

Никаких немецких танков там и не могло оказаться в силу отсутствия таковых на всем фронте 17-й Армии вермахта. Но кто-то их увидел, и в Оперсводке № 09 штаба ЮЗФ от 20–00 26 июня все еще присутствуют *«механизированные части противника, подходившие к Судова Вишня с запада».* **[183]** Сразу же после бессмысленного марша к Судова Вишня 32-я танковая дивизия в 17 часов 26 июня получила приказ сосредоточиться в районе Оброшин (юго-западный пригород Львова) и «*быть готовой к действию на Любень Вельки* (н.п. на шоссе Самбор, Львов). *Дивизия совершила ночной 40-километровый марш. Таким образом, дивизия, снятая с яворовского участка, где могла бы оказать решающую помощь 6-му стрелковому корпусу, была переброшена на мостиское направление, где танков не оказалось, и в конце следующего дня отведена* [на] *10 км восточнее Грудек Ягельоньска и активной задачи не имела. По данным штаба корпуса, в районе Любень Вельки установлена группировка противника, фактически же этой группировки не было».* **[181]**

На этом действия 32-й танковой дивизии как ударного механизированного соединения закончились. 28 и 29 июня *«дивизия вела подвижную оборону по яновскому и грудек-ягельоньскому шоссе»,* неоднократно переходя в контратаки и сдерживая продвижение пехоты противника к Львову. Вечером 29 июня был получен приказ на отход за Львов. *«Во время прохождения через Львов части дивизии вели уличные бои, подавляя огневые точки в домах и на чердаках города. При отходе из Львов были уничтожены склады с боеприпасами, горючим, продовольствием и оставшейся материальной частью».* **[181]** Далее начался безостановочный отход на восток, с конечной точкой за Днепром.

Последние усилия

Вечером 26 июня в штабе 6-й Армии был подписан приказ № 005. В начале его была странная фраза: *«Армия, продолжая прикрытие сосредоточения войск, в течение 27.6.41 г. обороняет рубеж…»* Казалось бы, про операцию прикрытия можно было уже не вспоминать в ситуации, когда сосредотачивать стало практически нечего. Линия фронта (весьма условная линия в ситуации непрерывного отхода) проходила через Каменка Бугская, южный берег р. Рата (этот участок продолжала удерживать 3-я кавдивизия), Добросин, Старичи (н.п. в 15 км северо-восточнее Яворов), Грудек Ягеллонски, Любень-Вельки. **[184]** 41-я стрелковая дивизия и гарнизоны Рава-Русского УРа продолжали борьбу в условиях почти полного окружения. Далеко на западе, практически в глубоком тылу противника 99-я стрелковая дивизия 26-й Армии продолжала удерживать приграничный Перемышль и даже периодически контратаковать в направлении шоссе Перемышль, Судова Вишня (см. вкл., рис. 3).

Приказ № 005 санкционировал отход 41-й сд из полосы Рава-Русского УРа. В ночь на 27 июня дивизия, после пяти дней боев с многократно превосходящим противником, организованно отошла на Добросин и далее к Жолкев. Гарнизоны некоторых ДОТов укрепрай-

она продолжали вести огонь вплоть до 29–30 июня – и это не героическая легенда, а факт, подтверждаемый документами противника.

Пять дивизий 26-й и 12-й Армий, простояв в Карпатах шесть дней в бездействии, начали отход под давлением ничтожно малых сил противника (две «охранные дивизии», т. е. два пехотных полка с малочисленной артиллерией). Даже само командование ЮЗФ, докладывая в 22.00 28 июня в Генштаб, вынуждено было признать, что *«отход частей 26-й и 12-и армий в ночь на 28.6.41 г. на новый рубеж Любень-Вельки, Дрогобыч, Борислав, Тухля и далее вдоль госграницы совершен был без должного воздействия со стороны противника».* **[274]**

Последним рубежом обороны к западу от Львова могла стать цепочка озер реки Верещица, пересекающей две основные дороги по линии Янув, Грудек Ягеллонский, Любень-Вельки. Туда командование 6-й Армии выдвинуло два мотострелковых полка (изъятых ранее из состава 81-й мд и 8-й тд), два артиллерийских полка РГК (414-й и 445-й); на этот же рубеж отводились остатки 97-й сд и 81-й мд. Подкрепить оборону должна была и отведенная к западным пригородам Львова 32-я танковая дивизия. Силы были немалые, особенно с учетом весьма выгодных для обороняющихся условий местности – однако стихия отступления уже вполне овладела войсками. Состояние же войск в докладе Военного совета 6-й Армии от 29 июня характеризовалось следующим образом:

«41-я стрелковая дивизия понесла значительные потери, требует пополнения; 159-я стрелковая дивизия потеряла свое командование, была дезорганизована авиацией и совершенно небоеспособна, требует укомплектования; 97-я стрелковая дивизия понесла значительные потери, потеряла руководящий командный состав и требует вывода в тыл для пополнения… 81-я мотострелковая дивизия – сырая, плохо организованная, недообученная (дивизия была сформирована на базе 81-й стрелковой, ведущей свою историю с 1923 года. – *М.С.*). *Потеряла значительное количество личного состава и материальной части. 3-я кавалерийская дивизия – боеспособна, имеет твердый боевой дух».* **[185]**

Последние дни боев у западных пригородов Львова в Журнале боевых действий 17-й Армии вермахта описаны так:

«27 июня 1941 г.

…Первоочередной задачей армии теперь является энергичное преследование основных сил противника и установление с ним боевого соприкосновения, дабы втянуть его в бой.

12.50. В полосе наступления 49 ГПК и 4 АК противник избегает боя и отходит. Передовые части быстро продвигаются вперед. Около 16 часов разведывательные подразделения 49 ГПК практически достигли района озерного дефиле у Грудек Ягеллонский…

28 июня 1941 г.

Ранним утром было возобновлено преследование отступающих частей противника…

4-15. Передовые подразделения 4 гпд заняли ж/д мост у Каменноброд (н.п. в 5 км севернее Грудек Ягеллонский. – *М.С.*). *Мост не поврежден. 1 гпд достигла опушки леса западнее Янув…*

11–15. 49 ГПК (4 гпд и 1 гпд) удалось прорваться через озерное дефиле между большим водохранилищем у Грудек Ягеллонский и Янув…

14–45. В полосе наступления 4 гпд и 1 гпд, а также 257 пд, противник контратакует при поддержке танков. Контратаки были отражены, при этом было уничтожено 23 вражеских танка (в докладе командира 32-й тд эти события описаны так: *«В результате боя на рубеже ур. Ляс Мейский, Фл. Петерсгоф было уничтожено 3 танка, 4 легковые машины, 150 мотоциклов, подавлена 1 батарея, 8 минометов и до 400 человек пехоты противника. Наши потери – 8 танков»*).

29 июня 1941 г.

С раннего утра и до полудня отмечается продвижение наших войск по всему фронту, местами очень больших масштабов.

06.30. Части 257 пд прорываются через цепь озер близ Черляны, Грудек Ягеллонский. Противник защищался малыми силами, но достаточно упорно. Была выслана разведывательная партия в сторону Любень Вельки. Мосты в районе Черляны и Грудек Ягеллонский были взорваны противником.

4 гпд выступила из района по обеим сторонам р. Мшана в сторону Рудно (западный пригород Львова. – *М.С.*). *В первой половине дня на рубеже Рудно противник контратаковал с использованием танковых подразделений, в т. ч. и сверхтяжелых танков* (в докладе о боевых действиях 32-й тд читаем: *«В 7 часов 63-й танковый полк контратаковал противника в районе Конопница, Феерувка и во взаимодействии с 8-м мотострелковым полком уничтожил 8 орудий, 11 противотанковых орудий, 5 транспортных машин и 100 мотоциклов»*). *Контратаки поддерживала вражеская бомбардировочная авиация со стороны Львова. Контратаки врага были отражены…*

30 июня 1941 г.

04.20. Львов был взят без боя частями 1 гпд…» **[167]**

День 30 июня 1941 г. надолго останется в истории города, казалось бы, и без того повидавшего на своем веку много страшного. Удушливый трупный смрад висел над Львовом, в районе городских тюрем и вовсе невозможно было находиться без респиратора. Расстрелы заключенных начались еще вечером 24 июня, а погода в те дни стояла очень жаркая.

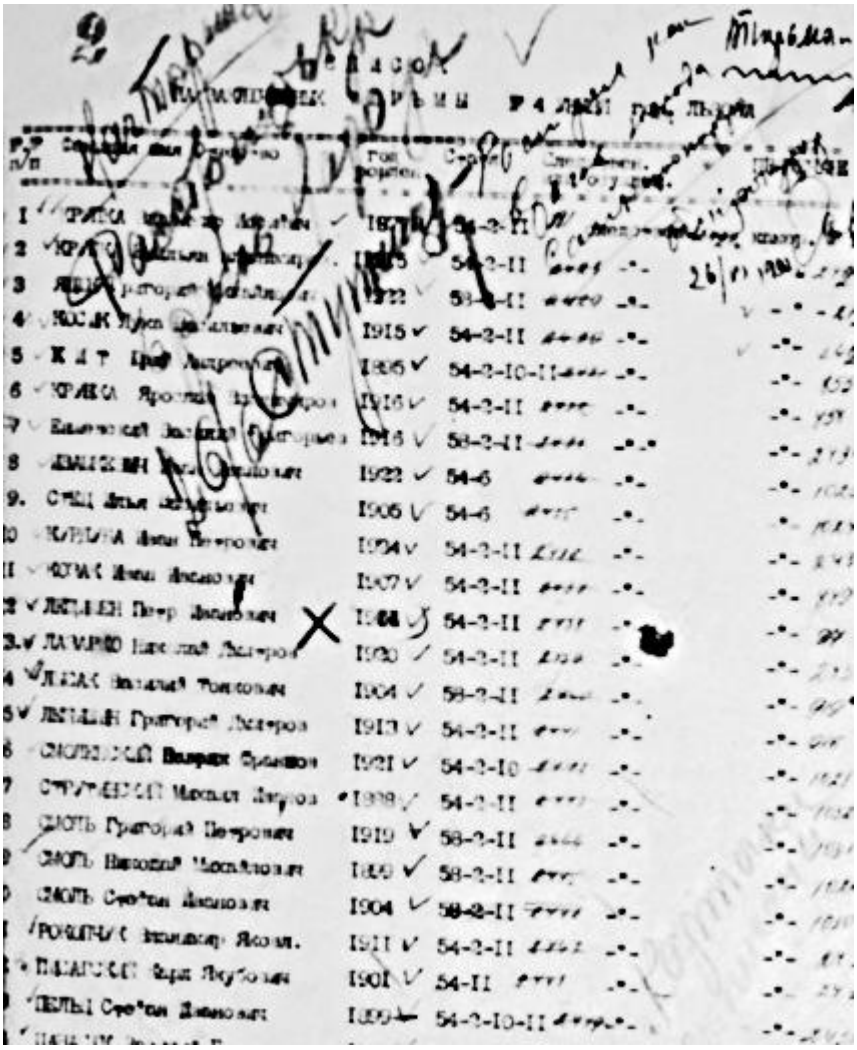


Рис. 16. Список заключенных львовской тюрьмы с распоряжением о расстреле

Судя по отчету от 12 июля 1941 г. начальника тюремного управления НКВД Украины капитана госбезопасности А.Ф. Филиппова, из львовских тюрем было «эвакуировано по 1-й категории» 2464 заключенных[72]. (Рис. 16). В донесении штаба 49-го горнострелкового корпуса в штаб 17-й Армии от 12.00 01.07.41 г. эта «эвакуации по 1-й категории» была описана так:

«*После вступления немецких войск 30.6.41 во Львов в трех тюрьмах города были обнаружены несколько сот трупов мужчин и женщин, которые были убиты в течение последних дней. Так, в подвалах военной тюрьмы Львова только в одной камере были обнаружены около 120 трупов мужчин и женщин, сложенных друг на друга…Как показал осмотр обнаруженных трупов, убийству предшествовали жестокие пытки и истязания. На всех частях тела трупов имеются тяжелые ранения от ударов и уколов…*»

Ведомство доктора Геббельса «отработало ситуацию» по полной программе: привезли кинофотокорреспондентов, позднее выпустили целую книгу писем немецких солдат, в которых они рассказывают об увиденном (цитировать это невозможно). Пять десятилетий советская пропаганда яростно отрицала факт массового убийства заключенных, но так как слишком много людей видели горы изуродованных трупов, то была придумана «правильная», закрепленная в фундаментальной 6-томной «Истории ВОВ» трактовка событий:

«Для проведения террора фашистское командование использовало специальный батальон под кодовым названием «Нахтигаль»… Батальон «Нахтигаль» был создан 2-м отделом разведки вермахта зимой 1940/41 г. и укомплектован антисоветскими элементами, специально подготовленными к диверсионной и террористической деятельности[73]*. Террористские банды из батальона «Нахтигаль» врывались в дома мирных жителей, вытаскивали их из квартир, свозили на тюремный двор* (выделено мной. – *М.С.*) *и там зверски уничтожали. Три тысячи адвокатов, врачей, инженеров и других представителей интеллигенции пали жертвой террора в ночь на 2 июля…»* **[275]**

В тот же день, 30 июня 1941 г., под грохот канонады прибывшая во Львов группа руководителей бандеровского крыла ОУН провозгласила создание суверенной украинской державы и сформировала «правительство» из самих себя. Несмотря на все заверения в преданности, несмотря на плакаты и листовки с лозунгом «Heil Hitler! Слава Гітлерові», расклеенные бандеровцами по всему городу, немцы были крайне возмущены фактом самовольного, не согласованного с Берлином создания «правительства» на территории, занятой ценою крови немецких солдат. 9 июля «глава правительства» Стецко был арестован и доставлен в Берлин, куда под конвоем доставили из Кракова и самого Бандеру. 15 июля их в целости и невредимости отпустили, но «черная кошка» между несостоявшимися союзниками пробежала, а «искра», зажженная 30 июня 1941 г. во Львове, разгорелась в пламя гражданской войны, полыхавшей в Галичине аж до конца 40-х годов…

[72] По оценкам современных историков, убитых было значительно больше (до 3,5 тыс. человек), т. к. часть узников была арестована в самые первые дни войны и их нахождение в тюрьме не было оформлено документально.

[73] Батальон «Нахтигаль» («Соловей») был боевым подразделением украинских националистов, созданным под эгидой абвера; подчинялся руководству бандеровской ОУН. В качестве «офицера связи» вермахта при штабе батальона служил Т. Оберлендер, который в послевоенной Западной Германии стал министром по делам переселенцев. Так как деятельность этого министерства (да и сам факт его существования) крайне раздражала советское руководство, то решено было развязать кампанию дискредитации Оберлендера. Вот так на страницах советских пропагандистских изданий и всплыл батальон «Нахтигаль» с массовым убийством во Львове.

Глава 2.3
Дубно

В планах командования вермахта львовское направление было всего лишь полосой вспомогательного удара. Главные события должны были развернуться на фронте 6-й Армии, которой предстояло прорвать приграничные укрепления у реки Буг и ввести в прорыв два корпуса 1-й Танковой группы. В утвержденных 2 мая 1941 г. командованием 6-й Армии «Указаниях по выдвижению» задача одного из этих корпусов формулировалась так:

«48-й Танковый корпус захватывает переправы через р. Буг с обеих сторон Сокаля, прорывает приграничные позиции противника и открывает путь для своих моторизованных соединений через Тартаков, Стоянув, Радзехув для продвижения через Лешнев на Дубно («центральная танковая дорога»). Важно как можно быстрее (внезапно) захватить переправы через р. Стырь у Шуровице и Берестечко.

11-ю танковую дивизию держать как можно ближе к Сокалю, чтобы после взятия пехотными дивизиями восточного берега Буга ее можно было в случае необходимости быстро подвести для прорыва глубоко эшелонированных позиций противника. После прорыва моторизованные силы корпуса могут быть направлены на Радзехув также и через Крыстынополь». **[187]**

Прорыв к Берестечко

Задача, особенно на первом этапе ее решения, была непростой: предстояло форсировать реку Буг, прорвать укрепления Струмиловского УРа, форсировать реку Стырь; лишь после этого открывалась возможность выйти на асфальтированную ленту шоссе Броды – Дубно. (Рис. 17.)

Рис. 17. Полоса наступления 48-го танкового корпуса вермахта

Местность в полосе от Буга до Стыри – это влажная луговина, лес, местами заболоченный, множество мелких речушек; дорог с твердым покрытием мало или их нет вовсе. Основное «шоссе» от Сокаль на Радзехув, Берестечко описано в ЖБД службы тыла 1-й ТГр вермахта (запись от 24 июня) следующим образом: *«Хотя начальник отдела тыла едет на мотоцикле с коляской и нигде не ждет, на проезд 30 км у него уходит 4 часа. Различие между шоссе и проселочной дорогой состоит только в том, что шоссе шире…»* **[230]**

Для немцев условием достижения успеха в такой ситуации становился высокий темп наступления – им надо было захватить переправы на р. Стырь (60 км к востоку от границы) раньше, чем захваченный врасплох противник (Красная Армия) успеет подтянуть резервы и организовать устойчивую оборону. И при взгляде на ситуацию с другой стороны фронта главным становился фактор времени: смогут ли расположенные у границы войска совместно с гарнизонами укрепрайона задержать противника на время, необходимое для выдвижения на рубеж р. Стырь подвижных противотанковых соединений.

В силу незавершенности развертывания войск Юго-Западного фронта 22 июня у границы, в полосе Сокаль, Крыстынополь оказалась одна-единственная 124-я стрелковая дивизия (27 СК, 5-я Армия) и 21-й корпусной артполк. Предотвратить прорыв фронта такими силами было невозможно – на другой стороне Буга командование вермахта сосредоточило четыре (111, 75, 57, 297-я) пехотные дивизии. Задержать противника, снизить темп его продвижения теоретически представлялось возможным – принимая во внимание наличие речной преграды и железобетонных ДОТов укрепрайона. Струмиловский УР ничем принципиально не отличался от Рава-Русского, те же по конструкции и вооружению ДОТы, примерно в том же количестве (строилось порядка 180, построили и вооружили на 100 меньше) – но там не нашлось своего генерала Микушева. Результат отчетливо виден в записях Журнала боевых действий 48-го Танкового корпуса вермахта:

«03.15. Противник полностью захвачен врасплох и поначалу практически не оказывает сопротивления. Важнейший мост в районе Сокаль находится в наших руках в неповрежденном состоянии. Форсирование Буга проходит без происшествий…

05.00. Организованного сопротивления противника все еще не наблюдается…

09.45. Наступление пехотных дивизий развивается успешно. Части 57 пд ведут бой за высоту 234 севернее Переспа… 75 пд продвигается в направлении Тартаков (н.п. в 12 и 8 км к востоку от границы. – *М.С.*). *В этом районе противник отступает на восток. Военные мосты в полосе 57-й пд и 75-й пд уже построены.*

11.55. Командующий корпусом оценивает состояние противника как состояние полной растерянности, отмечает отсутствие организованного сопротивления, а также отсутствие у противника свежих резервов… Мост у Крыстынополь также был захвачен неповрежденным…

13.30. К настоящему времени еще продолжается сопротивление ДОТов в районе колонии Rawszczyn; эти огневые точки держат под обстрелом некоторые участки дороги, предназначенной для передвижения танков. ДОТы построены по последнему слову инженерной науки…

15.00. Пехотные дивизии достигли первого рубежа наступления (дорога Тарктаков – Переспа)…

20.00. Разведывательным подразделениям 57 пд удается продвинуться в направлении Торки (н.п. в 20 км к востоку от Сокаль. – *М.С.*).

Общая оценка ситуации:

Первый день боев принес полный успех. Сильные укрепления противника по р. Буг были прорваны в результате смелой атаки наших войск, которые сумели вклиниться в расположение противника на глубину до 20 км…» **[188]**

В создавшейся ситуации еще оставалась возможность отвести сохранившие боеспособность части 124-й сд на восток и перейти к подвижной обороне – благо лесисто-болотистая местность со множеством речных преград благоприятствовала обороняющейся стороне. Однако утром 23 июня командующий 5-й Армией в Боевом приказе № 3 потребовал от 27-го стрелкового корпуса *«перейти в решительное наступление на всем фронте».* **[189]** Владимирский (на момент начала войны – зам. начальника оперативного отдела штаба 5-й Армии) в своем исследовании, правда, утверждает, что *«генерал-майор Потапов не строил иллюзий относительно исхода предстоящих действий»,* а приказ о наступлении отдал во исполнение указаний командования фронта. **[43]** Как бы то ни было, попытка наступать дезорганизованными силами на превосходящего в численности противника закончилась тем, что к исходу дня 124-я дивизия была отброшена на рубеж Печихвосты, Дружкополь (н.п. в 20 км восточнее линии Тартаков, Переспа), а затем окружена и разгромлена в районе Милятин[74].

В документах противника боевые действия пехотных частей за 23 июня отражены следующим образом:

«Положение пехотных дивизий:

57 пд преодолела незначительное сопротивление противника, достигла рубежа Переспа, Спасов (н.п. в 5 км восточнее Переспа. – *М.С.*) *и продолжает наступление… 75 пд также наступает в хорошем темпе, встречая при этом незначительное вражеское сопротивление.*

17.00 57 пд, несмотря на плохое состояние дорожной сети, продолжила неустанное преследование противника, оказывающего лишь слабое сопротивление, и достигла рубежа Стоянув, Волица-Дружкопольска.

В 15.30 была обнаружена колонна из частей неприятеля (в их составе находятся и танковые подразделения), движущаяся из Порицк (н.п. в 20 км северо-восточнее Сокаль. – *М.С.*) *в западном направлении… По данным пленных солдат противника, в задачу этой колонны входит захват мостов в районе Сокаль. Против этих частей противника, угрожающих нашим флангам и линиям снабжения, корпус может противопоставить лишь ограниченные силы…»* **[188]**

В то время как на левом (северном) фланге 48 ТК немецкая пехота «преодолевала незначительное сопротивление противника», моторизованные передовые отряды безостановочно продвигались на восток, причем мотоциклисты значительно обогнали танковые части, завязшие в болотистом районе северо-восточнее Радзехува. Первым (в 17.00, судя по записи в ЖБД корпуса) успеха добился мотоциклетный батальон 11-й танковой дивизии, «*в ходе смелой атаки захвативший неповрежденными мосты через р. Стырь в районе Мерва* (н.п. в 5 км юго-западнее Берестечко. – *М.С.*) *и Берестечко».* Около 18–30 мотопехотный полк 11-й тд вышел к р. Стырь у Шуровице, где вынужден был остановиться перед взорванным мостом. В 9 часов вечера 23 июня разведбат 57-й пехотной дивизии форсировал Стырь в районе Пляшева (6 км вниз по течению от Берестечко, 65 км к востоку от границы).

Итоговая запись в ЖБД 48 ТК за 23 июня:

«В этот день дивизии корпуса показали выдающиеся достижения. Сегодня войска по-настоящему узнали, что значит русское бездорожье. Дивизии, двигающиеся в пешем порядке, вынуждены шагать в клубах пыли при сильной жаре по грунтовым дорогам рядом

[74] Остатки дивизии утром 26 июня вырвались из окружения, отошли на север и, пройдя несколько сотен км по украинскому Полесью, 24 июля в районе Белокоровичи перешли через линию фронта. Всего вышло порядка 1,5 тыс. человек с тремя орудиями. Командир дивизии генерал-майор Ф.Г. Сущий умер от ран 14 июля 1941 г.

с шоссе, по которому идут танки. Да и шоссе имеет в основном грунтовое покрытие и вообще находится в плачевном состоянии…»

Командование 48 ТК считало, что его успехи могли бы быть еще большими, если бы не мешало вышестоящее руководство (штабы 1-й ТГр и 6-й Армии). Записи в ЖБД корпуса за 22 и 23 июня переполнены описанием споров с начальством по вопросу введения в бой танковых дивизий. В то время как командование корпуса уже в 6-30 22 июня предложило немедленно ввести в бой 11-ю танковую дивизию, высшее командование проявило осторожность (как показали дальнейшие события – излишнюю) и запретило использовать танковые соединения прежде, чем пехота закрепится на восточном берегу Буга. В конечном счете 11-я тд начала выдвижение через мосты у Сокаль лишь в 15–00 22 июня, и поздним вечером ее передовые подразделения дошли до Стоянув, Радзехув; полностью же дивизия перешла через Буг лишь к 5 утра 24 июня. Что же касается второй танковой дивизии корпуса (16 тд), то она получила приказ приступить к переправе через Буг в 14–00 24 июня.

Едва ли не главным препятствием, связанным с действиями противника, стали для немцев несколько узлов обороны Струмиловского УРа в районе Крыстынополь и Сокаль. Оказавшись в полном окружении, гарнизоны этих ДОТов в течение 4 дней вели бой. Запись в ЖБД 48 ТК от 25 июня: *«Сопротивление оказывают примерно 20 ДОТов, противник обороняется исключительно упорно и сражается до последнего патрона. 51-й саперно-штурмовой батальон* (специальное подразделение для уничтожения ДОТов. – *М.С.*) *все еще занимается подавлением отдельных огневых точек».* Разумеется, забор, в котором из 10 досок отсутствуют 9, не может стать полноценной преградой, однако и героическое сопротивление в единичных точках фронта сильно мешало продвижению противника: «*24 июня. 09.30. 16-я тд пока еще не может двигаться по шоссе Крыстынополь-Радзехув, так как вражеские ДОТы в этом районе не подавлены… Обойти ДОТы, используя лесные дороги севернее шоссе, совершенно невозможно ввиду их непригодности для продвижения моторизованного транспорта».* **[188]**

И общие принципы оперативного искусства того времени, и вполне конкретный план прикрытия Киевского ОВО предполагали, что прорыв крупных моторизованных соединений противника будет отражен введением в бой подвижных резервов: ПТАБРов и мехкорпусов. «*Задача противотанковых артиллерийских бригад – на подготовленных рубежах встретить танки противника мощным артиллерийским огнем и совместно с авиацией задержать их продвижение до подхода и контрудара наших мехкорпусов. Задача мехкорпусов – развертываясь под прикрытием противотанковых артиллерийских бригад, мощными фланговыми и концентрическими ударами, совместно с авиацией, нанести окончательное поражение мехчастям противника и ликвидировать прорыв».* **[190**)

Да, в сравнении с теми «крупными моторизованными соединениями противника», которые рисовали на картах предвоенных командно-штабных игр (по несколько тысяч танков на одном операционном направлении), реальная 11-я тд вермахта смотрится весьма бледно. В ее составе было всего 143 танка, из них только 67 – средние, с частичным противоснарядным бронированием (20 Pz-IV и 47 модернизированных Pz-III с 50-мм пушкой). Даже не упоминая более фантастические довоенные нормативы использования ПТАБР, уместно предположить, что одна противотанковая бригада (120 пушек калибра от 76 мм и выше) должна была если и не уничтожить полностью, то уверенно «ополовинить» 11-ю танковую дивизию.

Ничего подобного, однако, не произошло. Ни одна противотанковая бригада не помешала наступлению 11-й тд (а затем и всего 48 ТК в целом) на Берестечко, Дубно. И что самое удивительное – это никого не удивило. Ни командование Юго-Западного фронта (в известных документах июня 41-го нет даже малейших упоминаний этого вопроса), ни многоты-

сячную армию советских военных историков. Для кого и для чего, в таком случае, составлялись предвоенные планы?

В Киевском ОВО в соответствии с апрельскими директивами Наркомата обороны создавалось пять ПТАБРов. **[191]** Две из них (3-я и 4-я) формировались в районе, соответственно, Гайсин и Винница, т. е. у южного основания «Львовского выступа»; привлечь их к боевым действиям у Берестечко, Дубно едва ли было возможно – не столько из-за расстояния и трудностей марша, сколько в силу озабоченности командования фронта угрозой со стороны мифической группировки танковых сил противника в Румынии. На правом (северном) фланге ЮЗФ теоретически могли быть введены в бой три бригады: 1-я, 2-я и 5-я. План прикрытия КОВО предполагал достаточно сложную «рокировку», а именно:

5-я ПТАБР из района Белокоровичи (60 км северо-восточнее Новоград-Волынского) форсированным маршем выдвигается на запад, к местечку Торчин у шоссе Владимир-Волынский, Луцк.

1-я ПТАБР из района Ровно, Луцк уходит на юг, к местечку Соколувка (севернее шоссе Буск, Броды).

2-я ПТАБР из района Тарнополь, Скалат выдвигается на запад в Винники (юго-восточный пригород Львова).

Фактически же 5-я ПТАБР к моменту начала войны не была укомплектована техникой и вооружением, да и по расчету времени не успела бы пройти 250 км до запланированного района сосредоточения. Исходя из этого, командующий 5-й Армией своей властью запретил «рокировку» 1-й ПТАБР на юг; бригада осталась в районе довоенной дислокации и вступила в бой на шоссе Владимир-Волынский – Луцк (об этих событиях пойдет речь в следующей главе). Оставалась, однако, 2-я ПТАБР и автомагистраль Тарнополь, Кременец, Дубно, по которой бригада могла выйти или непосредственно к Дубно, или через Кременец, Козин к Берестечко. Еще один возможный маршрут выдвижения – по шоссе от Тарнополь на Золочев, Броды, Лешнев. Расстояние и в том, и в другом случае не превышает 150 км, тихоходные тягачи при скорости в 8 км/час могли проползти его за один световой день, с поправкой на порядки и организованность Красной Армии – за двое суток.

Как «знают все», ПТАБРы до начала войны не успели получить положенные им средства мехтяги и вот поэтому-то не смогли воевать. К сожалению, никто еще не пытался ответить на вопрос: почему не успели? Что помешало? Для полного укомплектования по штатным нормам пяти ПТАБРов требовалось 825 тягачей. Еще один первоочередной получатель – мехкорпуса; их в КОВО было восемь (считая даже формирующийся 24-й, в котором и тягать-то было нечего), и для полного укомплектования им требовалось суммарно 2816 тягачей. В войсках округа числилось – еще до начала открытой мобилизации – 6865 тягачей. Где тут неразрешимая проблема?

Уместно также напомнить, что артиллерийский тягач – это не уникальная техника, не самолет, не танк и не радиостанция; в качестве тягача для орудий среднего калибра могли быть использованы (и повсеместно использовались на протяжении всей войны) обычные сельскохозяйственные трактора, которых на колхозных полях были многие тысячи. Наконец, для буксировки тех четырех дивизионов артбригады, которые были вооружены 76-мм пушками, мог быть использован любой грузовик (вес орудия – полторы тонны, как у легкового автомобиля без пассажиров).

Самое же главное заключается в том, что вся эта «теория» никакого отношения к практике боевого (не)применения 2-й ПТАБр не имеет: по состоянию на 18 июня в Скалат (т. е. в район дислокации бригады) из ресурсов центра было отгружено 25 тяжелых дизельных СТ-2 и 68 СТЗ-5, 250 трехтонных грузовиков ЗИС-5 и 200 «полуторок» ГАЗ-АА. **[192]** Таким образом, наличным количеством тягачей вопрос буксировки 72 орудий (еще не факт, что все они были в наличии) калибра 85 мм и 107 мм был решен полностью; оставшиеся без гусе-

ничного тягача «трехдюймовки» могли быть перевезены (причем с гораздо большей скоростью) автомашинами. Увы, ничего этого в реальности сделано не было…

15-й мехкорпус

Как было уже сказано, «окончательное поражение мехчастям противника» в соответствии с предвоенными планами должны были нанести мехкорпуса. Ближе других к полосе прорыва 48 ТК вермахта находились 4-й мехкорпус (оперативно подчиненный командованию 6-й Армии) и 15-й мехкорпус (резерв командования фронта). Попытка действовать «по уставу» была предпринята – во второй половине дня 22 июня боевым распоряжением (б/н) ЮЗФ командующему 6-й Армией было приказано *«частями 4-го механизированного корпуса из района Жолкев нанести сильный контрудар и уничтожить противника совместно с отрядом 15-го механизированного корпуса, выделенным для ликвидации авиадесанта противника в Радзехув».* **[193]** Однако командующий 6-й Армией генерал-лейтенант Музыченко был не из тех, кто легко расстается со своим кровным; в результате для действий в «чужой полосе обороны» был направлен не мехкорпус, и не одна из его дивизий, а два танковых батальона 32-й тд и один стрелковый батальон 81-й мд.

Отметим характерную для взаимоотношений сталинских генералов деталь: в Опер-сводке № 01 штаба 6-й Армии сказано: *«В 16 часов 30 минут из состава 32-й тд выделено два танковых батальона и батальон мотопехоты от 81-й мд для контратаки в направлении Радзехув».* **[194]**

Однако в докладе командира 32-й танковой дивизии указано совсем другое время: *«В 23 часа третьи батальоны танковых полков на основании приказа командира 4-го механизированного корпуса выступили в район м. Холоюв с задачей разгрома противника в районе Радзехув».* **[181]** Громили противника (с активностью и результатом, о которых будет сказано далее) они в течение одного дня 23 июня, а 24 июня получили приказ возвращаться в свои дивизии. Таким образом главным действующим лицом сражения у Радхезува, Берестечко предстояло стать одному 15-му мехкорпусу.

15-й мехкорпус уверенно входил в группу «трех богатырей» (4 МК, 8 МК, 15 МК) Юго-Западного фронта. Главной ударной силой корпуса была «старая» кадровая 10-я танковая дивизия под командованием генерал-майора Огурцова. По состоянию на 1 июня 1941 г. в дивизии в исправном состоянии числилось: 63 танка КВ (из них 57 единиц «1-й категории», т. е. совершенно новые), 38 танков Т-34 (все 1-й категории), 40 трехбашенных Т-28, 168 легких БТ-7, 25 Т-26 (в т. ч. 8 огнеметных), всего 334 танка. В два с лишним раза больше, чем в немецкой 11-й танковой дивизии при несравнимо более высоких ТТХ. А также: 56 пушечных бронеавтомобилей БА-10, 27 легких БА-20, 86 тягачей (в т. ч. 30 «Ворошиловцев»), 908 грузовых и 43 легковых автомобиля, 74 автоцистерны, 13 «полковых» раций 5-АК на автомобильном шасси и 4 мощные рации РСБ. **[195]**

Недавно сформированная (на базе 18-й танковой бригады) 37-я танковая дивизия под командованием полковника Аникушкина новой техники получила значительно меньше: 1 танк КВ и 34 танка Т-34. Основным вооружением были легкие танки: 254 БТ-7, 23 Т-26 (все «2-й категории»), всего в дивизии 312 боеготовых танков. Бронеавтомобилей было совсем мало: 14 БА-10 и 10 БА-20. Как и во всех новых механизированных соединениях, главной бедой была низкая укомплектованность автотранспортом и средствами мехтяги артиллерии; по состоянию на 1 июня в дивизии числились: 31 тягач, 329 грузовых, 154 специальных и 18 легковых автомашин, 86 автоцистерн (вот по этому показателю дивизия мало кому уступала). Средств радиосвязи было традиционно много: 17 раций 5-АК и 2 мощные, но технически на тот момент устаревшие 11-АК. **[196]**

Моторизованная дивизия 15-го мехкорпуса (212-я мд) была значительно слабее. Танковый полк дивизии находился на начальной стадии формировании и успел получить всего 32 БТ и 5 Т-26; разведбат дивизии, однако, был оснащен новейшими плавающими танкетками Т-40 по полной штатной численности (17 единиц). В августовском докладе командования мехкорпуса утверждается, что 212-я мд, *«имея почти полную обеспеченность личным составом красноармейцев, не имела совершенно машин для перевозки личного состава и не могла даже обеспечить себя автотранспортом для подвоза боеприпасов, продовольствия и горюче-смазочных материалов… Артиллерийский полк имел 8 пушек 76-мм, 16 гаубиц 122-мм и 4 гаубицы 152-мм* (до полной штатной укомплектованности не хватает восьми 152-мм гаубиц. – *М.С.*)*, а средств тяги было лишь на один дивизион и то без тылов».*

Поверить в это трудно, т. к. существует «Ведомость наличия» от 1 июня 1941 г. В соответствии с этим документом в дивизии числилось (а к 22 июня могло стать еще больше) 174 грузовых и 64 специальных автомобиля, 53 тягача (2 °СТЗ-5, 27 «Комсомольцев» и 6 тяжелых «Коминтернов»). **[206]** В любом случае отсутствие всего положенного моторизованной дивизии автотранспорта едва ли существенно повлияло на боевые действия (здесь были бы очень уместны кавычки) 212-й мд: всю первую неделю войны она простояла в районе своей предвоенной дислокации у г. Броды, а затем растаяла, как туман.

К 22 июня укомплектованность соединений 15 МК заметно улучшилась (в сравнении с отчетом на 1 июня). Суммарное количество бронемашин выросло до 177, специальных автомашин стало 549, в графе «транспортные машины» (трудно сказать, были ли сюда включены тягачи и /или легковые автомобили) стоит число 1919. По численности личного состава (33 935 человек, т. е. 94 % от штата) 15 МК и вовсе оказался на первом месте среди всех мехкорпусов ЮЗФ. **[197]**

Как и от большинства других соединений ЮЗФ, первичных документов (приказы, оперативные сводки, боевые донесения) 15-го мехкорпуса почти не осталось (слово «почти» обозначает наличие в архивных фондах штаба фронта или автобронетанкового управления единичных разрозненных документов). Однако есть три огромных, на десятках страниц, доклада о боевых действиях корпуса и каждой из его танковых дивизий, составленных в августе 1941 г. **[198, 199, 200]** Составленных за Днепром, в сотнях км от места событий, после фактического разгрома и накануне расформирования соединений. Эти три доклада были включены в состав известной серии «Сборник боевых документов ВОВ», формально рассекречены аж в 1964 г., фактически опубликованы для широкой публики в начале 90-х годов. Они хрестоматийно известны специалистам, многократно цитировались в книгах, доступны в Интернете. К сожалению, это тот случай, когда от обилия слов неясного становится еще больше.

Первый по порядку вопрос связан с пространственным положением частей корпуса к моменту начала войны. Как было отмечено в предыдущей главе, 18–20 июня в соединениях (по крайней мере – в некоторых из них) 6-й Армии и 4-го мехкорпуса начался процесс сосредоточения и выхода войск в исходные районы, определенные планом прикрытия. Однако в 15 МК, непосредственно подчиненном командованию округа (фронта), ничего подобного почему-то не произошло. В результате к утру 22 июня танковые дивизии корпуса находились в местах своей постоянной дислокации: 10-я тд в Золочев, 37-я тд в Кременец, на расстоянии 75 км (по прямой, не по дорогам) друг от друга. При этом артиллерийский полк и зенитный дивизион 10-й тд находились на полигоне близ Янува (100 км к западу от расположения основных сил дивизии), а мотострелковый полк 37-й тд был в Бережанах (100 км юго-западнее Кременец). Понтонно-мостовые батальоны танковых дивизий находились на сборах на р. Днестр южнее Львова.

Боевая тревога была объявлена после фактического начала войны (в 4-45 по докладу мехкорпуса или в 5-45 по докладу 10-й тд). Командиры вскрыли «красный пакет» с заранее составленным приказом Военного совета КОВО от 31 мая 1941 г. Приказ для 37-й тд удалось найти в архивном фонде автобронетанкового управления ЮЗФ. Хотя документ украшен грифом «Особой важности. Совершенно секретно», ничего сенсационного там нет – вполне заурядные задачи, соответствующие общему плану прикрытия округа:

«1. Для прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск КОВО приграничные части получили задачу – упорной обороной укреплений по линии Государственной границы не допустить вторжения противника на территорию округа.

2. 15-й мехкорпус с 1-й ПТАБР (резерв КОВО) сосредотачивается к 24.00 М-1 в районе Соколувка, Золочев, Броды.

3. 37-я тд, изготовившись по боевой тревоге, выступить через 3 часа после объявления тревоги из пунктов [постоянной] *дислокации и сосредоточиться к 15.00 М-1 в районе…* (далее идет перечень крохотных местечек в 5–10 км юго-западнее Броды)». **[201]**

К вечеру 22 июня передовые колонны танковых дивизий корпуса вышли на линию шоссе в полосе Олеско, Броды, при этом части 10-й тд прошли по 20–30 км, а части 37-й тд – более 50–60 км. 212-я мд, если верить докладу командования мехкорпуса, выдвинулась из Броды и заняла оборону по правому (восточному) берегу р. Стырь от Бордуляки до верховий.

Исключительная малочисленность немецкой авиации в полосе ЮЗФ позволила совершить этот марш с минимальными (в 37-й тд убито два человека) потерями от ударов с воздуха – и это в ситуации, когда зенитный дивизион 10-й тд оставался в Янув, а зенитный дивизион 37-й тд имел всего одну батарею (4 орудия) 37-мм пушек. Главные «потери» были обусловлены изначальной разбросанностью частей корпуса: 10-я тд выдвигалась без артполка, 37-я тд – без мотострелкового полка, а в артполку дивизии большая часть орудий (21 гаубица калибра 122 мм) была оставлена в месте расквартирования из-за отсутствия тягачей[75].

Исходя из условий местности и наличия дорог ввести в бой 15-й мехкорпус можно было, по меньшей мере, по двум вариантам. Разумный и осторожный вариант заключался в том, чтобы, используя магистральное шоссе Броды, Дубно и проселочные дороги, сосредоточить 15 МК в районе Лешнев, Острув в готовности контратаковать противника у переправ через р. Стырь. Другого пути на восток, кроме как через р. Стырь, у 48 ТК вермахта не было, а схема дорожной сети достаточно убедительно (даже без наличия штирлицев в немецких штабах) подсказывала, что противник пойдет к Берестечко и Шуровице. Решительный и смелый вариант предполагал бы выдвижение корпуса на запад по шоссе Броды, Буск, Львов и после этого, совместно с 4 МК, нанесение сокрушительного удара во фланг и тыл главной группировки противника вдоль одной из двух автомагистралей: Жолкев, Крыстынополь, Сокаль или, еще глубже, Жолкев, Рава-Русская, Томашув, Замостье.

В реальности же было принято другое решение. Никаких пояснений к нему (объяснений такого выбора) обнаружить не удалось. Складывается впечатление, что в штабе фронта посмотрели на карту, обнаружили, что три точки – район сосредоточения 15 МК, Радзехув и Сокаль – лежат на одной прямой, и решительно нарисовали красную стрелку. Далее «стрелка» превратилась в Боевой приказ № 01 штаба 15-го мехкорпуса от 9-00 23 июня. Предполагалось *«ударом в направлении Радзехув, Бышув* (н.п. в 8 км восточнее Пере-

[75] Отсутствие это весьма условное; артполк вывел одну батарею 152-мм и одну батарею 122-мм гаубиц, всего 8 орудий, что совпадает с числом тягачей в полку (4 ЧТЗ-65 и 5 СТЗ-5). Однако в дивизии было еще 10 «Ворошиловцев» и 8 «Коминтернов», не говоря уже о том, что в качестве тягача мог быть использован каждый из 312 танков. Печально, что лишь после полного разгрома в докладе командования дивизии появляется фраза: *«В крайнем случае, в зависимости от обстановки, желательно артиллерийский полк буксировать танками, выделив для этого одну танковую роту».*

спа. – *М.С.*)*, Сокаль уничтожить Сокальскую группировку противника, не допустив отхода ее на западный берег р. Буг».* **[202]** Вот так! Главное – чтоб враг не убежал…

На войне, однако же, кратчайшая дорога «из пункта А в пункт Б» не всегда проходит по прямой. Прежде чем вступить во встречный бой с противником у Радзехува, танковым дивизиям корпуса предстояло пройти 40–50 км по заболоченному лесу, прорезанному множеством мелких речушек. Непростая задача, особенно принимая во внимание отсутствие понтонно-мостовых батальонов и наличие на вооружении 50-тонных танков КВ. Трудно – не значит невозможно. Летом 1944 г. в ходе операции «Багратион» танковые соединения 1-го Белорусского фронта с боями прошли по абсолютному бездорожью белорусского Полесья более 400 км. В июне 41-го танковые части 48 ТК вермахта тоже ведь не по воздуху перелетели из Радзехува до Берестечко, из Берестечко до Дубно. В танковой дивизии – как немецкой, так и советской – абсолютное большинство личного состава находится вне танков, так что было кому заняться разведкой маршрутов продвижения, устройством гатей, переправ, проходов и просек.

Впрочем, и на этот раз «теоретические рассуждения» являются излишними. Возможность пройти 40 км по лесному массиву в междуречье Буга и Стыри была доказана практически, в первый же день войны. В докладе о боевых действиях 10-й тд читаем:

«В 9 часов 50 минут передовой отряд дивизии в составе 3-го батальона 20-го танкового палка и 2-го батальона 10-го мотострелкового полка выступил по маршруту Ожидув (н.п. у шоссе в 6 км западнее Олеско. – *М.С.*)*, Соколувка, Топорув, Радзехув с задачей ликвидировать авиационный десант противника в районе Радзехув… К исходу 22.6.41 г. передовой отряд занял Радзехув и перешел к обороне на северо-западной и южной окраинах Радзехув».* И это еще не все. В тот же день «*разведывательный дозор передового отряда в количестве 6 танков, выйдя в район Корчин* (н.п. у дороги Крыстынополь, Радзехув в 12 км восточнее границы. – *М.С.*)*, в 22 часа встретился с противником силой до двух батальонов пехоты с противотанковыми орудиями; в результате боя уничтожено 6 противотанковых орудий противника и до взвода пехоты».* **[199]**

Ранним утром 23 июня передовой отряд 10-й тд вступил в бой с подошедшими к Радзехуву частями 11-й танковой дивизии вермахта. Это был первый танковый бой в полосе ЮЗФ – и последний бой танков 15 МК с танками противника. Бой был неравным. Немецкой танковой дивизии (правда, на тот момент к Радзехуву подошла далеко не вся дивизия) противостоял не мехкорпус, и не одна из его дивизий, а всего лишь один танковый и один стрелковый батальоны, причем танковый батальон был «третьим». Это весьма важное уточнение. По штатному расписанию танковый полк советской танковой дивизии состоял из четырех батальонов. Первый – батальон тяжелых танков (31 КВ), второй и третий – батальоны средних танков (по 51 Т-34 в каждом), четвертый – батальон огнеметных танков (27 ОТ-26 и 11 пушечных Т-26). Но так как во всей 10-й танковой дивизии было только 38 танков Т-34, третьи батальоны были вооружены главным образом легкими танками БТ с противопульным бронированием.

В докладе 10-й тд танковый бой у Радзехува описан так:

«В 5 часов 15 минут передовой отряд атакован с направления м. Стоянув танками противника (до 100 штук) [при поддержке] *до двух батарей тяжелой артиллерии и до дивизиона противотанковых орудий. В 6 часов 30 минут передовой отряд был атакован другой группой танков с направления Юзефув. Одновременно противник бомбил и обстреливал из пулеметов с воздуха (5 самолетов). Передовой отряд удерживал занимаемый им рубеж до 13 часов 30 минут и, израсходовав боеприпасы, отошел на рубеж Майдан Старый* (н.п. в 14 км южнее Радзехув. – *М.С.*)*. Уничтожено до 20 танков противника и 16 противотанковых орудий».* **[199]** Собственные потери не указаны, но в докладе мехкорпуса названы

такие цифры: *«потеряно танков БТ – 20 штук, Т-34 – 6 штук, убитыми 7 человек, ранено 11 и без вести пропало 32 человека».* **[198]**

Описание боя в ЖБД 48 ТК вермахта совпадает с этим с точностью до минут. Правда, немецкое описание более пространное и эмоциональное:

«05.30. Танковый авангард корпуса выступил в район Радзехув и севернее этого населенного пункта натолкнулся на сопротивление моторизованных частей противника, действующего при поддержке танков. Наша воздушная разведка обнаружила перемещение этих соединений из района Холоюв и юго-восточнее в направлении на Радзехув. Части корпуса оказались вовлечены в первый для него танковый бой. 15-й танковый полк, заняв исходное положение охватывающим маневром, продвигается в сторону Радзехув. Противник оказывает упорное сопротивление и контратакует, невзирая на собственные потери.

Около 12.30 первый танковый бой в основном закончен, противник с большими потерями был отброшен на юг. На поле боя находится до 30 уничтоженных танков, но и собственные потери являются существенными. Однако сами результаты выигранного танкового боя вселяют в войска уверенность и поднимают боевой дух…»

Далее, в итоговом сообщении за 23 июня:

«…Опыт боевых действий:

1. Для наших войск явилось неожиданным фанатичное сопротивление русских танкистов. Наши танки и противотанковые средства явно превосходят легкие танки противника, тем не менее последние обычно продолжают атаковать, невзирая на потери. Даже если положение безнадежно, мотор и гусеницы разбиты, русский танк продолжает стрельбу до последнего снаряда или возобновляет бой, пропустив собственные танки. Почти всех танкистов в разбитых танках противника находят убитыми или сгоревшими[76].

2. Противник применяет быстроходные тяжелые танки, оснащенные 76,2-мм пушкой (это описание первой встречи с Т-34)*, которые отлично поражают цели и на дальних расстояниях. Эти машины явно превосходят наши собственные танки* (выделено мной. – *М.С.*). *Противотанковое орудие калибра 37 мм является эффективным только на малых дистанциях; зенитное орудие калибра 88 мм является полностью бесполезным на дистанциях выше средних».* **[188]**

Появление нового, да еще и «явно превосходящего» типа советских танков не на шутку встревожило немцев. 24 июня отдел тыла 1-й Танковой группы отправляет в отдел тыла ГА «Юг» специальное донесение об этом; документ примечателен прежде всего тем, что в нем появляется конкретная цифра потерь танков 11-й тд в бою у Радзехува:

«11-я танковая дивизия в районе Стоянув-Радзехув имела боевое столкновение с русскими танками, в ходе которого 35 русских танков было подбито ценой 7 собственных. Среди русских танков [выявлен] *новый тип, ранее не известный… Подготовить все необходимое для буксировки и ремонта».* **[203]** Итак, бой между передовым отрядом 10-й тд 15-го мехкорпуса и 11-й немецкой танковой дивизией у Радзехува, вне всякого сомнения, был. Что касается участия в бою многократно упомянутой выше группы из двух танковых и одного мотострелкового батальонов 4-го мехкорпуса, то здесь возникают вопросы. В августовском докладе командира 32-й танковой дивизии он описан так:

«Два танковых батальона во взаимодействии с мотострелковым батальоном под командованием подполковника Лысенко с 7 до 20 часов вели бой с 65-м танковым батальоном и 25-й батареей противотанковых орудий противника в районе западная окраина Радзехув, Ганунин, где вела сдерживающие бои 10-я танковая дивизия. В результате боя

[76] Для адекватной оценки этих слов следует сравнить количество потерянных танков (26 ед.) и число безвозвратных людских потерь (39 чел.) передового отряда – а в эти потери вошли не только экипажи подбитых танков, но и бойцы стрелкового батальона.

уничтожено 18 танков противника, 5 противотанковых орудий, 10 орудий и взвод мотопехоты. Потери танковой группы составляют 11 танков». **[181]**

Соотнести это с документами противника, да и со здравым смыслом, сложно. Номера частей вермахта, названные в докладе 32-й тд, явно вымышленные и абсурдные (батареи ПТО не имели собственных номеров, отдельные танковые батальоны с собственными номерами были, но не в 1-й Танковой группе); названная продолжительность боя (с 7 до 20 часов) свидетельствует, скорее всего, о том, что составитель отчета никакой конкретной информации о событии не имел.

В ЖБД 81-й моторизованной дивизии указано другое и более правдоподобное время:

«В 15.00 23 июня 1-й батальон 323 МСП с двумя [танковыми] *батальонами 32 ТД атаковал противника в районе Радзехув. Противник понес большие потери. 1/323 мсп потерял 13 человек убитыми и 18 ранеными. В 19.00 противник численностью до бригады пехоты с танками и артиллерией повел наступление на батальон. Батальон отошел на рубеж Воля Холоевска».*

В ЖБД немецкого 48 ТК вовсе нет никакого упоминания, даже малейшего, о боевых действиях в районе Радзехува во второй половине дня 23 июня. Зато есть такая запись:

«18.30… Дивизия [11-я танковая] *установила связь с передовыми подразделениями 297-й пд* (правый сосед 48 ТК. – *М.С.*), *продвигающимися со стороны Павлув. Передовые части дивизии еще сегодня достигли Радзехув и сменили 231-й разведывательный батальон* (11 тд) *и роту 61-го противотанкового батальона* (11 тд)*, которые стояли там в охранении…»* **[188]**

Итак, после завершения боя с передовым отрядом 10-й танковой дивизии немецкая 11-я тд оставила в Радзехуве заслон с минимальными силами: разведбат (т. е. пехотный батальон сокращенного состава) и одну роту (12 «колотушек») противотанкового батальона. Если бы этот заслон был в действительности атакован двумя танковыми батальонами 32-й тд (а это порядка 100 танков, большинство которых составляли Т-34)[77], то немцы бы такое незаурядное событие заметили, ощутили и отразили в документах. Наконец, сама интонация искреннего восхищения мужеством противника, с какой танковый бой у Радзехува описан в ЖБД немецкого танкового корпуса, заставляет предположить, что противник (т. е. подразделения Красной Армии) был в меньшинстве – едва ли немцы стали так восхищаться, если бы на них обрушился удар сотни «тридцатьчетверок»…

Скорее всего, участие боевой группы 4-го мехкорпуса в бою свелось к тому, что какая-то (меньшая) часть группы до Радзехува дошла и ближе к вечеру была атакована подошедшей к городу пехотой противника (*«противник численностью до бригады пехоты с танками и артиллерией»*); после короткого боя подразделения 4 МК откатились назад, на том все и закончилось.

Строго говоря, на этом закончилось и все участие 15-го мехкорпуса в «грандиозном танковом сражении на Западной Украине». Дальше началось нечто, уникальное даже для июня 41-го года. Две танковые дивизии корпуса долгих пять дней (23, 24, 25, 26, 27 июня) ползали по лесу, выписывая затейливые зигзаги, то приближаясь, то удаляясь от Радзехува (см. вкл., рис. 6). При первом взгляде на схему маршрут этого «наступления» напоминает рисунок 3-летнего ребенка, исчеркавшего цветными карандашами бумагу (5-летние уже рисуют что-то более осмысленное). Многократно перечитав описание этих маршей в докладах командования 15 МК, дотошный читатель сможет уловить и некую, весьма сомнительную «логику» произошедшего.

В самом кратком изложении дело было так: 10-я тд разделилась на две группы, ядром которых были 20-й и 19-й танковые полки. 19-й с ходу застрял в болоте у Турзе и провел там

[77] В двух танковых полках 32-й тд было 173 танка Т-34 и всего 5 танков БТ-7.

большую часть дня 23 июня, 20-й полк извилистым маршрутом через Топоров дополз до м. Холоюв и якобы (никаких упоминаний об этом в документах противника нет) пытался атаковать в направлении Радзехува. На следующий день высшее командование решило отвести мехкорпус на восток, к Броды, Радзивиллув, но потом передумало и приказало вернуться назад, к Холоюв и Охладув. Потом дивизия собиралась с силами для перехода в наступление, потом в мехкорпус поступил приказ об отходе аж к Заложцы-Нове (40 км южнее Броды), затем передумали и решили снова наступать; ранним утром 27 июня в корпус поступил печально знаменитый «стоп-приказ» командования ЮЗФ, немедленно отмененный пару часов спустя (об этом будет подробнее сказано ниже) и замененный приказом наступать на Берестечко. Тем временем 37-я тд, подгоняемая приказами корпуса и фронта, многократно переправлялась через речку Радоставка в разных местах и направлениях, то «наступая», то «прикрывая» 10-ю тд, то «атакуя» мифические немецкие танки южнее Топорува…

Противник с легким недоумением наблюдал эти странные «танкодвижения», не забывая, впрочем, выдвигать малочисленные пехотные заслоны к рубежам лесных речушек по линии Радзехув, Лопатин, Лешнев. В Журнале боевых действий 48 ТК вермахта читаем:

«24 июня.

Около 07.00 воздушная разведка в первый раз докладывает о большом скоплении танковых сил неприятеля южнее дороги [Радзехув – Шуровице], *в качестве контрмер командование 11 тд выделяет одну танковую роту* (оцените масштаб. – *М.С.*) *для прикрытия в районе южнее Лопатин.*

…В течение дня наша воздушная разведка многократно получала сведения о скоплении большого количества танковых и моторизованных сил противника в районе южнее Радзехув и Лешнев… Ближе к вечеру 57 пд получает по телефону указание: 25 июня вслед за 297 пд взять на себя задачу прикрытия южного фланга корпуса. Для этого дивизия должна двумя усиленными батальонами поставить в районе Лопатин и Лешнев заслоны на дорогах, ведущих с юга.

25 июня

15–00. Усиленные батальоны 57 пд прибыли в Лопатин и Лешнев. Разведка установила наличие противника южнее переправ… Опасность для правого фланга корпуса устранена еще не полностью. Противник уже пытался наносить булавочные уколы малыми силами, которые были безуспешными в результате действий 57 пд». **[188]**

Упоминание о «булавочных уколах малыми силами», возможно, связано с двумя эпизодами действий 10-й тд. В августовском докладе командования дивизии они описаны так:

«25 июня… Для противодействия крупным разведывательным отрядам противника командиром 20-го танкового полка была выделена группа в составе 15 танков, а затем была проведена контратака силами 20-го танкового и мотострелкового полков при поддержке двух батарей 10-го гаубичного артиллерийского полка. В глубине противотанковой обороны противника наши части были встречены исключительно сильным артиллерийским огнем. С выходом наших танков танки противника (никаких немецких танков в районе Холоюв, Охладув уже давно не было, 11-я тд к тому моменту заняла Дубно, 16-я тд маршировала за ней, переправляясь через Стырь в районе Шуровице. – *М.С.*) *боя не приняли и отошли за линию высот, где у противника была организована сильная противотанковая оборона. В результате боя, по подсчету командиров укрепленного района* (?), *в районе атаки ими было насчитано 56 раздавленных и подбитых противотанковых орудий и 5 подбитых танков противника. Наши потери: 4 танка КВ, 7 танков БТ…*

26 июня… 19-й танковый полк в 10 часов по частной инициативе (так в тексте. – *М.С.*) *командира полка подполковника Пролеева атаковал противника в районе высот юго-восточнее Радзехув. В районе Денбины Охладовские* (н.п. в 3 км севернее Охладув. – *М.С.*) *полк был встречен организованным огнем противотанковых орудий. В результате атаки*

было уничтожено до 70 противотанковых орудий (т. е. противотанковые средства одной пехотной дивизии вермахта почти в полном составе. – *М.С.*)*, 18 танков* (???) *и до батальона пехоты. Потери полка: 9 танков КВ и 5 танков БТ-7… После частной атаки полк отошел в исходное положение…»* **[199]**

Предположим, что в отличие от многого иного, сообщения о собственных потерях не являются вымыслом. В таком случае, аккуратно суммируя цифры из доклада, мы узнаем, что 10-я танковая дивизия в течение 23–26 июня потеряла в боях: 13 КВ, 6 Т-34, 32 БТ, а всего 51 танк. Задача для первоклассника – сколько танков осталось в дивизии? Ответ, содержащийся в докладе командования мехкорпуса – 39 (тридцать девять) единиц. *«К исходу 26.6.41 г. части корпуса имели: 10-я танковая дивизия – танков КВ – 10, Т-34 – 5, Т-28 – 4, БТ-7 – 20 штук».* **[198]** Принимая за исходное количество исправных танков, указанных в июньской (довоенной) ведомости, налицо безвестное отсутствие 244 танков, включая 40 КВ и 27 Т-34.

Боевых потерь (равно как и боевых столкновений с противником) в 37-й тд не было вовсе. 26 танков (1 КВ, 15 БТ-7 и 10 Т-26) было оставлено в районе довоенного расквартирования в г. Кременец. Из них в среднем ремонте числилось лишь 8 БТ; почему оставлены все остальные – в докладе не сказано. Но не будем придираться к мелочам, тем более, что «танковый падеж» в 37-й тд был весьма и весьма скромным: к утру 28 июня в дивизии числилось аж 211 танков, включая 26 Т-34. **[200]** Безвестно отсутствовало «всего лишь» 75 единиц. Разумеется, после первой же попытки перейти в решительное наступление (28 июня) размеры «падежа» резко выросли, но об этом будет сказано чуть позже.

В то время как ни одна противотанковая артбригада на пути продвижения 48-го танкового корпуса вермахта не появилась, а 15 МК метался по лесам и болотам, практически единственным противником немецких танкистов стала советская авиация. Даже при той интенсивности, с которой она использовалась (1 вылет на 2–3 самолета в день мог считаться редким достижением в бомбардировочных полках ВВС ЮЗФ), удары с воздуха оказались весьма ощутимыми. 24 июня командир 11-й танковой дивизии докладывал в штаб корпуса:

«Воздушные удары, нанесенные по сгрудившейся на одной маршевой дороге и движущейся через узкий проход танковой дивизии, кроме значительного замедления продвижения причинили большие потери в людях и имуществе. В дивизии до сих пор зафиксированы 10 убитых и 50 раненых, в большинстве тяжелораненых. Кроме того, по еще не полным данным, потеряно 16 машин, среди них ценнейшая матчасть, например тяжелые тягачи… Я настойчиво прошу позаботиться в вышестоящей инстанции о предоставлении достаточного истребительного прикрытия…» **[204]**

Просьба осталась безответной. В ЖБД 48 ТК читаем:

«24 июня

08.00 11 тд докладывает о постоянных налетах вражеской авиации на мосты в районе Шуровице и шоссе. Несмотря на то, что командование корпуса неоднократно запрашивало Танковую группу о воздушном прикрытии, истребители для этих целей выделяются в ограниченных масштабах…

Около 10.00 61-й мотоциклетный батальон выступил из района плацдарма в районе Острув, а 110-й мпп выступил из района плацдарма в районе Шуровице. Их продвижение по дороге сильно замедляется налетами вражеской авиации…

25 июня

Как и ожидало командование корпуса, русские ВВС, осознав создавшееся положение, с раннего утра постоянно атакуют далеко выдвинувшиеся вперед части корпуса. Наше наступление по-прежнему замедляется из-за этих атак…»

Впрочем, даже это «замедленное движение» проходило в темпе 20–25 км в день. В 7.30 утра 25 июня передовые подразделения 11-й тд подошли к Дубно, в 11 часов начался бой и в 14–10 поступило донесение о том, что город взят. В это же время (14–00 25 июня) штаб корпуса переместился в Берестечко. 16-я танковая дивизия еще вечером 24 июня дошла до Радзехува, где вынуждена была остановиться из-за загруженности дороги на Шуровице; после энергичного вмешательства командования корпуса тыловые подразделения 11-й тд согнали на проселок Стоянув, Берестечко, и к 19 часам 25 июня 16-я тд была уже в районе переправ через р. Стырь у Шуровице. Ранним утром 26 июня идущий в авангарде танковый полк 16-й тд достиг перекрестка дороги Берестечко, Кременец с главной магистралью (шоссе Броды, Дубно).

В Дубно немцы захватили не только горы брошенного вооружения (включая 42 тяжелые гаубицы калибра 210 мм), но и драгоценное для наступающих моторизованных частей горючее: 5,2 тыс. кубометров бензина и 420 кубометров дизтоплива. **[205]** Те, «кому положено», в Дубно, конечно же, были. Но склады не взорвали, т. к. до последней минуты перед отступлением были заняты привычной работой.

Большую тюрьму в Дубно начали строить в середине 30-х годов, и она должна была стать третьей по величине в Польше. Достроили тюрьму уже после «освободительного похода». В ходе глубоких социально-политических преобразований в тюрьме одномоментно находилось от 1,5 до 2 тыс. заключенных, но незадолго до 22 июня в Сибирь по ж/д отправили очередной этап, и тюрьма почти «опустела» – в ней оставалось порядка 400 человек, осужденных и подследственных.

«24.06 в 10 час. утра по телефону сообщили, что для отправки ЗК по контрреволюционным статьям будут поданы вагоны. На это число ЗК по к/р ст. осужденных и следственных насчитывалось 320 чел. Вагоны для отправки ЗК прибыли 24 июня в 17.00, в это время г. Дубно подвергался бомбардировке и артиллерийскому обстрелу со стороны противника, а также по сведению начальника гарнизона, что на город Дубно со стороны м. Верба противник ведет наступление в составе 127 танкеток…

Ввиду скоропостижной обстановки для принятия мер к ЗК я связался по телефону с зам. начальника УНКВД по Ровенской области лейтенантом госбезопасности т. Климовым, который в это время находился в обкоме партии. Тов. Климов дал распоряжение по телефону при невозможности эвакуации намеченный контингент ЗК к отправке уничтожить, а остальных заключенных освободить… В 20.00 я приступил к выполнению распоряжения зам. начальника УНКВД по уничтожению ЗК по ст. к-р, но так как противник занял станцию Дубно и продолжал наступать на город, [я уничтожить] *всех ЗК, подлежавших к уничтожению, не смог, осталось закрытых в камерах около 60–70 человек…»*

Видимо, и сам начальник дубненской тюрьмы (рапорт которого, отправленный 28 июня на имя начальника тюремного управления НКВД УССР, процитирован выше) не знал весь объем проведенной работы, т. к. живые в тюрьме были обнаружены, но в гораздо меньшем количестве.

«Рано утром 27 июля 1941 г. был произведен осмотр тюрьмы г. Дубно. К этому времени тюрьма была уже захвачена местными жителями, чьи родственники еще находились в тюремных помещениях. Тюремные камеры, в которых лежали тела расстрелянных, также были взломаны жителями. Их целью было вывезти тела расстрелянных родственников, что и было сделано с помощью повозок. Картина, открывшаяся зашедшим в казематы тюрьмы, была ужасной – ее просто невозможно описать словами. Повсюду лежали расстрелянные и изуродованные штыками трупы… Насколько жестоко пытали, истязали и мучили невинных политзаключенных, говорит находка, сделанная при чистке тюремных камер и вывозе тел заключенных: была найдена полностью содранная кожа человеческой

руки, на которой все еще находились ногти пальцев. Помимо этого, была найдена человеческая ступня со все еще висящими на ней лоскутьями кожи…

Было установлено, что некоторые заключенные (в другом документе их число определяется в 8 человек. – *М.С.*) *смогли избежать расстрела или же отделались ранениями. Раненые находятся в частной клинике в г. Дубно. Они, а также лица, которые смогли спастись бегством, были допрошены и показали, что расстрелы проводились около 10 часов вечера во вторник 24 июня 1941 года. Выжившие смогли спастись тем, что они смогли выломать двери в камерах или же пробить стены при помощи батареи отопления… Вероятно, по причине поднятого шума тюремные охранники решили добить всех оставшихся, что и было сделано на рассвете в среду 25 июня…»* **[207]**

Для полной ясности надо пояснить, что гитлеровцы вовсе не собирались превращать здание в «музей истории тоталитаризма»; ничего подобного – тюрьма была нужна им для работы. *«Хотя все двери в камерах были взломаны, на отдельных этажах тюремного помещения удалось создать условия для содержания заключенных на закрытом пространстве. Всего для этих целей было подготовлено четыре этажа с 118 камерами средней и большой площади. После проведения этих мероприятий тюрьму можно считать готовой к приему политических и прочих заключенных…»*

8-й мехкорпус

В то время как танковые дивизии 15-го мехкорпуса мелкими шажками блуждали по лесу в «заколдованном треугольнике» Радзехув, Буск, Броды (треугольник этот не слишком велик, со сторонами 35–40 км), третий по счету «танковый богатырь» двигался к месту будущего сражения широким, размашистым зигзагом, как лыжник в слаломе-гиганте.

Накануне войны 8-й мехкорпус генерал-лейтенанта Рябышева дислоцировался юго-западнее Львова, в полосе Дрогобыч, Стрый. На картах к апрельскому и майскому (1941 г.) вариантам Плана стратегического развертывания «ромбик» 8 МК появляется на самом острие «Львовского выступа», и красная стрелка от него тянется к Кракову. Это направление главного удара. О роли, которую предстояло сыграть мехкорпусу в предстоящем наступлении, можно судить и по званию командира (генерал-лейтенант, и это в то время, когда соседней 5-й Армией командовал генерал-майор), и по оснащению корпуса боевой и вспомогательной техникой.

8 МК начал свое формирование в «первой волне» мехкорпусов (в июле 1940 г.) в составе 12-й и 15-й танковых, 7-й моторизованной дивизии. Как и в соседнем 4 МК, весной 41-го года одну из этих дивизий (15-ю тд) передали в формирующийся 16 МК, а в состав 8 МК включили новую 34-ю танковую дивизию, созданную на базе 26-й танковой бригады.

После этих рокировок главной ударной силой корпуса стала «старая» 12-я тд. По состоянию на 1 июня 1941 г. в дивизии числилось (считая только исправные танки) 58 КВ, 98 Т-34, 102 БТ, 77 Т-26 (включая 16 огнеметных), всего 335 готовых к бою танков. По количеству танков «новых типов» 12-я тд оказалась на третьем месте среди танковых дивизий Киевского ОВО. По количеству тягачей (125 единиц, в т. ч. 30 «Ворошиловцев») – на первом. Кроме того, дивизия получила 54 пушечных бронеавтомобиля БА-10, 20 легких БА-20, 933 грузовых и 26 легковых автомобилей (включая представительский ЗИС-101 и «Мерседес»), 75 автоцистерн.

Моторизованная дивизия корпуса была сформирована на базе дважды Краснознаменной, ордена Трудового Красного Знамени 7-й стрелковой дивизии имени М.В. Фрунзе. По состоянию на 1 июня 1941 г. в дивизии числилось 935 грузовых, 151 специальный и 35 легковых автомобилей, 43 исправные бронемашины разных типов, 121 тягач (не считая 33 находящихся в ремонте) и 136 мотоциклов. Танковый полк дивизии был укомплектован слабо, в

нем числилось «всего лишь» 83 исправных танка БТ[78]; зато разведбат получил сверхштатное количество плавающих танков (28 единиц), в том числе 11 новейших Т-40.

34-я танковая дивизия была вооружена хуже, чем все те танковые соединения, о которых шла речь ранее. Основу вооружения дивизии составляли легкие танки Т-26, в исправном состоянии их было 241 единица (включая 30 огнеметных). Обладая таким же вооружением (45-мм пушка) и таким же противопульным бронированием, как и БТ, танк Т-26 заметно уступал ему в скорости и подвижности. Из новых танков было только 8 единиц тяжелых КВ. Кроме того, на вооружении дивизии числилось 26 танков БТ и 48 пятибашенных гигантов Т-35. Во время парадов на Красной площади это чудище производило неизгладимое впечатление на публику, но о его боевом потенциале судить сложно: обладая исключительно мощным вооружением (1 пушка 76-мм, 2 пушки 45-мм, 2 пулемета), этот танк с противопульной броней и огромными габаритами становился «учебной мишенью» для ПТО противника. **[208]**

По состоянию на 3 июня 1941 г. в 34-й тд было всего 42 тягача и 649 автомашин всех типов. Можно предположить, что к началу войны эти цифры несколько увеличились, т. к. указанное в документах суммарное количество тягачей и автотранспорта 8 МК превосходит арифметическую сумму их наличия в трех дивизиях примерно на 70 единиц по тягачам и на 600 единиц по автомашинам. В целом же 8 МК к началу войны представлял собой мощное ударное соединение в составе 32 тыс. человек, 925 танков и бронемашин, более 3,5 тыс. гусеничных тягачей и колесных машин[79].

Как и в большинстве подобных случаев, архивные фонды мехкорпуса и его дивизий номинально существуют, но практически они пусты. Документы оперативного отдела штаба корпуса (ЦАМО. Ф. 3438. Оп. 1) начинаются с июля 41-го года, к тому моменту от корпуса мало что осталось; в архивном фонде 7-й мд (ЦАМО. Ф. 1057) есть несколько документов до 22 июня, и больше ничего; в фонде 12-й тд (ЦАМО. Ф. 3012) оперативных документов нет вовсе. Однако отсутствие первичных документов до некоторой степени компенсируется многочисленными докладами и отчетами о боевых действиях корпуса и его дивизий, составленными в июле-августе 1941 г. и сохранившимися в архивных фондах вышестоящих штабов. Существует также совершенно уникальный документ – Журнал боевых действий 34-й танковой дивизии, составленный, как можно предположить, с минимальной временной задержкой по отношению к описанным событиям (надпись у сургучной печати гласит: *«прошит, опечатан 2.7.41»*), что позволяет достаточно достоверно реконструировать короткую и трагическую историю этого соединения.

Накануне войны 8-й мехкорпус входил в состав 26-й Армии. Это обстоятельство прямо подтверждается всеми известными документами, однако 34-я танковая дивизия рассвет 22 июня встретила, находясь в Грудек-Ягеллонске, т. е. в полосе соседней 6-й Армии, у шоссе Львов, Перемышль. Как и зачем она туда попала – никаких объяснений этому найти пока не удалось. 12-я танковая дивизия дислоцировалась в г. Стрый, 7-я моторизованная – в Дрогобыче. Судя по июльскому докладу командира 8 МК, части корпуса были подняты по боевой тревоге в 5.40 22 июня. **[209]** Правда, в Журнале боевых действий 12-й тд указано другое время – 2 часа ночи 22 июня. **[210]** Командиры вскрыли «красные пакеты» с приказом

[78] В июле 1941 г. примерно такое же количество исправных танков поддерживалось в многократно упомянутой выше 11-й тд вермахта.

[79] Арифметическая сумма указанного выше числа танков по трем дивизиям дает число 741. Во всех других источниках приводятся гораздо большие цифры, от 850 до 930. Это объясняется тем, что в данной книге в разряд «танков» не зачисляются плавающие и прочие танкетки с пулеметным вооружением, не учтено также большое количество неисправных танков разных типов.

Военного совета 26-й Армии от 17 мая 1941 г., в соответствии с которым соединения 8-го мехкорпуса должны были сосредоточиться северо-западнее г. Самбор. (Рис. 18.)

Корпус очевидным образом выдвигался на «острие» выступа границы, с которого по предвоенным планам ему предстояло наступать на запад. Однако, как пишет в своих послевоенных мемуарах заместитель командира 8 МК бригадный комиссар (в дальнейшем генерал) Н. Попель, *«враг, неожиданным ударом начавший войну, диктовал нам свою волю, ломал наши планы»*. **[211]** Командование ЮЗФ так и не решилось начать наступление – ни на запад к Кракову, ни на север к Люблину. Вечером 22 июня, в 20–40 (на тот момент еще не все части мехкорпуса успели дойти до Самбора) командир 8 МК получил приказ командующего ЮЗФ – форсированным ночным маршем к утру 23 июня выйти в район Винники, Куровице (восточнее Львова) и быть *«в готовности к контратаке мотомеханизированных частей противника, обнаруженных в района Сокаль»*. **[212]** Вероятно, для того, чтобы не создавать непроходимую пробку на шоссе Самбор – Львов, танковые дивизии (сотни танков, тысячи машин, тягачей и мотоциклов) двинулись назад разными путями, в частности, 12-я тд получила приказ возвращаться «как пришла», т. е. через Стрый, Николаев на Львов и Куровице.

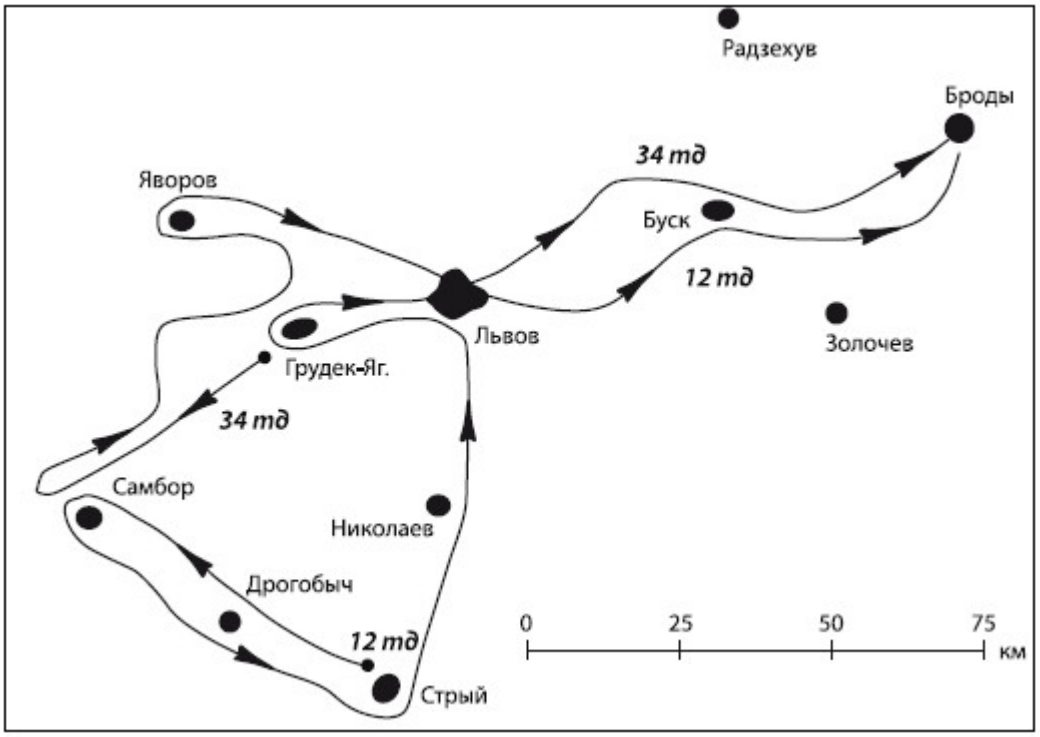


Рис. 18. Маршруты выдвижения танковых дивизий 8-го мехкорпуса

В приказе фронта была одна, но чрезвычайно опрометчивая ошибка – мехкорпус передавали в оперативное подчинение 6-й Армии. Командарм Музыченко, разумеется, тут же взялся за дело. Как утверждает в своем докладе командир 8 МК Рябышев, утром 23 июня *«был получен устный приказ командующего 6-й Армией о повороте корпуса и сосредоточении его в районе Яворов, Грудек-Ягеллонский»*. **[209]** Странно, но Рябышев стал выполнять «устный приказ», противоречащий письменному приказу командования фронта, и многокилометровые грохочущие колонны танков поползли на запад. Строго говоря, ползли все в разные стороны, т. к. войска не успевали реагировать на сменяющиеся команды начальников, а до Куровице и вовсе никто не успел еще дойти (12-я тд получила приказ, находясь в районе м. Николаев).

Долго самоуправствовать командующему 6-й Армией не дали, и уже в 15–20 (по крайней мере, такое время указано на документе) он подписывает приказ противоположного содержания: *«Командиру 8-го мехкорпуса. Остановить части и повернуть по маршруту Краснэ* (н.п. в 6 км южнее Буск. – *М.С.*), *Броды… Войти в связь с командиром 15-го мехкорпуса и совместными действиями уничтожить танковую группу противника в направлении Дубно».* **[213]** Странно, но выполнять приказ, подписанный в 15–20, мехкорпус начал только в 6 утра 24 июня (как пишет в своем докладе Рябышев), или в 3-30, как записано в ЖБД 34-й танковой дивизии. **[214]** Как бы то ни было, но к полудню 24 июня 8-й мехкорпус представлял собой хаотично разбросанные на десятках км группы людей, танков и машин; что-то еще упорно двигалось, что-то уже остановилось, т. к. водители не спали третьи сутки.

На узких улицах Львова части 8-го мехкорпуса, уходящие на Буск, Броды, встретились лоб в лоб с боевыми машинами 32-й тд 4-го мехкорпуса, возвращавшимися после несостоявшегося боя у Каменка Бугская на яворовское шоссе. Все это безумие закончилось лишь к вечеру 25 июня, когда 8-й мехкорпус головами колонн танковых дивизий вышел к Бродам. Хотя расстояние от Стрый до Броды не превышает 140 км по прямой, танки 8-го мехкорпуса намотали на гусеницы порядка 350–400 км[80]. Для механизированных соединений того времени пройти за 5 дней 400 км – это великолепный результат. Спорным остается лишь вопрос о его цене.

В одной из своих статей, написанных через десятки лет после войны, генерал Рябышев обронил фразу: *«Во время марша протяженностью почти 500 км корпус от ударов авиации противника и по техническим причинам потерял до половины танков устаревших конструкций».* Это хорошая, «правильная», «нужная» фраза, и ей была суждена долгая жизнь. При переписывании и цитировании фразу многократно улучшили. Сначала отбросили за ненадобностью слова «*устаревших конструкций»*; получилось, что 8 МК потерял на марше половину всех танков. Затем забыли про номер корпуса и, что гораздо важнее, про совершенно уникальный по протяженности марш, совершенный им до выхода в бой; теперь уже «мехкорпуса (мн. ч.) Юго-Западного фронта в первые дни войны потеряли на марше половину танков». В таком виде фраза устроила всех, ибо давала желанное «объективное объяснение» причин исчезновения многотысячной танковой орды – все поломалось, не танки, а «гробы», безнадежно устаревший хлам…

В документах обнаруживаются совершенно другие цифры. Журнал боевых действий 34-й тд содержит два упоминания об отставшей на марше технике: *«24 июня. К моменту выступления дивизии из района леса Яворов, Грудек-Ягелонский отстало 45 колесных машин, 29 Т-26, 17 Т-35 и 6 БТ. До 18.00 в районе Буск, Красне, Козлув произведена заправка машин и подтягивались отставшие. В 18.00 дивизия продолжила движение… 26 июня. Отстало 10 Т-35, 15 Т-26, 18 колесных машин*». **[214]** Временно отстали на марше и «безвозвратно потеряны» – это совершенно разные понятия, но, даже забывая об этом, мы видим цифры «потерь» в одну шестую, а вовсе не в половину от общего числа танков.

Что касается «отставших навсегда», то подписанный 2 августа 1941 г. «Доклад о боевых действиях 34-й танковой дивизии» дает некоторое представление (едва ли после того, что произошло с этой дивизией, могла сохраниться доскональная отчетность) об их количестве: «*Отстало 7 БТ, 3 Т-26, 2 БА-10 и 3 БА-20».* **[215]** Всего 10 легких танков. Меньше 4 % от исходного количества. Правда, в это число не вошли 50-тонные Т-35. Эти чудища и не были созданы для форсированных маршей, а попытка гонять их, как мотоциклы, дала вполне ожидаемый результат: *«Т-35 в составе 38 шт. за время движения из Грудек-Ягелон-*

[80] С легкой руки Рябышева в оборот была запущена цифра 500 км, которая повторена в сотнях книг и статей; если она чему-то и соответствует, то теоретической длине маршрута при условии выхода частей во все предусмотренные менявшимися приказами районы сосредоточения, фактически же всякий раз новый приказ поступал прежде, чем был выполнен предыдущий.

ский на запад к Перемышль и оттуда на северо-восток к Дубно в основном отстали, причем до 10 танков отстало по причине проваливания на мостах, а остальные к району Дубно по техническим причинам не дотянули»[81].

Журнал боевых действий 12-й тд (судя по интонации и содержанию, составленный задним числом) в записи от 24 июня содержит следующую фразу: *«Ввиду безостановочного движения отставшие машины догнать свои колонны не могли, и количество их все росло, за указанный период дивизия потеряла вследствие аварий и бомбежки: танков КВ – 2 ед., ХТ-133* (огнеметный вариант танка Т-26) *– 2 ед., БТ-7 – 1, Т-34 – 3, грузовых машин до 20 шт».* Итого – 8 танков. Цифра в пределах погрешности определения исходного количества танков в дивизии. В конце ЖБД, в разделе «Выводы», составитель снова возвращается к теме маршевых потерь: *«За первый день войны вышло из строя до 12 КВ, не имея запасных частей и действующие без осмотров».* **[210]**

Почему 2 превратилось в 12 и как это связано с тем, что «выводы» писались в августе, когда надо было объяснять огромные потери дивизии, – вопрос открытый. В любом случае, **ничего даже отдаленно похожего на «потерю половины всех танков» в реальных документах нет.**

Боевой приказ № 0015 командования ЮЗФ ставил задачу нанести из района Броды удар силами трех (4-й, 8-й и 15-й) мехкорпусов, разгромить прорвавшую фронт моторизованную группировку противника и выйти в район Войница, Милятин, Сокаль. **[216]** В переводе на язык географии это означает наступление в северо-западном направлении на глубину до 80–90 км. Наступление приказано было начать *«ровно в 7.00 25 июня»*, но, т. к. 4-й мехкорпус командующий 6-й Армией Музыченко «заныкал себе», 15-й мехкорпус продолжал метаться по лесу, из леса не выходя, а 8-й мехкорпус утром 25 июня находился на марше из Буск в Броды, то приказ выполнять стало некому.

Поздним вечером (в 22–30) 25 июня в штабе фронта был подписан приказ № 0016; задача была оставлена прежней, группировка противника по-прежнему называлась «радеховской» (хотя немецкая 11-я тд к тому времени уже заняла Дубно и готовилась к наступлению на Острог, Шепетовка), начало атаки было перенесено на 9 утра 26 июня. От 4-го мехкорпуса в контрударе должна была принять участие одна только 8-я танковая дивизия. **[217]** Эта дивизия на тот момент вела бой с немецкой пехотой в районе Яворов, Магеров и выдвижение к Бродам еще даже не начинала. 15-й мехкорпус выходить из леса упорно не желал. Таким образом, сокрушительный удар трех мехкорпусов превратился в наступление одного 8-го мехкорпуса.

В мехкорпусе три дивизии. Участие в наступлении приняли две (12-я и 34-я танковые). Что делала 26 июня дважды Краснознаменная, ордена Трудового Красного Знамени 7-я моторизованная дивизия имени М.В. Фрунзе – понять трудно. В докладе командира 8 МК написано дословно следующее: *«7-я мотострелковая дивизия в 13 часов атаковала противника на участке Бордуляки, Станиславчик, Монастырек, но особых успехов в этом бою не имела и осталась на занимаемом рубеже до наступления темноты».* **[209]** Бордуляки, Станиславчик, Монастырек – это н.п. у реки Стырь, на западном берегу которой металась 37-я танковая дивизия 15 МК. Кто там кого атаковал? На всякий случай рекомендую читателю перечитать и пересчитать количество радиостанций в танковых соединениях ЮЗФ, впро-

[81] Существует, однако, документ с указанием причин потерь по каждому из 47 танков Т-35. Из него следует, что 6 танков были подбиты в бою у Верба и Птичье, т. е. до пригородов Дубно они, несомненно, дошли. Еще 12 поломались и оставлены в июле, уже во время отхода от Броды-Дубно на Золочев, Тарнополь. 29 танков, действительно, «к району Дубно не дотянули». Из них 12 потеряны на марше по причинам поломки КПП и трансмиссии («сгорел фрикцион»), что в равной степени может быть связано как с износом техники, так и с безграмотными (или преднамеренными) действиями механика-водителя.

чем, для связи через р. Стырь в ее верхнем течении можно было перекликаться голосом или запускать бумажных «голубей» с записками…

Главное в этой загадочной истории то, что при наличии в районе г. Броды двух (7-й и 212-й) мотострелковых дивизий (а это суммарно 4 полка, 12 батальонов пехоты), танковые дивизии 8 МК начали форсирование заболоченной поймы речушек Слонувка и Сытенка без надлежащей поддержки пехоты (см. вкл. рис. 7). В разделе «Выводы» ЖБД 12-й тд вполне самокритично сказано:

«Применение танков в бою под Лешнев, Корсув, выс. 241, 0 считаю в корне неправильным, ибо перед дивизией в наличии была речка, которая должна быть взята пехотой, а затем можно было переправить танки. Второе. С начала применения танков был посажен один батальон (в собственном мотострелковом полку дивизии таких батальонов было три. – *М.С.*) *пехоты на танки, который попал при долгом стоянии у реки в связи с невозможностью переправы под огонь минометов и артиллерии; танки настолько густо стояли, что некоторые из них цеплялись гусеницами. Наконец, противника было настолько мало, что применение всей дивизии не встречало необходимости».* **[210]**

Не часто можно встретить в военных документах такие слова («*противника было настолько мало»*), но в данном случае они дважды справедливы. Во-первых, переправы у Лешнев прикрывал один усиленный пехотный батальон вермахта, танковая дивизия для его разгрома – это, действительно, слишком много. Во-вторых, в лесисто-болотистой местности, где на узких проселках развернуть массу танков в боевой порядок трудно (или вовсе невозможно), бессмысленно сгонять их в такую кучу, *«что некоторые из них цеплялись гусеницами*». А в-третьих, и это самое главное, никакой «дивизии» против немецкого пехотного батальона применено не было; фактически, в бою 26 июня участвовала группа танков 12-й тд, численностью менее двух батальонов:

«26 июня. С утра началось наступление 12-й тд на противника, обороняющегося на рубеже р. Слонувка; к этому времени в обоих полках было не более 75 танков (??? см. приведенные выше цифры потерь на марше. – *М.С.*)*, но даже и это количество не могло быть полностью использовано вследствие болотистой местности. Боевые действия за овладение Лешнев, Корсув, высота 241,0 начались вполне успешно, и к 14.00 шесть танков вышли на гребень высоты 241* (4,5 км севернее Лешнев, холм этот на 30–40 м выше окружающей местности. – *М.С.*)*, а пехота форсировала реку и подошла к м. Лешнев, которое было подожжено нашей артиллерией… В районе наступления дивизии действовал 92-й пехотный полк противника, усиленный одним дивизионом ПТО, батареей тяжелых минометов и батареей артиллерии. За период боя наши части потеряли: танков КВ – 5 шт., Т-34 – 18 шт., БТ-7 – 10 шт.».* **[210]** Сразу же отметим, что в докладе командира корпуса названы втрое (!) меньшие цифры потерь танков: *«В этом бою 12-я тд понесла большие потери в личном составе и материальной части: 8 танков было подбито в бою, 2 танка загрузли* (так в тексте. – *М.С.*) *в болоте».* **[209]**

34-я танковая дивизия, сосредоточившись в районе западнее Сребно, наступлением через р. Сытенка на север должна была прикрыть правый фланг основной ударной группировки корпуса. В ЖБД дивизии события дня 26 июня описаны предельно кратко и скупо:

«Ведя бой в лесах севернее р. Сытенка, танковые полки успехов продвижения не имели от сильного артогня. В результате боев имеются потери: свыше 31 Т-26, 5 БТ, 3 бронемашины.

Трофеи – уничтожен штаб 137 десантного отряда[82]*, захвачено до 30 пленных, в т. ч. 3 офицера, уничтожено 17 колесных машин, до 150 велосипедов, 35 мотоциклов, 2 тан-*

[82] Никаких «десантных отрядов», конечно же, не было, но в составе 57-й пехотной дивизии вермахта было четыре подразделения с номером 137 – батальон связи, саперный батальон, разведбат и противотанковый батальон.

кетки, а в районе Крупец уничтожено 4 танка, 2 ПТО. Убитыми и ранеными противник потерял до 250 чел.

Действующий с ротой Герой Советского Союза Фролов в районе Сребно пропал без вести». **[214]**

В августовском докладе о боевых действиях 34-й танковой дивизии дана весьма критическая оценка замысла операции:

«Также вызывает сомнения и использование 34-й тд, когда был приказ командира 8 МК на действия в лесу севернее Радзивиллув при наличии водных преград (р. Слонувка и р. Сытенка), а также заболоченных мест, что стесняло маневренные действия дивизии, и дивизия, встретив сильную артиллерийскую и минометную часть противника, потеряла свыше 30 танков. Предложение командира 34-й тд полковника Васильева было не залезать в леса и на водные преграды, а действовать в направлении Броды по уничтожению двигающихся танков противника из Броды на Радзивиллув»[83]. **[215]**

И тем не менее, даже подобным образом организованный и проведенный удар потряс до основания оборону 48-го танкового корпуса вермахта:

«26 июня. 09.00. Из 57 пд поступило донесение, что южнее Лешнев начался давно ожидавшийся контрудар танковых сил противника. Большая часть сил 57 пд находится в районе Лопатин (т. е. караулит возможные действия 15-го мехкорпуса. – *М.С.*), *и они не могут быть отвлечены для отражения этого контрудара… Положение под Лешнев становится критическим. Усиленный 1-й батальон 179-го пехотного полка оказал стойкое сопротивление и понес при этом большие потери. Несмотря на сопротивление наших войск, русским удалось прорваться при помощи сильной артиллерийской поддержки и танков через реку и обойти поселок с обоих флангов. Из-за непрекращающегося огня противника не удалось подорвать мост, расположенный южнее Лешнев. Отдельные танковые части противника прорвались в район колонии Мытница* (н.п. в 5,5 км южнее Берестечко. – *М.С.*) *и вышли к реке Стырь в районе западнее Берестечко* (странно, но ни один из выявленных советских документов не говорит о столь глубоком продвижении. – *М.С.*).

Наши пехотные и артиллерийские части в районе севернее Лешнев местами начали отходить под давлением со стороны противника. Лишь неорганизованность русской атаки и личное вмешательство командира 57 пд предотвратили дальнейшее ухудшение ситуации. По приказу командования корпуса части усиленного 199 пп, который выдвигается в район Ситно для выполнения задачи по обеспечению флангов, были повернуты [назад к Лешнев] *с целью отбросить прорвавшегося противника.*

12.10. Ситуация, к сожалению, вынуждает задействовать для отражения атаки противника и 16 тд. Дивизия получила приказ бросить в бой все имеющиеся силы в секторе, где прорвался противник. Командование корпуса пытается подтянуть все доступные противотанковые части. По срочным запросам от наземных войск люфтваффе проводит постоянные налеты на крупные скопления противника, замеченные по обеим сторонам от дороги в районе Броды, Лешнев.

14.00 Передовые части 16 тд ведут бои в районе Кременец, в то время как мотопехотная бригада[84] *дивизии, отрезанная в районе Лешнев от остальных сил в ходе прорыва неприятеля, находится еще на западном берегу р. Стырь.*

Ситуация в районе южнее Берестечко остается критической и вечером. Противник, используя танки, наступает из лесной местности северо-восточнее Лешнев, через Редкув

---

[83] Последняя фраза составлена достаточно невнятно. Возможно, имелось в виду следующее: из района Броды, наступая вдоль главной дороги (шоссе Броды, Радзивиллув, Дубно), атаковать танки противника (в реальности это был танковый полк 16-й тд вермахта), двигающиеся по дороге Козин, Кременец.

[84] Танковая дивизия вермахта организационно состояла из двух бригад: танковой (в которой после реорганизации осени 1940 г. остался всего один танковый полк) и мотопехотной, основу которой составляли два пехотных полка.

на Острув (это наступление 34-й тд. – *М.С.*). *Вечером ему удается временно перекрыть дорогу в районе Острув* (и этот успех не отражен в ЖБД 34-й тд. – *М.С.*). *В 18.00 ввиду создавшегося положения командование корпуса приказало подготовить мосты через р. Стырь для подрыва* (уникальная для июня 41-го запись, свидетельствующая о том, что командование вермахта не исключало возможность отступления оперативного масштаба. – *М.С.*). *После того, как были брошены в бой все противотанковые части, находившиеся на южной окраине Берестечко, русские танки, прорвавшиеся к Острув, были отброшены назад с большими потерями…»* **[188]**

Впервые с начала войны для немецких войск в полосе наступления ГА «Юг» сложилась, без преувеличения, критическая ситуация. Тем более примечательна реакция командиров вермахта на такую ситуацию:

«20.30.Так как русские танки подошли на 6 км к командному пункту корпуса, а также по причине постоянных налетов вражеской авиации, сделавших упорядоченную работу невозможной, управление было перенесено на запасной КП, расположенный в усадьбе в 2 км северо-западнее от Берестечко (выделено мной. – *М.С.*).

Оценка ситуации: Факторов, требующих отклонения от первоначального плана, пока не наблюдается (русские танки в 8 км от штаба корпуса – это не повод для изменения планов наступления). *В штабы дивизий высланы радиограммы с указаниями на 27 июня. Общий приказ по корпусу издаваться не будет. 57 пд должна отбить участок реки близ Лешнева. Если противник попытается контратаковать, принять все меры для отражения этих контратак. Задачи для 11 тд те же, что и 26 июня – наступление через Острог в направлении на Шепетовку* (т. е. на 100–130 км к востоку от Берестечко. – *М.С.*)…

Опыт боевых действий:

Несмотря на то что русские ударили в очень уязвимое место на фланге корпуса, они не смогли использовать плоды своей удавшейся атаки под Лешнев. В глубине полосы прорыва с их стороны не отмечается какого-либо планомерного управления боем. Противник распыляет ударный кулак в разрозненных, не связанных с собой ни по времени, ни по месту атаках небольших групп танков (или даже одиночных машин), которые почти никогда не сопровождаются пехотой. Именно из-за этого распыления сил нашим относительно малочисленным противотанковым средствам удалось отбросить танковые части противника и уничтожить при этом много русских танков…» **[188]**

Делая эту запись в Журнале боевых действий, немцы еще не знали, как сильно им повезло – командование 12-й танковой дивизии (главной ударной силы 8 МК) оценило постоянные налеты вражеской авиации, да и активное сопротивление противника в целом, как «фактор, требующий радикального изменения первоначального плана». В ЖБД 12-й тд это описано так:

«С 14.00 до 20.00 было совершено свыше 20 налетов бомбардировочной авиации на части дивизии и ее тылы. При отсутствии нашей авиации самолеты противника летали очень низко. Тылам полков и дивизии был нанесен большой ущерб, сожжено с боеприпасами, ГСМ и другим имуществом (пропуск в тексте) *машин… Невыносимые действия авиации противника заставили командира 12-й тд принять решение на вывод дивизии из боя. К 24.00 дивизия была выведена из боя и к утру 27.6 сосредоточилась* [в районе города] *Подкамень».* **[210]**

Сосредоточилась в Подкамень – это отход на юг от Лешнева на 40 км! Солидный марш-бросок. В подготовленном позднее в ГАБТУ Красной Армии документе под названием «Ошибки, допущенные в действии 8 МК» этот выход из боя описан так: *«В лесах в районе Болдуры* (н.п. в 6 км южнее Лешнев. – *М.С.*) *26.6 танковые части 12-й тд подверглись сильной бомбардировке авиацией противника и начали стихийно отходить в направлении Броды, Подкамень. На дороге танки встречались работниками штаба 8 МК и груп-*

пами отправились в район Броды (т. е. ловили и поворачивали их уже за Бродами. – *М.С.*). *В результате командир 12 танковой дивизии к исходу дня 26.6 отошел в Подкамень с 30 танками. Штаб дивизии потерял управление полками, также, очевидно, было утеряно управление в штабах танковых полков и батальонов».* **[217]**

Оперативная сводка № 09 штаба ЮЗФ в 20–00 26 июня подвела итоги первого дня контрнаступления следующим образом: *«8-й мехкорпус в 9.00 26.6.41 г. нерешительно атаковал механизированные части противника из района Броды в направлении Берестечко и, не имея достаточной поддержки авиацией и со стороны соседа слева (15-го мехкорпуса), остановлен противником в исходном для атаки районе. 15-й мехкорпус, действуя так же нерешительно, не выполнил приказ на атаку…»* **[218]**

Второй день наступления (27 июня) описан в ЖБД 12-й танковой дивизии с беспримерным лаконизмом и спокойствием воистину эпическим: *«Боевых задач перед 12-й тд поставлено не было. Части дивизии в районе Подкамень приводят себя в порядок, подтягивают отставшую материальную часть, пополняют израсходованное в течение 26.6.41 г.».* Точка. В переводе с русского на русский: «С утра выпил – весь день выходной». Командование дивизии так быстро и так далеко укатилось из зоны боевых действий, что в течение целого дня якобы не смогло связаться со штабом 8-го мехкорпуса и узнать о происходивших там событиях и отданных приказах.

События эти на протяжении многих десятилетий обсуждаются на страницах исторической и мемуарной литературы. Читающей публике они известны, главным образом, по мемуарам (очень ярко написанным безвестным «литературным негром») Н. Попеля, на тот момент – заместителя командира 8 МК. В версии Попеля дело было так: на рассвете 27 июня в штаб корпуса поступил приказ об отводе мехкорпусов за линию Золочев, Подкамень, Почаев; несколько часов спустя поступил приказ прямо противоположного содержания – наступать на Дубно; еще через пару часов в расположение 8-го мехкорпуса прибыл лично заместитель командующего ЮЗФ корпусной комиссар (это такое звание) Вашугин и, не стесняясь в выражениях и угрозах, потребовал начать наступление немедленно. **[211]** Н.С. Хрущев в своих всемирно известных мемуарах, вспоминая последний разговор с Вашугиным, приводит слова Вашугина о том, что тот якобы отдал командирам мехкорпусов какие-то устные приказы, противоречившие приказам Военного совета фронта. **[219]**

Что там произошло на самом деле? С полной уверенностью можно сказать только одно – история эта очень мутная. Начнем с того, что даже в детском саду приказы о списании манной крупы и зачислении уборщицы на работу оформляются в письменном виде, однако «стоп-приказ» командования фронта если и был отдан, то устно и через посыльного. По крайней мере, именно так описано это в многократно упомянутом выше докладе командира 8-го мехкорпуса: *«В 2.30 27.6.41 г. к командиру 8-го механизированного корпуса прибыл генерал-майор Панюхов и передал ему следующий устный приказ командующего Юго-Западным фронтом…»* **[209]**

Августовский доклад командования 15 МК содержит совершенно феерическую фразу: *«27 июня. На основании приказа Юго-Западного фронта № 0019 от 28.6.41 г. к утру 29.6.41 г. приказано отойти на рубеж Золочовских высот…»* **[198]** 27 июня в корпус поступает приказ от 28 июня? Номер загадочного приказа 0019, но при этом существуют (во вполне письменном виде) приказ 0017 от 27 июня и приказ 018 от 28 июня, причем последний ставит задачу «использовать успех 8-го мехкорпуса», а самому 8 МК приказано наступать на восток от р. Иква, от Дубно на Острог; другими словами, приказ № 018 мог появиться только после отмены «стоп-приказа», после приказа о наступлении на Дубно и даже после донесения об успехах этого наступления.

Наконец, для полноты картины полного хаоса, составители сборника СБД-36 после упоминания «приказа № 0019» дали сноску: *«В настоящем сборнике не публикуется, т. к. не поддается прочтению».* Это как? История отпустила Юго-Западному фронту 4,5 тысячи танков, но исправной печатной машинки в штабе фронта не было?

С нумерацией приказов командования ЮЗФ вообще полная «беда». 28 июня выходит приказ № 018, а 29 июня появляется приказ № 0025. Конечно, в течение полутора суток могло быть отдано несколько приказов, но не семь же штук! В докладе Рябышева приведен совсем уже несуразный номер: *«В 6.00 27.6.41 г. в районе 2 км южнее Броды через бригадного комиссара Михайлова был получен второй приказ командующего Юго-Западным фронтом № 2121 от 27.6.41 г. о наступлении 8-го механизированного корпуса с 9.00 27.6.41 г. в направлении Броды, м. Верба, Дубно…»* **[209]** Даже если приказ, врученный командиру 8 МК, был оформлен как т. н. «частный боевой приказ» (в этом случае должна была быть другая нумерация, не совпадающая с нумерацией общих приказов комфронта), то непонятно, как на шестой день войны мог появиться документ с таким порядковым номером?

Не занимая более внимание читателя дальнейшим выяснением деталей этой темной истории, отметим два, существенно важных и бесспорных, вывода. Первый: в штабе Юго-Западного фронта не было ни единства воли, ни твердости в принятии решений и проведении их в жизнь. Второй: на реальные действия (и бездействие) дивизий 8-го мехкорпуса вся эта утренняя чехарда с приказами не оказала заметного влияния. 12-я тд откатилась (используем такой, обтекаемый термин) в Подкамень **еще до появления «стоп-приказа»** (если только этот приказ существовал в действительности) и большей частью своих сил просидела в Подкамень весь день 27 июня, уже не обращая внимания на какие-либо приказы фронта и корпуса.

Что же касается 34-й тд, то она никуда не «откатывалась», а с утра и до вечера 27 июня продолжала вести бой севернее р. Сытенка, в полосе Хотын, Козин. Такой вывод основан не только на ЖБД 34-й тд, он прямо подтверждается документами противника (ЖБД 48-го танкового корпуса вермахта):

«27 июня… Начиная с раннего утра, противник переправляется через реку севернее плацдарма и снова большими силами атакует наши подразделения… Попытки русских прорваться в этом секторе, как и ожидалось командованием корпуса, идут полным ходом…

14.30. Выдвижение мотопехотной бригады [16-й тд] *постоянно прерывается из-за вражеских танков, действующих из лесов южнее дороги* [Острув-Козин]. *Бригада с полудня находится в бою близ Хотын…*

19.00. Мотопехотной бригаде все еще не удалось установить связь с передовыми подразделениями 16 тд. Бригада ведет бой с крупными силами противника в районе Гонoратка (н.п. в 5 км восточнее Хотын. – *М.С.*)*, при этом уничтожено много вражеских танков…»* **[188]**

Итак, в первой половине дня 27 июня расположение немецких войск в «треугольнике» Берестечко, Дубно, Кременец сложилось следующим: 11-я танковая дивизия ушла далеко на восток и уже заняла Острог (50 км восточнее Дубно), 16-я танковая дивизия оказалась разорванной на две части – танковый полк ушел по дороге на Кременец, где и был остановлен на рубеже р. Иква соединениями 2-го эшелона ЮЗФ, а мотопехотная бригада дивизии была связана боем с частями 34-й танковой дивизии полковника Васильева в районе Хотын; 57-я пехотная дивизия держала оборону фронтом на юг в полосе Лешнев, Корсув; с северо-запада к рубежу реки Стырь подходили 111-я и 75-я пехотные дивизии.

В самом Дубно немцы оставили минимальные силы: тыловые подразделения 11-й тд, батальон связи, управление артиллерии и некоторые другие корпусные подразделения 48 ТК; также и на главном шоссе Броды, Верба, Дубно ничего, кроме малочисленных немецких

заслонов, не было. Соответственно, если комиссар Вашугин и вправду топал ногами, грозил расстрелом и гнал вперед, то по сути дела он был совершенно прав – момент для захвата Дубно, важнейшего дорожного узла Западной Украины, был исключительно благоприятный и упускать его было нельзя.

Увы, несмотря на теоретическое наличие массы механизированных войск, своевременно воспользоваться моментом оказалось некому. 12-я танковая дивизия упорно «приводила себя в порядок», 7-я моторизованная очень неспешно отходила с рубежа р. Стырь к Бродам, 34-я танковая была связана боем в междуречье Сытенки и Плящевки. Лишь в 14–30 (такое время указано в Докладе о боевых действиях 34-й тд) передовые подразделения танковых полков 34-й тд начали через Ситно выходить на шоссе Броды, Дубно и к 16 час. головой колонн дивизия уже подходила к Вербе. **[215]** Для подкрепления 34-й дивизии была направлена группа в 30 танков КВ и Т-34 из состава 12-й тд[85], которые «откатывались» гораздо медленнее других и были возвращены к Бродам по приказу командира мехкорпуса; эта группа к исходу дня 27 июня соединилась с дивизией Васильева. **[209]**

Конечный результат богатого событиями дня 27 июня был таков: *«По дороге на участке Смолярня, Верба дивизия уничтожает до 40 мотоциклистов, 4 легких танка, в районе Верба захватывает 20 автомашин и с началом темноты выходит в Подлужье* (32 км по шоссе от Ситно, 6 км до южной окраины Дубно. – *М.С.*). *67-й танковый полк проскакивает в южную окраину Дубно, где подвергается сильному обстрелу ПТО и артиллерии с южной окраины Дубно и из Забрамье* (западный пригород Дубно. – *М.С.*). *Дивизию застает темнота, части дивизии подтягиваются к Подлужье»*. **[215]**

Факт выхода передовых подразделений 34-й тд к пригородам Дубно вполне подтверждается и записями в ЖБД 48 ТК вермахта: *«Вечером многочисленные моторизованные и танковые соединения противника, образовав длинную колонну, прорвались с направления Броды на северо-восток, пройдя между передовыми частями и стрелковой бригадой 16 тд… Атака танковых частей противника у Тараканов* (южный пригород Дубно. – *М.С.*) *в общем направлении на Дубно нанесла более серьезные потери, чем ранее предполагалось. У юго-западной окраины Дубно была отбита еще одна танковая атака неприятеля…»*

До взятия города оставалось, казалось бы, совсем немного. Можно предположить, что донесения об этом поступили в штаб Юго-Западного фронта. По этой, или по какой иной причине, но в 4 часа утра 28 июня появился Боевой приказ № 018, подписанный четырьмя членами Военного совета фронта (Кирпонос, Пуркаев, Вашугин, Хрущев). Документ достаточно пространный, в нем 412 слов, но все они сводятся к одному: «Даешь!» Приказ не только ставил самые решительные задачи, но и впервые жестко указывал – где к исходу дня 28 июня должны оказаться штабы участвующих в операции корпусов.

Общий замысел сводился к тому, чтобы наступлением с трех сторон (с востока, юга и запада) сдавить и раздавить механизированную группировку противника. 36-й стрелковый корпус (три стрелковые дивизии) с рубежа Тростянец, р. Иква должен был выйти на линию Млынов, Козин (глубина наступления 15–20 км), штаб корпуса – в Дубно. 14-я кавалерийская дивизия вместе с корпусными частями 5-го кавкорпуса должна была, наступая с рубежа Кременец, р. Иква, разгромить танковый полк немецкой 16-й тд и к исходу дня дойти до Хотын, Козин (глубина наступления 25 км). Самая ошеломляющая задача была поставлена перед двумя стрелковыми дивизиями 37-го стрелкового корпуса – наступая с рубежа Золочев, Подкамень, Почаев, они должны были выйти на рубеж рек Стырь и Радоставка (глубина наступления 34–40 км).

На таком фоне задачи, поставленные перед мехкорпусами, смотрятся достаточно скромно. 15-й мехкорпус должен был наконец-то занять Берестечко *«и оказать содействие*

[85] В другом месте доклада Рябышева про них сказано «25 тяжелых и средних машин».

8-му мехкорпусу в разгроме прорвавшихся за р. Иква групп противника». 8-й мехкорпус должен был догнать и разгромить *«мотомеханизированные части противника, действующие восточнее р. Иква в направлении на Остpуг»* (т. е. немецкую 11-ю тд). *Уничтожив противника, к исходу дня сосредоточиться Здолбунув, Мизочь, Оженин* (н.п. в 20–30 км восточнее Дубно. – *М.С.*)». **[220]**

И все это – за один день.

28 июня

Мы никогда не узнаем доподлинно – что думали, на что рассчитывали (на что понадеялись безо всякого разумного расчета) три генерала и Хрущев, подписавшие Приказ № 018. Быть может, то была традиционная советская метода управления («если нужна машина с кирпичом, проси две машины»), и они решили, что для того, чтобы продвинуть войска на 3 км вперед, надо приказать наступать на другой конец глобуса… Зато в точности известно, чем все это закончилось. Причем известно из докладов и оперативных сводок, теми же самыми генералами и подписанных:

«Доклад об обстановке Юго-Западного фронта к 22.00 28.6.41 г.

…36-й и 37-й стрелковые корпуса, 15-й механизированный корпус и 14-я кавалерийская дивизия перешли [в наступление] *с фронта (иск.) Дубно, Кременец, Золочов на северо-запад. Наступление развивается крайне медленно и существенных результатов за 28.6.41 г. еще не дало…»* **[221]**

«Оперсводка № 013 к 10.00 29.6.41 г. штаб Юго-Западного фронта.

…36-й стрелковый корпус переходит к обороне по восточному берегу р. Иква на фронте Збытынь, Судовиче, (иск.) Кременец. 5-й кавалерийский корпус (14-я кавалерийская дивизия с 512-м стрелковым полком 36-го стрелкового корпуса) переходит к обороне на рубеже Кременец, Дунаюв (т. е. все остались в исходном районе для запланированного приказом № 018 наступления. – *М.С.*). *37-й стрелковый корпус наступает в направлении Станиславчик, его 139-я стрелковая дивизия в 23.00 28.6.41* [вышла к] *Буск* (т. е. совершила марш, но до линии соприкосновения с противником пока еще не дошла. – *М.С.*)…» **[222]**

«Боевой приказ № 0025. штаб Юго-Западного фронта. 29.6.41 г.

…6-й Армии в составе 36-го стрелкового корпуса (140-я и 146-я стрелковые дивизии), 37-го стрелкового корпуса (141, 139-я и 80-я стрелковые дивизии), 6-го стрелкового корпуса, 5-го кавалерийского корпуса (3-я и 14-я кавалерийские дивизии) прочно закрепиться на рубеже (иск.) Дубно, Кременец, Золочов, Бобрка. 37-й стрелковый корпус с наступлением темноты 29.6.41 г. отводится на рубеж Нв. Почаюв, Ясенув (т. е. все завершилось отводом на исходный для несостоявшегося наступления рубеж. – *М.С.*)*».* **[223]**

В тот же день, 29 июня, Военный совет фронта выпустил директиву (б/н), в которой дал оценку действиям некоторых соединений, принимавших участие в боях у Дубно, Кременец:

«…Связи с соседом никто не организует. 14-я кавалерийская и 141-я стрелковая дивизии (37 СК) *находились между собой в 12 км, не знали о месте нахождения друг друга… Радио используется плохо. Радиосвязи между 36 СК, 8 МК и 19 МК не было из-за отсутствия* (отсутствие чего? раций? радистов? аккумуляторов? зарядных устройств?) *волн и позывных* (т. е. элементарных организационных усилий соответствующих штабов. – *М.С.*)… *В войсках имелись случаи паники (140-я и 146-я стрелковые дивизии 36-го СК), когда, даже не видя противника или при незначительном его появлении, подразделения бежали в тыл, бросая все на своем пути, а командиры подразделений и частей должных мер к установлению порядка не принимали…»* **[224]**

28 июня, после многодневной подготовки, изготовки и сосредоточения перешел, наконец, в наступление 15-й мехкорпус. Номинально в сокрушительном ударе участвовали три танковые дивизии (8-я, 10-я и 37-я), еще неделю назад совокупно имевшие на своем вооружении более 950 исправных танков, в т. ч. 114 КВ и 212 Т-34. К утру 28 июня порядка 530 танков пропали неведомо куда. Испарились на жарком июньском солнце. Были и боевые потери – около 100 танков потеряли к тому времени 8-я и 10-я танковые дивизии (о каких-то точных цифрах при таком «порядке в танковых частях» говорить не приходится). В любом случае, оставалось еще более трех сотен танков (главным образом, в составе 37-й тд). По немецким меркам, этого хватило бы на укомплектование двух танковых дивизий.

Пехоты (не в абсолютном измерении, а в пропорции к такому количеству танков) было мало – два мотострелковых полка 10-й и 37-й танковых дивизий (мотострелковый полк 8-й тд оставался в западных пригородах Львова). Была, правда, еще и целая, ни разу не участвовавшая в боях 212-я мотострелковая дивизия, но она продолжала упорно «оборонять» (не соприкасаясь с противником) район Броды, Радзивиллув (т. е. находилась в полосе соседнего 8-го мехкорпуса).

Противник за время, потраченное ранее 15 МК на бесцельное метание по лесу, успел значительно усилить свою оборону – части 57-й пд сменили две подошедшие от границы пехотные дивизии (297-я пд у Радзехува и 9-я пд у Лопатина). Не приходится сомневаться в том, что оборонительный рубеж по заболоченному берегу речушки Острувка был немцами основательно подготовлен, так что в данном случае слова *«сильно укрепленный противотанковый район»* уже не лишены основания. В целом, принимая во внимание условия лесисто-болотистой местности, задача, стоявшая перед 15 МК, не была такой простой, как можно подумать, глядя на одно только количество задействованных советских танков.

Сразу же отметим, что в ЖБД немецкого 48 ТК в записях от 28 и 29 июня нет никаких, даже самых малейших упоминаний о боевых действиях в районе якобы состоявшегося наступления 15-го мехкорпуса. И это несколько странно, учитывая, что острие контрудара было нацелено на место расположения штаба 48 ТК, а от Лопатина до Берестечко всего 25 км. Таким образом, нам в описании событий дня 28 июня придется пользоваться главным образом августовскими докладами командования 15 МК и его дивизий. Впрочем, при внимательном чтении и они вполне красноречивы.

Первой, в 11 часов 28 июня, в наступление перешла 10-я танковая дивизия в составе остатков двух танковых полков и почему-то только одного (из трех) стрелкового батальона 10-го мсп. Где было все остальное, включая понтонно-мостовые подразделения, – лучше не спрашивать. Дивизия (вернее сказать – ее жалкая тень) ткнулась в заболоченный берег р. Острувка севернее Лопатина, и на этом все закончилось. Правда, в докладе мехкорпуса дано драматичное описание ожесточенного боя:

«Перейти гать ур. Воля Адамовска, Северувка части дивизии не смогли, были окружены (?) *противником… Командир 15-го мехкорпуса полковник Ермолаев, видя всю обстановку и невозможность частям 10-й тд переправиться через р. Острувка по одной гати, находящейся под обстрелом до дивизиона тяжелой артиллерии и противотанковых орудий противника из района Лопатынь и из района Охладув* (от Охладув до злополучной гати примерно 10 км, и что самое странное – именно в районе Охладув сосредотачивалась для наступления «сводная группа» 8-й танковой дивизии)*, выслал делегата связи* (при исходном наличии 12 радиостанций в 8-й тд и 17 радиостанций в 10-й тд) *в 8-ю танковую дивизию для передачи устного приказа дивизии на форсирование р. Острувка в районе Гута Шкляна для поддержки 10-й танковой дивизии с запада ударом на Лопатынь…* (далее идет подробный рассказ про злоключения делегата связи).

…В 21 час пехота противника с противотанковыми орудиями просочилась с направления Оплуцко и Колесники (т. е. с юго-запада) *в леса ур. Воля Адамовска, где и завязался*

огневой бой танков с пехотой. Наступала ночь. Все попытки 10-й танковой дивизии переправиться через р. Острувка не увенчались успехом… Оставаться 10-й танковой дивизии в данном районе на ночь, находясь под перекрестным огнем артиллерии (несколькими страницами ранее в докладе сказано, что к началу «наступления» в 10-й тд было 10 гаубиц калибра 122-мм и 12 гаубиц калибра 152 мм, т. е. вдвое больше, чем дивизион противника) *и будучи окруженной, было бесцельно и могло привести к потере всей дивизии…»*

С 11 утра до позднего вечера, в ходе этого ожесточенного боя 10-я танковая дивизия понесла потери: *«танков КВ – 1 штука, БТ – 7 штук, Т-34 – 1 штука* (итого 9 танков), *ранено – 6 человек, убито – 1 человек. Пропал без вести командир 10-го артполка* (произвел ли этот полк хотя бы один выстрел по врагу?) *майор Боковнев».* Противник, окруживший и разгромивший – ну, если не дивизию, то два батальона (танковый и стрелковый), также понес потери: *«По данным очевидца, уничтожена батарея противника и 15 мотоциклов».* **[198]**

Боевые действия 8-й танковой дивизии описаны дословно так: *«8-я танковая дивизия, получив устный приказ через делегата связи, вела бой с противником до 29.6.41 г. в направлении Охладув, подвергаясь сильному артиллерийскому обстрелу и неся большие потери, из района Охладув отошла в лес юго-восточнее Охладув*». Несколько слов про этот бой обнаруживаются и в «Отчете о боевых действиях 8-й тд», вот они все до одного: *«Сводный танковый полк вел бои в районе Охладув, Топорув, находясь в подчинении командира 15 МК. В результате боев потеряно 12 танков. ГАП вел бой, находясь на огневых позициях в районе Холоюв* (т. е. в 10 км от танкового полка)*, Воля Холоевска».* **[173]**

Единственная попытка выполнить приказ о наступлении наблюдается лишь в действиях 37-й танковой дивизии. К сожалению, попытка была неумелая, неорганизованная и обошлась дорогой ценой. В соответствии с решением командира, дивизия должна была переправиться на восточный берег р. Стырь в районе м. Монастырек, пройти по проселку до Бордуляки и там переправиться на западный берег (см. вкл., рис. 6). Никаких пояснений к этому замыслу в докладе нет, но можно предположить, что таким образом командир решил избавиться от необходимости наводить две переправы через заболоченные устья рек Радоставка и Острувка. Весь этот план рассыпался вместе со взорванным противником мостом у Бордуляки. Тогда было принято решение переправляться через р. Стырь у Станиславчик, но там уже был противник численностью до батальона пехоты.

«В 14.00 28.6.41 г. мотострелковый полк с 3-м батальоном 74-го танкового полка начал атаку переправ у Станиславчик. Развернувшиеся на восточном берегу р. Стырь у переправ головные батальоны 73-го танкового полка с небольшим запозданием организовали огневую поддержку мотострелкового полка, который к этому времени занял переправы, понеся значительные потери. Форсировав р. Стырь, 6–8 танков 3-го батальона 74-го танкового полка, действовавшие совместно с мотострелковым полком по захвату высоты 202,0 (примерно 1,5 км к западу от переправы. – *М.С.*)*, оказались под сильным огнем артиллерии противника со стороны ур. Ляс Денбник и были подбиты.*

Понеся значительные потери и не имея достаточной танковой поддержки (при наличии более 200 танков, в т. ч. 26 танков Т-26, вооруженных трехдюймовой пушкой. – *М.С.*)*, мотострелковый полк вынужден был приостановить наступление и перейти к обороне на западном берегу р. Стырь непосредственно у переправ Станиславчик. В свою очередь противник, прикрывавший силой до батальона переправы на западном берегу р. Стырь, понеся большие потери, начал поспешный отход в направлении высоты 202,0, ур. Ляс Денбник. 73-й танковый полк, продолжавший вести огонь по отходящему противнику, вследствие временной потери управления с большим трудом удалось переправить на западный берег р. Стырь с тем, чтобы продолжать атаку на плечах отходящего противника…»* **[200]**

Теперь предстояло преодолеть рубеж злосчастной «реки» (периодически в докладе командира 37-й тд ее называют «ручьем») Острувка. Эта задача оказалась неразрешимой: *«Попытка переправиться по мостам через р. Острувка севернее высоты 202,0 была безуспешной, так как головные 2–3 танка, подошедшие к мосту, были моментально подбиты и загорелись. Несколько танков пыталось обойти мост справа и слева, но это оказалось невозможным; танки застряли в болоте и были подбиты артиллерийским огнем противника. Стало совершенно очевидным, что без мощного артиллерийского огня и пехоты наступление продолжать нельзя…»*

Совершенно очевидным это стало к моменту написания августовского доклада. 28 июня оценки ситуации были другими. В одном из архивных дел АБТУ ЮЗФ обнаружился листок бумаги, подписанный начальником штаба 37-й тд подполковником Семчуком: *«Командиру 73 тп. Монастырек. 18.00 28.6.41. Командир дивизии приказал немедленно, под личную ответственность занять переправу и продолжать выполнять задачу».* **[227]** Напоминания про «личную ответственность» не помогли, первые с начала войны боевые потери и гибель командиров быстро и необратимо деморализовали войска. *«По данным начальника штаба мотострелкового полка капитана Карцева, потери полка – около 60 % всего состава полка. Убит командир полка майор Шлыков и его заместитель майор Шварц. Рубеж, занимаемый 37-м мсп по южному берегу р. Стырь* (так в тексте, но если верить сообщению о том, что полк все-таки переправился на западный берег р. Стырь, то должно было быть написать «по северному берегу». – *М.С.*) *на участке Бордуляки, Станиславчик, усеян трупами и ранеными. 37-й мотострелковый полк сильно деморализован».* **[228]** Поздним вечером 28 июня дивизия отошла на южный берег р. Радоставка, т. е. вернулась в свой исходный район.

На этом наступательные боевые действия 15-го мехкорпуса закончились. Дальше был непрерывный отход, который завершился за Днепром.

Главные события дня 28 июня развернулись у шоссе Броды, Дубно, в полосе наступления 8-го мехкорпуса. Корпус на тот момент оказался разделенным на две части: передовая группа (34-я танковая дивизия и сводный отряд из 30 танков 12-й тд под общим командованием комиссара Попеля), прорвавшаяся к южным пригородам Дубно, и основные силы в составе 7-й моторизованной и 12-й танковой дивизий, сосредоточившиеся у г. Броды. Там же, у Броды и севернее (вдоль дороги на Лешнев), находилась и 212-я моторизованная дивизия 15 МК (теоретически выведенная в непосредственное подчинение командования фронта, а фактически не управляемая никем). Задачей прошлого дня для 8 МК было взять Дубно (или, по меньшей мере, соединиться главными силами с передовой группой у Дубно), задача, поставленная приказом ЮЗФ № 018, предполагала наступление восточнее р. Иквы в направлении Мизоч, Острог.

Эти планы так навсегда и остались на бумаге. Дальше поселка Верба (на шоссе Броды, Дубно) 8-й мехкорпус не прошел; строго говоря, и до Вербы-то дошел всего лишь один батальон 7-й мд, а основные силы корпуса застряли у перекрестка дорог близ Тарновки (см. вкл., рис. 7).

В ЖБД 48 ТК вермахта об этом сражении сказано до обидного мало: *«28 июня… Снова поступают доклады об очень длинной моторизованной колонне в сопровождении танков, движущейся от Броды к Дубно… Мотопехотная бригада* [16-й танковой дивизии] *ведет бой южнее Козин, а также в непосредственной близости от него; бригаде удалось полностью уничтожить несколько сильных пехотных соединений русских, а также подбить много танков врага».* И это – все. Что же касается танкового полка 16-й тд, то он только поздним вечером 28 июня получил приказ прекратить наступление на Кременец, развернуться на 180 град. и выйти к Вербе; разгром 8-го мехкорпуса состоялся без его участия. **[188]**

То, что в масштабах командования немецкого танкового корпуса оказалось всего лишь малозначимым эпизодом, надолго запомнилось рядовым солдатам вермахта. В послевоенной «Истории боевого пути 16-й танковой дивизии»[86] бой с русскими танками описан с большим драматизмом:

«…Бойцам 8-й роты 64-го мотопехотного полка пришлось нелегко в битве с тяжелым русским танком. С постоянно меняющихся огневых позиций он подавлял пехоту огнем и затягивал взятие деревни… Тарновка сотрясалась от взрывов противотанковых гранат, дома полыхали, все имеющееся в наличие оружие было направлено на уничтожение танков. Ветер разносил вокруг дым и гарь. Одному тяжелому пехотному орудию (короткоствольная 150-мм полковая пушка. – *М.С.*) *удалось подбить два средних танка. 50-мм противотанковые пушки были бесполезны на удалении даже 400 м. Все новые стальные колоссы входили в Тарновку, но бойцы 16-й танковой дивизии держались достойно. Одна 88-мм зенитная пушка в течение получаса уничтожила 4 танка. Когда атака была отражена, убитые и раненые подобраны и дым рассеялся, на поле боя можно было насчитать 22 подбитых танка…»*

Г-н Исаев, процитировав данный фрагмент «Истории 16 тд», сопровождает его таким комментарием: *«Этот эпизод хорошо характеризует напряженность происходившего сражения»*. **[22]** С такой оценкой я полностью согласен: немецкие солдаты, сражавшиеся против «стальных колоссов», не имея адекватного задаче противотанкового вооружения, действовали с большим напряжением; можно даже сказать – с мужеством и стойкостью. Однако, на мой взгляд, данный эпизод прежде всего и главным образом характеризует масштаб «танкового падежа», произошедшего в 8 МК еще до боя. Немцам на десятки лет запомнилась схватка с одним КВ (*«тяжелым русским танком»*), и они с гордостью вспоминают о том, что ценой больших потерь подбили 22 русских танка. А где же при этом были все остальные?

К началу войны 12-я тд имела на своем вооружении 335 исправных (подчеркнем это слово тремя чертами) танков, в том числе 156 КВ и Т-34. За время марша в район сосредоточения было потеряно то ли 8, то ли 18 танков. Что же касается отставших на марше, то с 24 по 28 июня все танки могли бы уже дважды доползти от Львова до Броды. В бою у Лешнева 26 июня было потеряно то ли 8, то ли 33 танка. Заметьте, что и минимальные цифры взяты не «с потолка», а из самых что ни на есть «архивных документов». Но даже если принимать во внимание только максимальные оценки, дивизия к 28 июня потеряла всего 51 танк, в т. ч. 17 КВ и 21 Т-34. Еще 30 танков ушло вместе с 34-й тд к Дубно; предположим, что все они были «новых типов» (КВ и Т-34). Даже при такой жесткой методике подсчета получается, что в Тарновку должны были войти «стальные колоссы» в количестве 254 танков, включая 88 несокрушимых («*50-мм ПТО были бесполезны на удалении даже 400 м*») КВ и Т-34. И еще 83 танка БТ из состава 7-й мд, до сего дня фактически не воевавшей. Где все это?

Во второй половине дня к месту боя подошли части 75-й пехотной дивизии вермахта и перерезали шоссе в районе Ситно, в тылу колонны войск 8-го мехкорпуса. Дальнейшее описано в различных документах с одинаковым содержанием, но с разной степенью эмоциональности.

Журнал боевых действий 12-й тд: *«Командир 8 МК, оценив неблагоприятную обстановку, отдал распоряжение на выход из боя. Отходящая колонна штабных и транспортных машин справа прикрывалась остатками* (???) *танков. При вступлении в бой танк* [командира дивизии] *генерал-майора Мишанина был подбит и загорелся. В этом бою были убиты командир 12-й тд генерал-майор Мишанин и начальник связи майор Крутиев. В ночь на 29.6 дивизия отводится в район Подкамень для приведения себя в порядок* (этим и там же диви-

[86] В послевоенной Германии такие книги были написаны едва ли не по каждой дивизии вермахта, они представляют собой нечто среднее между любительским историческим исследованием и «дембельским альбомом».

зия занималась весь день 27 июня. – *М.С.*). *В итоге боя у Ситно дивизия имела потери: 6 КВ, 15 Т-34, 7 БТ-7, 11 Т-26, 15 БА-10, 3 БА-20; 37-мм пушек – 8 шт, 122-мм и 152-мм гаубиц – 8 шт., грузовых машин более 190 шт. Указанная матчасть была разбита огнем ПТО или авиацией, сгорела или была приведена в негодность экипажами*». **[210]**

Доклад генерал-лейтенанта Рябышева «Боевые действия 8-го мехкорпуса с 22 по 30.6.41 г.»: *«Командир 12-й тд генерал-майор Мишанин был убит на поле боя, начальник штаба полковник Попов был задавлен в танке* (так в тексте. – *М.С.*), *пом. командира по техчасти был убит. Начальник связи дивизии убит. Командиры 23-го и 24-го танковых полков оказались в окружении* [у Дубно] *вместе с частями 34-й танковой дивизии. Значительная часть начсостава штаба дивизии, подвергнувшись бомбардировке, была частью убита, частью ранена; много начсостава и красноармейцев бежали в панике с поля боя во главе с бывшим заместителем командира дивизии полковым комиссаром Волковым, считая, что все разбито и потеряно. Потеряв большое количество танков, артиллерии и автотранспорта, остатки 12-й танковой дивизии к 24.00 28.6 безо всякой системы управления вышли по частям из окружения и сосредоточились юго-восточнее Броды. С этого времени 7-й мд и остатки 12-й тд перестали существовать как боевые организмы…»* **[229]**

Мемуары Н.К. Попеля: *«В этот момент танк Мишанина загорелся. Генерал не спеша вылез из горящей машины. Ни слова не говоря, один, с пистолетом, пошел поднимать залегшую пехоту. Раздалась очередь, и Мишанин так же молча опустился на землю… Рябышев не покидал горловину* [кольца окружения], *ждал, пока ее минуют замыкавшие движение полки 7-й мд. Только поздней ночью, когда последний взвод миновал «ворота», Рябышев сел на «эмку» и помчался к Бродам. По пути он натыкался на бредущих толпами бойцов, горящие машины, лежащих в кюветах раненых. Рубеж, предназначенный дивизии Нестерова* [12-й тд], *никто не занимал.*

Какие-то неприкаянные красноармейцы сказали, что мотопехота покатила на юг, вроде бы к Тернополю. Комкор повернул на южное шоссе и километрах в двадцати нагнал хвост растянувшейся колонны. Никто ничего не знал. Нестерова и Вилкова (под этой фамилией в мемуарах представлен замполит Волков. – *М.С.*) *не видели. Рябышев попытался остановить машины. Из кабины полуторки сонный голос спокойно произнес:*

– Какой там еще комкор? Наш генерал – предатель. К фашистам утек.

Дмитрий Иванович рванул ручку кабины, схватил говорившего за портупею, выволок наружу.

– Я ваш комкор.

Не засовывая пистолет в кобуру, Рябышев двигался вдоль колонны, останавливая роты, батальоны, приказывая занимать оборону фронтом на северо-запад…» **[211]**

Долгий день 28 июня закончился утром 29-го, когда член Военного совета ЮЗФ, корпусной комиссар Вашугин вернулся в штаб фронта, прошел в свой служебный кабинет и застрелился.

Последний бой

После стремительного «выхода из боя» остатков 7-й моторизованной и 12-й танковой дивизий прорвавшаяся к Дубно 34-я танковая дивизия оказалась почти в полном одиночестве. За словом «почти» скрываются два обстоятельства. Во-первых, на восточном берегу р. Иква, в 10 км от 34-й танковой находилась 140-я стрелковая дивизия, но она «прочно закрепилась на рубеже обороны» и несколько дней спустя, так и не вступив во взаимодействие с танкистами Васильева, откатилась на восток.

Во-вторых, в районе Броды все еще находилась 212-я моторизованная дивизия 15-го мехкорпуса, но и ей оставаться там предстояло недолго. Уже вечером 28 июня дивизия *«под натиском превосходящих сил* (???) *противника отошла на новый рубеж: высота 261,0, Гайе Смоленске, Глушин, Голосковице* (все это в 5–8 км юго-западнее Броды. – *М.С.*)». **[198]** На следующий день, 29 июня, противник действительно появился – немецкая 57-я пехотная дивизия с рубежа р. Слонувка перешла в наступление на Броды, в результате чего утром 1 июля 212-я мд оказалась уже в районе м. Олеюв (36 км южнее Броды). Там она и была разгромлена подошедшими с запада частями недавно введенного в бой 14-го немецкого танкового корпуса: *«В районе Ратьще, Олеюв во время боя с прорвавшейся пехотой и танками противника пропал без вести командир 212-й мд генерал-майор Баранов*[87] *и начальник штаба дивизии полковник Першаков».* После потери командования дивизия быстро и необратимо развалилась – за Днепр к 12 июля вышло всего 745 человек… **[198]**

Тем временем немецкое командование спешно стягивало к Дубно все, что только могло, ибо советская танковая дивизия рядом с важнейшим транспортным узлом была для них как гвоздь в ботинке. Ранним утром 28 июня к Дубно подошли передовые подразделения 111-й пд, к полудню подтянулись и основные силы дивизии, что спасло немцев от немедленной потери города. Помогла им, к сожалению, и медлительность командования «группы Попеля», возобновившей наступление лишь вечером 28 июня. (Рис. 19.)

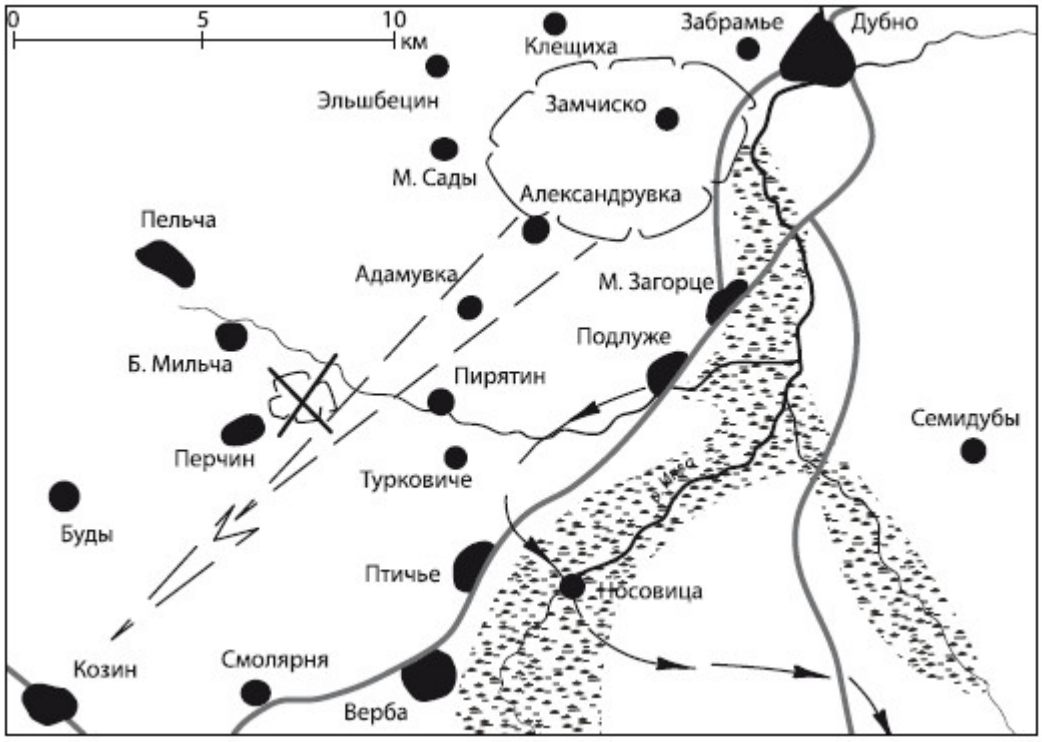


Рис. 19. Сражение у Дубно

«28 июня. В 17.00 по приказу бригадного комиссара т. Попеля 34-я ТД вторично атакует Дубно. 67-й танковый полк в направлении Забрамье (с юга) с одним батальоном мотострелкового полка. 68-й танковый полк атакует Дубно с запада в направлении Александрувка, Эльшбецин, Клещиха.

Противник вводит до двух дивизионов артиллерии из районов западнее Дубно. В районе Забрамье минометные части противника. В Дубно – конница, пехота, обозы и танки

[87] Фактически он был ранен, попал в плен и умер от тифа в немецком лагере для военнопленных.

противника. Дивизию застигает темнота. Имеются в результате боя до 30 танков подбитыми и сожженными, связь с отдельными танками, проскочившими на западную окраину Дубно, потеряна…» **[214]**

Такое бесстрастное описание событий весьма контрастирует с тем, как этот бой описан в ЖБД 48 ТК вермахта:

«28 июня.

19.20. Во второй половине дня, ближе к вечеру, противник на фронте перед Дубно подтянул резервы и артиллерию, проводит разведку боем танками и пехотой. Так как командование корпуса ожидает полномасштабной атаки еще этой ночью или же рано утром, то оно запросило Танковую группу о подкреплении в виде усиленного батальона (оцените масштаб. – *М.С.*) *из состава 55 АК. В противном случае город может пасть. 55 АК удовлетворяет этот запрос корпуса и выделяет один батальон.*

20.00. Воздушная разведка установила наличие в лесу юго-западнее Дубно около 80 танков! (если бы составитель документа знал, сколько танков было в 8 МК и сколько их могло оказаться у Дубно, то он бы, наверное, поставил не восклицательный, а вопросительный знак. – *М.С.*).

24.00. Положение под Дубно является критическим, противник с позднего вечера атакует пехотой и танками в западной части города. Исход боев пока остается неясным. Комендант Дубно запросил срочное подкрепление, но корпус этой ночью пока не может выделить дополнительных сил.

29 июня.

06.00. Нашим войскам удалось, напрягая все силы, отбросить наступающего большими силами противника от окраины Дубно. С 04.00 противник продолжает атаковать пехотой и танками, среди них замечены сверхтяжелые танки с орудием калибра 150-мм (т. е. КВ-2). *Так как наступление собственных танков откладывается, положение в районе Дубно и дальше остается серьезным…»*

С использованием собственных танков у немцев возникла проблема, обсуждение которой, нередко переходя в перебранку, велось 28 и 29 июня. В конечном счете было принято решение направить 16-ю моторизованную дивизию 48-го Танкового корпуса вермахта на помощь 11-й танковой дивизии, со всего разбегу налетевшей в районе Острога на 16-ю Армию Второго стратегического эшелона КА, задача же атаковать с юга и разгромить советские войска у Дубно была поставлена перед 16-й танковой дивизией, танковый полк которой лишь в 14–00 29 июня смог подойти к Вербе. А бой у Дубно тем временем продолжал полыхать с неослабевающей силой:

«С 13.00 противник продолжает энергично атаковать Дубно пехотой и танками при сильной поддержке артиллерии. По всей видимости, в ходе наших контратак противник отброшен назад.

14.35. Получена радиограмма: «Дубно взят русскими!» Радиограмма, к счастью, не подтверждается. Тем не менее ситуация остается напряженной. Скапливаются донесения, но картина продолжает оставаться неясной. По всей видимости, противнику удалось прорваться сквозь боевые порядки 111-й пд юго-западнее Дубно и продолжить наступление на восточную окраину города. Положение 111-й пд тоже пока не ясно.

17.00. Наконец поступает донесение от коменданта города, генерал-майора фон Штумпфельда: все атаки противника отражены, уничтожено большое количество вражеских танков. 44-я пд и части разведывательного батальона 16-й мд [к Дубно] *еще не прибыли…»* **[188]**

В Журнале боевых действий 34-й тд события этого дня (29 июня) описаны с прежней лаконичностью:

«С 6.00 дивизия продолжает атаку Дубно с юга и с запада и основными силами танковых полков выходит: 67 ТП к южной окраине Забрамье, 68 ТП – 800 м западнее Дубно. Пехота МСП несет потери до 40 %. Потери танков: 67 ТП до 40, 68 ТП – 35 (это штуки, а не проценты. – *М.С.*).

Попытки продвижения отдельных групп танков на Дубно расстреливаются артиллерией (напомним, что дивизия Васильева была вооружена главным образом легкими Т-26 с противопульным бронированием. – *М.С.*) *из Дубно, Иванье, Головщица. Брошенные* [в атаку] *танки КВ артиллерией противника выводятся из строя, два КВ сгорают, атака захлебнулась ввиду отсутствия артиллерии и общевойсковой пехоты…*

Дивизия теряет всякую связь с другими частями Красной Армии. В этом бою на подступах к Дубно уничтожено: 9 ПТО противника, до 30 танков, до 65 мотоциклов, 34 грузовые машины. Убитыми и ранеными противник потерял до 200 человек.

В дивизии остается 65 Т-26, 5 КВ (из них один для стрельбы не годен), 2 БТ.

Противник по району полков ведет усиленный артогонь. Район КП беспрерывно обстреливается по площади. Противник разбрасывал листовки с воздуха».

В ночь с 29 на 30 июня у Вербы (т. е. примерно в 15 км южнее Дубно) произошел эпизод, чрезвычайно ярко описанный в ЖБД 48 ТК:

«Ночью от 16-й тд поступило неутешительное донесение, что боевая группа, продвинувшаяся в районе Верба, натолкнулась на превосходящие танковые силы неприятеля и была вынуждена отступить. Помимо этого, ей пришлось вести ночной бой с превосходящей пехотой противника. Вражеские подразделения, атаковавшие с дикими криками «ура!», применили огнеметы. Боевой группе пришлось отступить еще дальше к югу от Верба.

30 июня 1941.

По всей видимости, 16-я тд понесла в ходе тяжелых ночных боев в районе Птичье большие потери…» **[188]**

В боевом донесении штаба 16-й тд вермахта время действия перенесено с ночи на поздний вечер, но само описание события не менее драматично:

«Боевая группа Зикениус (танковый полк, одна батарея 88-мм зениток и один батальон мотопехоты) получила 29.06 задачу пройти через Вербу на Дубно. После тяжелого боя боевая группа вечером дошла до Птичье… В 21.30 русскими была произведена контратака с танками и пехотой. Русские сражались крайне ожесточенно, часто несколько человек одновременно запрыгивали на [наши] *танки и стреляли в членов экипажа. Кроме того, они прикрепляли взрывчатку к стоящим танкам. Поэтому танковый полк около 23.00 был отведен к югу от Вербы. Были потеряны 10 тяжелых танков* (половина всех Pz-IV дивизии. – *М.С.*). *Приказанное на утро 30.06 наступление на Дубно пришлось поэтому отложить…»* **[231]**

Что это было? Откуда взялись «превосходящие силы», которые набросились на немецких танкистов «с дикими криками «ура!», да так, что на следующий день танковый полк 16-й тд оказался не готов к активным действиям? В записи за 30 июня в ЖБД 34-й танковой дивизии есть лишь несколько слов, которые можно как-то связать с этим событием: *«Тылы дивизии и частей в течение 28 и 29 июня организовали оборону с наличием танков, уничтожив 10 танков противника и свыше 10 мотоциклов. Подбитые 12 танков противника, в большинстве – средние танки, используются* [нами] *для борьбы с артиллерией в Верба и Птичье».* Это же сообщение повторяется в августовском докладе о боевых действиях дивизии: *«При смелых инициативных действиях даже отдельных наших машин противник близко не подпускает к себе, снимается и бежит, оставляя любую матчасть… Это подтверждает факт боя тылов 34-й тд, когда было захвачено 12 танков противника, брошенных экипажами».* **[215]**

Но возможны и другие варианты. Может быть, немцев в Вербе атаковали какие-то подразделения 7-й моторизованной дивизии, прорвавшиеся туда еще днем 28 июня. Не исключено, что это были подразделения 140-й стрелковой дивизии, решившиеся пересечь Икву и атаковать противника (а наличие танков немцам в темноте и со страху померещилось).

Как бы то ни было, но успех дерзкой ночной атаки уже мало что мог изменить. Кольцо вокруг редеющей в боях «группы Попеля» стягивалось все туже. К Дубно подошла 44-я пехотная дивизия, затем 299-я пехотная, сменившая перешедшую в наступление на Кременец 111-ю пд. Вечером 30 июня было принято решение (возможно, ошибочное) прорываться из окружения в двух разных направлениях: тылы (включая медсанбат с ранеными) вывести на восток, через р. Иква, а боевым частям прорываться на Козин *«с задачей выхода на дорогу Козин – Кременец для соединения с 14 кд и 140 сд и дальнейшего совместного действия с ними»*.

Первую часть задачи частично решить удалось: *«С наступлением темноты 30.6 тылы дивизии с боем прорываются на Птичье и в дальнейшем через мост у Старая Носовица на шоссейную дорогу, откуда с боями выходят на Кременец, Староконстантинов и дальше в глубину, потеряв в Птичье до 50 % машин, полностью приведенных в негодность артогнем, хлебозавод и понтонный парк понтонного батальона».* Оставшиеся в строю боевые части к 7 часам утра 1 июля подошли к м. Большая Мильча. Там и произошел их последний бой:

«1 июля.

7.00. Дивизия подошла к Мильча и основной массой танков втянулась в северные и южные окраины Мильча. Противник силою до 4 батарей, до 40 ПТО и минометами атакует дивизию… Огнем из района Бол. Мильча и лесов западнее Буды и огнем до 40 танков противника из лесов северо-восточнее Пирятин 34 ТД теряет всю матчасть в бою. В результате боя в дивизии осталось: 13 Т-26, 4 Т-34 и 12 колесных машин. Горючего в машинах нет. В районе боев у Большая Мильча командир дивизии полковник Васильев, зам. командира по политчасти полковой комиссар Немцев и ПНО-1 34 ТД капитан Шевченко, действуя севернее Бол. Мильча в составе группы танков 67 ТП, из боя не выходят и связь с этой группой потеряна.

Личный состав частей дивизии и оставшаяся матчасть приказом бригадного комиссара т. Попеля переводится в лес западнее Белгородка (лесной массив между Буды и Верба. – *М.С.*). *Бензина и продовольствия нет, оставшаяся матчасть для движения не способна. К началу темноты подходит начальник штаба подполковник Курепин и зам. командира дивизии майор Божко. Личного состава из дивизии собрано 395 человек.*

Ночевка в лесу западнее Белгородка. Отдан приказ подполковником Курепиным и бригадным комиссаром т. Попелем на приведение в негодность оставшейся матчасти, боеприпасов и выход из окружения отряда в леса восточнее Верба…» **[214]**

Проделав путь в 250 км по лесам и болотам Волыни[88], «группа Попеля» 24 июля перешла линию фронта в районе Белокоровичи. Из окружения вышли: 46 человек старшего и среднего начсостава, 30 человек младшего начсостава, 73 рядовых бойца. Погибли или пропали без вести командир дивизии, начальник штаба и начальник оперативного отдела штаба дивизии, командир и начальник штаба 67-го танкового полка, начальник штаба 68-го танкового полка, командир, начальник штаба и два командира батальонов 34-го мотострелкового полка.

---

[88] Запись в ЖБД 34-й тд от 6 июля: *«Частые случаи враждебного отношения населения. Заявление бойцам: «Сдавайтесь в плен, немец не расстреливает», «У нас теперь своя власть» и агитация бойцов на сторону врага. Переход госграницы* (советско-польской границы 1939 г. – *М.С.*) *и встреча с колхозниками. Большая симпатия колхозников к Красной Армии».*

Глава 2.4
Луцк

Краткое содержание главы

В государственном военном архиве Германии, в фонде 3-го Танкового корпуса вермахта хранится текст на двух листах бумаги. **[232]** Вверху заголовок: *«3-й корпус в военной кампании 1941 г. против Советской России. Оперативный прорыв до предместий Киева. 22.06. – 10.07.41».*

Отвлекаясь от бравурной интонации военной пропаганды, следует признать, что основная канва событий описана вполне достоверно:

«Когда рано утром 22-го июня 1941-го года пехотные дивизии 3-го корпуса при грохоте трехсот орудий начали наступление через р. Буг в районе Грубешув, вероятно, и самый большой оптимист не мог себе представить, что уже на 19-й день операции, 10-го июля, 3 ТК достигнет свою первую оперативную цель, лежащую в 450-ти километрах. Как далеко был Киев!

Силезцы 298-й и австрийцы 44-й пехотных дивизий в первые два дня прорывают в смелом натиске упорно защищаемые пограничные укрепления противника. Уже на второй день удается бросить вперед сначала 14-ю танковую дивизию через левый фланг корпуса, а затем и 13-ю танковую дивизию через свой правый фланг и южнее него. Обе танковые дивизии соревновались между собой в продвижении к указанной цели после того, как они вышли на оперативный простор юго-восточнее и восточнее Владимира-Волынского… (Рис. 20.)

В то время как 298-я пехотная дивизия еще должна была вести ожесточенный бой за надежное овладение Владимиром-Волынским, танки корпуса сражаются в первом танковом сражении у Александровки и южнее ее (в советских документах обычно упоминается как бой у н.п. Войница. – *М.С.*). *Оно заканчивается уничтожением 267 танков противника и, таким образом, полным успехом. Уже 25 июня был занят Луцк, форсирована р. Стырь…*

13-я танковая дивизия, действуя в стороне от «танковой дороги» (шоссе Луцк, Ровно, Новоград-Волынский. – *М.С.*), *стремительно продвигалась юго-восточнее Луцка и после нескольких тяжелых боев захватила г. Ровно (28 июня), в то время как 14-я танковая дивизия должна была напрягать все свои силы, дабы удержать Луцк против вновь и вновь повторяющихся мощных контратак противника с северо-востока и востока. Как только 14 тд в своей тяжелой борьбе будет сменена неустанно следующей за ней, но все еще связанной тяжелыми боями 298-й пехотной дивизией, танковая дивизия последует вслед за 13 тд на Ровно…*

Обе танковые дивизии стоят теперь у р. Горынь. Вначале южнее, а вскоре и севернее «танковой дороги», а также и по ней самой река с боем форсируется, и войска идут дальше к р. Случь, тем самым выходя к современной и сильно укрепленной «линии Сталина». Едва пересечена Горынь, как проливной дождь размывает все грунтовые дороги на украинском черноземе. В то время как 14 тд вынуждена снова прорываться по «танковой дороге», 13 тд мучительно, транспорт за транспортом, ползет по бездорожью к р. Случь.

Для 14-й танковой дивизии уже в 20-ти км западнее Новоград-Волынского начинается упорная борьба за глубоко эшелонированную «линию Сталина». Здесь необходимо взять первые выдвинутые вперед ДОТы, в то время как 13-я танковая дивизия благодаря необычайной энергии командования и солдат неожиданно быстро справилась со всеми дорожными трудностями и уже 6 июля готова начать прорыв «линии Сталина» у Гульска (н.п. у реки

Случь в 10 км юго-восточнее Новоград-Волынского. – *М.С.*). *На следующий день Гульск взят вместе с ДОТами и переправой через реку, создан плацдарм* [на восточном берегу реки]*, 8 июля части вышли на «танковую дорогу» восточнее укреплений.*

Иначе обстоит дело у 14-й танковой дивизии. Ей предстояло «взять быка за рога». В пятидневной тяжелой борьбе созревшая и для такой ситуации дивизия преодолевает укрепления. Занят город, форсирована река, и таким образом «линия Сталина» прорвана и в этом месте, так же как и непосредственно южнее Новоград-Волынского, где 25-я моторизованная дивизия между двумя танковыми дивизиями успешно присоединяется к наступлению.

Теперь остановок больше нет. Корпусу с выдвинутой вперед 13 тд требуется немногим больше 24-х часов, чтобы через Житомир, где еще происходят отдельные стычки, дойти в наступлении до Киева. Уже рано утром 10 июля первые танки 13 тд доходят до Ирпеня и таким образом стоят непосредственно перед внутренним оборонительным кольцом Киева…

Собственные потери корпуса составляют 806 убитых, 388 пропавших без вести и 2426 раненых».

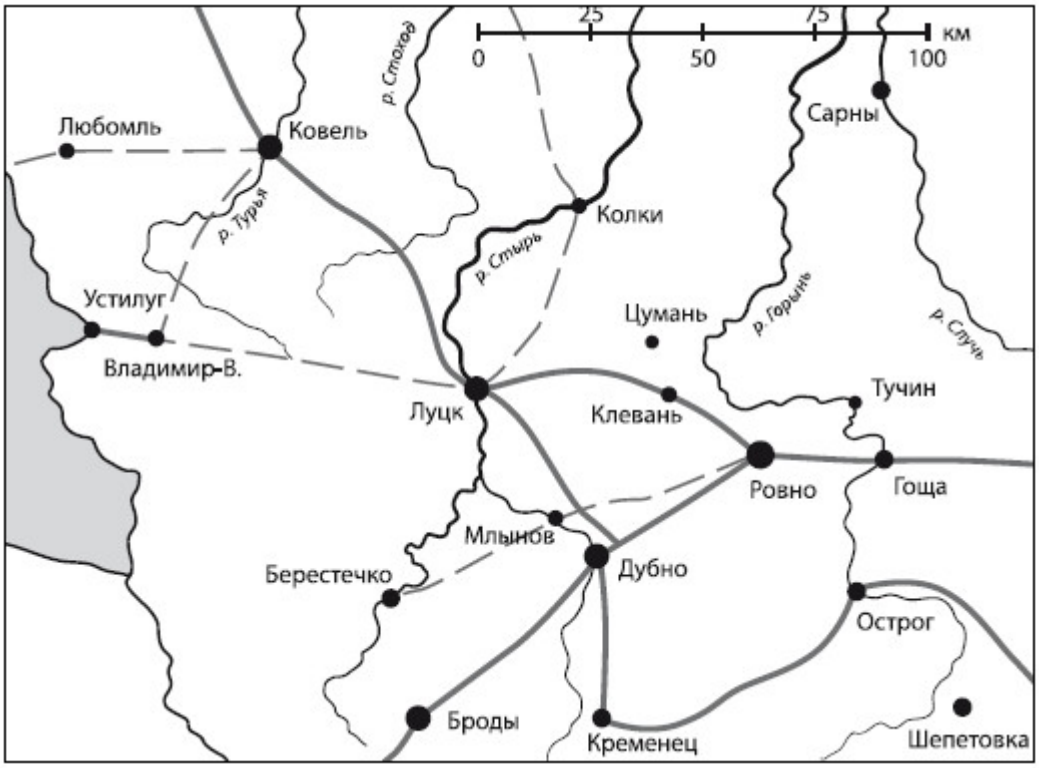


Рис. 20. Полоса наступления 3-го танкового корпуса вермахта

Еще одним «кратким курсом истории» боевых действий на направлении Луцк, Ровно можно считать директивы Военного совета 5-й Армии, выпущенные в конце июня, начале июля 1941 г. Соответствующее архивное дело было рассекречено в мае 2012 г., и теперь мы имеем возможность ознакомиться с тем, как ситуация виделась с другой (восточной) стороны фронта:

«Командиру (вписано от руки: 22 МК) Зам. по политчасти (вписано от руки: 22 МК) 26.6.41

Противник, нахально действуя мелкими группами, прорываясь через незанятые нашими войсками пространства в расположение наших частей, дезорганизует работу, создает среди менее устойчивой части бойцов панику… Немедленно твердой рукой, вплоть

до применения мер дисциплинарного воздействия – расстрела, наведите порядок. Военный Совет Армии предупреждает Вас об огромной личной ответственности перед Советской Родиной.

Установлено, что сегодня ночью 26–27 противник сделает попытку форсировать р. Стырь. Немедленно в течение ночи с 26 на 27 и в дальнейшем расставить начсостав по подразделениям и частям; конкретно разъясните, что за бегство с фронта будет расстрел. В случае появления таких фактов решительно наведите порядок»[89]. **[233]**

«Приказ № 02 войскам 5-й Армии

28.6.41

Преступное отношение к народному достоянию – оружие, боеприпасы, боевые и транспортные машины – принимает широкие размеры. За шесть дней войны утеряно много матчасти. На дорогах бросаются вполне исправные как боевые, так и транспортные машины, оружие и иные виды имущества. Хуже того – к тем, кто совершает это тягчайшее преступление, никаких мер не принимается.

ПРИКАЗЫВАЮ: Командирам соединений наладить строгий учет имущества и за утерю и оставление имущества немедленно предавать Военно-Полевому суду». **[234]**

«Директива Военного Совета 5-й Армии. Всем командирам корпусов, дивизий и их заместителям по политчасти.

Поймите, что эта задача является центральной, ибо Новоград-Волынское направление – это ключ к Киеву… Военный Совет требует от Вас, чего бы это ни стоило, беспрекословно, не обращая внимания ни на какие причины, задачу выполнять. Новоград-Волынское, Житомирское шоссе ни в коем случае противнику не отдавать. Новоград-Волынский УР восстановить и превратить в неприступную для противника крепость.

За самовольное оставление фронта и нежелание настойчиво выполнять поставленные задачи виновных предавать немедленно суду Военного Трибунала, невзирая на лица… Пора понять, что всякие условия отхода создаем мы сами. Позорно, когда Ваши подчиненные от налетов и бомбежки авиации, от разрывов артиллерийских снарядов и свиста пуль бросают оборону или движение вперед и начинают самочинно панически отходить.

Бессилию некоторых командиров и политработников пора положить конец. Этого позора Военный Совет дальше терпеть не намерен. Верховная Ставка в своей директиве пункт 6 требует невзирая на лица расстреливать не только паникеров, но начальников, допустивших панику и самовольный отход без разрешения высшего командования…» **[235]**

Самым же кратким изложением смысла произошедшего может служить та строчка с цифрами немецких потерь, что была приведена выше. 3-й танковый корпус – это три дивизии: 13-я и 14-я танковые, 25-я моторизованная. С учетом корпусных частей набирается порядка 60 тыс. человек. А общие потери за 19 дней безостановочного наступления на огромную глубину, с форсированием трех рек и прорывом двух укрепрайонов, составили всего 3620 чел. Шесть процентов от исходной численности личного состава. Каждая дивизия теряла в среднем за день таких «ожесточенных боев» по 55–60 человек; причем это не безвозвратные, а общие потери, в эти цифры включены и раненые, и заболевшие, и упавшие с машины, подвернувшие ногу, испившие в жару сырой водички из ручья[90]. Да, конечно, если бы Красная Армия совсем не сопротивлялась, немецкие потери были бы еще меньше…

[89] Этот, как приведенные далее приказы, подписали: командующий войсками 5-й Армии генерал-майор танковых войск Потапов, начальник штаба генерал-майор Писаревский, ЧВС дивизионный комиссар Никишев.

[90] В 25-й моторизованной дивизии к 2 июля из общего числа потерь в 236 чел. заболевшие составляли 19 % (45 человек).

В приграничной полосе

Сразу же спешу предостеречь читателя от ошибочного и несправедливого вывода: порядки в 5-й Армии вовсе не были хуже, чем у ее соседей. Скорее наоборот – потеряв почти всю тяжелую боевую технику, соединения 5-й Армии к середине июля сохранили до 30–40 % личного состава, что было совершенно незаурядным явлением. Просто документы штаба Армии сохранились (уже одно это говорит за то, что 5-я Армия была не худшей) и к моменту написания этой книги рассекретились. Рассекретят фонды управления 6-й Армии – и там найдутся точно такие же директивы. Пока же можно, для примера, процитировать приказ № 027 от 5.6.41 г., подписанный Военным советом 6-й Армии:

«…Повысить требовательность к подчиненным. Потребовать от них не отдавать ни одного вершка Советской земли (здесь бы должна была стоять точка, но точки нет. – *М.С.*) *без нанесения тяжелых потерь врагу. В каждой дивизии иметь в 2–3 км от переднего края заградительный отряд и на перекрестках дорог, где собирать покинувших поле боя и возвращать на фронт».* **[236]**

Сложившаяся на Луцком направлении к утру 22 июня ситуация также была вполне типичной для правого (северного) фланга Юго-Западного фронта (см. рис. 8). Противник действовал «строго по уставу» – сконцентрировал в районе Грубешув мощную ударную группировку в составе 298-й, 44-й и 299-й пехотных, 13-й и 14-й танковых дивизий, а также сформировал сковывающую группу в составе 56-й и 62-й пехотных дивизий. Две последние (объединенные в составе 17-го армейского корпуса) наступлением вдоль дороги на Любомль, Ковель должны были прикрыть левый фланг ударной группировки и не допустить переброску частей Красной Армии с Ковельского на Луцкое направление.

Направлением главного удара для немцев была линия Владимир-Волынский – Луцк, главной задачей на первом этапе операции – захват переправ на р. Стырь и выход на автостраду Луцк, Ровно, Житомир. От пограничного Устилуга к Луцку идет шоссе (и в этом смысле задача 3-го Танкового корпуса вермахта была несколько легче, чем у 48-го, который должен был пробираться к реке Стырь у Берестечко по разбитым проселочным дорогам). С другой стороны, и задача обороняющейся стороны облегчалась тем, что местность к северу от «танковой дороги» – это совершенно непроходимый для немецкой армии заболоченный лес; соответственно, немцам предстояло пробивать оборону «в лоб» вдоль шоссе или же попытаться обойти противника с юга, по бездорожной, прорезанной множеством мелких речушек, но возвышенной, открытой и относительно мало заболоченной местности.

В ситуации незавершенного развертывания и сосредоточения войск Киевского ОВО (Юго-Западного фронта) дислокация советских войск к моменту начала войны была следующей. Непосредственно в пограничной полосе оказались три стрелковые дивизии: 45-я и 62-я южнее и севернее дороги Любомль, Ковель и одна стрелковая дивизия (87-я сд) в районе Владимир-Волынского и южнее. Еще одна стрелковая дивизия (135-я сд) находилась в районе Киверцы (12 км северо-восточнее Луцка). Там же была сосредоточена 1-я ПТАБР, полностью укомплектованная, оснащенная орудиями и тягачами. У Владимира-Волынского дислоцировалась 41-я танковая дивизия 22-го мехкорпуса, главные же силы мехкорпуса (19-я танковая и 215-я моторизованная дивизии, корпусные части) находились в районе г. Ровно, в 150 км от границы.

Таким образом, на луцком направлении трем пехотным дивизиям противника (и стоящим за их спиной двум танковым дивизиям 3 ТК) 5-я Армия в момент начала войны могла противопоставить одну стрелковую и одну танковую дивизии. Ситуация, мягко говоря, непростая. С другой стороны, была возможность резко изменить ее в свою пользу: рокировать на юг практически бездействующую 62-ю сд, подтянуть к Владимиру-Волынскому 135-

ю сд, 1-ю ПТАБР и мощный артиллерийский «кулак» (в составе 5-й Армии было четыре отдельных корпусных артполка и один артполк РГК). Да, для осуществления всего этого нужно было время – так ведь и противнику нужно было время для того, чтобы под градом бомбовых ударов навести переправы через пограничный Буг и под шквалом пулеметно-артиллерийского огня ДОТов Владимир-Волынского УРа[91] перевести на высокий восточный берег десятки тысяч людей, лошадей, повозок и машин.

Увы, даже теоретически (не говоря уже о суровой прозе реальной жизни) войска 5-й Армии действовать подобным образом не собирались. Почему? Потому что план прикрытия и план обороны – это совсем не одно и то же (о чем было много сказано в Части 1 нашей книги). История разгрома 5-й Армии дает одну из самых наглядных иллюстраций этой бесспорной истины.

В рамках общего стратегического плана Красной Армии войска 5-й Армии (усиленные к тому же одним стрелковым и одним механизированным корпусами второго эшелона Юго-Западного фронта) должны были наступать по линии Ковель, Любомль, Люблин. Именно в рамках общей задачи, поставленной перед 5-й Армией, разрабатывался план оперативного развертывания войск Армии и план прикрытия, как его составная часть. Короче и проще говоря – все стягивалось к Ковелю. Накануне войны три из пяти артполков Армии уже находились восточнее Ковеля, в повурских лагерях. Полевой командный пункт 5-й Армии был развернут в районе кол. Бытень (20 км юго-восточнее Ковеля), и в час ночи 22 июня туда убыло управление Армии во главе с начальником штаба генерал-майором Д. С. Писаревским. **[43]** Причем этот выход штаба Армии на полевой КП (очевидный признак подготовки к скорому началу военных действий) произошел до того, как в 2-30 в штаб поступила т. н. «Директива номер один».

По приказу командующего 5-й Армией генерал-майора Потапова, отданному в начале четвертого часа утра 22 июня, командиры соединений вскрыли «красные пакеты» и приступили к выполнению задач по плану прикрытия. В частности, Боевой приказ № 1 для 22-го мехкорпуса[92] предписывал выход в район южных и юго-западных пригородов Ковеля к 8 утра М-3, а для 41-й танковой дивизии этого корпуса – к 17–00 М-1. **[269]** В результате утром 22 июня 41-я танковая дивизия – главный из реально находившихся в критической точке резервов командования 5-й Армии – ушла на север по дороге Владимир-Волынский – Ковель, буквально «распахивая дверь» перед наступающими по луцкому шоссе немцами. Две другие дивизии 22-го мехкорпуса (19-я тд и 215-я мд) двинулись из района Ровно опять же к Ковелю.

Доклад «О боевых действиях 19-й танковой дивизии за период 22.6–22.7 41» позволяет проследить маршрут, по которому дивизия выдвигалась к Ковелю. **[237]** Это отнюдь не автострада Ровно, Луцк, Ковель. Многокилометровая колонна танковой дивизии ползла по лесу, примерно в 10–20 км севернее шоссе, но т. к. в лесу прямых тропинок не бывает, то маршрут движения представляет собой сложную, извивистую кривую. В результате и без того неблизкий путь значительно увеличил свою протяженность, и к северо-восточным пригородам Ковеля дивизия подошла лишь поздним вечером 23 (двадцать третьего) июня.

То, что танковая дивизия, оснащенная малосильными Т-26, смогла пройти за двое суток порядка 200 км по дремучему лесу, может считаться беспримерным достижением (немецкие танкисты в такие места и «носа не казали»). Ничего, кроме вреда (потеря времени, повышенный расход бензина, переутомление водительского состава), такое «дости-

---

[91] Как пишет Владимирский (зам. начальника оперативного отдела штаба 5-й Армии), к началу войны было завершено строительство 97 ДОТов В-В УРа, из них 61 ДОТ был вооружен и занят гарнизоном. **[43]** По сообщениям же современных историков, уже к 10 мая в боеготовом состоянии было более 70 ДОТов.

[92] В оригинале документ был датирован «1-й день мобилизации»; далее в тексте «М-3» было исправлено (надписано от руки выше строки) на «24.6».

жение» не дало, а дивизия в результате оказалась в 50 км от поля предстоящего боя. Почему для марша не воспользовались шоссейной дорогой? Никакого ответа, никакого обсуждения этого вопроса в докладе нет. Но можно предположить, что разгадка весьма проста: выдвижение происходило по предвоенному плану прикрытия (это и вовсе не «догадка», а факт), план этот, будучи составной частью общего оперативного плана войны, предусматривал как можно более скрытное выдвижение войск Красной Армии к границе; вот поэтому огромную грохочущую стальную колонну и убрали «с глаз долой» в глухой лес.

Задачи, предусмотренные довоенным планом прикрытия, добросовестно (упорно, бездумно, тупо – читатель может выбрать свой вариант) выполнялись весь день, ибо, как пишет Владимирский, *«в течение 22 июня командующий Армией и штаб еще не располагали данными об обстановке, которые требовали бы изменения группировки сил и внесения корректив в задачи войскам, определенные планом прикрытия».* С тем же стоическим спокойствием Владимирский констатирует: «*Мосты* [через Буг] *находились под охраной войск НКВД, которые не подготовили их к взрыву, и поэтому они достались противнику в полной исправности».* **[43]** В результате первые часы войны на луцком направлении прошли вполне стандартно. В Журнале боевых действий 3 ТК вермахта читаем:

«3.45. 44-я пехотная дивизия. Мост через р. Буг у Гродек (ж/д мост юго-западнее Устилуг. – *М.С.*) *взят…*

4.00. 298-я пехотная дивизия на дороге Забуже, Выдраница (севернее Устилуг. – *М.С.*). *Никакого артиллерийского огня противника…*

4.35. 44-я пехотная дивизия достигла западной окраины леса южнее Березина (н.п. в 3 км от Буга. – *М.С.*). *Никакого сопротивления противника у переднего края обороны…*

5.00. 298 пд в 3.50 начала строительство моста через Буг у Лушков (н.п. в 4 км северо-западнее Устилуг. – *М.С.*). *Начата переправа легкой артиллерии… 44 пд начала строительство военного моста. Два понтонных моста готовы…*

5.50. Донесение в штаб 1-й Танковой Группы. Русские застигнуты врасплох. На передовой только дозоры (часовые)…

6.40. 298 пд дивизия ротой Шульце взяла мосты у Пятыдни (н.п. у пересечения автострады рекой Луг, примерно на полпути между Устилуг и Владимир-Волынский; рота Шульце будет и далее неоднократно упомянута как передовой отряд дивизии. – *М.С.*)… *Командующий 1-й Танковой группы разрешил введение в бой танковых дивизий.*

8-00. Донесение о ситуации в штаб 1-й ТГр: две трети артиллерии 44 пд на восточной стороне Буга…

10–15. Мост у Городло (7 км северо-западнее Устилуг. – *М.С.*) *готов. Две трети дивизионной артиллерии 298 пд на восточном берегу…»* **[238]**

К моменту начала войны 87-я стрелковая дивизия оставалась в лагерях у Владимир-Волынского, у границы находилось лишь по одному батальону от каждого из трех полков дивизии, направленные туда для участия в авральном строительстве ДОТов, да редкая цепочка погранзастав. К 10 часам утра (по «советскому времени») к полю боя начали подходить основные силы 87-й сд. С этого момента и до вечера 23 июня в полосе между реками Буг и Луг полыхало ожесточенное сражение, в отдельные моменты которого немцы на некоторых участках были отброшены к границе.

Командующий 5-й Армией приказал командиру 41-й танковой дивизии оставить в районе Владимир-Волынского и передать в оперативное подчинение 87-й стрелковой дивизии один танковый полк; приказ был выполнен ровно наполовину и в помощь пехоте оставили два танковых батальона[93]. **[239]** Как бы то ни было, контратаки советских войск с участием

[93] В чрезвычайно косноязычно составленном докладе «Итоги боевых действий 41 ТД с 22.6 по 22.7.41» сказано, что

танков отмечены, и в ЖБД 3 ТК вермахта, правда, судя по контексту, речь идет о мелких группах танков, а вовсе не о двух батальонах (порядка 100 танков). Вечером появилась и советская авиация – запись в ЖБД 3 ТК от 21.00 фиксирует «два воздушных налета противника на Устилуг». Это был первый, единственный и при том весьма успешный эпизод боевых действий бомбардировочной авиации ВВС ЮЗФ первого дня войны: 34 бомбардировщика СБ двумя волнами с высоты 1–2 км сбросили *«на скопление танков и пехоты противника»* 226 бомб ФАБ-100, безвозвратных потерь самолетов не было. **[240]**

В целом бой у границы развивался для немцев гораздо менее успешно, чем у правого соседа, в полосе 48-го танкового корпуса. На второй день войны, в 12.45 23 июня, на командный пункт 3-го Танкового корпуса прибыл сам командующий ГА «Юг» фельдмаршал Рундштедт; в результате обсуждения сошлись на том, что *«противник перед 3 ТК сильнее, чем у соседей, так как русские стараются защитить Владимир-Волынский и важную дорогу с запада на восток».* **[238]** Противник не был сильнее (многочисленнее), противник оказался упорнее, но и это упорство не смогло кардинально изменить ситуацию. Сил 87-й сд хватило лишь на то, чтобы два дня удерживать центральный участок полосы обороны у шоссе Устилуг, Владимир-Волынский. Южнее ничего и никого, кроме гарнизонов ДОТов укрепрайона, не было.

К полудню 23 июня 44-я пехотная дивизия вермахта прорвалась через линию ДОТов и начала охват 87-й сд с юга. Появление немецких мотоциклистов на фланге и в тылу дивизии привело к обычным для Красной Армии последствиям – части беспорядочно отошли к реке Луг и за нее, при этом гаубичный артполк дивизии оказался за р. Турья в 17 км севернее Владимира-Волынского, а 16-й стрелковый полк откатился аж до Озютычи (н.п. на правом берегу Турьи в 25 км восточнее Владимира-Волынского).

К утру 24 июня основные силы 87-й сд были окружены в районе Селец (н.п. у реки Луг в 8 км южнее Владимир-Волынский). Сохранившие боеспособность подразделения продолжали сопротивление весь день 24 июня и на рассвете 25 июня, прорвав кольцо окружения, ушли в глухой лесной район в междуречье Турьи и Стохода. В этом бою погиб командир дивизии, генерал-майор Ф. Алябушев. Оперсводка штаба ЮЗФ № 14 от 30 июня сообщает: *«Личный состав 87-й сд в количестве 200 человек под командой* [начальника штаба дивизии] *полковника Бланка прорвался из окружения и присоединился к 15 СК».* **[241]** 200 человек из примерно 6–7 тыс. человек, оказавшихся в окружении[94].

Завершая рассказ о боевых действиях 87-й сд, следует отметить и некоторые количественные параметры, которыми можно оценить реальное содержание событий. Потери 44-й пехотной дивизии вермахта составили 26 убитых и 78 раненых, всего 104 человека[95]. **[242]** 14-я танковая дивизия в боях 23 июня (в первый день войны она еще только переправлялась через Буг) составили 7 убитых и 19 раненых, всего 26 человек. **[243]** Потери 298-й пд за первые десять дней войны были гораздо больше и составили 520 человек; даже если отнести к боям у Владимира-Волынского половину этих потерь, то и в этом случае получается, что за разгром 87-й стрелковой дивизии немцы заплатили потерей порядка 400 человек (включая раненых и заболевших). Довольно трудно соотнести эти цифры с рассказами про «ожесточенные бои и упорное сопротивление» дивизии, на вооружении которой реально числились

приказ о передаче танковых батальонов был отдан в 17.30 22 июня, т. е. в тот момент, когда танковые колонны дивизии уже подходили к Ковелю, в таком случае уместнее сказать, что танки не «оставили», а «вернули» в район Владимира-Волынского.

[94] К началу войны в дивизии было порядка 10 тыс. человек (9973, как указано в одном из документов, но неизвестно – учтен ли там призыв резервистов на «учебные сборы»). Вне кольца окружения остался один из трех стрелковых и один из двух артиллерийских полков. По справкам штаба ЮЗФ, на 15 июля в составе 87-й сд числилось 2611 человек.

[95] В донесении 1-й Танковой группы эти потери отнесены к 2 июля, но, учитывая, что после прорыва приграничной полосы дивизию вывели из состава 1-й ТГр, можно предположить, что указанные в документе цифры отражают только те потери, которые были понесены в боях 22–24 июня.

448 ручных и 170 станковых пулеметов, 149 минометов, 95 пушек, 32 гаубицы калибра 122 мм и 12 тяжелых гаубиц калибра 152 мм, поддержанной двумя батальонами танков. **[244]** Неужели все это стреляло бумажными шариками? Или стреляли не все?

Значительно большими были в те дни потери безоружного «противника». В докладной записке, составленной одним из главных организаторов и участников события, это описано так:

«23.6.41 г. в 11 час. 30 мин. в тюрьму гор. Луцка прибыла опергруппа работников УНКГБ и УНКВД по Волынской области, начальником которой был капитан Госбезопасности тов. Розов.

Там же около тюрьмы меня вызвал Нач. УНКГБ, капитан Госбезопасности тов. Белоцерковский, который мне приказал выдать опергруппе тов. Розова всех з/к, содержащихся в тюрьме гор. Луцка по статьям УК УССР 54 п. 2,11 и, особенно, [членов] *ОУН. Выясняя подробнее обстановку, мне капитан Госбезопасности т. Розов приказал в течение 20 минут выдать для расстрела всех з/к по 54-2, 11 ввиду того, что противник находится от гор. Луцка в 7 км* (невысокого же мнения были тов. чекисты о боеспособности Красной Армии. – *М.С.*)…

Отобрали и вывели на хоздвор тюрьмы примерно 800 чел., которые немедленно были расстреляны там же на месте вышеупомянутой опергруппой, бойцами роты конвойных войск НКВД и начальствующим и надзирательским составом тюрьмы. Возвратившись из внутренней тюрьмы, я зам. начальника тюрьмы Лескина возле тюрьмы не застал, а с помощью работников тюрьмы разыскал Лескина за полкилометра от тюрьмы, куда он от трусости убежал спрятаться… Через 20 минут после расстрела з/к тюрьмы мы получили указание, что противник находится не в 7 км, а в 25 км, и мы немедленно приступили к уборке трупов. Все трупы 70 с лишним осужденных к ВМН и около 800 подследственных нами закопаны и на местах нахождения трупов полито керосином и выпалено, а после всего эти все места присыпаны известью.

Кроме этого, расстреляно охраной тюрьмы и воинскими частями в окрестностях тюрьмы з/к, пытавшихся бежать из тюрьмы. Для уборки этих трупов по распоряжению Нач. УНКВД была создана группа работников милиции, которая все трупы убрала. В общем расстреляно в тюрьме и возле тюрьмы около 1000 человек. Оставлено в тюрьме около 1000 человек, большинство из которых обвинялись по бытовым ст. УК УССР. Тюрьму гор. Луцк совместно с командиром роты конвойных войск ст. лейтенантом Фахурдиновым и всем составом работников тюрьмы мы оставили после утери связи с УНКВД воинскими частями 25.6.41 г. в 23 час. 30 мин….

Нач. тюремного отделения УНКВД по Волынской обл.

сержант госбезопасности / Стан /»

Сержант Стан утверждает, что расстрелял всего-то 1 тыс. человек и столько же «оставлено в тюрьме». Однако в Спецсообщении № 85426 от 28 июня 1941 г. начальник тюремного управления НКВД УССР капитан госбезопасности Филиппов пишет:

«В 12.00 часов 23.06 по распоряжению начальника тов. Стана заключенные были выведены обратно на прогулочный двор и из всех заключенных были отобраны 14 человек, осужденных по Указу Президиума ВС СССР от 26.06.40 г., 30 человек, осужденных по бытовым статьям УК, и 40 человек малолеток… После отбора 84 указанных заключенных оставшиеся на прогулочном дворе около 2000 заключенных были расстреляны. Весь учетный материал и личные дела заключенных сожжены…» Та же цифра (2 тыс. расстрелянных в тюрьме г. Луцка) приводится и в документе «Ведомость выбытия и движения эшелонов по тюрьмам НКВД УССР». **[186]**

Кто тут врет – сказать трудно. Может быть, врут большие начальники, которые побоялись сообщить еще большим начальникам, что оставили в тюрьме тысячу живых зэков;

может быть, врет сержант, самочинно расстрелявший перед отходом из Луцка еще одну тысячу человек и не желающий в этом признаваться. Время было такое…

Танковый бой у Войницы

К утру 24 июня ситуация на фронте была следующей. На ковельском направлении действия противника увенчались полным и даже сверхплановым успехом. К двум пехотным дивизиям 17-го армейского корпуса «присоединилась» мифическая «танковая колонна», движущаяся по шоссе от Бреста на Ковель. Владимирский пишет, что источником дезинформации была авиаразведка фронта. Командир 15 СК полковник Федюнинский, с непонятной поспешностью и готовностью быть обманутым, эту «дезу» воспринял, после чего ни о какой перегруппировке сил с ковельского на луцкое направление не могло уже быть и речи. Более того, части 62-й стрелковой дивизии подтянули ближе к Любомлю, таким образом устранив даже гипотетическую возможность деблокирования окруженной южнее Владимира-Волынского 87-й сд. Более того, в дальнейшем, готовясь к «отражению танкового удара со стороны Бреста», Федюнинский добился разрешения загнуть фланг, т. е. сдать Любомль и отвести войска к Ковелю.

В то время, как к северу от Ковеля разыгрывался трагифарс, на луцком направлении назревала трагическая развязка. 298-я пехотная дивизия вермахта заняла Владимир-Волынский, выдвинув часть сил к северу, по дороге на Вербу, с целью отражения возможного контрудара советских войск (эта предосторожность, как показали дальнейшие события, не была лишней). 44-я пехотная завершала окружение и разгром 87-й сд. Южнее места сражения наступала 299-я пехотная дивизия, а поскольку противника перед ней просто не было, то и наступление развивалось в темпе форсированного марша: вечером 22 июня дивизия вышла к р. Луг в районе Яневичи (22 км южнее Владимира-Волынского), затем переправилась на восточный берег и продолжила движение к местечку Локачи, обогнав всех своих соседей.

В образовавшийся 30-км «пролом» были введены танковые дивизии: 14-я вечером 23 июня заняла Владимир-Волынский и ранним утром 24 июня выступила на восток, имея задачей занять Луцк и переправы на р. Стырь; 13-я танковая дивизия была подведена к границе значительно позднее, и в 17–00 23 июня началась переправа ее танков через Буг, утром 24 июня 13 тд догоняла ушедшую далеко вперед пехоту. **[238]**.

Вот в такой обстановке командование 5-й Армии готовило контрудар; подчеркнем это важное обстоятельство – не занятие новой полосы обороны силами армейских резервов, а именно контрудар с задачей *«разгромить владимир-волынскую группировку противника и восстановить положение на госгранице»*. **[43]** План операции был в высшей степени красив и солиден. 135-я стрелковая и 19-я танковая дивизии, поддержанные мощным огнем армейской артиллерийской группы (в нее был включен 460-й корпусной артполк и дивизионная артиллерия 135-й сд), атакуют противника «в лоб», вдоль шоссе, 215-я моторизованная дивизия наносит удар во фланг, от Верба на Владимир-Волынский, 1-я ПТАБР движется во втором эшелоне в готовности отразить контрудар танков противника.

Исходный рубеж для перехода в наступление был установлен по линии Войница, Локачи. Именно там утром 24 июня 135-я дивизия встретилась с передовыми подразделениями немецкой 14-й тд. По счастливому стечению обстоятельств рубеж этот весьма удобен именно для обороны: там очень необычная топография с «крестом» из четырех мелких речушек, пересекающихся у Локачи, таким образом фронт и фланг обороняющихся были прикрыты естественным «противотанковым рвом». Все это, однако, не помогло, и 135-я сд откатилась на восток, в лес у поселка Александровка (8 км юго-восточнее Войницы). В боевом донесении № 06 штаба 22-го мехкорпуса это описано так: *«В результате атаки небольшой группы танков противника и поднятой в связи с этим паникой в тылу 135 СД, послед-*

няя в 10.00 24.6.41 с рубежа Войница, Павловиче, Локачи отошла на рубеж Холопече, кол. Котлы. Оказать какое-либо содействие из-за несвоевременного подхода частей [мехкорпуса] *было невозможно…»* **[245]**

Где же были дивизии 22-го мехкорпуса? 215-я мд, танковый полк которой был вооружен быстроходными БТ, почему-то сильно отстала на марше и в район Вербы вышла лишь вечером 24 июня. 19-я танковая в 3.30 утра 24 июня получила приказ (почему-то устный) выдвинуться в район Войница, Александровка. **[237]** По прямой от Ковеля это 55 км, но танки в лесу по прямой не ходят. Пробираясь лесными дорогами, дивизия (скорее всего – ее передовые подразделения) к полудню 24 июня вышла к шоссе, а так как назначенный ей район уже был занят противником, пересекла дорогу и сосредоточилась в лесу севернее м. Шельвув.

Дальнейшие события описаны в нескольких документах, но от этого они не становятся более понятными. Как и следовало ожидать, самые простые и короткие сообщения обнаруживаются в немецких документах. В 17.15 штаб 14-й танковой дивизии отправляет командованию корпуса радиограмму: *«С 16.15 ведется танковая атака на лес восточнее Александровки».* Вечернее донесение чуть более подробно: *«Во время нового выдвижения из Александровки в 17.00 танковому полку удалось уничтожить 87 бронемашин (Pz.Fahrzeuge) и 4 батареи. Собственные потери – 6 бронемашин (Pz.Fahrzeuge). В настоящее время танковый полк пополняет боеприпасы и заправляется. Достижение Торчина* [сегодня] *маловероятно…»* **[246]**

К утру 25 июня число уничтоженных советских танков и орудий значительно увеличивается:

«25 июня… 6.40. Звонок генерал-полковника фон Клейста (командующий 1-й ТГр). *Командир корпуса сообщает про успех 14 тд в бою 24 июня: уничтожено 8 батарей, 40 противотанковых пушек, 158 танков противника».* **[238]** В донесении штаба 14-й тд от 23–00 26 июня говорится: *«Общее число уничтоженных танков в танковом сражении увеличилось до 215».* **[247]** И это при том, что в дополнение к 19-й тд в том районе появился лишь танковый полк 131-й моторизованной дивизии (9 МК), имевший в районе Луцка не более 35 танков; даже если немцы уничтожили их все в один день (что прямо противоречит докладу командира полка), то и это предположение не объясняет превращение числа 158 в 215. Но и это еще не предел – в процитированном в начале главы обзоре боевых действий 3 ТК говорится про 267 советских танков, уничтоженных в сражении у Александровки…

Из числа доступных советских документов самым «первичным источником», составленным даже не по горячим следам, а непосредственно в ходе события, следует признать упомянутое выше Боевое донесение № 06 штаба 22 МК. В нем танковый бой описан следующим образом:

«В 14.00 24.6 после короткой артподготовки подразделения 37-го и 38-го ТП [19-й танковой дивизии] *контратакой из леса севернее Шельвув в направлении Александровка к 16.30 восстановили положение, вынудив противника отойти на рубеж Войница, м. Локачи. К 17.00 в результате контратаки тяжелых и средних танков противника произошел ожесточенный бой между танками противника и танками 22 МК. В результате остатки 37-го и 38-го ТП отошли в рощу восточнее кол. Сернички* (н.п. южнее шоссе в 25 км к востоку от Войницы. – *М.С.*). *Потери в людском составе и матчасти выясняются».*

Сохранилось и Боевое донесение № 02 штаба 19-й танковой дивизии. Когда оно написано – непонятно (в документе указана дата 23 июня, что есть явная ошибка). В нем впервые появляются конкретные цифры (в дальнейшем повторенные в сотнях публикаций, включая монографию Владимирского) количества танков, принявших участие в бою:

«…В 13.30, еще не закончив сосредоточение, командир дивизии получил устный боевой приказ от командира 22 МК на атаку. В атаку были введены танки объединенные всей

дивизии под командованием командира 37 тп в 14.00 с задачей контратаковать наступающие части противника на (далее длинный перечень мельчайших н.п. в районе Александровка, Войница. – *М.С.*). *В атаку ходило 45 шт. Т-26 и 12 БА-10. Все было потеряно* (эта фраза зачеркнута зеленым карандашом. – *М.С.*). *По достижению танками района лес юго-восточнее выс. 228, 5. Д. Хоневиче, горизонт 234 пехота противника начала отступать, а из леса был открыт сильный артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь. После чего последовала атака средних и тяжелых танков противника, завязался сильный бой между танками. Бой продолжался 2,5 часа и после потери больше половины наших танков* (выделено мной. – *М.С.*) *началось отступление. В этом бою был тяжело ранен командир 19 тд. Части отступили и заняли район обороны».* **[248]**

Отчет о боевых действиях 19-й танковой дивизии, составленный в конце июля, практически дословно повторяет содержание донесения № 02, но дополняет его ошеломляющим перечнем потерь: в бою у Войницы погибли командир 22 МК генерал-майор Кондрусев, командир 37-го тп подполковник Бибик и командир 38-го тп подполковник Самсонов; на следующий день пропал без вести начальник артиллерии 19-й тд подполковник Василенко и был смертельно ранен командир мотострелкового полка дивизии подполковник Соколин. **[249]**

Для полноты картины можно привести и фрагмент из мемуаров маршала Рокоссовского:

«К вечеру 25 июня на КП нашего корпуса в районе Клевани (100 км восточнее Войницы. – *М.С.*) *прибыл пешком командир 19-й танковой дивизии генерал-майор Семенченко в весьма расстроенном состоянии, с забинтованной кистью правой руки. Он сообщил, что его дивизия полностью разбита… Вскоре здесь оказался и один из комиссаров полка этого же корпуса, сообщивший о гибели генерала Кондрусева и о том, что корпус разбит. Упаднический тон и растерянность комдива и комиссара полка вынудили меня довольно внушительно посоветовать им немедленно прекратить разглагольствования о гибели корпуса…»* **[250]**

Формально-арифметически Рокоссовский был совершенно прав: потеря «больше половины» от 45 танков – это еще совсем не разгром танковой дивизии (не говоря уже про весь 22-й мехкорпус в целом). Бронетехники в 19-й тд было значительно больше; к отчету о ее боевых действиях приложена «Объяснительная записка на потерянную матчасть» (а в таких документах исходное количество матчасти по меньшей мере не завышают), из которой следует, что к 22 июня 1941 г. в дивизии числилось 183 танка (147 Т-26, 7 огнеметных ОТ-26, 29 БТ) и 58 пушечных бронеавтомобилей БА-10. **[251]** Артиллерийский полк дивизии получил полный комплект орудий (12 гаубиц калибра 122-мм и 12 гаубиц калибра 152 мм) и 28 гусеничных тягачей СТЗ-5 для их буксировки (и это не считая 10 тяжелых «Ворошиловцев» в танковых полках и 4 легких «Комсомольца» в мотострелковом полку).

При теоретическом наличии всего этого описание боевых действий дивизии следующего дня (25 июня) занимает в отчете всего один абзац:

«19-й мотострелковый полк и гаубичный артиллерийский полк заняли оборону по восточному берегу р. Серна (непонятно, от кого дивизия собиралась обороняться, оборотившись к лесу передом, а к маршрующим по шоссе на Луцк немцам задом. – *М.С.*). *Штаб дивизии в Богушувка. В 19.00 немецкие танки подошли к Луцку, часть из них направилась на Антоновка, Богушувка, очевидно с целью отрезать пути отхода нашим частям* (другой вид взаимодействия с противником, кроме отхода, даже не обсуждается. – *М.С.*). *В это время был получен устный приказ через делегата связи штаба 22 корпуса – отступить в направление Рожище, переправиться через р. Стырь и сосредоточиться в районе Сикиричи* (н.п. у дороги Луцк, Колки в 23 км к северо-востоку от Луцка. – *М.С.*)». **[237]**

В дальнейшем описании боевых действий дивизии лишь один раз появляются 4 танка, все остальные исчезли без следа. Что это было? Едва ли точный и документально подтвержденный ответ на такой вопрос когда-либо будет найден.

В порядке гипотезы можно предложить следующую реконструкцию событий. В ходе длительного (2,5 дня) марша протяженностью более 250 км части дивизии растянулись и в значительной мере дезорганизовались, в результате чего в район Войница, Шельвув к полудню 24 июня вышло не более половины бронетехники дивизии. Готовности идти в бой было и того меньше. Командиры решили увлечь подчиненных личным примером. Сводный «офицерский батальон» в составе 45 танков, с мужеством отчаяния, но без какого-либо взаимодействия с пехотой и артиллерией, пошел в лобовую атаку и был расстрелян 50-мм пушками немецких Pz-III; результат, увы, вполне предсказуемый, учитывая, чем была вооружена 19-я тд. После потери комсостава дивизия стремительно развалилась, бросив бронетехнику в лесу и на дорогах. По мере того, как наступающие на Луцк немецкие части обнаруживали все новые и новые брошенные танки, росли и соответствующие цифры в докладах 14-й тд и 3 ТК вермахта.

Что же касается участия в контрударе еще одной дивизии 22 МК, то описание боевых действий (тут бы были уместны кавычки) 215-й моторизованной дивизии займет совсем мало места. Архивный фонд дивизии традиционно пуст. В деле «Отчеты и донесения частей и соединений 22 МК» (ЦАМО. Ф. 3456. Оп. 1. Д. 14) от 215-й мд ничего не отложилось. В деле 11 («Боевые донесения частей») есть, однако, два документа (Оперсводка № 1 и боевое донесение б/н) от 22 июня, в которых отражен процесс выхода дивизии на марш из Ровно.

Заслуживает внимания (как иллюстрация к тезису о «сокрушительном ударе немецкой авиации») описание первых бомбовых налетов: *«В 19.15, 19.20, 19.25 трижды бомбардировался военный городок и* [артиллерийский] *парк – есть незначительное количество жертв, зажгли один сарай, приняты меры к тушению пожара».* На следующей странице появляются и конкретные цифры потерь: *«От бомбардировки Ровно 2 убитых, 3 раненых, 2 контуженых».* **[252]** После этого 215-я мд вышла на марш к Ковелю – и следы ее исчезают из документов.

В монографии Владимирского боевые действия дивизии, от их начала и до конца, описаны так: *«Главные силы 215-й моторизованной дивизии (без танкового полка) в течение ночи на 25 июня заняли исходное положение для наступления на рубеж Верба, Овадно, готовясь по решению полковника Барабанова в 4 часа 25 июня атаковать противника после 15-минутного арт-налета.*

Немецко-фашистское командование, обнаружив подход с северо-востока к Владимиру-Волынскому частей 215-й мд, спешно выдвигает навстречу ей 298-ю пехотную дивизию, которая, упредив 215-ю мд, на рассвете 25 июня сама внезапно атакует ее при сильной поддержке артиллерии и авиации, вынуждая сначала перейти к обороне, а затем отойти к северу, на реку Турья. Этими действиями 215-й моторизованной дивизии и завершился контрудар вторых эшелонов 5-й Армии». **[43]**

Строго говоря, здесь описаны намерения командования 215-й мд и реальные действия противника. Но не будем придираться к словам, важнее другое – куда делся танковый полк[96]

[96] Владимирский в сноске сообщает, что «танковый полк 215-й мотодивизии, израсходовав горючее, отстал от дивизии в районе Казина, что в 15 км северо-западнее Луцка». Казин – это н.п. у шоссе Луцк, Ковель, севернее Рожище. От Ровно до Казина не более 100 км по шоссе; уму непостижимо, как на таком пути могли «израсходовать горючее» танки БТ-7 с запасом хода (на гусеницах, у танков самых старых производственных серий) в 375 км. Еще непонятнее, как такая беда произошла между двумя огромными складами ГСМ – в Ковеле и Киверцах; как пишет сам Владимирский, на армейских складах было запасено 33 (тридцать три) заправки ГСМ, с таким количеством бензина танки 5-й Армии могли доехать до Лиссабона и обратно.

(а там было 129 танков БТ, т. е. немногим меньше, чем в немецких танковых дивизиях)? Еще строже говоря, там должно было быть даже два танковых полка, т. к. приказ командующего 5-й Армией предполагал совместные действия 215-й мд и танкового полка 41-й тд, переданного ранее (фактически – в составе двух батальонов) на усиление 87-й стрелковой дивизии. Вопрос этот я задавал еще в самой первой «Бочке и обручах», ответ же обнаружился в документах вермахта. Все танки были на месте, даже в избыточном количестве, о чем свидетельствуют радиограммы 298-й пехотной дивизии:

«*24.6.41. К северу от Владимира-Волынского уничтожены 5 танков, еще 4 повернули назад, но находятся еще неподалеку… В лесах севернее Вербы, по словам местных жителей, 200–300 танков* (выделено мной. – *М.С.*). *Свои войска видели до сих пор только 10, из них 6 уничтожено, один подбит, был эвакуирован.*

25.6.41 События дня в общем изложении: Вначале отражается атака противника из Вербы, поддержанная танками и артиллерией. Утром наступление одного полка на север за Вербу к реке Турья, наступление второго полка на северо-восток через Могильно (н.п. в 8 км восточнее Вербы. – *М.С.*), *также на участок р. Турья. Направо, в направлении на Могильно соприкосновения с противником нет, в районе Вербы сопротивление противника сломлено, наступление продолжается, точное расположение передней линии в настоящее время неизвестно».* **[253]**

«Точное расположение» найти было мудрено, т. к. после короткого боя с немецким пехотным полком 215-я моторизованная дивизия оказалась в районе н.п. Софиевка. В тех краях этот топоним весьма распространен, но Владимирский дважды сообщает, что *«215-я моторизованная дивизия сосредоточилась в районе Софиевки (50 км вост. Ковеля)».* На военной «двухверстке» 1935 г. такое местечко называется Софьяновка, добраться до него от Ковеля можно только запутанными «козьими тропами»; стремительный марш-бросок от Вербы через Ковель к Софиевке/Софьяновке можно считать незаурядным достижением…

Завершая обзор боевых действий 5-й Армии на западных подступах к Луцку, стоит отметить факт отсутствия каких-либо реальных следов 1-й ПТАБР, первой по порядковому номеру и единственной, получившей до начала войны полный комплект основного вооружения и артиллерийских тягачей (5 °СТ-2 и 12 °СТЗ-5). **[254]**. Противник, однако же, совершенно не заметил наличия мощного противотанкового соединения, вооруженного 76– и 85-мм пушками[97], пробивающими т. н. «тяжелые» немецкие танки насквозь. И это очень странно, принимая во внимание, что в первые дни войны документы вермахта скрупулезно (иногда даже с понятным преувеличением) фиксируют всякий факт появления чего-то нового в вооружении и структуре Красной Армии.

Наконец, и это самое главное, участие в боях 1-й ПТАБР не находит достойного отражения в цифрах потерь немецких танков – к утру 3 июля, т. е. уже после многих боев и походов, в 14-й тд безвозвратно потеряно 15 танков, еще 28 находятся в ремонте. **[276]** Последняя цифра лишь в самой малой степени могла быть связана с действиями 1-й ПТАБР, т. к. после попадания снарядов такого калибра немецкие танки едва ли нуждались в ремонте.

Мост у Рожище

Целый день 25 июня потребовался 14-й танковой дивизии вермахта для того, чтобы пройти 35 км от поля боя у Александровки до Луцка. Странная медлительность наводит на мысль о том, что полторы сотни танков были там не просто «найдены» немцами; возможно,

[97] В бригаде не было 107-мм пушек, но 85-мм зенитками были вооружены не 4 (как положено по штатному расписанию), а 6 дивизионов.

какие-то подразделения советской 19-й танковой дивизии вели бой, про который так никогда и не узнало командование дивизии, 22-го мехкорпуса и 5-й Армии (как помнит внимательный читатель, нечто подобное происходило и на львовском направлении, вечером 24 июня на шоссе Краковец, Яворов). Что же касается второй танковой дивизии (13-й тд) немецкого танкового корпуса, то она 25 июня продвигалась «маршем и с песнями». Короткая фраза (*«мотопехотная бригада следует, сидя на машинах»*) в донесении штаба дивизии от 14.00 25 июня свидетельствует об этом достаточно красноречиво. **[255]**

Проехав по проселкам южнее главного шоссе, 13-я тд в 6 часов вечера 25 июня вышла к южным пригородам Луцка и мосту через р. Стырь. На этот раз мост взорвали сразу же после того, как по нему прогрохотали три первые танка разведбата дивизии. **[256]** Впрочем, это обстоятельство лишь на несколько часов притормозило наступление 13-й тд, к утру 26 июня город и важнейший перекресток дорог (на юг к Дубно и на восток к Ровно) были в руках противника. Остатки соединений 5-й Армии отступили за реку Стырь; в описании Владимирского это происходило так: *«Командование 5-й Армии во время переезда на новый КП в ночь на 26 июня стало очевидцем беспорядочного отхода подразделений 135-й стрелковой, 19-й танковой дивизий и 460-го артполка 27-го стрелкового корпуса. Поток людей, повозок, автомашин, орудий мчался по шоссе на Ровно, и только энергичное вмешательство офицеров штаба Армии и лично самого генерала Потапова остановило это бегство и пресекло дальнейшее распространение паники».* **[43]**

Южнее Луцка, вверх по течению р. Стырь до впадения в нее р. Иква, маршировали на восток две пехотные дивизии вермахта (299-я и 111-я), к утру 26 июня они уже форсировали Стырь и фактически обгоняли танковые соединения 3 ТК. Еще южнее 48-й Танковый корпус занял Берестечко и Дубно. В такой ситуации немецкое командование решило воспользоваться благоприятной ситуацией на южном фланге 1-й Танковой группы и провести 13-ю тд к Ровно длинным, но зато (как им тогда показалось) безопасным путем через развилку дорог восточнее Млынов. 14-я танковая дивизия получила приказ наступать на восток к Ровно, при этом одна маршевая группа дивизии должна была двигаться непосредственно по шоссе, а другая – по проселочным дорогам в 5–8 км южнее шоссе. **[257]**

Приказ был отдан, но не исполнен, и на картах германского Генштаба значок, обозначающий 14-ю тд, на два с половиной дня «прилип» к Луцку. Безостановочное наступление немецкой танковой дивизии остановили части 131-й моторизованной дивизии (9-й мехкорпус) и мотоциклетный полк 22-го мехкорпуса. Сохранились документы этих частей, и их изучение позволяет нам «подкрутить резкость» и в деталях увидеть картину того, как воевала Красная Армия – в тех случаях, когда она пыталась воевать.

131-я моторизованная дивизия начала формирование поздней осенью 1940 г. на базе 131-й стрелковой. Дивизия, как и весь 9-й мехкорпус в целом, была укомплектована гораздо хуже могучих мехкорпусов (4 МК, 8 МК, 15 МК) первого эшелона Юго-Западного фронта. В то же время стоит отметить, что в сравнении с танковыми дивизиями 9-го мехкорпуса 131-я мд выглядела значительно лучше – сказывался факт формирования ее на базе полнокровной стрелковой дивизии. В частности, артиллерийский полк 131-й мд был почти полностью укомплектован орудиями (8 пушек 76-мм, 16 гаубиц 122-мм, 8 гаубиц 152-мм) и получил 28 тягачей (СТЗ-3 и СТЗ-5); в противотанковом дивизионе был сверхштатный комплект (37 штук) тягачей «Комсомолец». **[268]**

Танковый полк дивизии (58 тп) был еще очень «сырой», при штатной численности в 258 танков БТ-7 в реальности имелось 123 танка, из которых 40 нуждались в среднем ремонте («3-я категория»), а две трети от относительно исправных танков составляли БТ-5 выпуска 1934 г. Для формирующихся танковых частей, да еще и в мехкорпусах второго эшелона, такая ситуация (оснащение сильно изношенными танками учебно-боевого парка)

не была диковинкой, удивительно другое – в «Отчете о боевых действиях 58-го танкового полка» сообщение о таком скудном вооружении заканчивается не традиционным «плачем Ярославны», а бескомпромиссным выводом: *«Полк был вполне боеспособным и готовым идти в бой с фашистскими бандами»*. **[258]**

В бой с фашистскими бандами 131-й моторизованной дивизии предстояло вступить раньше, чем другим соединениям 9 МК; командующий 5-й Армией генерал-майор Потапов приказал вывести дивизию из состава мехкорпуса и выступать форсированным маршем к рубежу р. Стырь у Луцка. Возможно, такое решение было принято потому, что 131-я мд (в отличие от танковых дивизий 9 МК) была хотя бы наполовину штатной численности оснащена колесной техникой (29 легковых, 429 грузовых и 95 специальных автомашин) и могла совершить форсированный марш[98]. **[268]** Путь предстоял неблизкий – от Новоград-Волынского до Луцка более 160 км по прямой.

В плане прикрытия маршрут выдвижения 58-го танкового полка был составлен по той же логике, что и в случае с 19-й танковой дивизией – глухими лесными тропами, в стороне от главного шоссе. Умопомрачение на почве «секретности» дошло до того, что через р. Горынь полк переправлялся не по мосту, а на деревенском пароме в м. Башино, при этом *«паром единовременно мог перевозить только один танк, а сам паром был неисправен и не подготовлен»*. Приходится еще раз повторить: только крайняя малочисленность немецкой авиации в полосе ЮЗФ позволяла допускать такие ошибки и не потерять всю технику еще на марше к полю боя…

Марш протяженностью в 122 км до м. Бронники (н.п. у шоссе, в 14 км северо-западнее Ровно) занял без малого двое суток. *«К 16.00 в Броники прибыло 35 танков, из которых на основании приказа командира 131-й мотодивизии был сформирован сводный батальон в количестве 14 танков под командой капитана Теремета и разведроты в составе 10 танков под командой капитана Руденко»*. **[258]**. Так в тексте «Отчета». Будем считать, что цифра 35 не является опечаткой; в таком случае получается, что на марше отстало «всего лишь» 48 из 83 исправных танков.

«*Общее руководство обеими группами, а также одним батальоном 743 мотополка* (131-й мд)*, одним батальоном 135-й сд и артдивизионом было возложено на командира 58-го танкового полка подполковника Каншина. Указанной группировке была поставлена задача: сосредоточиться на восточной окраине гор. Луцк и не дать возможности противнику переправиться через р. Стырь, удерживая переправы в своих руках до подхода главных сил дивизии»*. **[258]** И последние слова, и сам факт включения в сводную боевую группу разрозненных подразделений другой дивизии говорят о том, что за двое суток 450 автомашин так и не смогли перевезти «главные силы» (или хотя бы половину, один стрелковый полк) 131-й мд на расстояние в 122 км. Еще раз напомню, что речь идет про одну из лучших, про реально воевавшую и на несколько дней остановившую наступление немцев дивизию.

«К 18.00 (25 июня) на юго-восточной окраине Луцка началось накопление противника, готовившегося к переправе. К 20.00 под прикрытием артиллерийского и минометного огня противник начал переправу на левом фланге нашей обороны. Несмотря на превосходящие силы противника, наши части сдерживали его до 15.00 26 июня. В этот день в боях под гор. Луцк наши танки принимали участие в двух атаках, нанося серьезные поражения противнику, который потерял больше роты людского состава, 8 мотоциклов и один танк (обратите внимание на такие скромные и вполне реалистичные оценки потерь противника. – *М.С.*)
…

---

[98] Существует устойчивая легенда про то, что в первые часы войны командир 9 МК (будущий маршал и дважды ГСС) Рокоссовский своей властью захватил окружную автобазу в Шепетовке и передал «захваченные» там грузовики в 131-ю моторизованную дивизию; ни подтвердить, ни опровергнуть документально эту версию пока не удалось.

Среди отдельных подразделений стрелковых частей, действовавших совместно с танками, начался панический отход. По этому поводу командир 58-го тп подполковник Каншин сказал прибывшему к нему воентехнику 1-го ранга Пучнину: «Не так трудно победить противника, как преодолеть панику своих войск». **[258]**

Воентехник Пучнин прибыл не один, вместе с лейтенантом Локтевым они привели еще 27 танков полка – единственный известный мне случай, когда отставшие на марше танки не испарились в воздухе, а пусть и с некоторым опозданием прибыли к полю боя.

Судя по Боевому донесению № 010 штаба 22 МК, день 27 июня начинался так: *«По устным сведениям, полученным от начальника артиллерии МСП 131-й мд капитана Гальперина, известно: в ночь на 27 июня 135-я сд и 87-я сд* (к тому моменту речь могла идти только о разрозненных остатках этих соединений. – *М.С.*) *в беспорядке отходили с занимаемого рубежа на восток, в 5.00 с занимаемого рубежа отошла 131-я мд…»* **[259]** Кто-то, однако же, продолжал весь день удерживать 14-ю танковую дивизию вермахта у Луцка. Поэтому имеет смысл продолжить чтение «Отчета о боевых действиях 58-го танкового полка»:

«Сдерживая превосходящие силы противника, имевшего замысел нанести удар по штабу дивизии, находившемуся в Сапогув (северо-восточный пригород Луцка. – *М.С.*)*, 12 танков под командой подполковника Каншина и капитана Теремета в 10.00* (27 июня) *пошли в бой. В этом бою со стороны противника был организован исключительно сильный огонь противотанковой артиллерии, при большой активности мотопехоты, которой, надо полагать, было не менее полка* (оценка, опять же, вполне реалистичная. – *М.С.*)*. Потеряв не менее полторы роты убитыми и ранеными, противник, не выдержав сильного огня с нашей стороны, приостановил наступление и перешел к временной обороне, накопляя свои войска на удерживаемых рубежах. В этом бою смертью героев погибли: подполковник Каншин, ст. лейтенант Павловский, лейтенанты Статин и Локтев, мл. лейтенант Порохнявый, младшего командного и рядового состава – 4 человека.*

С этого времени командование полком принял начальник штаба полка майор Легеза. 28 июня все оставшиеся танки в количестве 7 штук согласно приказа командира дивизии были использованы для разведки и охраны штаба дивизии…» **[258]**

Этот короткий фрагмент документа чрезвычайно информативен. В очередной раз мы видим отчаянную попытку мужественного командира личным примером увлечь своих подчиненных – и неизбежный результат столкновения героизма одиночек с военной машиной вермахта. Видим, что и «машина» эта – по крайней мере в некоторых случаях – давала явные сбои, заставляя вспомнить поговорку: «Молодец среди овец, а супротив молодца – сам овца». Огневые средства танковой дивизии вермахта (а это не только танковые пушки, но и полноценный истребительно-противотанковый батальон) позволяли расстрелять 12 легких танков, не задерживаясь и не переходя «к временной обороне». Наконец, мы видим традиционную для лета 41-го года «странную арифметику», при которой батальон превращается в роту, полсотни танков превращаются в 12 штук, потери командиров численно больше потерь рядовых…

Севернее Луцка была еще одна точка, пригодная для переправы войск на восточный берег р. Стырь – железнодорожный мост у Рожище. Конечно, это был не самый оптимальный вариант – прежде всего потому, что от Рожище до главной автострады предстояло идти через сплошной массив заболоченного леса (или возвращаться вдоль восточного берега реки к Луцку). С другой стороны, ж/д мост обладает высокой грузоподъемностью, что существенно важно для переправы танков.

Первая попытка «с налета, с разворота» захватить мост у Рожище началась в 6 утра 24 июня, когда «ударная рота» Шульце из состава разведбата 298-й пехотной дивизии была направлена в дальний рейд с задачей *«занять важный для снабжения танков мост у*

Рожище». **[238]** К вечеру группа немецких мотоциклистов с минометами и противотанковыми пушками доехала до моста. Там их ждала встреча с мотоциклетным полком 22-го мехкорпуса, предусмотрительно направленным в Рожище еще 23 июня по приказу командующего 5-й Армией. Итог встречи был таков:

«В 21.00 24.6 противник начал артподготовку и огонь из минометов в продолжительности до 22.00. Разведка, высланная от 1-й роты в составе 6 человек под командой ст. сержанта Лаптева, установила: скопление мотоциклистов с автоматами и подтягивание противотанковой пушки к ж/д мосту с целью прикрытия переправы. В 4.00 25.6 группа мотоциклистов противника, до 20 человек, подошли к ж/д мосту и под прикрытием минометного огня пытались переправиться через ж/д мост. Переправа им не удалась. Огнем из станкового пулемета 2-й роты группа мотоциклистов была уничтожена». **[260]**

Мотоциклетный полк механизированного корпуса даже по полной штатной численности (1417 человек) мог считаться «полком» только по названию. Фактически же к началу войны эти части представляли собой стрелковый батальон, причем не усиленный, а ослабленный отсутствием (малочисленностью) тяжелого пехотного вооружения. В абсолютном большинстве случаев про существование мцп не вспоминают ни командиры мехкорпусов в своих докладах, ни послевоенные историки. А вот 23-й мцп 22-го мехкорпуса оказался очень даже заметным.

Вечером 25 июня к р. Стырь подошла 14-я тд вермахта, из состава которой к Рожище была направлена «боевая группа» в составе одного мотопехотного батальона и одного гаубичного дивизиона артполка дивизии; теперь у немцев было некоторое преимущество в численности личного состава и подавляющее огневое превосходство. Результат попытки захватить мост оказался прежним:

«В 22.00 25.6 противник снова пытался переправиться через ж/д мост. Под воздействием артиллерийского и минометного огня 2-я рота полностью не сумела отразить переправлявшуюся группу мотоциклистов через ж/д мост. В поддержку и для уничтожения прорвавшейся группы через ж/д мост до 100 человек были брошены с левого фланга 4-я рота под командованием мл. лейтенанта Андрейкова. Контрударом и атакой, огнем противотанковой батареи под командованием лейтенанта Раскова группа в 100 чел. противника были большинство уничтожены, и несколько человек обратились в бегство на западный берег р. Стырь». **[260]**

В дальнейшем обе стороны наращивали свои силы. Немцы перебросили к Рожище разведбат и мотоциклетный батальон 14-й танковой дивизии. Командование 5-й Армии направило к Рожище остатки 19-й танковой дивизии, которая смогла собрать и выдвинуть к мосту два стрелковых батальона, 14 орудий артполка и 4 танка Т-26. **[237]** Немцы, правда, утверждают, что 26 июня в бою у Рожище *«в первый раз были обнаружены сверхтяжелые русские танки».* **[257]** Это может быть правдой, т. к. ведущие бой у Рожище части Красной Армии неизбежно становились «центром конденсации», вокруг которого собирались разрозненные подразделения других дивизий. Согласно докладу 23-го мцп *«с 24.6 по 27.6 противник потерял: убито до 200 чел., уничтожено 4 мотоцикла, 2 противотанковой пушки и взято в плен 2 человека. Полк потерял: убитых 70, раненых – 90. Потеряна одна автомашина, 6 минометов».* **[260]** Овладеть переправой немцам так и не удалось.

28 июня немецкое командование, наконец, поняло, что «расходовать» танковую дивизию для бесконечных атак укрепленного пункта крайне неразумно; в 15.50 передовой отряд 298-й пехотной дивизии подошел к Рожище, и подразделения 14-й тд смогли двинуться на восток, от Луцка по шоссе на Ровно. Поздним вечером 28 июня штаб 298-й пд докладывает: *«Напротив плацдарма Рожище противник. Расширение плацдарма атакой с 17.00. Дошли до района Рудня. В настоящее время контратака противника с танками… Задача на следующий день: оборона плацдарма Рожище и северного фланга».* **[261]**

29 июня, после того, как 15-й стрелковый корпус оставил Ковель, немцы по шоссе из Ковеля к Рожище направили подкрепление: моторизованную артиллерию с передовым отрядом пехоты 17-го армейского корпуса. Вечером того же дня к Рожище подошел 648-й стрелковый полк из состава 200-й сд второго эшелона ЮЗФ. **[260]** 30 июня, 1 июля… Уже был занят г. Ровно, захвачены переправы на р. Горынь у Гощи и Острога, в полосе соседнего Западного фронта немцы заняли Минск и Бобруйск (400 км к востоку от границы), а бой у Рожище все никак не затихал. Строго говоря, через этот злосчастный мост немцы так и не смогли пройти с боем, он достался им после того, как в рамках общего отхода войск 5-й Армии на линию «старой границы» части, сражавшиеся у Рожище, отошли на восток, в леса между реками Стырь и Горынь.

Самая большая дивизия

Да, именно такой (по количеству танков) была 41-я танковая дивизия 22-го мехкорпуса. К моменту начала войны на ее вооружении числилось более 400 танков (точную цифру назвать нельзя, но наименьшая из встречающихся в документах – 414 единиц), в том числе 376 исправных танков «1-й и 2-й категории». Это значительно больше, чем было во всем 3 ТК вермахта. Основу танкового парка 41-й тд составляли легкие Т-26, но дивизия успела получить и танки новых типов – бронированные монстры КВ-2, вооруженные 152-мм гаубицей, в количестве 31 шт.

Дивизия была сформирована на базе 36-й и 38-й танковых бригад – одних из старейших в Красной Армии (сформированы соответственно в 1932 и 1935 гг.). Обе бригады в сентябре 1939 г. участвовали во вторжении в Польшу и вполне успешно прошли тогда более 250 км; 36-я бригада форсировала р. Буг, заняла г. Хелм, форсировала р. Вепш, заняла н.п. Пяски и Петркув и самую малость не дошла до Люблина. Теперь, летом 41-го, танкистам 41-й тд предстояла вторая попытка…

Краткий итог «боевых действий» самой большой танковой дивизии подведен в документе, подписанном 11 июля 1941 г. Военным советом 5-й Армии. Определить статус документа довольно сложно – то ли приказ (но приказы так не составляют), то ли приговор, то ли воззвание:

«Командиру и заместителю по политчасти 41-й танковой дивизии

Копия: Командиру 22 МК

За все время боев Вы со своей дивизией ни на одном участке фронта Армии почти ничего не сделали ощутительного. Мало этого, Вы как беззаботный командир преступно, притом без боя, растеряли 31 дорогостоящий танк КВ. Командир, отвечающий за свое дело, этого никогда не допустил бы, притом условия Вашего отхода были исключительно благоприятны. Вы отходили без боя, и противник не висел над Вашими плечами. Все же Вы ухитрились и при этих условиях разбросать вверенные Вам танки. Кроме этого, при Вашем докладе Военному Совету Армии Вы не доложили действительного состояния дивизии и обманывали Военный Совет.

При наступлении Вашей дивизии 2.7.41 на м. Олыка Вы себя вели исключительно неприглядно и притом трусливо. В результате растеряли имеющуюся у Вас материальную часть…» **[262]**

В отличие от многих других, разгромленных и/или исчезнувших танковых дивизий, 41-я оставила после себя значительное число документов, включая многостраничный доклад «Итоги боевых действий 41 ТД с 22.6 по 22.7.41 г.», составленный и подписанный уже новым командным составом; сохранились и донесения, подписанные полковником Павловым (прежним, «исходным» командиром дивизии). Изучение документов позволяет уточ-

нить и конкретизировать ту оценку использования дивизии, которая была дана Военным советом 5-й Армии.

Сразу же отметим, что по справедливости ответственность за развал дивизии вместе с Павловым должен был разделить и командир 15-го стрелкового корпуса Федюнинский; по сути дела, Павлов виноват лишь в том, что позволил не в меру активному комкору «нарезать на кусочки» танковую дивизию. В самой этой истории ничего уникального нет, летом 41-го такое случалось не раз и на многих фронтах, но нельзя не признать, что Федюнинский превзошел всех. Скороспелый полковник, по протекции Жукова назначенный на должность командира корпуса, увидел в переданной в его оперативное подчинение танковой дивизии не сложный инструмент для решения вполне конкретного перечня задач, а «мешок с танками». Использован этот «мешок» был на грани между трагедией и фарсом:

«В 17.25 22.6 приказом Штарма (так в тексте документа, но трудно поверить, что управленческий кретинизм дошел до того, что штаб Армии командовал ротами. – *М.С.*) *выделена рота в количестве 15 танков Т-26 в район Дубова* (северный пригород Ковеля. – *М.С.*) *для ликвидации десанта* (которого, конечно же, не было. – *М.С.*)…

Устно приказом Штарма через командира 15 СК назначена рота танков Т-26 в р-н Мациюв (н.п. на дороге Ковель, Любомль. – *М.С.*) *для разведки направления Крылув…*

23.00 23.6. устным приказом командира 15 СК через делегата связи капитана Ктитаренко назначена рота танков для борьбы с 8-ми самолетами (???)*, приземлившихся в р-не Новоселки. Проездивши всю ночь, капитан Кулаков ни десанта, ни самолетов не нашел…*

В 10.00 24.6. личным распоряжением командира 15 СК рота танков придается командиру 45-й сд… В 16.00 24.6. делегат связи капитан Ктитаренко по телефону передал: «Назначить приказом командира 15 СК 30 танков Т-26 дополнительно к ранее выданным 20 танкам (вероятно, это про упомянутую выше роту. – *М.С.*) *и передать в распоряжение командира 45 сд…*

26.6 рота танков Т-26 направлена в Люблинец (н.п. в 8 км юго-западнее Ковеля. – *М.С.*) *для прикрытия Владимир-Волынского направления…*

27.6. устным приказом командира 15 СК через делегата связи майора Стародубцева выделена рота танков Т-26 для прикрытия штаба корпуса в р-не Ковель и дополнительно назначена рота танков Т-26 82 тп, рота Т-26 81 тп в р-н Черкассы и рота 82 тп в р-н Дубова для прикрытия отхода 15 СК из Ковеля…» **[263]**

Такое оперативное искусство, наряду с очевидным дроблением мощного «бронированного тарана» на мелкие разрозненные «дробинки», имело и два других, не менее губительных, последствия. Во-первых, любой танк той эпохи (немецкий, английский, советский) был сложным в обслуживании, малоресурсным, малонадежным устройством. С грехом пополам, но в условиях крупного соединения (танковая дивизия, механизированный корпус) можно было обеспечить технически грамотное обслуживание и текущий ремонт танков; переданные же в стрелковую дивизию, где половина личного состава никогда не видела даже велосипеда, танки оказывались фактически брошенными на произвол случая; первая же мелкая поломка (реальная, мнимая или преднамеренная) становилась последней.

Во-вторых, общая деморализация Красной Армии с первых же часов войны дошла до такого уровня, когда только непрерывный, жесткий контроль со стороны волевого командира становился необходимым (но далеко не всегда достаточным!) условием выполнения боевой задачи. В такой армии разбрасывание танков отдельными ротами по разным направлениям было равнозначно разгрому дивизии – без боя и до боя.

Разумеется, вышестоящее начальство не забыло и про наличие в составе танковой дивизии мотострелкового полка. В боевом донесении командира 41-й тд от 28 июня читаем: *«МСП по приказу Армии подчинен с 22.6 командиру 45-й сд, где он разбит по-батальонно;*

в батальонах большие потери, командования и штаба полка нет, полк не существует». **[264]**

Не вполне ясна судьба тех двух танковых батальонов, которые 22 июня были переданы в подчинение командиру 87-й стрелковой дивизии. Как было уже выше отмечено, в немецких документах зафиксировано неоднократное участие советских танков в боях у Владимира-Волынского. С другой стороны, ничего похожего на два танковых батальона (а это сотня танков) не обнаруживается ни в описании боя, ни даже в перечне заявленных побед противника. В боевом донесении 298-й пехотной дивизии вермахта, составленном в 15.20 25 июня (т. е. уже после окружения и разгрома 87-й сд у Владимира-Волынского), приведены такие цифры: *«До сегодняшнего дня было уничтожено 37 бронемашин разных размеров, некоторые сгорели».* **[265]** Бронемашины «разных размеров» – это вовсе не одни только танки; своя бронетехника была и в 87-й стрелковой дивизии, включая сверхштатное изобилие (52 шт.) бронированных гусеничных тягачей «Комсомолец». **[266]** Наконец, не исключено, что в боевом донесении от 15.20 были уже учтены и танки 215-й мд, подбитые в утреннем бою у Вербы.

После того, как огромная толпа танков 41-й тд в бездействии (или в судорожных перемещениях) провела пять дней у Ковеля, началось отступление на восток. Доклад «Итоги боевых действий 41 ТД» описывает его вполне красноречиво:

«27 июня в 15.00 командир 81 тп донес, что его охранительная разведка в сторону Мельница (н.п. в 12 км южнее Повурск. – *М.С.*) *опросом отходящих из Повурска на Ковель частей* (т. е. сбором панических слухов. – *М.С.*) *установила, что Повурск занят противником* (это означало, что немцы якобы обошли город и уже в 30 км восточнее Ковеля. – *М.С.*). *Начальник штаба саперного батальона 15 СК, явившись на КП, доложил, что он взорвал мосты в Ковель, в Ковеле никого нет. Связи с 15 СК не было. Посланный делегат 41 тд майор Стародубцев вернулся, штаба корпуса не нашел.*

Зная, что рубеж последующего отхода 15 СК – река Стоход, командир 41 тд полковник Павлов решил атаковать 81 тп [в направлении] *Волошки, Повурск, 82 тп – Волошки, Мельница с задачей освободить переправы на р. Стоход. Начальник штаба 41 тд выслал разведку на Мельница, Повурск. В 16.30 полковник Павлов решил, не ожидая результатов разведки, выступить в указанный район, не имея санкции командира 15 СК. В результате противника ни в Повурске, ни в Мельнице не оказалось, атака была впустую. Всю ночь на 28.6 штаб собирал по полям и дорогам оставшиеся машины* («оставшиеся» после чего? – *М.С.*), *и только к утру удалось установить место расположения частей.*

28 июня в 15.00 распоряжением командира 15 СК дивизия отошла в район Висло, Софьяновка, иск. Яблоновка (это уже за Стоходом, 10–15 км северо-западнее Колки. – *М.С.*), *ур. Тарас; ГАП сосредоточился в районе выс. 170, 3, имея задачу выбрать в этом районе огневые позиции с целью прикрыть отход частей 15 СК, отходящих на восточный берег Стоход. 28 июня в 20.00* (сутки спустя после ухода дивизии. – *М.С.*) *противник овладел Ковель и продолжает наступление в направлении Повурск…»* **[263]**

Два дня 41-я танковая дивизия (правильнее сказать – то, что от нее осталось) простояла в лесу восточнее р. Стоход, после чего утром 30 июня выступила на марш в район Олыка, Клевань. Сосредоточившись в указанном районе, дивизия в полдень 1 июля перешла в наступление, имея задачу выйти в район Млынов, Дубно и перерезать шоссе Дубно, Ровно (см., вкл., рис. 9). Как пишет Владимирский, к моменту начала этого первого, единственного и последнего активного действия 41-й тд в дивизии все еще числилось 106 танков Т-26 и 16 тяжелых КВ-2. Не так уж и мало, ни одна из танковых дивизий 1-й ТГр вермахта не имела на тот день такие количества исправных танков. И личный состав вроде бы не весь пропал в ходе «лесного марша» – в упомянутом выше боевом донесении командира дивизии

от 28 июня читаем: *«Потери в личном составе примерно 15 % без* [учета] *мотострелкового полка»*. **[264]**

Описание этого наступления в докладе командования дивизии на три четверти состоит из топонимов – названий мелких и мельчайших местечек, хуторов и ручьев. В переводе с русского на русский они означают следующее. В первый день 82-й танковый полк прошел 4–5 км на юг, одним батальоном переправился через речку Путиловка, где вступил в бой с пехотой противника, численность которой была определена в один батальон. В результате боя *«уничтожил 3 ПТО, 20 чел. пехоты, а остальные были отброшены в юго-западном направлении. Ввиду наступившей темноты и отсутствия пехоты 82 ТП вынужден был отойти в исходное положение. Потери: 5 танков Т-26, 2 танка КВ завалились на мостах и 1 танк КВ поврежден и взорван. Убито 2, ранено 6 человек»*. На 8 безвозвратно потерянных танков приходится 8 убитых и раненых. Второй танковый полк дивизии (81-й тп), *«шедший во втором эшелоне за 82 тп, подошел в 21.30, развернулся* [в боевой порядок]*, но противник отошел. Застигнутый темнотой полк сосредоточился в лесу южнее Носовичи* (т. е. отошел назад, на северный берег р. Путиловка. – *М.С.*).

Утром второго дня наступления (2 июля) 81-й тп значительно продвинулся на юг и уже находился в 8 км от шоссе Млынов, Ровно. Подходы к шоссе немцы обороняли, и при выходе из леса танковый полк встретился с противником. *«Бой шел с 6.00 до 11.00. В результате противник был отброшен на восток, уничтожено 17 мотоциклов, 3 ПТО, артбатарея и рассеяно до батальона пехоты. С поля боя не вернулось: 4 танка Т-26, 2 бронемашины, убито 9, ранен 21 человек»*. **[263]** В числе убитых был командир танкового батальона капитан Чернявский.

На этом сокрушительный контрудар и закончился. Уже в 7 утра в штаб 22-го мехкорпуса поступил приказ командующего 5-й Армией об общем отходе на 200 км за линию старой границы к г. Коростень. *«С получением приказа дивизии с 11–11.30 начали планомерный отход»*. Правда, из того, что написано далее в Боевом донесении № 019 штаба 22 МК, явствует, что отход был не слишком планомерным: *«Части дивизий, разрозненные интенсивной бомбежкой авиации противника, группами машин и небольшими колоннами пеших начали выход в район сбора. По маршруту отхода корпуса движутся разрозненные группы машин и пеших подразделений 9 МК, 27 СК, 31 СК. С востока на запад по этому же маршруту и в это же время происходит большое неорганизованное движение отмобилизованных вторых эшелонов…»* **[267]**

6–7 июля части 41-й танковой дивизии, пройдя более 200 км по бездорожью украинского Полесья, вышли в район Бовсуны, Тесновка (20 км северо-западнее г. Коростень). *«В результате беспрерывных длительных маршей к 24.00 7.7.41 г. дивизия имела 27 штук танков Т-26, бронемашин 4, два танка КВ, находящихся на марше»*. В боевом донесении № 025 штаба 22 МК от 19.00 7 июля есть интересное уточнение к этой информации: *«Части 41 тд прибыли в следующем составе: 81 ТП – танков 10, людей 240 и все транспортные машины; 82 ТП – танков 9 и все транспортные машины»*. **[278]** Нельзя не порадоваться за живучесть советских грузовиков…

Прошло ровно два дня, и половина от этого ничтожного остатка танков тихо растворяется в лесном тумане: *«В 20.00 9.7.41 части дивизии закончили сосредоточение в районе кол. Барановка, кол. Синявка, имея всего 10 танков»*. **[263]** На этом история 41-й тд как крупного танкового соединения окончательно завершилась.

Документально установить обстоятельства выхода из строя каждого из примерно 320 потерянных танков Т-26, накануне войны считавшихся исправными и боеготовыми (!), не представляется возможным. Два батальона (примерно 100 танков) пропали в районе Владимира-Волынского, не исключено, что десятка два из них были подбиты в бою. Что касается

основных сил дивизии, то в многостраничном отчете о ее боевых действиях можно, суммируя все конкретные упоминания боевых потерь, насчитать 12 подбитых танков Т-26 (3 в районе г. Любомль и 9 при наступлении от Олыка на Млынов). Можно к этому добавить еще 3 танка Т-26, сгоревших при отходе через Олыка (возможно, от бомбовых ударов противника). В любом случае, при любых натяжках приходится констатировать, что 90 % легких танков 41-й тд были потеряны без воздействия противника (если не относить к категории «воздействие противника» сам факт начавшейся войны).

Конечно, это были технически устаревшие, малосильные танки, броню которых пробивала любая противотанковая пушка. А могучие гиганты КВ-2 с несокрушимой броней – были ли они использованы лучше? Первое упоминание о применении танков КВ в бою обнаруживается в первом же абзаце доклада о боевых действиях дивизии:

«Выступив из р-на расквартирования (г. Владимир-Волынский, лагеря), потеряла 3 танка КВ из числа танков, сосредоточенных приказом Штарма-5 в лесу Пивник в период отмобилизования. Из числа потерянных танков 2 танка КВ остались в тылу противника, героически сражаясь, нанося большие потери противнику, ведя только пулеметный огонь, так как снарядов ни одного не было».

Итак, два танка воевали, но 52-тонные громады были использованы как пулеметная танкетка. Фраза про «отсутствие снарядов» годится только для трибунала. Танк КВ-2 был вооружен 152-мм гаубицей; это одна из самых распространенных в Красной Армии артсистем (дивизион таких гаубиц был в каждой стрелковой, моторизованной и танковой дивизии), выстрелов к ним было накоплено 2,63 млн, или в среднем 690 ед. на один ствол. Это – по всей Красной Армии, а непосредственно в западных приграничных округах было сосредоточено 773 выстрела на ствол (не считая выстрелы к 152 мм пушке-гаубице). **[3]** И этого изобилия не хватило, чтобы вооружить новейшие танки (какой бы огромной снаружи ни казалась башня КВ-2, но больше 36 выстрелов в танк просто не помещалось).

После перехода дивизии в район Ковеля *«все танки КВ 81-го и 82-го тп были выброшены в район Дубова для перекрытия Брест-Литовского направления».* Там они и простояли в бездействии, поджидая мифическую танковую колонну противника. Следующее упоминание танков КВ в докладе относится к моменту отхода дивизии из Ковеля: *«В период отхода частей 15 СК распоряжением начальника гарнизона 5 танков КВ были взорваны».* Без трибунала понять смысл этой фразы опять же трудно. Во-первых, с какой стати начальник гарнизона командует танковой дивизией? Во-вторых, зачем надо взрывать тяжелые танки? Даже если они по техническим причинам стали неспособны к совместному с дивизией маршу, то пять зарытых в землю КВ – это «опорный пункт» обороны, пробить который без привлечения авиации или тяжелой артиллерии немецкая пехота не могла.

Три танка КВ оставлены в районе Владимир-Волынского, пять взорваны в Ковеле. Сколько должно остаться от 31 машины? «Правильный» ответ – 16. Такую цифру наличия танков КВ в 41-й тд по состоянию на 1 июля называет Владимирский (в докладе командования дивизии вообще ничего не сказано). В ходе наступления на Млынов *«2 танка КВ завалились на мостах и 1 танк КВ поврежден и взорван».*

Еще два неисправных (почему?) танка КВ взорваны экипажами при отходе из Олыка. Загадочная судьба еще одного бронированного монстра описана так: *«Частям с большим трудом удалось прорваться через пылающий городок* (Олыка)*, где было потеряно 3 танка Т-26 и один танк КВ, который, пытаясь прорваться через огненное кольцо, был воспламенен и взорвался».* **[263]** Трудно понять, как дизельный (!) танк мог загореться от пламени горящих деревянных домов, но не будем придираться к мелочам. Главное в другом – «поименно» потеряно 6 танков из 16, но к Коростеню ползут всего два (*«два танка КВ, находящихся на марше»*). Лишь один танк предположительно мог быть подбит противником (*«1 танк КВ поврежден и взорван»*).

Вот так и воевала эта дивизия: легкие танки оказались слишком легкими, тяжелые были слишком тяжелыми и неукротимо заваливались на мостах. Нет ни малейших сомнений в том, что если бы четыре сотни танков 41-й тд с самого начала зарыли в землю у шоссе Устилуг, Владимир-Волынский, проблем у немцев стало бы чуть больше.

Два последних мехкорпуса

Номинально в составе Киевского ОВО (Юго-Западного фронта) числилось восемь мехкорпусов. Один из них (24 МК) находился в самой начальной стадии формирования, и к разряду заслуживающих упоминания бронетанковых соединений отнесен быть не может. Еще один, 16-й мехкорпус в первые же дни войны был передан в состав Южного фронта, затем был номинально передан в состав Западного фронта, но в процессе передислокации оказался в эпицентре сражения у Бердичева; дело было в июле, да и назвать бои у Бердичева (320 км до ближайшей точки границы) «приграничным сражением» можно только в порядке очень мрачной шутки. Остается шесть мехкорпусов, реально принявших участие в июньских боях на Юго-Западном фронте. Про боевые действия (т. е. разгром) 4 МК, 8 МК, 15 МК, 22 МК было уже сказано выше. Осталось рассмотреть короткую историю двух последних (9-го и 19-го).

19-й мехкорпус относился к перечню «сокращенных 1-й очереди» и по планам Генштаба КА даже к концу 1941 г. должен был получить менее трети штатного числа танков; оснащение другими видами матчасти велось примерно в той же пропорции. 9-й мехкорпус формально входил в разряд «боевых», но фактически к моменту начала войны был укомплектован боевой и вспомогательной техникой еще хуже 19-го. Оба корпуса дислоцировались в глубине округа: 9 МК в районе Новоград-Волынский, Шепетовка, 19-й мехкорпус – еще дальше от границы, в районе Житомир, Бердичев.

В первые же дни войны оба мехкорпуса «потеряли» свою моторизованную дивизию: 131-я мд приказом командующего 5-й Армией была выведена из состава 9 МК и выдвинута к реке Стырь севернее Луцка (что было подробно рассмотрено в предыдущем параграфе), 213-я моторизованная дивизия 19 МК, будучи «моторизованной» скорее по названию, отстала на марше к фронту и в конечном счете вступила в бой у Шепетовки в составе «группы Лукина», т. е. группы войск 16-й Армии Второго стратегического эшелона КА. В результате и 9-й, и 19-й мехкорпуса превратились в «боевые группы» импровизированного состава: две недоукомплектованные танковые дивизии и малочисленные корпусные части.

Как известно, один и тот же стакан можно назвать «наполовину полным» или «наполовину пустым» – все зависит от угла зрения и настроения наблюдателя. Конечно, 9 МК и 19 МК не были полноценными мехкорпусами, и нелепо было бы ожидать, что они смогут сделать то, чего не сделали «три богатыря» (4 МК, 8 МК, 15 МК), получившие сотни танков «новых типов». С другой стороны, аккуратно просуммировав наличный состав людей, танков и орудий, мы увидим, что «боевые группы» 9-го и 19-го мехкорпусов по своему составу примерно соответствовали немецкой танковой дивизии (см. Таблицу), а немецкая танковая дивизия была способна на многое.

Таблица 9

	20 тд	35 тд	40 тд	43 тд	нем. тд
л/с, тыс. чел.	10,5	10,5	7,3	8,4	16
танки	36	102	16	246	150
гаубицы 122-мм	12	6	8	12	24 (105-мм)
гаубицы 152-мм	12	4	4	12	12
а/м	244	188	157	640	

Примечания:

– численность личного состава (кроме 43-й тд) указана как две трети от реальной численности л/с в мехкорпусе;

– для 43-й тд указаны только исправные танки 1-й и 2-й категорий;

– для 40-й тд не учтены 180 пулеметных танкеток Т-27, Т-37, Т-38;

– в августовском докладе командования 43-й тд утверждается, что 152-мм гаубиц было только 4.

Значительно лучше других была оснащена 43-я танковая дивизия 19-го мехкорпуса. Дивизия создавалась на базе 35-й Краснознаменной танковой бригады Ленинградского ВО, принимавшей участие в «зимней войне»[99]. В докладе о боевых действиях 43-й тд читаем: *«Старший и средний начальствующий состав подготовлен также вполне удовлетворительно, большинство имело боевой опыт в войне с Финляндией. Специалистами дивизия была укомплектована как по количеству, так и по качеству вполне удовлетворительно, экипажи боевых машин обучены, многие из них имели боевой опыт и полностью овладели имевшейся налицо техникой».* **[270]** Строго говоря, уже сам факт отсутствия в докладе традиционного «плача Ярославны» говорит о многом.

43-я танковая дивизия к 1 июня успела получить 5 танков КВ, а затем, в течение июня – несколько танков Т-34 (в разных документах указаны цифры в 2 или 9 единиц); все остальные были легкими танками Т-26. В перечне матчасти дивизии привлекает внимание необычно большое (для формирующейся дивизии) количество бензоцистерн (67 шт.) и 9 раций 5-АК на автомобильном шасси. **[271]**.

40-я танковая дивизия 19 МК была еще совершенно «сырой». Уникальной особенностью этой дивизии было оснащение ее плавающими пулеметными танкетками Т-37/Т-38, которые предполагалось использовать в качестве линейного танка. Разумеется, легкая танкетка с тонкой противопульной броней не могла выполнять задачи танка при той насыщенности средствами ПТО, какими обладали немецкая пехотная или танковая дивизии; в соответствии с принятым в этой книге подходом, эти «танки» вовсе не учтены в общем перечне. С другой стороны, совсем уже забывать об их существовании не следует, т. к. эти «самоходные пулеметы», покрытые хоть какой-то броней, несомненно, могли стрелять по пехоте противника, причем гораздо активнее, чем обычный станковый пулемет, расчет которого защищен только гимнастеркой.

9-й мехкорпус знаменит, главным образом, тем, что накануне войны им командовал будущий маршал, дважды Герой Советского Союза Рокоссовский, а 20-й тд корпуса коман-

[99] Эта бригада стала подлинной «кузницей кадров» бронетанковых войск; ее командиром и начальником штаба (в разное время) были будущий командир 10-й тд Огурцов, будущий командир 37-й тд Аникушкин и будущий маршал Ротмистров.

довал также будущий маршал и дважды Герой Катуков[100]. Все остальное было традиционно для формирующихся танковых соединений: некомплект по всем видам матчасти, вооружение танковых полков устаревшими машинами с большим физическим износом; так, в 20-й тд из ничтожного числа танков (36 шт.) 30 составляли БТ-5 выпуска 1934 г., в 35-й тд числилось 40 двухбашенных пулеметных Т-26 самых первых производственных серий (в Таблице 10 они не учтены).

Во второй половине дня 22 июня части 9-го и 19-го мехкорпусов начали выдвижение на запад. Несмотря на то что 19 МК дислоцировался на 80–100 км восточнее 9 МК, он примерно на сутки опередил его и в район г. Ровно вышел утром 25 июня, в очередной раз продемонстрировав высокие маршевые возможности советских механизированных войск (150–200 км за 2,5 дня – результат весьма достойный). Как пишет Владимирский, «*командир* [19-го] *корпуса организовал марш, строго сообразуясь с реальным состоянием бронетанковой техники и наличием автотранспорта. Перед выступлением в поход каждая танковая дивизия 19-го мехкорпуса была разделена на два эшелона – подвижный и пеший. В подвижные эшелоны танковых дивизий включили все исправные танки, сведенные в танковые полки (по одному сводному танковому полку в дивизии), а также личный состав мотострелкового полка и спецподразделений дивизий, который мог быть перевезен наличным автотранспортом».* **[43]**

Боевой приказ № 002, выпущенный командиром 19 МК генерал-майором Фекленко в 20.00 23 июня (вечером второго дня войны), начинается совершенно феерической фразой: «*Сведения о противнике – из правительственных сообщений».* **[272]** Это круче, чем пресловутое «планировал операции по глобусу»; школьный глобус, по крайней мере, содержит верную информацию о расположении морей и материков… К сожалению, такое качество управления войсками не изменилось и в следующие дни: *«За все время марша, вплоть до 26.6.41 г., никакой информации от высших штабов о положении на фронте штаб* [43-й тд] *дивизии не имел… О противнике имелись самые разнообразные и противоречивые данные… Было известно, что левее действует 36-й стрелковый корпус, но точно район его действий известен не был, поиски же штаба 36-го стрелкового корпуса ни к чему не привели».* **[270]** Тут остается лишь еще раз напомнить, что связь обеспечивается не наличием технических средств (сигнальный рожок, тамтам, радиостанция, спутниковый телефон), а наличием субъектов, желающих обмениваться информацией.

Упомянутый приказ № 002 ставил задачей выход дивизий корпуса в исходный район сосредоточения по линии реки Стубла на участке Клевань, Варковице (см. вкл., рис. 9). Фактически на этот рубеж к утру 25 июня вышла лишь 40-я тд, а 43-я тд «притормозила» восточнее Ровно, *«дальнейшее выдвижение в район сосредоточения командиром 19 МК было задержано на сутки ввиду неясности обстановки и необходимости подтянуть части».* **[270]** В дальнейшем рассогласование между действиями 40-й и 43-й дивизий по времени и месту только нарастало, что имело пагубные последствия – особенно учитывая слабость и малочисленность каждой из этих «боевых групп». Разновременно и разнонаправленно действовали и подразделения самой 40-й тд.

Первой в бой вступила танковая рота, которая вечером 24 (это не опечатка) июня вышла к переправам через р. Иква у Млынова, где совместно с частями 228-й стрелковой дивизии[101] в течение суток, до вечера 25.6 отражала попытки передовых подразделений 111-й пехотной дивизии вермахта переправиться на восточный берег. В эту роту под командованием ст. лейтенанта Ивашковского было сведено все, что в составе 40-й тд могло называться словом

---

[100] В первые дни войны Катуков был болен, находился на излечении в госпитале и дивизией командовал полковник Черняев.

[101] Дивизия 36-го стрелкового корпуса (второй эшелон ЮЗФ) 16 июня начала выдвижение из района Житомир на запад и к 24–25 июня вышла к реке Иква в полосе Млынов, Дубно.

«танки». За день ожесточенного боя с немецкой пехотой почти все они были потеряны: *«К исходу дня 25 июня танковая рота потеряла 11 танков Т-26, 2 танка Т-28, имея в своем составе требующих ремонта 3 танка Т-26… За период действий танковая рота уничтожила до батальона пехоты, 3 станковых пулемета, 4 ручных пулемета и миномет».* **[273]**

Утром 26 июня в район Млынова подошел сводный танковый полк 40-й тд, одновременно с этим к реке Иква подошли и главные силы немецкой 111-й пд. *«В 12.00 26 июня противник открыл ураганный огонь из всех видов оружия, под которым части 228-й сд дрогнули и в беспорядке начали отходить, и только героическими усилиями командиров штаба 40-й тд положение частей 228 сд было восстановлено».* **[273]** Можно было бы расценить эти фразы как, увы, достаточно типичное стремление «переложить вину на смежников», но и собственный отчет о боевых действиях 228-й сд описывает этот эпизод достаточно красноречиво: *«767-й стрелковый полк, преследуемый пехотой противника при поддержке артиллерии и минометов с фронта и вследствие появления до батальона пехоты с артиллерией и минометами в его тылу, вынужден был начать отход в лес юго-восточнее Радув* (н.п. в 20 км восточнее Млынов. – *М.С.*)». **[225]**

Сводный танковый полк 40-й тд вел бой у Млынова до вечера 26 июня. В докладе нет никакого пояснения – чем был вооружен этот полк, были ли использованы в бою танкетки Т-27, Т-37, Т-38 (а ничего другого, кроме трех Т-26, в дивизии уже не оставалось). Доклад содержит достаточно невнятную фразу: *«Полк при поддержке 3 танков неоднократно приостанавливал противника»*. Закончилось все тем, что *«связь с соседями справа и слева отсутствовала, благодаря чему противник имел возможность обойти фланги, и полк оказался в окружении. Полк в результате боя потерял до 100 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести».* **[273]** Про потери боевой техники (в частности – танков) не сказано ничего.

В это же время, днем 26 июня, мотострелковый полк 40-й тд вышел к реке Иква на 16-км фронте от Тарговица до Адамовка (по крайней мере, так сказано в докладе о боевых действиях дивизии). Ни обороняться, ни тем паче наступать на фронте в 16 км стрелковый полк (да еще и не полного состава) не мог; в чем был смысл его действий, изолированных от других частей 19-го мехкорпуса, понять трудно. Ясен только результат: *«В результате боя потерял до 1200 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, разгромил до двух батальонов пехоты противника. Согласно приказа командира 19 МК с боями, закрепляясь на отдельных рубежах, под командованием капитана* (выделено мной. – *М.С.*) *Бондарь отошел на рубеж Ясеневичи* (н.п. в 11 км западнее Ровно. – *М.С.*)*».*

На этом участие 40-й тд в контрударе мехкорпусов завершилось, разрозненные остатки частей дивизии к вечеру 27 июня отошли в район г. Ровно. Единственным результатом действий дивизии была приостановка марша 111-й пехотной дивизии вермахта на один-два дня, в результате чего к Дубно 111-я пд смогла подойти только утром 28 июня; если бы «группа Попеля» (да и весь 8 МК в целом) действовала энергичнее, такая задержка стоила бы немцам потери Дубно, но в реальности все для них закончилось «легким испугом».

Основная ударная сила 19-го мехкорпуса, 43-я танковая дивизия, действовала на главном направлении, имея задачей наступать на Дубно. Как было выше отмечено, утром 25 июня подвижный эшелон дивизии вышел в район восточнее Ровно (Тайкуры, Гоща) и в течение дня 25 июня подтягивал отставшие подразделения. В докладе о боевых действиях дивизии состав «подвижного эшелона» назван вполне конкретно: четыре танковых батальона, перед боем сведенных в один танковый полк, и два батальона мотострелкового полка; судя по дальнейшему описанию боя, в район н.п. Тайкуры (13 км юго-восточнее Ровно) подошел и артиллерийский полк дивизии (возможно, в неполном составе).

Использованы эти силы были следующим образом: *«В 4 часа* [25 июня] *из штаба 19-го мехкорпуса было получено следующее боевое распоряжение: «Немедленно выбросить в Дубно два мотострелковых батальона и очистить от частей противника Дубно, занять переправу* [через р. Иква] *и прочно удерживать ее до подхода танков, в дальнейшем, с подходом танков, разгромить противника в районе Дубно. В 6 часов мотострелковый отряд (два батальона) 43-го мотострелкового полка под командованием майора Иванченко со взводом танков и батареей полковой артиллерии выступил для выполнения указанной задачи…»* **[270]**

Несмотря на то что *«никаких данных о противнике и действиях наших частей на фронте штаб дивизии не имел»,* а скорее всего, не имел «никаких данных» и штаб 19 МК, обстоятельства сложились так, что решение о незамедлительном наступлении на Дубно теоретически было самым удачным. Немцев в Дубно еще не было, и представлялась возможность «малой кровью» занять город. Теоретически облегчало задачу и наличие в районе Дубно (у Погорельце, Млодава) частей 228-й стрелковой дивизии (разведбат дивизии, 799-й стрелковый и 669-й артиллерийский полки); если верить докладу о боевых действиях дивизии, *«отдельный разведбат ворвался в центр Дубно, где завязался бой».* **[225]**

Однако 25 июня никакого взаимодействия мотострелков 43-й тд с пехотой 228-й сд не наблюдается; время с 6 утра до 8 вечера (14 часов) было потрачено на то, чтобы проехать на машинах 30–40 км, «сосредоточиться в районе лесов юго-западнее Млодава» и в 20–00 наблюдать за тем, как *«795-й* (так в тексте, но по смыслу должен быть 799-й) *стрелковый полк 228-й стрелковой дивизии, оторвавшись от дивизии и 36-го стрелкового корпуса, действовавших левее, отходит в беспорядке в восточном направлении».* **[270]** Увы, немецкая 11-я танковая дивизия использовала день 25 июня с гораздо большей результативностью; в ЖБД 48 ТК вермахта читаем:

«*11 тд своим 110-м мотопехотным полком, преодолевая слабое сопротивление противника, в течение ночи* [с 24 на 25 июня] *продолжила наступление. Около 07.30 передовые подразделения дивизии достигли местности южнее Дубно. Танковый полк дивизии ввиду плохого состояния дорожной сети застрял в районе Острув* (35 км западнее Дубно. – *М.С.*). *Разведбат дивизии пробился через лесную местность около г. Млынов и подошел к Дубно с северной стороны.*

С 11.00 110 мпп штурмует Дубно с южной стороны. В Дубно находится много частей противника. В это же время разведбат пытается пробиться с севера. Атака протекает успешно, фланговые контратаки противника отражены. В 14.10 Дубно взят». **[188]**

Упустив благоприятный момент, *«43-й мотострелковый полк к исходу дня перешел в наступление, но, встретив организованный пулеметный и минометный огонь из района Погорельце, задержав часть отходивших бойцов 795-го стрелкового полка, перешел до утра 26.6.41 г. к обороне».* **[270]**

Затем наступил богатый событиями день 26 июня. Ранним утром 11-я танковая дивизия вермахта двумя колоннами выступила из Дубно: мотопехотная бригада дивизии продвигалась строго на восток к Острогу, а танковый полк должен был сначала занять Млодаву и там, повернув направо, наступать вдоль дороги на Острог. В районе Млодава и произошла первая встреча танкового полка немецкой 11-й тд с мотострелковым полком 43-й танковой дивизии:

«43-й мотострелковый полк, использовав свой танковый взвод как противотанковую засаду, подбил два танка противника и, пропустив танки противника, огнем отрезал наступающую за ними пехоту, открыв по ней ружейно-пулеметный огонь. В результате боя противник был отброшен на западную окраину Погорельце. В 7 часов противник снова повторил атаку танками, пытаясь обойти 43-й мсп слева. 228-я стрелковая дивизия и ее 485-й гаубичный артиллерийский полк без предупреждения оставили фронт и в беспорядке

отошли, полностью открыв наш левый фланг. Под угрозой полного окружения и уничтожения 43-й мсп с боем отошел и занял новый рубеж обороны по безымянному ручью в районе Крылув (н.п. у пересечения шоссе Дубно, Ровно рекой Стубла. – *М.С.*). *В процессе боя 43-й мсп нанес противнику следующие потери: уничтожено до 120 человек пехоты, двигавшейся за танками, 2 танка, 2 противотанковых орудия и 4 пулемета».* **[270]**

Это описание боя с точностью до минут (с учетом часовой разницы во времени) совпадает с документами противника: *«Передовые части дивизии в 06.30 захватили Млодаву»,* более того, немцы признают потерю не двух, а трех танков. Тем временем на рубеж р. Стубла у Крылув, Варковице выдвигался сводный танковый полк 43-й танковой дивизии. Обыкновенное для июня 1941 г. «чудо» проявилось и на этот раз: «*В 5.00 26.6.41 г. танковая группа дивизии, объединенная в один танковый полк, выступила из района Нетреба, имея в своем составе 2 танка КВ, 2 танка Т-34 и 75 танков Т-26».* **[270]** Примечательно (и столь же типично), что отсутствие 3 танков КВ и 157 (!) танков Т-26 никак не комментируется, о них составители доклада не вспоминают вовсе. Две трети танков дивизии, неделю назад числившихся исправными (подчеркнем это слово тремя чертами), бесследно испарились…

Отсутствие гаубичного полка дивизии составители доклада объясняют так: *«Артиллерия дивизии (43-й гаубичный артиллерийский полк), двигавшаяся из района Тайкуры на тракторной тяге со скоростью 6 км в час, находилась еще в пути и к началу атаки открыть огня не могла».* От Тайкуры до Варковице 29 км по прямой или 40 км по дорогам. При скорости 6 км/час, и с двумя «перекурами» по часу каждый, трактора должны были доползти до Варковице к 14.00. Именно в это время и началась танковая атака. Однако никакого упоминания об участии в бою гаубичного полка дивизии не появляется вплоть до позднего вечера 26 июня. Само же описание боя звучит победной песней:

«Командование 43-й тд, остановив отступающую пехоту и артиллерию 228-й сд, отдало приказ о вступлении в бой совместно с дивизией. После восстановления необходимого порядка было принято решение на немедленную атаку… В 14 час. танки дивизии перешли в наступление… Обнаружив выдвижение наших танков, противник открыл по опушке леса сильный заградительный огонь. Танки, не останавливаясь, вышли на западную окраину Крылув, имея впереди два танка КВ и два танка Т-34, с хода развернулись и ураганным огнем расстроили систему противотанковой обороны и боевой порядок пехоты, которая в беспорядке начала отступать на запад.

Преследуя пехоту противника, наши танки были встречены огнем танков противника из засад с места, но [засада] *была атакована вырвавшимися вперед танками КВ и Т-34, а вслед за ними и танками Т-26. 86-й танковый и 43-й мотострелковый полки, продолжая наносить поражение пехоте противника и приводя ее в замешательство, начали встречный бой с танками противника. Танки противника, не выдержав огня и стремительной танковой атаки, начали отход, задерживаясь на флангах, но быстро выбивались нашими танками, маневрировавшими на поле боя. Танки КВ и Т-34, не имея в достаточном количестве бронебойных снарядов, вели огонь осколочными снарядами и своей массой давили и уничтожали танки противника и противотанковые орудия, переходя от одного рубежа к другому.*

Бой длился около четырех часов до полного наступления темноты. Преследуя отходящие танки противника, части дивизии подошли к восточной окраине Дубно на рубеж Панталия, Рачин. Противник, отходя в Дубно, взорвал за собою мосты, лишив таким образом дивизию [возможности] *прорваться в Дубно на плечах его отходящей пехоты… Наши потери: 2 танка КВ (оба сгорели), 15 танков Т-26, из них 4 огнеметных; убито и ранено 128 человек».* **[270]**

Эта история, очень нетипичная для июня 41-го, вызывает некоторые сомнения. Во-первых, противник, «приведенный в замешательство» и бежавший с поля боя, «взрывая за

собой мосты», ничего об этом не знает. Никакого взрыва мостов на р. Иква, конечно же, не было, нет даже упоминания о подобных намерениях. В очень подробно составленном Журнале боевых действий 48-го Танкового корпуса вермахта (русский перевод описания событий 26 июня занимает 1290 слов) для встречного танкового боя с 43-й тд нашлось всего две фразы: *«Уже с 14.00 наши танки ведут бой с танковыми частями противника в районе Варковице»* и *«Танковый полк и вечером продолжает вести бой близ Варковице».* **[188]**

Во-вторых, и это гораздо важнее любых описаний боя, «отходящие танки противника» в 5 утра 27 июня уже вели бой у н.п. Мизоч, т. е. оказались в 25 км восточнее Дубно, и после 14.30 продолжили наступление к Острогу; что же касается мотопехотной бригады 11-й тд, то вечером 26 июня она дошла до н.п. Буща (35 км юго-восточнее Дубно) и в 6 утра 27 июня захватила Острог и переправы на р. Горынь. Вероятно, единственным благопристойным способом соединить реальность с докладом командования 43-й танковой дивизии будет такое объяснение: сплошного фронта не было, ситуация развивалась крайне динамично, какое-то моторизованное подразделение 43-й танковой дивизии вырвалось с поля боя у Млодава-Варковице вперед, дошло до пригородов Дубно и посмотрело в бинокль на островерхие кровли костелов старинного города…

Вечером 26 июня в сражение у Млынова, Дубно вступил новый участник – свежая, почти не имевшая с начала войны боевых потерь 13-й танковая дивизия вермахта. Захватив вечером 25 июня переправы через р. Стырь южнее Луцка, 13-я тд вышла на автостраду Луцк, Дубно и, проехав по ней 35 км до перекрестка с дорогой Млынов, Ровно, повернула налево. Это означало разрыв боевого порядка дивизий 19-го мехкорпуса и создавало угрозу захвата немцами г. Ровно с ходу. В такой ситуации не оставалось ничего лучшего, как отвести назад к Ровно сохранившие боеспособность и управляемость части 19 МК. 43-я тд отошла достаточно организованно, с боем: *«При отходе дивизии от Дубно к Ровно было уничтожено 3 средних танка (2 сожжено) и уничтожено около 15 автомашин с пехотой противника; наши потери: 3 танка Т-26, 1 огнеметный, 7 автомашин и 17 человек убитыми и ранеными».* **[270]**

Отход к реке Горынь 228-й сд в отчете ее командования описан так: *«Дивизия, не имея начиная с 25.6.41 ни помощи, ни связи как от штакора, так и от частей 36 СК, вынуждена была начать выход из боя. При этом дивизия потеряла всю гаубичную артиллерию, легкую дивизионную, все минометы, до 50 % станковых пулеметов, до 50 % личного состава, а 799 сп потерял убитыми, ранеными и без вести пропавшими 75 % своего личного состава; кроме того, дивизия потеряла все штабное имущество, все средства связи, полковую и батальонную артиллерию».* **[225]**

В течение 27–28 июня 43-я танковая дивизия вела ожесточенный бой в западных пригородах Ровно, сдерживая наступление немецкой 13-й тд. За эти два дня дивизия потеряла 16 танков Т-26 и 101 человека убитыми и ранеными. Поздним вечером 28 июня остатки двух дивизий 19-го мехкорпуса отошли на рубеж р. Горынь в полосе Тучин, Гоща.

От соединений 9-го мехкорпуса, несмотря на столь знаменитых командиров, первичных документов практически не осталось; по крайней мере, до сих пор их никто не опубликовал. Архивные фонды мехкорпуса, 20-й и 35-й танковых дивизий номинально существуют, но они традиционно «пусты» (не содержат оперативных документов первых недель войны). Остается лишь процитировать те несколько абзацев из моно-графии Владимирского, в которых он описывает участие 9 МК в контрударе мехкорпусов 5-й Армии:

«В то время как части 19-го мехкорпуса отходили с боями на рубеж реки Стубла и далее на Ровно, во фланг наступавшей вражеской группировки из района Ставок, Ромашковка (н.п. у шоссе Луцк, Ровно севернее Олыка. – *М.С.*) *перешел в наступление на рассвете 27 июня 9-й мехкорпус.*

35-я танковая дивизия полковника Н. А. Новикова, двигаясь в направлении Ставок, Покошув, Заболотце, Млынув, в 3–4 часа 27 июня достигла рубежа клх. Малин, Уездце (15 км сев. Млынува), где вошла в соприкосновение с передовыми частями 299-й пехотной дивизии противника. На этом рубеже 35-я танковая дивизия развернулась и обороняла его до исхода 27 июня (т. е. никакого наступления после «соприкосновения с противником» не было вовсе. – *М.С.*).

20-я танковая дивизия полковника М. Е. Катукова, двигаясь левее 35-й танковой дивизии в общем направлении м. Олыка, Долгошие, Млынув, при подходе к Петушкову в 3 часа 27 июня была обстреляна из засад автоматно-пулеметным огнем частей 13-й танковой и 299-й пехотной дивизий противника. Развернувшись в боевой порядок, 20-я танковая дивизия в 7 часов 27 июня перешла в наступление на Петушков. В течение дня части дивизии вели ожесточенный бой за овладение Петушков и Долгошие, оборонявшихся частями 299-й пехотной и 13-й танковой дивизий противника (как туда попали «части 13 тд», наступавшие в это время вдоль шоссе Млынов, Ровно и уже подошедшие к западным окраинам Ровно, понять трудно. – *М.С.*). *Во второй половине дня противник, нащупав открытые фланги 20-й тд и промежутки между ее частями, стал обходить дивизию, угрожая выходом в ее тыл и окружением.*

Командир 9-го мехкорпуса в этой обстановке принял решение 27 июня с наступлением темноты отвести 35-ю и 20-ю танковые дивизии на линию южной опушки леса в районе Ромашевская, Клевань, где они и закрепились». **[43]**

Этим движением «вперед-назад», на юго-запад от шоссе Луцк, Ровно и обратно, контрудар 9-го мехкорпуса начался и в течение одного дня закончился. Возможно, еще лучшим вариантом было бы вовсе не уходить с рубежа р. Путиловка у Олыка, т. к. после полудня 28 июня на шоссе вышла немецкая 14-я танковая дивизия. Части 9-го мехкорпуса сдерживали наступление 14-й тд в течение двух дней (28 и 29 июня), что не позволило противнику с ходу и по кратчайшему пути (от Клевань до реки всего 10 км) преодолеть рубеж р. Горынь.

Подводя итог боевых действий 9-го и 19-го мехкорпусов и оценивая возможные варианты их использования с точки зрения нашего сегодняшнего знания, можно предположить, что самым оптимальным было бы изначально отказаться от попыток наступления, сосредоточить танковые дивизии на восточном берегу рек Горынь и Стубла, концентрируя силы у шоссе Ровно, Гоща, а большую часть танков зарыть в землю, используя их в качестве неподвижных огневых точек. Возможно, в таком случае потери были бы меньшими, а неуклонное продвижение 3 ТК вермахта на восток удалось бы задержать еще на несколько дней.

Глава 2.5
Юго-Западный фронт. Итоги

Поздним вечером 30 июня в штабе Юго-Западного фронта был утвержден Боевой приказ № 0027. После короткой, бесстрастной констатации состоявшегося поражения (*«противник после упорных боев подвижными частями овладел районом Дубно, Остругу, Ровно»*) формулировалось следующее решение: *«Армии Юго-Западного фронта к 9.7.41 г. отходят на рубеж укрепленных районов Коростенского, Новоград-Волынского, Шепетовского, Староконстантиновского и Проскуровского, где, опираясь на укрепленные районы, организуют упорную оборону… Промежуточный рубеж Сарны, р. Случь, Острог, Скалат, Чортков, Коломыя, Берхомет удерживают до 6.7.41 г.».* **[280]**

Решение об общем отводе войск к линии укрепрайонов на «старой границе» могло быть одним из разумных вариантов действий, если бы оно было принято в первые часы войны[102]. К исходу девятого дня боевых действий ситуация радикально изменилась. На момент подписания приказа № 0027 противник силами двух танковых дивизий (13-й тд и 11-й тд) форсировал р. Горынь в районе Гоща (у шоссе Ровно, Новоград-Волынский) и Острог. (Рис. 21.) Это означало, что установленный приказом промежуточный рубеж отхода в двух его точках уже занят противником. Южнее, от Львова на Золочев, Тарнополь и далее к «старой границе» развивал наступление 14-й Танковый корпус вермахта.

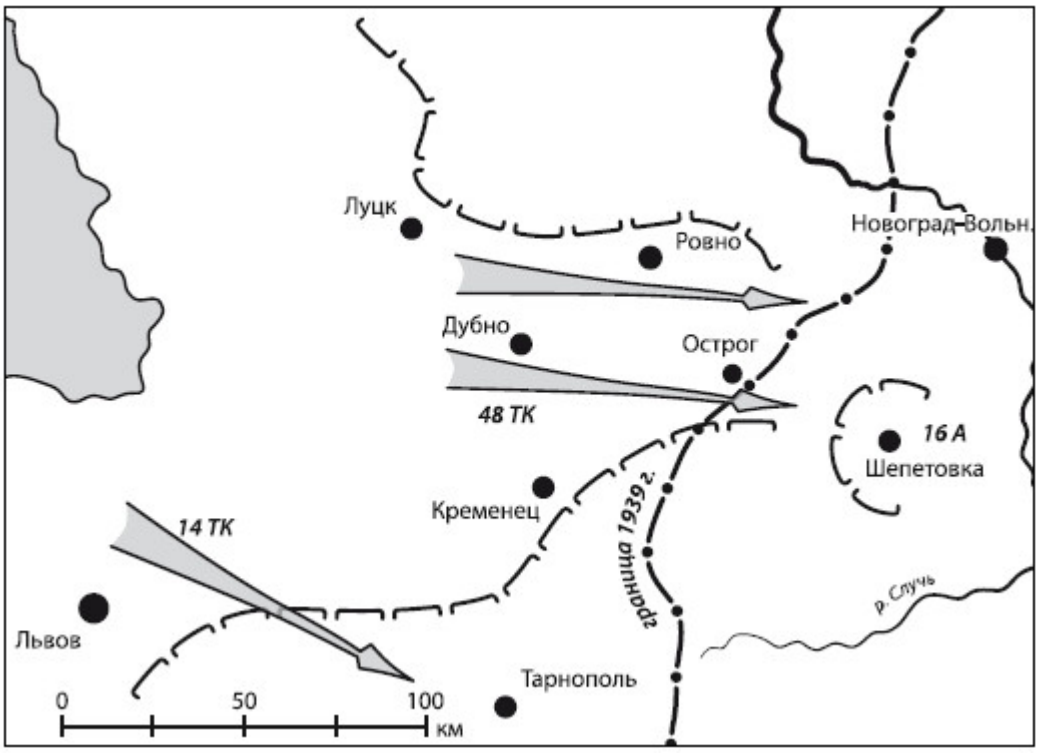


Рис. 21. Юго-Западный фронт. Конец июня 1941 г.

На новоград-волынском направлении наступление 3 ТК вермахта сдерживали остатки частей 9-го и 19-го мехкорпусов, а в полосе Острог, Шепетовка на пути наступления 48 ТК вермахта в силу случайного стечения обстоятельств оказались соединения 16-й Армии Вто-

[102] Маршал Баграмян (накануне войны – полковник, начальник оперативного отдела штаба КОВО) в своих мемуарах утверждает, что начальник штаба фронта Пуркаев предлагал отвести войска на линию «старой границы» еще 22 июня.

рого стратегического эшелона, переброшенной туда с Дальнего Востока в мае-июне. Это позволило на несколько дней остановить продвижение моторизованных частей противника, но не смогло изменить ситуацию в целом – к 6 июня линия Сарны, Острог, Скалат, Чортков была уже в немецком тылу, причем восточнее этой линии продвинулись не только танковые, но и многие пехотные дивизии вермахта. К 9–10 июля (когда войска ЮЗФ, в соответствии с приказом № 0027, должны были отойти на рубеж укрепрайонов) немецкие моторизованные соединения прорвали линию Шепетовского, Новоград-Волынского и Староконстантиновского УРов на всю глубину, форсировали реку Случь и вышли к Житомиру и Бердичеву. На этом оборонительная операция по линии «старой границы» закончилась, так и не начавшись.

За 20 дней войны пехота вермахта прошла 250 км от границы до реки Случь (судя по карте германского Генштаба, к вечеру 10 июля на рубеже р. Случь или восточнее ее находились 299, 298, 44, 111, 75, 57, 9 и 297-я пехотные дивизии), а танки ушли еще дальше на восток. Такие темпы ничуть не уступали тому, что в советской историографии называлось «триумфальное шествие немецких войск по Франции». Да и в сентябре 1939 г., в ходе т. н. «освободительного похода», Красная Армия заняла восточные воеводства Польши (позднее названные «Западной Украиной») немногим быстрее – и это при том, что польская армия к тому моменту уже находилась в состоянии агонии.

Какую цену заплатил вермахт за успех такого масштаба?

Прежде всего прочего хочу отметить ошеломляющие цифры потерь противотанковых пушек в соединениях 1-й Танковой группы (напомним, что это не только танковые и моторизованные, но и приданные танковым корпусам на начальном этапе операции пехотные дивизии). **[298]** За долгие 42 дня войны, за то время, когда Юго-Западный фронт потерял более 4 тыс. танков, немцы потеряли всего 105 орудий ПТО (см. таблицу 10).

Таблица 10

	3 ТК	48 ТК	14 ТК	всего
37-мм Pak-36	27	42	18	87
50-мм Pak-38	4	6	5	15
88-мм Flak	3	–	–	3

Особого внимания заслуживают две последние строки таблицы. Одна сторона вооруженного противоборства теряет сотни танков «новых типов», а другая – всего 18 пушек, теоретически способных пробить броню КВ или Т-34. Тут еще надо учесть, что в таблице приведены потери на 3 августа, а танки в заслуживающих упоминания количествах в танковых частях Юго-Западного фронта «закончились» на 3–4 недели раньше; соответственно, некоторая (едва ли кто-то сможет назвать точные цифры) часть этих орудий была потеряна уже безо всякого взаимодействия с танками Красной Армии.

Разумеется, по советским танкам стреляли не только артиллеристы дивизий 1-й Танковой группы вермахта. Некоторые товарищи утверждают, что тяжелые советские танки были уничтожены, главным образом, огнем 88-мм зенитных пушек, и в полосе наступления Группы армий «Юг» для этих целей был использован элитный зенитный полк «Герман Геринг». Увы, потери личного состава этой части заставляют усомниться в том, что немецкие зенитчики хотя бы видели танки КВ в количестве более дюжины. По состоянию на 2 июля потери составили 5 человек убитыми и 21 раненый, к 16 июля потери полка выросли

до 10 убитых и 35 раненых. **[299]** При этом не следует забывать, что от исполнения прямых обязанностей зенитчиков никто не освобождал, а советские самолеты бомбили и обстреливали их отнюдь не надувными шариками…

Потери (убитые, раненые, пропавшие без вести) личного состава моторизованных соединений Группы армий «Юг» представлены в таблице 11. **[300]**

Таблица 11

	Исходная численность	Потери к 2-4. 7	Потери к 14-16. 7	%%
11 тд	16 148	923	2368	14,0
16 тд	17 133	644	1855	10,8
13 тд	16 811	361	1272	7,6
14 тд	16 811	397	1475	8,8
9 тд	16 295	?	1053	6,5
16 мд	15 266	92	792	5,2
25 мд	15 079	236	890	5,9
СС «Викинг»	19 155	?	644	3,4
средн. арифм.	16 587		1293	7,7

Необычайно высокие (по меркам вермахта) потери танковых дивизий 48 ТК – это вполне понятный результат сражения у Дубно, у Острога (где 11-я тд практически в полном одиночестве, под градом ударов советской авиации[103] вела бой против 109-й мд, 213-й мд и танкового полка 57-й тд) и у Бердичева, где на пути немецких танков оказались свежие, ранее не участвовавшие в боях 16-й мехкорпус и 3-я ПТАБР. Столь же легко объяснимы и относительно низкие потери соединений 14 ТК (9-я тд и моторизованная дивизия СС «Викинг») – корпус был введен в бой на 6–7 дней позже других и наступал южнее района главных сражений.

Не столь очевидна причина относительно низких потерь моторизованных дивизий 48-го и 3-го танковых корпусов (16 мд-я и 25-я мд). Дивизии эти неизменно наступали во втором эшелоне своих корпусов, отставая от передовых танковых дивизий на 1–2 дня и на 20–40 км на местности; видимо, даже этого отличия оказалось достаточно для того, чтобы их потери оказались вдвое меньше. Если такое предположение верно, то оно говорит о том, что даже в тех случаях, когда немцы нарывались на сопротивление частей Красной Армии, длилось это сопротивление недолго, и на долю дивизий второго эшелона оставались, главным образом, сбор пленных и трофеев.

Потери пехотных дивизий, приданных танковым корпусам, были в целом еще ниже. Так, к 2 июля 57-я пехотная дивизия (та самая, о которую разбился контрудар 12-й танковой дивизии) потеряла 211 человек (54 убитых, 157 раненых), 44-я пехотная потеряла всего 104 человека, 298-я пд потеряла 520 человек (такие высокие, по меркам вермахта, потери явля-

[103] В ЖБД 48 ТК читаем: *«28 июня. С наступлением дня самолеты противника постоянно атакуют плацдарм 11 тд в районе Острог… Непрекращающиеся налеты вражеской авиации приводят к многочисленным потерям… 29 июня. Противник имеет в районе расположения 11 тд абсолютное господство в воздухе; самолеты врага, используя бортовое оружие, обстреливают наши войска с бреющего полета… 30 июня. 11 тд, понесшая большие потери в ходе авианалетов противника, находится в очень тяжелой ситуации…»*

ются, скорее всего, результатом боев против 131-й моторизованной дивизии 9 МК севернее Луцка).

В целом и в среднем дивизия 1-й Танковой группы в боях первых трех недель войны теряла по 60 человек в день. На вдвое большем временном отрезке, за 42 дня войны (до 3 августа) 1-я ТГр потеряла 16 584 человека (5029 убитых и пропавших без вести, 11 555 раненых), т. е. порядка 45 на дивизию в день. **[301]** В целом Группа армий «Юг» (за вычетом 11-й Армии) с 22 июня по 20 июля потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 43,7 тыс. человек, что в пересчете на число дивизий дает такие же (46 человек в день) цифры потерь. **[305]** Абсолютным максимумом, видимо, следует считать потери 68-й пехотной дивизии, которая за три дня боев (24–26 июня) с частями 4-го мехкорпуса у Краковец, Яворов потеряла убитыми и ранеными 547 человек (182 в день).

Безвозвратные потери немецких танков оказались исключительно низкими. К 5 июля 1-я Танковая группа потеряла всего 85 танков, причем в это число включены 11 пулеметных танкеток Pz-I. **[302]** В дальнейшем темп нарастания потерь даже снизился, и к 3 августа совокупные безвозвратные потери немецких танков (включая Pz-I и т. н. «командирские») составили 156 шт. **[303]** Сравнивая эти цифры с потерями личного состава, мы видим, что в танковых дивизиях вермахта на один безвозвратно потерянный танк приходилось 50–70 убитых и раненых людей. Даже если поделить эту цифру на четыре (в предположении, что потери личного состава танкового полка составляли примерно одну четвертую от потерь дивизии), то потери танкистов в воюющей армии все равно окажутся на порядок больше потерь танков.

Немцы свои малочисленные танки берегли, поэтому в каждой дивизии числилось большое (превосходящее безвозвратные потери) количество танков, временно неисправных и находящихся в ремонте. В середине июля конкретная картина потерь была следующей: **[304]**

Таблица 12

	безвозврат	ремонт
11 тд (к 19.7)	30	33
16 тд (к 13.7)	54	61
13 тд (к 18.7)	8	42
14 тд (к 18.7)	17	35
9 тд (к 13.7)	10	55
Всего:	119	226

Сведенные в единую таблицу, эти цифры отчетливо показывают, что в активно воюющих дивизиях (11-я тд, 16-я тд) безвозвратные потери примерно равны количеству временно вышедших из строя танков. Напротив, там, где больше маршировали, чем воевали (9 тд), оказавшихся в ремонте танков значительно больше, чем безвозвратно потерянных. Это дает основания предположить, что временно неисправные танки – это не только (и не столько) подбитые, но не добитые огнем противника, но и сломавшиеся по техническим причинам. Стоит также напомнить, что все без исключения немецкие танки работали на бензине, а калибры советских противотанковых пушек начинались с 45-мм; у реально получившего снаряд в бок немецкого танка были большие шансы загореться, а сгоревший танк ремонту не подлежит (от нагрева происходит т. н. «отпуск» броневой стали, после чего остатки танка пригодны только для переплавки).

«Много» и «мало» – понятия относительные. Если вспомнить, что к началу войны на вооружении войск Киевского ОВО числилось 1900 противотанковых 45-мм пушек, 870 дивизионных 76-мм пушек, 1140 зениток калибра 76 мм и 85мм (и это не считая 4,5 тыс. 45-мм и 76-мм пушек в башнях танков и бронеавтомобилей), то на этом фоне потери танков вермахта ничтожно малы. По отношению же к исходному количеству танков 1-й ТГр (728 единиц) потери оказались очень большими, и уже в середине июля в исправном состоянии находилось чуть более половины от первоначальной численности танков. Фактически, танковые соединения вермахта превратились в моторизованную пехотную дивизию, усиленную батальоном танков.

Теперь взглянем на ситуацию с другой стороны фронта. Одним из многих принципиальных отличий СССР от Франции или Польши была география совершенно иного масштаба, и в этом масштабе сама по себе потеря «клочка земли» размерами 250 на 250 км не была катастрофой[104]. Бедой, настоящей необратимой бедой была потеря армии, находившейся на этой территории. То, что удалось отвести за линию укрепрайонов на «старой границе», представляло собой лишь разрозненные остатки войск Киевского ОВО, который по состоянию на утро 22 июня не уступал в численности и вооружении армиям крупнейших европейских держав.

Сохранился документ, позволяющий представить потери войск фронта в конкретных цифрах. В штабе ЮЗФ была подготовлена справка «Сведения за соединения и отдельные части, входящие в состав армий фронта по состоянию на 15.7.41 г.». **[281]** В справке приведены данные о численности личного состава по 28 дивизиям (всех типов). Среднее арифметическое составляет 4086 чел., и это, на первый взгляд, позволяет предположить, что потери составили «всего лишь» 60 % от первоначальной численности личного состава. Но это лукавая цифра, напоминающая пресловутую «среднюю температуру по больнице». Для более реалистичной оценки следует, во-первых, принять во внимание, что в перечень из 28 дивизий вошли три дивизии 12-й Армии (44-я и 192-я гсд и 240-я мд), практически бездействовавшие и потому не понесшие заметных потерь; достаточно убрать их из общего списка, как средняя численность дивизий фронта падает до 3317 чел.

Но и это еще не все. По поводу 15 стрелковых (включая горнострелковые) дивизий фронта составители справки вынуждены были ограничиться коротким «донесений нет», что в реальной ситуации лета 41-го года не давало оснований для оптимизма; в этот перечень вошли, например, 124-я сд, позднее вышедшая из окружения в составе 1,5 тыс. человек, и 228-я сд, разгромленная за нескольких дней боев у Млынова и Дубно. Три стрелковые дивизии 6-й Армии (героическая 41-я и растаявшие в первые дни войны на львовском направлении 97-я и 159-я) в списке не значатся вовсе; нет в справке и данных по шести дивизиям 8-го и 15-го мехкорпусов. Понятно, что если бы цифры остатков личного состава этих соединений были учтены в справке, то средняя численность дивизий фронта оказалась бы меньше 3 тысяч.

Обоснованные сомнения вызывает и достоверность самих данных, внесенных в справку. Вот, например, 135-я стрелковая дивизия (5-я Армия), разгромленная 24 июня в первом же бою у Войницы и в дальнейшем изредка появляющаяся в документах лишь в контексте «части дивизии беспорядочно отошли». Как пишет Владимирский (причем пишет не по памяти, а со ссылкой на хранящийся в ЦАМО первичный документ), к 30 июня *«в 135-й стрелковой дивизии вместе с 16-м стрелковым полком 87-й дивизии оставалось всего 1511 человек».* **[43]** Две недели спустя людей в дивизии могло стать только меньше, однако в

[104] Для сравнения отметим, что это больше площади территории таких стран, как Бельгия, Голландия, Дания, Швейцария, и чуть меньше территории Ирландии.

справке штаба ЮЗФ в строке 135-й сд стоит цифра 3335. Утверждается, что в дивизии еще оставалось 56 орудий, но очень трудно поверить в то, что дивизия, потерявшая более 80 % личного состава, сохранила половину артиллерийских стволов.

По мнению составителей справки, в 81-й моторизованной дивизии (4 МК) к 15 июля еще оставалось 33 орудия. Откуда такое «изобилие»? Артиллерийский полк дивизии был разгромлен, и вся его матчасть потеряна 25 июня, в бою у Краковец, Яворов. Сохранилась Оперсводка № 010 штаба 81-й мд, составленная в 23.00 8 июля, после отвода остатков дивизии в тыл. В соответствии с этим документом, в 202-м мсп пушек нет вовсе, в 323-м мсп осталось две 76-мм пушки, в артиллерийском полку дивизии *«до 20 % личного состава, артиллерии нет, кроме винтовок никакого вооружения нет»,* сведений по состоянию противотанкового дивизиона нет. **[297]** Далее сообщается, что из остатков 202-го и 323-го полков сформирован «сводный батальон», однако в справке численность 81-й мд указана в размере 3287 чел. Многовато для батальона…

Точные данные о потерях Юго-Западного фронта не будут уже названы никогда; имеющиеся первичные документы позволяют предположить, что в дивизиях, оказавшихся в полосе наступления противника, к 10 июля было потеряно никак не менее 70–80 % личного состава. Совокупно это означает потерю **300—350 тыс. человек, что в десять раз больше потерь противника**. Факты заставляют пересмотреть устоявшееся в отечественной историографии мнение о том, что в первые недели войны на Юго-Западном фронте – в отличие от соседнего Западного – все было не так уж и плохо, катастрофы окружения удалось избежать, а войска были более-менее организованно отведены на восток. Увы, на восток, за линию «старой границы» были отведены остатки войск, в которых дивизия превращалась в сильно потрепанный стрелковый полк.

От механизированных соединений Юго-Западного фронта – самых крупных и мощных во всей Красной Армии – остались номера да название «танковая дивизия». Во вполне официальном статистическом сборнике «Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР» сообщается, что Юго-Западный фронт к 6 июля безвозвратно потерял 4381 танк. **[282] В 50 раз больше потерь противника**. Конечно, заявленную попытку установить советские потери с точностью до одного танка едва ли можно воспринимать всерьез, но общий порядок величин сомнений не вызывает: танки были потеряны почти полностью (более 90 %). Применительно ко многим дивизиям, оказавшимся в эпицентре сражения на Западной Украине, оговорку «почти» можно и вовсе убрать.

Доступные документы позволяют в ряде случаев «подкрутить резкость» и рассмотреть процесс исчезновения могучих мехкорпусов в деталях. Начнем с 37-й танковой дивизии (15 МК), после которой осталось донесение с подробным перечнем потерь личного состава[105]. **[283]** Итак, убито 103 человека, ранено 280. Цифры весьма скромные, в любой дивизии вермахта, воевавшей с 22 июня, убитых и раненых было значительно больше. Но на этих цифрах перечень потерь 37-й танковой дивизии не заканчивается, он еще только начинается.

653 человека «пропали без вести». 2040 человек убыли с загадочной формулировкой «по другим причинам». Это все потери? Нет, еще не все. Примерно 2,5 тыс. человек исчезло безо всякого объяснения причин. К такому выводу приводит нас простая арифметика: к началу войны в дивизии было (судя по августовскому отчету командования) 9775 человек, а к 12 июля в район сосредоточения у г. Пирятин (это уже за Днепром) вышло 2423 человека.

[105] В донесении период указан как «с 22.06 по 1.07», но сам документ является приложением к докладу о боевых действиях с 22.6 по 10.7; сравнение приведенных в донесении цифр потерь с данными из других источников также позволяет предположить, что имеет место опечатка, и в донесении учтены потери с начала войны до 10 июля.

[200] По августовскому отчету командования 15 МК – и того меньше, всего 2021 человек. **[198]**

Вот такая получается «пирамида» безвозвратных потерь: 103, 653, 4500. Убитые, «пропавшие без вести», исчезнувшие. По странному стечению арифметических обстоятельств количество убитых ровно в 50 раз меньше числа «пропавших». Стоит обратить внимание и на удивительное соотношение потерь танков и танкистов. К Пирятину вышло всего 6 танков (1 Т-34 и 5 Т-26) из 312, числившихся к началу войны исправными. Но при этом учтенные (подчеркнем это слово тремя чертами) потери личного состава двух танковых полков дивизии составляют всего 112 человек (50 убито, 62 ранено)[106]. Но, может быть, это такая уникальная, исключительно дезорганизованная дивизия? Продолжим скучную работу с цифрами и обратимся к документам дивизии, действительно, уникальной.

34-я танковая дивизия полковника Васильева реально воевала целых пять дней (с 26 по 30 июня), в последние из этих дней противник был численно многократно превосходящим, 34-я танковая создала немцам такие проблемы, что они отразились в документах Верховного командования вермахта; от этой дивизии осталось множество первичных документов, включая Журнал боевых действий, составленный непосредственно в ходе этих действий. Дивизия, несомненно, уникальная, лучшая из лучших. В августовском докладе о боевых действиях дивизии приведены такие цифры потерь личного состава: 209 убитых, 456 раненых и заболевших, 4388 пропавших без вести. **[284]** Увы, даже в этой героической дивизии пропавших в 20 раз больше убитых. Но и здесь арифметика потерь категорически «не сходится» – кроме явно учтенных «пропавших без вести» неведомо куда исчезло еще несколько тысяч человек[107]. И в этой дивизии количество потерянных танков (275 шт., не считая неисправные, не считая все тяжелые пятибашенные гиганты Т-35) значительно превосходит учтенное число убитых и раненых в двух танковых полках (всего 136 человек). **[285]**

Теперь обратимся к документам могучего 4-го мехкорпуса Власова. С ничтожным результатом повоевав на «Львовском выступе», корпус начал стремительный марш-бросок на восток. 29 июня оставлен Львов, 3 июля мехкорпус был уже в Збараже (135 км на восток от Львова), утро 9 июля застало 4 МК в районе городка Иванополь (180 км от Збаража). Наконец, 12 июля остатки самого мощного в Красной Армии танкового соединения прошли по киевским мостам через Днепр и сосредоточились в районе Прилуки (650 км к востоку от границы). Фактически, единого и управляемого мехкорпуса уже давно не было, так как во время отхода отдельные подразделения дивизий корпуса были объединены, разъединены, переданы в состав других частей фронта и т. д.

Судя по докладу командира 32-й тд, потери этой дивизии, имевшей на вооружении рекордное количество танков «новых типов» (49 КВ и 173 Т-34), оказались следующими. Всего потеряно 269 танков: 37 КВ, 146 Т-34, 28 БТ-7, 58 Т-26. **[286]** Где, когда и при каких обстоятельствах утрачена такая гора боевой техники – понять невозможно. В июньских боях дивизия, судя по тому же самому докладу, потеряла 34 танка (15 в контрударе у Яворова, 8 при отходе ко Львову, 11 танков якобы потеряли два батальона, отправленные к Радзехуву). Единственный эпизод, связанный с боевыми потерями танков при отходе на восток, описан в докладе так:

---

[106] Тут еще надо учесть, что потери танкового полка и потери танковых экипажей («танкистов» в узком смысле этого слова) – это совсем не одно и то же. По штатному расписанию в танковом полку две трети личного состава находится вне танков.

[107] К началу военных действий в 34-й тд было 9299 человек, после последнего боя юго-западнее Дубно удалось собрать 395 человек, что дает арифметическую «недостачу» в 3,8 тыс. в сравнении с учтенными в докладе цифрами потерь; однако надо учесть, что какое-то, не указанное в документах, количество людей отошло за р. Иква в составе тыловых подразделений и медсанбата дивизии.

«10.7.41 г. группа танков капитана Карпова (10 танков и 2 бронемашины) сосредоточилась в районе Бейзымовка и в 20 часов атаковала противника в направлении Ольшанка, но, не поддержанная пехотой, в 23 часа отошла и заняла оборону в 300–400 м южнее Ольшанка. В течение последующего дня группа вела непосильный бой в этом же районе и в результате бегства с фронта 32-го мотострелкового полка была уничтожена и оставлена на поле боя, за исключением одного танка». **[287]**

В сумме набирается 43 потерянных в бою танка. Можно предположить, что еще несколько штук были потеряны в стычках с противником, о которых составители доклада забыли упомянуть. 10 танков дивизия передала 3 июля в другую часть, что описано в докладе совершенно непереводимой фразой: *«Командиром 37-го стрелкового корпуса от имени Военного Совета* (какого ВС? фронта? армии?) *были задержаны и оставлены на усиление 32-й отдельной зенитной артиллерийской дивизии* (это что такое?) *10 танков под командованием капитана Егорова».* **[288]** Как бы то ни было, потеря порядка 200 танков не имеет в докладе хоть какого-нибудь объяснения.

Потери личного состава 32-й танковой дивизии указаны дважды и по-разному. В тексте самого доклада сказано: *«Дивизия потеряла 103 человека убитыми и 259 человек ранеными».* Однако в приложении к докладу («сведения о потерях частей 32 ТД за период с 22.6 по 30.7. 41») приведены большие цифры: всего потеряно 495 человек (139 убитых, 356 раненых), в том числе в двух танковых полках – 191 человек (64 убитых, 127 раненых). Потери примерно того же порядка, что и в упомянутых выше дивизиях, потери личного состава танковых полков также меньше числа потерянных танков. Самое же главное – приведенные в докладе данные по числу убитых и раненых в десятки раз меньше реальных потерь дивизии. Дивизия вступила в войну, имея 9337 человек, а к 15 июля – по сведениям штаба фронта – в ней оставалось всего 736 человек. **[281]** Где еще восемь тысяч человек?

Вторая танковая дивизия 4 МК была укомплектована новейшими танками немногим хуже – на вооружении 8-й тд числилось 50 КВ и 140 Т-34 (а также 122 исправных танка «старых типов»). Установить по выявленным документам точную численность личного состава дивизии мне не удалось, но, зная общее количество людей в мехкорпусе (33 734 чел.), можно предположить, что в дивизии было не менее 9,5–10 тыс. человек. К 13 июля состояние 8-й тд в Журнале боевых действий описывалось так: *«Дивизия (9 танков, 600 бойцов МСП) занимает оборону на широком фронте Андрушевка, Мал. Клитенка, Кропивна…»*[108] До этого, судя по записям в том же самом ЖБД, дивизия потеряла в июньских боях 50 танков (включая потери «сводного танкового полка», переданного в оперативное подчинение командира 15-го мехкорпуса). Еще 9 танков было потеряно во время отхода. Где все остальные?

К докладу о боевых действиях 8-й танковой дивизии приложена «Ведомость наличия боевых и вспомогательных машин». **[289]** Этот документ примечателен тем, что позволяет выявить невероятную живучесть несокрушимых советских грузовиков. К 1 августа в дивизии осталось 3 танка – из 312, числившихся исправными по состоянию на 22 июня. Потеряно 99 % танков. А вот из 572 грузовиков ЗИС-5 уцелело 317 штук, из 360 грузовых «газиков» уцелело 139. Да и легковые «эмки» оказались неуязвимыми – из 23 сохранилось 17.

Такие интересные пропорции можно было бы понять в ситуации, когда танки потеряны в ходе многодневных ожесточенных боев; в этом случаи потери грузовиков танковой дивизии, которые хотя и находятся недалеко от поля боя, но все же на самый передний край не выезжают, могли бы оказаться меньше. Но 8-я танковая растеряла свои танки в ходе многодневных маршей. Как объясняют нам современные российские историки – от ударов вездесущей и всесокрушающей немецкой авиации. Что же это за бомбежки такие, под которыми

[108] Однако в справке штаба ЮЗФ по состоянию на 15 июля в 8-й танковой дивизии числится 1306 человек.

дизельные (!) танки, укрытые непробиваемой для осколков броней, горят, как свечи, а убогие фанерные «газики» с бензиновыми моторами все едут, едут и едут?

На фоне такого «порядка в танковых частях» уже вполне заурядно смотрится донесение о потерях личного состава 8-й тд. **[290]** В дивизии, которая уже к 13 июля превратилась в батальон неполного состава, учтены (причем по состоянию на 30 июля) лишь следующие потери: 306 убитых, 696 раненых, 1033 пропавших без вести. Отсутствие еще порядка 6–6,5 тыс. человек никак не объясняется.

Еще одна «старая» кадровая дивизия, получившая до начала войны изрядное количество танков «новых типов» (63 КВ и 38 Т-34), 10-я танковая. За Днепр дивизия вышла, имея в своем составе 4650 человек (по докладу командования 15 МК) или даже 5253 (по докладу командования дивизии). Это абсолютный «рекорд» среди всех танковых дивизий Юго-Западного фронта. Тут, правда, уместно вспомнить афоризм про «полупустой или полуполный стакан». 10-я тд потеряла половину личного состава – это очень мало или очень много? Не менее уместен и вопрос о том, где были эти 5 тыс. человек, если 7 июля из всех частей дивизии удалось собрать *«сводный батальон пехоты от 10-го мсп, роту танков от 20-го тп, сводный артиллерийский дивизион в составе 3 орудий 152-мм и 2 орудий 122-мм, разведроту в составе 6 бронемашин и 2 танков БТ, взвод связи и 2 рации 5-АК».* **[291]**

Арифметика потерь традиционно «не сходится». В августовском докладе командования дивизии приведены такие цифры: 210 убитых, 587 раненых. Простой и честной графы «пропали без вести» нет, она заменена такими многосложными конструкциями, как «не вернулись с поля боя при атаке и при выходе из боя», «отстали на марше», «не вышли из боя при окружении противником»; всего по этим основаниям убыло 2145 человек. **[292]** Еще порядка 1,5 тыс. (и это если поверить в то, что за Днепр к Пирятину вышли 5 тыс. человек!) отсутствуют без объяснения причин.

В июньских боях у Радзехува и Лопатина 10-я тд потеряла (точнее говоря, эти потери упомянуты в докладах командования дивизии и мехкорпуса) ровно 60 танков, в том числе 14 КВ и 7 Т-34. После этого был непрерывный отход на восток, но к утру 6 июля в дивизии осталось всего 20 танков (в т. ч. 2 КВ и 3 Т-34). Порядка 250 танков, включая 47 несокрушимых КВ и 28 Т-34, потеряно неизвестно где и как. С автомашинами все обошлось гораздо лучше: за Днепр вышло 648 единиц (больше половины от исходной численности автопарка). **[293]**

На причины и обстоятельства потерь советских танков можно взглянуть и с другой стороны фронта. По донесениям дивизий 48-го Танкового корпуса вермахта (11-я тд, 16-я тд, 16-я мд), к 14–15 июля (а к этой дате 8-й, 15-й и 16-й мехкорпуса уже потеряли почти все свои танки) они записали на свой счет, соответственно, 390, 357 и 64 уничтоженных и захваченных советских танков. **[310]** Даже если, вопреки всякой логике, предположить, что отчеты штабов вермахта составлены с нулевым уровнем приписок, то и в этом случае получается, что примерно две трети от реального количества советских танков немцы даже не видели (точнее говоря, увидели гораздо позднее, когда тыловые части прочесывали местность и считали трофеи).

Конечный вывод из этого моря цифр очевиден: боевые (непосредственно связанные с воздействием противника) потери Юго-Западного фронта многократно меньше потерь от явного и скрытого дезертирства. Тучные стада советских/российских ученых, полвека пасшихся на ниве изучения истории Великой Отечественной войны, эти цифры в упор не видели. Оно и понятно – «историкам» надо было рассказывать истории про «беспримерный в истории массовый героизм». Гораздо важнее другое – поняло ли смысл произошедшего высшее командование Красной Армии? Сегодня, на базе выявленных документов мы можем дать вполне конкретный ответ на этот вопрос – еще как поняло!

Лежит в Центральном архиве Министерства обороны листок бумаги (ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11360. Д. 5. Л. 35). На нем – машинописная таблица с цифрами исходного количества и убыли танков и автомашин 2-го и 18-го мехкорпусов Южного фронта. Вполне типичные цифры: танки пропали, машины остались. Цифры эти подчеркнуты чьей-то рукой, и внизу листа, округлым четким почерком написано: *«Ясно – тылами не руководили, они поддались панике и драпанули, оставив корпуса без б/припасов и ГСМ».*

Пытался прояснить ситуацию и помощник командующего ЮЗФ генерал-майор танковых войск Вольский:

«Цифры потерь в ведомости показаны сугубо ориентировочно. Собран материал, имеются акты на каждую машину безвозвратных потерь, но окончательный ответ можно представить только после рассмотрения актов, производства дополнительного расследования, которое должно вскрыть истинные причины и количество безвозвратных потерь… Вторично прошу о высылке комиссий для рассмотрения материалов на месте и установления причин безвозвратных потерь материальной части…» **[294]**

«Сейчас уделяю исключительное внимание – этому выяснению, почему так много потеряно матчасти, при каких именно обстоятельствах оставлена матчасть и сколько ее. Видимо, придется кое-кого предать суду, кто оставил матчасть по растерянности, дабы неповадно было на будущее…» **[295]**

«Установлено, что механики-водители (от руки вписано слово «некоторые». – *М.С.*) *машин БТ и Т-26 имеют тенденцию портить машину и не идти в бой. Это отдельные люди, но тем не менее таковые имеются. Борьба простая: под суд и расстрел, но факт порчи установить очень трудно. Были случаи, когда ряд машин уходили в лес, отстаивались в лесу ссылкой на неисправность, а после боя выходили. В этом деле должен крепко работать политаппарат и Особый отдел…»* **[296]**

«В этом деле» вариантов могло быть ровно два. Или снисходительно махнуть рукой, сказав что-то вроде «за одного битого двух небитых дают». Или назвать все произошедшее в первые дни войны «изменой», «вредительством», «пособничеством врагу» и соответственно наказать. Нельзя было ограничиться строгим выговором в ситуации, когда на одного убитого в бою приходится 50 исчезнувших, когда танки ломаются сплошняком, а машины стремительно мчатся на восток. Выбрать одно из двух мог только один человек, и все знали – как его зовут. Сталин подумал и в середине июля принял решение. «Дабы неповадно было на будущее» арестовали (и в дальнейшем расстреляли) большую группу высшего комсостава Западного фронта во главе с генералом армии Павловым. Всех остальных начальников Вождь простил – у него не было других генералов для этой войны.

Часть 3
В полосе группы армий «Центр»

Глава 3.1
Состав, дислокация, планы сторон

В предыдущих главах книги мы рассмотрели ход боевых действий на Западной Украине, в полосе Юго-Западного фронта. Там была развернута самая мощная во всей Красной Армии группировка войск, а противник – две армии Группы армий «Юг» – по ряду параметров (количество артиллерии, танков, авиации) многократно уступал ей. В Белоруссии ситуация была значительно сложнее. Для вермахта это было направление главного – в масштабе всей кампании против СССР – удара, и там была сосредоточена самая мощная Группа армий «Центр», по некоторым показателям превосходившая две другие (ГА «Север» и Юг») вместе взятые. С воздуха наступление немецких войск поддерживал 2-й Воздушный флот – самая крупная группировка авиации, на вооружении которой находилась половина всех боевых самолетов Восточного фронта (в т. ч. все пикирующие бомбардировщики Ju-87).

Наличие в составе ГА «Центр» двух ударных механизированных группировок (2-я и 3-я Танковые группы, всего 9 танковых и 7 моторизованных дивизий) позволили противнику спланировать и провести операцию по глубокому охвату и окружению войск Западного фронта. В итоге лишь немногим командирам и штабам удалось вырваться из «котла». Разгром войск на поле боя был дополнен показательной расправой, учиненной Сталиным над командованием Западного фронта. Одно из последствий этого сказывается в работе историков и по сей день – от разгромленного фронта осталось очень мало первичных документов, отчетов, докладов; даже мемуары зачастую писать было некому.

Это обстоятельство заметно скажется на содержании данной Части книги: если ранее мы использовали документы вермахта лишь для дополнения, сверки и «контроля», то здесь они во многих случаях окажутся единственным источником информации.

«Багратион» и «Барбаросса»

Прежде, чем считать танки, пушки, самолеты и составлять таблицы соотношения сил сторон, следует ознакомиться с «третьей стороной», с особенностями местности, которая на данном театре военных действий в огромной мере определяла их (действий) ход и исход. Территория Белоруссии и южной Литвы покрыта крупнейшими в Европе лесными массивами (см. рис. 10). Южнее дороги Брест, Слуцк, Бобруйск раскинулось безбрежное «море» болот и лесов Полесья, там нет дорог и не везде есть пешеходные тропинки. К северу от линии Слуцк, Рогачев начинается еще один огромный, протянувшийся на сотни км по обеим берегам р. Березина лесной район. Испещрена «зелеными пятнами» (Супрасльская, Беловежская, Налибокская пуща) карта Белоруссии и во многих других местах.

Впрочем, и белые участки на рис. 10 (составлен он на основании довоенной карты Генштаба РККА с замечательным названием «Москва, Берлин») обозначают отнюдь не гладкую степь; относительно открытые участки местности где-то заболочены, где-то покрыты перелеском, изрезаны руслами бесчисленных мелких рек, притоков Немана и Припяти. По сути дела, выйти «на оперативный простор» моторизованные соединения вермахта могли,

лишь переправившись на восточный берег Днепра, но от границы до Днепра им предстояло пройти 450–550 км; далеко не каждая европейская страна имеет подобные размеры.

На такой местности продвинуть на 500 км девять танковых дивизий – задача непростая, даже в отсутствие какого-либо противника. При наличии противника задача становится невероятно сложной: стрелковая рота (две сотни молодых здоровых мужчин) может остановить движение танковой дивизии, просто соорудив на дороге заурядный лесной завал. Взвод саперов, взорвавший мост через лесную речушку и заминировавший подходы к нему, может задержать наступление на сутки. Обычные представления о соотношении сил теряют здесь свой смысл; танковый батальон от танковой дивизии отличается лишь длиной походной колонны – развернуться в боевой порядок на дороге, зажатой с двух сторон стеной леса или изумрудной зеленью болотной трясины, не сможет ни батальон, ни дивизия, за 500 метров от места встречи с противником поле боя уже не видно, в хвосте колонны его даже и не слышно…

И тем не менее – проведение успешной наступательной операции в Белоруссии возможно, что было доказано практически, причем дважды: с запада на восток летом 41-го, с востока на запад летом 44-го. Вот с операции «Багратион», проведенной силами четырех фронтов Красной Армии летом 1944 г., мы и начнем.

Прежде всего, отметим, что все, кто когда-либо писал об этом – будь то историки, журналисты или руководившие операцией генералы – в один голос характеризуют «Багратион» как блестяще организованную операцию, как выдающийся успех и демонстрацию наивысшего уровня боеспособности Красной Армии, достигнутого после тяжелой и кровавой «школы» трех лет войны. Современные российские историки уже позволяют себе вспомнить и о том, что операция лета 44-го года была не первой, и не второй, и даже не десятой попыткой пробить оборону немецких войск на рубеже Витебск, Орша, река Днепр. Операция «Багратион» была удавшейся – и поэтому вошедшей в школьные учебники истории – попыткой осуществить крупномасштабное наступление в Белоруссии. Предшествовало же ей следующее:

«Начиная с 12 октября 1943 года по 1 апреля 1944 года Западный фронт под командованием генерала армии Соколовского на оршанском и витебском направлениях провел одиннадцать операций… Все эти операции закончились неудачно, и фронт поставленных Ставкой задач не решил. Ни в одной из перечисленных операций не была прорвана оборона противника хотя бы на ее тактическую глубину, операция заканчивалась в лучшем случае незначительным вклинением в оборону противника… Западный фронт во всех проводимых операциях имел явное превосходство перед противником в силах и средствах. Несмотря на это, все операции кончались неудачно, и фронт с октября месяца вперед не продвинулся…» **[306]**

Это цитата из доклада (вплоть до распада СССР остававшегося секретным) специальной комиссии под председательством Маленкова, направленной Государственным комитетом обороны для выяснения обстоятельств и причин безрезультативности действий Западного фронта. Да, конечно, на фоне грандиозной операции «Багратион» упомянутые выше попытки наступления представляются малозначимыми эпизодами войны, но и в этих «эпизодах» численность задействованных войск Красной Армии (до 32–34 стрелковых дивизий) была уже вполне сопоставима с боевым составом ГА «Центр» июня 1941 года.

Что касается цены неудачи, то Западный фронт в ходе провалившихся попыток перейти в наступление израсходовал 7261 вагон боеприпасов. Самая же страшная «цена» определяется цифрами в 62,3 тыс. убитых и 219,4 тыс. раненых. **[306]** Но и это еще не все. Кроме 11 неудачных попыток Западного фронта пробить северный фланг обороны ГА «Центр» были еще и три относительно успешные наступательные операции, проведенные Белорусским

фронтом на южном фланге (гомельско-речицкая 20–30 ноября 1943 г., калинковичи-мозырская 8–30 января 1944 г., рогачевско-жлобинская 21–26 февраля 1944 г.). В результате этих операций удалось продвинуться на 100 км и создать в междуречье Припяти и Днепра плацдарм для дальнейшего наступления во фланг и тыл основной группировки противника. Цена локального успеха: 41,2 тыс. убитых, 134,5 тыс. раненых. **[307]**

Итого: 457 тыс. убитых и раненых только на этапе подготовки, захвата исходных рубежей для широкомасштабного наступления.

К середине июня 1944 г. для проведения операции «Багратион» была создана беспрецедентная по численности группировка войск: четыре фронта (1-й Прибалтийский, 3-й, 2-й и 1-й Белорусские), 156 стрелковых и 12 кавалерийских дивизий, 12 танковых и механизированных корпусов, 16 отдельных танковых бригад; всего порядка 178 «расчетных дивизий»[109]. А также 4 пехотные дивизии, кавалерийская и танковая бригада Войска польского. И уже в ходе начавшегося наступления было введено дополнительно 24 стрелковые дивизии. На вооружении группировки числилось 4 тыс. танков и САУ. С воздуха наступление поддерживала авиация в количестве 2500 истребителей, 1800 штурмовиков, 1000 бомбардировщиков.

Противник (ГА «Центр» в составе 3-й Танковой, 4-й, 9-й и 2-й Армий) на фронте от Западной Двины до Припяти имел 30 пехотных, 1 танковую, 4 моторизованные («панцер-гренадерские») дивизии. А также 2 так называемые «авиаполевые дивизии», 2 охранные дивизии, 2 кавбригады, 3 «корпусные боевые группы», что можно свести примерно к 7 «расчетным дивизиям». Позднее, уже после начала наступления Красной Армии, в Белоруссию были переброшены 2 танковые дивизии. Даже с учетом четырех венгерских дивизий, включенных в состав 2-й Армии вермахта, у противника не набирается и 50 дивизий. К началу операции немцы имели порядка 500 танков, группировка авиации насчитывала порядка 300 бомбардировщиков и 160 истребителей.

Таким образом, к началу операции «Багратион» Красная Армия превосходила противника в 4 раза по числу дивизий, в 8 раз по танкам при абсолютном превосходстве в авиации. Существенно важны в данном случае и абсолютные цифры. Группировка советских войск насчитывала более 2,3 млн человек, такая концентрация «живой силы» позволяла производить саперные работы невиданного масштаба; так, например, в первый день наступления на реке Проня (восточный приток Днепра) было наведено 78 переправ и 4 моста грузоподъемностью 60 т, в непроходимых болотах на десятки км мостили гати, способные выдержать танк, и т. п.

И это еще не весь состав группировки советских войск. В тылу ГА «Центр» находилась и активно действовала огромная партизанская «армия». Даже по современным документальным оценкам, очищенным от пропагандистских преувеличений советской эпохи, к лету 1944 г. в Белоруссии действовало более 130 тыс. вооруженных партизан. За одну ночь перед началом наступления партизаны совершили несколько тысяч диверсий, уничтожив, в частности, 40 тыс. рельсов, что практически полностью парализовало железнодорожные перевозки в тылу ГА «Центр». **[308]** И в дальнейшем, на протяжении всей операции партизанские отряды успешно взаимодействовали с частями регулярной армии, снабжали их разведданными, разрушали транспортную систему и линии связи в тылу противника.

Следует отметить и важные обстоятельства времени действия. На календаре был конец июня 1944 г. Вермахт уже перенес череду тяжелых поражений и отступал на всех фронтах, союзники уже высадились в Нормандии, и немцам уже не удалось сбросить их в море, на города Германии уже обрушилось более 500 килотонн бомб. Конечный исход войны уже не

[109] Руководствуясь численностью личного состава этих соединений, за одну «расчетную дивизию» принят танковый или мехкорпус, две кавдивизии, четыре танковые бригады.

вызывал сомнений ни у одного здравомыслящего человека, и 20 июля (в самый разгар операции «Багратион») под столом у Гитлера взорвалась бомба, принесенная офицерами-заговорщиками. И если генералы в Берлине уже были готовы рисковать своей жизнью ради свержения гитлеровского режима, то и у солдат на Восточном фронте оставалось все меньше готовности заплатить своей единственной жизнью за продление агонии «третьего рейха».

Вот в такой ситуации операция «Багратион» развивалась следующим образом. (Рис. 22.) На первом этапе (с 23 июня по 5 июля) фронт обороны противника был прорван в районе Витебска и Бобруйска, подвижные соединения Красной Армии перешли в стремительное наступление, пройдя за 12 дней порядка 200 км. При этом в районе Витебска, Бобруйска и восточнее Минска было создано три локальных «котла», в которых были окружены и уничтожены войска противника численностью более 130 тыс. человек. Избежавшие окружения части вермахта отступали на запад под безостановочными ударами советской авиации; сохранившиеся фотографии разгромленных колонн неотличимы от аналогичных картин лета 1941 г.

На втором этапе операции (ориентировочно с 5 по 30 июля) Красная Армия продолжала наступление, хотя и в несколько меньшем темпе, при этом противнику удалось относительно организованно отвести остатки войск, избежав новых «котлов». К концу июля линия наибольшего продвижения советских войск примерно совпадала с границей 1941 г.: в Прибалтике фронт ушел западнее Шяуляя, а в ряде мест передовые части вышли к берегу Балтийского моря, южнее фронт прошел через Сувалки и далее по р. Бебжа западнее Белостока. На Брестском направлении соединения 1-го Белорусского фронта, наступая южнее полосы болот Полесья, дошли до Варшавы и даже захватили плацдармы на западном берегу Вислы.

Строго говоря, на этом наступательная операция закончилась, хотя в советской историографии ее завершение неизменно датировалось 29 августа[110]. Фактически же в течение августа войска Красной Армии заметного продвижения не имели, более того, в Прибалтике немцам удалось нанести контрудар, оттеснить передовые части 1-го Прибалтийского фронта назад к Шяуляю и восстановить таким образом сухопутное сообщения с ГА «Север».

[110] Возможно, это было обусловлено желанием избежать слишком красноречивого совпадения момента прекращения советского наступления с началом Варшавского восстания.

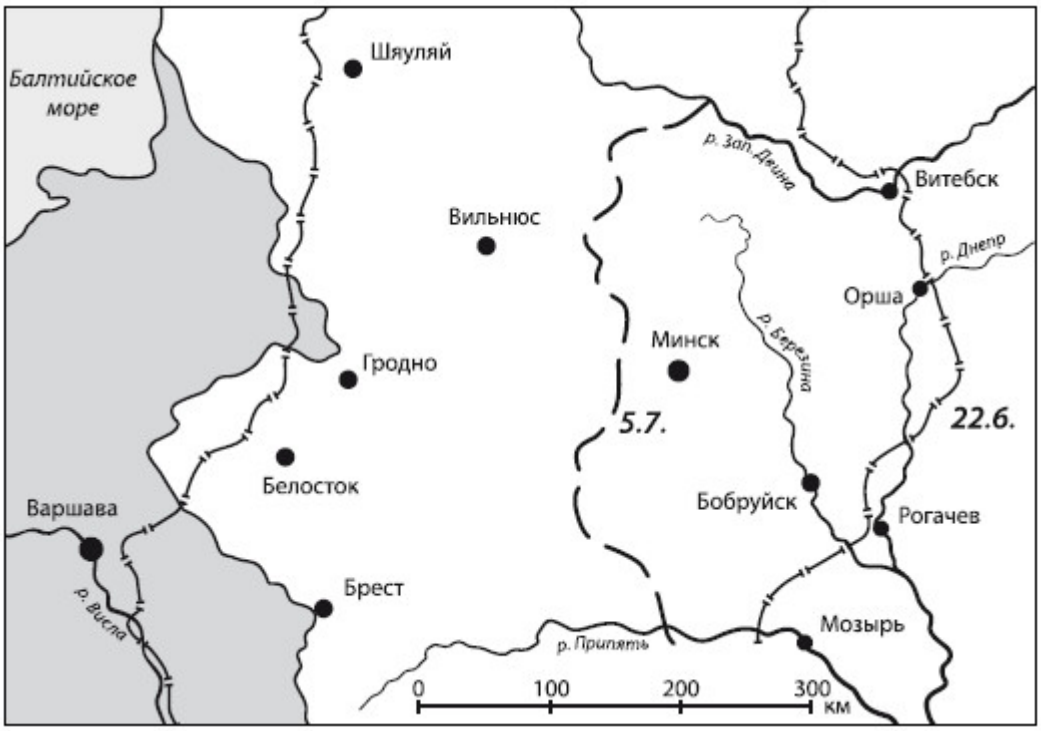


Рис. 22. Операция «Багратион» (лето 1944 г.)

Подведем итоги. За 40 дней наступления (или за 68 дней операции, если принять официальную версию) войска Красной Армии продвинулись на 500–550 км. Потери противника (убитые, раненые, пропавшие без вести) составили порядка 350–400 тыс. человек, что – принимая во внимание исходную численность ГА «Центр» – нельзя охарактеризовать иначе как полный разгром. Цена победы: 178,5 тыс. убитых, 587,3 тыс. раненых, всего 765,8 тыс. человек**. Потери личного состава наступающих вдвое превысили потери обороняющихся.** Потери боевой техники Красной Армии составили 2957 танков, 2447 орудий и минометов, 822 самолета. **[309]**

Даже не подвергая сомнению достоверность приведенных выше, вполне официальных данных, можно утверждать, что потери Красной Армии не ограничились только этими цифрами. Было потеряно время. Август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь – пять долгих месяцев простояли на месте советские войска, прежде чем 12 января 1945 г. смогли возобновить наступление от Вислы к Одеру и далее на Берлин. Да, конечно, тут сыграл свою роль и политический фактор (Сталин терпеливо дожидался, пока немцы утопят в крови Варшавское восстание), однако в конце сентября восстание было окончательно подавлено, но фронт с места не сдвинулся; долгие месяцы простояли в обороне советские войска и на сотнях км фронта севернее Варшавы. Видимо, следует признать, что после запредельного напряжения операции «Багратион» Красная Армия нуждалась в длительной передышке для восстановления сил.

А теперь вернемся к событиям лета 1941 г. Место действия – то же самое, погодно-климатические условия, продолжительность дня и глубина болот без изменений. Еще одна составляющая сходства «Багратиона» и «Барбароссы» – численность группировки обороняющихся. В составе войск Западного фронта и оказавшегося под ударом ГА «Центр» левого (южного) фланга Северо-Западного фронта было всего 47 «расчетных дивизий» (26 стрелковых, 2 кавалерийские, 13 танковых и 6 моторизованных дивизий, 1 воздушно-десантный

корпус и 3 противотанковые бригады), что почти в точности равно численности немецких и венгерских войск к началу операции «Багратион».

Дальше начинаются все нарастающие различия. У обороняющихся есть мощный бронетанковый «кулак» – более 2,2 тыс. исправных (!) танков, в том числе 430 новейших КВ и Т-34, и более 0,5 тыс. пушечных бронеавтомобилей БА-10; это принципиально другой – в сравнении с немецкой ГА «Центр» лета 1944 г. – уровень вооружения, теоретически позволяющий наносить сокрушительные контрудары, ломать планы противника и навязывать ему «свою игру». На стороне «восточных» есть крупная группировка авиации, в составе которой числятся 1634 боевых самолета (881 истребитель и 753 бомбардировщика)[111]. Такая «туча» боевых самолетов существенно меняет ситуацию – есть чем прикрыть с воздуха собственные войска, есть чем атаковать движущиеся по лесным «дорогам-ущельям» моторизованные колонны противника.

Главное же отличие «Багратиона» от «Барбароссы» обнаруживается при знакомстве с составом группировки наступающих – здесь мы переносимся из страны великанов в страну лилипутов. О трехзначных числах количества дивизий немецкие генералы не могли даже мечтать. Вся Группа армий «Центр» (да, самая мощная в составе войск вторжения) насчитывала всего 49 «расчетных дивизий» (31 пехотная, 1 кавалерийская, 9 танковых, 6 моторизованных, 3 охранные дивизии, 1 моторизованная бригада и 1 моторизованный полк). Примерное равенство сил с группировкой Красной Армии. Если же сравнивать с «Багратионом», то в четыре раза меньше, чем было у наступающей стороны летом 1944 г.

На вооружении 9 немецких танковых дивизий было (не считая пулеметные танкетки) 1,7 тыс. танков; с учетом 6 дивизионов и 2 батарей «штурмовых орудий», 4 дивизионов самоходных «истребителей танков» и 2 батальонов огнеметных танков набирается всего порядка 2 тыс. танков и САУ. Чуть меньше, чем у обороняющихся, или вдвое меньше, чем было у Красной Армии в операции «Багратион». С воздуха ГА «Центр» поддерживал 2-й Воздушный флот, на вооружении которого было (включая неисправные!) 1145 боевых самолетов (400 истребителей, 568 бомбардировщиков, 177 многоцелевых Ме-110). В полтора раза меньше, чем у обороняющихся, или в 4,6 раза меньше, чем было у наступающей стороны в операции «Багратион».

Теперь для удобства сведем все это многообразие цифр в две простые таблицы:

Таблица 13

	вермахт	Красная Армия	k=
всего дивизий	49	47	1,04
в т.ч. пехотных	33	28	1,18
танки и САУ, тыс.	2,0	2,2	0,91
боевые самолеты	1,15	1,63	0,71

Таблица 14

[111] Без учета ВВС Северо-Западного фронта, без учета новых формирующихся полков и их вооружения, с учетом 3-го авиакорпуса ДБА в Смоленске.

	Красная Армия	вермахт	k=
всего дивизий	207	48	4,3
в т.ч. пехотных	190	41	4,6
танки и САУ, тыс.	4,0	0,5	8,0
боевые самолеты, тыс.	5,3	0,46	11,5

Примечание: к категории «пехотные» отнесены также стрелковые, кавалерийские и охранные дивизии.

Тут еще надо отметить, что таблица 13 не отражает тот наиважнейший факт, что уже в первых числах июля восточнее Березины немцы встретились с многочисленными, полностью отмобилизованными дивизиями Второго стратегического эшелона, в частности, с соединениями 5-го и 7-го мехкорпусов, имевших на вооружении более 1,5 тыс. танков.

Общий вывод сомнений не вызывает: в рамках той военной науки, которая считает дивизии, калибры, килотонны бомб и миллиметры брони, у вермахта летом 41-го было мало шансов на проведение успешной наступательной операции, да еще и на огромную глубину; с учетом свойств местности, наличия многочисленных речных преград и двух линий укрепрайонов шансы становились просто нулевыми. Вот только реальность оказалась совсем иной.

На рубеж Витебск, Орша, река Днепр немцы вышли к 10 июля 1941 г. В отдельных точках вышли еще раньше, но на всей протяженности названной линии вермахт оказался на 20-й день операции. Темпы – в два раза выше, чем в операции «Багратион» (и это если считать жестко, ограничивая продолжительность наступательной операции Красной Армии 1 августа 1944 г.).

Потери обороняющихся (Западного фронта Красной Армии) точно не знает никто. Статистический сборник Кривошеева оценивает общие потери Западного фронта (разумеется, без учета трех разгромленных в полосе от границы до Вильнюса дивизий Северо-Западного фронта) в 418 тыс. человек. Принимая во внимание, что две трети соединений ЗФ остались в «котле», а вышедшие из окружения дивизии насчитывали в лучшем случае 1–2 тыс. человек, реальную оценку потерь – подробнее этот вопрос мы рассмотрим в конце данной Части книги – следует повысить до 500–550 тыс. человек. Что заметно больше, но в принципе сопоставимо с безвозвратными немецкими потерями в операции «Багратион».

Абсолютно, разительно несопоставимыми оказались потери наступающих. К 10 июля 1941 г. общие потери (убитые, раненые, пропавшие без вести) ГА «Центр» составили порядка 24–26 тыс. человек. **В 30 раз меньше потерь Красной Армии в операции «Багратион»**. Немецкие потери составили порядка 2,5 % от исходной численности личного состава ГА «Центр», поэтому не удивительно, что вермахту не потребовалось ни пяти месяцев, ни пяти недель, ни даже пяти дней оперативной паузы. 29 июня танковые дивизии замкнули кольцо окружения у Минска, 3 июля было возобновлено наступление на восток, 10 июля был занят Витебск и началось форсирование Днепра, 16 июля немцы заняли Смоленск…

Sapienti sat. «Умному достаточно», как говорили древние латиняне. В данном случае даже и не очень умному человеку должно быть понятно, что такая ошеломляющая разница в пропорциях потерь не может быть следствием плохой работы воздушного фильтра на двигателе Т-34 или устаревшей конструкции бронезаслонок на ДОТах Минского УРа. Даже тактические преимущества первого удара, которые Сталин подарил противнику, не могут объяснить такой разгром, в таком темпе и с такими мизерными потерями победителя. Причина поражения была гораздо серьезнее, и читателю, который набрался труда и терпения дочитать до этого места книги, все должно быть уже предельно ясно. Однако название книги обязы-

вает, и поэтому мы приступаем к подробному разбору короткой истории гибели Западного фронта.

Планы вторжения

Стратегическое решение, принятое Верховным командованием вермахта, – нанести главный удар на центральном участке Восточного фронта, через Белоруссию на Смоленск – было весьма рискованным и спорным. Что же касается способа реализации такого решения, то он – по крайней мере, на этапе первых операций – был вполне тривиальным и предсказуемым. Очертания границы (выдающийся далеко на запад «Белостокский выступ»), особенности местности и наличная дорожная сеть подсказывали очевидный план действий немецких войск: нанесение двух мощных ударов подвижными соединениями у оснований «выступа» с последующим продвижением одной Танковой группы по относительно открытой местности от Сувалки на Вильнюс, а другой – вдоль магистрального шоссе от Бреста на Барановичи.

После этого открывался большой набор вариантов дальнейших действий. Советское командование, как можно судить по содержанию Плана прикрытия Западного ОВО, предполагало, что противник нанесет удары по направлениям Сувалки – Лида, Сувалки – Белосток, Седльце – Бельск, Брест – Барановичи; другими словами, ожидалась попытка окружить войска Западного фронта на территории «выступа» или несколько восточнее, до рубежа Лида, Новогрудок, Барановичи. Примечательно, что намерение действовать столь осторожно и сдержанно возникло и у Верховного командования вермахта, причем уже в ходе начавшегося наступления. Командующий ГА «Центр» генерал-фельдмаршал Бок 25 июня 1941 г. записывает в своем дневнике:

«Фюрер интересуется, насколько велика будет зона окружения под Минском, а также выражает беспокойство относительно того, сумеют ли наши чрезмерно растянутые войска принудить к сдаче оказавшиеся в окружении крупные силы русских. В этой связи фюрер задается вопросом, не следует ли во избежание неудачи сомкнуть наши танковые клещи под Новогрудком». **[311]**

Напротив, командование Группы армий «Центр» и 3-й Танковой группы вермахта многократно и настойчиво предлагало действовать гораздо решительнее, с развитием наступления 3-й ТГр через Вильнюс на Полоцк и Витебск (см. рис. 10). Такой вариант позволял обойти непроходимый массив лесов в верховьях р. Березина и в дальнейшем «сгрести» в кольцо окружения всю группировку советских войск, находящихся к западу от Днепра. Однако Верховное командование отклонило эти предложения как авантюристичные и решило «ограничиться» окружением войск Западного фронта со смыканием «танковых клиньев» в районе Минска. Впрочем, и в этом случае танковым дивизиям необходимо было пройти порядка 350 км (и это по прямой, с учетом реальной протяженности дорог и боевого маневрирования – значительно больше), причем если северное крыло (3-я Танковая группа) могло продвигаться по относительно открытой полосе местности, то южному флангу (2-я Танковая группа) предстояло пройти через десятки км заболоченного леса севернее Припяти.

В конечном счете все получилось еще сложнее: танковые корпуса встретились у Минска, пехотные дивизии замкнули «малое кольцо» окружения в 50–70 км западнее Барановичи, в междуречье рек Зельвянка и Щара, а один из трех (24-й) танковых корпусов 2-й ТГр через Слуцк вышел к Бобруйску и далее к Рогачеву на Днепре; к концу июня соединения ГА «Центр» оказались причудливо разбросанными на огромной территории, при этом расстояния между корпусами одной и той же Армии могли достигать сотни км, а отрыв подвижных соединений от пехоты составлял порядка 150–200 км. Если наложить оперативную карту тех дней на карту Западной Европы, то окажется, что пехота и танки воевали в разных странах…

Оперативное построение группировки было вполне традиционным для вермахта: решительное массирование сил на направлении главного удара, сосредоточение большей части войск в первом эшелоне при минимальных резервах (см. рис. 11). На узком пятачке «Сувалкского выступа» сгрудились 9 пехотных дивизий, сведенные в четыре корпуса 9-й Армии, и 7 дивизий (четыре танковые и три моторизованные) 3-й Танковой группы. На брестском направлении, у южного основания «Белостокского выступа» сосредотачивалась самая мощная во всей группировке вермахта на Восточном фронте 2-я Танковая группа (пять танковых, три моторизованные дивизии и отдельный моторизованный полк), 6 пехотных и 1 кавалерийская дивизия; на этапе прорыва приграничных укреплений вся эта огромная масса войск была оперативно подчинена командующему 2-й ТГр. Фельдмаршал Бок скептически замечает по этому поводу:

«Гудериан доволен: сейчас под его командованием находятся части 15 различных дивизий! Кроме того, на его фронте сконцентрированы большие массы пехоты, что при неблагоприятном развитии ситуации может привести к большим и неоправданным потерям». **[311]**

Больших и неоправданных потерь немцам удалось избежать (за единственным исключением, созданным защитниками Брестской крепости), однако концентрация пехоты на южном обводе «выступа», наверное, вышла за разумные пределы – в состав сковывающей группы было выделено 10 пехотных дивизий. В дальнейшем – и это отчетливо видно на оперативных картах германского Генштаба – такое построение привело к тому, что пехотные части двигались по узким проходам между лесными массивами «в затылок» друг за другом, не имея соприкосновения с противником, постепенно превращаясь в хаотичное скопление людей и боевой техники. (Рис. 23.)

Не вполне традиционным было и решение поставить танковые дивизии (семь из девяти имеющихся) в первый эшелон наступления; как нам уже известно, командование ГА «Юг» действовало осмотрительнее, и прорыв приграничных укреплений повсеместно был произведен силами пехотных дивизий; танковые дивизии вводились там в уже созданный прорыв, причем последовательно, одна за другой.

Разумеется, каждый из этих двух тактических приемов имеет свои преимущества и недостатки; выбор часто определялся субъективными, личными приоритетами старших командиров. Гудериан, насколько можно судить по его мемуарам, непреклонно придерживался того мнения, что ударную мощь танковых соединений можно и нужно использовать уже в самом первом ударе. Что же касается ситуации в полосе 3-й ТГр, то там у немцев и выбора-то особого не было. От границы до мостов через Неман у Алитуса и Меркине было порядка 40–60 км, пехота за один день столько пройти не сможет; соответственно, надо было или бросать в наступление подвижные соединения, или смириться с тем, что противник (Красная Армия) успеет взорвать мосты и изготовиться к обороне на восточном берегу реки.

Еще одной характерной особенностью ГА «Центр» было включение в ее состав необычайно многочисленных подразделений тяжелой артиллерии: 25 отдельных дивизионов, вооруженных гаубицами калибра 210-мм или еще более мощными артсистемами (для сравнения отметим, что в ГА «Север» было всего 7 таких дивизионов, в ГА «Юг» – 13). Можно предположить, что командование вермахта ожидало встретить упорное сопротивление укрепрайонов «линии Молотова» и готовилось сокрушать ДОТы по всем правилам военной науки и техники того времени. Как известно сегодня, в большинстве случаев эти приготовления оказались излишними, однако там, где немцам пришлось прорываться с боем (у Бреста, Семятыче, Гродно), наличие тяжелых орудий оказалось для них критически важным.

Состояние войск Западного фронта

Главной проблемой (здесь вполне уместно будет сказать «бедой») Западного фронта – равно как и его соседей на севере и юге – была хаотичная разбросанность соединений фронта на огромном пространстве. Точно так же, как и в полосе Киевского ОВО (Юго-Западного фронта), к утру 22 июня на западе Белоруссии не было выстроено ни запланированной наступательной, ни импровизированной оборонительной группировки войск. И на этом направлении за проигрыш Сталина в загадочной «большой игре» предстояло заплатить большой кровью.

Сугубо условно можно назвать четыре «эшелона» (в данном контексте это слово может быть использовано только в кавычках), в которых начало войны застало войска Западного фронта. Вдоль границы протянулась цепочка стрелковых дивизий: три дивизии 3-й Армии у Гродно, Августова, пять дивизий и кавалерийский корпус 10-й Армии на острие «Белостокского выступа», четыре дивизии 4-й Армии у южного основания «выступа». (см. рис. 11). За линией стрелковых дивизий, на расстоянии 20–100 км от границы находились танковые и моторизованные дивизии четырех мехкорпусов (11 МК, 6 МК, 13 МК, 14 МК).

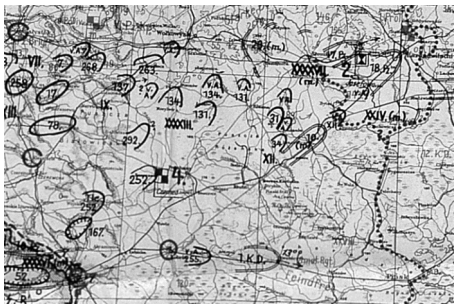


Рис. 23. Оперативная карта германского Генштаба, 26 июня 1941 г.

В полосе наступления ГА «Центр» оказался и южный фланг Северо-Западного фронта, от Пренай до Друскининкай. На этом участке у границы находилась одна стрелковая дивизия (128-я сд) и стрелковый полк 126-й сд, остальные части этой дивизии были восточнее, у реки Неман. За Неманом, в районе Алитуса, дислоцировалась 5-я танковая дивизия (3 МК). Строго говоря, там было еще три дивизии, однако две «литовские дивизии» (179-я сд и 184-я сд) имели, в лучшем случае, нулевую ценность и с первых же часов войны их постарались отвести в глубокий тыл; 84-я моторизованная дивизия (3 МК) якобы заняла оборону на восточном берегу Немана у Каунаса, но ни немцы, ни литовские вооруженные националисты, взявшие город в свои руки уже 23 июня, этой «обороны» не заметили.

Стрелковые дивизии, непосредственно подчиненные командованию Западного ОВО, 11 июня начали выдвижение на запад в соответствии с известными директивами наркома обороны (*«все глубинные стрелковые дивизии и управления стрелковых корпусов с корпусными частями вывести в лагерь в районы, предусмотренные для них планом прикрытия… вывод указанных войск закончить к 1 июля 1941 года»*). **[132]** Выдвигаться можно по-разному; в данном случае задача обеспечения скрытности стояла на первом месте. Дело дошло до того, что *«письменных приказов и распоряжений корпусам и дивизиям не давалось; указания командиры дивизий получали устно от начальника штаба округа генерал-майора Климовских, личному составу объяснялось, что они идут на большие учения, войска брали с собой все учебное имущество (приборы, мишени и т. п.)»*[112].**[312]** Двигаясь короткими ноч-

[112] Журнал боевых действий Западного фронта, из которого взята данная фраза, был составлен задним числом (не

ными переходами по извилистым лесным дорогам, «с приборами и мишенями», восемь стрелковых дивизий 21 СК и 47 СК к утру 22 июня находились еще на расстоянии в 150–250 км от границы (в полосе, соответственно, Лида, Молодечно и Иванцевичи, Слуцк). Между ними, в 100-км полосе от Ивье до Несвиж, были разбросаны три дивизии 17-го мехкорпуса.

Наконец, «четвертым эшелоном» можно условно назвать четыре стрелковые дивизии в районе Минск, Борисов, там же находились три дивизии формирующегося 20-го мехкорпуса (изобразить это на схеме рис. 11 уже невозможно).

Разбросанность войск на огромную глубину (до 300–350 км) усугублялась отсутствием какого-либо осмысленного распределения сил в первом «эшелоне». Стрелковые дивизии были практически равномерной цепью растянуты вдоль всей границы, никакой концентрации сил на легко предсказуемых направлениях возможного удара противника (у оснований «выступа») не просматривается. Более того, из четырех стрелковых дивизий 4-й Армии две (6-я сд и 42-я сд) дислоцировались в Бресте, на расстоянии минометного выстрела от границы, там же оказалась и одна из трех (22-я танковая) дивизий 14 МК. Размещение казарм танковой дивизии у пограничных столбов – это даже не подготовка к наступлению, это просто запредельный абсурд. В ситуации внезапного первого удара противника все три дивизии попали под шквал артиллерийского огня и понесли значительные потери, не успев сделать ни единого выстрела.

Три противотанковые бригады, входившие в состав войск округа, накануне войны находились у г. Лида, в Ружаныcток (н.п. в 28 км западнее Гродно) и в Михайлово (н.п. 32 км восточнее Белостока). Если соединить три эти точки на карте условной линией, то получится дуга, выгнутая на северо-запад, в сторону «Сувалкского выступа». Логику такого расположения противотанковых бригад понять нетрудно, памятуя о том, что во всех предвоенных планах предусматривалась возможность немецкого наступления от Сувалки в направлении на Гродно или Лиду. К сожалению, планы эти составлялись без какого-либо знания о реальных планах противника, в результате из трех бригад только одна (8-я ПТАБР в районе г. Лида) теоретически могла бы успеть выдвинуться к Вильнюсу (90 км по шоссе) и встретить там артиллерийским огнем наступающие немецкие танки. На брестском же направлении, у автострады Брест, Кобрин, Слуцк, в полосе наступления самой мощной танковой группировки вермахта ни одной ПТАБр не было вовсе!

В сочинениях советских/российских историков любые упоминания о ПТАБрах в обязательном порядке сопровождаются твердым напоминанием о том, что бригады не были укомплектованы вооружением и не имели средств мехтяги, т. е. в данном случае известный спор о «полупустом стакане» решался радикально – стакан велено считать вовсе пустым. Иные товарищи не стесняются и сильных выражений: *«Иначе как чудовищным состояние противотанковых бригад ЗапОВО назвать не получается… Фактически их подвижность можно охарактеризовать как нулевую».* **[313]** Не будем спорить, а просто взглянем на это «чудовищное состояние» через призму фактов.

8 июня 1941 г. начальник Оперативного отдела штаба Западного ОВО генерал-майор Семенов докладывает начальнику Генштаба Жукову о ходе формирования ПТАБРов. **[314]** При штатной численности 5322 человека три бригады округа (6-я, 7-я и 8-я) имеют, соответственно, 5332, 5187 и 5147 человек личного состава. Практически полная укомплектованность. Да, пушек примерно половина от штата, но в абсолютных числах это, соответственно, 60, 52 и 54 орудия. Орудия такие: 64 пушки калибра 76-мм, 84 зенитки калибра 85 мм и 18 дальнобойных 107-мм пушек. Напомню, что в вермахте в аналогичной роли (противотанко-

---

ранее 21 июля), новыми командирами, уже после ареста прежнего (исходного) командования фронта, включая упомянутого генерала Климовских; доверять всему написанному там было бы опрометчиво. Не исключено, что за удивительной фразой об «устных приказах» стоит факт уничтожения некоторых довоенных документов.

вый резерв командования корпусов и Армий) использовался отдельный противотанковый батальон, имевший на вооружении 36 «колотушек» калибра 37 мм. И пока еще никто не называл их состояние «чудовищным».

Не исключено, что к моменту начала войны пушек в ПТАБРах Западного ОВО стало еще больше; в том же донесении генерал Семенов сообщает, что к 1 июля для оснащения ПТАБРов должно быть получено 72 пушки калибра 76 мм и 60 пушек калибра 85 мм. По состоянию на 8 июня подвижность бригад была, действительно, очень низкой (всего 4 гусеничных тягача в 6-й и 7 тягачей в 8-й бригадах). Впрочем, и на эту дату не все было столь «чудовищно», ибо для буксировки 76-мм пушек весом в полторы тонны мог быть использован любой (!) грузовик.

Более того, с 8 по 22 июня многое изменилось. Что-то изменилось и на просторах бывшего СССР, и в 2007 г. в Минске огромным тиражом в 300 экз. был выпущен сборник предвоенных документов, среди которых, в частности, был и полный текст докладной записки, которую бывший ЧВС Западного фронта Фоминых подал 19 июля 1941 г. на имя начальника ГлавПУРа Мехлиса. Оказывается, на месте многоточия, которое красовалось в прежних публикациях документа, было написано следующее:

«И только в последнее время было разрешено по нашему ходатайству взять трактора из стрелковых дивизий, а артиллерию стрелковых дивизий перевести на конную тягу (там, где брались трактора). Перекантовка тракторов из стрелковых дивизий происходила в июне месяце самым энергичным порядком, и к началу войны ПТБр были в основном тракторами укомплектованы (выделено мной. – *М.С.*)». **[103]**

Боевой состав танковых войск фронта может быть описан словами «6-й мехкорпус и все остальные». Мощнейший 6-й мехкорпус по числу танков «новых типов» (114 КВ и 238 Т-34) уступал одному только 4 МК (Киевский ОВО), а по многим другим критериям (общее количество танков, автомашин, мотоциклов) занимал первое место во всей Красной Армии. Танков в 6 МК было почти столько же, сколько в остальных пяти мехкорпусах Западного фронта, а по числу автомобилей, тягачей, легких бронеавтомобилей БА-20, мотоциклов, 6-й мехкорпус превосходил их вместе взятых. Весьма мощным соединением была и «старая» 5-я танковая дивизия (3-й мехкорпус, Прибалтийский ОВО).

Остальные пять мехкорпусов также отчетливо делились на две группы: ограниченно боеспособные, имевшие на своем вооружении от трех до пяти сотен танков 11 МК, 13 МК и 14 МК, а также два формирующихся соединения (17 МК и 20 МК), которые мехкорпусами были только по названию. Основные количественные параметры представлены в Таблице 16:

Таблица 16

	6 МК	11 МК	13 МК	14 МК	5 тд
всего танков	968	376	281	510	255
в т.ч. КВ и Т-34	352	31	0	0	50
бронеавтомобили БА-10	135	91	28	21	56
автомобили	4506	919	1312	1361	1154
трактора и тягачи	284	57	117	99	62

Примечание: не учтены плавающие танки, по 5-й тд показаны только исправные танки.

Правды ради надо заметить, что существуют документы (отчеты, справки, доклады ГАБТУ КА), в которых указано значительно большее количество танков «новых типов».

[322] Так, по состоянию на 22 июня 1941 г. в бронетанковых войсках «западного направления» (трудно сказать однозначно – что может означать этот термин применительно к 22 июня, скорее всего в общий перечень были включены 5 МК и 7 МК, принявшие участие в сражении под Сенно, Лепель в начале июля) числилось 210 КВ и 422 Т-34. В любом случае, не вызывает сомнения тот факт, что военные заводы «мирно спящей» страны работали с рассвета до рассвета, эшелоны с новыми танками шли на запад, а в июне 41-го именно ЗапОВО стал главным получателем танков Т-34.

Мизерное количество танков в 17-м и 20-м мехкорпусах (соответственно 56 и 94) вовсе не означает, что боевой потенциал этих соединений был близок к нулю. Для начала отметим, что такое «мизерное количество» примерно соответствует численности боеготовых танков, оставшихся в дивизиях 1-й ТГр вермахта к середине июля 1941 г.; при этом никто и никогда не объявлял их несуществующими. Второе (и главное) заключается в том, что слово «механизированный» является всего лишь прилагательным к существительному «корпус». Даже не получивший танков и положенного по штату количества автомашин корпус – это три дивизии, десятки тысяч людей, сотни стволов орудий и минометов. Вот на количестве «стволов» стоит остановиться чуть подробнее.

В середине мая (в Западный ОВО соответствующая директива Генштаба была направлена 16.5.1941 г.) было принято решение вооружить танковые полки формирующихся танковых дивизий пушками, *«чтобы они в случае необходимости могли бы драться как противотанковые полки и дивизионы*». При этом отмечалось, что тактические приемы стрельбы прямой наводкой из 45-мм и 76-мм танковых и обычных (буксируемых) пушек во многом схожи, и подготовка орудийных расчетов из личного состава танковых полков не должна занять много времени. Для 17 МК было предусмотрено получение 168 внештатных орудий (96 пушек калибра 76 мм и 72 пушки калибра 45 мм), для 20 МК было занаряжено 210 орудий (120 пушек калибра 76 мм и 90 пушек калибра 45 мм). Для буксировки этих «стволов» корпуса должны были дополнительно получить, соответственно, 208 и 260 грузовых автомашин. **[315]**

Решение было принято в середине мая, срок исполнения установлен на 1 июля. Необходимая для выполнения директивы матчасть была в наличии и в избытке[113]. К сожалению, мне не удалось выяснить в конкретных цифрах, как была реализована данная директива, но даже если 17-й и 20-й мехкорпуса к 22 июня успели получить хотя бы половину (или даже треть) от названного выше количества орудий, это уже превращало их в полноценную противотанковую артбригаду, да еще и усиленную батальоном танков и несколькими полками пехоты. Сила, теоретически вполне достаточная для того, чтобы запереть несколько «дорожных направлений» среди лесов и болот Белоруссии.

Нуждается в серьезном уточнении и правомерность использования термина «окружение» применительно к истории разгрома Западного фронта. Строго говоря, тот факт, что линия фронта изображается на карте замкнутой кривой, еще не является достаточным основанием для того, чтобы оценивать ситуацию как какой-то особый «форс-мажор». Окружение (речь здесь не идет про взвод разведчиков, окруженных на простреливаемой в любой точке лесной поляне) отличается от «неокружения» прежде всего тем, что окруженная группировка лишена возможности получать материальные ресурсы из тыла и, израсходовав наличные запасы боеприпасов, горючего и продовольствия, теряет способность к сопротивлению.

Классический тому пример – окружение 6-й немецкой Армии у Сталинграда. Заблаговременно созданных у Волги складов немцы не могли иметь по определению, снабжение армии до ее окружения шло «с колес» и накопить значительные запасы в такой ситуации

[113] Для обеспечения 76-мм «дивизионками» полностью отмобилизованной Красной Армии требовалось 5730 пушек, а в наличии к 22 июня 1941 г. было 6447 шт. – и это не считая 2066 устаревших пушек обр. 1902/30 г.

не удавалось; лютая зима и безлюдная степь сделали невозможным использование местных ресурсов для обеспечения окруженных едой и топливом. Сравнима ли эта ситуация с тем, что случилось в Белоруссии летом 41-го года? «Окружение» Западного фронта произошло на территории площадью в несколько европейских стран, среди многочисленных складов с горючим и боеприпасами. Накануне войны в западных приграничных округах были накоплены гигантские залежи материальных средств ведения войны, эти запасы были рассчитаны на обеспечение боевых действий не только войск приграничных округов (будущих фронтов), но и соединений Второго стратегического эшелона, и не на одну неделю.

«Я оглашу очень маленькую справку. Всего, чтобы боевые машины (я исключаю совершенно колесный транспорт) обеспечить на 500 км марша, нужно для заправки 1200 т горючего». Это фраза из доклада, с которым командующий Западным ОВО (а до того – начальник Главного автобронетанкового управления РККА) генерал Павлов выступал на декабрьском (1940 г.) Совещании высшего комсостава Красной Армии. Речь шла об обеспечении горючим полностью укомплектованного по штатным нормам мехкорпуса. Все, что реально было в составе Западного фронта в июне 41-го, можно свести примерно к двум «расчетным мехкорпусам», а 500 км марша – это абсолютный максимум того, что можно и нужно было пройти танковым частям во время боев «в окружении» на территории Западной Белоруссии. Таким образом суммарная потребность горючего для танковых частей фронта можно определить в 2,5 тыс. тонн, с учетом колесных машин – в 5 тыс. тонн. Много ли это? Было ли это горючее в натуре?

«По отделу ГСМ. Всего на территории, занятой противником, находилось 25 складов. На складах имелось 33 тыс. тонн бензина 1-го сорта, 8 тыс. тонн бензина 2-го сорта, 5 тыс. тонн дизтоплива… Установлено, что в руки противника попал склад ГСМ в Молодечно с количеством бензина 1-го сорта – 2438 тонн, 2-го сорта – 947 тонн, дизтоплива – 301 тонна и разных масел 200 тонн… Начальник Бобруйского склада ГСМ Авдеев донес, что склад ГСМ уничтожен. На самом деле склад ГСМ около 900 тонн бензина достался противнику, и только нашей авиацией был подожжен… В Борисове на складе было 1 тыс. тонн бензина; были открыты заслонки цистерн, когда противник появился в расположении склада. Бензин не подожгли, установить – весь ли бензин вылит на землю – нельзя…» **[316]**

И так далее на множестве страниц. Бензин выливали, жгли, склады бомбили собственной авиацией… Даже при таких усилиях противник (как пишет об этом в своем дневнике начальник Генштаба сухопутных войск Ф. Гальдер) покрыл треть своего расхода бензина за счет трофеев. Западнее Минска находилось 16 складов ГСМ, включая огромный склад № 932 в Барановичи с емкостями на 5 тыс. тонн горючего. (Рис. 24.) Карта-схема отчетливо показывает, что из любой точки Западной Белоруссии до ближайшего склада ГСМ было не более 50–60 км. В полосе Гродно, Белосток, Брест (а там и находились все четыре боеспособных мехкорпуса) склады расположены еще гуще. При этом не надо забывать о том, что крупным «хранилищем» бензина являются сами топливные баки боевых и транспортных машин, а непосредственно в танковых частях округа фактически находилось по две-три заправки горючего.

Ситуация боя в окружении требует от механизированных соединений больше стрелять, чем ездить (в конце концов, танк, выработавший бензин до последней капли, может быть использован в качестве неподвижной огневой точки). Боекомплект мехкорпуса – это 100 вагонов (цифра была названа на упомянутом выше декабрьском Совещании). Для двух «расчетных мехкорпусов» надо, соответственно, 200 вагонов. На окружных складах Западного ОВО накануне войны было сосредоточено 6700 вагонов боеприпасов, из них 2000 вагонов находилось на 10 складах, оказавшихся на занятой противником территории уже к 29 июня. **[317]** Для лучшего понимания этих «вагонных цифр» отметим, что в 1943 г. вся Красная

Армия, на всем огромном (на тот момент – более 2 тыс. км) протяжении советско-германского фронта расходовала в среднем 5638 вагонов в месяц. **[3]**

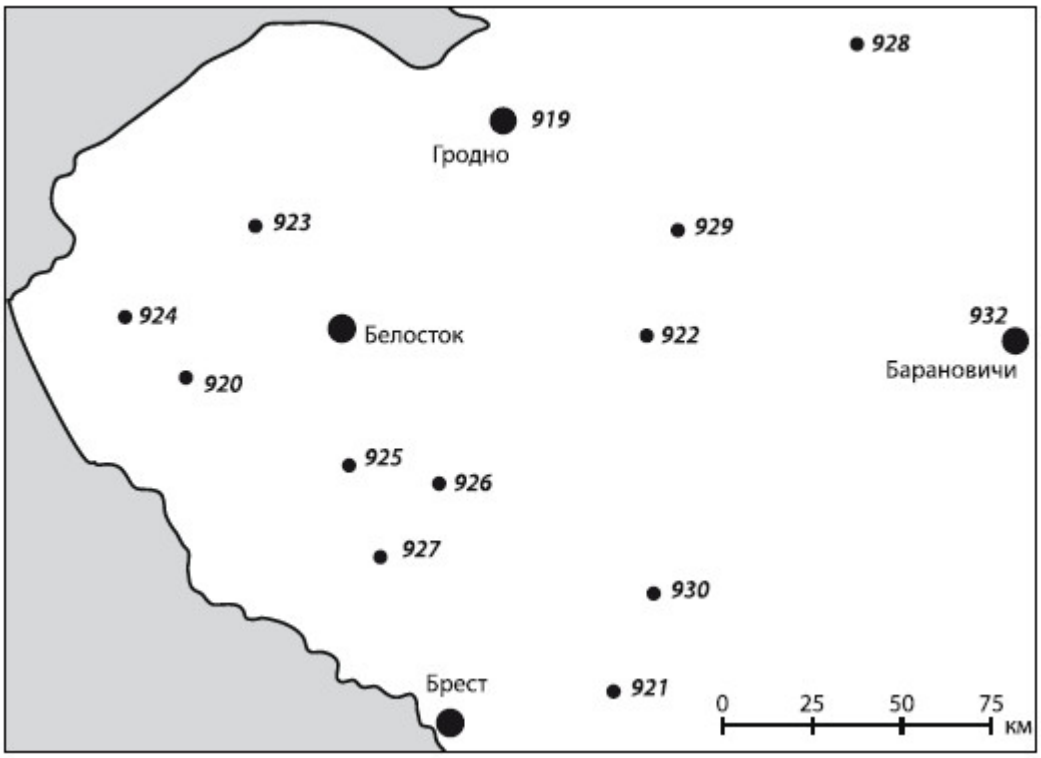


Рис. 24. Склады ГСМ на территории «Белостокского выступа»

Переходя от вагонов к привычным единицам измерения, обратимся к телеграмме, которую вечером 24 июня направляет в штаб Западного фронта зам. начальника ГШ генерал-лейтенант Соколовский. Генштаб напоминает командованию фронта о том, что по состоянию на 20 июня округ/фронт имел 610 тыс. выстрелов к 76-мм полковым пушкам и 690 тыс. выстрелов к 76-мм «дивизионкам», 720 тыс. выстрелов к 122-мм гаубице, 480 тыс. выстрелов к 76-мм зениткам и 3604 тыс. выстрелов к 45-мм пушкам (а это не только противотанковая артиллерия стрелковых дивизий, но и вооружение двух тысяч танков и бронеавтомобилей). **[318]** Данных по 152-мм гаубичным выстрелам в телеграмме нет, но условно принимая ресурсы Западного фронта за одну пятую от совокупных запасов пяти приграничных округов, получаем еще порядка 560 тыс. выстрелов. **[3]**

При взгляде на эти цифры неизбежно возникает вопрос – кто кого окружил? Те, у кого на стационарных складах было накоплено по 7–12 боекомплектов на ствол, или наступающая армия, углубившаяся на сотни км в глубь территории противника, временно лишенная возможности доставки снарядов по железной дороге (другая колея), с одним, максимум двумя боекомплектами снарядов на грузовиках и в передках орудий?

Немаловажное значение имеет и размер «кольца окружения». Внешний обвод восточного «котла» (в полосе Новогрудок, Минск) имел протяженность порядка 400 км. Для построения устойчивой обороны на фронте такой протяженности по советским уставам (ПУ-39) требовалось не менее 200 стрелковых (пехотных) батальонов. При этом у немцев в составе шести танковых дивизий[114] арифметически насчитывалось всего 30 пехотных батальонов. Даже с учетом 6–8 моторизованных и пехотных дивизий, сформировавших в конце

[114] 3-я и 4-я танковые дивизии, наступавшие на Бобруйск-Рогачев, находились в сотне км от «котла», а наступавшая во втором эшелоне 10-я танковая была еще в районе Барановичи.

июня западный периметр «кольца окружения», противник имел в совокупности не более 80–100 пехотных батальонов. Создать такими силами нечто подобное тому двойному фронту окружения, который был создан в ноябре 42-го года вокруг 6-й Армии вермахта у Сталинграда, немцы не могли (строго говоря, даже и не пытались).

«Расстрелять любое количество людей…»

Подводя абстрактно-теоретические итоги всего вышеизложенного, можно было бы сказать, что ситуация для войск Западного фронта сложилась тяжелая, но отнюдь не безнадежная.

Да, у оснований «выступа» противник имел подавляющее численное превосходство, но это превосходство еще надо было переправить через полноводные Буг и Неман. Пять сотен несокрушимых бетонных «коробок» ДОТов Гродненского, Осовецкого, Замбровского и Брестского укрепрайонов, сосредоточенные у немногочисленных «дорожных направлений», теоретически позволяли по меньшей мере сбить темп наступления противника. Особенности местности (огромные массивы лесов и болот, прорезанные узкими «дорогами-ущельями») в значительной мере «обнуляли» само понятие численного превосходства. Наконец, изменить неблагоприятное соотношение сил можно было простой рокировкой сил с пассивных участков в район намечающегося прорыва.

12 стрелковых дивизий второго эшелона фронта существовали в реальности, и теоретически их можно было достаточно быстро перебросить на запад, на естественные оборонительные рубежи рек Котра, Неман, Россь, Щара, Ясельда. Худо-бедно, но 35 тыс. автомобилей, включая 25 тыс. грузовиков, в составе войск фронта наличествовали еще до начала открытой мобилизации. **[128]** Калькулятор подсказывает, что на вооружении 13-го и 14-го мехкорпусов числилось 840 танков и пушечных бронеавтомобилей БА-10. Да, это были технически устаревшие машины, но даже просто зарыв в землю[115] 840 бронированных коробок с 45-мм пушкой, можно было создать мощнейший противотанковый заслон.

Главным «аргументом» обороняющихся мог бы стать могучий, практически полностью укомплектованный 6-й мехкорпус. Все три дивизии корпуса компактно располагались в районе Белостока, а оттуда на Варшаву тянется бетонная лента автострады. На пути предполагаемого наступления мехкорпуса, в междуречье Буга и Нарева у немцев была одна-единственная пехотная дивизия (258-я пд); нет такой науки, по которой пехотная дивизия, обороняясь на фронте в 50 км, может сдержать концентрированный удар тысячи танков. А в Варшаве находился штаб ГА «Центр», важнейшие базы тылового снабжения, крупный железнодорожный узел. Серьезные перспективы открывал и удар 6-го и 11-го мехкорпусов в северо-западном направлении, через северный обвод «Белостокского выступа»; у противника там было всего три пехотные дивизии (87-я пд, 102-я пд, 129-я пд), растянутые на фронте в 130 км, и в случае успеха наступления танковая лавина выходила во фланг и тыл всей сувалкской группировки вермахта…

Можно, наверное, придумать и другие, не менее красивые «дебютные идеи», но, читателю, внимательно прочитавшему предыдущие сотни страниц, без долгих пояснений должно быть понятно, что вся эта схоластика никакого отношения к суровой правде жизни не имеет. Ничего подобного Красная Армия обр. 1941 г. сделать не могла – прежде всего в силу

[115] Ничего особо «мудрого» или сложного в этой вполне заурядной работе нет; в войсках были соответствующие инструкции, наставления и чертежи. Так, например, окоп для танка Т-26 представлял собой прямоугольный в плане ров глубиной в 1 метр, длиной в 4 м, с наклонным участком для въезда-выезда танка длиной в 3 м; перед окопом насыпался земляной вал высотой в 0,6 м и шириной 2 м.

отсутствия квалифицированного, способного к смелым инициативным действиям командного состава; сколь-нибудь сложные задачи для такой армии были неисполнимы в принципе.

В протоколе допроса генерала армии Павлова, бывшего командующего Западным фронтом, обнаруживается фраза, содержащая, на первый взгляд, единственное реалистичное решение вопроса: *«В армию был направлен мой помощник по военно-учебным заведениям Хабаров с моим строжайшим приказом, если нужно, расстрелять любое количество людей, но отступление 4-й Армии остановить и добиться того, чтобы штаб Армии взял в руки управление».* **[319]** Идея простая и действенная. Военная история знает пример, когда в том же 1941 г., на советско-германском фронте приказ аналогичного содержания спас армию, стоявшую на грани неминуемого поражения. 16 декабря, на десятый день контрнаступления Красной Армии под Москвой, когда немецкие войска начали беспорядочно откатываться на запад, Гитлер издал приказ, в котором потребовал: *«Удерживать фронт до последнего солдата… Командующим, командирам и офицерам, лично воздействуя на войска, сделать все возможное, чтобы заставить их удерживать свои позиции и оказывать фанатически упорное сопротивление противнику*». **[320]**

Как известно, такое решение – фанатично и тупо удерживать каждый метр фронта – вызвало недовольство высшего генералитета вермахта и привело к серии громких отставок. Однако, в конечном счете, в написанных после войны исследованиях и мемуарах все, кто смог до того момента дожить, сошлись во мнении, что решение Гитлера было единственно верным для сложившейся в декабре 41-го ситуации. Так, бывший начальник штаба 4-й Армии вермахта Блюментрит пишет: *«Фанатичный приказ, обязывавший войска стойко держаться на каждой позиции и в самых неблагоприятных условиях, был, безусловно, правильным. Гитлер инстинктивно понял, что любое отступление по снегам и льду через несколько дней приведет к распаду всего фронта, и тогда немецкую армию постигла бы та же участь, что и Великую армию Наполеона…»*

Вермахт приказ выполнил, при этом расстрелять, судя по конечному результату, пришлось весьма скромное количество солдат. Заставить Красную Армию обр. 1941 г. «удерживать свои позиции с фанатическим упорством» невозможно было даже такими мерами. Да, жесткие и жестокие действия, вплоть до расстрела на месте, порой позволяют пресечь панику, но то, что произошло с Красной Армией летом 41-го года, далеко выходит за узкие рамки термина «паника» (т. е. спонтанного и кратковременного психологического аффекта). И в этом смысле нельзя не согласиться с единодушным мнением советских историков, которые при всяком упоминании о судьбе Западного фронта твердо заявляли: «Поражение было неизбежным».

Глава 3.2
Вильнюс

Первый шаг на пути окружения и разгрома Западного фронта был сделан на юге Литвы, в полосе соседнего Северо-Западного фронта (Прибалтийского ОВО). Размер нашей книги не бесконечен, но странные события, происходившие в ПрибОВО накануне войны, заслуживают хотя бы краткого упоминания.

«Привести в боевую готовность все части…»

Начиная с 18–19 июня (т. е. в середине календарного года и за 3–4 дня до «внезапного нападения») в штабах ПрибОВО появляются оперативные документы с номерами 1, 2, 3… Наиболее ранний из выявленных документов относится к 48-й стрелковой дивизии. Оперативная сводка штаба дивизии за номером 1 сообщает, что *«выполняя приказ, дивизия начала марш из г. Рига в 23.00 17.6.41 и, совершив ночной марш (30 км), к 9.00 18.6.41 сосредоточилась в лесу юго-восточнее с. Далбе»*. **[323]** Затем та же самая информация (о сосредоточении к 9.00 18 июня в лесу у н.п. Далбе) повторяется в документе с красноречивым названием «Боевое донесение» и порядковым номером 2. **[324]**

В дальнейшем (19–21 июня) документы с названием «оперативная сводка», «боевое донесение», «боевое распоряжение», «боевой приказ» и порядковыми номерами 1, 2, 3 идут, что называется, «косяком». Их изобилие становится понятным, если принять во внимание, что 20 июня заместитель начальника штаба (…) генерал-майор Трухин в документе № 01 (тип документа при этом не обозначен) потребовал от штабов армий предоставлять три оперсводки в день (по состоянию на 5.00, 12.00 и 17.00). **[325]** Три оперсводки в день – это еще скромно. В архивном деле 28-й танковой дивизии (12 МК) сохранился листок бумаги: документ без названия и номера, но время составления указано конкретно: 19.00 21 июня 1941 г. Содержанием документа является указание предоставлять ежедневно четыре оперативные сводки (на 1.30, 5.00, 9.00, 14.00), четыре разведывательные сводки и три сводки по ПВО. **[326]**

Внимательный читатель, надеюсь, заметил пропущенное выше слово – замначштаба ЧЕГО был генерал Трухин? Это очень интересный вопрос. 20–21 июня (и даже дальше – 22 и 23 июня) в документах непрерывно сменяют друг друга слова «округ» и фронт»; иногда в одном и том же документе (например, Разведдонесении № 01 к 14.00 21.6.41) используются оба названия: «СЗФ» и «ПрибОВО». **[327]** Весьма примечательный документ («Указания по скрытному управлению войсками № 01») был выпущен в штабе СЗФ 12.00 21 июня. Интересен он не только порядковым номером 1 в середине года; поверх букв «СЗФ» и «ФРОНТ», выполненных, как и весь документ, на печатной машинке, коричневым карандашом (возможно, 70 лет назад карандаш был красным) жирно написано: «ОКР». Исправлена и подпись под документом – начальник штаба СЗФ генерал-лейтенант Кленов «перекрашен» тем же карандашом в начальника штаба «ОКР». **[328]**

Долго жить в беспорядке армия не может, и вот уже в 16.45 21 июня от имени начальника штаба Северо-Западного фронта, генерал-лейтенанта П. Кленова (фактически документ подписал его заместитель генерал-майор Ф. Трухин) всем начальникам отделов штаба и окружных управлений было под расписку объявлено следующее распоряжение: *«Некоторые штабы частей и отделы окружного управления в документах и разговорах употребляют слова «ФРОНТ», СЗФ и пр., чем разглашают место и наличие фронтового управления. Немедленно прекратить это явление и впредь штаб и управления именовать*

ПрибОВО». **[329]** То есть все (если говорить про старших офицеров) прекрасно понимали смысл и значение факта развертывания на базе округа фронта; всем было понятно – что это значит, что за этим последует и почему такую тайну нельзя доверить даже бумаге с грифом «сов. секретно», упрятанной в стальной сейф.

Впрочем, что уж говорить про оперативные документы высших штабов, если начальник Управления политпропаганды округа/фронта бригадный комиссар тов. Рябчий 21 июня приказал: «*Отделам политпропаганды корпусов и дивизий письменных директив в части не давать; задачи политработы ставить устно через своих представителей».* **[330]**

Не менее интересно и само содержание документов 18–21 июня. Начнем с главного, с командования округа. 18 июня командующий ПрибОВО генерал-полковник Ф.И. Кузнецов подписывает многостраничный Приказ № 00229. Начинался он весьма красноречиво: *«С целью быстрейшего приведения в боевую готовность театра военных действий приказываю…»*[116]. Приказано было:

«…Начальнику зоны противовоздушной обороны к исходу 19 июня 1941 г. (здесь и далее выделено мной. – *М.С.*) *привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону округа… К 19.6.41 г. доложить порядок прикрытия от пикирующих бомбардировщиков крупных железнодорожных и грунтовых мостов, артиллерийских складов и важнейших объектов.*

До 21.6.41 г. совместно с местной противовоздушной обороной организовать затемнение городов Рига, Каунас, Вильнюс, Двинск, Митава, Либава, Шауляй, противопожарную борьбу в них… Создать на телшяйском, шяуляйском, каунасском и калварийском направлениях подвижные отряды минной противотанковой борьбы. Для этой цели иметь запасы противотанковых мин, возимых автотранспортом. Готовность отрядов 21.6.41 г….План разрушения мостов утвердить Военным Советам армий. Срок выполнения 21.6.41 г….» **[331]**

В тот же, богатый событиями день 18 июня командир 12 МК генерал-майора Шестопалов подписывает приказ № 0033. Документ украшен грифом «Совершенно секретно. Особой важности», что совсем не типично для документов корпусного уровня. Приказ начинается такими словами: *«С получением настоящего приказа привести в боевую готовность все части. Части приводить в боевую готовность в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять. Всю работу проводить быстро, но без шума, без паники и болтливости… Пополнить личным составом каждое подразделение. Отозвать немедленно личный состав из командировок и снять находящихся на всевозможных работах…»* Дальше идет указание начать в 23.00 18 июня выдвижение в районы сосредоточения, причем все конечные пункты маршрутов находятся в лесах. **[332]**

Решение о приведении частей мехкорпуса в боевую готовность не было личной инициативой генерала Шестопалова. В этом можно убедиться, ознакомившись с Журналом боевых действий 12 МК («пронумерован, прошнурован и скреплен сургучной печатью 10.9.41 г.»). История появления приказа описана там достаточно подробно: *«В 23.10 16.6* (это не опечатка, именно 16 июня) *был получен из штаба ПрибОВО секретный пакет особой важности («серия А»). Пакет был вскрыт по приказу капитана Ефимова* (штаб корпуса находился в Митаве, а командир выехал в Паневежис, в расположение 202-й мд корпуса; пакет особой важности вскрыл помощник начальника оперотдела штаба корпуса. – *М.С.*). *17.6. шифром доложено командиру корпуса генерал-майору Шестопалову о получении указанной директивы, который прибыл в штаб корпуса в 23.30 17.6*». **[333]**

---

[116] Просто удивительно, как советские историки, сочинившие и растиражировавшие миф про наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова, который якобы «не побоялся нарушить запрет Сталина» и привел накануне войны флот в полную боевую готовность, не обронили ни одного доброго слова про аналогичный «подвиг» генерала Ф.И. Кузнецова. Или у них была разнарядка на одного Кузнецова?

Как и должно быть в армии, вслед за приказом командира корпуса в тот же день (18 июня) приказ аналогичного содержания (а в первых своих абзацах дословно переписанный с приказа Шестопалова) отдан и во входящей в состав 12-го мехкорпуса 28-й танковой дивизии. Документ примечателен тем, что в нем указан конкретный план-график выдвижения: все марши – ночные, с 5 утра и до 10 вечера части дивизии прячутся на дневку в лесах. **[334]** Соответствующий документ во второй танковой дивизии 12-го мехкорпуса (23-я тд) имеет название «Боевой приказ № 1», подписан он в 18–00 18 июня. Приказано *«марши совершать только в ночное время; в районах сосредоточения и дневок тщательно замаскироваться и организовать круговое охранение и наблюдение».* **[335]** Командир входившего в состав 23-й тд 144-го танкового полка в 8-30 19 июня выпускает уже Боевой приказ № 2; приказано *«категорически запретить всему личному составу какие бы то ни было передвижения в районе сосредоточения»*. **[336]**

В 10 часов утра 20 июня дивизии 12 МК, «*выполнив приказ № 0033, сосредоточились в указанных им районах*» – о чем сообщается в Оперсводке штаба корпуса за номером два. В тот же день Шестопалов выпускает боевое распоряжение, в котором, в частности, указывает на выявленные в ходе марша недостатки: *«Красноармейцы при расположении составляют винтовки в пирамиду и, оставив дневального, сами ходят без оружия. Приказываю: Все бойцы в любом месте расположения и сна* (!) *должны иметь оружие с собой. По прибытии на место машины все заправлять. Навести полный порядок маскировки и боеготовности».* **[337]**

Вечером 20 июня начальник штаба 12 МК полковник Калиниченко отправляет начальнику штаба 28-й танковой дивизии распоряжение следующего содержания: *«С получением сего немедленно выслать начальника 2-го отделения в штаб в/ч 9443 (12 МК). На руках иметь карту масштаба 100 000 района Восточной Пруссии (Мемель, Шталлюпенен, Сувалки)».* На документе пометка: *«Получил в 4.35. Вх. № 47»*. **[338]** Тут еще следует пояснить, что 28-я тд пряталась в лесах западнее Шяуляя, и от района Шталлупенен (ныне Нестеров), Сувалки ее отделяло расстояние в 150–180 км.

Не отставала от наземных войск и авиация округа. Оперативная сводка № 01 штаба ВВС ПрибОВО выпущена в 17–00 20 июня. Без особых эмоций сводка констатирует: *«Части ВВС в течение 20.6.41 г. производили перебазирование на оперативные аэродромы, рассредоточение и маскировку матчасти на аэродромах. Боевых действий в течение 20.6.41 г. части ВВС не производили».* Эта фраза вычеркнута пером; ниже теми же чернилами вписано: «*В каждом полку находится по одной эскадрилье в готовности № 2, остальные занимаются боевой подготовкой».* В 5 часов утра 21 июня появляется Оперсводка штаба ВВС № 2. Документ буднично констатирует: *«Части ВВС в течение ночи 21.6.41 г. боевых действий не производили…»* **[339]**

После таких приказов и сводок можно уже вполне спокойно брать в руки хранящийся в ЦАМО документ (Ф. 221. Оп. 1351. Д. 201) и читать совершенно феерическую фразу на его первой странице: *«Из журнала боевых действий войск Северо-Западного фронта об обстановке, положении и боевых действиях войск с 18 по 23 июня 1941 г.».* Кстати, в Подольск для этого ездить не обязательно, документ доступен в весьма качественной электронной копии на сайте «Подвиг народа».

Что же во всем этом удивительного? Два момента. Во-первых, ничего подобного в архивных фондах Ленинградского, Западного, Киевского и Одесского округов (соответственно, Северного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов) обнаружить не удается. Упорно не удается. И это очень странно – как в рамках одной страны и одной армии могла сложиться такая разница в датах и сроках приведения войск в состояние повышенной боевой готовности? Второе и самое главное – почему все эти приготовления никак не отразились на ходе и исходе приграничного сражения в Прибалтике? Шок и растерянность от «внезапного

нападения противника» охватили штабы Северо-Западного фронта в той же самой мере, как и штабы всех прочих фронтов. А может быть, и не в «той же». Штаб 11-й Армии СЗФ покинул Каунас и «перебазировался» на восток в полдень 22 июня, поставив тем самым своеобразный «рекорд дня»…

Марш-бросок к Неману

Разгромить левый (южный) фланг Северо-Западного фронта предстояло 3-й Танковой группе вермахта. Накануне вторжения 3-я ТГр имела в своем составе два танковых корпуса: 39-й (7-я и 20-я танковые, 14-я и 20-я моторизованные дивизии) и 57-й (12-я и 19-я танковые, 18-я моторизованная дивизия). Три танковые дивизии из четырех (12-я тд, 19-я тд и 20-я тд) были сформированы осенью 1940 г. на базе пехотных дивизий, никакого «двухлетнего опыта ведения современной войны» там не было и в помине.

Кроме указанных дивизий, в состав Группы также входили: 101-й батальон огнеметных танков, 643-й истребительно-противотанковый дивизион (чешские 47-мм ПТО на гусеничном шасси танкетки Pz-I), 51-й полк реактивных минометов Nebelwerfer, шесть отдельных артиллерийских дивизионов (150-мм и 210-мм орудия), саперные, разведывательные, зенитные подразделения. В первые дни войны, на этапе прорыва приграничных укреплений (немецкое командование предполагало, что их придется прорывать с ожесточенными боями), 3-й ТГр были оперативно подчинены два армейских (пехотных) корпуса: 5-й (5-я и 35-я пехотные дивизии) и 6-й (6-я и 26-я пехотные дивизии).

Характерной особенностью 3-й Танковой группы был незаурядно убогий состав танкового парка. Лучшего, что было на тот момент в вермахте (средних танков Pz-III), ей не досталось ни одного, и предусмотренные по штатному расписанию роты средних танков было вооружены чешскими Pz-38(t) – легкими танками (вес 9,7 т) с противопульным бронированием[117] и 37-мм пушкой. Но даже и этих «могучих машин» в нужном количестве не нашлось, и в качестве линейного танка в трех дивизиях 3-й ТГр использовались пулеметные танкетки Pz-I в суммарном количестве 126 штук; такого летом 1941 г. уже нигде больше не было (в 4-й ТГр «единичек» в танковых полках не было вовсе, во 2-й ТГр их было 18, в 1-й ТГр – 8 шт.). Единственным типом танка, который мог создать некоторые проблемы для ПТО стрелковых дивизий Красной Армии, был т. н. «тяжелый» Pz-IV; в каждой танковой дивизии 3-й ТГр было по 30 танков этого типа.

Не многим лучше был парк колесных машин – не только моторизованные дивизии 3-й ТГр, переформированные из обычных пехотных в последние месяцы перед вторжением в СССР, но и мотопехотные полки танковых дивизий были оснащены пестрой смесью самых разных автомобилей; в большинстве своем это была трофейная французская техника (вплоть до хлебных фургонов), что создавало неизбежные проблемы с обслуживанием, запчастями и проходимостью по российским «дорогам-направлениям». В целом же убогое оснащение 3-й ТГр и ее успешные боевые действия (при рекордно низких к тому же потерях личного состава) могут служить наглядной, в чем-то даже карикатурно-утрированной, иллюстрацией к фундаментальному тезису: воюет не техника, воюют (или не воюют) люди.

На этапе планирования операции немцы упорно (и в конечном счете – безрезультатно) пытались понять – что же на данном направлении собирается делать командование Красной Армии? 16 мая 1941 г. штаб 9-й Армии вермахта подготовил доклад, в котором были даны крайне противоречивые оценки намерений противника: *«Интенсивная работа по строительству пограничных укреплений в несколько линий через примерно 5 км, сооружение боль-*

[117] На некотором (конкретных цифр, кажется, не знает никто) количестве танков, выпущенных после ноября 1940 г., была установлена дополнительная броневая «нашлепка» на лобовой плите корпуса.

шого числа ДОТов вдоль границы, а также концентрация крупных сил непосредственно у границы позволяют предположить, что готовится долговременная, фронтальная оборона границы». На полях машинописного документа от руки написано: *«Число дивизий, которые предполагает Верховное командование сухопутных войск (3 на 100 км!) восточнее Сувалкского выступа и 5-я тд возле Алитуса не дают основания делать такой вывод».*

Восклицательный знак акцентирует внимание на той, очевидной для военного специалиста, истине, что силами трех дивизий нельзя обеспечить долговременную оборону на фронте в 100 км. Далее, на той же странице документа, предполагаются, однако, еще более решительные действия Красной Армии: «*Подведение моторизованных и танковых соединений вплотную к границе дает возможность предположить, что при изготовлении немецкой стороны к нападению противник совершит в соответствии со своими тактическими основоположениями (см. приложение 2) превентивное или одновременное наступление с ограниченной целью, дабы сорвать наши приготовления к нападению или помешать им».* **[340]**

21 июня начальник оперативного отдела штаба 3-й ТГр подписывает последнюю перед началом войны разведывательную сводку о противнике (Feindnachrichtenblatt). Фактической информации о противнике много, и она весьма точна; так, из девяти упомянутых в сводке соединений Красной Армии восемь присутствуют со своими реальными номерами, и их дислокация выявлена достаточно близко к реальности. Но вот понять намерения советского командования немцам по-прежнему не удается. Соответственно, поставлена задача: *«При допросе важно установить, какие крупные (долгосрочные) намерения русское Верховное Командование преследует своими операциями. Во время допросов пленных офицеров важно выяснить, почему русские силы были развернуты перед Неманом, вместо того, чтобы при ожидаемом превосходстве сил немцев встать за Неманом или вообще выбрать тактику отступления в глубь большой страны…»* **[341]**

Так и не поняв загадку оперативного искусства Красной Армии (в скобках заметим, что разгадать ее пока еще не удалось никому), командование 3-й Танковой группы вермахта готовилось воевать по всем правилам военной науки. Ожидая встретить в приграничной полосе ожесточенное сопротивление, минные поля, железобетонные ДОТы у дорог, засады в лесах, немцы даже несколько «перемудрили» с выбором маршрутов продвижения моторизованных соединений; так, в «Указаниях по ведению операций 3-й Танковой группы», направленных в середине июня в штабы корпусов, было сказано:

«Следует учесть, что основные дороги в полосе нашего наступления заняты войсками противника и имеют заграждения, простирающиеся на большую глубину. Поэтому наступление передовых частей не должно проводиться непосредственно по дорогам или вблизи от них. Наступать следует в стороне от дорог с тем, чтобы в дальнейшем выйти к дороге в тылу противника и таким образом предотвратить отступление его передовых пограничных сил на тыловые позиции…» **[342]**

В авангард наступления Танковой группы было поставлено пять саперных батальонов, которым предстояло снять минные заграждения, восстановить разрушенные дороги и в дальнейшем навести мостовые переправы через Неман. Учитывая, что местность в полосе наступления (особенно на южном фланге) изобилует озерами и мелкими лесными речушками, особое внимание уделялось захвату переправ и меж-озерных проходов. *«Вражеские пограничные посты, отряды охранения, переправы и мосты следует атаковать и захватывать небольшими ударными группами, прежде чем противник успеет сообщить об угрозе или разрушить искусственные сооружения. Такие действия нужно осуществлять внезапно, умело, смело и самоотверженно».* **[342]**

Для достижения максимальной умелости и смелости решено было привлечь диверсантов из полка специального назначения «Бранденбург». *«Для боя за межозерные проходы у*

Капчяместис, Вейсяй и Шлавантай (н.п. в 25–30 км западнее Меркине. – *М.С.*)*, а также для захвата переправы у Меркине в распоряжение 12-й танковой дивизии передаются части полка особого назначения «Бранденбург». Подразделения этого полка – на каждый объект по 20–30 человек – должны занять заранее указанные проходы и держать их открытыми, а мост в Меркине занять еще до подхода передовых отрядов* [танковой дивизии] *или предотвратить взрыв этого моста».* **[343]**

Все эти усилия и ухищрения были направлены на решение одной, главной задачи: в первый же день наступления, максимально используя фактор тактической внезапности, выйти к Неману и захватить (навести) переправы на восточный берег раньше, чем ошеломленный противник успеет подтянуть к речному рубежу крупные силы. Задача очень непростая – принимая во внимание особенности местности и расстояние в 40–70 км от границы до Немана. Возвращаясь к истории боевых действий мехкорпусов Юго-Западного фронта, отметим, что задача наступления на такую глубину в течение одного дня там даже не ставилась (не говоря уже о том, что никогда не выполнялась).

В конечном счете соединения 3-й ТГр были развернуты в следующем порядке (см. рис. 12). Две танковые дивизии (7-я тд и 20-я тд) 39-го танкового корпуса пересекали границу вдоль каунасского шоссе, затем поворачивали на восток и наступали вдоль дороги Кальвария, Симнас на Алитус. Моторизованные дивизии корпуса (14-я мд, 20-я мд) оставались во втором эшелоне, для их выдвижения на советскую территорию просто не было свободных дорог. Южнее 39 ТК, вдоль дороги Лаздияй, Сейрияй к реке Неман наступали две пехотные дивизии (5-я пд, 35-я пд) 5-го армейского корпуса.

Самый сложный по условиям местности маршрут наступления был у соединений 57-го танкового корпуса; основная дорога (до которой еще надо было дойти, преодолев 15 км лесного массива с многочисленными озерами) через Капчяместис, Лейпалангис на Меркине была предоставлена 18-й моторизованной дивизии (при этом один из двух мотопехотных полков дивизии был оставлен во втором эшелоне). 12-я танковая дивизия должна была выйти к дороге на Меркине напролом через лес, для решения такой задачи дивизию усилили одним пехотным полком из состава 5 АК. 19-я танковая дивизия оставалась на территории «Сувалкского выступа» в резерве командования Танковой группы.

На левом (северном) фланге 3-й ТГр наступление моторизованных соединений прикрывали две пехотные дивизии (6 пд, 26 пд) 6-го армейского корпуса, им предстояло пройти более 80 км и захватить переправы через Неман у г. Пренай (первоначально предполагалось, что после этого через Пренай на восточный берег Немана будут переправлены две моторизованные дивизии 39 ТК). Правый (южный) фланг Танковой группы прикрывал своим наступлением на Гродно 8-й армейский корпус 9-й Армии.

Что же касается диверсантов из «Бранденбурга», всесокрушающая мощь которых воспета двумя поколениями советских «историков», то их участие ограничилось следующим: *«Во второй половине дня* [командующему 57-го корпуса] *представился лейтенант – командир группы диверсантов (спецназа). Он ничего не знает о находящихся в его распоряжении транспортных машинах и необходимом снаряжении. Запросы в адрес командования 3-й Танковой группы по телефону, сделанные начальником оперативного управления штаба корпуса, показали, что использование спецгруппы 22 июня вряд ли возможно, поскольку техническое имущество лишь по особому распоряжению Группы надо предварительно заказывать из Варшавы».* **[344]** Впрочем, на темп и масштаб немецкого наступления это обстоятельство никак не повлияло.

В полночь 21–22 июня в штабе округа/фронта, уже переместившемся из Риги на полевой КП в лесу у Паневежис, была подготовлена Разведывательная сводка № 02. Последняя перед началом войны. Группировка войск противника на «каунасско-вильнюсском направ-

лении» (в реальности это была 3-я Танковая группа плюс семь пехотных дивизий 16-й Армии из состава ГА «Север») была описана следующим образом. Было установлено наличие штабов четырех пехотных дивизий, причем только у одной из них (5-я пд) нумерация совпадала с реальной. В районе Инстербурга (60 км от границы) был «обнаружен» штаб 12-го армейского корпуса, в реальности находившегося у Бреста. Упомянуто также семь пехотных полков (непонятно – входивших, по мнению составителей сводки, в состав выявленных пехотных дивизий или действующих самостоятельно), а также несуществующий в природе «206-й кавалерийский полк». Вместо четырех танковых дивизий в сводке присутствует лишь один-единственный «25-й танковый батальон». При этом непосредственно у границы было выявлено присутствие только 5-й пехотной дивизии, 405-го пехотного полка и некого пехотного батальона без номера. Злополучный «танковый батальон» находился якобы в районе Инстербурга (ныне Черняховск). **[345]**

Такая оценка группировки противника – даже отдаленно не совпадавшая с реальной – многое объясняет в решениях и действиях командования Северо-Западного фронта. Практически в те же минуты, когда была подписана Разведсводка № 02, в штаб округа/фронта из Москвы поступила печально знаменитая «Директива номер один». После чего, в 2 часа 25 мин. 22 июня от имени Военного совета ПрибОВО была выпущена Директива (б/н) для командования 8-й и 11-й Армий. Дословно повторив текст московской Директивы (*«в течение 22–23 июня возможно нападение… на провокации не поддаваться… одновременно быть в полной боевой готовности»*), командование округа/фронта добавило и несколько пунктов от себя. В частности, было приказано *«семьи начальствующего состава 10, 125, 33 и 128-й стрелковых дивизий перевозить в тыл только в случае перехода границы крупными силами противника».* **[346]**

Это очень интересное указание. Даже если бы от всех документов предвоенного времени осталась только эта фраза, она одна могла бы рассказать о том, как представляло себе будущую войну высшее командование Красной Армии. 10-я, 125-я, 33-я и 128-я стрелковые дивизии – это самый первый эшелон войск Северо-Западного фронта; штабы соединений дислоцировались в городках и местечках (Куляй, Батакяй, Вилькавишкис, Сейрияй), удаленных от границы всего на 20–30 км. Уже одно то, что к утру 22 июня в приграничной полосе оставались семьи начсостава, свидетельствует о запредельной безответственности[118]. И даже получив из Москвы предупреждение о возможном вторжении противника (странно, что не приграничные округа предупреждали Москву, а наоборот), Ф.И. Кузнецов все еще сомневается в том, что «переход границы крупными силами противника» неизбежен, а семьи начсостава надо хватать и вывозить, не теряя на раздумья ни одной минуты.

Что же касается всех остальных дивизий, расположенных от границы чуть дальше 30 км, то причин для экстренной эвакуации семей начсостава командование округа не видит вовсе. «Гвозди бы делать из этих людей…» К этому еще следует, что план эвакуации семей начсостава был в ПрибОВО заблаговременно разработан. В архиве (ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 238) сохранилась карта, кстати, украшенная грифом высшей категории секретности (сс/ов), эвакуации и размещения семей начсостава. Примечательно, что все «пункты посадки» находятся к юго-западу от линии Шяуляй, Вильнюс; видимо, разработчики плана считали вторжение противника на глубину более 100–130 км чем-то крайне маловероятным.

---

[118] В 1962 г. были опубликованы (Бюллетень военно-научного общества при Рижском окружном доме офицеров № 5/1962 г.) воспоминания генерал-майора Д. Макаренко (накануне войны – капитан, начальник узла связи штаба ПрибОВО). Он утверждает, что примерно в 15.00 21 июня заместитель начальника штаба округа/фронта генерал-майор Гусев направил командиру 125-й стрелковой дивизии телеграмму следующего содержания: *«Стало известно, что Вы под влиянием провокационных слухов и своих наблюдений самоуправно используете порожняк и отправляете из гарнизона семьи командиров. Приказываю все возвратить на место и через два часа доложить об исполнении».*

В результате таких оценок и решений «группировка войск» Северо-Западного фронта в приграничной полосе южнее дороги Кальвария, Алитус состояла из одной-единственной 128-й стрелковой дивизии. Главные силы 11-й Армии (три стрелковые дивизии) находились севернее Кальварии, 10-я ПТАБР была спрятана в лесном массиве западнее Каунаса и 22 июня помешать наступлению немецких танковых дивизий не могла даже теоретически. Да, упомянутая выше Директива Военного совета потребовала *«немедленно выдвинуть штаб 126-й стрелковой дивизии и возможное количество пехоты и артиллерии ее в район Кальвария, куда будут продвигаться все части 126-й стрелковой дивизии»,* но фактически эта дивизия, выдвигавшаяся из глубины округа на запад, к вечеру 22 июня смогла дойти лишь до Алитуса.

Разумеется, одна 128-я стрелковая дивизия держать оборону на фронте шириной в 60 км не могла, и уж тем более не могла она остановить наступление трех танковых, двух пехотных и одной моторизованной дивизий противника. Это не вызывающая сомнений правда. Но только одна половина правды. Вторая заключается в том, что беспорядочное бегство после первых же выстрелов не является единственной альтернативой упорной обороне. Теоретически существуют еще два варианта действий, называемых «подвижная оборона» и «отход». Ничего придумывать не надо, в Уставе все написано (*«нанести наступающему противнику потери, заставить его развернуться, потерять время на организацию наступления и, не вступая с ним в упорный бой, ускользнуть из-под удара»*).

Стрелковая дивизия – это девять батальонов пехоты, шесть (с учетом дивизиона ПТО) артиллерийских дивизионов; теоретически этого достаточно для того, чтобы на каждом из 3–4 дорожных направлений, имевшихся в полосе наступления 3-й ТГр, нанести противнику серию «булавочных уколов», способных снизить темп наступления с феноменального до нормального (10–15 км в день). Вечером 21 июня части 128-й сд находились в районе Лаздияй, Сейрияй, Симнас (т. е. в районе группы озер между двумя дорогами, ведущими к Алитусу), это идеальное для организации засад и фланговых ударов место. Пять узлов обороны Алитусского УРа, где на фронте в 57 км от Калварии до Капчяместис в разной стадии строительства находились 273 ДОТа (20 из них были уже построены), также могли чем-то помешать противнику. А при нормальном темпе наступления немцы вышли бы к Неману на 3–4-й день войны, что означало для них крушение всего плана операции.

В любом случае, результатом отхода должно было бы стать появление дивизии (а 128-я сд была укомплектована даже сверх штатной нормы – 15 540 человек) на восточном берегу Немана. Но ничего нигде не появилось, 128-я сд просто исчезла. Исчезла из сводок штаба фронта, исчезла с оперативной карты, исчезла с поля боя[119]. В 9.35 22 июня командующий СЗФ доложил в Москву: *«Крупные силы танков и моторизованных частей прорываются на Друскеники. 128-я стрелковая дивизия большею частью окружена, точных сведений о ее состоянии нет».* Через десять минут, в 9-45, была подписана Директива ВС фронта, в которой командующему 11-й Армией было приказано *«обеспечить отход 128-й стрелковой дивизии, не допустив ее окружения, подготовить позиции на восточном берегу р. Неман до*

[119] Командир дивизии генерал-майор А.С. Зотов попал в плен. Существуют разные версии обстоятельств его пленения. Героическая, рассказанная самим Зотовым и включенная в помпезную Историю боевого пути дивизии, такова: утром 22 июня командир дивизии (почему-то один, без штаба и охраны) выехал на передовую и попал под обстрел; водитель был убит сразу, генерал расстрелял все патроны и был скручен толпой набежавших врагов. В 2006 г. А. Петрушин опубликовал фрагмент протокола допроса генерала Зотова в немецком плену: *«После того, как я растерял части своей дивизии, я с группой штабных командиров направился в юго-восточном направлении, имея в виду перейти Неман и впоследствии соединиться с основными силами советских войск. Со мной оказались: комиссар дивизии полковой комиссар Бердников, начальник артиллерии дивизии полковник Минин… 29 июля 1941 года мы подошли к шоссе Минск-Радошковичи и в течение двух суток пытались пересечь его, но нам это не удавалось, так как по шоссе непрерывно двигались немецкие войска. Не имея возможности укрыться и учитывая бесцельность сопротивления, я и мои спутники сдались в плен…»*

левой границы фронта». **[347]** Вот и все. Любые дальнейшие упоминания о 128-й сд состоят из слов «связи нет», «положение дивизии неизвестно».

Исчезновение дивизии как организованного целого, конечно же, не означает мгновенную аннигиляцию 15 тыс. человек. Отдельные бойцы, отдельные разрозненные подразделения вступили в бой, заставили противника понести потери; боевые столкновения в лесах на западном берегу Немана продолжались до конца июня. Судя по спискам воинских захоронений, хранящимся в архивах Литовской Республики, в районе дороги Сейрияй, Алитус похоронено 88 немецких солдат. **[348]** С учетом раненых, которых обычно бывает втрое больше, получаются цифры потерь, достаточно ощутимых по меркам вермахта. Запись от 22 июня в ЖБД 3-й ТГР коротко, но ясно констатирует: *«Там, где противник принимал бой, он стоял насмерть, упорно и храбро».*

Не следует забывать и о том, что в распоряжении командования СЗФ был еще один, чрезвычайно мобильный и достаточно мощный (8 бомбардировочных авиаполков) инструмент, способный затормозить продвижение танковых корпусов вермахта. Для авиации той эпохи колонна моторизованных войск представляла собой идеальную мишень. Сброшенные с «горизонтального» бомбардировщика бомбы рассеиваются в виде эллипса, сильно вытянутого по одной из своих осей, и при атаке по мехколонне надо было обеспечить точное прицеливание лишь по одной координате («левее-правее»), «дальше-ближе» уже не имело значения в ситуации, когда длина цели измеряется километрами. И если поражение танка было весьма маловероятным событием (ФАБ-50 пробивала броню легких танков лишь при взрыве не далее 1–2 метров от цели), то автомашины, бензоцистерны, гусеничные тягачи, составлявшие в общей сложности более 80 % всех подвижных объектов танковой дивизии, были чрезвычайно уязвимы. По крайней мере, именно «массированными ударами авиации противника» советская историография традиционно объясняла исчезновение мехкорпусов Красной Армии.

Уже в 9-45 22 июня, в упомянутой выше Директиве ВС фронта командующему ВВС фронта приказано *«бить сильными ударами тильзитскую и кальварийскую группировки противника».* В промежутке между 10 и 12 часами (точное время в документе не указано) командующий ВВС СЗФ генерал-майор Ионов подписывает Боевой приказ № 01/ОП. Документ наглядно показывает стремительное изменение планов командования фронта. Если исходный, напечатанный на машинке текст (скорее всего, заготовленный еще в мирное время) предполагал нанесение удара по аэродромам и войскам противника на территории Восточной Пруссии, то внесенная в приказ черными чернилами рукописная правка отчетливо меняет задачу – теперь главные усилия приказано сосредоточить на уничтожении мотомехколонн противника, продвигающихся по советской территории; в частности, для двух авиадивизий в качестве объекта атаки указаны «танки в районе Кальвария, Лаздияй, Сейрияй». **[349]**

В 12–20 бомбардировщики 31 БАП нанесли первый и самый мощный удар (всего в налете приняли участие 38 экипажей), сбросив на «скопление войск противника южнее Кальварии» 18 ФАБ-250 и 174 ФАБ-100. **[350]** В целом до конца дня по дорогам на Алитус было произведено, как минимум, четыре массированных налета с участием 103 бомбардировщиков (еще некоторое количество вылетов трудно идентифицировать по месту нанесения бомбового удара, или же сведения об этих вылетах не подтверждаются при «перекрестной сверке» донесений разных штабов). Кроме того, как минимум один налет был произведен силами 3-го авиакорпуса дальней авиации: в 15–40 девять бомбардировщиков 207 ДБАП атаковали мехколонну противника на дороге Лейпалингис, Меркине. **[351]** В общей сложности на мехколонны 3-й ТГр было сброшено порядка 600–700 бомб (в основном ФАБ-100).

Результат? Вот с результатом все гораздо сложнее. В мемуарах командующего 3-й Танковой группой Г. Гота есть несколько слов, связанных с действием (бездействием) советских ВВС. Слова такие: *«Действий танков и авиации не отмечалось. Воздушная разведка, проводившаяся при ясной погоде, никаких передвижений противника восточнее Немана не обнаружила»*. И это все. В изученных Журналах боевых действий 3-й ТГр и 57 ТК вовсе нет ни одного слова о действиях советской авиации 22 июня. Куда же падали бомбы?

Приоткрыть завесу (об исчерпывающем решении вопроса говорить еще рано) над загадкой удивительно низкой эффективности действий советских ВВС позволяет донесение командира 1-й батареи (роты) 84-го зенитного дивизиона; это подразделение было придано 7-й танковой дивизии с задачей *«прикрыть 7 тд в районе включения батареи в маршевую колонну»*. События первого дня войны описаны в донесении так:

«…Обстановка в воздухе. 11.20. Налет бомбардировщиков противника «Мартин-бомбер» (так немцы называли легкий 2-моторный бомбардировщик СБ, время с точностью до минут совпадает с докладом командования 31 БАП). *11.25. Газовая тревога. 17.25. Сброс бомб вдоль маршевой дороги 7 тд. Во время всех налетов самолеты находились вне досягаемости батареи* (выделено мной. – *М.С.*). *Собственные потери: нет. Потери противника: нет. Расход снарядов: нет».* **[352]**

Разгадка, как видим, очень простая. Самое слабое, чем могла быть вооружена немецкая зенитная батарея, это 20-мм скорострельная пушка FLAK-30/38 с досягаемостью по высоте (при разных углах возвышения) 2200–3700 м, наклонная дальность стрельбы до 4800 м. Однако 1-я батарея (рота) 84-го дивизиона была вооружена – как можно судить по ведомости израсходованных боеприпасов – более мощной 37-мм зениткой, имеющей досягаемость по высоте порядка 4500–4700 м. Если в тот день немецкие зенитчики даже не стали открывать огонь (*«расход снарядов: нет»*), то это вынуждает предположить, что «атакующие» самолеты были далеко вне зоны возможного поражения. Проще говоря – две сотни бомб высыпали с высоты 5 км, «в белый свет как в копеечку», после чего с чувством выполненного долга улетели…

При таких условиях, при такой организации обороны, наступление 3-й Танковой группы вермахта превратилось в форсированный марш. В Журнале боевых действий 3-й ТГр он описан так:

«04.10.

6-й армейский корпус овладел полевыми укреплениями противника на границе. При наступлении обнаруживается значительно более слабое присутствие противника вблизи границы, особенно артиллерии, чем ранее предполагалось…

Около 6.00.

Танки подошли к Кальварии, которую к 8.00 (так в тексте. – *М.С.*)*, встретив слабое сопротивление противника, взяла 20-я танковая дивизия…*

06.15.

30-й мотопехотный полк 18-й мд достигает Капчяместис (15 км к востоку от границы. – *М.С.*) *и, встречая лишь незначительное сопротивление, продвигается на Лейпалингис.*

До сих пор невозможно четко определить положение противника. Лишь 5-й армейский корпус на отдельных участках столкнулся с отчаянным сопротивлением противника. 5 пд на рассвете ворвалась в Лаздияй и уничтожила неприятеля на позициях (линии) ДОТов.

Около 09.00

До настоящего момента у 3-й Танковой группы нет ясности о наличии сил противника, располагавшихся согласно сообщениям, поступавшим до 22.06, вблизи границы, – успели ли они перед началом нападения вовремя отступить или оказались настолько оше-

ломлены, что до сих пор можно было установить лишь незначительное сопротивление и отход на Неман…

10.40.

7-я танковая дивизия проходит Симнас, в то время как севернее ее 20-я танковая дивизия занимает озерное дефиле между Симнас и озером Жувинтай (25 км западнее р. Неман. – *М.С.*).

14.00.

Первоначальной цели первого дня наступления: широким фронтом дойти до р. Неман и постараться форсировать его – первой достигла 7 тд, которая в 13.10 ворвалась в западную часть г. Алитус и заняла оба моста через р. Неман, оставшиеся неповрежденными. Такого никто не ожидал.

17.15.

30-й мотоциклетный батальон (18-я мд из состава 57 ТК) *дошел до моста через Неман у Меркине и приступает к переправе. Таким образом, отпадает необходимость в бессчетном количестве планов наведения мостов для переправы обеих танковых корпусов.*

18.15.

56-й пехотный полк из состава 5 АК пешим маршем достиг р. Неман – блестящая работа пехоты, которая за такое короткое время, несмотря на столкновения с противником, плохие условия местности и жаркую погоду, преодолела расстояние более 40 км (выделено мной. – *М.С.*). *Командир полка, полковник Тум (Thum) представлен к награде в донесении Верховному командованию…»* **[353]**

Быстро справившись с головокружением от необычайного и неожиданного успеха, командование 3-й ТГр потребовало продолжить марш за Неман, не останавливаясь ни на минуту. *«Корпусам сообщены задачи на вечер 22.6 и утро 23.6: двигаться вперед на восток, не ожидая дивизии второго эшелона; вечернее наступление 22.6 продолжать как можно дольше, 57 ТК – через Ораны на Эйшишкес, 39 ТК – через Олкиеники и Бутримонис на Вильнюс».* Чуда, однако же, не произошло и захватить Вильнюс (130 км от границы) в первый день войны немцам не удалось; тем не менее 57 ТК, фактически не имевший 22 июня иного противника, кроме труднопроходимой местности, переправил 12-ю танковую дивизию по мосту у Меркине, и к наступлению темноты многокилометровая «стальная лента» головой походной колонны удалилась на 25 км к востоку от Немана, а передовые отряды мотоциклистов дошли до Ораны.

Итоги дня подведены в ЖБД 3-й Танковой группы следующим образом: *«Красная Армия в обучении* [войск] *предпочитала, по-видимому, формы ведения внутриполитической борьбы, гражданской войны и революции требованиям боевых действий на фронте. Ее руководство в эти дни расписалось в собственной некомпетентности».*

5-я танковая дивизия

Главным (да и практически единственным) соединением, которое можно было использовать для нанесения немедленного и мощного контрудара по прорвавшимся к переправам через Неман немецким войскам, был 3-й мехкорпус (2-я и 5-я танковая, 84-я моторизованная дивизии). 3 МК был «старым» мехкорпусом, сформированным еще в 1940 г.; это было крепко сколоченное, хорошо оснащенное боевой и вспомогательной техникой соединение. По итогам 1940 г. 3 МК был признан лучшим среди имевшихся тогда мехкорпусов Красной Армии. Первым командиром соединения стал будущий маршал Еременко, командиром 5-й танковой дивизии (и в дальнейшем начальником штаба корпуса) был будущий маршал Ротмистров. К началу войны в 3-м мехкорпусе было порядка 3,9 тыс. автомашин (один из лучших показателей среди всех мехкорпусов), три сотни тракторов и тягачей, 670 танков, в

том числе 51 КВ и 50 Т-34. Серьезная сила, и встречный танковый бой с сотней советских танков «новых типов» ничего хорошего танкистам 3-й ТГр вермахта не сулил.

В последние предвоенные дни дивизии 3-го мехкорпуса были выведены из мест постоянной дислокации и сосредоточились в лесах к востоку от Немана, в полосе Ионава, Каунас, Алитус. Вечером 22 июня Директивой № 3 Главного Военного совета Красной Армии была поставлена задача *«нанести мощный контрудар из района Каунас во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки»*. В тот момент, когда принималось такое решение, в Москве еще не имели сколь-нибудь подробной и достоверной информации о том, что в реальности происходит на фронте; Директива № 3, скорее всего, была подготовлена на основании довоенных планов, в которых присутствовала идея «срезания Сувалкского выступа» ударом мехкорпусов из района Каунас, Алитус. **[354]** И тем не менее, случайно или нет, но в данном случае Директива № 3 вполне соответствовала сложившейся ситуации – наступление 3-й ТГр вермахта представляло наибольшую угрозу (выход в глубокий тыл Западного фронта с последующим его окружением), и именно для разгрома ее следовало использовать боеспособные резервы.

Так же, как и на Юго-Западном фронте, приказ Верховного командования был проигнорирован. В отличие от ситуации на ЮЗФ мы имеем документ, объясняющий мотивы такого решения – в 10 часов вечера 22 июня Военный совет СЗФ докладывал наркому обороны: *«Главный удар* [противника] *в направлении шоссе Тильзит, Шауляй… Считаю: поражение противника на этом направлении* [в] *ближайшее время, чтобы остановить удар противника, решает судьбу операции фронта…»* При этом ситуация на «каунасском и алитусском направлениях» расценивалась как менее тревожная, командование фронта предполагало, что «*четыре стрелковые дивизии 11-й Армии упорно ведут бои, отходя на восток, чтобы задержать противника обороной на правом берегу р. Неман».* **[355]**

В соответствии с такой оценкой положения командование СЗФ решило использовать 3 МК для нанесения удара не в юго-западном направлении (на Сувалки), а в северо-западном, на Расейняй, Скаудвиле; при этом одна из дивизий мехкорпуса (5-я танковая) выводилась из его состава и передавалась в оперативное подчинение 11-й Армии. **[356]** Эта «передача» не означала какого-либо перемещения войск в пространстве, т. к. 5-я тд постоянно дислоцировалась в районе Алитуса. Там, у переправ через Неман, ей и предстояло контратаковать прорвавшиеся к реке немецкие танковые части.

Архивный фонд 5-й тд существует, и он необычайно (для дивизии, разгромленной в первые дни войны) обширен. Рассекречен он был в декабре 2009 г., и теперь мы можем узнать много интересного. Есть там, в частности, «Задание на командно-штабные учения со средствами связи», проведенные в дивизии 11–12 апреля 1941 г. Исходная ситуация для условных «боевых действий» описывалась следующим образом: *«Противник теснит нашу стрелковую дивизию к Неману в полосе Меркине, Друскининкай. Авиация «западных» производила налеты на Алитус, Пренай и привела в негодность мосты через Неман. Господство в воздухе на стороне противника»*. Нетрудно заметить удивительное сходство с реальностью 22 июня, с той только разницей, что настоящие «западные» не разрушали мосты через Неман, а напротив, всеми силами стремились предотвратить их разрушение. Перед танковой дивизией в ходе учений была поставлена задача навести переправу через Неман у м. Канюкай (южный пригород Алитуса), контратаковать противника, к исходу дня выйти в район межозерного дефиле у Симнас и на следующий день наступать на Кальварию. **[357]**

Есть т. н. «рабочий блокнот» начальника штаба дивизии, в котором буквально по минутам расписаны действия командиров и их подчиненных в первый день мобилизации. **[358]** Есть подробно расписанный план действий службы связи при подъеме дивизии по боевой

тревоге, схема линий проводной связи в районе сбора частей дивизии по тревоге (район этот предполагался к западу от Алитуса, между р. Неман и озерами). К плану приложена ведомость, из которой следует, что по состоянию на конец мая 1941 г. в 5-й тд числилось: 1 мощная радиостанция РСБ, 14 т. н. «полковых» раций 5-АК, 25 переносных раций малой мощности (РБ, РРУ, 6-ПК), 194 телефонных аппарата и 358 км кабеля; и это, разумеется, не считая 170 танковых раций. **[359]** Есть выписка из чрезвычайно важного (и сверхсекретного) документа – схемы мобилизационного развертывания войск ПрибОВО; из документа следует, что в конце мая 41-го года в штатах военного времени содержались практически все боевые части 5-й танковой дивизии: два танковых, артиллерийский и мотострелковый полки, разведбат, батальон связи и зенитный дивизион. **[360]**

Есть помпезная «История 9-го танкового полка» (один из двух, входивших в состав 5-й тд), где в самых восторженных выражениях описан «боевой путь» части, т. е. ее участие в разгроме разгромленной немцами польской армии в сентябре 1939 г.:

«Нет слов, в которых можно было бы охарактеризовать полностью радость и гордость каждого бойца. Все горели единым желанием вступить в бой и бороться за счастье и радость народов Западной Белоруссии. В 16.00 на берегу р. Неман было партийное собрание, где коммунисты выразили беспредельную преданность партии Ленина – Сталина, говорили о чести и славе, которая выпала на долю каждого коммуниста… После собрания прошел митинг всего личного состава, который также прошел с большим подъемом… Ровно в пять часов прошли проволочные заграждения, пограничные столбы, которые 20 лет отделяли народы Западной Белоруссии от их единокровных братьев, живущих в единой семье Великого Советского Союза… К исходу дня 17 сентября наши части сосредоточились в 70 км от бывшей границы, а 20 сентября они уже были в м. Сокулка; позади осталось 400 км, пройденных нами по территории Западной Белоруссии. Надолго останется в памяти бойцов и командиров Великий Освободительный поход».

Впрочем, и среди такой патетики можно обнаружить важную информацию. Например, вполне конкретные сведения о том, всегда ли советская гусеничная техника ломалась через 50–100 км марша:

«Благодаря хорошему знанию машин и любовному отношению к ним танки прошли свой путь без поломок, вынужденных остановок. Танк, командиром которого был комсомолец тов. Черняк и механиком-водителем тов. Карпенко, прошел по полям и дорогам Западной Белоруссии, Литвы и Латвии более 2000 км без единой поломки и вынужденной остановки… Механик-водитель тов. Карпенко так любовно ухаживал за машиной, что она отработала 60 моточасов сверх нормы… Тракторист тов. Григорий Малышев провел свой трактор 1600 км и нигде не отстал от своей части. Он всегда появлялся именно там, где танки самостоятельно не могли преодолеть естественные препятствия…» **[361]**

Не хватает в архивном фонде 5-й танковой дивизии только самой «малости» – документов первых дней (последующих у нее и не было) настоящей войны с настоящим, упорным противником. Нет ничего – ни одного приказа, оперативной сводки, боевого донесения. Историк, который через сто лет прилетит с Луны на Землю, сможет с полной уверенностью констатировать («архивные документы неопровержимо свидетельствуют»), что Великим Освободительным походом все и закончилось… Впрочем, рукописи не сгорают все до одной. В данном случае сохранился написанный от руки «Журнал боевых действий» 5-го гаубичного полка дивизии; хотя бы в минимальном объеме, но и он помогает реконструировать реальный ход событий:

«18 июня 1941 г.

10.00. 5 ГАП в составе всех подразделений (010/17) продолжавший учебу в Оранских лагерях Литовской ССР, штабом 5-й дивизии поднят по боевой тревоге (полное совпадение, по содержанию и дате, с аналогичным приказом в соединениях 12-го мехкорпуса. – *М.С.*)

и находился в районе Ораны с 18 по 20 июня 1941 г. Командовал полком майор Комаров, зам. командира по политчасти батальонный комиссар Бекаревич, начальник штаба майор Ткачев.

20 июня 1941 г.

4.00. Получен боевой приказ штадива-5 о сосредоточении полка к 8.00 в лесу 1,5 км восточнее Швабишки (8 км восточнее южного моста у Алитуса. – *М.С.*).

7.50. Полк сосредоточился в лесу 1,5 км вост. Швабишки, где находился до 22 июня 1941 г. В этом районе была организована противотанковая круговая оборона и произведено оборудование блиндажей от воздушной бомбардировки…» **[362]**

Артиллерийский (гаубичный) полк 5-й танковой дивизии был вполне стандартного состава: два дивизиона, шесть 4-орудийных батарей; на вооружении полка было 12 гаубиц калибра 122 мм и 12 гаубиц калибра 152 мм. Дистанция в 8 км до Немана и мостов через него позволяла орудиям такого калибра вести прицельный огонь по скоплениям живой силы и техники противника, выдвигать же гаубичный полк ближе к реке не имело практического смысла, к тому же лес надежно укрывал огневые позиции от наблюдения с воздуха.

Что делали в это время другие части дивизии, поднятой по боевой тревоге 18 июня? Главной ударной силой были два танковых полка (9-й тп и 10-й тп), на вооружении которых суммарно числилось 50 новейших Т-34, 26 трехбашенных Т-28, 165 легких БТ-7 и 14 Т-26, всего 255 танков (перечислена только исправная бронетехника). Были в дивизии и тяжелые танки КВ в количестве 27 единиц, но в мае их передали соседям в Западный ОВО (отправка произведена на ст. Волковыск, что позволяет предположить поступление этих КВ в состав 11 МК). Кроме того, в дивизии числилось 56 пушечных бронеавтомобилей БА-10. С учетом вооружения зенитного дивизиона (незаурядной особенностью дивизии был полный комплект из 12 новейших скорострельных зениток калибра 37 мм) 5-я тд имела порядка 320 «стволов», пригодных для уничтожения легких танков, которыми был вооружен 39-й танковый корпус вермахта.

Первичных документов, как выше уже было отмечено, не сохранилось (или они все еще засекречены и недоступны). Из имеющихся «вторичных источников» (исследования, мемуары) заслуживает внимания статья доктора истории, доцента Вильнюсского университета С. Егелявичуса. **[348]** Автор на протяжении длительного времени собирал воспоминания свидетелей и очевидцев (одним из которых он был сам, правда, в очень юном возрасте), а также использовал такой источник, как сохранившиеся в литовских архивах ведомости воинских захоронений; война на территории Виленского края была относительно недолгой (несколько дней в июне 41-го и одна-две недели летом 44-го), взаимоотношения оккупантов и местного населения не были слишком конфликтными, и поэтому захоронения немецких и советских солдат не подверглись вандализму (по крайней мере, в массовом масштабе).

Подготовку 5-й тд к сражению С. Егелявичус описывает так: *«18–19 июня танки дивизии из военного городка в г. Алитус перебазировались на высокий обрывистый восточный (правый) берег Немана. В расстоянии 300–400 м от Немана на высоком берегу танки были рассредоточены на окраинах двух соседних деревень – Канюкай и Муйжеленай… Часть танков находилась в укрытиях, оборудованных в первые часы передислокации танков. На северо-западной опушке рощи Канюкай возле шоссе была расположена танковая засада. Оттуда просматривался Канюкайский мост через Неман, а также шоссе на подступах к мосту на левом (западном) берегу и ближайший отрезок извилистого шоссе, поднимающегося на высокий правый (восточный) берег».* (Рис. 25.)

Намерение использовать танковую дивизию для статичной обороны является, возможно, спорным, но не приходится спорить о том, что восточный берег Немана у Канюкайского («южного») моста был идеальным местом для засады. Танки, переправившиеся через реку, должны были резко повернуть, проехать несколько десятков метров по песчаному

берегу и затем вскарабкаться на высокий, обрывистый откос; 125-сильный мотор 10-тонного чешского танка гудел «на последнем издыхании» и стальная коробка выползала на ровную площадку со скоростью черепахи. Один-два подбитых на склоне танков с неизбежностью останавливали движение всей колонны, развернуться в боевой порядок там совершенно негде, тягач для буксировки загромоздивших движение танков можно доставить только вертолетом. Для полноты эффекта слева район засады прикрыт руслом впадающей в Неман речки Алове. В целом все это сильно напоминает легендарные Фермопилы, где 300 спартанцев остановили в горном ущелье огромную армию персидского царя…

«Фермопилы по-алитусски» осуществились следующим образом. В первой половине дня 22 июня «северная группа» танков 5-й тд (из числа тех, что были рассредоточены в перелеске у д. Муйжеленай) двинулась к городу, вероятно, с задачей переправиться по мосту на западный берег Немана. В ходе выдвижения на окраине Алитуса танки попали под удар немецкой авиации, и несколько сгоревших БТ-7 простояли там немым памятником разгрома до конца войны. Вот, собственно, и все. Более никаких следов боевых действий «северной группы» 5-й танковой дивизии не обнаруживается – ни в документах противника, ни в рассказах местных жителей. Что же касается воинских захоронений, то в восточной части Алитуса и на пригородных полях у д. Муйжеленай захоронено 14 военнослужащих вермахта, но среди них нет танкистов (немцы в надписях на могильных крестах указывали место службы погибшего с точностью до роты). **[348]**

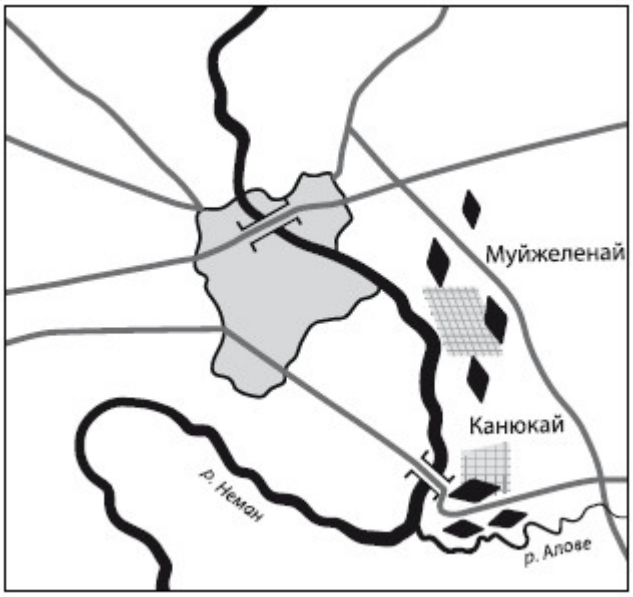


Рис. 25. Танковый бой у Алитуса

Первой к Алитуса подошла 20-я немецкая танковая дивизия[120], которая без боя переехала Неман по невзорванному северному мосту и мимо исчезнувших советских танков двинулась к расположенному на северо-восток от города военному аэродрому. В своей известной книге воспоминаний О. Кариус (на тот момент – танкист 20-й танковой дивизии) пишет: «*Мы без происшествий достигли первой цели нашего движения в тот день – аэродрома в Алитусе. Счастливые, мы скинули с себя пропыленную форму и были рады, когда, наконец, нашли воду, чтобы как следует помыться. «Совсем неплохо здесь воевать», – сказал*

[120] Запись в ЖБД 3-й ТГр о том, что первой к Алитусу вышла 7-я танковая дивизия, противоречит всем другим известным источникам.

со смешком командир нашего танка унтер-офицер Делер после того, как в очередной раз вытащил голову из бадьи с водой».

Почти в таких же выражениях описано взятие Алитуса и в «Истории боевого пути» 21-го танкового полка 20-й танковой дивизии:

«Убийственная скорость и болотистая местность привели к тому, что во второй половине первого дня войны только слабые части 1-го и 2-го батальона дошли до Алитуса. Удалось предотвратить взлет нескольких русских самолетов, кроме того были перестрелки у аэродрома и на опушке леса. Воздушная разведка обнаружила в лесу несколько больших танков (вероятно, речь идет о Т-34 из состава 5-й тд. – *М.С.*)*, однако они так и не появились. Ночью полк вместе с 20-м мотоциклетным батальоном дивизии охранял высоты у плацдарма в Алитус. Ночью в городе блуждал один русский танк, в остальном все было спокойно…»*

На обстоятельства захвата немцами аэродрома можно взглянуть и с другой стороны фронта. В отчете подполковника Морозова, командира 86-й авиабазы (именно она обслуживала аэродром в Алитус) читаем: *«В промежуток времени примерно от 14 до 16 часов 22.6.41 с командного пункта наблюдали движение колонны танков в направлении на Алитус. Приняв колонну танков противника за свои танки, продолжали занимать оборону аэродрома. Мост через реку Неман не был взорван, и танки противника, пройдя беспрепятственно через мост, вошли в городок мотополка, в тыл левого фланга авиабазы и аэродрома. Связи с частями не было. В 3.30* (так в тексте, очевидно, имеется в виду 15.30) *22 июня, получив донесение от бойцов строительного батальона № 181, убегавших от пулеметного огня, а также и от сержанта базы Белоусова, что танки противника появились в городке мотострелкового полка, немедленно приступили к эвакуации… В Каунас база сосредоточилась в 19.00 22.6.41».* По состоянию на 28 июня, после нескольких «эвакуаций» в строю осталось 66 человек личного состава. Убитых – 1, ранено – 3, пропало без вести – 242. **[363]**

Откуда же возникла необходимость захоронения 18 немецких солдат? Разумеется, не все и не сразу приступили к «перебазированию», кто-то еще и стрелял. Существовал мотострелковый полк 5-й танковой дивизии. Не стоит забывать и о том, что – если верить оперативным сводкам штаба СЗФ – вечером 22 июня к Алитусу вышла целая стрелковая дивизия (126-я сд), и не просто вышла, а «удерживала предмостный плацдарм». Наконец, был и упомянутый выше 5-й артполк и его 24 гаубицы, надежно укрытые в лесу. Полк, если верить ЖБД, активно и много стрелял:

«22 июня 1941 г.

5.20. Огневые взводы и взводы управления 1, 2, 3, 4, 5, 6-й батарей заняли огневые позиции на западной опушке леса 1,5 км вост. Швабишки, а в 16.00 открыли огонь по скоплениям мотомехчастей и пехоты противника в г. Алитус, его окраинам, по берегам р. Неман и по южному мосту через р. Неман города Алитус, в результате чего задержано продвижение мотомехчастей противника; последний пришел в замешательство и понес большие потери».

После того, как «северная группа» 5-й танковой дивизии стремительно откатилась от Муйженай на восток, потенциальными участниками боя остались только артполк дивизии и группа танков (состав и численность группы определить пока не удается), сосредоточенных у «южного» моста через Неман; именно там и развернулись главные события дня.

Несмотря на то что отставшая на марше 7-я танковая дивизия вышла к Канюкайскому мосту не ранее 17–18 часов (т. е. через 12–14 часов после начала войны и спустя 3–4 часа после захвата города и северного моста передовыми подразделениями 20-й танковой дивизии), мост взорван не был. Одно из возможных объяснений этому приведено в статье Егелявичуса: *«Среди местного населения ходили рассказы о том, что Канюкайский мост спас*

от разрушения молодой парень, член антисоветского подполья. После выхода советских танков на восточный берег Немана он обнаружил проложенные в мелком кустарнике на скатах шоссе провода, ведущие к мосту (в те времена между рекой и шоссейной дорогой находились 3 усадьбы, так что ходить по этой местности было относительно безопасно). Во время налетов немецкой авиации на г. Алитус, когда стало ясно, что действительно началась война, он вырезал и оттащил в сторону несколько метров проводов». **[348]** Притащить назад «несколько метров провода» оказалось некому (тут еще уместно вспомнить про «План разрушения мостов», который 18 июня было приказано разработать и утвердить к 21 июня).

Длинная «стальная лента» немецких танков поползла вверх по склону высокого восточного берега и оказалась под огнем спрятанных в засаде танков и гаубиц артполка. Дальнейший ход событий логичной и внятной реконструкции не поддается. Вероятно, единственным не вызывающим сомнений фактом является то, что на месте боя остались подбитые и сгоревшие танки. Дюжина немецких и в 2–3 раза большее количество советских. В известном (опубликован еще в 1988 г. в ВИЖе и затем процитирован сотнями авторов) донесении штаба 3-й ТГр сказано, что 7-я танковая дивизия в ожесточенном бою у Алитуса потеряла 11 танков, в том числе 4 т. н. «тяжелых» (т. е. Pz-IV).

На третий день войны по Канюкайскому мосту проследовало на восток подразделение военной разведки вермахта, в составе которого находился переводчик, бывший офицер литовской разведки Б. Аушротас; в своих воспоминаниях он пишет:

«Миновав мост через Неман, нам пришлось преодолеть крутой подъем метров 100 или даже более. Добравшись до плоской вершины этой возвышенности, мы увидели настоящее кладбище танков… Сойдя из автомобилей, мы подсчитали свои и вражеские потери. Мне удалось насчитать около 30 советских Т-34 или похожего типа танков. Немецких танков там находилось около 12-ти… Затруднительно объяснить – почему бронетанковые силы большевиков потерпели здесь поражение… Я не заметил следов действия [немецкой] *авиации в помощь своим танковым частям. На поле боя не было глубоких воронок, остающихся после взрыва бомб».* **[348]**

Гаубичные снаряды 152-мм калибра также могли бы оставить вполне заметные воронки (вес снаряда 40 кг, а вес самой массовой немецкой авиабомбы – 50 кг), но их не видно – ни в мемуарах Аушротаса, ни на сохранившихся фотографиях поля боя у Канюкайского моста. И это также «затруднительно объяснить», учитывая, что в ЖБД 5-го гаубичного полка огонь ведется адский:

«17.00. Для уничтожения прорвавшихся танков в район обороны дивизии и поддержки контратаки своих танков по приказанию командира полка майора Комарова 2-я батарея – командир батареи лейтенант Фомин – заняла боевой порядок в районе Канюкай, откуда разрушала южный мост г. Алитус и вела огонь прямой наводкой по огневым точкам противника, расположенным по восточному (так в тексте. – *М.С.*) *берегу р. Неман, уничтожив одно вражеское орудие; остальные потери из-за дыма и огня установить не было возможности. Силы противника в этом бою полностью не установлены, но обнаружен переход через южный мост г. Алитус до 60 танков. Командиры 1, 3, 4, 5, 6-й батарей заняли НП на восточном берегу р. Неман и поддерживали контратаку 9-го и 10-го танковых полков с закрытых огневых позиций*[121]*. Эта задача командирами батарей выполнена блестяще».* **[364]**

[121] В переводе на понятный неспециалисту язык эта фраза означает следующее: орудия стояли в 7–8 км от поля боя, и расчеты орудий поле это не видели; командиры батарей находились в непосредственной близости от поля боя и по телефону или рации корректировали огонь.

Участие в бою у Алитуса немецкой артиллерии описано в боевых донесениях частей 7-й тд скупыми словами, без блеска:

«78-й артиллерийский полк

Утреннее донесение от 01.00 23.06.41

...При наступлении до г. Алитус артиллерия, быстро выдвигая вперед отдельные орудия, подавляет сопротивление противника… Затем 1-й и 2-й дивизионы были переданы танковому полку для наступления с целью расширения правого (т. е. южного. – *М.С.*) *плацдарма. В течение боев сегодняшнего дня подразделениями полка были уничтожены или подбиты 12 танков противника.*

Потери: 1 ранен, 2 убитых, пропавших без вести нет.

42-й противотанковый батальон

КП дивизиона, 01.00 23.06.41

...1-я рота противотанкового дивизиона (12 орудий; скорее всего, это были 37-мм «колотушки», но не исключено и наличие нескольких единиц 50-мм пушек. – *М.С.*) *была подчинена 25-му танковому полку и подбила во второй половине дня 17 танков восточнее Алитуса. 2-я рота дивизиона была резервом группы Бойнебурга без каких-либо боевых действий. 3-я рота дивизиона принимала участие в боях группы Бойнебурга до Кальварии и затем в группе Ротенбурга* (т. е. совместно с танковым полком. – *М.С.*) *до Алитуса, при этом 1-й взвод в получасовом бою атаковал значительно более сильное русское подразделение, отбил у противника 6 машин и взял 9 пленных.*

Потери: лейтенант Флониг (неразборчиво)*, 2 унтер-офицера ранено».* **[365]**

Конечно, приведенные в боевых донесениях цифры потерь за прошедший день обычно неполны (неизбежное запаздывание информации). Более точными следует признать сведения о воинских захоронениях. На участке примерно в 1 км к востоку от Канюкайского моста похоронено 23 военнослужащих вермахта: 4 из разведбата 7-й танковой дивизии, 1 сапер и 18 из 25-го танкового полка дивизии. **[348]** С учетом таких потерь личного состава цифра в 11 потерянных танков отнюдь не представляется «заниженной», скорее наоборот – в общий перечень были, вероятно, включены подбитые и временно поврежденные машины, включая выходы из строя по техническим причинам (что для чешских танков в тяжелых дорожных условиях было достаточно распространенным явлением).

Еще одним, хотя и косвенным, способом оценить достоверность сообщения о потере 11 танков в бою у Алитуса является анализ динамики и хронологии потерь 7-й тд в первый месяц войны. В донесении штаба 3-й ТГр от 7 июля безвозвратные потери 7-й тд на 30 июня (т. е. уже после завершения сражения за Минск) составляют всего 25 танков (в том числе 4 Pz-IV, т. е. приходится предположить, что или дивизия не потеряла в боях 23–30 июня ни одной «четверки», или же донесение о потерях в бою у Алитуса включало и поврежденные, пригодные для ремонта танки). **[366]** Три недели спустя, к 21 июля, безвозвратные потери танков дивизии составили (без учета потерь «двоек») 46 единиц, в. т. ч. 5 Pz-IV. **[367]** В среднем 7-я танковая дивизия вермахта в первый месяц войны безвозвратно теряла 1,5–2 танка в день, и на этом фоне становится понятным, почему «сражение у Алитуса» вошло в сводку Танковой группы и было направлено еще выше, в штаб Группы армий «Центр».

Потери советских танков у Алитуса в ЖБД 3-й ТГр оценены в 70 единиц, цифра эта зачеркнута, и в следующей фразе она увеличивается до 80. **[353]** Вот только где и как были потеряны эти танки, и не нужны ли кавычки у слова «потеряны»? Аушротас в своих мемуарах пишет про 30 советских танков, застывших на поле боя у Канюкайского моста. Да, память может подвести человека, но и сведения о воинских захоронениях названную цифру косвенно подтверждают: на местности примерно в 1 км от берега остались захоронения 39 красноармейцев. Тут, однако, надо еще учесть, что по рассказам местных жителей, принимавших участие в погребении советских солдат, из некоторых сгоревших танков извлека-

лись лишь обугленные останки, и они хоронились непосредственно возле танков; эти безымянные могилы впоследствии не были учтены при переписи воинских захоронений. **[348]** В любом случае, наблюдается определенное сходство в печальной пропорции потерь танков и танкистов (11 и 18 у немцев, 30 и более 39 на советской стороне).

С некоторыми натяжками можно допустить, что в бою у Канюкай были потеряно не 30, а 35, 40, 45 советских танков. Куда же делись остальные? В районе Муйжеленай стояли обгоревшие остовы 4–5 танков, попавших под удар немецкой авиации. До отметки в 80 единиц еще очень далеко. Самое простое и правдоподобное предположение состоит, на мой взгляд, в том, что в районе Алитуса и его окрестностях немцы реально обнаружили 80 советских танков и с чистой совестью объединили в общей сумме подбитые в бою и брошенные без боя танки; да и в конце концов, разве брошенный танк противника не является законным трофеем?

Была ли использована главная ударная сила 5-я тд, 50 танков Т-34? Основанием для отрицательного ответа на такой вопрос может служить не только конечный результат боя (трудно представить себя ситуацию, когда встреча Т-34 с легкими «чехами» могла бы закончиться так), но и отсутствие каких-либо упоминаний о новом, неизвестном типе советского танка в документах вермахта. Ни в ЖБД 3-й ТГр, ни в документах 7-й танковой дивизии и ее подразделений (включая, что весьма показательно, донесения противотанкового батальона!) нет ни слова про появление на поле боя незнакомого танка противника. На известных фотографиях подбитых у Канюкайского моста танков Т-34 не видно.

Что же касается процитированных выше воспоминаний Аушротаса («*около 30 советских Т-34 или похожего типа танков*»), то, скорее всего, за Т-34 он принял танки весьма похожего внешне типа, а именно БТ-7 (основной по численности танк в 5-й тд). То, что сразу же бросается в глаза стороннему наблюдателю – сильное смещение башни в носовую часть танка, большие, «на всю гусеницу» катки, наклонные листы корпуса, коническая форма башни – у этих танков весьма схожи; для того, чтобы отличить БТ-7 от Т-34, надо смотреть внимательно, да еще и знать, на что смотреть. Не будем забывать и о том, что на третий день войны Аушротас представлял себе внешний вид «тридцатьчетверки» гораздо хуже, чем любой современный школьник, сотни раз видевший этот танк в кино, в парке, в книжке, на открытке ко Дню Победы…

Как бы то ни было, но даже после потери 80 танков на вооружении 5-й танковой дивизии должно было оставаться еще порядка 170 танков. По количеству это больше, чем было в любой из танковых дивизий 1-й ТГр вермахта, по качеству (с учетом наличия несколько десятков Т-34) – значительно лучше. Однако боевой путь 5-й тд, столь успешно начатый в дни Великого Освободительного похода, столкновением с немецкими танками у Алитуса закончился. Да, формально дивизия еще числилась в перечнях боевого состава, но организованного и боеспособного соединения уже не существовало. В Журнале боевых действий Северо-Западного фронта об этом сказано вполне откровенно: *«Части 5 тд, бомбардированные неоднократно с воздуха, приняли бой* [против] *мото-мехчастей противника, потерпев поражение, начали неорганизованный отход из района Алитус на Каунас и Вильно».* **[368]**

От Алитуса на Вильнюс немецкие танковые дивизии прошли двумя маршрутами: 20-я тд двигалась по проселочной дороге через Онушкис, Рудишкес, обходя с северо-запада непроходимый лесной массив (Пуща Рудничка), лежащий к югу от Вильнюса; 7-я тд пошла строго на восток, через Даугай, Валькининкай, выходя через лесной массив на т. н. «тракт Пилсудского» (дорога Гродно, Эйшишкес, Вильнюс). К вечеру 23 июня обе дивизии вышли к пригородам Вильнюса, пройдя за день порядка 70–80 км – факт, однозначно свидетельствующий об отсутствии организованного сопротивления. В то же время, насколько можно

судить по ЖБД 3-й ТГр, на каждом из маршрутов произошли столкновения с разрозненными остатками 5-й танковой дивизии:

«23 июня, 09.00.

7-я танковая дивизия 39-го танкового корпуса переходит в наступление на Валькининкай, «тракт Пилсудского» с плацдарма у Алитус, у которого все еще ведется одиночная стрельба. После освобождения моста у Алитус и обеспечения горючим 20-я танковая дивизия также должна выдвинуться в направлении Бутримонис.

12.40.

7 тд под Валькининкай опять встречает отдельные танки противника и после короткого боя продолжает марш на восток до «тракта Пилсудского», чтобы вдоль этой дороги двигаться на Вильнюс.

18.30.

7 тд ведет бой с противником на юго-западе от Вильнюса. Войти в город этим вечером уже не удастся.

24 июня, 07.50.

7-я танковая дивизия провела вечером 23.06.41 успешный бой юго-западнее Вильнюса и вошла в город, который к этому времени был уже оставлен противником… На маршруте продвижения 20-й танковой дивизии на Рудишкес, Вильнюс противник в полной неразберихе бросил большое количество самолетов и орудий. 20-я танковая дивизия, продвинувшаяся вечером 23.6 до Рудишкес (юго-западнее Вильнюса), 24 июня осуществляет продвижение через Тракай, южная окраина Вильнюса в направлении на Ошмяны…» **[353]**

В «Истории боевого пути» 21-го танкового полка 20-й тд марш к Вильнюсу описан так:

«Около 9 часов 23 июня полк выходит на Вильнюс. В боевом порядке 1, 2, 3-го батальонов начинается дикая гонка, и полк сильно растягивается. 5-я рота встречает в Онушкис и вокруг него танки противника, подбивает несколько, другие уходят. 2-й батальон подвергся пулеметным и бомбовым атакам с воздуха, которые, однако, не причинили вреда. У Рудишкис 1-й батальон наталкивается на сопротивление противника, подбивает 2 танка и поражает стрелков. 3-й батальон в бою в районе Рудишкис (этот бой упомянут и в Оперативной сводке № 5 штаба СЗФ как действия 5-й танковой дивизии. – *М.С.*) *теряет два Pz-IV и подбивает несколько танков противника. Это были первые потери танков в полку* (еще одно подтверждение отсутствия боя и потерь при захвате «северного» моста и аэродрома в Алитус. – *М.С.*)».

И на этот раз никаких упоминаний о встрече с танками Т-34 нет. Первый танк этого типа был обнаружен гораздо позднее, в Минске, и это событие, конечно же, нашло отражение в Истории полка: *«29 июня около 9.30 штаб полка и 2-й батальон вошли в почти полностью сгоревший город… В городе полк видел первый подбитый Т-34. Было удивление по этому поводу, так как мы не подозревали о существовании такого типа танков. Полк в дальнейшем встречал эти танки чаще, чем ему того хотелось».*

24 июня первыми в Вильнюс вошли подразделения 7-й тд. В донесении штаба противотанкового батальона дивизии это событие – захват первой с начала войны столицы «союзной республики» – описан вполне буднично: *«1-я рота вместе с усиленной ротой мотоциклистов внезапным ударом завладела между 5-ю и 6-ю часами Вильнюсом. Захвачен был также местный аэродром с более чем 30-ю самолетами».* **[369]** В 9-30 в город вошел и 1-й батальон танкового полка дивизии. Потери 7-й тд за два дня (23 и 24 июня) наступления от Алитуса до Вильнюса составили: 1 убит, 6 ранено в мотоциклетном батальоне, 5 убито, 26 ранено в разведбате, 5 убито, 15 ранено, 4 пропало без вести в танковом полку; донесения других частей и подразделений дивизии не содержат информации о потерях. **[370]**

Гораздо большие потери противник понес лишь на страницах ЖБД 5-го гаубичного полка:

«18.00. Полк с боем достиг опушки леса ст. Понары (т. е. с вечера 22 июня прошел более 75 км. – *М.С.*)*, где занял боевой порядок и открыл огонь прямой наводкой по прорвавшимся танкам и мотопехоте противника силой до одного танкового полка с артиллерией и пехотой. Противник, увлекшись преследованием, не успел полностью развернуться в боевой порядок; полк открыл ураганный огонь, в результате чего полком уничтожено до двух батальонов вражеских танков, 4 батареи ПТО, 4 минометных батареи, 6 крупнокалиберных пулеметов. Наши потери: уничтожено 12 орудий с тракторами».* **[371]**

Краткий итог боевых действий 5-й танковой дивизии подведен 2 июля 1941 г. в донесении начальника Автобронетанкового управления СЗФ следующим образом:

«С 4.15 до 9 часов 22 июня части неоднократно подвергались бомбардировке авиацией противника (универсальная «отмазка», сначала – для советских командиров, затем и для советских «историков». – *М.С.*)*, и к концу дня 5-я танковая дивизия была окружена противником* («окружить» могла только 20-я тд, личный состав которой купался в это время в бочке и не потерял в бою ни одного танка. – *М.С.*)*. В ночь на 23.6.41 г. 5-я тд с остатками танков (38) и гаубичным артиллерийским полком вышла из окружения и сосредоточилась в районе лесов 10–15 км юго-восточнее Вильнюс. 24.6.41 г. в районе Вильнюс была окружена противником и рассеялась. Оставшиеся бойцы и командиры только 26.6.41 г. стали появляться в районе Полоцк* (200 км к северо-востоку от Вильнюса. – *М.С.*) *и 30.6.41 г. в районе Псков. Материальная часть боевых машин полностью уничтожена или оставлена на территории противника…»* **[372]**

Строго говоря, донесение это свидетельствует лишь об отсутствии в штабе Северо-Западного фронта информации о состоянии и местонахождении остатков дивизии (каковое отсутствие, в свою очередь, свидетельствует о полном и окончательном развале дивизии). Судя по имеющимся крохам достоверных данных, остатки дивизии откатывались не на северо-восток (к Полоцку и Пскову), а на юго-восток, к Молодечно, в полосу Западного фронта. Если верить ЖБД 5-го гаубичного полка, в полдень 25 июня оставшиеся орудия и люди оказались в г. Сморгонь (75 км юго-восточнее Вильнюса), затем, к 18–00 26 июня, отошли в Молодечно (40 км по шоссе от Сморгонь); 27 июня остатки полка (три огневых взвода с 5 гаубицами) вышли к р. Березина у г. Борисов – ошеломляющий темп марша для тяжелых орудий, буксируемых тихоходными гусеничными тягачами, ибо от Молодечно до Борисова по кратчайшей дороге через Вилейка, Плещеница набирается более 140 км.

Генерал армии С.П. Иванов (на момент начала войны – подполковник, заместитель начальника штаба 13-й Армии Западного фронта) в своих мемуарах пишет о том, что в расположении штаба Армии у г. Молодечно командир 5-й танковой дивизии полковник Ф.Ф. Федоров с группой танков и бронемашин оказался уже ранним утром 24 июня. **[373]** От Алитуса до Молодечно 170 (сто семьдесят) км по прямой; если Федоров смог осуществить такой марш-бросок за одни сутки, то это означает, что у Вильнюса его не было, и свою дивизию он бросил уже где-то рядом с Алитусом. Хотелось бы думать, что автора мемуаров подвела память и на самом деле командир отступал вместе с остатками своей дивизии, а описанная встреча в штабе 13-й Армии у Молодечно произошла на рассвете 25, а не 24 июня. Увы, в Боевом приказе № 1 штаба 13-й Армии от 24 июня упомянута (ей поставлена боевая задача) 5-я танковая дивизия. **[374]** Это дает серьезные основания предположить, что генерал Иванов не ошибся и к утру 24 июня командир 5-й тд действительно добежал до Молодечно[122].

«Это непоправимая беда, – сокрушался танкист, – *и мне придется расплачиваться за нее головой».* Так описывает С.П. Иванов свой разговор с Федоровым, но в этом прогнозе командир дивизии радикально ошибся. В общем хаосе катастрофы двух фронтов (Северо-

[122] Бежал он, конечно же, не один. В оперативной сводке № 4 штаба ЗФ от 10.00 24 июня читаем: *«Вся дорога от Вильнюс до Молодечно забита отходящими подразделениями пехоты, артиллерии и танков».*

Западного и Западного) «мелкий эпизод» с разгромом одной из многих танковых дивизий остался незамеченным. После официального расформирования 5-й тд (это произошло 18 июля) Федоров некоторое время командовал другими соединениями, а затем оказался в глубочайшем тылу (Уральский ВО), в должности начальника Соликамского военного училища.

Через несколько лет после разгрома 5-й танковой дивизии стали известны удивительные подвиги ее командира. В представлении на награждение орденом Отечественной войны 1-й степени, подписанном заместителем командующего УрВО 5 июля 1944 г., сообщается, что тов. Федоров Федор Федорович *«26 июня 41 года в бою на Сев. Зап. Окраине г. Вильно лично из своего командирского танка уничтожил 6 танков противника. 5.7.41 года, будучи раненным в бою под Ст. Крупки (Белорусская ССР), не покинул поля боя и продолжал раненный командовать дивизией. В течение 2-х месяцев начала Отечественной войны под натиском превосходных сил противника, при больших потерях в людях и технике, командуя танковой дивизией, сдерживал наступление противника, чем дал возможность командованию Западного фронта подтянуть* [резервы] *и остановить противника в районе Смоленска и Ельни».* Вот, оказывается, что позволило остановить немцев у Смоленска! Не пять Армий Второго стратегического эшелона, а сокрушительные удары растаявшей за первые два дня войны дивизии Федорова…

Правды ради сразу же отметим, что и своих подчиненных тов. Федоров не забывал. Так, 6 октября 1943 г. он подписывает представление к награждению золотой звездой Героя Советского Союза командира танка взвода управления своей бывшей дивизии. Оказывается, *«25 июня 1941 года, будучи командиром танка командования 5 тд, в бою под Рудзишки (20 км юго-западнее Вильно) тов. Н. уничтожил из танка командира дивизии 12 танков противника. Ведя бой, в дальнейшем т. Н. в этот же день уничтожил еще 3 танка противника и 10 противотанковых орудий. Отважный стрелок танкист т. Н. внес полное расстройство в наступавший передовой отряд 19 ТД противника и дал полную возможность командованию дивизии организовать оборону города Вильно и взять в руки управление дивизии в бою. Благодаря умелым и геройским действиям экипажа противник был задержан на 2-е суток крупными силами. Весь СССР, благодаря выпущенным Сов-информбюро плакатам, знает о геройском поступке т. Н. и о его отваге в первые дни Отечественной войны».*

Упоминание о плакате связано, видимо, с тем, что других документальных подтверждений не нашлось. Надеюсь, внимательный читатель уже оценил и дату боя, и номер вражеской дивизии, и остановленные у Вильнюса на 2 суток немецкие танки. От себя добавлю, что по состоянию на 30 июня 1941 г. (т. е. уже после ожесточенного сражения на подступах к Минску) безвозвратные потери 20-й немецкой танковой дивизии составили: 5 Pz-IV, 7 Pz-38(t), 3 Pz-I. **[366]**

Если такое писалось в официальных документах, то стоит ли удивляться тому, что в начале XXI века в России под видом «исторического исследования» г-н Д. Егоров публикует следующее:

«Захват Алитуса дался фашистам отнюдь не «малой» кровью, что бы там Гот в своих мемуарах ни преуменьшал. Немцы выиграли сражение, но о своих истинных потерях почему-то умолчали. 23 июня штаб ГА «Центр» никаких данных о потерях 3-й ТГр не получил. Почему Гот в мемуарах и его штаб – в донесениях – смолчали о потерях за 23 июня, вот в чем вопрос? Единственное, что можно предположить, – то, что победа была «пирровой». Полсотни имевшихся в советской дивизии Т-34 никак не могли не «испортить праздник» привыкшим к легким победам танкистам вермахта, но Гот их у Алитуса словно не увидел. Сведения (правильнее сказать – опубликованные в СССР мемуары. – *М.С.*) *Ротмистрова о подбитых и сожженных только 22 июня 170 танках и бронетранспортерах противника историки дружно посчитали десятикратным преувеличением. А почему обязательно десяти-, а не двух– или трехкратным? В чем, собственно говоря, дело? Нам*

мало выпало унижений за тот страшный июнь? К чему я это все говорю? Чтобы подвести читателя к мысли: нас разыграли, нас «сделали, как сельских». ИХ потери в бою за Алитус НЕ МОГЛИ ограничиваться только 11 машинами…»

За Неманом

Продвижение 39-го танкового корпуса вермахта к Вильнюсу сдерживали плохие дороги и 5-я танковая дивизия; сколь бы ограниченным ни было это противодействие, оно привело к некоторому замедлению темпа марша (все ж таки взять Вильнюс вечером 23 июня немцам не удалось, а подтягивание к городу отставших подразделений 7-й и 20-й танковых дивизий заняло весь день 24 июня). В распоряжении 12-й танковой дивизии 57-го танкового корпуса было шоссе Меркине, Ораны, Эйшишкес и практически не было вооруженного противника.

Да, теоретически в Оранах была 184-я стрелковая дивизия и 429-й гаубичный полк РГК; на практике же дивизия, сформированная из военнослужащих бывшей литовской армии, частично разбежалась, некоторые перешли с оружием в руках к немцам, всех оставшихся командование СЗФ спешно отвело на восток. Что же касается артполка (а это как минимум 36 гаубиц калибра 152-мм), то он исчез «по-английски», не прощаясь – ни в советских, ни в немецких документах нет ни слова об его участии в боевых действиях. В результате к исходу дня 23 июня немецкие танки вышли к дороге Вильнюс, Лида в районе Вороново, а еще через день передовая группа 12-й танковой дивизии была уже в Гольшанах (45 км восточнее Вороново).

Неожиданный и быстрый успех снова оживил старые споры о глубине и направлении наступления 3-й Танковой группы: *«При обсуждениях плана «Барбаросса» командование Группы армий «Центр» и 3-й ТГр имели разные точки зрения по поводу продолжения операции после форсирования Немана. 3-я Танковая группа намеревалась сразу же прорываться к Западной Двине, не втягиваясь в выполнение второстепенных задач… По достижении Вильнюса 24 июня командование 3-й ТГр, продолжая придерживаться мнения о том, что части противника отошли на восток и их необходимо преследовать вплоть до Западной Двины, попыталось через офицера связи командования ГА «Центр» донести свою точку зрения до командования ГА. Командование Группы армий не изменило своего распоряжения о продвижении с задачей для 3-й ТГр занять высоты в районе Минска».* **[353]**

Приказы положено выполнять, и моторизованные соединения 3-й Танковой группы начали разворачиваться на юго-восток для наступления на Минск вдоль дорог Гольшаны, Воложин и Сморгонь, Молодечно. К утру 25 июня первый эшелон 3-й ТГр в основном покинул территорию Литовской ССР и продолжил наступление, оказавшись в глубоком тылу войск Западного фронта. А снесенные ураганом немецкого наступления дивизии южного крыла Северо-Западного фронта все еще продолжали катиться на восток, рассыпаясь на мелкие и стремительно исчезающие обломки.

Вечером 24 июня штаб СЗФ отошел в Даугавпилс (155 км северо-восточнее Вильнюса), направив перед этим в 11-ю Армию приказ отвести остатки войск на рубеж Кедайняй, Швенченис (35–70 км к северо-востоку от линии Каунас, Вильнюс); авиации фронта было приказано «*разгромить все военные объекты в Кенигсберг, Данциг и Мемель и мосты через р. Неман».* **[375]** Выполнять эти приказы (и даже просто транслировать их в нижестоящие штабы) было уже некому. 26 июня в 20–35 командование СЗФ докладывало в Москву: *«5-я, 33-я, 188-я, 128-я стрелковые дивизии неизвестно в каком состоянии и где находятся. Много отставших и убежавших, задерживаемых* [на] *направлении Двинск. Много брошено оружия. 11-я Армия не является организованным боеспособным соединением».* **[376]**

За несколько часов до этого (в 16–25) в Генштаб поступила подписанная всеми тремя членами Военного совета СЗФ шифрограмма следующего содержания: *«Народному комиссару обороны СССР. По ряду явных фактов штаб 11-й Армии попал в плен или пленены* (так в тексте. – *М.С.*) *шифродокументы. На протяжение двух дней от штаба 11-й Армии идут сфабрикованные шифротелеграммы. Высылаемая мною неоднократно разведка (23, 24, 25) не могла войти в связь со штабом 11-й Армии…»* **[377]** Через несколько дней штаб 11-й Армии нашли; в плену он не был, просто его донесения так сильно отличались от ожиданий штаба фронта (не говоря уже про довоенные планы оборонительной операции в Прибалтике), что их сочли немецкой фальшивкой…

Глава 3.3
Брест

Слова «Брест», «Брестская крепость» первыми всплывают в памяти у советского/российского читателя, когда речь заходит про начальный период войны. Не будем и мы пытаться нарушить устойчивую традицию, и рассмотрение боевых действий войск Западного фронта начнем с брестского направления, т. е. с истории разгрома 4-й Армии. История эта может служить чрезвычайно наглядной иллюстрацией к загадкам «большой игры», которую вел Сталин в июне 41-го года, и к ее (игры) последствиям.

«Основным недостатком планов являлась их нереальность…»

Во всех известных вариантах плана стратегического развертывания, разработанных зимой – весной 1941 г., левый (южный) фланг Западного фронта должен был стать направлением одного из главных ударов Красной Армии. В частности, на карте от 15 мая, собственноручно подписанной Василевским, отчетливо видны две красные «стрелы», которые от южного обвода «Белостокского выступа» тянутся к Варшаве и Демблину. (Рис. 26.) На каждом из этих двух операционных направлений предполагалось развернуть по одной Армии (13-я и 4-я), причем 4-я Армия (штаб в г. Кобрин) должна была быть самой мощной (в ее состав предполагалось включить два мехкорпуса).

Направленность боевой подготовки командования и штабов 4-й Армии вполне соответствовала таким планам. Генерал-полковник Сандалов (накануне войны – полковник, начальник штаба 4-й Армии) в своем военно-историческом исследовании, под грифом «секретно» напечатанном в 1961 г., без тени смущения или сомнения пишет:

«Все предвоенные учения по своим замыслам и выполнению ориентировали войска главным образом на осуществление прорыва укрепленных позиций. Маневренные наступательные действия, встречные бои, организация и ведение обороны в сложных условиях обстановки почти не отрабатывались… В марте-апреле 1941 года штаб 4-й Армии участвовал в окружной оперативной игре на картах в Минске. Прорабатывалась фронтовая наступательная операция с территории Западной Белоруссии в направлении Белосток, Варшава…

В конце мая проводилась армейская полевая поездка, закончившаяся игрой на картах. Проигрывалась наступательная операция из района Пружаны, Антополь, Береза-Картузская в направлении Брест, Бяла-Подляска… Накануне войны 21 июня 1941 года закончилось проводимое штабом армии двухстепенное командно-штабное учение 28-го стрелкового корпуса на тему «Наступление стрелкового корпуса с преодолением речной преграды»…

На последнюю неделю июня штаб округа подготавливал игру со штабом 4-й армии также на наступательную операцию. Кроме того, проводимые мероприятия, особенно формирование механизированных корпусов и артиллерийских полков РГК, были подчинены только интересам наступления, без учета, что им придется вести и оборону…» **[378]**

Кстати, об артполках РГК. Командованию 4-й Армии с началом войны должен был быть оперативно подчинен 120-й гаубичный полк большой мощности РГК, «старый» кадровый полк (сформирован в 1929 г.), успевший принять участие в двух «освободительных походах» (в Польше и Буковине). Настроение офицерского состава вполне соответствовало планам высшего командования – за несколько дней до 22 июня 1941 г. замполит полка, батальонный комиссар Русаков объяснял женам командиров «текущий момент» такими словами:

«Ну что вы волнуетесь? Плохо вам здесь живется?[123] *Начнется заваруха – будете жить в Варшаве или Берлине».* **[379]**

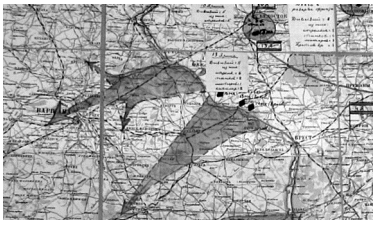


Рис. 26. «Майский вариант», карта подписана Василевским 15.05.1941 г.

При всем при этом фактическое состояние 4-й Армии к середине июня 1941 г. было удручающим. В составе «ударной армии» числилось всего четыре стрелковые дивизии и один (14-й) мехкорпус, укомплектованный легкими и технически устаревшими танками Т-26, да и то на половину штатной численности. Предназначенная для включения в состав 4-й Армии 100-я стрелковая дивизия находилась в районе Минска и по плану должна была прибыть в полосу 4-й Армии лишь к исходу третьего дня мобилизации; 47-й стрелковый корпус, дивизии которого дислоцировались в районе Барановичи, Слуцк, включить в состав 4-й Армии не планировалось даже на бумаге. Правый сосед (13-я Армия) практически отсутствовал, предполагаемый штаб будущей Армии находился в Могилеве (500 км к востоку от границы), а когда, наконец, штаб 13-й Армии пришел в движение (16 июня), то к Бельску он двинулся каким-то очень странным путем, с остановкой в Новогрудке и дальнейшим перемещением в прямо противоположном от Бельска направлении, в Молодечно…

Но, может быть, стратегические планы высшего командования Красной Армии претерпели радикальное изменение, и в какой-то момент времени между 15 мая и 22 июня появился новый, пока еще не выявленный в архивах план, в рамках которого 4-й Армии предстояло вести упорную оборону? Увы, к обороне 4-я Армия была готова еще хуже, нежели к наступлению. Ни одной противотанковой артбригады в составе 4-й Армии не было (и в этом смысле Армия оказалась единственной на всем протяжении советско-германской границы). Из четырех стрелковых дивизий две (6-я и 42-я) дислоцировались у самой линии пограничных столбов, в Бресте, причем по меньшей мере половина сил и средств этих дивизий были стиснуты на пятачке Брестской крепости – в случае нанесения противником внезапного первого удара эти дивизии были обречены на разгром.

Из трех дивизий 14-го мехкорпуса одна (22-я тд) также находилась у самой границы, в прекрасно просматриваемом с западного берега Буга военном городке южнее Бреста. Безумная самонадеянность дошла до того, что по плану прикрытия 22-я тд должна была выходить в район сосредоточения у м. Жабинка и севернее, т. е. двигаясь на северо-восток от границы, переправиться через р. Мухавец, пересечь дорогу Брест, Кобрин («Варшавское шоссе») и две железнодорожные линии, тем самым парализовав на несколько часов всякое движение в районе Бреста. (Рис. 27.)

Многоопытный штабист, генерал-полковник Сандалов в своей книге, конечно же, воздержался от использования слова «безумие», заменив его двумя роскошными фразами: «*Основным недостатком окружного и армейского планов являлась их нереальность… Такое планирование сосредоточения войск к границе заранее было обречено на провал».* **[378]** Ясно

[123] Жилось хорошо. Л.Н. Лопуховский, сын командира 120 гап, вспоминает: *«Мы жили в добротном каменном доме польского «осадника», который был арестован органами НКВД, а его семья была депортирована. Моя мать после всех мытарств жизни на частных квартирах и в общежитиях была в восторге от дома, к которому примыкал большой ухоженный сад».*

и прямо, по-военному объяснить читателям, что **вторжение противника при разработке плана не предусматривалось**, заслуженный боевой генерал так и не решился.

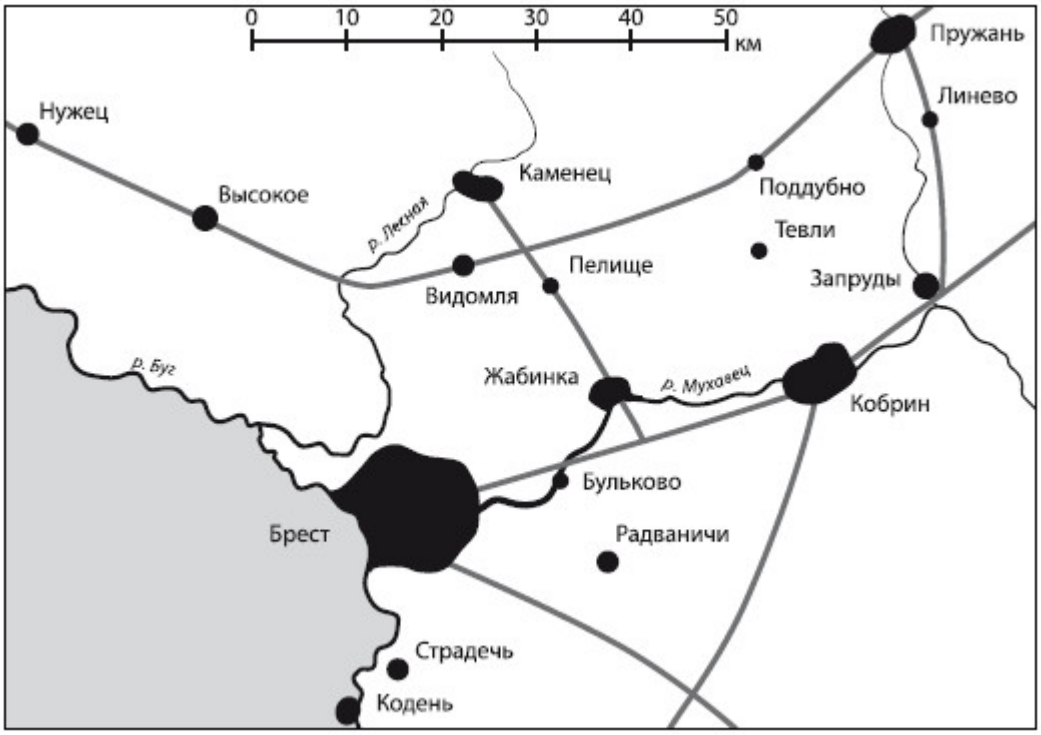


Рис. 27. Район боевых действий 4-й Армии

Противник подошел к делу гораздо серьезнее. В полосе главного удара (главного в масштабе всего Восточного фронта) была сосредоточена самая мощная 2-я Танковая группа: пять танковых дивизий, тысяча танков, в том числе 138 Pz-IV и 381 Pz-III последних модификаций, с усиленной лобовой броней и 50-мм пушкой; полтысячи средних танков на одном операционном направлении – такого у немцев нигде более не было. Из пяти танковых дивизий три (3-я, 4-я и 10-я) имели уже реальный опыт боевых действий. Одним словом, брестское направление стало той единственной точкой на карте Восточного фронта, где у вермахта действительно было и количественное, и качественное превосходство в танках. Пехоты же у южного обвода «Белостокского выступа» немцы сконцентрировали столько, что в первые дни войны это скопище дивизий просто не помещалось на имеющихся дорогах и «дорожных направлениях».

При таком соотношении сил разгром 4-й Армии был, увы, неизбежен. Единственное, что можно было изменить, – это темп разгрома и, соответственно, темп продвижения моторизованных соединений противника в глубь Белоруссии. В решении этой задачи у 4-й Армии было три «союзника». Во-первых, полноводная река Буг, естественная преграда оперативного значения, переместить через которую сотни тысяч людей и тысячу танков, да еще и при наличии активного противодействия, было бы совсем непросто. Во-вторых, 128 (и это минимальная из известных ныне цифр) завершенных строительством ДОТов Брестского УРа, в 49 из которых было уже установлено специальное вооружение и оборудование; сосредоточенные в 10 узлах обороны, они позволяли перекрыть огнем основные дорожные направления в приграничной полосе. В-третьих, лесисто-болотистая местность, труднопроходимая или вовсе не проходимая для колесных машин; фактически в полосе Брест, Барановичи было всего две шоссейные дороги, в ряде мест на десятки километров окруженные непролазной трясиной. (Рис. 13.)

«Сегодня противник от вас за пятнадцать километров. Это, товарищ Момыш-Улы, очень близко, когда нет сопротивления, и очень далеко, когда каждый лесок, каждый бугорок сопротивляются». Такие слова в повести А. Бека «Волоколамское шоссе» произносит легендарный генерал Панфилов[124]. От Бреста до р. Щара не 15, а 150 км по кратчайшей прямой. При названных Панфиловым условиях («*когда каждый лесок, каждый бугорок сопротивляются»*) на этом участке немцев можно было задержать на несколько недель; впрочем, так много и не требовалось, и для развертывания вторых эшелонов войск Западного фронта на естественном оборонительном рубеже р. Щара хватило бы 3–4 дней. В реальности, однако, все произошло совсем по-другому.

Первый день

В отличие от Прибалтийского ОВО (Северо-Западного фронта), где фактический подъем войск по боевой тревоге начался 16–18 июня, ситуация в Западном ОВО столь однозначному описанию не поддается. Первичных документов, доступных для изучения, почти нет или вовсе нет. Журнал боевых действий Западного фронта составлен задним числом и в ситуации, когда у многих действующих лиц появилось серьезное желание «откорректировать» историю разгрома фронта. Если же верить тому, что в 1961 г. писал Сандалов, то в 4-й Армии близорукая (или демонстративная?) беспечность достигла необычайных размеров:

«21 июня ни командование 4-й Армии, ни командиры соединений и частей, ни советские и партийные организации Брестской области не ожидали вторжения немецко-фашистских войск и не думали, что оно произойдет через несколько часов. Поэтому никаких мер по приведению войск в боевую готовность вечером 21 июня на брестском направлении не проводилось. На двое суток раньше, 19 июня, состоялся расширенный пленум областного комитета партии, в котором участвовало большое число армейских политических работников… На вопросы участников пленума, можно ли отправить семьи из Бреста на восток, секретарь обкома ответил, что этого не следует делать, чтобы не вызвать нежелательных настроений…»

Ближе к полуночи командование собралось в помещении штаба Армии в г. Кобрин. Спать в прямом смысле этого слова в ту роковую ночь не пришлось никому. По версии Сандалова, «*примерно в 2 часа ночи 22 июня прекратилась проводная связь штаба армии с округом и войсками. Связь удалось восстановить только в 3 часа 30 минут. Порыв проводов обнаружили наши связисты в Запрудах и Жабинке. После восстановления связи командующий армией получил переданное открытым текстом по телеграфу (БОДО) приказание командующего войсками Западного ОВО о приведении войск в боевую готовность. Одновременно указывалось в первую очередь бесшумно вывести из Брестской крепости «пачками» 42-ю стрелковую дивизию и привести в боевую готовность 14-й механизированный корпус».* **[378]**

Сандалов писал книгу через 20 лет после обсуждаемых событий, арестованный командующий Западным фронтом генерал армии Павлов давал показания через несколько недель после начала войны. В протоколе первого допроса (от 7 июля) события описаны им несколько по-другому:

---

[124] Книга А. Бека, хотя и является по всем формальным признакам литературным, а не научно-историческим произведением, никак не может быть отнесена к разряду «легкой беллетристики». Все основные события в ней реальные, записанные – как сообщает читателю в первых же строках автор – со слов главного героя книги. Сам Бауржан Момыш-Улы – личность абсолютно реальная; он действительно командовал батальоном в дивизии Панфилова, затем полком, закончил войну командиром дивизии, много лет преподавал тактику в военной академии. В Армии обороны Израиля книга А. Бека была включена в перечень обязательной литературы для командного состава, и это не миф.

«Согласно указанию наркома я немедленно вызвал к аппарату ВЧ всех командующих армий, приказав им явиться в штаб армии вместе с начальниками штабов и оперативных отделов. Мною также было предложено командующим привести войска в боевое состояние (здесь и далее выделено мной. – *М.С.*) *и занять все сооружения боевого типа и даже недоделанные железобетонные. Коробков – командующий 4-й Армии, доложил, что у него войска готовы к бою. Боеготовность Брестского гарнизона он обещал проверить. На это я Коробкову указал, что гарнизон должен быть на том месте, где ему положено по плану, и предложил приступить к выполнению моего приказания немедленно. Этот разговор с командующими армий происходил примерно около двух часов ночи.*

В 3 часа 30 мин. народный комиссар обороны позвонил ко мне по телефону снова и спросил: что нового? Я ему ответил, что сейчас нового ничего нет, связь с армиями у меня налажена и соответствующие указания командующим даны. В течение дальнейших 15 минут я получил от командующих следующую информацию: от 4-й армии – «всюду и все спокойно, войска выполняют поставленную вами задачу». На мой вопрос – выходит ли 22-я танковая дивизия из Бреста, получил ответ: «Да, выходит, как и другие части» (выделено мной. – *М.С.*)». **[319]**

Расстреляли и Павлова, и Коробкова. Кто из них был более виноват, уже не узнать никогда, но из Брестской крепости (равно как и из южного военного городка) никто войска не вывел. Там их, спящих в переполненных казармах, и накрыл шквал огня немецкой артиллерии.

Командование вермахта сосредоточило против Брестской крепости мощную группировку артиллерии, соответствующую сложности задачи (*«ядром крепости была ее цитадель, расположенная на острове, омываемом с юго-запада Западным Бугом, а с юга и севера рукавами р. Мухавец. Кольцевой стеной цитадели являлась кирпичная двухэтажная казарма с 500 казематами для размещения войск. Под казематами находились складские помещения, а ниже – сеть подземных ходов… Кольцо бастионов с крепостными сооружениями, казармами и складами являлось внешним прикрытием цитадели. С внешней стороны этого кольца более чем на 6 км тянулся массивный земляной вал десятиметровой высоты, который являлся наружной стеной всей крепости. Земляной вал опоясывался рукавами Западного Буга и Мухавца, каналами и широкими рвами, заполненными водой»*). Кроме собственного артполка штурмовавшей крепость 45-й пехотной дивизии было задействовано три дивизиона тяжелых 210-мм гаубиц и 9 батарей реактивных минометов «Небельверфер» (включая тяжелые с ракетными снарядами калибра 280 мм и 320 мм)[125]. Для разрушения подземных казематов решено было использовать две установки самоходных 600-мм мортир – чудище весом в 126 тонн, способное забросить на 4–6 км снаряды весом от 1,2 до 2,2 тонны.

Конечно, понятия «много» и мало» сильно зависят от того, с какой стороны фронта смотреть на цифры. Немцы считали (о чем можно прочитать в первых же строках доклада командира 45-й пехотной дивизии), что артиллерии у них было мало: *«Артиллерийский план наступления был разработан не столько с расчетом на его действительное воздействие, как на внезапность… Несмотря на многочисленные запросы дивизии, оснащение было недостаточным, и артобстрел не мог быть долговременным… То, что тяжелые реактивные минометы не способны разрушить подвалы и другие укрытия крепости, было известно и неоднократно подчеркивалось командиром дивизии…»* **[380]** Не слишком удачным для немцев оказалось и использование 600-мм мортир. В первый день они произвели совокупно

[125] Примечательно, что Сандалов не проронил о них ни слова – он понимал (или ему напомнили), что надо беречь пропагандистский миф о первой в мире, единственной и несравненной «катюше».

всего 7 выстрелов – после чего обе установки вышли из строя; 23 июня удалась выпустить еще 7 снарядов, 24 июня – 17, два снаряда не разорвались[126].

Все эти, как реальные, так и выдуманные в желании оправдаться за большие потери, недостатки артиллерийской подготовки штурма были с лихвой «компенсированны» тем, как советское командование использовало Брестскую крепость. Сандалов пишет об этом вполне откровенно: «*Большое количество личного состава частей 6-й и 42-й стрелковых дивизий осталось в крепости не потому, что они имели задачу оборонять крепость, а потому, что не могли из нее выйти».* Оно и понятно – всякая крепость строится так, чтобы в нее было трудно войти; вывести под огнем противника многотысячную толпу через «игольное ушко» ворот в крепостной стене было ничуть не легче.

Части двух стрелковых дивизий, а также 33-й инженерный полк, окружной военный госпиталь, подразделения войск НКВД, большое количество начсостава с семьями (!) оказались в ловушке просто потому, что расположенные на расстоянии ружейного выстрела от границы здания крепости решено было использовать в качестве казарменного фонда. Ни два года, проведенные на «освобожденной» территории восточной Польши, ни поток тревожных донесений разведки, который валом шел в последние перед войной дни, не помогли командованию Западного ОВО и 4-й Армии принять очевидное решение и найти для размещения личного состава другую площадку, не у самых пограничных столбов.

На момент начала артобстрела в Брестской крепости находились части 6-й и 42-й дивизий в составе примерно 10 стрелковых батальонов, одного артполка, 4 отдельных батальонов (связь, разведка, ПТО, ПВО); командный состав частично находился в крепости, частично – на квартирах в городе Бресте. В тех подразделениях, где удалось сохранить минимальный порядок и управляемость, командиры пытались выполнить хорошо известную им задачу – по боевой тревоге вывести подчиненных из казарм в районы сосредоточения, каковые районы были все вне крепости, а для 42-й сд так и вовсе в десятке км от крепости. Там, где людей охватила вполне понятная в подобной ситуации паника, толпа беспорядочно бросилась из казарм к воротам. И в том, и в другом случае огромная масса людей оказалась на открытом пространстве, где их беспощадно уничтожал огонь немецкой артиллерии. По многочисленным свидетельствам выживших, весь двор крепости был буквально завален трупами.

Точные цифры потерь сегодня уже не сможет установить никто. Некоторое представление о масштабе разгрома могут дать три цифры из отчета 45-й немецкой пехотной дивизии: в Бресте и Брестской крепости захвачено 14 576 винтовок и 1327 пулеметов, взято в плен 7223 человека. **[380]** Запись в Журнале боевых действий Западного фронта предельно лаконична: *«Две полнокровные дивизии (12 тыс. состава), 6-я и 42-я, сконцентрированные в крепости Брест, понесли большие потери при выходе из крепости и вышли оттуда дезорганизованными, оставив большое количество материальной части и все запасы».* **[381]**

В то время, как две сосредоточенные в районе Бреста дивизии гибли под артиллерийским огнем или превращались в неуправляемую толпу, немцы стремительно и успешно решали свои первоочередные задачи:

«Внезапность, которую оказали на русских огонь артиллерии и реактивных минометов, а также очень энергично проведенное наступление пехоты, привели вначале к следующим результатам:

1) Железнодорожный мост через р. Буг был взят в результате смелой вылазки, взрывчатка удалена, и мост вместе с другим мостом меньшего размера защищен от разрушения. Переход войск по железнодорожному мосту стал возможен.

[126] Еще раз напомню читателю, что при прорыве «линии Маннергейма» было израсходовало, кроме всего прочего, 46 тыс. выстрелов к 203-мм гаубице, 6 тыс. выстрелов к артсистемам особой мощности, 1677 авиабомб ФАБ-500.

2) Наступление 130-го пехотного полка южнее крепости и города Брест-Литовска привело к тому, что до обеда были заняты неповрежденными важные для прохода первой танковой колонны мосты через р. Мухавец юго-западнее и юго-восточнее города; штурмовые лодки 81-го саперного батальона, которые поднялись вверх по течению р. Мухавец, сыграли значительную роль при взятии мостов…

3) Мост через р. Буг на южной окраине крепости был быстро наведен; кроме того 81-й саперный батальон под огнем противника построил 8-тонный временный мост на северной окраине крепости». **[380]**

Журнал боевых действий Западного фронта констатирует: *«Гарнизон крепости Брест (42 и 6 сд) потерпел от авиации и артиллерии противника большой урон, в результате которого 6-я сд принуждена была к 7.00 22.6. отдать с боями Брест, а разрозненные части 42-й сд собираются на рубеже…* (далее идет перечень топонимов в 10–15 км северо-восточнее Бреста)». Строго говоря, все, что немцам было нужно в Бресте – мосты через Буг и выход на Варшавское шоссе – они захватили в первые же часы войны. С другой стороны, все эти достижения оставались под угрозой до тех пор, пока в Брестской крепости оставались не сложившие оружие подразделения Красной Армии.

Попытка взять крепость штурмом не удалась ни в первый, ни во второй день – героические защитники продолжали беспримерно упорное сопротивление вплоть до вечера 29 июня. Даже противник, потерявший в боях за Брестскую крепость 1120 человек убитыми и ранеными – огромная цифра на общем фоне потерь вермахта на Восточном фронте, – не мог не признать мужество ее защитников: *«Русские сражались в Брест-Литовске неимоверно выносливо и стойко, показали отличную солдатскую выучку и в большинстве своем проявили заслуживающую уважения готовность сражаться».* **[380]**

Судьба командования оказалась не менее трагичной. Командир 42-й сд, генерал-майор Лазаренко был арестован и 17 сентября 1941 г. приговорен Военной коллегией ВС СССР к расстрелу[127]. Его признали виновным в том, что *«в первый же момент нападения немецко-фашистских войск проявил растерянность и бездействие, оставил в Брестской крепости часть войск дивизии, вооружение, продовольственные и вещевые склады. Никаких указаний названным частям Лазаренко не дал… Вместо принятия решительных мер к организации отпора врагу самовольно выехал в штаб корпуса для доклада обстановки, оставив в этот ответственный момент сохранившиеся части дивизии без надлежащего руководства».* **[382]** Командир 6-й стрелковой дивизии полковник Попсуй-Шапко до осени 41-го года не дожил; по одним сведениям, он погиб в бою 31 июля, современные же исследователи сообщают, что его арестовали и за разгром дивизии в Бресте расстреляли. **[383]**

Столь же успешно (для противника) началось наступление и на других участках фронта 4-й Армии. Как пишет Сандалов, *«в полосе армии через р. Буг имелось два железнодорожных (в Брест и Семятиче) и четыре дорожных (Дрохичин, Кодень, Домачево и Влодава) исправных и действующих моста. Эти мосты находились под охраной 89-го (брестского) пограничного отряда, который, хотя и был включен в состав Района прикрытия-4, никаких заданий по подготовке этих мостов к разрушению не получил. В результате в первый же день войны все переправы и мосты через реку противник захватил в исправном состоянии».* Так, без боя и сопротивления был потерян естественный оборонительный рубеж реки Буг.

Не многим лучше оказалось и использование рукотворного оборонительного рубежа – ДОТов Брестского УРа. По большей части немцы просто не заметили существования укре-

[127] Обыкновенная эта история получила совершенно уникальное развитие: несмотря на беспощадную фразу «приговор окончательный, обжалованию в кассационном порядке не подлежит», генерала не расстреляли; расстрел заменили на 10 лет лагерей, затем 21 сентября 1942 г. Лазаренко был досрочно освобожден, восстановлен в звании, получил должность командира полка, а затем и дивизии. 26 июня 1944 г. погиб в бою, посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

прайона. В вечернем донесении командования 4-й Армии вермахта в штаб ГА «Центр» (к 20–30 22 июня) ему уделено всего несколько слов: *«Пограничные укрепления прорваны на участках всех корпусов».* **[384]** Реальную причину этого Сандалов описывает с невозмутимым спокойствием: *«Большая часть личного состава 17-го пульбата* (отдельный артиллерийско-пулеметный батальон, всего в составе 62-го Брестского УРа к началу войны было три таких батальона. – *М.С.*) *отходила в направлении Высокое, где находился штаб 62-го укрепрайона… В этом же направлении отходила группа личного состава 18-го пульбата из района Бреста… Командир Брестского укрепрайона генерал-майор Пузырев с частью подразделений пульбатов, отошедших к нему в Высокое, в первый же день отошел на Бельск, а затем далее на восток…»* **[378]**

Никаких пояснений (тем паче – оценок) Сандалов не дает. «Отходили… отошел» – и все тут. Зачем было строить ДОТы, если в первые же часы войны их гарнизоны «отошли» на 20 км от бетонной коробки? Что собирался найти «далее на востоке» командир укрепрайона? Не исключено, что вопросы эти были заданы генералу Пузыреву лично. Ответы по сей день неизвестны. *«1890 г.р. Комендант 62-го укрепрайона. Умер 18 ноября 1941 года. Данных о месте захоронения нет»* – вот и все, что сообщил своим читателям вполне официальный «Военно-исторический журнал». Как, где, при каких обстоятельствах в возрасте 51 года умер генерал Пузырев – все это и через семь десятилетий остается укрыто густым мраком государственной тайны.

И в то же время некоторые подразделения Брестского УРа оказали противнику яростное сопротивление. Немцы уже заняли Белосток, Минск и Бобруйск, а группа бойцов 17-го пульбата (того самого, большая часть личного состава которого «отошла» на восток) продолжала удерживать несколько ДОТов в районе Семятыче (там, где Буг пересекает железная дорога и шоссе на Бельск). Командующий ГА «Центр» фельдмаршал фон Бок записывает в своем дневнике: *«За сто километров от линии фронта, в Семятычах 293-я дивизия продолжает сражаться за несколько сильно укрепленных ДОТов, которые ей приходится брать штурмом один за другим. Несмотря на сильнейший артиллерийский огонь и использование всех имеющихся в нашем распоряжении современных средств поражения, гарнизоны этих ДОТов упорно отказываются сдаваться».* **[311]** Гарнизоны двух последних ДОТов («Орел» и «Быстрый») под командованием лейтенанта И. Федорова и младшего лейтенанта И. Шибакова сражались до 29 июня, и, лишь окружив одинокие бетонные коробки, немцы смогли обрушить тяжелыми фугасами перекрытия, похоронившие под собой горстку героев.

На правом (северном) фланге 4-й Армии пехота вермахта успешно переправилась через Буг и развивала наступление в северо-восточном направлении; к вечеру 22 июня немцы вышли к н.п. Нужец и Высокое, т. е. в течение дня продвинулись на 15–20 км. Противостоящая им 49-я стрелковая дивизия оказалась «бесхозной» – по плану прикрытия она должна была войти в состав 13-й Армии, а так как штаб Армии не прибыл в Бельск ни в первый, ни в последующие дни войны, то дивизия оказалась предоставлена сама себе. В дальнейшем связь штаба 4-й Армии с 49-й сд была окончательно потеряна, разрозненные части под давлением четырех немецких дивизий (292-я пд, 252-я пд, 134-я пд, 131-я пд) были отброшены к Беловежской пуще, где они окончательно «рассеялись». Командир 49-й сд полковник К.Ф. Васильев оказался в плену.

На упорное и достаточно организованное сопротивление немцы наткнулись лишь на левом (южном) фланге 4-й Армии. Там, среди лесов и болот Полесья, заняла оборону 75-я стрелковая дивизия (штаб в г. Малорита). Несмотря на то что приказ поднять части по боевой тревоге поступил в штаб дивизии одновременно с началом артобстрела противника, командир дивизии генерал-майор С. Недвигин смог сохранить порядок и управляемость в частях. Быстро преодолев первую растерянность (запись от 3-25 в ЖБД 3-й танковой дивизии вермахта констатирует «практически полное отсутствие сопротивления»), подразделения 115-

го стрелкового полка дивизии вступили в бой и несколько часов удерживали приграничный поселок и ж/д станцию Страдечь. В ЖБД 3-й тд вермахта читаем:

«05.35. Батальон под командованием Велльманна вокзал в Страдечь не занял, но вместо этого увяз в ожесточенном бою перед зданием вокзала.

06.35. Продолжаются бои за Страдечь. Как показывают большие потери противника, последний сражается до последнего солдата…» **[385]**

В течение нескольких дней 75-я сд сдерживала на рубеже Малорита, шоссе Брест, Ковель наступление трех (1-я кавалерийская, 255-я и 267-я пехотные) дивизий противника; на оперативных картах немецкого Генштаба отчетливо видно нарастающее день ото дня отставание южного фланга ударной группировки, а в Журнале боевых действий 24 ТК – многократные записи типа *«упорное сопротивление противника в полосе Малорита… наступление продвигается там очень тяжело».* **[405]** Да, конечно, на такой местности (сплошные леса и болота) не больно-то и разгонишься, но и никакая местность сама по себе остановить вражескую армию не сможет… 25 июня дивизия генерала Недвигина была окончательно окружена, прорвавшие кольцо окружения части вместе с командиром дивизии отошли к Пинску и далее через бескрайние леса Полесья вышли в полосу 21-й Армии у Днепра.

В соответствии с планами командования вермахта главным участником событий первого дня войны должны были стать четыре танковые дивизии 47-го (17-я тд, 18-я тд) и 24-го (3-я тд, 4-я тд) танковых корпусов. С использованием 24 ТК немцы явно «перемудрили» – причем в том же стиле, что и в 3-й ТГр. Вместо того, чтобы кратчайшим путем, через брестские мосты выйти на Варшавское шоссе, 3-я и 4-я танковые дивизии с огромными трудностями и ухищрениями (были использованы, в частности, танки Pz-III, приспособленные для подводного движения по дну реки) переправились через Буг в 15–20 км южнее Бреста. После этого немецкие танки попытались было продвинуться на восток от реки, к дороге Малорита, Кобрин, но при этом наглухо завязли на заболоченной местности. Судя по ЖБД 3-й тд, в первый день войны непроходимая местность мешала им гораздо больше, чем сопротивление противника:

«10.30. 3-й мотоциклетный батальон докладывает, что «красный» маршрут продвижения, проходящий восточнее 2-го промежуточного объекта, является непроходимым ввиду сильной заболоченности.

11.00. Катастрофическое состояние дорожной сети в этом секторе послужило причиной многочисленных пробок.

14.30. катастрофическое бездорожье в районе Faustynow, которое сделало невозможным любое дальнейшее продвижение в этом секторе.

19.00. В вечернем донесении в штаб корпуса было отмечено, что продвижение дивизии больше задерживает бездорожье, чем вражеское сопротивление…» **[385]**

В конечном счете было решено вернуться назад, к Бугу, затем по проселку Страдечь, Брест выйти на Варшавское шоссе. К вечеру передовые части 3-й танковой дивизии прошли по шоссе до Бульково, где наткнулись на разрушенный мост через р. Мухавец; огромная стальная лента опять замерла в вынужденном бездействии – и только полный паралич управления в штабе ВВС Западного фронта спас тогда немцев от сокрушительного удара с воздуха. Казалось бы, существовала возможность уползти назад, от Бульково к Бресту, вернуться на левый (южный) берег р. Мухавец и обойти злосчастный мост с юга – но такой вариант движения был неприемлем, т. к. в полосе от Бульково до Кобрина южнее Варшавского шоссе сплошное болото. Для движения танков нужны были дорога и мост:

«20.10. В районе Бульково сооружается мост грузоподъемностью 16 тонн. Постройка моста началась с большим опозданием из-за того, что переправочно-мостовая рота 39-го саперного батальона прибыла очень поздно. Лишь танки с возможностью

подводного хода смогли в 22.00 форсировать реку [Мухавец] *в этом районе. Им удалось пробиться к Кобрину без существенного сопротивления противника. 3-й мотоциклетный батальон, который, продвигаясь по плану, уже достиг маршрута, выделенного для танковых частей, смог пробиться к Жабинке и захватить мосты в этом районе*». **[385]**

Немногим успешнее развивалось наступление 17-й и 18-й танковых дивизий севернее Бреста. Задачей было выйти на шоссе Видомля, Пружаны, Слоним, а для этого необходимо было форсировать Буг и речушку Лесная. Примерно к 10 утра, с использованием танков, приспособленных для подводного хода, и благодаря авральной работе саперов обе речные преграды были форсированы; сопротивления противника (Красной Армии) практически не было, да там и некому было сопротивляться – между участками обороны 49-й и 42-й стрелковых дивизий зиял многокилометровый разрыв, и 42-я сд еще не пришла в себя после побоища в Брестской крепости.

К полудню 22 июня обстановка в полосе наступления 47 ТК стала меняться. В районе Пелище произошел встречный бой передовых отрядов 18-й немецкой танковой дивизии и 30-й танковой дивизии 14-го мехкорпуса. В донесении Группы армий «Центр» это отмечено как *«сильная танковая атака русских»*. Несмотря на очевидное техническое превосходство средних немецких танков над легкими Т-26, наступление 18-й тд затормозилось, и дальше Пелище они в тот день не прошли. Главные же проблемы возникли у переправ через Буг. Немцы, видимо, не были знакомы (правильнее сказать – командование не озаботилось тем, чтобы ознакомиться) с особенностями движения по подтопленной подземными водами луговине – достаточно разрушить на ней верхний почвенный слой (дерн), и любая колесная техника вязнет по ступицу. Грузовые машины пришлось по одной тащить гусеничными тягачами к переправе, что увеличило сроки форсирования реки сверх всяких мер. Наконец, ближе к вечеру рухнул перегруженный мост, что остановило переправу на целых пять часов. Остается еще раз повторить, что только бездействие советской авиации позволило немцам совершать такие ошибки, не потеряв людей и технику под бомбами[128].

Хотя о какой-либо определенной «линии фронта» применительно к 22 июня говорить не приходится, примерной границей продвижения 2-й Танковой группы вермахта и приданных ей пехотных соединений можно назвать линию Высокое, Пелище, Жабинка, Радваничи – все это находится в 20–30 км от границы. В сравнении с феноменальным рывком 3-й ТГр к Алитусу и Оранам, успехи подчиненных Гудериана оказались заметно скромнее. И это в ситуации, когда командование Красной Армии – и в Москве, и в Минске – подарило противнику все возможные преимущества внезапного первого удара.

«Отступление превратилось в бегство…»

К вечеру 22 июня ситуация в полосе обороны 4-й Армии складывалась следующим образом. На правом фланге, у стыка с 10-й Армией пехота вермахта практически беспрепятственно продвигалась в глубь советской территории, однако впереди у них была Беловежская пуща, в которой темп продвижения пехоты с конными обозами неизбежно должен был снизиться. На левом фланге 75-я стрелковая дивизия в упорных боях сдерживала продвижение противника, лесисто-болотистая местность также не давала немцам шанса на стремительный рывок к Пинску. Самой тревожной была обстановка в центре оперативного построения 4-й Армии: со всеми задержками и неурядицами противник все же смог переправить

[128] От «сокрушительного удара по аэродромам» две бомбардировочные дивизии (12 БАД и 13 БАД) ВВС Западного фронта не потеряли ни одного самолета, на аэродромы 3-го авиакорпуса ДБА в районе Смоленска и вовсе не упало ни одной бомбы; базировавшийся в районе Пинска 39-й бомбардировочный авиаполк 1 °САД потерял к полудню 14 из 48 самолетов. В целом за весь первый день войны 650 бомбардировщиков (с учетом ДБА) произвели всего 263 боевых вылета, при этом переправы на р. Буг в полосе 4-й Армии бомбили всего один раз, утром 22 июня группой в 18 самолетов.

через Буг две пехотные дивизии и значительную часть сил четырех танковых дивизий, и этот «бронированный таран» уже вышел к двум магистральным дорогам (Видомля, Пружаны и Брест, Кобрин).

Какие силы могло противопоставить противнику командование 4-й Армии? Те части 6-й и 42-й стрелковых дивизий, которые находились на момент начала войны в Брестской крепости, можно было уже записать в перечень потерь – если там еще и оставались живые люди, то они или остались внутри «мышеловки», или же в виде дезорганизованной толпы отступали на восток. В ловушку, однако, попали далеко не все. Вне крепости оставались: один стрелковый полк (459-й сп) и четыре стрелковых батальона из состава 42-й и 6-й сд, два артиллерийских полка 42-й сд и два корпусных артполка (447-й и 455-й). В целом набирается что-то вроде стрелковой бригады, усиленной мощной артиллерийской группой.

В глубине построения Армии, у м. Коссово (между двумя дорогами, в 20 км юго-восточнее Ружаны) дислоцировался пока еще не понесший потерь 120-й гаубичный полк большой мощности РГК. К началу войны на вооружении полка было 36 гаубиц калибра 203-мм и более 2 тыс. выстрелов к ним, сверхштатное количество тягачей и автомашин (включая такой редкий для Красной Армии вид техники, как полугусеничные вездеходы ЗИС-33), 2171 человек личного состава. При грамотном использовании один такой полк мог превратить колонну немецких танков, ползущую по узким лесным дорогам, в большую свалку обгорелого металлолома.

Главным же резервом Армии оставался 14-й мехкорпус. 30-я танковая дивизия из района постоянной дислокации (г. Пружаны) выдвигалась по шоссе к Пелище, где передовыми отрядами вступила в бой с танковыми подразделениями противника; 205-я моторизованная дивизия оставалась в районе постоянной дислокации (у Варшавского шоссе южнее и севернее Березы-Картузской), при этом один из ее мотострелковых полков был выдвинут на рубеж р. Мухавец у н.п. Запруды. Штаб мехкорпуса вышел на предусмотренный планом прикрытия КП в районе Тевли.

В несравненно худшей ситуации оказалась 22-я танковая дивизия, встретившая начало войны в лагере у самого Буга и оказавшаяся под артобстрелом противника: *«На месте было выбито часть боевых машин, большая часть вспомогательных машин, уничтожены склады боеприпасов и горючего, убито и ранено до 20 % личного состава и семей. Выведенная матчасть имела до одного боекомплекта и одну заправку горючего».* **[386]** В первые же часы войны погибли два заместителя командира 22-й тд (полковой комиссар А. Илларионов и военинженер 2-го ранга Е. Чертов), были ранены начальник штаба дивизии подполковник А. Кислицын и командир 44-го тп майор Н. Квасс. К полудню изрядно поредевшие танковые полки дивизии переправились через р. Мухавец и сосредотачивались в районе северо-западнее Жабинки, при этом мотострелковый полк дивизии отходил от границы на Радваничи.

В общем и целом к вечеру 22 июня на направлении Брест, Кобрин, Пружаны противник имел 3-кратное численное превосходство, дополняемое техническим превосходством средних танков, составлявших половину танкового парка 47-го и 24-го танковых корпусов вермахта, над легкими Т-26 14-го мехкорпуса. Вероятно, в оценке такой ситуации вполне уместным становится использование слова «единственный». Единственным разумным решением был бы переход к подвижной обороне с использованием естественных рубежей рек Мухавец, Ясельда и Щара (см. рис. 13). Может быть, имело смысл, воспользовавшись временной неразберихой у противника и замедлением темпа его продвижения, сразу же отвести все уцелевшие части на реку Ясельда – там в тылу и на флангах обороняющихся был бы глухой, непролазный лес, идеальное место для танковых засад, устройства минных заграждений, завалов, для изматывания наступающего противника.

В реальности же было принято совершенно иное решение:

«Боевой приказ № 02. Штарм-4, Запруды, 22.6.41 18–30

Войска 4-й Армии, продолжая в течение ночи твердую оборону занимаемых рубежей, с утра 23.6.41 г. переходят в наступление в обход Брест с севера с задачей уничтожить противника, переправившегося через р. Зап. Буг… 14-му механизированному корпусу (22, 30-я танковые и 205-я моторизованная дивизии) с утра 23.6.41 г. нанести удар с рубежа Кривляны, Пелище, Хмелево в общем направлении на Высокое с задачей к исходу дня уничтожить противника восточнее р. Зап. Буг… 28-й стрелковый корпус наносит удар своим правым флангом (6, 42-й стрелковыми дивизиями и батальоном танков 205-й моторизованной дивизии) в общем направлении на Брест, имея задачей к исходу дня занять Брест. Атаку начать в 5.00 23.6.41 г. после 15-минутного огневого налета». **[387]**

При взгляде из сегодняшнего дня – это полное безумие; о каком наступлении могла идти речь при существующем соотношении сил (и с учетом реального состояния этих сил)? Сандалов вполне самокритично оценивает отданный с его участием приказ: *«Командование армии пыталось провести в жизнь решения, принятые до войны по плану прикрытия, которые никак не соответствовали складывавшейся обстановке… Ни командующий армией, ни штаб армии, ни командиры корпусов не поставили перед штабом фронта вопрос о нецелесообразности проведения контрудара и не внесли предложения о переходе к обороне».* **[378]** Справедливости ради следует, однако, учесть и обстоятельства, в которых было принято самоубийственное решение о переходе в контрнаступление.

Прежде всего следует отметить, что ни в штабе 4-й Армии, ни в штабе Западного фронта, ни в Генеральном штабе в Москве не было адекватной информации о составе группировки и планах противника. В приведенном выше Боевом приказе № 02 вообще нет никакого упоминания о противнике – что прямо противоречит нормативно закрепленному порядку составления боевых приказов, да и здравому смыслу. Разведсводка № 1 штаба Западного фронта, составленная к 20.00 22 июня, обнаружила две не существующие в реальности танковые дивизии, наступающие на Бельск, и не проронила ни слова про мощнейшую танковую группировку на брестском направлении; намерения противника были определены так: *«Концентрическим ударом в направлении Гродно и в северо-восточном направлении на Волковыск отрезать основные коммуникации* [фронта]». **[388]**

Абстрактно рассуждая, для такого предположения были некоторые логические основания: удар на Бельск позволил бы немцам начать наступление на относительно открытой местности и в дальнейшем через 20-км «горловину» между Супрасльской и Беловежской пущами выйти к дороге Белосток, Волковыск; беда в том, что «теория» эта вовсе не совпадала с решениями командования вермахта, намерением которого было окружить войска Западного фронта целиком, не разменяваясь на частную задачу по срезанию «Белостокского выступа». Несколько нарушая хронологию изложения, отметим, что даже во второй день войны, уже после провала наступления, командование 4-й Армии в Боевом приказе № 03 оценивало группировку противника как *«танковая дивизия, две-три пехотных дивизии».* **[389]**

Второй по счету и первейшей по важности причиной ошибки было непонимание, трагическое непонимание процессов, начавшихся во вверенных генералу Коробкову (равно, как и любому другому командиру Красной Армии) войсках. «Не мог понять в сей миг кровавый…» ©. В головах еще звучали бодрые довоенные марши, в памяти еще были свежи воспоминания о триумфальном шествии по дорогам разгромленной Польши, и в штабе 4-й Армии все еще казалось, что наши люди мужеством полны, что достаточно только отдать приказ – и пойдет, командою взметен, броневой ударный батальон, задрожит под гусеницами земля, и враги бросятся наутек под напором стали и огня…

Наступило утро 23 июня. Соединения 4-й Армии перешли (?) в наступление. Противник, честно говоря, это «наступление» даже не заметил. Две пехотные дивизии (31-я пд и 34-

я пд) 12-го армейского корпуса вермахта возобновили движение, продвинулись примерно на 20 км и к исходу дня вышли на линию Кобрин, Тевли. Запись в ЖБД корпуса весьма лаконична: *«Сопротивление русских самое незначительное».* Потери 31-й пд за 23 июня составили: 1 убитый, 5 раненых, 6 заболевших. **[390]**

В Журнале боевых действий 3-й танковой дивизии вермахта с большим трудом можно высмотреть несколько слов, в которых хоть как-то упоминается встречный бой с танками 14-го мехкорпуса:

«06.20. Танковая бригада все еще находится перед Бульково. Боевая группа «Корвин» докладывает о сильных соединениях противника севернее Кобрина, в т. ч. там есть и танки.

Замечено отступление частей противника из Кобрина в северо-восточном направлении… По приказу командира дивизии 1-й разведывательный батальон, 3-й мотоциклетный батальон и 3-й батальон 6-го танкового полка (это танки подводного хода, переправившиеся поздним вечером 22 июня через Мухавец у Булькова. – *М.С.*) *начали атаку на Кобрин.*

08.45. В результате штурма передовым подразделениям удалось войти в Кобрин. Несколько танков уничтожены, один мост разрушен, и еще один находится в неповрежденном состоянии.

11.40. 3-й мотоциклетный батальон находится в Буховичи (н.п. у шоссе в 5 км северо-восточнее Кобрина. – *М.С.*)*, в этом поселке войска противника не обнаружены. Захвачены многочисленные трофеи…»* **[385]**

Правда, в подписанной 7 августа 1941 г. подробной, с разбивкой по дням, сводке о пленных и трофеях 3-й танковой дивизии числятся 137 танков, *«захваченных или уничтоженных»* 23 июня. **[391]** Об удобстве будущих историков составители сводки не позаботились и раздельный учет уничтоженных и захваченных танков не вели. Известно также, что 18-я танковая дивизия отчиталась о 120 советских танках, подбитых в бою у н.п. Щени (5 км юго-западнее Пружан). Доклад о боевых действиях 14-го мехкорпуса – единственный обнаруженный на сей момент документ, связанный с действиями 14 МК и его дивизий, – также не дает внятной картины состоявшегося боя:

«В процессе выполнения поставленной задачи мехкорпус совместно с 28 СК вел встречный бой с танками и тремя пехотными дивизиями противника, поддержанными авиацией. Некоторые полки бомбили до 6 раз в течение 2–3 часов. Тактика противника: впереди (так в тексте) *бомбит авиация, впереди пехоты идут легкие и средние танки; при атаке наших танков легкие танки уходят, бой принимают средние танки. В результате боя корпус понес значительные потери, главным образом от авиации, и отошел: 30-я тд к Городники, Линево, 22-я тд в район Гуцки, Полятычи, Андроново* (это северо-западные пригороды Кобрина, но в 10 утра по «советскому времени» в Кобрине уже были немцы. – *М.С.*)*».* **[386]**

Вот, собственно, и все, что сказано в докладе о событии, называемом некоторыми авторами «крупнейшим танковым боем начального периода войны». Тут еще надо учесть, что доклад этот подготовлен начальником Автобронетанкового управления Центрального фронта полковником Кабановым 2 августа и заканчивается он следующей фразой: *«Составлено на основании имеющихся скудных документов и рассказов очевидцев».*

Насколько неясен ход танкового боя, настолько очевиден конечный результат. В 9-50 по «немецкому времени» 18-я танковая дивизия вермахта заняла Пружаны и, не останавливаясь на достигнутом, с ходу форсировала р. Ясельда по невзорванному мосту. Затем, практически не встречая сопротивления, танки 47 ТК прошли 30 км по лесному участку шоссе (в ЖБД корпуса он превратился в 50 км) и в 8 часов вечера заняли Ружаны. 3-я танковая дивизия, продвигаясь в авангарде 24 ТК, в 16–00 заняла Березу-Картузскую, что означало

окончательный прорыв рубежа р. Ясельда по всему фронту обороны 4-й Армии. В докладе о боевых действиях 14 МК окончательный разгром корпуса описан так:

«К исходу дня 23 июня 14 МК и 28 СК, не успевшие привести себя в порядок, вновь подверглись комбинированной атаке авиации, танков и пехоты противника. 28 СК удара не выдержал и начал отход. Отступление превратилось в бегство. Танковые соединения, ведя бой в окружении, понесли большие потери; лишь небольшие подразделения к утру 24.6 вышли на рубеж Слоним, Иванцевичи (н.п. в 32 км по шоссе северо-восточнее Березы. – *М.С.*). *205-я мд заняла оборону по р. Щара, прикрыв сосредоточение переформировавшихся* (так в тексте) *14 МК и 28 СК».* **[386]**

Боевое донесение № 07 штаба 4-й Армии не менее красноречиво:

«Авиация противника к исходу 23.6.41 г. совместно с танковыми частями атаковала наши части на рубеже р. Ясельда. Разрозненные части 28-го стрелкового и 14-го механизированного корпусов, не успевшие привести себя в порядок, не выдержали этой атаки, поддержанной большим количеством авиации, и начали отход, который превратился, несмотря на ряд заградительных пунктов, в неорганизованное сплошное отступление перемешанных частей за р. Ясельда. К утру 24.6.41 г. части откатились восточнее рубежа Слоним, р. Щара (т. е. за одну ночь «откатились» на 50–60 км от Ясельды. – *М.С.*) *до ст. Иванцевичи, прикрываясь на р. Щара 205-й моторизованной дивизией».* **[392]**

Постоянные упоминания об ударах с воздуха не случайны и, скорее всего, объективно отражают реальную ситуацию: войска 4-й Армии «откатывались» в тот день с такой скоростью, что на какой-то момент смогли оторваться от наземного противника – но не от авиации, убежать от которой невозможно в принципе. Впрочем, немцы изо всех сил старались не отставать. В ЖБД 3-й тд читаем:

«23.00. Передовые части дивизии вышли на рубеж реки Щара, захватили мост в неповрежденном состоянии и создали небольшой плацдарм, на котором находятся подразделения мотоциклетного батальона и 3-го батальона танкового полка. Командование корпуса приказало со всей энергией преследовать разбитые части врага.

24 июня. 03.30. Танковая бригада получила указание произвести дозаправку от подошедших в последний момент машин 9-й автотранспортной колонны, а затем в 04.00 совместно с мотоциклетным батальоном снова стать в авангарде наших частей. 2-му дивизиону 75-го артполка надлежит немедленно выдвинуться к рубежу р. Щара.

Около 05.00 войскам удалось расширить плацдарм в восточном направлении.

06.45. 3-я мотострелковая бригада форсировала р. Щара по мосту в следующем составе…

08.15. КП дивизии перемещен на рубеж р. Щара (это означает, что в течение суток штаб переместился на 130 км. – *М.С.*)». **[385]**

Штаб 4-й Армии еще вечером 23 июня отошел в поселок Миловиды (в большой излучине р. Щара), а затем, к вечеру 24 июня, еще дальше на восток к Синявке (н.п. у Варшавского шоссе, в 70 км западнее Слуцка). Там поздним вечером 24 июня была составлена Оперсводка № 01, первая по номеру и фактически подведшая итог боевых действий 4-й Армии:

«…Остатки частей 6-й и 42-й стрелковых дивизий 28-го СК после ряда оборонительных боев к 18 часам отошли в район Русиновичи, Тальминовичи (это уже за восточной стороной излучины р. Щара. – *М.С.*), *где приводятся в порядок. Эти остатки не имеют боеспособности… 14-й механизированный корпус, активно обороняясь, переходя неоднократно в контратаки, понес большие потери в материальной части и личном составе и к 25.6.41 г. не имеет боеспособного состояния*[129]. *120-й гаубичный артполк почти не использовался*

[129] Командир 14 МК генерал-майор С. Оборин был арестован 8 июля. Арестовали его не за Днепром в Довске, куда были выведены на переформирование остатки корпуса, и не в Смоленске, где располагался штаб Западного фронта, а в

из-за скоротечности боев (интересная формулировка; что тут причина, а что следствие? – *М.С.*)*... От постоянной и жестокой бомбардировки пехота деморализована и упорства в обороне не проявляет. Отходящие беспорядочно подразделения, а иногда и части приходится останавливать и поворачивать на фронт командирам всех соединений, хотя эти меры, несмотря даже на применение оружия, должного эффекта не дали…»* **[393]**

Совершенно незаурядный случай «применения оружия» описывает Л. Лопуховский в своем исследовании истории 120-го гап. *«Какой-то генерал перегородил дорогу своей машиной ЗИС и приказал артиллеристам занять огневые позиции прямо у дороги и немедленно открыть огонь* (по мнению Лопуховского, это был генерал-майор Хабаров, тот самый, которому Павлов приказал «расстрелять любое количество людей, но отступление 4-й Армии остановить». – *М.С.*)… *Чтобы остановить панически бежавшие группы военнослужащих, орудия произвели несколько выстрелов. По приказу генерала артиллеристы поставили поперек шоссе ремонтную летучку типа «Б», чтобы задерживать машины, и выставили заслон. Командиры с оружием в руках останавливали бегущих. Моментально на дороге возникла пробка. Налетели вражеские самолеты, начали бомбить, и заслон просто смяли…»* **[379]**

У последнего рубежа

Прорыв немецких танковых частей к реке Щара существенно менял ситуацию в масштабе всего Западного фронта. И дело тут не только в ошеломляющей арифметике – за двое суток была пройдена половина расстояния от Бреста до Минска. Прорыв противника в район Слоним, Барановичи означал выход механизированных частей противника на оперативный простор, на относительно открытую и проходимую (в отличие от того, что им пришлось преодолевать на краю Полесья) местность. Во-вторых, с потерей Слонима перерезалась основная транспортная магистраль (шоссе Белосток, Волковыск, Барановичи), через которую можно было отвести на восток соединения 3-й и 10-й Армий.

Строго говоря, этот «отвод» в форме стихийного беспорядочного отступления уже шел вовсю. Начальник отдела политпропаганды 17-го мехкорпуса 24 июня докладывал в штаб фронта:

«Через Барановичи на восток сплошным потоком тянутся автомашины с военнослужащими, семьями, а также в пешем строю как группами, так и в одиночку. Причем вид у большинства выражающий паническое настроение. Принятые меры – организовать собранный начсостав – положительного результата не дали. Ночью большинство из них сбежали. При этом много начсостава оказывается без оружия… Управление ж/д и комендатуры разбежались, военкоматы и др. учреждения покидают город. Население толпами бежит из города. Прибывающий начсостав разыскивает штабы, о большинстве которых сведений нет…» **[404]**

Надежды на то, что «не имеющие боеспособности остатки» разгромленных частей и дивизий смогут контратаковать и отбросить противника, уже не было, и командование Западного фронта спешно вводило в действие резервы. Первым из них – как и во многих подобных ситуациях, на этом и на других фронтах – стала авиация. Надежды на нее основывались как на довоенных, чрезвычайно утрированных представлениях об уничтожающем ударе с неба, так и на первых донесениях собственных войск, в которых авиация противника выступала в качестве всесокрушающей силы.

Москве, в собственной квартире, куда командир корпуса прибыл 6 июля. Военная коллегия ВС СССР приговорила Оборина к расстрелу *«за нарушение воинской присяги, проявленную трусость и преступную бездеятельность».* Реабилитирован в 1957 г.

«Для того чтобы избежать быстрого темпа наступления противника, в первую очередь мною 23 числа была брошена вся наличная бомбардировочная авиация исключительно для бомбежки наступающего противника в район Кобрин». Это – строка из протокола допроса командующего фронтом Павлова. Вся «наличная авиация» на южном фланге Западного фронта состояла к тому моменту из 13-й бомбардировочной авиадивизии. Дивизия с «несчастливым номером» еще в довоенный период стала одной из лучших по боевой подготовке в советских ВВС; это было и численно весьма крупное (пять авиаполков) соединение, и командир у 13 БАД был совершенно незаурядный – для Героя Советского Союза генерал-майора Ф.П. Полынина начавшаяся 22 июня 1941 г. война была уже третьей по счету (кроме участия в советско-финской войне в активе генерала был еще и опыт воздушной войны в Китае, в которой он участвовал, с перерывами, аж с 1933 г.).

Судя по Оперативной сводке № 3 штаба 13 БАД, 24 июня летчики дивизии выполнили 146 вылетов и обрушили на мехколонны противника в районе Кобрин, Береза, Пружаны, Ружаны более тысячи бомб (591 ФАБ-100, 96 ФАБ-50, 326 АО-25, 171 АО-15). **[394]** Такой удар противник заметил – хотя, конечно же, и не исчез бесследно, как это случалось после первых бомбовых ударов по другую сторону фронта. Под бомбовый удар попал даже штаб 2-й ТГр (о чем пишет в своих мемуарах Гудериан). В ЖБД 3-й тд вермахта читаем:

«12.00. Подразделения маршевой колонны подверглись налету вражеских бомбардировщиков «Мартин» (так немцы идентифицировали 2-моторный бомбардировщик СБ. – *М.С.*). *Войска в районе расположения штаба дивизии при этом потерь не понесли.*

13.00. Подразделения 1-го дивизиона 11-го зенитно-артиллерийского полка передислоцированы в сектор р. Щара для защиты моста…

14.25. Из-за налетов вражеских истребителей (истребителей не было вовсе, скорее всего, так немцы описали появление нового одномоторного бомбардировщика Су-2. – *М.С.*) *и бомбардировщиков скорость продвижения дивизии заметно снизилась; в ходе этих налетов, однако, дивизия понесла лишь небольшие потери».* **[385]**

Даже за такой, довольно скромный результат пришлось заплатить огромную цену – потеряно (сбиты или совершили вынужденную посадку) 52 самолета! Причина высоких потерь, увы, очень простая: собственная истребительная авиация растаяла в ходе панического «перебазирования» с приграничных аэродромов, а немцы прикрывали наступление 2-й Танковой группы истребителями лучшей и самой крупной по численности «эскадры асов» (JG-51) под командованием знаменитого Мельдерса. Тем не менее, даже при таком уровне потерь (в течение дня сбит каждый третий!) дивизия Полынина продолжила борьбу и 25 июня выполнила по тому же району еще 98 вылетов и сбросила порядка полутысячи бомб. **[395]**

Как бы то ни было, авиация той эпохи способна была лишь замедлить наступление противника, нанести ему более или менее чувствительные потери. Остановить и разгромить «танковый таран» могли только наземные войска. И в этом аспекте военная удача хоть один раз, но оказалась на стороне Красной Армии: именно там, куда вышли передовые подразделения 2-й ТГр вермахта, развертывались три стрелковые дивизии (155-я, 121-я, 143-я) 47-го стрелкового корпуса. Еще одна дивизия (55-я стрелковая) по приказу Павлова перебрасывалась автотранспортом из Слуцка к рубежу р. Щара. До некоторой степени «везением» можно считать и то, что немецкое командование погналось «за двумя зайцами сразу», т. е. один танковый корпус (47-й) пытался продолжить наступление через Барановичи, Столбцы к Минску, а другой (24-й) был направлен вдоль Варшавского шоссе на Слуцк и далее к Бобруйску. С этого момента бои в излучине р. Щара можно условно разделить на две операции – на восточном (слуцком) и северном направлениях.

Немногочисленные уцелевшие документы позволяют в самых общих чертах восстановить картину боев на слуцком направлении. Река Щара пересекает Варшавское шоссе в двух точках. Западный участок (у Бытень, Доманово) был форсирован передовым отрядом 3-й немецкой танковой дивизии в ночь на 24 июня. Первый раз остановить безостановочное продвижение противника удалось на рубеже Миловиды; там в бой вступили части 205-й моторизованной и остатки танковых дивизий 14 МК. К полудню к ним присоединились первые из прибывших подразделений 55-й стрелковой дивизии, и впервые с начала войны в ЖБД 24 ТК вермахта появляется такая запись: *«Противник оказывает упорное сопротивление с целью удержать 2-й участок Щары. У противника сильная артиллерия и танки. Похоже, что здесь уже не солдаты, застигнутые врасплох в гарнизоне мирного времени, а солдаты, защищающие хорошие, искусно сооруженные оборонительные позиции… 3 тд намеревается начать наступление вечером при поддержке пикирующих бомбардировщиков, но заявка на них опоздала и вследствие наступающей темноты атака «штук» осуществиться уже не может. Несмотря на это, дивизии все же удается взять мост через 2-й участок р. Щара».* **[405]**

В Докладе о боевых действиях 14 МК это описано несколько иначе, с обязательным присутствием вездесущей немецкой авиации:

«24 июня. 205-я мд, неся большие потери, отбивает атаки противника, и в 13.00 ее остатки сменяет вновь прибывшая 55-я стрелковая дивизия. В 14.00 противник атакует, предварительно сильно разбомбив расположение дивизии. Дивизия, несмотря на ввод остатков танков (25 ед.), не выдержала, отошла назад…» **[386]**

Сохранился, как это ни странно, и рукописный Журнал боевых действий 55-й сд. Записи в нем краткие, что, впрочем, лишь подкрепляет предположение о том, что ЖБД был составлен по горячим следам событий. День 24 июня описан так:

«24 июня. 13.00. 111-й стрелковый полк (он прибыл раньше других. – *М.С.*) *вступил в бой с мотомехкорпусом противника на рубеже в 5 км Миловиды. После прорыва мотомехчастей противника отошел в район Рогачи* (н.п. внутри излучины Щары, в 10 км юго-восточнее Миловиды). *К 16.00 24 июня 228 сп, 141 ап, 79 рб, подготовив оборону на восточном берегу р. Мышанка* (правый приток р. Щара, пересекает шоссе в 9 км восточнее Миловиды), *на рубеже шоссе и лес севернее шоссе, с 16.00 до 2.00 25 июня упорно удерживал заданный рубеж, отразив три атаки противника…»* **[396]**

Судя по Боевому донесению № 07 штаба 4-й Армии, 55-я стрелковая дивизия рубеж р. Мышанка не удержала и уже вечером 24 июня перешла на восточный берег Щары: *«В 14.00 24.6.41 г. противник после артиллерийской и авиационной подготовки перешел в наступление против 55-й сд, имея впереди эшелон танков (20–30 ед.). Части дивизии не выдержали и, несмотря на ввод в бой вторых эшелонов полков и всего наличия танков 14-го мехкорпуса (до 25 машин), начали отход и к 18 часам отошли за р. Щара».* **[392]**

В любом случае, упорный бой в излучине Щары был, и это подтверждается записями в ЖБД 3-й танковой дивизии вермахта:

«19.00… После того, как передовые части группы «Линнарц» подошли ко второй переправе через р. Щара, они подверглись обстрелу со стороны неприятеля. Отдельные орудия противника держат под огнем дорогу, по которой продвигаются наши войска, а на восточном берегу реки замечено до одного полка пехоты неприятеля. Вероятно, это арьергардные подразделения; их стойкость нельзя недооценить…

20.15. Начало атаки перенесено на 21.15. Под прикрытием огня танков 1-я рота мотоциклетного батальона и 1-я рота 394-го мотопехотного полка создали плацдарм. Завязывается ожесточенная перестрелка, которая приводит к потерям с обеих сторон. В конечном счете переправившимся подразделениям все же пришлось вернуться на запад-

ную сторону реки Щара (не часто удается встретить такое в описаниях боев первых дней войны. – *М.С.*).

25 июня. 07-00. Командование приказало прекратить наступление, подтянуть отставшие подразделения, произвести дозаправку и пополнение боекомплекта… Офицер разведывательного подразделения мотоциклетного батальона, который в 08.00 отбыл на рубеж Щара с задачей выяснить обстановку восточнее реки, вернулся и сообщил, что неприятель оставил свои позиции и отступает в восточном направлении…» **[385]**

25 июня немецкая 3-я тд стремительно наступает вдоль шоссе на Слуцк, и к вечеру она уже находится в районе н.п. Семежево в 37 км западнее Слуцка. Впрочем, записи в ЖБД дивизии все еще фиксируют частые стычки с обороняющимися частями Красной Армии (тут стоит принять во внимание, что на участке от р. Щара до Слонима дорогу пересекают русла пяти рек, притоков Припяти (Нача, Лань, Балванка, Морочь, Локнея) и двух безымянных ручьев). Были даже бои с отдельными группами танков, скорее всего, это были разрозненные подразделения 14-го мехкорпуса. Вероятно, в этот день, 25 июня, пропал без вести (или был убит) командир 55-й стрелковой дивизии полковник Д.И. Иванюк.

Последняя попытка задержать наступление 3-й танковой дивизии была предпринята утром 26 июня в западных пригородах Слуцка. В Докладе о боевых действиях 14 МК читаем: *«26 июня остаткам мотострелковых полков 22-й и 30-й тд поставлена задача до последнего патрона и человека оборонять г. Слуцк по восточному берегу р. Случь»*. Судя по ЖБД 3-й тд вермахта, нашлись бойцы и подразделения, которые этот приказ выполнили:

«08.50. Западнее Слуцка замечено до 20 танков противника, а также артиллерийские орудия, которые находятся на огневых позициях…

09.00. Подразделения группы «Линнарц» приступили к штурму Слуцка, который был взят к 10.30. Повсюду действуют вражеские снайперы, которые атакуют в т. ч. одиночные небронированные машины…

13.00. Боевой группе «Линнарц» совместно с 1-м батальоном 6-го тп удалось прорваться через Слуцк. Задачу зачистки города от оставшихся сил неприятеля берет на себя 1-й батальон 394-го пехотного полка». **[385]**

В целом же оборона Слуцка описана в Журнале боевых действий Западного фронта такими словами: *«Части 6 и 42 сд, 14 МК и второй эшелон 113 сд, на которые возлагалась оборона Слуцкого УР, на УРе сопротивления противнику не оказали и, оставив Слуцк, отходили на Бобруйск».* **[406]**

После прорыва через город и брошенные без боя укрепления Слуцкого УРа дивизия Моделя (3-я тд) устремилась на Бобруйск в нарастающем темпе марша. Перед ней катилась волна беспорядочно отступающей вооруженной толпы. Начальник разведотдела 97-го бомбардировочного авиаполка капитан Лазутенко 27 июня докладывает:

«12.30 лично летал на разведку Слуцка вдоль шоссе Бобруйск, Слуцк с высоты 5 метров. Наши войска двигаются на Слуцк, мотопехота, бронемашины и артиллерия, движение со Слуцка на Бобруйск, машины, груженные вещами, и пешеходы, эвакуация, санитарные машины. Зенитного огня над Слуцком нет. Войска приветствуют летящий самолет. В Бобруйске никого нет. Склады взорваны. Зенитная артиллерия с огневых позиций снялась и движется на восток. Истребителей для прикрытия Бобруйского аэродрома нет. Связь с Бобруйском прервана». **[442]**

Помощник начальника Управления политпропаганды ЗФ, старший батальонный комиссар Горбунов[130] наблюдал этот драп-марш с расстояния менее 5 метров, и в его докладе описаны живые картины жуткого разгрома:

[130] Фамилия в документе неразборчива, возможно – Горбухин.

«При отходе наших войск из полосы обороны в районе старой границы у деревни Филиповичи наши части спешно отходили, переходя к обороне, которая оказывалась временной, ибо при подходе передовых частей противника обороняющиеся наши части спешно отходили. Отход проходил панически, особенно автоколонн из района Старые Дороги (н.п. в 50 км к востоку от Слуцка. – *М.С.*) *на Бобруйск. Машины шли на больших скоростях в ряд по две, обгоняя друг друга, тем самым создавая и увеличивая панику…*

В частях имеется немало случаев обстрела на дорогах подозреваемых в шпионаже, не имея на то обоснованных данных. Это дает возможность использовать свою гнусную деятельность провокаторам и диверсантам по выводу из строя командного состава. 27 июня при движении колонны автомашин одним из неизвестных командиров были остановлены машины с комсоставом 4-й Армии, которым было предложено с поднятыми руками сойти с машин, пытались обезоружить и расстрелять, но этого не произошло только благодаря вмешательству одного командира, знавшего некоторых задержанных. В тот же день были расстреляны 6 человек работников 3-го отдела («особый отдел») *младшим командиром 141-го стрелкового полка…»* **[397]**

На северном (Слоним, Барановичи) направлении немцам пришлось наткнуться на упорное сопротивление и ввязаться в тяжелые, многодневные бои. Эйфория после головокружительного «марш-броска» от границы к Слониму прошла быстро. Журнал боевых действий 47 ТК с нескрываемой тревогой фиксирует: *«Противнику удается неоднократно прорваться на шоссе юго-западнее Слонима. Около 15.30 одна из этих проводимых при поддержке многочисленных танков вражеских атак, сила и упорство которых все время увеличиваются, приводит к прорыву, сопровождающемуся уничтожением множества машин с горючим, которые двигались по шоссе для пополнения запасов топлива у танковых полков».* **[398]** Судя по мемуарам Гудериана, в тот день во время поездки из Пружаны в Слоним и обратно он дважды натолкнулся на советскую пехоту, а в Слониме, на КП 17-й танковой дивизии, оказался под огнем орудий двух танков, прорвавшихся в город.

К вечеру 24 июня обстановка стала критической. Радио-связь штаба 47 ТК с 18-й танковой дивизией прервалась, в ЖБД корпуса появляется запись: *«Приходится предположить, что русским удалось уничтожить штаб 18 тд».* Лишь к утру 25 июня ситуация прояснилась: *«Накануне с 21.00 происходили мощные вражеские атаки на позиции 17-й и особенно 18-й танковых дивизий, включая КП 18 тд. Тем не менее, противник не смог во второй половине дня расширить свой прорыв, атаки были повсюду отбиты с большими потерями. Наши потери тоже велики».* **[398]**

Потери, вероятно, могли быть еще большими, если бы действия 155-й, 121-й и 143-й стрелковых дивизий координировались единым командованием. К сожалению, штаб 47-го стрелкового корпуса (вместе с батальоном связи и 462-м корпусным артполком) к началу войны находился восточнее Березины, и лишь в ночь с 24 на 25 июня командир корпуса генерал-майор Поветкин прибыл в Минск, где в штабе фронта получил приказание *«связаться с 4-й Армией в районе Синявка и подчинить себе 121, 143, 155-ю стрелковые дивизии и 17-й мехкорпус».* **[399]**

Найти своих подчиненных генералу Поветкину так и не удалось, а тем временем у дороги Слоним, Барановичи полыхал ожесточенный бой. Крайне раздосадованное непредвиденной задержкой наступления командование 2-й ТГр вермахта спешно перебрасывало резервы к реке Щара – благо две основные шоссейные дороги были захвачены немцами. Вечером 25 июня в район Слонима прибыла 29-я моторизованная дивизия, что позволило высвободить 17-ю тд и направить ее в помощь 18-й тд, безуспешно атакующей Барановичи. Затем с Варшавского шоссе на север к Барановичам повернули часть сил 4-й танковой дивизии; командный пункт 2-й ТГр был перенесен в н.п. Тартаки (у шоссе, в 20 км юго-западнее Барановичи).

Ценой таких усилий (в одной точке были сосредоточены части трех танковых дивизий!) немцам удалось во второй половине дня 26 июня прорвать оборону советских стрелковых дивизий, и вечером 26 июня немецкая 17-я тд, продвинувшись на 60 км, заняла Столбцы. Об ожесточенности боев красноречиво свидетельствуют цифры потерь. За первые десять дней войны 18-я танковая потеряла (убитые, раненые и пропавшие без вести) 1346 человек – ошеломляющая цифра на фоне потерь других соединений вермахта, 29-я моторизованная дивизия потеряла 1026 человек, 17-я танковая – 653. **[400]** В перечне потерь оказался и командир 17-й тд генерал фон Арним, раненный в боях за Столбцы.

Единственным резервом, который могло использовать в тот момент командование Западного фронта, был 17-й мехкорпус. Состояние этого соединения оказалось незаурядным – 10 тыс. человек личного состава (скорее всего, это были прибывшие на «учебные сборы» резервисты) не были вооружены даже стрелковым оружием; в трех дивизиях «мехкорпуса» числилось всего 56 легких танков (9 БТ-7 и 47 Т-26) и 38 бронемашин. Если верить донесению начальника отдела политпропаганды 27-й тд, гаубичный полк дивизии вовсе не имел снарядов (и это при том, что одних только 122-мм выстрелов в округе было накоплено 720 тыс. шт.). **[401]** Наконец, мотострелковая дивизия корпуса (209-я мд), дислоцировавшаяся севернее Немана, в районе Ивье, Трабы, Гольшаны, с первых дней войны из подчинения корпуса была выведена (номинально ее подчинили командованию 3-й Армии, но найти какие-то следы ее участия в боевых действиях западнее или севернее Немана, у Гродно, Лида, Трабы, так и не удалось).

Самая короткая и драматичная оценка состояния 17-го мехкорпуса обнаруживается в телеграмме, поступившей в 14–13 24 июня в Генеральный штаб: *«Заместитель командира 17 МК полковник Кожохин Николай Викторович 23 июня покончил жизнь самоубийством, произведя выстрел из револьвера «наган» в сердце. Следствие ведется».* **[402]**

Конечно, назвать «мехкорпусом» такое соединение нельзя; также верно и то, что в совокупности под командованием генерал-майора Петрова находились войска, численность которых соответствовала стрелковой дивизии, усиленной батальоном танков и мощной артиллерийской группой[131]. О том, как это было использовано, можно прочитать в августовском Докладе о боевых действиях мехкорпуса:

«…В силу того, что стрелковые дивизии, действовавшие в районе Слоним, начали отход в Барановичи, командир корпуса отдал приказ: 27-й и 36-й тд повернуть на Барановичи. К 16.00 25 июня дивизии начали подходить к Барановичи и заняли оборону с юга и юго-запада. 71-й танковый полк (36-я тд) имел задачу занять оборону Барановичского аэродрома, уничтожить на аэродроме десант противника (фактически это был разведбат 3-й немецкой танковой дивизии. – *М.С.*) *и вывести оставшуюся там матчасть самолетов.*

В течение 26.6 противник вел усиленную воздушную разведку районов обороны и бомбежку этих районов с воздуха. С утра 26.6 в командование Барановической группой дивизий вступил помощник командующего ЗФ по военно-учебным заведениям генерал-майор Хабаров. К исходу 26.6 генерал-майор Хабаров принял решение об отводе 155-й сд, 121-й сд, 143-й сд на рубеж р. Уша, а 27-й и 36-й тд – в район м. Мир (18 км западнее Столбцы). *Отход дивизий начался глубокой ночью на 27.6. Уже при отходе к Столовичи (10 км от Барановичи) было установлено движение в тылу отходящих частей танков и мотоциклистов противника. С наступлением рассвета появилась авиация противника, которая во взаимодей-*

[131] На известном и вполне авторитетном сайте «Мехкорпуса РККА» в разделе 17-го мехкорпуса сообщается (правда, без указания конкретного источника информации), что *«к началу войны на вооружении корпуса было 163 орудия (из них 12 зениток 37-мм и 54 гаубицы)».* Если это так, то простая арифметика показывает наличие 43 сверхштатных «стволов»; скорее всего, это и были те самые 45-мм и 76-мм пушки, которыми по майской Директиве Генштаба должны были быть довооружены танковые полки мехкорпуса.

ствии с наземными частями рассеяла отходящие части в разные направления, частично уничтожив их…» **[403]**

Как бы то ни было, но на рубеже Слоним, Барановичи наступление 2-й Танковой группы вермахта было задержано на три дня (24, 25, 26 июня), и история этих боев еще ждет своего внимательного и беспристрастного исследователя.

Глава 3.4
Гродно

В двух предыдущих главах мы рассмотрели ход боевых действий на флангах немецкой Группы армий «Центр». И в направлении Алитус, Вильнюс, и в полосе Брест, Барановичи вермахт обладал столь значительным численным превосходством над первым эшелоном войск Красной Армии, что их поражение было практически неизбежным. Большая или меньшая стойкость войск, полководческое мастерство командного состава 11-й и 4-й Армий могли лишь изменить цену, которую предстояло заплатить за успех противнику, и темп его наступления. Что, впрочем, совсем немаловажно, ибо от этих цены и темпа зависел исход следующего этапа сражения. В данной главе речь пойдет о боевых действиях в центре оперативного построения ГА «Центр» (для Красной Армии это был правый фланг Западного фронта), где советские механизированные соединения, казалось, были просто «обречены на успех».

Завязка

Во всех известных вариантах плана стратегического развертывания Красной Армии на северном обводе «Белостокского выступа» предполагалась оборона; даже от намерения нанести короткий удар в северо-западном направлении с задачей «срезать Сувалкский выступ» в конечном счете отказались. Войска 3-й и 10-й Армий Западного ОВО готовились к обороне, а мехкорпусам, сосредоточенным в полосе Белосток, Брест, предстояло наступать в юго-западном направлении, на Варшаву и Демблин.

Местность задачам обороны вполне благоприятствовала (см. вкл., рис. 11). На «острие Белостокского выступа» – река Нарев в ее нижнем, широком течении. У северного обвода «Белостокского выступа», почти точно повторяя линию границы, протекает река Бебжа с заболоченными (на некоторых участках – до десятка километров) берегами. В глубине предполагаемой полосы обороны – полноводный Неман. На правом (северном) фланге – Августовский канал, соединяющий Бебжу с Неманом; прочерченная в сентябре 1939 г. «линия разграничения государственных интересов СССР и Германии» разделила канал на три участка: центр оказался у немцев в «Сувалкском выступе», северная и южная оконечность канала – на советской территории. В конечном счете, для наступления на Гродно немцам оставался относительно открытый «коридор» (Липск, Сопоцкин) шириной не более 20 км.

Естественные преграды планировалось усилить двумя мощнейшими укрепрайонами, Осовецким и Гродненским, в составе которых должно было быть, соответственно, 594 и 606 ДОТов – это абсолютный рекорд среди всех укрепрайонов на новой границе. Да, грандиозную программу довести до завершения не успели, и советские историки, ничуть не погрешив против истины, всякий раз напоминали, что в Гродненском УРе к началу войны были построены какие-то жалкие 16 % ДОТов. Что в абсолютных цифрах означает 98 несокрушимых для огня дивизионной артиллерии бетонных коробок (половинка от «линии Маннергейма»), и в 42 из них было уже установлено специальное оборудование и вооружение.

Командование вермахта, решительно массируя силы (два танковых и два пехотных корпуса) на вильнюсском направлении, с неизбежностью ослабило центр и южный фланг своей 9-й Армии. Вдоль 130-км северного обвода «Белостокского выступа» были растянуты в нитку три пехотные дивизии, об успешном наступлении при такой оперативной плотности (более 40 км на дивизию) не приходится и говорить. На гродненском направлении, в полосе

обороны советской 3-й Армии наступали пять пехотных дивизий 8-го и 20-го армейских (пехотных) корпусов вермахта; в первом эшелоне 3-й Армии было три стрелковые дивизии (56-я, 85-я и 27-я), что – с учетом упомянутых выше свойств местности и наличия укрепрайона – теоретически позволяло обеспечить устойчивую оборону.

Разумеется, у немецкого командования на этот счет было другое мнение. Перед 8-м армейским корпусом (с севера на юг: 161-я, 28-я, 8-я пехотные дивизии) была поставлена задача, наступая в восточном направлении, форсировать р. Неман у Гродно и севернее и продвигаться до автодороги Лида, Вороново; таким образом, на первом этапе операции пехоте предстояло наступать на глубину до 100 км. Две пехотные дивизии (162-я и 256-я) 20-го армейского корпуса должны были, продвигаясь на юго-восток вдоль левого берега Немана, форсировать реки Лососьна и Свислочь; глубина наступления порядка 75 км. (Рис. 28.)

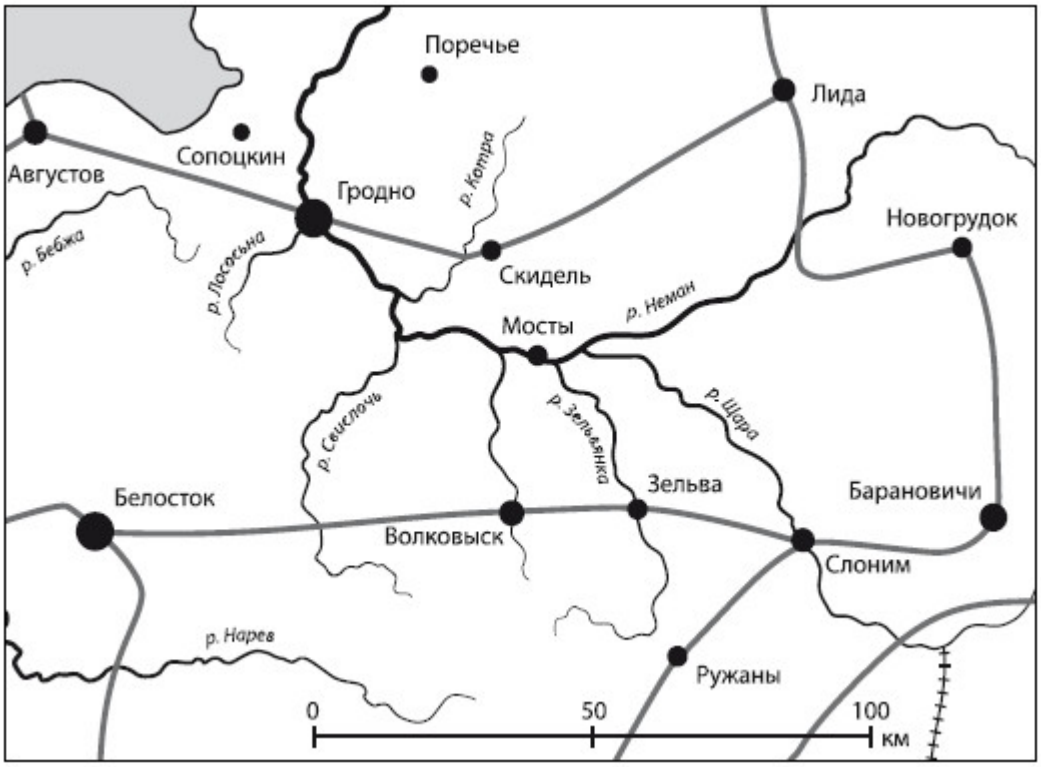


Рис. 28. Район боевых действий 3-й армии

С учетом задач предстоящего прорыва укрепрайона в состав 8-го и 20-го армейских корпусов вермахта была включена необычайно мощная артиллерийская группа: наряду с 11 дивизионами, вооруженными 105-мм пушками и 150-мм гаубицами (в Красной Армии это называлось бы «корпусная артиллерия»), было 5 дивизионов тяжелых 210-мм гаубиц и 4 дивизиона артиллерии «особой мощности» (240-мм и 305-мм орудия). Перечень внушительный, но и войскам Красной Армии было чем отбиваться. В составе 3-й Армии – два (152-й и 444-й) корпусных артполка (причем оба они уже находились в приграничной полосе). Это минимум 6 дивизионов. А в соседней 10-й Армии – семь таких полков (130, 156, 262, 315, 311, 124, 375). Да, артиллерии большой мощности (гаубицы калибра 203 мм и выше) в составе 3-й и 10-й Армий не было, так ведь для таких артсистем и не было адекватной цели – немцы не привезли с собой передвижные ДОТы на колесиках…

Приказ поднять части по боевой тревоге со вскрытием «красных пакетов» (т. е. фактическое введение в действие плана прикрытия) был отдан командующим Западным фронтом Павловым до начала боевых действий и – что в специфических условиях сталинской империи еще более значимо – без соответствующей команды из Москвы. Сообщения об этом

обильно разбросаны по мемуарной литературе, но теперь их можно подтвердить и вполне аутентичными документами, составленными летом 1941 г. Первый из них – это Журнал боевых действий Западного фронта. К Журналу приложен короткий доклад (справка), подписанный 23 августа начальником штаба 10-й Армии генерал-майором Ляпиным и подполковником Маркушевичем. События роковой ночи с 21 на 22 июня описаны там следующим образом:

«Генерал-майор Голубев (командующий 10-й Армией) *был вызван в штаб Армии с квартиры полковника Лубоцкого около 24.00 21.6 и получил приказание от Павлова находиться у аппарата ВЧ, ожидать особо важное распоряжение; какое это распоряжение – Голубеву было неизвестно. С 24.00 до 1.30 22.6 работники штаба предупредили командиров корпусов и дивизий о том, чтобы они, в свою очередь, находились у аппаратов и ждали распоряжения. Между 2–2.30 Павлов отдал короткую команду о выводе частей по «красному пакету» по телефону ВЧ, одновременно предупредил, что передается подробная шифровка. Не ожидая шифротелеграммы, с 2.30 до 4.00 штаб Армии отдал распоряжение всем командирам корпусов и дивизий, за исключением 113 сд, куда был послан делегат… Связь со штабом фронта 22.6. была удовлетворительной не только по радио, но и по теле-графу Морзе и даже временами появлялась по ВЧ…»* **[407]**

Тут еще стоит отметить, что никакой корысти описать хронологию событий подобным образом у командования 10-й Армии быть не могло; скорее наоборот, им было бы «удобнее» представить дело так, что их никто ни о чем не предупреждал и даже более того – запугал требованием «на провокации не поддаваться…».

Второй документ – это доклад командира 7-й танковой дивизии (6-й мехкорпус, 10-я Армия) генерал-майора Борзилова. К этому уникальному документу мы еще неоднократно обратимся, пока процитируем лишь один фрагмент: *«22.6.41 г. в 2.00 был получен пароль через делегата связи о боевой тревоге со вскрытием «красного пакета». Через 10 минут частям дивизии была объявлена боевая тревога, и в 4.30 части дивизии сосредоточились на сборном пункте* (т. е. вышли из места постоянной дислокации. – *М.С.*) *по боевой тревоге»*[132]. **[408]**

Третий документ – протокол допроса в немецком плену командира 4-й танковой дивизии (6-й мехкорпус, 10-я Армия) генерал-майора Потатурчева от 30 августа 1941 г. Не имея никакой возможности сговориться с упомянутыми выше генералами, Потатурчев описывает события практически так же: *«22 июня в 24.00 он был вызван к командиру 6 МК генерал-майору Хацкилевичу. Около 2 часов ночи*[133] *со слов командира корпуса, вернувшегося от командующего 10-й Армии генерал-майора Голубева,* [он узнал]*, что между Германией и Россией – война. После 2 часов ожидания он получил первый приказ – поднять части по тревоге и занять предусмотренные* [планом] *позиции».* **[409]**

Как бы то ни было, но решимость, проявленная Павловым (увы, слишком поздно), на ход начавшихся боевых действий не повлияла вовсе. Первые донесения штабов 9-й Армии вермахта практически дословно воспроизводят все то, что мы уже читали в документах с других участков Восточного фронта.

Оперативная сводка 9-й Армии, 22 июня, 6 час. 45 минут: *«Переход границы осуществлен согласно плана наступления. Наступление по всему фронту со свободным продвиже-*

---

[132] В докладе Борзилова отмечен еще один, чрезвычайно интересный факт: *«20.6.41 г. Командиром корпуса было проведено совещание с командирами дивизий, на котором была поставлена задача о повышении боевой готовности… командир корпуса предупредил, чтобы эти мероприятия проводить без шумихи, никому об этом не говорить, учебу продолжать по плану».* Последняя фраза почти дословно воспроизводит приказ командира 12-го мехкорпуса (ПрибОВО) от 18 июня (*«части приводить в боевую готовность в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять; всю работу проводить быстро, но без шума, без паники и болтливости»*).

[133] В оригинале документа после этих слов в скобках написано *«(03.00 германского времени)»,* что явно ошибочно; германское время было на час меньше «советского», т. е. в Берлине в тот момент был 1 час ночи.

нием вперед… На всем протяжении участка действия Армии – лишь слабое сопротивление противника. До настоящего времени отмечены разрозненные действия легкой артиллерии противника и на участке 8-го Армейского корпуса – батарея тяжелой артиллерии противника». **[410]** Журнал боевых действий 20-го армейского корпуса: *«Дивизиям корпуса удается стремительно перейти границу. Наступление активно продвигается вперед… 481 пехотному полку к 13.00 удалось дойти до Новый Двор* (н. п. на дороге Домброва, Гродно в 20 км от границы. – *М.С.*)*… 476-й пехотный полк к полудню дошел до Липск* (н.п. у слияния рек Бебжа и Сидра. – *М.С.*). *Мосты* [через р. Бебжа. – *М.С.*] *целы…»* **[411]**

Ничем не отличалась от многократно описанных выше и история Гродненского укрепрайона: большая часть ДОТов была брошена без боя, в результате чего уже в 5.15 наступающая на Гродно 8-я пехотная дивизия вермахта доложила о прорыве пограничных укреплений. Вот так, за пару часов был подведен итог многомесячного строительного «аврала». Но при этом, так же как и на иных участках фронта, отдельные гарнизоны ДОТов сражались несколько дней и погибли, погребенные под обломками стен, разрушенных огнем тяжелой артиллерии.

Вероятно, единственное, что не удалось в то утро немцам, так это запланированная операция одного из подразделений пресловутого полка «Бранденбург». В Журнале боевых действий 20 АК читаем: *«22 июня, 02.30. Операция 800-го полка особого назначения при 256-й пехотной дивизии, провести которую намечалось до наступления времени «Ч», провалилась. Задействованные в операции подразделения отведены назад, дабы не нарушать спокойствия на границе и не привлекать внимания противника».* **[411]** Так что провода на левом фланге 3-й Армии остались целыми. Все остальное развивалось по печальному для Красной Армии «стандарту».

Наибольших успехов добились соединения 8 АК, наступавшие севернее Гродно (161-я и 28-я пехотные дивизии). Они успешно продвинулись до Немана, форсировали его в нескольких местах, и к исходу дня 22 июня передовые части 161-й пд продвигались по направлению к Поречье (н.п. в 23 км восточнее Немана). Оперативная сводка 8 АК констатирует: *«В лесном массиве у Поречье организованной обороны не отмечается. Имеется лишь сопротивление отдельных групп противника».* **[412]** Немцы не ошиблись – противостоящая им 56-я стрелковая дивизия стремительно «рассеялась». В протоколе допроса Павлова (от 7 июля) читаем: *«Во второй половине дня* [22 июня] *Кузнецов* [генерал-лейтенант В.И. Кузнецов, командующий 3-й Армией] *с дрожью в голосе заявил, что, по его мнению, от 56-й стрелковой дивизии остался номер… там положение, по его мнению, катастрофическое, так как разрозненные части в районе Хозе* (н.п. у Немана в 16 км севернее Гродно. – *М.С.*) *с трудом сдерживают натиск противника, а стрелковый полк, находящийся между Хозе и Друскининкай, был смят ударом с тыла очень крупных механизированных частей…»*

Никаких «механизированных частей», ни крупных, ни мелких, там не было вовсе; соединения 3-й Танковой группы прошли значительно севернее, в полосе Алитус, Меркине, а единственный приданный 8-му армейскому корпусу 184-й дивизион «штурмовых орудий» насчитывал всего 18 самоходок и был введен в бой южнее, на гродненском направлении. Во всем остальном генерал Кузнецов был прав – дивизия развалилась полностью (в Боевом донесении № 3 штаба 3-й Армии от 12–30 24 июня сообщается, что *«56-я сд в результате боев имеет два небольших разрозненных отряда численностью до 700–800 человек»*); сыграл свою роль и тот факт, что в 56-й сд были призывники из «освобожденных районов» восточной Польши, которые после первых же выстрелов бросили оружие и разошлись по домам.

Главные события развернулись в центре полосы немецкого наступления, на направлении Сопоцкин, Гродно. Преодолевая сопротивление частей 85-й стрелковой дивизии и нескольких ДОТов Гродненского УРа, передовые подразделения 8-й пехотной дивизии вер-

махта к полудню в тяжелом бою продвинулись до шоссе Августов, Гродно. В этой ситуации командующий 3-й Армией решил немедленно ввести в действие свой главный резерв – танковые дивизии 11-го мехкорпуса. Такому решению, возможно, поспособствовали панические донесения подчиненных генерала Кузнецова о якобы появившихся на поле боя тяжелых немецких танках. По крайней мере, так описывает Павлов этот эпизод в своих показаниях: *«Спросил Кузнецова – что он делает с 85-й стрелковой дивизией? Он ответил, что 85-я дивизия, развернувшись на рубеже западнее Гродно, под давлением тяжелых танков противника, начала отход на юг, юго-восток, но что он, Кузнецов, бросает в контратаку танковую дивизию Стеклова* (явная оговорка, 29-й танковой дивизией командовал полковник Студнев. – *М.С.*) *и попытается этим самым восстановить положение 85-й дивизии».*

От 11-го мехкорпуса (как и от большинства других танковых соединений, разгромленных летом 1941 г.) первичных документов практически не осталось. Архивные фонды корпуса и трех входящих в его состав дивизий (29-я тд, 33-я тд, 204-я мд) существуют, но это совершенный «порожняк» – книги учета комсостава, ведомости уплаты комсомольских взносов, да и все это обрывается на 22 июня; оперативных документов (приказы, боевые донесения, разведывательные и оперативные сводки) нет вовсе. Вся доступная на сей момент «источниковая база» сводится, по сути дела, к двум документам: краткому донесению замполита 11 МК полкового комиссара Андреева от 15 июля (опубликовано еще в 1989 г.) и подробному докладу о боевых действиях корпуса, составленному его командиром генерал-майором Мостовенко в начале августа (этот документ был рассекречен в феврале 2005 г.). В архивных фондах ГАБТУ сохранились также многочисленные ведомости наличия матчасти в мехкорпусах Западного ОВО, в том числе и в 11 МК. **[413]**

Основным видом боевой техники – танками – мехкорпус был оснащен на одну треть от штатного расписания; в абсолютных же цифрах это означало порядка 380 танков, главным образом легких Т-26. Танков «новых типов» было совсем немного: 3 КВ и 28 Т-34; правда, существуют документы, в которых количество тяжелых КВ в составе 11-го мехкорпуса указано значительно большим (20 единиц), но это, возможно, связано с начатой, но не доведенной до конца передачей тяжелых танков из 5-й танковой дивизии Прибалтийского ОВО (о чем было упомянуто в соответствующей главе ранее). Следует также учесть, что, как сказано в докладе командира корпуса, *«в день выступления 22.06.41 г. часть машин (10–15 %) были неисправны и в поход не были взяты».* **[414]** Бронемашин БА-10, вооруженных 45-мм пушкой, было (по меркам находящегося на начальном этапе формирования мехкорпуса) необычайно много – 59 (по другой ведомости так и вовсе 90) единиц.

Наиболее боеспособным соединением 11 МК была 29-я танковая дивизия; она была сформирована на базе «старой» кадровой 25-й танковой бригады 1935 г.р., правда, реального боевого опыта (если не принимать во внимание «освободительный поход» в Польшу) эта бригада не имела. По состоянию на середину апреля 1941 г. на вооружении 29-й тд числилось 173 танка Т-26 (включая 13 огнеметных), в дальнейшем именно в эту дивизию передали большую часть танков «новых типов», полученных корпусом. В целом состав танкового парка 29-й тд вполне соответствует типичной немецкой танковой дивизии из состава 3-й ТГр – те же самые 150–170 легких танков и три десятка машин, вооруженных 76-мм пушкой. Это в целом, если же «подкрутить резкость», то становится заметно, что вес единичного залпа танковых пушек немецкой дивизии втрое меньше (у немцев стволы калибра 20 мм и 37 мм), да и бронирование Т-34 не вполне корректно сравнивать с «нашлепкой» на лбу немецкого Pz-IV.

Дивизии 3-й Танковой группы вермахта за пять дней дошли с боями до Минска; маршрут наступления 29-й советской танковой дивизии оборвался у м. Конюхи, в 12 км северо-западнее Гродно. Советские историки на это противоречие старались вовсе не обращать

внимания; современные российские историки-традиционалисты нашли уже сотни две «объективных причин», начиная от неполной укомплектованности дивизии личным составом и артиллерией и заканчивая плохой конструкцией узла смазки левого заднего поддерживающего катка. Многое из этого – сущая правда; в частности, *«особенно остро обстоял вопрос с обеспеченностью тракторами, не дававшей возможность поднять даже имевшиеся орудия и производить эвакуацию подбитых танков»*. **[414]** Правда и то, что непосредственно в районе боевых действий 29-й тд уже находился 152-й корпусной гаубичный артполк, по своим возможностям значительно превосходивший артиллерию даже полностью укомплектованной танковой дивизии.

Впрочем, все эти частности не стоит превращать в «дымовую завесу», закрывающую от нас главное. А главное – это, что у немецких и советских танкистов оказались качественно разные противники. Немецкая 8-я пехотная дивизия встретила контрудар 29-й тд на марше, а встречный бой с танками – это худшее, что может произойти с пехотой, у которой в таком случае нет ни укрытий, ни подготовленных огневых позиций для ПТО, ни времени для создания всего этого. И тем не менее – истошный вопль «Танки! Окружают!» так и не раздался. Раздались четкие команды, которые отдали командиры и выполнили подчиненные.

Здесь я предлагаю прервать на минуту наше строго документальное повествование и обратиться к источнику, заведомо предвзятому и неточному. В 1942 г. в Германии была издана книга некого Хорста Слесина «Солдаты против смерти и дьявола. Наша борьба в СССР. Дневник солдата». Автор был штатным пропагандистом вермахта (что отчетливо сказалось на содержании и интонации текста), и книга его предназначалась прежде всего для «военно-патриотического воспитания молодежи». Тем не менее, взглянем на то, как бой у м. Конюхи выглядел с близкого расстояния:

«Приготовления к обороне заканчиваются за несколько секунд. Чрезмерная поспешность и возбужденные приказы уничтожили бы психологический настрой, который является необходимым и лучшим оружием в бою. Офицер противотанкового подразделения, как только первые снаряды были выпущены, спокойно достает сигарету и просит у своих солдат огня; это оказывает на них больший эффект, чем простые приказы… Трясясь и грохоча, подъезжают наши «штурмовые орудия». Хотя их немного, только одна батарея (т. е. всего 6 самоходок. – *М.С.*)*, они – самое тяжелое оружие в бою против танков. «Штуги» подъезжают к дороге справа и слева. Теперь мы должны ждать…*

Мы слышим грохот двигателей, скрежет и лязг танковых гусениц… Ближе, еще ближе. Теперь видна каждая деталь. Их башни поворачиваются, потому что они ищут нас. Ревущие, скулящие и лающие выстрелы! Трассирующие снаряды из противотанковых пушек дотягиваются до противника своими огненными «пальцами». Более низкий гром «штурмовых орудий». Пять советских танков были буквально искромсаны и разорваны на части… Оставшиеся советские танки включились в битву и упрямо ведут обстрел по нашим позициям через свои уничтоженные и подбитые танки…

Поднятая пыль, пороховой дым и дым от горящего масла скрывают нас. Русские неистово стреляют из пулеметов и орудий. Противотанковая пушка с правой стороны дороги подбита. Осколки, сталь и кровь с грязью падают на желтый песок. Русский танк катится вперед – 40 метров, 30 метров… Страх душит горло. Разрушающий удар – огонь, пластины брони, орудийный ствол, человеческие тела, горящее масло и плотный, черный дым, который милостиво скрывает картину ужаса… Огонь стихает, потому что мы не имеем больше целей. Последние танки развернулись и скрылись. Одиннадцать горящих факелов, охваченных огромными столбами дыма, засоряют поле…» **[415]**

Не пытаясь извлечь слишком многое из этой напыщенной агитки, стоит все же обратить внимание на один момент – в нарисованной картине боя совершенно невозможно разглядеть полторы-две сотни атакующих советских танков, их явно меньше, всего несколько

десятков. И это очень странно. Никакой пропагандист не станет занижать состав сил побежденного противника, скорее наоборот…

В оперативных документах вермахта бой у м. Конюхи описан крайне скупо. В итоговой сводке за день 22 июня командования 9-й Армии читаем: *«8-я пехотная дивизия своим правофланговым 84-м пехотным полком ведет тяжелый бой у н.п. Конюхи; противник контратакует танками».* **[410]** Утром 23 июня 8 АК доложил о том, что в боях за Гродно подбито 80 советских танков, вечерняя сводка (к 22–00 23 июня) это число увеличила: *«Количество подбитых 22.06 танков противника по сравнению с сегодняшними утренними сводками и на основании последних данных выросло до 105–110».* **[412]** Со всеми оговорками, касающимися неизбежного завышения потерь противника, нельзя не заметить, что такие цифры подбитых в одном бою советских танков в документах вермахта встречаются крайне редко[134]. Остается предположить, что бой у м. Конюхи, действительно, был ожесточенным и продолжительным (в пропагандистской версии, процитированной выше, он длится 11 часов), и танкисты полковника Студнева отчаянно пытались выполнить поставленную задачу.

В докладе командира 11 МК бой, состоявшийся 22 июня, описан как-то странно, хотя и вполне оптимистично: *«В первых же атаках наших танков противник понес большие потери в танках* (?) *и в последующих боях при появлении наших танков уходил за свою обороняющуюся пехоту… Немецкие танки после встречи 22 июня с 29-й ТД, понеся потери около 30 танков* (даже если под словом «танки» понимать самоходные «штурмовые орудия», то непонятно – где их нашли в таком количестве? – *М.С.*)*, отошли и использовались как ПТО,* [действуя] *из-за масок и укрытий».* Из доклада следует, что в бою у м. Конюхи были задействованы и тяжелые танки КВ (*«2 танка КВ погибли в 1-й день на рубеже южнее Сопоцкин. Один танк опрокинулся и утонул в болоте, второй был подбит в ходовую часть»*). **[414]** Опять же странно, что Х. Слесин никак не упоминает встречу с советскими бронированными гигантами – хотя такой сюжет очень бы украсил его драматичный рассказ о бое у м. Конюхи.

В конкретных подробностях того боя остается еще много неясного, конечный же результат сомнений не вызывает – захватить Гродно с ходу, в первый день наступления, немцам не удалось. К сожалению, выигранные дорогой ценой полдня не были использованы с толком, для подготовки к обороне города. Несмотря на категорический приказ Военного совета Западного фронта (*«Командующему 3-й армией. Вам надлежит всеми мерами прочно удержать Гродно»*), штаб 3-й Армии поздним вечером 22 июня переместился в Лунно (40 км на юго-восток). Огромные военные склады в Гродно были потеряны, в лучшем случае – взорваны. Так, 25 июня начальник оперативного отдела штаба ЗФ генерал-майор Семенов докладывает в Москву: *«Взрыв артсклада № 856 в Гродно подтверждаю. Поджог склада* [с] *последующим взрывом от огня произвел начальник склада по приказанию командующего 3-й Армии. От бомбардировки склад не пострадал, известно, что всего из склада войскам выдано 10–12 вагонов боеприпасов, остальные до 250 вагонов уничтожены».* **[443]**

При беспорядочном отходе не были даже толком разрушены мосты через Неман. Итоговая оперативная сводка штаба 8 АК вермахта за 23 июня констатирует: *«Автомобильный мост в Гродно, слегка поврежденный, снова восстановлен и способен выдерживать грузы до 16 т… у железнодорожного моста в Гродно взорван средний пролет, опоры моста целы».* Оперсводка штаба 8-й пехотной дивизии от 22–00 23 июня содержит и такое, возможно спорное, суждение: *«Исходя из того факта, что важный* [транспортный] *узел Гродно арьергардом противника больше не обороняется, а взрыв моста, по всей видимости, проводился небрежно, можно сделать вывод, что в течение вчерашнего дня боевой дух противника начал падать. Создается впечатление, что наш вчерашний успех возымел*

[134] Единственный (из числа описанных в данной книге) эпизод с еще большим числом заявленных немцами побед – это танковый бой у Александровки (Войницы) между 19-й танковой дивизией 22 МК и немецкой 14-й тд.

на русское командование большее воздействие, чем на стойкость отдельных русских солдат…» **[412]**

Замысел операции

К исходу дня 22 июня в полосе Западного фронта сложилась следующая ситуация. Севернее Гродно противник (161-я пд, 28-я пд) форсировал Неман и развивал наступление на восток, практически не встречая организованного сопротивления. В районе Гродно наступление немецкой 8-й пехотной дивизии было приостановлено контрударом 29-й танковой дивизии, при этом 85-я стрелковая дивизия смогла относительно организованно отойти на рубеж реки Лососьна. 256-я пехотная дивизия 20-го армейского корпуса вермахта, отбросив 27-ю стрелковую дивизию на южный берег р. Бебжа, заняла Домброва и Новый Двор; как отмечается в ЖБД корпуса, *«за исключением боев за ДОТы у Красне наши потери очень невелики по сравнению с достигнутым успехом».* **[411]** Успехи 162-й пехотной дивизии были не столь впечатляющи – в тяжелом многочасовом бою (*«противник упорно обороняет свои позиции в ДОТах и использует снайперов на деревьях»*) немцы форсировали августовский канал и к вечеру заняли г. Августов.

Вдоль северного обвода «Белостокского выступа» противник ограничился сковывающими действиями, при этом одна из трех дивизий 42 АК еще не переходила границу, две другие продвинулись на несколько км в глубь советской территории, имея перед собой две стрелковые (2-я и 8-я) и одну кавалерийскую (6-я кд) дивизии Красной Армии. Вдоль южного обвода «Белостокского выступа» 9 пехотных дивизий вермахта, отбросив от границы 4 советские стрелковые дивизии (13, 86, 113, 49), успешно развивали наступление в северо-восточном направлении. На линии Брест, Кобрин начинался катастрофический разгром 4-й Армии.

Такой была ситуация в действительности. Информация, которой располагало к тому моменту командование Западного фронта, не соответствовала реальности в двух важных моментах: не было выявлено сосредоточение самой мощной танковой группировки противника (2-я ТГр) на брестском направлении и, напротив, были «обнаружены» две несуществующие танковые дивизии, наступающие на Бельск. Наконец, поздним вечером 22 июня в штаб фронта поступила из Москвы Директива № 3 Главного Военного совета КА, в которой ставилась задача *«сдерживая противника на варшавском направлении, нанести мощный контрудар силами не менее двух мехкорпусов и авиации фронта во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее совместно с Северо-Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки».* **[99]** Отправкой директивы дело не ограничилось, *«поздно вечером 22.6 в штаб фронта прибыл Маршал Советского Союза т. Шапошников и Маршал Советского Союза т. Кулик. Маршал Кулик выехал в 10-ю Армию, куда ранее около 12.00 выехал для руководства действиями 6 МК и 6 КК замкомвойсками генерал-лейтенант Болдин И.В.».* **[416]**

Имеющиеся документы не позволяют с точностью определить – когда (до или после получения Директивы № 3) было принято решение о наступлении конно-механизированной группы (КМГ) на Гродно и существовал ли в реальности приказ командования фронта о нанесении контрудара в противоположном направлении, на юг к Бельску. В любом случае, Оперсводка № 2 штаба 10-й Армии от 9.00 23 июня подтверждает, что фактического выдвижения дивизий 6 МК на юг не было: *«6-й механизированный корпус в ночь на 23.6.41 г. вышел в район: 29-я моторизованная дивизия занимает рубеж для обороны по р. Лососна на фронте Кузница, Сокулка фронтом на северо-запад, 4-я и 7-я танковые дивизии сосредоточились в район лесов севернее Грудек».* **[417]**

Также необходимо отметить, что уже днем 22 июня, не дожидаясь и не имея на то санкции из Москвы, командование Западного фронта приняло решение об отводе частей 10-й Армии на 60–80 км от границы, на рубеж р. Нарев. В упомянутом выше докладе (справке) начальника штаба 10-й Армии генерал-майора Ляпина об этом сказано вполне конкретно: *«Приказ об отходе на р. Нарев был получен от НШ фронта Климовских генералом Ляпиным по телефону ВЧ в следующем содержании: «Всех отводить на Нарев в ночь на 23.6.» Время получения этого приказа – между 14 и 16 22 июня»*. **[418]** Оперсводка № 2 штаба 10-й Армии констатирует, что *«части армии в течение ночи отходили на восточный берег р. Нарев, прикрываясь ночной темнотой».* Далеко не факт, что это сообщение во всем соответствует действительности (в начинающемся хаосе приказ об отводе войск мог и не дойти до соответствующих штабов), но сомневаться в том, что Павлов быстро и самостоятельно принял адекватное ситуации решение, не приходится[135].

Незадолго до полуночи, в 23.40, 22 июня Павлов связался со своим заместителем, генерал-лейтенантом Болдиным, прибывшим к тому времени в Белосток, в штаб 10-й Армии. С этого момента и начинается одна из самых драматичных и темных историй первых дней войны:

«У аппарата тов. Болдин.

Вопрос: Познакомились ли с обстановкой и какие решения приняли?

Ответ: С обстановкой ознакомился. Ваши решения, которые начальник штаба передал Голубеву, о том, что Голубев должен быть в Нареве (т. е. об отводе 10-й Армии на рубеж р. Нарев. – *М.С.*)*, а Хацкелевич южнее Сокулка* (сосредоточение 6-го мехкорпуса в лесах северо-восточнее Белостока. – *М.С.*)*, считаю верными.*

Выслушать приказ:

Вам надлежит организовать ударную группу в составе корпуса Хацкелевича плюс 36-я кавалерийская дивизия, части Мостовенко (т. е. 11-й мехкорпус) *и нанести удар в общем направлении Белосток, Липск, южнее Гродно с задачей уничтожить противника на левом берегу р. Неман и не допустить выхода его частей район Волковыск, после этого вся группа перейдет в подчинение Кузнецова. Это ваша ближайшая задача. Возглавьте ее лично…»* **[419]**

В сравнении с задачей, поставленной в Директиве № 3, Павлов «довернул» острие наступления на северо-восток, и это была, вне всякого сомнения, разумная инициатива. Попытка наступать от Белостока на Сувалки означала необходимость протолкнуть огромную массу танков через заболоченную долину реки Бебжа (что одинаково сложно как в направлении с севера на юг, так и с юга на север), а в дальнейшем наступающие части оказались бы на территории «Сувалкского выступа», который немцы заблаговременно готовили к обороне. Наступление же на Гродно означало движение по относительно открытой местности, при наличии полноценного шоссе на участке Сокулка, Гродно и в отсутствие каких-либо оборонительных сооружений противника (см. рис. 14).

Парадоксальным образом успеху запланированного контрудара способствовали успешные действия противника: 8-й армейский корпус и дивизии 3-й Танковой группы уже форсировали Неман севернее Гродно и стремительно продвигались на восток, соответственно, к тому моменту, когда КМГ Болдина могла сосредоточиться и перейти в наступле-

[135] Не стоит искать в этих словах нарочитое желание «выгородить Павлова». Я не испытываю сердечной любви к человеку, который 21 декабря 1939 г. писал Ворошилову: *«Надо потрясти беспощадно всю Финляндию, чтобы другим неповадно было; я уверен, что как кончим с Финляндией (независимо от применения средств и способов), так про нее забудут и англичане и французы».* Но из имевшихся в наличии генералов он был одним из лучших, обладал солидным опытом боевых действий (Первая мировая, Гражданская, КВЖД в 1929 г., Испания, куда молодой комбриг Павлов прибыл одним из первых и вернулся Героем Советского Союза), обладал готовностью к проявлению наказуемой инициативы (как утверждают некоторые авторы, в 1938 г. он обратился с письмом к Сталину с призывом прекратить репрессии в армии).

ние, на левом берегу Немана немцев бы уже не было. Таким образом открывалась возможность пройти «как нож сквозь масло» через оголенный фланг и тыл основной группировки противника и перерезать его коммуникации.

В скобках заметим, что в мае 1942 г. в точности такая же по замыслу операция была проведена немцами. Тогда, в ходе ставшей печально знаменитой Харьковской наступательной операции, советские войска форсировали Северский Донец и, наступая в западном направлении, вышли к пригородам Харькова. После чего немецкая танковая группировка нанесла удар с юга на север и, продвигаясь по обеим берегам Северского Донца, перерезала коммуникации советских войск, оказавшихся в итоге в гигантском «котле». Конечным результатом стал разгром пяти советских армий, при этом более 200 тысяч бойцов и командиров Красной Армии оказалось в немецком плену. Можно спорить о том, чем – принимая во внимание реальную боеспособность противоборствующих сторон – могла закончиться задуманная Павловым операция, но на начальном ее этапе КМГ Болдина, казалось, была «обречена на успех».

Главной ударной силой КМГ Болдина был 6-й мехкорпус (4-я и 7-я танковые, 29-я моторизованная дивизия), одно из самых мощных танковых соединений Красной Армии. Корпус создавался в «первой волне» формирования (июль – август 1940 г.) и к июню 41-го был «под завязку» укомплектован боевой и вспомогательной техникой. В корпусе числилось 3504 грузовых и 894 специальные автомашины (абсолютное первое место среди всех мехкорпусов Красной Армии), а с учетом 108 легковых машин на восемь человек личного состава приходился один автомобиль – и это не считая 1042 мотоцикла.

Мехкорпус получил 260 гусеничных тягачей, включая 22 мощнейших «Ворошиловца» и 40 легких бронированных «Комсомольцев», 135 пушечных бронеавтомобилей БА-10 (также первое место во всей Красной Армии) и 91 разведывательный бронеавтомобиль БА-20. Средства радиосвязи были представлены (не считая рации на танках) в количестве 51 мощной радиостанции (5 РСБ и 46 5-АК) и 64 «батальонных» (РБ, РРУ, 6-ПК).

Танков в 6 МК было много, порядка тысячи единиц. Точные цифры назвать невозможно, т. к. в корпус потоком шли новые, только с завода, танки КВ и Т-34, и одновременно с этим происходило списание морально устаревших легких танков. Суммарное количество тяжелых монстров КВ разночтений не вызывает – их в 6-м мехкорпусе было 114 единиц (63 в 4-й тд и 51 в 7-й тд). Танков Т-34 к 1 июня числилось 238 единиц, такая цифра присутствует в большинстве документов. Распределены они на тот момент были так: 160 в 4-й тд и 78 в 7-й тд. В дальнейшем, в течение июня в Белосток с заводов было доставлено еще 114 «тридцатьчетверок», и можно предположить, что именно эти поставки объясняют появление в докладе командира 7-й танковой дивизии цифры в 150 танков Т-34. В конечном счете количество танков «новых типов» оказывается в диапазоне от 352 до 466, с наиболее правдоподобной оценкой в 424 единицы.

Танками «новых типов» перечень вооружения 6-го мехкорпуса отнюдь не исчерпывался. Было еще 19 трехбашенных Т-28 в исправном состоянии (всего же их числилось 58 единиц), порядка 420 БТ (не считая изношенные БТ-2), 67 Т-26 (не считая пулеметные) и как минимум 44 огнеметных ХТ-26 (есть сведения, что в составе 29-й мд было еще 17 сверхштатных ХТ-26). Вот такой получился мехкорпус, с двумя полнокомплектными танковыми дивизиями, имеющими порядка 370 танков (включая две сотни КВ и Т-34) каждая, и моторизованной дивизией, по количеству танков (180–200 ед.) превосходящей многие немецкие танковые.

На фоне такой сокрушительной мощи остальные «составляющие» КМГ Болдина заметно блекнут, но и их боевой потенциал вовсе не был нулевым. В 11-м мехкорпусе – даже с учетом 15 % неисправных к моменту начала войны танков, даже если принять на

веру максимальные немецкие заявки количества подбитых в бою у Конюхи, Гродно танков (110 единиц) – должно было еще оставаться более двухсот исправных танков и несколько десятков бронемашин; со всеми оговорками о неполной укомплектованности корпуса личным составом и артиллерией (конкретных цифр, кстати, по сей день никто не назвал) 11 МК по меньшей мере соответствовал одной «расчетной танковой дивизии». И это вполне ощутимая добавка к трем дивизиям 6-го мехкорпуса, с учетом которой на фронте в 25–30 км должно было быть сосредоточено порядка 1,2 тыс. танков – подобной концентрации бронетехники в 1941 г. не было ни в одной другой точке Восточного фронта[136].

23 июня в состав КМГ включили 124-й гаубичный артполк (резерв фронта). На вооружении полка было 48 гаубиц калибра 152 мм, и по совокупному весу залпа он один в полтора раза превосходил пехотную дивизию вермахта. Не были лишними и две дивизии 6-го кавкорпуса (первоначально предполагалось включение в состав КМГ только 36-й кавдивизии, но в реальности к участию в контрударе была привлечена и 6-я кд). Разумеется, никто не собирался идти в атаку конной лавой по лесам и болотам; лошадь в кавалерийской дивизии эпохи 2-й МВ выполняла роль транспортного средства, по некоторым параметрам (высокая проходимость и независимость от обеспечения бензином) превосходившего фанерные грузовики того времени. Высокая подвижность кавдивизий была немедленно подтверждена на практике: в течение суток они прошли порядка 70–90 км (6-я кд из Ломжи на восток, 36-я кд из Волковыска на запад) и сосредоточились в районе Сувалки, Крынки.

Да и дивизии были непростые. 6-я Кубанско-Терская Краснознаменная имени С. М. Буденного была, без преувеличения, элитным соединением Красной Армии, подлинной «кузницей кадров» для ее высшего комсостава. Осенью 1919 г. дивизией командовал Тимошенко – будущий маршал и нарком обороны СССР; в следующем, 1920 году помощником начштаба 6-й кд становится Мерецков – будущий маршал и начальник Генерального штаба, начальником штаба артполка дивизии начинал свою блестящую военную карьеру будущий маршал Москаленко. 6-м кавкорпусом в 30-е годы командовали два будущих маршала – Жуков и Еременко.

В сентябре 1939 г. 6-я кавдивизия входила в состав конно-механизированной группы, которая под командованием все того же Болдина «освободила» Белосток (т. е. приняла из рук немцев захваченный ими польский город). Так что район боевых действий бойцам и командирам дивизии был давно и хорошо известен. «По дорогам знакомым за любимым наркомом мы коней боевых поведем…» Отметим также, что кроме коней, сабель и карабинов в 6-й кд было 155 ручных и 64 станковых пулемета, 15 зенитных пулеметов и 4 зенитные 76-мм пушки, 8 гаубиц калибра 122 мм, 24 пушки 76-мм, 48 танков БТ (в составе танкового полка дивизии), 9 бронемашин и 66 (шестьдесят шесть) радиостанций.

Если бы приказ Павлова был выполнен в точности и КМГ Болдина начала наступление 23 июня, то вся эта гигантская стальная армада обрушилась бы на одну-единственную 256-ю пехотную дивизию вермахта, которая раньше и дальше всех продвинулась от р. Бебжа на юго-восток (вторая дивизия 20-го армейского корпуса, 162-я пд еще только выходила на северный берег р. Бебжа у Липска). Но 23 июня КМГ и ее многочисленные командиры (маршал Кулик, генерал-лейтенант Болдин, командующий 10-й Армией генерал-майор Голубев, командир 6-го мехкорпуса генерал-майор Хацкелевич) собирались с мыслями и сосредотачивали войска. Хотя от «*района лесов севернее Грудек»* (куда танковые дивизии 6 МК были выдвинуты в ночь на 23 июня) до Кузницы всего 40 км по прямой (или 62 км по дороге

[136] В «трех богатырях» Юго-Западного фронта (4 МК, 8 МК, 15 МК) танков, в т. ч. танков «новых типов», было еще больше, но оперативное искусство командования ЮЗФ и 6-й Армии привело к тому, что эти мехкорпуса были «разодраны» на множество фрагментов и введены в бой на расстоянии в сотни км друг от друга.

через Большую Берестовицу, Крынки, Сокулка), выдвижение танковых дивизий на исходные позиции заняло полтора дня.

В какой-то момент 23 июня (точное время на документе не указано) терпение Павлова лопнуло, и в штаб 10-й Армии полетела телеграмма:

«Почему механизированный корпус не наступал, кто виноват, немедля активизируйте действия и не паникуйте, а управляйте. Надо бить врага организованно, а не бежать без управления (эта фраза появилась не случайно, т. к. вечером 22 июня все военное, партийное и чекистское начальство покинуло Белосток, переместившись, для начала, в лес около Грудека. – *М.С.*). *Каждую дивизию вы знать должны, где она, когда, что делает и какие результаты. Почему вы не даете задачу на атаку механизированному корпусу?.. Запомните, если вы не будете действовать активно – Военный Совет больше терпеть не будет».* **[420]**

Излив таким образом душу, Павлов в тот же день, 23 июня направляет в три адреса (Болдину, Голубеву и Кузнецову) Боевое распоряжение (б/н), в котором поставлена задача «продолжать наступление», причем на значительно большую глубину:

«С утра 24 июня вам надлежит:

1. Ударной группой в составе 6-го и 11-го механизированных корпусов, 36-й кавалерийской дивизии под командованием тов. Болдина продолжать решительное наступление в общем направлении на Гродно, овладеть этим городом и продолжать наступление по обоим берегам р. Неман на Друскининкай и Меркине. Конечной целью дня – занять м. Меркине (60 км севернее Гродно. – *М.С.*). *Иметь в виду обеспечение операции по западному берегу р. Неман со стороны августовских лесов и со стороны Сувалки.*

2. Командующему войсками 3-й Армии тов. Кузнецову 85-й и 56-й стрелковыми дивизиями атаковать в общем направлении на Гродно и закрепиться к северу от этого города. 27-й стрелковой дивизией наступать на фронт Лабно (западный пригород Гродно. – *М.С.*), *Липск, Домброва, где и закрепиться… Об отданных распоряжениях немедленно донести».* **[421]**

Тем временем немецкая пехота реально продолжала свое, успешно начатое 22 июня, наступление. Оперативная сводка штаба 8 АК от 16–15 23 июня сообщает:

«8-й армейский корпус сломил последнее сопротивление противника западнее р. Неман, занял Гродно и продвигается на восток. Бои у Сопоцкин еще продолжаются. Наши войска дошли до железной дороги Гродно – Поречье. Захвачено большое количество танков и артиллерийских орудий…» Итоговая сводка 8 АК за 23 июня: *«Противнику 23.6 не удалось оказать организованного сопротивления. Более серьезное сопротивление противника отмечалось западнее Гродно. В Сопоцкине окружена сильная группа противника, которая оказывает упорное сопротивление. Гродно взят силами 8-й дивизии. Много трофеев…»* Планы на следующий день:

«8-й армейский корпус 24.06 продолжает преследование разбитой 3-й Армии русских; задача – выход к шоссе Лида – Вильнюс (80–100 км восточнее Немана. – *М.С.*)». **[412]**

161-я и 28-я пехотные дивизии продвигались на восток, фактически не имея перед собой противника, при этом 28-я пд к исходу дня заняла важное в тактическом отношении меж-озерное дефиле в районе м. Озеры (24 км восточнее Гродно). 8-я пехотная дивизия разделилась на две боевые группы: главные силы дивизии перешли на правый берег Немана и наступали вдоль шоссе на Скидель, при этом к исходу дня передовые подразделения находились уже в 1 км от реки Котра, право-фланговый 84-й пехотный полк занял Гродно и медленно продвигался на юг вдоль левого берега Немана, отражая многочисленные контратаки частей 11-го мехкорпуса; что же касается советской 85-й стрелковой дивизии, то она (судя по Оперсводке № 4 штаба Западного фронта) к 17–00 «заняла рубеж по р. Свислочь» и «приводила себя в порядок», т. е. стремительно отступила на 20 км от рубежа р. Лососьна, занятого

вечером 22 июня. **[422]** В итоговой оперативной сводке штаба 8-й пд за 23 июня отмечены активные и безрезультатные действия советской авиации: *«По району расположения дивизии сегодня также было проведено большое количество воздушных атак противника и всегда с больших высот* (выделено мной. – *М.С.*). *Ни одно из подразделений дивизии серьезно не пострадало».*

Стоит отметить и качество работы немецкой войсковой разведки: в сводке штаба 8 АК от 23 июня указаны правильные номера советских дивизий (56-я, 85-я, 27-я, 2-я и 8-я стрелковые, 29-я танковая), установлен факт перехода штаба 3-й Армии в Лунно; ошиблись немцы только в том, что назвали 204-ю мд 11-го мехкорпуса «86-й моторизованной бригадой». **[423]**

Достижения немецкого 20-го армейского корпуса 23 июня были более скромными. В ЖБД корпуса читаем:

«11.00. Проведенная передовым отрядом атака на Кузницу было отбита… Командование 256-й дивизии предлагает командованию корпуса провести наступление на Кузницу силами 481-го пехотного полка (командир полка – полковник Вебер) и передового отряда с использованием приданной им артиллерии… Противник ожесточенно обороняется в лесистой и холмистой местностях севернее Кузницы, местами используя вкопанные танки (скорее всего, это была 33-я танковая дивизия 11-го мехкорпуса, еще 22 июня сосредоточенная на рубеже р. Лососьна в районе Кузница и севернее. – *М.С.*). *Командование корпуса полагает, что 23 июня взять Кузницу уже не удастся… 329-й полк 162 пд сменяет охранение 256 пд на реке Каменка на западном направлении и вокруг Домброва. Остальные части дивизии сосредотачиваются в районе Липск.*

24 июня. 01.20. Кузница взята силами 481-го пехотного полка с передовым отрядом 256-й дивизии. Командный пункт корпуса переместился в Новый Двор. 256-я дивизия наступает дальше на юго-восток в направлении Подлипки (н.п. в 4,5 км юго-восточнее Кузницы. – *М.С.*)». **[411]**

Занять Кузницу (в ближайшие несколько дней этому неприметному местечку предстоит оказаться в эпицентре ожесточенного сражения) немцам удалось в ночь с 23 на 24 июня. К полудню 481-й пехотный полк переправился на правый берег р. Лососьна, остальные части 256-й пд вышли к реке севернее Кузницы до н.п. Бакуны (на пересечения реки и шоссе Сокулка, Гродно). 162-я пд начала выдвижение от р. Бебжа на юг и передовыми частями вышла к м. Сидра. Вот в таком положении и застал немцев начавшийся в первой половине дня 24 июня контрудар КМГ Болдина.

Попытка наступления

По здравой логике, по всем канонам военной науки стальная лавина советских танков (четыре сотни 76-мм орудий, укрытых несокрушимой для немецких «колотушек» броней – и это не считая сотен легких БТ и Т-26) должна была смести, раздавить, растереть в порошок 481-й пехотный полк, а затем и остальные части 256-й дивизии. Но ничего этого не произошло – ни 24 июня, ни в последующие два дня. Строго говоря, вообще ничего, выходящего за рамки локальных, краткосрочных проблем, у одного из армейских корпусов (20 АК) вермахта не произошло. Тысяча танков и десятки тысяч бойцов 6-го мехкорпуса «рассеялись» непонятно как, куда и почему.

Несмотря на то что в последние годы было опубликовано немало статей и книг, в которых рассматривается история разгрома КМГ Болдина, ясности так и не прибавилось. Архивные фонды 6-го мехкорпуса и его дивизий номинально существуют, но первичных оперативных документов там традиционно нет. И это несколько странно, если вспомнить, что по штатному расписанию в составе Управления мехкорпуса числились 11 писарей и еще 13 человек, должность которых обозначена как «заведующий делопроизводством» – было кому

записать оперативную сводку, было и кому ее подготовить (96 человек старшего начсостава), да и 1042 мотоцикла могли бы вывезти при отступлении пару картонных папок с бумагами… Есть ровно два, записанных уже после разгрома, документа; составлены они были в одном и том же месяце, но в существенно разных условиях. Это доклад командира 7-й танковой дивизии генерал-майора Борзилова, поступивший в ГАБТУ 4 августа, и протокол допроса в немецком плену командира 4-й танковой дивизии генерал-майора Потатурчева от 30 августа 1941 г.

Доклад Борзилова небольшой, всего три страницы машинописного текста, протокол допроса Потатурчева значительно больше (с немцами генерал был весьма словоохотлив), но сути дела – описанию участия вверенных им дивизий в контрударе у Гродно – и в том и в другом случае посвящено всего несколько фраз.

Протокол допроса Потатурчева:

«После сосредоточения в районе Грудек оба танковых полка,7-й и 8-й, отправлены маршем на Гродно, где к ним примыкали справа – части 11-й дивизии (так в тексте, но речь идет, разумеется, об 11-м мехкорпусе)*, слева – части 7-й дивизии, для обороны* (???) *на фронте шириной 12 км на рубеже Индура, Кузница от немецких частей, наступающих с направления Гродно. О порядке подчиненности* [частей дивизии?] *он не смог дать ясных сведений. Его командный пункт находился в районе Грудек. Управление дивизией было невозможным, т. к. находились далеко друг от друга* (так в тексте). *Уже в первые дни части его дивизии были разбиты германскими ВВС. С большей частью танков выдвинулся он на* [указанную] *линию* [согласно] *приказа. Он имел строгий приказ не отступать. Вследствие обхода и охвата Гродно передовыми германскими силами в направлении на Волковыск дивизия вынуждена была отступить и в ходе боя в районе Белосток* (???) *была измотана и полностью разгромлена. 30 июня он с несколькими* [оставшимися] *солдатами и офицерами покинул переставшее существовать соединение».* **[409]**

Понять что-либо тут сложно. Внутренняя противоречивость и сумбурность показаний усугубляются проблемой двойного перевода (с русского на немецкий и с немецкого на русский). Доподлинно известно, что дивизия Потатурчева – как и все прочие соединения КМГ Болдина – имела задачу на наступление, а вовсе не на оборону; «строгий приказ» требовал наступать до Меркине, а не отбиваться «от немецких частей, наступающих с направления Гродно». Обход и охват со стороны правого берега Немана (точнее говоря – нависшая угроза такого охвата), действительно, подтолкнули части КМГ Болдина к отступлению, но отступали они, конечно же, не на запад к Белостоку, а в прямо противоположном направлении, на Волковыск, Слоним.

В качестве главной причины разгрома Потатурчев называет воздействие немецкой авиации (*«части его дивизии были разбиты германскими ВВС»*). Не стоит даже тратить время на доказательства принципиальной абсурдности такого утверждения, просто перевернем еще несколько страниц протокола допроса: *«На вопрос, были ли немецкие воздушные атаки на танки успешными, он ответил, что однажды при налете «штук»* (немецкое жаргонное наименование пикирующих бомбардировщиков Ju-87) *на колонну из 16 танков не было ни одного попадания. Бомбы не попали ни в один танк. Осколочное воздействие не причинило вреда».* И это не единственный пример самоопровержения. В начале протокола допроса читаем: *«Тому, что немцы обнаружили много неповрежденных танков, было дано такое объяснение: они либо имели перегрев* [двигателей]*, либо не имели более горючего».* Через несколько страниц: *«Отказы двигателей, по его мнению, не были частыми, т. к. почти все танки его дивизии были совершенно новыми».* После этого в протоколе появляется запись: *«Здесь он сам себе противоречит».*

Пожалуй, единственный значимый (и, в частности, во многом объясняющий алогичность показаний Потатурчева) факт заключен в короткой фразе: *«Его командный пункт*

находился в районе Грудек». Особенно красноречиво это смотрится в сочетании с тем, что *«радиосвязь не устанавливалась для предотвращения подслушивания и пеленгации с немецкой стороны».* От Грудека до Кузницы 45 км по прямой. Как можно руководить наступлением танковой дивизии, находясь на таком расстоянии от поля боя, да еще и с отключенной радиосвязью? Не потому ли столь противоречивы показания Потатурчева, что он вынужден был рассуждать о том, чего лично не видел и не слышал?

Теперь обратимся к докладу генерал-майора Борзилова. Написан он нормальным русским языком, без двойного перевода, все слова знакомые – но понять смысл произошедшего трудно:

«Выполняя задачу, дивизия в первой половине дня 24.6 сосредоточилась на рубеже для атаки южнее Сокулки и Старое Дубовое (н.п. в 8 км западнее Индура. – *М.С.*). *Разведкой было установлено, что танковой дивизии противника нет, а были мелкие группы танков* (???), *взаимодействующих с пехотой и конницей* (???). *24–25.6 дивизия, выполняя приказ командира корпуса и Маршала т. Кулика, наносила удар: 14-й танковый полк – Старое Дубовое и далее Гродно, 13-й танковый полк – Кузница и далее Гродно с запада, где было уничтожено и разогнано до 2-х батальонов пехоты и до 2-х батарей артиллерии.*

После выполнения задачи части дивизии сосредоточились в районе Кузница и Старое Дубовое, при этом части дивизии потеряли танков 18 штук сгоревшими и завязшими в болотах. 25–26 июня до 21.00 дивизия вела оборонительный бой при взаимодействии с 29-й моторизованной дивизией и 36-й кавдивизией, наносила удары накоротке перед фронтом 128-го мотострелкового полка 29-й мд и 36 кавдивизией». **[408]**

Что значит «после выполнения задачи»? Задачей, в соответствии с приказом командующего фронтом, было занять Меркине, причем к исходу дня 24 июня. Из текста доклада вроде бы следует, что приказ, полученный Борзиловым от командира мехкорпуса, ставил менее масштабную задачу – дойти до Гродно. Фактически же дивизия после т. н. «выполнения задачи» возвращается в исходный район (Кузница, Старое Дубовое). И с каким это противником танковая дивизия, имеющая три сотни танков, да еще и во взаимодействии с двумя другими дивизиями, вела после этого «оборонительный бой»? Бронированный монстр два дня отбивался от пехотной дивизии вермахта? Да так и не отбился:

«К исходу 26.6.41 г. противник, использовав резерв (какой «резерв»? 129-я пехотная дивизия, переданная в подчинение 20 АК, находилась на марше и к вечеру 26.6 находилась еще в районе Сидра, имея задачу начать наступление из района Кузница утром 28 июня. – *М.С.*), *повел наступление. 21.00 части 36-й кавдивизии и 128-го мсп 29-й мд беспорядочно (в панике) начали отход. Мною были приняты меры для восстановления положения, но это успеха не имело. Я отдал приказ прикрывать отходящие части 29-й мд и 36-й кд, в районе м. Крынки сделал вторую попытку задержать отходящие части, где удалось задержать 128-й мсп* (о том, чтобы задержать противника, уже и речи нет. – *М.С.*) *и в ночь 26 на 27.6 переправиться через р. Свислочь восточнее м. Кринки (это было начало общего беспорядочного отступления)…»* **[408]**

Самый главный вопрос – куда делись танки 7-й танковой дивизии? Потеряно в бою и утоплено в болоте (найти болото в районе Старое Дубовое, Кузница еще надо было уметь – на топографической карте там всхолмленная равнина с редкими перелесками) 18 единиц. Другие боевые потери в докладе в явном виде не названы. Типы подбитых танков не указаны, но есть еще один подписанный Борзиловым 28 июля доклад, в котором он пишет: *«Надо отметить, что выводятся из строя главным образом орудия и пулеметы, в остальном машина Т-34 прекрасно выдерживает удары 37-мм орудий, не говоря уже о КВ»*. **[424]** Как бы то ни было, по состоянию на 22 июня в дивизии числилось 368 танков (именно такая

цифра получается при суммировании приведенных в докладе Борзилова данных)[137]. Арифметическая разница – 350. Для вермахта это танковый парк двух дивизий. Где все это?

Немцы разбомбили в первый день внезапного нападения? *«В 4.00 авиация противника бомбила Белосток, м. Хорош и Новоселки, но части дивизии не были подвержены бомбардировке, кроме остатков 13 ТП. Потери: 26 чел. раненых и 4 убито, матчасть не пострадала»*. Может быть, авиация противника разбомбила танковые колонны дивизии на марше к полю боя? *«Дивизия, выполняя приказ, врезалась в созданные на всех дорогах пробки беспорядочного отступления тылов армии из гор. Белостока (дорожная служба не была налажена, благодаря чего все беспорядочно бежало). Дивизия, находясь на марше и в районе сосредоточения с 4.00 23.6.41 до 9.00 и с 11.00 до 14.00, все время находилась под ударами авиации противника. За период марша и нахождения в районе сосредоточения до 14.00 дивизия имела потери: а) танков – 63 разбитых и разогнанных авиацией противника, б) разбиты все тылы полков, в особенности пострадал тыл 13-го полка. Приняты меры по сбору разогнанных тылов и танков»*. **[408]**

Разгоняют мух, птиц, неорганизованную толпу хулиганов. Устав Красной Армии не предполагал ни такой вид маневра, ни такую категорию потерь, как «разогнаны авиацией». Надо полагать, по этой причине во всех публикациях доклада Борзилова эти неправильные слова были из текста выброшены. Так же поступили и со словами *«матчасть не пострадала»* в описании бомбежки 22 июня – не стали смущать идейно незрелых читателей. (Рис. 29.) И это правильно – миф о всесокрушающей немецкой авиации надо холить и лелеять! Впрочем, черт с ними, с фальсификаторами, важнее другое – как практически мог быть выполнен такой «маневр»? Сколько ни разгоняйся, а от самолета на танке не убежишь…

Возможно, ответ на этот вопрос обнаружился в описании боевых действий[138] 8-го авиакорпуса люфтваффе: *«Во время бомбежки все экипажи в страхе бросили свои танки, лошади оторвались от повозок и без всадников галопировали по местности. Страшные картины!»* **[425]** Действительно, страшная картина необученной и немотивированной армии, в которой люди ведут себя как несчастные неразумные лошади (внутри танка, тем паче, если это КВ или Т-34, во время бомбежки гораздо безопаснее, чем снаружи).

Предположим самое худшее (и маловероятное, к тому же) – *«меры по сбору разогнанных танков»* ни к какому результату не привели, собрать никого не удалось. 63 танка перешли в перечень безвозвратных потерь. 368 – 63–18 = 287. Ни одна танковая дивизия вермахта на Восточном фронте не имела такого количества танков (даже если в разряд «танков» записать учебно-боевые танкетки Pz-I). Где, как и почему дивизия Борзилова смогла потерять без малого три сотни танков? Их пришлось бросить по причине отсутствия горючего?

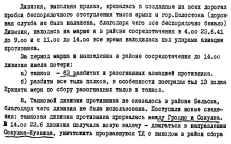
«Обеспеченность дивизии боевым имуществом: ГСМ Б-70 и КБ-70 (авиабензин для моторов легких танков. – *М.С.*) *– 3 заправки, дизельного топлива – 1 заправка»*. Это то, что было в дивизии на момент начала войны. Плохо. Налицо явное нарушение многочисленных довоенных приказов, в соответствии с которыми непосредственно в частях должно было быть 3 заправки по всем видам ГСМ. И тем не менее, от Белостока до Гродно, по самому «кривому маршруту» (через Грудек, Б. Берестовица, Сокулка) всего 120 км; запас хода на одной заправке составлял 180 км у тяжелого КВ и 300 км у Т-34 (люди не случайно придумали и применили в транспортной технике экономичный дизельный двигатель). В чем про-

---

[137] Интересный момент. В оригинальном тексте доклада написано: *«Материальная часть: КВ – 51, Т-34 – 150, БТ-5/7 примерно 125, Т-26 – 42. Кроме того – броневики, транспорт и спецмашины»*. При этом во всех известных мне публикациях нет ни КВ, ни Т-34, они заменены словами «тяжелые танки», «средние танки»; фраза про *«броневики, транспорт и спецмашины»* выброшена вовсе.

[138] «Кампания 1941-го года в России. 8-й авиационный корпус». В тексте дано пояснение: «Документ составлен полковником в отставке Дейхманом (H. W. Deichmann), тогдашним начальником управления личного состава 8-го корпуса, на основании записей, опросов и журнала командира корпуса генерал-фельдмаршала Рихтгоффена (Frhr. v. Richthofen)».

блема? А если проблема с горючим все же появилась, так ее же можно решить: *«Удалось заполучить одну заправку* [со] *сгоревших складов Кузница и м. Кринки (вообще ГСМ добывали как кто сумел)».* **[408]** Странное использование глагола «заполучить»; на своей территории, со стационарного склада, размещенного в 40 км от места постоянной дислокации дивизии, – это называется «добывали как кто сумел»? Как же немцы на чужой территории «добывали» бензин, наступая в темпе до 100 км в день?



Дивизия, выполняя приказ, вернулась в создавшие за ночь дороги пробка беспрецедентного отступления такое время и сер.Болотова (дорожка сутки не была видимо, благодаря чего все беспорядочно бежали)
Дивизия, находясь на марше и в районе сосредоточения в 4.00 22.6.41 до 9.00 и с 11.00 до 14.00 все время находилась под ударами авиации противника.
За период марша и нахождения в районе сосредоточения до 14.00 дивизия имела потери:
а) танков – 62 работает в ремонтных взводах противника.
б) работы все тыла взвода, в особенности досталось тыл 10 полка Принять меры по сбору работающих тыло в танки.
6. Танковой дивизии противника не осталось в районе Белосн, благодаря чего дивизия не была использована. Поступая всем сведениям: танковая дивизия противника прорвалась между Гродно и Сокулка. В 14.00 22.6 дивизия получила вскую задачу – двигаться в направлении Сокулка-Кузница, уничтожить противника 12 с запада в район сбора

Рис. 29. Доклад командира 7-й танковой дивизии

Теперь постараемся взглянуть на ситуацию «с другой стороны фронта». Из немецких документов со всей определенностью следует, что двухдневное (24–25 июня) сражение с танками в районе Кузница, Сокулка, Сидра в реальности было, однако оценки его масштаба давались различные и часто противоречивые. Начнем прежде всего с Журнала боевых действий 20 АК (именно его дивизии приняли на себя главный удар КМГ Болдина), а в обширном массиве информации постараемся найти ответ всего на два вопроса: сколько танков увидели немцы на поле боя и сколько танков им удалось уничтожить (точнее говоря, назвать уничтоженными).

«24 июня… Около 10.00 передовая боевая полковая группа (256-я пд) *была атакована танками противника из района Сокулка* (это первое сообщение о начавшемся контрударе, причем, судя по времени и географии, это не были танки 4-й или 7-й танковых дивизий; скорее всего, речь идет о частях 29-й мд, которая раньше других соединений 6-го мехкорпуса выдвинулась на рубеж р. Лососьна. – *М.С.*). *Атаки противника были успешно отражены…*

Примерно в 12.00 боевая группа 481-го пехотного полка 256 пд форсировала р. Лососьна… Задача корпуса – дальнейшее наступление на Индура. Между тем, усиливаются танковые атаки противника (около полудня) на позиции 481 пп. В ходе боевых действий было уничтожено большое количество танков противника. Стало необходимым отвести назад на прежние позиции авангард 256-й дивизии, который продвинулся уже восточнее Подлипки (н.п. в 5 км восточнее Кузницы. – *М.С.*). *162-я дивизия также была атакована танками противника с юга со стороны Сидра* (и это сообщение, вероятно, связано с действиями 29-й мд. – *М.С.*). *Эти атаки также были успешно отбиты.*

Батареи противника с позиций восточнее Сокулка вели огонь по Кузнице и существенно мешали 256-й дивизии выполнять ее боевую задачу (судя по дальности стрельбы, это первое и последнее упоминание о действиях 124-го гаубичного арт-полка. – *М.С.*). *Атаки наших пикирующих бомбардировщиков разбили эти батареи и, кроме того, уничтожили танки противника…*

Около 17.30 штабу армии по радиосвязи доложили, что в районе Лунно, Индура, Сокулка наблюдается большое скопление танков противника (вероятно, они вышли на исходную позицию для атаки). Продолжающиеся танковые атаки противника позволяют предположить, что противник намеревается вернуть себе Кузницу и вытеснить 256-ю дивизию из образованного ею плацдарма [на восточном берегу р. Лососьна].

До вечера 256-я дивизия успешно отразила 12 танковых атак противника. В ходе боев было подбито примерно 80 танков противника. При этом особо отличились 210-й дивизион «штурмовых орудий» и 2-й дивизион 4-го зенитного полка (приданные корпусу подразделения. – *М.С.*). *162-я дивизия во время продвижения на Сидра также должна была отражать танковые атаки противника. Подбито более 20 танков противника.*

Около 21.00 штаб 162-й дивизии докладывает о неожиданно мощной танковой атаке противника на Сидра. Так как дивизия приняла боевой порядок для наступления и не было организовано сплошного фронта обороны, то возникла угроза прорыва танков противника. На какое-то время возникла критическая ситуация, которую вскоре удалось все же разрешить…

Итоговая сводка за 24 июня. Ход боев: после занятия ранним утром 24 июня Кузницы наступление 256-й пд продолжалось на Подлипки. 12 мощных танковых атак противника с юго-западного и юго-восточного направлений остановили наступление дивизии. Несмотря на массированные атаки (около 100 танков с артиллерийской поддержкой), противнику так и не удалось продвинуться до Кузницы». **[411]**

Утреннее (от 7.00 25 июня) донесение штаба 9-й Армии вермахта уже фиксирует начавшийся отход ударной группировки противника на восток: *«Вчерашние танковые атаки Кузницы и района южнее Гродно, видимо, завершены. По дорогам Индура, Россь и Индура, Большая Берестовица в неизвестном направлении движутся крупные моторизованные колонны»*. Однако уже в 18.05 штаб армии вынужден признать: *«Юго-западнее Гродно, на линии Домброва, Сидра, Кузница продолжаются танковые атаки».* **[471]** Не вполне понятно – как связать это сообщение с предыдущим (об отходе крупных мехколонн на восток), но днем 25 июня кто-то действительно атаковал, причем еще большими силами, позиции 20 АК у Кузницы. В ЖБД корпуса читаем:

«25 июня… 14.00. Генерал Кауффман, командир 256 пд лично докладывает о мощной танковой атаке противника, в том числе сверхтяжелых танков, на Кузницу и позиции его дивизии (около 200 танков) с юго-восточного направления (это, как можно судить по выявленным немецким документам, самая крупная танковая атака июня 41-го года на всем Восточном фронте. – *М.С.*). *Штаб корпуса тотчас же запросил пикирующие бомбардировщики, которые быстро взлетели и рассеяли атаку противника с ощутимыми для него потерями…»* **[411]**

Вероятно, именно этот эпизод боя отражен в описании боевых действий 8-го авиакорпуса люфтваффе: *«С рассветом 25 июня русские продолжают свои контратаки западнее Гродно у Кузницы и у Домбровы-Белостоцкой. На это в 4 часа дня следует наше первое ответное действие с хорошим успехом. Здесь снова уничтожается много танков и машин. Штурмовики в давно испытанной манере идут на кавалерию, артиллерию на конной тяге и на пехоту. Русские отступают, местами бегут в направлении на Белосток и на Волковыск».* **[425]**

В ночь с 25 на 26 июня командование 20 АК выпускает приказ, в котором ставит задачу на переход к обороне и подводит итоги двух дней боев: *«20-й армейский корпус смог отразить 24.06 и 25.06 многочисленные, иногда очень сильные атаки противника в полосе фронта 162-й и 256-й дивизий. При этом части 256-й дивизии, действуя в обороне, отбили 13 атак противника и уничтожили 108 танков; войска 162-й дивизии к настоящему времени уничтожили 56 танков противника. Дивизиям была оказана мощная поддержка 2-м дивизионом 4-го зенитного полка, подбившим 21 танк противника, и частями 8-го авиационного корпуса, которые только 25.06 уничтожили 43 танка, 44 грузовика и 5 артиллерийских батарей противника».* **[427]**

Итак, даже в самых массированных атаках участвовало – по оценке самих атакованных – от 100 до 200 танков (при этом не будем забывать о том, что «у страха глаза велики», а времени и нервов для хладнокровных подсчетов в момент атаки вражеских танков обычно не хватает). Всего за два дня заявлено уничтоженными 228 танков; на какой «коэффициент завышения» надо поделить это число – об этом сегодня можно только гадать.

Примечательно, что в вечернем (от 22.00 25 июня) донесении штаба 9-й Армии дана гораздо более уничижительная оценка действий советских танковых частей: *«Танковые*

бои около Гродно не являются крупным запланированным наступлением, скорее это были отдельные атаки (10–20 танков) местного значения. Контратаки имели целью приостановить наступление немецких войск на Индуру. Иногда в подбитых танках находили людей в гражданской одежде. В лесах обнаружены брошенные танки». **[472]** Утро вечера мудреней, и в утреннем (от 8.00 26 июня) донесении немецкие штабисты «догадались», наконец, о том, что означают брошенные экипажами танки: «*Обнаруженные в лесах неповрежденные танки без экипажей позволяют сделать вывод о том, что экипажи ожидают в на-дежных укрытиях момента для нападения*». **[473]** Другое объяснение в головы офицеров вермахта не пришло…

Как и следовало ожидать, самый сильный удар (и самые большие заявленные победы) пришелся на долю 256-й пд у Кузницы, т. е. в полосе действий 4-й и 7-й танковых дивизий. Типы подбитых танков не указаны, однако из документа видно, что наибольшее число подбитых танков заявлено пехотными дивизиями, противотанковое вооружение которых состояло из 37-мм «колотушек» (и в лучшем случае – двух 50-мм ПТО на пехотный полк); реальную техническую возможность поразить Т-34 и КВ имели только зенитчики, но у них, судя по тексту приказа, заявлен всего 21 танк.

К удаче для историков, сохранился и весьма подробный доклад «О действиях и успехах 2-го дивизиона 4-го зенитного полка в период 22–27.6.41 г.». **[428]** В состав дивизиона входило пять подразделений (батарей) с порядковыми номерами от 6 до 10 (в немецком зенитном полку была принята сквозная нумерация по всем трем дивизионам). Тяжелые 88-мм зенитки в количестве четырех штук были только в трех батареях (в данном случае в 6-й, 7-й и 8-й), две другие батареи (9-я и 10-я) имели по 12 легких 20-мм зениток каждая; кроме того, 6-я батарея имела две 20-мм зенитки. Таким образом, расстрелять четыре сотни советских танков «новых типов» предстояло одной дюжине 88-мм зениток. В реальности все было несколько иначе:

«Около 13.00 24 июня обе батареи (8-я и 9-я) *заняли позиции на высоте 236, юго-восточнее Подлипки, в 4 км юго-восточнее Кузница. Продвижение передовых частей остановилось. Вражеские танки атаковали наши позиции с начала второй половины дня до позднего вечера. Уже при первой атаке, по приказу обоих командиров батарей, все орудия были рассредоточены на передних скатах высот для противодействия атакующей бронетехнике и ее уничтожения. В ходе жестокого оборонительного боя, под непрерывным пулеметным огнем с танков* (да, именно так в тексте, и это очень странно, учитывая, что КВ или Т-34 мог ответить не только «пулеметным огнем», но и полновесным 76-мм снарядом. – *М.С.*) *было отбито 9 атак противника. До 18.30 24.06.41 двумя батареями было уничтожено в общей сложности 20 танков противника. Исключительные мужество и отвагу проявили командиры 8-й и 9-й батарей обер-лейтенанты Турм и Диккель…*

6-я батарея около 14.00 24 июня оставила позиции в 2 км юго-западнее Кузницы и переместилась на возвышенность двумя километрами восточнее Кузницы. Задачи: ПВО, а также защита от атак танков, которые выдвигались с юга на Кузницу. В 16.50 15 танков противника двигались в направлении Лунно, Кузница. 6-я батарея открыла огонь и уничтожила 5 танков. Остальные танки отступили.

В ночь с 24 на 25.06.41 около 3.45 три танка противника атаковали позиции 8-й и 9-й батарей. Одна вражеская машина была уничтожена, остальные отошли…

25 июня около 4.30 7-я батарея полка передислоцировалась из района севернее Кузницы в расположение 162-й пд для противодействия замеченной у Сидра бронетехнике противника и ее уничтожения. После выполнения задачи 7-я батарея вернулась в 256-ю пд на позиции севернее Кузница». **[428]**

И это – все. Дальше в докладе отмечаются лишь отдельные стычки с небольшими группами танков. Общий итог: за пять дней войны зенитчиками заявлен 31 подбитый танк про-

тивника (типы машин не указаны, сам факт появления тяжелых танков вообще никак не упоминается). Однако самое впечатляющее – это перечень собственных потерь: *«Всего за период 22–27 июня дивизион потерял 9 человек ранеными, 1 человек впоследствии умер от ран»*. Два дня «*жестокого оборонительного боя»* (да и остальные дни личный состав провел не в турпоходе), много подбитых танков противника, 1 убитый, 8 раненых.

Лебежаны, Новая Мышь

Вечером 27 июня в штабе Западного фронта (к тому моменту он уже переместился в Могилев) была составлена Оперсводка № 8. Связь командования фронта со штабами распадающихся корпусов и армий уже почти отсутствовала, донесения доставлялись за сотни км делегатами связи, поэтому не приходится удивляться тому, что в сводке за 27 июня упоминались события и местоположение войск предыдущих дней. Были в Оперсводке № 8 и такие слова:

«6-й механизированный корпус – 4-я танковая дивизия к 18.00 24.6.41 г. сосредоточилась в районе Лебежаны, Новая Мышь, имея потери до 20–26 %, главным образом за счет мелких танков; танки КВ не всегда несут потери даже от прямых попаданий бомб.

7-я танковая дивизия была на марше между Волковыск и Барановичи, ведя бой арьергардами западнее Волковыск.

Мотоциклетный полк 6-го механизированного корпуса, понеся большие потери, к 23.00 24.6.41 г. сосредоточился в районе Столбцы». **[429]**

Незатейливая фраза про район сосредоточения и состояние 4-й тд вызвала неподдельный интерес читателей и писателей; беглый поиск по Интернету по запросу «Лебежаны, Новая Мышь» дает сотни ссылок. Увы, внимание публики привлекло вовсе не то, что там было по-настоящему интересно, а вполне заурядная констатация факта (*«танки КВ не всегда несут потери даже от прямых попаданий бомб»*)[139]. Процитировали сводку практически все авторы, писавшие про боевые действия КМГ Болдина (это придает тексту солидность – ссылка на настоящий «архивный» документ, подробная, вплоть до упоминаний крохотных местечек, география ТВД), сомнений, удивлений, возражений ни у кого не было.

Работая над своей первой книгой («Бочка и обручи»), я попытался было найти эти самые Лебежаны, Новая Мышь, но сколько ни разглядывал доступные мне карты района Сокулка, Кузница, Индура, а обнаружить эти или созвучные им названия населенных пунктов не смог. Прошло время, и до меня дошел быстрый Интернет и поисковая система Google-map. Новая Мышь[140] обнаружилась мгновенно – 4 км северо-западнее Барановичи, на другой стороне магистральной автострады. В довоенной Польше это был административный центр гмины (волости по-русски); было в той гмине и местечко Лебежаны, но на современных картах его уже нет.

Как это понимать? От Старое Дубовое, Индура, Кузница (именно там вроде бы сражалась 24–25 июня 4-я танковая дивизия) до Барановичи 170 км по кратчайшему дорожному направлению (проселком до Крынки и затем через Б. Берестовицу на магистральное шоссе). По ходу движения неизбежно предстоит пересечь четыре (!) реки: Свислочь, Россь, Зельвянка, Щара. Да, не самые большие реки, не Амур с Енисеем, но и для переправы через них танкам нужен мост. И не деревенский бревенчатый мостик, а серьезное сооружение,

---

[139] И не только КВ. В докладе генерала Мостовенко (а его 11 МК был вооружен, главным образом, легкими танками с противопульной броней) читаем: *«После 23.06.41 г. немцы против наших танков использовали ПТО и бомбежку авиацией, которой сожжено около 6 танков»*. Шесть из без малого четырех сотен танков.

[140] Кстати, топоним этот не имеет ничего общего с мелким домашним грызуном. Местечко (а оно весьма древнее, упоминается уже в хрониках XVI века) получило свое название от реки Мышанка (или Мыша в белорусском варианте), что, по мнению краеведов, восходит к балто-славянскому «машаз» (малый) или «мышкас» (лесистый).

способное выдержать 30-тонный Т-34 и 50-тонный КВ. Таких мостов в тех местах немного, навести паромную переправу требуемой грузоподъемности – совсем непросто, особенно принимая во внимание безостановочные бомбовые удары вражеской авиации (оперативное значение шоссе Белосток, Барановичи немцы прекрасно понимали).

Так и это еще не все! К утру 24 июня 47-й танковый корпус вермахта вышел к Слониму, и весь день 24 июня (как и два следующих дня) в полосе Слоним, Барановичи шел ожесточенный бой, причем с переменным успехом. В такой обстановке «проскочить мышью» через Слоним к Барановичам (40 км по современной дороге) было бы совсем непросто; скорее всего, пришлось обходить Слоним с севера, по лесам и болотам, а это дополнительные потери времени.

Резюме: для того, чтобы вечером 24 июня оказаться в районе Лебежаны, Новая Мышь, танковая дивизия должна была начать движение от Грудека (исходная точка сосредоточения танковых дивизий 6 МК) никак не позднее утра 23 июня. 170 км пути и четыре переправы за два дня – это предел реальных маршевых возможностей танковых частей Красной Армии того времени. Другими словами, на поле боя у Кузницы дивизия даже не заезжала.

Можно ли делать столь далеко идущие выводы на основании одной даты в одном-единственном документе? Конечно, нет. Составители (или публикаторы, что также возможно) оперсводки № 8 могли элементарно ошибиться с указанием даты, девочка-машинистка не на ту клавишу нажала, и 27 июня превратилось в 24; правду сказать, «девочка ошиблась» дважды – там ведь рядом есть еще и упоминание о мотоциклетном полку 6-го мехкорпуса, каковой полк *«к 23.00 24.6.41 г. сосредоточился в районе Столбцы»,* т. е. пронесся еще 60 км от Барановичи на северо-восток… В любом случае, я не стал ничего менять/дополнять при последующих пере-изданиях книги – до того момента, когда в архивном фонде Оперативного управления штаба Западного фронта, в деле со скучным названием «Разная переписка» удалось обнаружить еще один документ.

Скорее всего, именно это донесение и послужило основой для составления Оперсводки № 8. На пожелтевшем от времени листе бумаги простым карандашом написано:

«Данными, собранными делегатами штаба фронта, установлено:

1. 25.6 Барановичи были в наших руках. 17-й мехкорпус организованной обороной вывел из строя артогнем до 40 танков противника и продолжает удерживать свои позиции.

2. 4-я танковая дивизия 24.6 в 17–18 часов была в районе Лебежаны, Новая Мышь (дивизию делегат видел лично); потери до 20–25 %, главным образом легкие танки, КВ не берут даже прямые попадания бомб.

3. 7-я танковая дивизия была на марше между Волковыск и Барановичи, ведя бой арьергардом западнее Волковыск.

4. 13-й мехкорпус 24.6 остатками собирался в районе Столбцы, Барановичи [неразборчиво] *отдельные люди и машины.*

5. 24.6 в 23.00 в районе Столбцы [находятся] *остатки мотоциклетного полка 6-го мехкорпуса (понес большие потери в бою с авиадесантом* [противника] *силою до 300 чел., поддержанным мощным налетом авиации).*

Делегаты: военинженер 3-го ранга С… [неразборчиво] *и интендант 3-го ранга Сидоров доложили: 4-я танковая дивизия 24.6 в 14.00 выступила из Слонима на Барановичи…»* **[430]**

Итак, никакая «девочка» дату 27-е на 24-е не меняла. Две группы командиров, независимо друг от друга, сообщают о том, что 4-я танковая дивизия во второй половине дня 24 июня находилась между Слоним и Барановичи (факт этот, похоже, ошеломил и самого составителя донесения, который счел нужным специально уточнить: «дивизию делегат видел лично»). Вторая танковая дивизия 6-го мехкорпуса (7-я тд) также оказалась совершенно «не на своем месте» – вместо того, чтобы наступать на Гродно, она, оказывается, маршировала

от Волковыск на Барановичи. Мотоциклетный полк 6 МК к исходу дня 24 июня оказался на таком огромном расстоянии от поля боя у Кузницы, что для объяснения причин превращения полка в «остатки» пришлось выдумывать «авиа-десант противника силою до 300 человек».

Что это было? Точного ответа мы уже не найдем никогда. Наиболее вероятной, объясняющей большую часть выявленных фактов, представляется мне следующая версия: 22 июня 1941 г. началась война. Через пару дней 4-я танковая дивизия, как и весь 6-й мехкорпус в целом, превратилась в «добровольческое соединение». Каждый по своей воле делал то, что хотел; всякое централизованное управление было потеряно – несмотря на полсотни радиостанций и прочих проводов. Корпус распался на несколько не связанных друг с другом групп.

Первую составило командование и штаб, укрывшиеся в глухом лесу и отключившие радиосвязь. Другая группа без долгих колебаний ломанулась на восток и уже вечером 24 июня успешно добежала до Новой Мыши. Но были и те, кто с отчаянным упорством, без должной координации действий, без связи и взаимодействия с собственной артиллерией и пехотой, атаковал немцев у Кузницы – не случайно же в немецких документах появляются записи о 12 танковых атаках противника и двух сотнях подбитых танков. Кого было сколько? Судя по тому, сколько танков заметили на поле боя немцы, сколько своих солдат они потеряли, сколько времени заняло у них «перемалывание» огромного мехкорпуса, в бой пошел каждый четвертый, если не каждый пятый-шестой.

Да, нехорошая получается версия. Совсем неправильная. Не вписывается она в картину «беспримерного в истории массового героизма». А протокол допроса в немецком плену командира 4-й тд вписывается?

«После того, как он оставил свои войска, он пытался [попасть] *через Слоним, Барановичи в Смоленск, а из Смоленска в Москву. Он предполагал, что к тому времени, когда он доберется до Смоленска, Москва падет, и он сможет оттуда попасть к своей семье.*

На просьбу кратко проиллюстрировать основные принципы боевого использования русских танковых войск, он попросил лист бумаги и начертил схематический эскиз… Его не слишком обширные пояснения [оставили] *впечатление схематичности и выученного с некоторым трудом* [урока]. *Добросовестно, с гордостью и чувством удовлетворения* [ученика] *на экзамене по тактике он откинулся назад по окончании черчения…*

Примечательно, что он охотно дает сведения о своей дивизии, структуре и построении боевых порядков, даже о принципах боевого применения танковых войск. Ему не приходит в голову, что с нашей точки зрения он тем самым нарушает священнейший долг офицера. По нашему мнению, ему не хватает национальной чести и чувства долга, которые для нас являются само собой разумеющимся. Это наблюдение не является единичным, а общим, постоянно встречающимся [явлением] *при каждом допросе старших офицеров».* **[409]**

А вот еще один старший офицер, и тоже из 4-й танковой дивизии:

«Вечером 29.06.41 на участке 2-го батальон 25-го мотопехотного полка (12-я танковая дивизия вермахта. – *М.С.*) *взят в плен русский полковник, который сказал, что он Bessarabier* (уроженец Молдавии?) *и что перешел к нам добровольно, потому что он не согласен с советской идеей. По этой причине он сорвал свои знаки различия. Он показал, что был начальником артиллерии 4-й тд 10-й Армии* (вероятно, начальник артиллерии 4-й тд полковник Ефим Иванович Цвик. – *М.С.*). *Артиллерия дивизии состоит из одного гаубичного полка с 12-см и 15-см орудиями. Его дивизия с боями отступала из Белостока до Минска. С армейским командованием у него с 26.06 связи больше не было.*

Дивизия (т. е. командиры немецкой дивизии) *через переводчика побудила русского полковника вернуться в свою часть и сказать, что сопротивление бессмысленно и что русских пленных не расстреливают. Без долгих размышлений русский полковник согласился на это. Сегодня около 5 утра он был послан на участке 2-го бтл 25 мпп к русским войскам. Через*

два часа в этом месте было доложено о большом количестве перебежчиков. Связано ли это с деятельностью полковника, сказать пока нельзя. При допросе через переводчика этот полковник еще сказал, что, по его мнению, вся русская армия развалится через 12 дней».

Для полноты картины приведем и ту фразу из Боевого донесения штаба 12-й танковой дивизии вермахта, которая идет вслед за прогнозом о сроках развала Красной Армии: *«Три русских солдата, перешедшие на нашу сторону ранним утром 30.06., сказали, что они из 251-го стрелкового полка* (номер явно неверный. – *М.С.*). *Последние 5 дней они не получали никакой пищи, и когда они должны были идти в атаку на немцев, они отказались выполнять приказ своего лейтенанта и застрелили его».* **[431]**

К сожалению, пока еще не введены в научный оборот протоколы допросов генерал-майора Зыбина, командира 36-й кавдивизии – еще одного соединения, входившего в состав КМГ Западного фронта. Допросов было много: сначала в немецком плену, куда он попал в июле 1941 г., затем – в ходе следствия и суда, который в августе 1946 г. приговорил бывшего генерала к расстрелу «за потерю управления дивизией и антисоветскую агитацию в плену». **[432]**

Развязка

В упомянутом выше докладе командира 11-го мехкорпуса генерал-майора Мостовенко боевым действиям 6-го мехкорпуса уделено ровно два предложения: *«Наступление 6 МК успеха не имело. 4 ТД продвинулась до Кузница и стала отходить».* К этим двум фразам можно добавить еще одну: *«33 ТД распоряжением командира подвижной группы генерал-майора Болдина была подчинена командиру 6 МК».* **[414]** После этого в распоряжении Мостовенко осталась 29-я танковая, понесшая ранее тяжелые потери в бою у Конюхи, и 204-я моторизованная дивизии. Этими силами 11 МК достаточно успешно контратаковал противника – на оперативных картах немецкого Генштаба за 24–26 июня отчетливо видно, как линия фронта южнее Гродно сначала останавливает свое движение, а затем начинает «продавливаться» на север, к пригородам Гродно. Правды ради надо все же отметить, что противником двух советских дивизий был один пехотный полк 8-й пд вермахта.

Несравненно хуже развивались события к востоку от Немана, где пехота противника продолжала свое безостановочное продвижение. Оперативная сводка 8 АК вермахта в 15–45 25 июня констатирует: *«8-й армейский корпус, не встречая сопротивления противника, частями 28 пд подходит к Острино* (н.п. за р. Котра, в 46 км восточнее Гродно. – *М.С.*)*, а частями 161 пд выходит к Радунь* (н.п. в 85 км северо-восточнее Гродно. – *М.С.*)*… Планы на 26.06: частям 161 пд дойти до Лида, 28 пд дойти до района южнее Лида, 8-я дивизия в зависимости от ситуации у соседа справа* (т. е. в полосе 20 АК, отражающего основной удар советских танковых соединений. – *М.С.*) *или дальше прикрывать правый фланг, либо выйти в район юго-восточнее Лида».* Раздумья не были долгими, и уже поздним вечером 25 июня принимается решение: *«Приказ по корпусу № 4.*

9-я Армия поворачивает на юг, чтобы воспрепятствовать отходу войск противника с выходом через р. Неман на север и северо-восток. Для решения этой задачи 8 АК переходит к обороне на рубеже р. Неман, на фронте от Гродно до Мосты». **[412]**

Слова «переходит к обороне» означали в данном случае наступление (марш) частей 28-й пд и левого фланга 8-й пд (161-ю пд было решено оставить в районе г. Лида и переподчинить ее командованию 5 АК) от рубежа Озеры, Острино на юг с выходом на правый берег р. Неман в полосе Лунно, Мосты. Командование советской 3-й Армии своевременно оценило намерения противника и нависшую угрозу окружения. Первым ответным действием было «перебазирование» самого командования. Генерал Мостовенко в своем докладе описывает это так: *«Командармом-3 были мне подчинены остатки (отряды) 85-й и 56-й стрелковых*

дивизий… С 25.6. связи со штабом 3-й Армии не имел. Командарм-3 выехал через Лунно на восток»[141]. Не один только Мостовенко потерял связь с генералом В. Кузнецовым, в оперативных сводках штаба Западного фронта начинает монотонно повторяться фраза: *«Данных о местонахождении и действии частей 3-й Армии не поступило».*

Завершая разговор об оперативном искусстве командования 3-й Армии, приведем еще один документ. Это донесение командира 209-й моторизованной дивизии (17 МК) полковника Муравьева в штаб фронта, подписанное 25 июня в 22.30. Две странички из школьной тетради «в клеточку», исписанные размашистым крупным почерком. Строго говоря, вся история разгрома Западного фронта исчерпывающе изложена в этом донесении, поэтому приведем его полностью, от первого до последнего слова:

«Командующему войсками Западного Особого военного округа генералу армии т. Павлову

Доношу:

1. Всякое управление со стороны командарма-3 утеряно. Ко мне обращаются ежедневно сотни командиров, разыскивающих штарм-3, в том числе обратился 25.6.41 начальник штаба ВВС 3-й Армии и начальник 3-го отдела (военная контрразведка. – *М.С.*).

2. Точно почти такое же положение в 4 СК (в состав корпуса входили 56-я, 85-я и 27-я стрелковые дивизии. – *М.С.*).

3. На фронте Радунь, Волковыск противник особой активности не проявляет, а вопрос исключительно в потере управления. Бежит масса начсостава и рядового, причем никто из них живого немца не видел (это не преувеличение, т. к. восточнее линии р. Неман, р. Свислочь немецких частей, за исключением разведывательных групп, на тот момент еще не было. – *М.С.*)*, а исключительно – «немец бомбардирует, не дает жить». На самом деле потери от действий авиации наземных войск при настоящих военных действиях крайне незначительные. Как пример, 209-я мд в течение 22–25.6.41 систематически подвергается налетам авиации и имеет за эти дни 7 убитых и 12 раненых. Я в течение этих дней задержал до 3000 человек вооруженных, здоровых бегущих людей исключительно от авиации, а не от наземных войск.*

4. На фронте Лида, Слоним в течение 22–25.6 кроме действий авиации [противника] *я больше ничего не установил.*

Прошу:

Создать заградотряды, выслав ответственных командиров фронта на определенные участки, а сейчас вся эта неуправляемая масса сеет панику о несуществующих восстаниях в местечках, парашютистах и авиационных десантах, что крайне вредно отражается на подходящие новые части, [на] *население. Эти слухи, абсолютно невероятные, глубоко проходят в пределы Советского Союза. Полевым войскам крайне трудно заниматься работами по возвращению на фронт бегущих без всяких к тому причин».* **[426]**

Финальная черта под несостоявшимся контрнаступлением КМГ Болдина была подведена в 16–45 25 июня, когда из штаба фронта была отправлена следующая телеграмма: «*В 3-ю и 10-ю армии. Командиру 6-го механизированного корпуса. Немедленно прервите бой и форсированным маршем, следуя ночью и днем, сосредоточьтесь Слоним. Свяжитесь* [по] *радио с Голубевым* (командующим 10-й Армией) *и непосредственно со мною. Начале движения, утром 26 и об окончании марша донесите. Радируйте состояние горючего и боеприпасов».* **[433]** Этот приказ был составной частью решения об общем отводе войск 3-й и 10-й Армий из «Белостокского выступа» на рубеж Молодечно, Лида, р. Щара. Решение, которое

[141] В.И. Кузнецов в дальнейшем командовал 1-й Ударной армией под Москвой, 63-й Армией у Сталинграда и 3-й Ударной при штурме Берлина; закончил войну в звании генерал-полковника, Героя Советского Союза, кавалера ордена Суворова.

могло бы пойти на пользу, если бы его приняли дней за десять до 22 июня. Вечером 25 июня отводить войска на восток было уже поздно, да и отводить-то было практически некого…

Тем же вечером 25 июня (только позднее, в 23–30) командование 9-й Армии вермахта приняло решение повернуть 8-ю и 28-ю пехотные дивизии на юг, *«чтобы воспрепятствовать отходу войск противника с выходом через р. Неман на север и северо-восток»*. Пехотные дивизии 4-й Армии вермахта к вечеру 25 июня вышли к южному берегу р. Нарев и в ряде мест уже форсировали ее. Таким образом, для отвода советских войск оставалось узкое «бутылочное горло» шириной в 50–60 км, осью которого было шоссе Белосток, Волковыск, Слоним. Дорогу нещадно бомбила немецкая авиация. Даже в оперативных сводках и донесениях штабов вермахта, т. е. там, где по определению не место эмоциям, появляются такие записи: *«По сообщению 7 АК, дорога Белосток, Волковыск, там, где она проходит по лесу, забита обломками разбитого противника. 139 орудий (из них 60 тяжелых), 150 танков (из них 30 сверхтяжелых) были насчитаны на участке дороги длиной 14 км. Картина уничтоженной живой силы ужасней, чем в Дюнкерке… По сообщениям экипажей «штук», дорога выглядит ужасно. У русских неописуемые потери…»*

Остатки 11-го мехкорпуса вместе с приданными ему остатками (численностью не более батальона) 56-й и 85-й стрелковых дивизий несколько дней держали оборону по левому берегу р. Неман от Лунно до Мосты. Командир корпуса генерал Мостовенко в своем докладе пишет:

«К моменту отхода на р. Свислочь части корпуса представляли собой следующее:

29 ТД – не более 350–400 человек, 25 танков и 15 бронемашин.

33 ТД – отошла на р. Россь в составе 153 человек без боевой матчасти.

204 МД – до 2-х неполных батальонов в пешем строю, 5 танков и 5 бронемашин.

…Наибольший нажим противника был на переправах через р. Неман и особенно у м. Мосты. Противник вел беспрерывные налеты авиацией и интенсивный артиллерийский и минометный огонь. Все его атаки были отбиты. По непонятным для меня причинам мост у м. Мосты не был взорван. Взрывчатки у меня не было…

28 июня, часов в 18 противник, усилив свои части пехотой, танками и артиллерией, перешел в наступление, прорвал предмостную оборону и подошел к м. Мосты. Мосты несколько раз захватывался и снова отбивался штыковой атакой наших частей и стрельбой картечью. Стрелковый батальон, занимавший оборону, частью отошел по мосту, а частью переправился вплавь через р. Неман. Бой за м. Мосты продолжался в течение ночи, и противника не допускали переправиться на южный берег… В ночь с 28 на 29.06.41 г. был отдан приказ на отход на рубеж р. Шара. Выход производился по дорогам, забитым сожженными и подбитыми боевыми и транспортными машинами, под артиллерийским обстрелом и бомбежкой авиации…» **[414]**

28-я пд вермахта, действительно, не смогла переправиться через Неман у м. Мосты вплоть до вечера 28 июня, что отчетливо видно на немецких оперативных картах. Это позволило остаткам двух армий Западного фронта отойти на восток, через Волковыск к рекам Зельвянка и Щара. Этот пункт «дороги смерти» оказался последним. Полоса Слоним – Барановичи была уже плотно занята частями танковой группы Гудериана, севернее автострады берега Зельвянки и Щары сильно заболочены и практически непроходимы. Те, кто решил не сдаваться, пытались пробиться или на север, к Новогрудку (где они попадали в следующий, «минский котел»), или на юго-восток, через Слоним, Ружаны в пинские болота. В донесении 4-й Армии вермахта в штаб ГА «Центр» (от 2-30 1 июля) читаем: *«Противник пытается вырваться из бездорожной местности в низовьях Щары на ее правый берег к Слониму. Применение 55-тонных танков и наступление* [пехоты] *в 8—12 рядах (цепях) друг за другом доказывают, как сильно он стремится прорваться через Слоним по более проходимым дорогам на юго-восток…»* **[434]**

В этих боях погибли командир 6-го мехкорпуса генерал-майор Хацкелевич, начальник артиллерии корпуса генерал-майор Митрофанов, командир 29-й танковой дивизии (11 МК) полковник Студнев, пропал без вести начальник штаба 6 МК полковник Коваль, попали в плен (где и погибли) командир 6-го кавкорпуса генерал-майор Никитин, заместитель командира 11-го мехкорпуса генерал-майор Макаров и начальник артиллерии 11 МК генерал-майор Старостин. По сей день, среди лесов и болот в «треугольнике» Зельва, Слоним, Ружаны поисковые отряды продолжают находить многочисленные останки павших.

Глава 3.5
Минск

В течение первых трех дней войны соединения 3-й Танковой группы вермахта форсировали Неман и в безостановочном наступлении вышли на линию Вильнюс, Вороново, при этом передовые подразделения 20-й и 12-й танковых дивизий к исходу дня 24 июня подходили к дороге Ошмяны, Гольшаны. Противостоящие им части Красной Армии (левый фланг 11-й Армии Северо-Западного фронта) были наголову разгромлены и беспорядочно откатывались на восток (*«много отставших и убежавших, задерживаемых на направлении Двинск, много брошено оружия; 11-я Армия не является организованным боеспособным соединением»*). Очередное предложение командования 3-й ТГр (об осуществлении максимального глубокого охвата и окружения группировки советских войск по линии рек Западная Двина, Днепр) было в очередной раз отклонено, и немецкие танковые дивизии стали разворачиваться на юго-восток, к Минску.

Готового плана действий для такой ситуации у командования Западного фронта не было, план прикрытия Западного ОВО предусматривал пять вариантов «обеспечения основных операционных направлений на случай прорыва через армейские районы обороны мотомехчастей противника», но ни в одном из них не предполагался прорыв противника далее линии Вильнюс, Лида, да еще и в таком темпе. 11-й мехкорпус, который в одном из этих вариантов должен был «*сосредоточившись на северном берегу р. Неман в районе Скидель и леса севернее и северо-восточнее, совместно с 11 САД и 12 БАД атаковать прорвавшиеся мотомехчасти противника в в общем направлении на Радунь, Шальчининкай или Лида, Ошмяны»,* к исходу дня 24 июня уже понес значительные потери, а оставшиеся в строю части были привлечены к действиям КМГ Болдина (т. е. пытались наступать в совершенно ином направлении); упомянутой выше 11-й авиадивизии уже не существовало.

В сложившейся кризисной ситуации у командования фронта оставалось два «инструмента», две группы войск: 21-й стрелковый корпус, который еще до начала войны начал выдвижение в район г. Лида, и четыре стрелковые дивизии (64, 100, 108, 161), сосредоточенные (или к тому моменту сосредотачивающиеся) в глубоком тылу фронта у Минска. Боевые действия этих двух «групп войск» в реальности развернулись вполне независимо друг от друга и представляли собой две отдельные операции. Соответственно, и описание этих событий имеет смысл выполнить по отдельности.

21-й стрелковый корпус

В соответствии с довоенными планами 21 СК в составе 17-й и 37-й стрелковых дивизий, начиная с третьего дня мобилизации, должен был быть переброшен по железной дороге из района постоянной дислокации (Витебск, Полоцк, Лепель) на рубеж реки Неман от Друскининкай до Лунно; 24-я стрелковая дивизия, также с третьего дня мобилизации, перебрасывалась в тот же район автомобильным транспортом и включалась непосредственно в состав 3-й Армии. Формирующийся 20-й мехкорпус должен был выдвигаться в район Ошмяны, 8-я противотанковая артбригада – в район г. Лида. **[435]**

Открытая мобилизация в СССР была объявлена с 23 июня, однако скрытое развертывание начиная с 13–18 июня уже шло полным ходом, и к исходу дня 21 июня положение соединений 2-го эшелона фронта (как оно указано в ЖБД фронта) было следующим: 8-я ПТАБР уже была в положенном ей районе, 24-я сд на марше у Молодечно, 37-я начинала выгружаться из эшелонов на станции Шальчининкай (45 км севернее Лида), 17-я сд на

марше (вечером 23 июня она была в районе Трабы, Юратишки, т. е. в 40 км северо-восточнее Лиды). Кроме того, к Молодечно из района Полоцка маршем выдвигалась 50-я сд (в плане прикрытия ЗапОВО она никак не была упомянута). **[436]**

Отобразив эту дислокацию на карте, мы увидим, как в результате сугубо случайного стечения обстоятельств соединения 21-го корпуса оказались именно там, где они могли быть введены в бой с наибольшей отдачей (см. рис. 15). Полоса местности от Вильнюса до Минска представляет собой достаточно узкий (40–50 км) «коридор», ограниченный с севера непроходимым массивом заболоченного леса на правом берегу реки Вилия, а с юга – столь же бездорожным, изрезанным множеством мелких рек, заболоченным лесным массивом (Налибокская пуща). От Вильнюса к Минску проложены были «полторы дороги» – полноценное шоссе с твердым покрытием (Сморгонь, Молодечно, Радошковичи) и весьма условное «дорожное направление» по линии Гольшаны, Воложин, Раков, составленное грунтовыми дорогами разной степени «улучшенности» (твердое покрытие было только на участке Раков, Минск).

Вероятно, наилучшим решением было бы занять оборону в 35-км полосе западнее линии Молодечно, Воложин; при этом фланги обороняющихся были бы прикрыты рекой Вилия и болотами Налибокской пущи, а перед фронтом в качестве естественного противотанкового препятствия могла быть использована р. Березина[142] с ее топкими, илистыми берегами. К сожалению, в штабе Западного фронта в тот момент никто не знал (да скорее всего и предположить не мог), что оборона на смежных флангах Северо-Западного и Западного фронтов рухнет с такой скоростью, соответственно, никому и в голову не пришло притормозить выдвижение 21 СК на юго-запад; напротив, его всячески форсировали, и к утру 25 июня дивизии корпуса пересекли «дорожное направление» Гольшаны, Раков и выходили в район северо-восточнее Лиды.

Накануне, 24 июня, командование Западного фронта решило подчинить войска, сосредотачиваемые на северном берегу Немана, управлению 13-й Армии. Оперативная директива Военного совета фронта, направленная в штаб 13-й Армии в 14.25 24 июня, поставила следующие задачи:

«Объедините управления 21-го стрелкового корпуса (штаб корпуса 23.6.41 г. – в Лида), 8-й противотанковой бригады, 24-й и 50-й стрелковых дивизий и все части, которые окажутся в вашем районе, в том числе и отходящие со стороны Северо-Западного фронта; последние приводите в порядок и подчиняйте себе.

Ваша задача: 21-му стрелковому корпусу 24-й и 37-й стрелковыми дивизиями занять фронт Ошмяны, ст. Беняконе (12 км севернее Вороново. – *М.С.*) *и обеспечивать себя с вильнюсского направления; 17-й стрелковой дивизией наступать в общем направлении на Радунь, Ораны в целях взаимодействия с ударной группой Болдина, наносящей удар от Белосток на Липск, Гродно, Меркине. 8-ю ПТАБР используйте для обеспечения района Лида с запада или с северо-востока.*

50-я стрелковая дивизия – в вашем распоряжении». **[437]**

В соответствии с этой директивой командующий 13-й Армией генерал-лейтенант Филатов в тот же день выпускает Боевой приказ № 01; там были почти дословно повторены задачи, поставленные командованием фронта (с тем дополнением, что 50-ю сд предполагалось усилить 84-м полком войск НКВД и остатками 5-й танковой дивизии, вышедшими к Молодечно вместе со своим командиром). Примечательно, что и в приказе 13-й Армии, и в Боевом приказе № 1 командира 21 СК от 9.00 25 июня противотанковую бригаду предполагалось оставить в районе юго-западнее Лида (*«8 ПТБр прочно обеспечивать оборону с запада и юго-запада в направлении Лида по восточному берегу р. Дзитва»*). В результате

[142] Это западная, «малая» Березина, правый приток Немана; не путать с «большой» Березиной, притоком Днепра.

бригада оказалась на расстоянии в 70–100 км от маршрута продвижения немецких танковых дивизий; такое решение, увы, свидетельствует о совершенном непонимании реальной обстановки, незнании группировки сил противника и его намерений.

На следующий день, 25 июня, это непонимание было подтверждено самым драматичным образом. Штаб 13-й Армии, уже изрядно к тому моменту поколесивший по Западной Белоруссии, находился в Молодечно и в соответствии с Боевым приказом № 01 должен был к 10 утра 25 июня перейти в район м. Ивье. Но не перешел и вплоть до вечера 25 июня находился у м. Городок – точно посреди двух ведущих к Минску дорог (17 км южнее Молодечно), т. е. между двумя потоками моторизованных войск противника. Результат описан в донесении начальника оперативного управления штаба 13-й Армии подполковника Иванова так:

«В 20.00 25.6.41 г. группа танков с мотопехотой напала на штаб 13-й Армии в лесу 4 км севернее Городок, отражение производили посты от батальона связи и начсостав. Танки в упор расстреливали машины и людей, генерал-лейтенант [Филатов] *отдал приказ о смене командного пункта, который было предположено заменить в район Воложин, некоторые машины рванулись в разные направления… Отсутствует генерал-лейтенант Филатов, который был непосредственно под огнем и, по противоречивым показаниям, жив, уехал на бронемашине или автомашине с начальником штаба комбригом Петрушевским, отдав приказ уходить, но, может быть, и погибли…»* **[438]**

Нет, судьба еще оставила генералу Филатову 19 дней жизни[143], уцелевший комсостав (без вести пропало 50 человек, противник захватил имущество штаба, включая шифродокументы) удалось к исходу дня 26 июня собрать в пригородах Минска, и в дальнейшем штаб 13-й Армии руководил боевыми действиями всей минской группировки войск Западного фронта. Однако 21 СК в результате остался безо всякого руководства (в состав 3-й Армии его так и не включили, да и командование этой Армии вечером 25 июня «растворилось в лесу»), а в дальнейшем и без связи со штабом фронта.

Противник (57-й танковый корпус) использовал день 25 июня следующим образом. Идущая от самой границы в авангарде корпуса 12-я тд в течение дня преодолела расстояние в 80 км от Гольшаны до Ракова. Как можно судить по ЖБД 57 ТК, при этом дивизия избежала серьезных столкновений с пересекающими маршрут ее движения частями 21-го стрелкового корпуса; в записи от 25 июня действиям 12-й тд уделено всего две фразы: *«Наступление 12 тд особенно сильно замедлилось* (так немцы охарактеризовали марш-бросок на 80 км за день. – *М.С.*) *ввиду уничтожений мостов и исключительно плохих дорожных условий… 12 тд вышла в район севернее Ракова. Дивизия к вечеру встретилась здесь с сильным противником, которого не смогла к сумеркам опрокинуть».* **[439]** Таким образом 12-я тд, со своими чешскими танками (узкие гусеницы, 125 л.с. на 10 тонн веса), за четыре дня с начала войны прошла по весьма условным «дорогам» 250 км от границы до переднего края Минского укрепрайона; там ей предстояло вступить в ожесточенный многодневный бой и в дальнейшем первой войти в Минск.

[143] 8 июля в районе Могилева командующий 13-й Армией будет тяжело ранен во время налета вражеской авиации; от полученных ран скончался в московском госпитале 14 июля 1941 г.

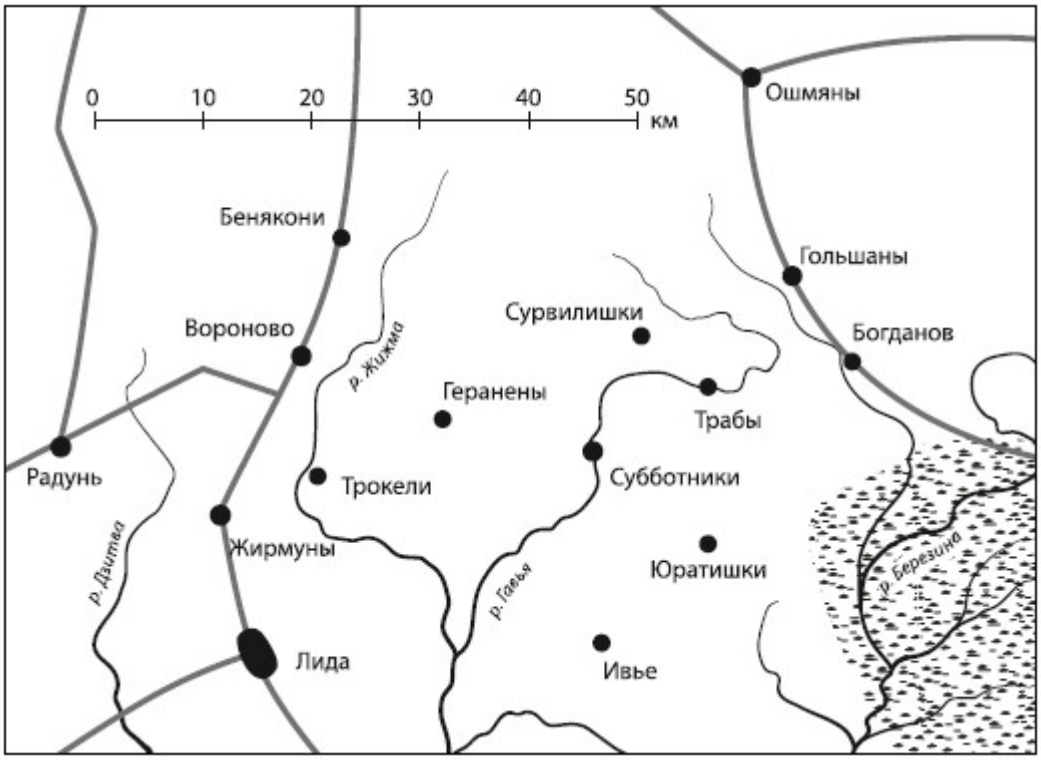


Рис. 30. Район боевых действий 21-го стрелкового корпуса

Две другие дивизии (19-я тд, 18-я мд) 57-го танкового корпуса, переправившиеся через Неман с задержкой на 1–2 дня (по отношению к хронологии наступления 12-й тд), «проскочить» без боя бездорожный участок от Вороново до р. Березина не успели. (Рис. 30.) Первые стычки передовых подразделений немецких дивизий и 37-й стрелковой дивизии произошли уже вечером 24 июня. В оперативной сводке № 1 штаба 21 СК этот эпизод описан вполне самокритично:

«37-я сд, будучи атакована во второй половине дня 24.6 авиадесантной группой противника с танками (типичное для советских документов первых дней войны описание передовых моторизованных отрядов противника. – *М.С.*) *в районе м. Вороново, в результате 247 сп со 170 ап, слабо управляемые, не оказали должного сопротивления противнику и в беспорядке отошли за р. Жижма, где перешли к обороне*[144]*. Утром 25.6 на участке Ольговка, Раковщизна, подготавливаясь к наступлению, 91 сп, внезапно атакованный авиадесантом противника в районе м. Трабы, был рассеян. 20 сп подошел головой в 5.00 25.6 к Трокели, не встречая противника. Штадив в Липнишки. Управление войсками в период столкновения с противником штадивом-37 было утеряно».* **[440]**

Донесения и оперсводки штаба 21 СК, конечно же, отмечают острую нехватку боеприпасов, горючего и продовольствия. Есть и другой источник информации – оперативные сводки № 2 и 3 штаба ПВО г. Лида за 23 и 24 июня. Этот документ ценен тем, что представляет собой беспристрастный «взгляд со стороны» – за действия (и бездействие) наземных войск капитан Сумаров, командир 229-го зенитно-артиллерийского дивизиона, ответственности не нес:

[144] 25 июля командир 170-го ап майор Нестеренко и военком 170-го ап политрук Грибков направили письмо в ЦК ВКП(б) и ГКО, в котором, в частности, было сказано: *«В 37-й сд пехота служила источником паники… в первых боях пехота бросала свою артиллерию на произвол, и мы теряли матчасть».*

«После бомбардировки города все управление, как то: горсовет, РК и горком ВКП(б), директора предприятий, милиция и НКВД побросали посты и сбежали. Город остался без всякого управления, а также и районы. Враждебные элементы начали растаскивать военные склады, оставленные воинскими частями безо всякой охраны, а также население растаскивает все из разных баз снабжения… Ввиду того, что в городе остались неповрежденными склад ГСМ и головной продсклад, одна батарея была поставлена на охрану названных складов…» **[444]**

Отбросив без особых усилий 37-ю стрелковую дивизию с рубежа реки Жижма, части 19-й тд вермахта во второй половине дня 25 июня вышли к реке Гавья на участке Трабы, Субботники; вот на этом месте их «легкая жизнь» завершилась:

«18.00. Под Трабы дивизия неожиданно столкнулась с сильной обороной противника, которую не смогла преодолеть до наступления темноты…

22-00. К этому времени заняты: 18-й моторизованной дивизией местность у Радунь, Жирмуны;

19-й танковой дивизией – окраины м. Трабы, большая часть полосы Сурвилишки, Трабы. Противостоящему противнику удалось благодаря умело проведенным ближним боям и многочисленным подрывам дорог и мостов остановить дивизию, так что задача дня – занять высоты у Ракова – не была даже приблизительно достигнута…

22-30. По результатам наземной и воздушной разведки следует вывод, что в большом лесном массиве к югу и юго-востоку от общей линии Сурвилишки – Трабы – Раков находятся крупные силы противника… Даже в течение ночи противник осуществляет многочисленные удары по фронту 19 тд, которые та смогла успешно отразить с большими потерями для противника. Противнику удалось найти разрыв в боевых порядках корпуса к юго-западу от Сурвилишки в лесу, прорваться, напасть на колонну резервов, шедших на пополнение войск, а также поджечь деревянный мост, имевший большое значение для переброски снабжения и подкреплений…» **[439]**

Такой оказалась для немцев первая встреча с 24-й Самаро-Ульяновской дважды Краснознаменной Железной дивизией; это была старейшая и одна из самых знаменитых стрелковых дивизий Красной Армии, участница всех военных кампаний, включая польскую (1920 г.) и финскую (1939/40 г.) войну. После окончания финской войны на базе частей 24-й сд была сформирована 8-я отдельная стрелковая бригада, которая была размещена на финском полуострове Ханко (бригаду ждали большие дела: обеспечить высадку на Ханко 1–2 стрелковых дивизий и совместный с ними марш на Хельсинки с западного направления); после формирования 8-й осб Железная дивизия была воссоздана фактически заново, но боевые традиции, заложенные ее первым командиром, легендарным Гаем[145], остались.

По состоянию на 1 июня 24-я сд имела 10 390 человек, 415 автомашин, сверхштатное количество противотанковых 45-мм пушек (65 вместо 54) и 76-мм пушек (46 вместо 34), 4 зенитки калибра 76 мм. И что примечательно – в отличие от того, что сообщали соседи по корпусу (17-я и 37-я сд), в Железной дивизии боеприпасы не исчезли ни после первого, ни после последующих боев. К моменту вступления в бой у м. Трабы в дивизии появилась и собственная танковая группа: на станции Юратишки нашли и сгрузили с эшелона 8 «бесхозных» тяжелых танков КВ, от 10 до 15 танков Т-34 присоединили к дивизии из отходящих на

[145] Гайк Бжишкян (Гая Д(и)митрович Гай), родился в 1887 г. в персидском Тебризе, армянин. В революционном движении с 1903 г. Добровольцем ушел на фронт 1-й мировой войны воевать против турок, за незаурядное мужество награжден двумя Георгиевскими крестами. После Октября стал на сторону большевиков, организовал летом 1918 г. в Поволжье из отдельных партизанских отрядов боеспособную стрелковую дивизию. Во время польской войны командовал конным корпусом, смог обеспечить его отход на территорию немецкой Пруссии и тем самым спас личный состав от польского плена. Арестован летом 1935 г., что, наверное, было одним из самых первых случаев репрессий против официально прославленных «героев Гражданской войны». Бежал при этапировании в тюрьму, был повторно арестован. Приговорен и расстрелян в декабре 1937 г.

восток войск (вероятно, это были остатки разгромленной у Алитуса 5-й танковой дивизии СЗФ), 15 танкеток Т-37/38 в дивизии было «своих», дюжину легких танков Т-26 собрали у отступающих.

Первичных оперативных документов от 24-й сд практически не осталось (архивный фонд дивизии существует, но он традиционно содержит несколько страничек «порожняка»), не многим более осталось и от 21-го стрелкового корпуса в целом (в архивном фонде Западного фронта сохранилась школьная тетрадь «в клеточку» с отчетом о боевых действиях 21 СК, подписал заместитель начштаба корпуса подполковник Регблат). Боевое донесение штаба 21 СК от 9-45 26 июня сообщает, что в бою 25 июня было уничтожено *«около 50 танков и 14 самолетов»* противника. **[440]** Есть там и фраза, вполне созвучная записи в ЖБД немецкого 57-го танкового корпуса: *«По показаниям пленного,* [19-я] *танковая дивизия имела задачу 25 июня выйти к Минск, но остановлена в указанном районе за неимением горючего, которое ожидается пополнить сегодня»*; в результате прорыва частей 24-й сд и разгрома транспортной колонны пополнить запасы немцам не удалось.

К сожалению, действия 24-й сд были очень слабо поддержаны другими соединениями 21-го корпуса. 8-я противотанковая артбригада (5147 человек личного состава, 36 пушек калибра 85-мм и 18 пушек калибра 107 мм) упорно продолжала «держать оборону» по р. Дзитва, севернее и южнее шоссе Скидель, Лида; ни одного немецкого танка там не появилось (и появиться не могло). 17-я стрелковая дивизия таким же образом «обороняла» подступы к г. Лида, но после выхода к городу частей 161-й пд (дивизия 8 АК вермахта, раньше и дальше всех продвинувшаяся на восток) 17-я сд отступила, причем *«от одного из командиров артбригады было известно, что 17-я сд с утра 27.6 начала отход в южном направлении, переправившись вброд и вплавь через р. Неман»*; о том, сколько матчасти было брошено при этом «вброд и вплавь», нетрудно догадаться.

Даже в такой ситуации, воюя с открытыми флангами, 24-я сд и сохранившие боеспособность подразделения 37-й сд смогли создать немцам очень серьезные проблемы – две дивизии (19-я тд и 18-я мд) оказались надолго связаны боем, в дальнейшем (приказ был отдан утром 28 июня) к ним пришлось присоединиться и 14-й мд. Журнал боевых действий 57 ТК вермахта описывает эти бои в таких выражениях, которые почти невозможно встретить в иных документах июня 41-го года:

«*26 июня.*

1.00. В течение ночи противник ведет артиллерийский огонь в лесном массиве юго-восточнее и вокруг Сурвилишки и с раннего утра усиленно обстреливает мост через р. Клева у Сурвишилки, находящийся перед 19 тд.

7.00. Противник наносит контрудар против частей 19 тд, расположенных на высотах юго-западнеее Сурвилишки. В завязавшийся бой вовлечен штаб корпуса, который собирался двигаться на командный пункт в лесу к северу от Сурвилишки… Противнику удалось продвинуться на полтора километра к мосту, расположенному к югу от Сурвилишки…

14.00. В течение первой половины дня положение у моста частично уже критическое, все вокруг моста и далее за КП корпуса в лесу к северу от Сурвилишки было под сильным артогнем. КП по этой причине перенесен в тыл примерно на 3 км.

Начинается атака 19 тд. Дивизии не удается занять высоты из-за очень цепкого и умело направляемого сопротивления. Потери в танках значительные… 19 тд вследствие этого не удается продвинуться на восток. Она получает многократные приказы из корпуса создать оборонительную линию к западу от Суботники, Сурвилишки, Трабы и не допустить прорыв противника…

22.00. 18 мд в течение дня на своей линии обороны Жирмуны-Геранены отбила многочисленные атаки противника, удерживая эту линию вплоть до сумерек… Противник в

больших лесных массивах к югу и юго-востоку от линии Сурвилишки, Трабы, Богданов, вероятно, получил значительное подкрепление от отступивших сюда с запада сил.

27 июня.

Вечер. 18 мд, которая утром получила устный приказ командующего 3 ТГр о передислокации на линию Вильно, Ошмяны, снова переподчинена (т. е. оставлена на месте боя у Геранены, Трабы. – *М.С.*) *57 ТК… Перед фронтом 19 тд противник постоянно укрепляется…. Очевидно, что противник оказывает особо массированное давление на 19 тд, которая находится в нелегком положении ввиду растянутого фронта, однако ее позиции удерживаются, несмотря на существенные потери. Командующий ТГр определенно сознает, что положение 19 тд нелегкое и удержание ее позиций является решающим для успешного завершения этой операции.*

28 июня.

4.00. Вслед за еще одной спокойной ночью с раннего утра [возобновились] *активные боевые действия. Противник ведет огонь 2–3 батареями (среди них и среднего калибра) по всему, что движется. Следует отметить, что противник ведет отличное наблюдение, которое ему позволяет просматривать наш тыл…*

Перед фронтом 19 тд попытка прорыва противника у м. Трабы отражена с тяжелыми потерями для врага. По сообщению дивизии, противник плотными глубоко эшелонированными колоннами пытался прорваться через Трабы в северном направлении.

16.00. Наземная разведка 18 мд установила, что находящаяся перед ней территория на участке р. Жижма и Гавья (10 км северо-западнее Ивье) свободна от противника (это означает, что 37-я сд окончательно рассыпалась. – *М.С.*). *Дивизия предлагает сегодня же занять этот участок. Командование корпуса утверждает это решение и возлагает на дивизию ответственность за полную безопасность открытых смежных флангов между ней и 19 тд, которая не сможет продвигаться вперед, т. к. ее силы необходимы для отражения продолжающихся вражеских контратак…*

Противник применил против 19 тд тяжелые танки (по-видимому, 55-тонные). Усиленные артобстрелы противника позволяют сделать вывод, что русские в течение вечера намереваются осуществить сильную попытку прорыва в северном направлении.

19.00. Командующий корпусом в разговоре по телефону подчеркнул, что командование, к сожалению, не имеет в распоряжении дополнительных сил для усиления обороны участка Сурвилишки, Трабы… Дивизии рекомендовали использовать орудия крупного калибра[146] *для борьбы с русскими тяжелыми танками на самой передовой линии…*

Сегодня следует отметить, что 19 тд, которая должна была удерживать необычно растянутую линию фронта от прорыва противника, несмотря на свои ограниченные пехотные ресурсы, успешно отразила все вражеские атаки. Хотя ее потери от временами очень сильного артогня противника отнюдь не малы, все части дивизии выполнили поставленные задачи образцово». **[439]**

И это еще не все. В ЖБД 3-й ТГр, в записи от 28 июня есть такие слова: *«Донесение 57 ТК о том, что русские начали контратаку утром 28 июня крупными силами. Бой против большой массы русских заставил наших солдат задуматься о будущем. Русские использовали свои самые тяжелые танки (4 штуки), которые невозможно уничтожить нашими 50-мм противотанковыми пушками».* **[353]** Четыре штуки. В 6-м мехкорпусе танков КВ было 114 штук. И лишь если очень постараться, можно найти пару невнятных упоминаний о них в ЖБД 20-го армейского корпуса вермахта…

---

[146] Вероятно, речь идет про 105-мм пушки (не путать с легкой 105-мм гаубицей!), которые в количестве 4 шт. могли быть в составе арт-полка танковой дивизии вермахта; эти мощные длинноствольные орудия способны были пробить броню танка КВ.

Вечером 28 июня было принято решение на отход. В Журнале боевых действий ЗФ читаем: *«28.6. командиром корпуса принято решение и отдан приказ – для сохранения живой силы и матчасти вывести дивизии из боя и, прикрываясь сильным арьергардом, отойти на рубеж бывшей госграницы».* **[469]** Судя по всему, немцы так сильно «задумались о будущем» (да и арьергарды 21 СК оказались стойкими), что 19-я тд вермахта так и не решилась перейти в наступление вплоть до вечера 29 июня:

«29 июня.

Ночь прошла спокойно, противник, вопреки ожиданиям, с утра не приступил к новым атакам. 19 тд сообщает, что противник перед ним ушел на юго-восток… Заявка на воздушную поддержку 19 тд силами 8-го авиакорпуса ввиду этого отклонена. Вскоре после отправки этого сообщения в ТГр выяснилось, однако, что противник не отступил, а всего лишь в некоторых местах отошел менее чем на 100 метров, в остальном его позиции сохранились.

14.00. 19 тд, как и прежде, имеет перед собой сильного противника (в том числе тяжелые танки) и считает, что вечером возобновятся атаки крупными силами.

19.30. День прошел в целом спокойно, на участке 19 тд с обеих сторон велась артиллерийская стрельба. Противник удерживал позиции перед этой дивизией, как и прежде, с полной силой. Передислокации противника не последовало…» **[439]**

В Налибокскую пущу 24-я стрелковая дивизия отошла, имея в строю менее 2 тыс. человек. Такой оказалась цена пятидневных боев. Но и результат был немалым: три дивизии 3-й ТГр оказались выведены из сражения за Минск, четвертая (20-я мд) оставалась в полосе Вильнюс, Ошмяны, прикрывая тыл ударной группировки от гипотетического удара с северо-восточного направления. В реальности же предосторожность эта оказалась излишней – ударять было некому. 50-я стрелковая дивизия, оставшаяся безо всякого руководства со стороны штаба 13-й Армии, сначала долго собиралась с силами для контрудара на Сморгонь, затем, после первой же встречи с противником, откатилась к Плещенице (90 км к востоку от Сморгонь), но и там долго не задержалась – Оперативная сводка № 14 штаба Западного фронта (к 20.00 1 июля) кратко констатирует: *«50-я сд в 3.00 1.7.41 г. была атакована в районе Плещеницы до 120 танками противника* (никаких танков 1 июля там не было и в помине. – *М.С.*) *и в районе Логойск до 100 танками, после чего дивизия начала отход за р. Березина…»* **[441]**

Горячее небо

Сражение за Минск началось утром 24 июня, и началось оно в воздухе. Первые два дня группировка люфтваффе в полосе ГА «Центр» была занята самым срочным и безотлагательным делом – завоеванием превосходства в воздухе посредством массированных ударов по аэродромам советских ВВС. На третий день немцы смогли позволить себе выделить значительные силы и для удара по главному административному и транспортному центру Белоруссии.

Теоретически Минск был весьма надежно защищен от нападения с воздуха – в городе находился штаб т. н. «Западной зоны ПВО», базировались части 7-й бригады ПВО, включая и такую наиновейшую «диковинку», как радиолокационная станция РУС-1 в составе 64-й отдельной радиороты ВНОС. Разумеется, советские историки «как дважды два» разъяснили, почему все это ничем не помогло: снаряды закончились (видимо, уже к моменту первых налетов авиации противника), зенитки были (все?) на полигоне восточнее Минска, в н.п. Крупки (а переместиться по собственной территории на 100 км за два дня не было никакой возможности), к тому же *«батареи 188-го ЗАП только что накануне были перевооружены на 85-мм зенитные пушки с ПУАЗО-3* (новейшая модификация прибора полуавтоматического

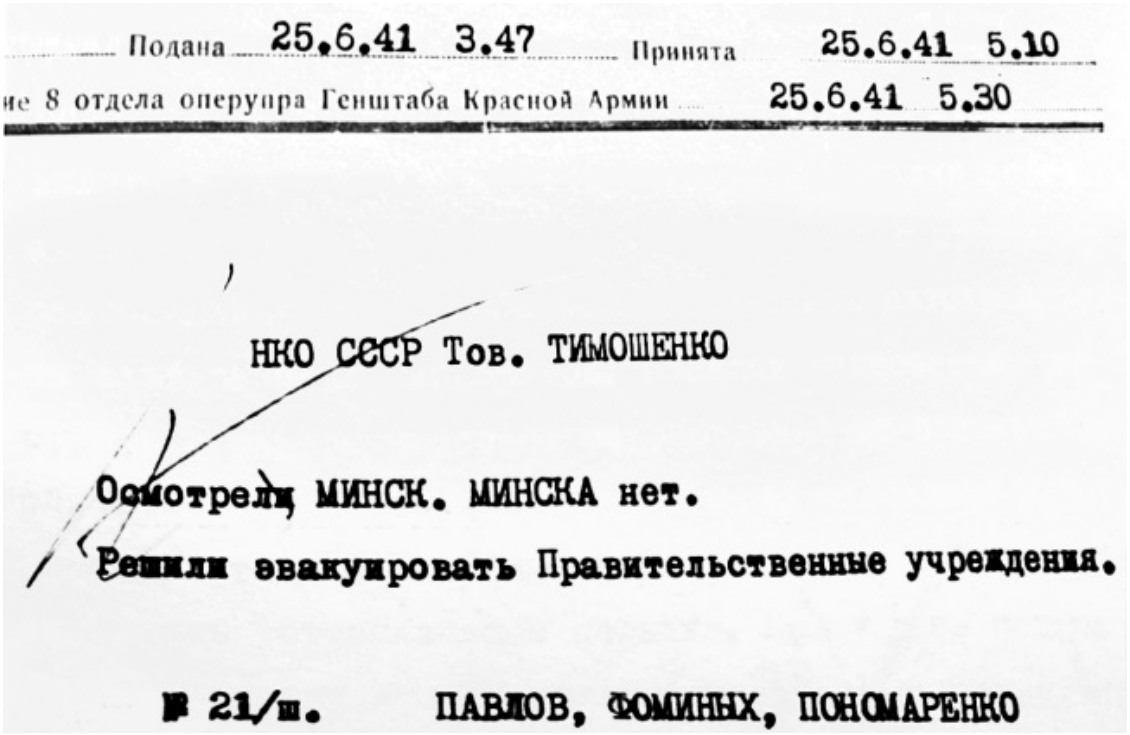
управления зенитным огнем. – *М.С.*) *и освоить новую технику должным образом не успели»,* прежняя же техника, естественно, была безнадежно устаревшей и т. п. **[445]**

Должны были защитить Минск и три авиаполка 43-й истребительной авиадивизии (базировались на аэродромах Лощица и Слепянка в пригородах Минска и на аэродроме в Пуховичи, 60 км юго-восточнее Минска); к началу войны в них числилось 60 И-153 и 115 И-16 (причем самых последних модификаций с мощными 1000-сильными моторами), и в первый день войны они не потеряли на земле ни одного самолета. Действовала дивизия, судя по Боевому донесению штаба 43 ИАД к 20–00 25 июня, весьма активно – за три дня (23, 24, 25 июня) было произведено 795 самолето-вылетов и заявлено о 53 сбитых самолетах противника. **[446]**

В том, что за этими цифрами стоят вполне реальные потери люфтваффе, сомневаться не приходится. В частности, именно в районе Минска и его северо-западных пригородов 24 июня произошло весьма примечательное для первых недель войны событие: семь пикировщиков Ju-87 из состава 8-го авиакорпуса люфтваффе были сбиты в течение одного дня (еще два «лаптежника» были сбиты 24 июня в районе г. Волковыск, что может быть связано с действиями 162 ИАП все той же 43 ИАД). Тем не менее свою главную задачу – дезорганизовать работу центральных служб управления Западного фронта – немецкая авиация выполнила и с лихвой перевыполнила.

«В воздухе полное господство авиации противника, город Минск в течение дня подвергался многократным бомбардировкам волнами численностью от 8 до 50 самолетов. В городе большие пожары и разрушения. Здания штаба фронта и штаба ВВС сильно повреждены прямыми попаданиями авиабомб». **[447]** Так описываются последствия массированного удара люфтваффе по столице Белоруссии в вечерней Оперативной сводке штаба Западного фронта от 24 июня. В воспоминаниях очевидцев событие это запечатлелось состоявшимся апокалипсисом:

«Раскиданы, как пушинки, камни, которыми были выложены улицы… На перекрестке улиц Советской и Урицкого лежали опрокинутые трамвайные вагоны, превратившиеся в братскую могилу людей всех возрастов… Весь центр Минска был уничтожен. Уже к полудню вышли из строя водопровод и электроснабжение. Пока была вода, пожарные пытались бороться с огнем. Но пылающий костер, в который враги превратили город, разгорался все больше… Зарево от минских пожаров было видно на расстоянии 10 километров от города…» **[448]**



Подана 25.6.41 3.47 Принята 25.6.41 5.10

ие 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии 25.6.41 5.30

НКО СССР Тов. ТИМОШЕНКО

Осмотрели МИНСК. МИНСКА нет.

Решили эвакуировать Правительственные учреждения.

№ 21/ш. ПАВЛОВ, ФОМИНЫХ, ПОНОМАРЕНКО

Рис. 31. Телеграмма командования Западного фронта наркому обороны СССР

Командование Западного фронта, как и положено людям военным, доложило кратко и четко. На рассвете (в 3-47) 25 июня в Москву, наркому обороны Тимошенко была отправлена телеграмма следующего содержания: *«Осмотрели Минск. Минска нет. Решили эвакуировать правительственные учреждения. Павлов, Фоминых, Пономаренко».* **[449]** (Рис. 31.) Эвакуация незамедлительно привела к потере связи и управления войсками. В Журнале боевых действий Западного фронта читаем: *«25 июня. Почти в течение всего дня данных о положении на фронте в штабе ЗФ не было… Поздно вечером в штабе фронта были получены данные (через делегатов и гражданских лиц), что Радошковичи заняты танками противника… 26 июня. Около 4.00 в штаб фронта поступили данные о прорыве танков противника в направлении Заславль, Минск (источник данных установить не удалось). Командованием фронта было отдано распоряжение о перемещении КП в район Бобруйск… Согласно нового приказания штаб фронта перемещался в район Могилева* (175 км восточнее Минска. – *М.С.*). *В течение 26 и в ночь на 27.6 штаб находился в движении на Могилев и собирался в районе нового КП. Управление войсками в этот день фактически отсутствовало…»* **[450]**

С близкого расстояния картина «эвакуации Минска» была еще более печальной[147]. Журнал боевых действий 2-го стрелкового корпуса описывает это так: *«Бесконечные потоки машин и людей шли на восток, загромождая пути и мешая передвижениям войск. Город Минск, подожженный во многих местах, горел, брошенный жителями на произвол. Пожарная охрана с пожарами не боролась, и пожарные машины также уходили на восток. Органы власти и милиции покинули город. Штаб ЗапОВО, оставив город, не организовал ни комендантской службы, ни эвакуации военного и ценного имущества».* **[451]** «Бесконечные потоки» мешали не только тем, что загромождали пути движения войск. *«Доношу, что по*

[147] Завсектора Минского обкома М. Сорокин 5 июля 1941 г. писал Сталину: *«До 10 часов вечера 24 июня никому не было известно, что город должен эвакуироваться. Об этом не знали и мы – ответственные работники обкома КП(б)Б. В 10 часов вечера секретари обкома и другие руководящие работники города без всякой огласки сели в машины и выехали, как впоследствии мы узнали, в г. Могилев, оставив остальных ответработников обкома без средств передвижения».*

Дзержинской дороге потоками движутся отставшие, бежавшие от бомбардировок и просто бежавшие бойцы и командиры, главным образом штабной хозяйственной службы из подразделений 85-й сд, которые своим внешним видом (босые, без фуражек, распущенные) сеют панику и демобилизацию…» **[452]**

Отнюдь не бездействовала в те дни и советская бомбардировочная авиация. Да, первый эшелон ВВС фронта (9-я, 10-я и 11-я авиадивизии) к тому времени уже растаял практически полностью (остались лишь отдельные, упрямо воюющие экипажи, звенья, эскадрильи), но второй эшелон (12-я и 13-я БАД, 3-й авиакорпус ДБА) был еще вполне боеспособен. 13-я авиадивизия настойчиво бомбила танковые колонны Гудериана в полосе Брест, Барановичи, а танковые дивизии 3-й Танковой группы вермахта засыпали бомбами экипажи 3-го ДБАК. Судя по докладу штаба авиакорпуса, к утру 24 июня в частях 3-го ДБАК боеспособными числилось 137 бомбардировщиков ДБ-3ф. **[453]** В этот день экипажи авиакорпуса выполнили 170 вылетов, бомбовые удары нанесены по аэродрому Вильнюса (уже обжитому к тому моменту немецкими авиачастями), скоплению войск противника в районе Гродно.

26 июня нарком обороны СССР маршал Тимошенко подписал Директиву Ставки, в которой перед соединениями дальней авиации была поставлена задача *«систематическими непрерывными налетами, днем и ночью, уничтожать танки противника… бомбардировать с высоты 400 метров, не мелкими группами, а полками».* Логику Верховного командования понять нетрудно: в предыдущие дни Москва получила десятки сообщений о том, что контрудары мехкорпусов Красной Армии сорваны налетами авиации противника, которая «гонялась за каждой автомашиной», «вывела из строя до 60–70 % танков», «разбила все тылы танковых дивизий» и т. п. Теперь Ставка надеялась, что ценой потери драгоценного и дефицитнейшего ресурса (самолеты и экипажи дальней авиации) удастся если и не разгромить моторизованные колонны противника, то хотя бы затормозить их неустанное продвижение на восток.

Через два дня командир 3-го ДБАК генерал-майор Скрипко докладывал в штаб ВВС фронта:

«26.6 выполнялись задачи всеми полками ДБ-3 в течение всего дня, уничтожали танковые части противника в районе Молодечно, Вильно, Ошмяны, Крево, не допуская продвижения их юго-восточнее рубежа Раков, Радошковичи. Сделано 254 самолето-вылетов ДБ-3 (сражение танков с ДБ-3). Бомбили с низких высот, применяя метод пикирования, и, кроме того, пулеметный обстрел мотоколонн… Налицо на 28.6 исправных 80, неисправных 17 самолетов». **[454]**

254 вылета, выполненных в течение одного дня примерно сотней самолетов. С таким напряжением еще не воевало ни одно соединение советской бомбардировочной авиации. Именно в тот день, 26 июня, атакуя в районе поселка Радошковичи немецкую танковую колонну, погибли экипажи капитанов Николая Гастелло и Александра Маслова[148]. На этот раз противник действия советской авиации заметил. В донесении 78-го артполка 7-й танковой дивизии вермахта читаем: *«26 июня начиная с 8-ми утра отмечены активные действия авиации противника, которые усилились до такой степени, что это можно было назвать господством русских в воздухе. Во время воздушных налетов 26.06.41 в полку были следующие потери: 4 убитых, 20 раненых… Из-за поврежденного авиацией моста у Радошковичи*

[148] В исследованных документах 3-й ТГр, ее соединений и частей, нет никаких упоминаний о случае падения сбитого советского бомбардировщика на дорогу и связанных с этим потерях техники и/или личного состава. Что же касается случаев падения горящего самолета, из которого никто не выбросился на парашюте, то в боевом донесении зенитного дивизиона 7-й тд есть два подобных эпизода, от 26 и 27 июня (район Радошковичи, Рогово), которые, в принципе, могут быть связаны с историей гибели экипажей капитана Александра Маслова и ст. лейтенанта Исаака Пресайзена. При этом не стоит забывать, что упомянутый зенитный дивизион был в том районе отнюдь не один.

(город стоит у слияния двух мелких речушек. – *М.С.*) *дивизион не может выйти раньше 10 часов».* **[455]**

Названные цифры потерь (24 человека) не так и велики в абсолютном измерении, но они составляют почти две трети потерь личного состава 78-го артполка за первые девять дней войны (39 человек). Применительно к артиллерийскому (в данном случае – гаубичному) полку такие пропорции потерь не слишком удивительны – гаубицам у переднего края стоять не обязательно, и их потери от воздействия авиации противника могут быть относительно большими. Но вот еще одна воинская часть, 6-й мотопехотный полк все той же 7-й танковой дивизии; за первые 9 дней войны полк потерял всего 107 человек, но при этом только один из двух батальонов полка потерял 26 июня от налета советской авиации 44 человека (12 убито, 32 ранено). В боевом донесении мотоциклетного батальона 7-й тд сказано: *«В результате налета авиации противника батальон понес тяжелые потери в личном составе, машинах и оборудовании»*; конкретных цифр потерь от авиа-удара не приведено, но всего 26 июня батальон потерял убитыми и ранеными 44 человека, что больше половины потерь за девять дней. **[455]**

В целом для всей 7 тд вермахта день 26 июня стал днем необычайно больших (по меркам вермахта – так и вовсе «рекордных») потерь: 193 человека (57 убиты, 5 пропали без вести, 131 ранен). В другие дни потери 7-й танковой были значительно меньше: 25 июня потеряно 32 человека, 27 июня – 48, а в последующие дни июня потери и вовсе становятся единичными (тут еще важно отметить, что в этих цифрах, полученных суммированием донесений частей, отсутствуют данные по второму мотопехотному полку дивизии (7 мпп), кроме того, сами данные первичных боевых донесений обычно не вполне точны и полны). Интерпретировать эту статистику можно по-разному. Наиболее адекватной представляется мне такая оценка: потери 7-й танковой дивизии вермахта в боях с танками (мост у Алитуса) и пехотой (сражение за Минск) были столь низкими, что на этом фоне даже весьма скромные (в сравнении с затраченным количеством самолето-вылетов и бомб) потери от воздействия советской авиации оказались для немцев вполне ощутимыми.

Бои в Минском укрепрайоне

Удары авиации несколько замедлили и осложнили продвижение немецких танковых колонн к Минску, но нанести им решительное поражение могли только наземные войска, а их в составе Западного фронта оставалось уже совсем немного. Надежды командования фронта на то, что окруженные к западу от реки Щара дивизии смогут выйти на восток в сколь-нибудь боеспособном состоянии, оказались в конечном счете тщетными. Напротив, войска противника «заплатили» за стремительный разгром первого эшелона Западного фронта минимальными потерями (в среднем не превышавшими к 25–26 июня отметку в 200–250 человек на дивизию) и на момент выхода к Минску практически сохранили исходный состав сил и средств. На этом этапе кампании главной проблемой танковых соединений ГА «Центр» было нарастающее с каждым днем и часом количество боевой и транспортной техники, застрявшей на разбитых грунтовых дорогах («*исключительно плохие условия для перевозок, однопутные, песчаные дороги в холмистой местности, на которых встречное движение просто невозможно; тяжелые транспортные средства иногда доходят до пункта назначения через сутки»*). **[353]**

Боевые действия второго эшелона войск ЗФ были в целом более успешными: в районе Слоним, Барановичи марш-бросок 47-го танкового корпуса вермахта был остановлен упорной обороной 155-й, 121-й и 143-й стрелковых дивизий, в результате чего одновременное смыкание «танковых клиньев» в районе Минска у немцев не получилось; это имело свои последствия, о чем будет сказано далее. Контрудар 21-го стрелкового корпуса во фланг 3-й

Танковой группы привел к тому, что три дивизии вермахта (19-я танковая, 18-я и 14-я моторизованные) до 29 июня оказались прикованными к району Лида, Трабы, Воложин.

Таким образом, утром 26 июня на линию Минского укреп-района (Раков, Радошковичи, Логойск) смогли выйти только три танковые дивизии (7-я, 20-я и 12-я). Существенно важно, что ни одной пехотной (моторизованной) дивизии у немцев перед Минском не оказалось, тяжелая артиллерия безнадежно отставала, а «по науке» 15 мотопехотных батальонов в составе трех танковых дивизий было слишком мало для прорыва укрепрайона на фронте в десятки километров.

Минский УР был одним из самых крупных в составе т. н. «линии Сталина» – системы укрепрайонов у «старой» советско-польской границы, проходившей тогда через Радошковичи, Раков. (Рис. 32.) К началу 1936 г. в Минском укрепрайоне было построено 242 пулеметных ДОТа и 26 артиллерийских. В 1938 г. строительные работы возобновились, и в составе УРа появилось еще 10 ДОТов с артиллерийским вооружением[149]. Что касается технического уровня, то, конечно же, все эти сооружения уступали ДОТам «линии Молотова» у новой границы, но и назвать их примитивными «бетонными сараями», подобными ДОТам первой очереди «линии Маннергейма», будет несправедливо: 1,5 м высокопрочного железобетона, броневые заслонки на амбразурах, фильтро-вентиляционные установки, противоосколочная обшивка внутренних стен металлическим листом, отопление, освещение и пр.

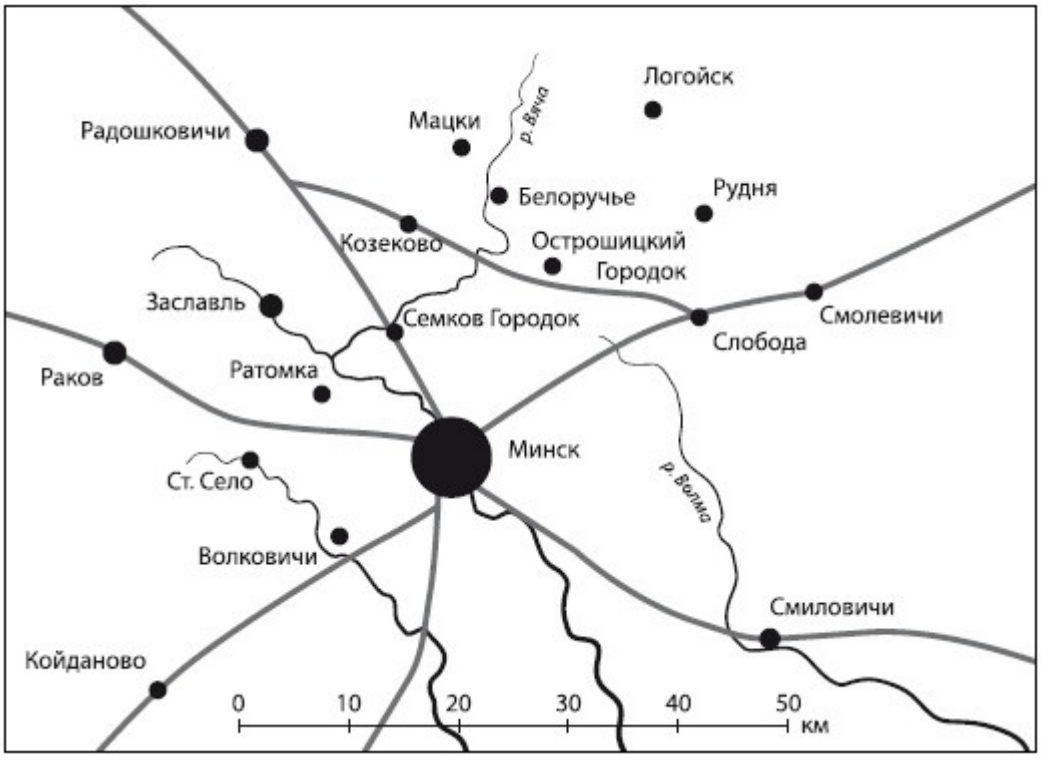


Рис. 32. Сражение за Минск

Главным – для сложившейся в июне 41-го ситуации – недостатком Минского УРа было малое число ДОТов с артиллерийским вооружением; какими бы легкими и слабыми ни были чешские танки, стоявшие на вооружении 3-й ТГр вермахта, пробить их броню пулеметным огнем было невозможно. Ни одна из трех противотанковых артбригад, входивших в состав войск Западного фронта, в нужное время в нужном месте не оказалась: 6-я бесследно рас-

[149] Это минимальные из известных данных; во вполне официальных сочинениях советских историков указывались большие цифры: всего 326 ДОТов, в т. ч. 34 постройки 1938–1939 гг.

творилась в лесах у Белостока, 8-я упорно «обороняла» Лиду от несуществующих танков, 7-я в ходе марша из района Ружаныстоk (28 км западнее Гродно) на восток «рассредоточилась по разным дорогам», да так никогда и не сосредоточилась (к Минску вышло лишь несколько орудийных расчетов). **[456]**

В высшей степени полезным мог бы оказаться упомянутый выше 188-й зенитный артполк, вооруженный 85-мм пушками; орудия такой мощи с легкостью пробивали броню «чеха» на километровой дальности, а для стрельбы по танкам мудреное устройство ПУАЗО-3 можно и не осваивать. Увы, было принято другое решение: *«Общая обстановка на минском участке фронта складывалась неблагоприятно, и 26 июня по приказу командующего Западной зоной ПВО части 7-й отдельной бригады ПВО, прикрывавшие Минск, начали отход к Борисову».* **[445]** Обстановка складывалась. Сама собой…

В конечном счете для обороны Минска осталось три штаба и «три с половиной» дивизии. Штабы 2-го и 44-го стрелковых корпусов и практически случайно оказавшийся вечером 26 июня в западных пригородах Минска штаб формирующейся 13-й Армии; 64-я и 108-я стрелковые дивизии в составе 44 СК, 100-я стрелковая дивизия в составе 2 СК. Была еще и 161-я сд, но ее возможности были весьма скромными: перед войной дивизия находилась в 3-тысячном составе (так называемая «дивизия тройного развертывания») и лишь за несколько дней до 22 июня была укомплектована приписным составом по штатам военного времени. Все эти соединения (за исключением 100-й сд) оказались в районе Минска в результате начатой в середине июня передислокации «глубинных соединений» Западного ОВО, причем, как пишет в своих известных воспоминаниях бывший командир 64-й сд генерал-майор Иовлев, *«станция назначения нам не сообщалась, о ней знали только органы военных сообщений»*; штаб 2 СК к моменту начала войны находился «на учениях в районе Белостока», откуда срочно возвратился в Минск.

Окончательное отмобилизование корпусных частей должно было произойти в Минске, однако «обстановка сложилась так», что очередь резервистов не выстроилась. Начальник отдела политпропаганды 2 СК бригадный комиссар Мифтахов докладывает:

«К 24.00 24 июня призывников явилось в части: 151-й корпусной артполк – явилось 86, должно явиться 750, 86-й зенитный дивизион – 85 из 340, 10-й батальон связи – 45 из 240, 5-й саперный батальон – 210 из 410. Четыре госпиталя, формирование которых возложено на штаб 2 СК, приписники явились от 6 до 27 %. Слабая явка приписного состава имеет место даже из РВК г. Минска. Еще хуже дело обстоит с доставкой приписного автотранспорта. В 151-й КАП из приписанных 204 автомашин прибыло в полк только 10, в 5-й ОСБ – из 24 машин не получено ни одной…» **[458]** Даже в 100-й сд, постоянно дислоцированной в Минске, *«явка приписного состава составила 70 %… к исходу дня 25 июня в дивизии, главным образом в тыловых частях, некомплект в личном составе достигал 3000 человек, дивизия также не получила 40 % положенного ей автотранспорта».* **[461]**

Неявка резервистов была еще не самой большой бедой – соединения 2-го и 44-го стрелковых корпусов непрерывно пополнялись людьми за счет не предусмотренного никакими Уставами источника. В политдонесении 2 СК от 24 июня читаем: *«По дорогам, ведущим к Минску, усилилось движение бойцов, младших командиров и начсостава, идущих пешком и едущих на автомашинах, в поисках своих частей. При задержании этих людей выясняется, что эти люди в беспорядке, панически настроены, бегут подальше от боевых действий… Командир решил задерживать движение этих военнослужащих и формировать из них воинские подразделения и части»*. **[459]**

Гораздо сложнее было решить проблему обеспечения блуждающих войск боеприпасами. 28 июня командующий 13-й Армией докладывает в штаб фронта: *«По участку армии непрерывным потоком идут люди и даже части. Остановлен и введен в боевой порядок 108-й стрелковой дивизии 301-й гаубичный артиллерийский полк с ограниченным количеством*

снарядов. Прошел 518-й зенитный артиллерийский полк, который имеет новую матчасть, но ни одного снаряда». **[460]** И это, заметим, при том, что непосредственно в западных округах было сосредоточено: на одну 76-мм зенитку в среднем по 1109 выстрелов, на новые 85-мм зенитные пушки – по 143 выстрела.

В первой половине дня 25 июня дивизии 2-го и 44-го стрелковых корпусов заняли назначенные им полосы обороны. К сожалению, и без того малые силы были использованы не лучшим образом – поставленная задача (оборона Минского укрепрайона) была понята дословно, и две стрелковые дивизии 44 СК были равномерно растянуты «в нитку» протяженностью в 80 км, повторяющую очертания УРа; тактика, возможно, уместная при отражении наступления польской пехоты, но не немецких танков. На наиболее угрожаемом направлении (дороги Раков – Минск и Радошковичи – Минск) оказалось всего два (30-й и 159-й) полка 64-й стрелковой дивизии, причем и там концентрация усилий на дорожных направлениях не просматривается (ни в оперативных сводках, ни в схемах, приложенных к воспоминаниям командира 64-й сд); третий полк дивизии (288-й сп) был растянут на 15 км в лесном массиве к западу от реки Вяча (севернее дороги Козеково, Слобода), т. е. был в значительной мере выведен из активных действий.

Вторая дивизия 44 СК (108-я стрелковая) была развернута южнее, на 30-км участке Старое Село, Койданово[150], Станьково (н.п. в 8 км юго-восточнее Койданово), опять же, без необходимой концентрации сил у шоссе Койданово – Минск; в дальнейшем это привело к тому, что удар 17-й немецкой танковой дивизии пришелся по одному (444-й сп) из полков дивизии при бездействии (прямо зафиксированном в документах) других частей. Приходится констатировать, что факт, известный сегодня даже любознательному школьнику – немецкие механизированные соединения наступали строго вдоль дорог, не рискуя (да и не считая нужным) углубляться в леса и болота, – на тот момент еще не был осознан командирами Красной Армии.

Наиболее боеспособное соединение, ордена Ленина 100-я стрелковая дивизия (участник «освободительных походов» в Польшу, Финляндию и Румынию), заняло оборону южнее дороги Козеково, Слобода, охватывая полукругом северные пригороды Минска, фронтом на запад, север и восток; не вполне понятно – какого противника и откуда ожидало увидеть там советское командование. Самым причудливым было оперативное построение 161-й сд (также включенной в состав 2 СК) – один стрелковый полк дивизии (603-й сп), усиленный двумя батальонами 542-го полка занимал оборону у н.п. Острошицкий Городок (т. е. в полосе 100-й дивизии), остальные части дивизии оставались в восточных пригородах Минска.

В конечном счете удар трех (!) танковых дивизий вермахта пришелся на фронт двух стрелковых полков 64-й сд и во фланг 100-й сд; только незаурядные стойкость и мужество, проявленные бойцами и командирами этих дивизий – отнюдь не случайно первыми в Красной Армии получивших звание Гвардейских, – не позволили немцам с ходу пробить организованную подобным образом оборону.

Первый «ход» в сражении сделали «красные», и он оказался весьма эффектным. В боевом донесении № 1 штаба 44 СК это событие – в дальнейшем вошедшее, со всевозможными преувеличениями, в сводку Совинформбюро, книги и учебники – описано так: *«Вечером 25.6.41 г. высланные разведывательные отряды 64-й и 108-й стрелковых дивизий проникли в глубину расположения противника и натолкнулись в районе Шелухи, Декшняны, Путники* (западнее Радошковичи. – *М.С.*) *на мототехчасти противника. В результате ночного боя обнаруженное подразделение было полностью уничтожено (видимо, штаб вой-*

[150] К тому времени этот населенный пункт был уже переименован в Дзержинск, в документах встречаются оба названия.

скового соединения), взятые документы 27.6.41 г. мною препровождены в штаб фронта». **[462]**

До «полного уничтожения штаба войскового соединения» дело не дошло, но штабные документы 39-го танкового корпуса вермахта реально оказались захвачены разведотрядом 64-й сд.

Правда, в ЖБД 20-й немецкой танковой дивизии этот факт «стыдливо» заменили на уничтожение документов: *«Около 20.00 командир 39-го корпуса при попытке подойти с авангардом 92-го разведбата* (подразделение 20 тд. – *М.С.*) *от Олехновичи* (н.п. в 9 км западнее Радошковичи. – *М.С.*) *к Радошковичи неожиданно вступает в бой. Многочисленные потери убитыми и ранеными, также и в автомобилях. Генерал временно отрезан. Автомобили генерала и штаба корпуса уничтожены противником вместе с радио и прочими документами».* Командир корпуса, генерал танковых войск Шмидт уцелел, но документы, включая оперативную карту с нанесенной обстановкой и подробные сведения по боевому составу корпуса, попали в Москву (в дальнейшем «отзвук» этого события проходит по многим документам советских штабов).

Утром 26 июня передовые подразделения немецких танковых дивизий стали выходить к рубежу Минского УРа. Отданный накануне приказ № 5 требовал: *«Прорыв 3-й Танковой группы к Минску является неотложной задачей и для операций Группы армии «Центр» имеет решающее значение… Участие во взятии города Минск не является главной задачей 3-й Танковой группы, более важным для нее является перекрыть местность с обеих сторон города, особенно автомобильные и железные дороги в восточном направлении».* **[353]**

Имеющиеся документальные описания событий дня 26 июня весьма сумбурны и противоречивы, сложить из них единую внятную картину практически невозможно. Неизбежно присутствующий в боевых донесениях «туман войны» (фрагментарность, запаздывание и недостоверность информации) в данном случае усугублялся состоянием, в котором находились дивизии 3-й Танковой группы. Чудес не бывает, и безостановочный пятидневный марш на 250–300 км привел к тому, что единые «механизмы» стали разваливаться на отдельные «узлы и агрегаты»; то, что в газетных статьях принято называть «танковыми клиньями», превратилось в тонкие, длинные, часто разорванные «стальные нити».

В наиболее выраженном виде это проявилось в 7-й танковой дивизии: в первой половине дня 26 июня арьергард дивизии (противотанковый дивизион с приданными ему пехотными подразделениями) все еще вел бой у Молодечно, мотоциклетный батальон был в Радошковичи, 6-й мотопехотный полк выходил к н.п. Мацки, передовые подразделения танкового полка вышли на дорогу Козеково, Слобода, разведбат дивизии мчался к Рудне; таким образом, части одной дивизии были разбросаны в полосе протяженностью 60 км, и немногим отличалось от этого положение 20-й и 12-й танковых дивизий.

Отразилась эта чехарда и в документах штабов Красной Армии. В Журнале боевых действий 44 СК запись от 26 июня начинается так: *«В 5.00 танковая группа противника до 1000 разных машин прорвалась из м. Радошковичи на Козеково… 6.00 танковые группы противника, мотопехота на мотоциклах и транспортерах при поддержке артиллерии и авиации начали атаку переднего края укрепрайона…»* **[463]** Однако в Боевом донесении № 1 штаба корпуса (составлено 30 июня) пехота противника «исчезает», танков же становится гораздо меньше: «*Непрерывно в течение всего дня танки противника небольшими группами 5—10 танков, а иногда и больше, продолжали атаковывать 30-й и 159-й стрелковые полки* (64-я сд)*, сочетая свои действия с налетами авиации. Танки противника распространялись по дорогам на Городок Семков и Минск. Пехота противника в течение 26.6.41 г. перед фронтом 44 СК почти что не появлялась».* **[462]**

В ЖБД 3-й Танковой группы боевые действия 26 июня на западных подступах к Минску описаны довольно скупо: *«Части 20-й танковой дивизии стоят юго-восточнее Радо-*

шковичи после того, как они были вынуждены преодолеть серьезное сопротивление противника у Grodek (вероятно, речь идет про Городок Семков. – *М.С.*)*… Бомбовые удары по скоплениям наших головных групп танков… Поступает сообщение из штаба 12-й танковой дивизии… После прорыва рубежа ДОТов северо-восточнее Раков усиленный мотоциклетный батальон 12-й танковой дивизии находится на рубеже ДОТов перед Шубники* (н.п. в 4 км западнее Заславль. – *М.С.*) *на дороге Раков, Заславль; части 25-го усиленного пехотного полка 12 тд вошли в соприкосновение с частями 20-й танковой дивизии юго-западнее Радошковичи…»* **[353]**

Однозначным – и подтверждаемым документами с двух сторон – является только конечный итог: *«Танковая группировка противника, встреченная организованным огнем противотанковой артиллерии, дивизионной и корпусной артиллерии, в течение всего дня* [26 июня] *не прорвала фронт обороны 64-й сд, которая оставалась на своих позициях».* Несомненно, этому способствовал и факт нахождения штаба 44-го стрелкового корпуса (а с вечера 26 июня – и штаба 13-й Армии) в районе Ждановичи (ныне – в черте г. Минска), всего в 20 км от поля боя; командный пункт 64-й сд был в лесу у станции Ратомка, т. е. в 10 км от передовой.

Значительно успешнее для противника развивались события дня 26 июня к северу от Минска. Воспользовавшись тем, что рубеж обороны, занятый частями 2-го стрелкового корпуса, проходил южнее дороги Козеково, Слобода, передовые подразделения 7-й танковой дивизии вермахта к вечеру практически без боя достигли рубежа Рудня, Слобода, Смолевичи. Это означало выход немецких танков на бетонную автостраду Минск, Борисов, Смоленск, что, собственно, и было главной задачей минской операции. Примечательно, что система связи в 3-й ТГр к тому моменту разладилась до такой степени, что о своем успехе немецкое командование узнало по донесениям разведывательной авиации, да и то с ошибкой (*«согласно донесению авиаразведки, части 39-го танкового корпуса вышли в 18.45 на шоссе Минск – Борисов; предположительно, это части 20-й танковой дивизии»*).

Попытка подтянуть к автостраде основные силы 7-й тд и левый фланг 20-й тд встретили ожесточенное сопротивление частей 2-го стрелкового корпуса. В Журнале боевых действий 2 СК это описано так:

«26 июня в 15 часов противник атаковал из района Ворново, Острошицкий Городок в направлении Скураты, Курганы (н.п. в 6–9 км юго-восточнее Острошицкий Городок. – *М.С.*)*. В атаке участвовало не менее батальона мотопехоты и авиадесанта и батальон танков. Не встретив артиллерии*[151]*, танки прорвали фронт* [обороны] *пехоты и начали углубляться в расположение 85-го стрелкового полка* (100-я сд)*. До 10 танков было подожжено бутылками с бензином. Часть танков дошла до Скураты, причем несколько танков еще было подожжено в районе второго эшелона полка, и к Скураты вышло всего 14 танков и группы мотопехоты и мотоциклистов. Встретив здесь оборону 542-го стрелкового полка* (161-я сд) *и не в состоянии ее прорвать, танки и пехота противника начали отходить на северо-запад…*

Еще одна группа противника силою до роты пехоты и не менее роты танков атаковала в направлении Паперня, Дубовляны (т. е. на юг от Острошицкий Городок к Минску. – *М.С.*)*. После того как 8 танков противника было сожжено, атака пехоты была отбита с большими потерями для противника, причем некоторые подразделения 355-го стрелкового полка* (100-я сд) *бросились в рукопашный бой. Противник в беспорядке отошел в северном направлении… В 17 часов противник, собрав свои части, повторил атаку, но с мень-*

[151] Накануне, 26 июня, вся артиллерия 100-й дивизии была передана в распоряжение 44 СК, т. е. на более танкоопасное направление; отдельный зенитно-артиллерийский дивизион 2-го стрелкового корпуса еще 23 июня приказом фронта был направлен на ст. Негорелое (45 км от Минска по шоссе на Столбцы).

шими силами и настойчивостью. Атаки на всех направлениях были отбиты перед передним краем обороны… Потери 100-й и 161-й стрелковых дивизий, несмотря на полное отсутствие артиллерии, были незначительны». **[461]**

27 июня ситуация значительно ухудшилась – боевые порядки немецких танковых дивизий естественным образом уплотнялись (к передовой подтягивались отставшие на марше части и подразделения), и «тонкие стальные нити» начинали превращаться в «бронированный кулак». К тому же утром 27 июня 12-я танковая дивизия была передана в подчинение 39-го танкового корпуса, таким образом все три танковые дивизии, ведущие бой в северо-западных пригородах Минска, были объединены под единым командованием.

У обороняющихся тем временем возникли проблемы (неразрешимые в обстановке нарастающего хаоса) с боеприпасами. *«Уже к вечеру 26.6.41 г. артиллерия стала ощущать недостаток в снарядах, так как подвоза с тыла совершенно не было. Посланные командиром 64-й стрелковой дивизии 15 машин за снарядами в Минск до сего времени, видимо, не возвратились. Особенно острый недостаток сказывался в снарядах 152-мм артиллерии, и совершенно отсутствовали гаубичные снаряды 122-мм».* **[462]** Недостаток снарядов заметили даже немцы. *«Кажется, что планомерный подвоз боеприпасов у противника отсутствует»* (ЖБД 3-й ТГр, запись от 26 июня).

Направление главного удара немецких танковых соединений начало смещаться к северу. 12-я танковая дивизия, не сумев 26 июня пробить оборону 159-го стрелкового полка вдоль шоссе Раков – Минск, повернула на Заславль с намерением пробиться в дальнейшем к Семков Городок и подойти к Минску с северо-запада. К 11 утра немцы заняли Заславль; командир 64-й стрелковой дивизии, введя в бой последние резервы (один стрелковый батальон), вынудил противника отступить; в этом бою погиб командир 159-го сп подполковник Белов. К 16 часам 12-я тд снова заняла Заславль и танковыми подразделениями продвинулась еще на 5 км восточнее, к н.п. Лапоровичи.

На северном фланге 64-й стрелковой дивизии (в полосе Мацки, Козеково, Семков Городок) действовали уже две танковые дивизии противника. Правофланговый полк дивизии без приказа отошел на восток. В Боевом донесении № 1 штаба 44 СК это описано так: *«Вечером получили единственную за весь день радиограмму 288-го стрелкового полка, в которой сообщалось: «Полк отошел в лес северо-восточнее Логойска». Мы не знали, что делается в этом полку. Посылаемые для связи люди не возвращались».* **[462]** Оставшийся без соседей 30-й стрелковый полк до вечера сдерживал атаки вражеских танков. Журнал боевых действий 3-й ТГр кратко фиксирует безрезультатные попытки 20-й танковой дивизии развить наступление: *«13.45. 20 тд должна пройти рубеж ДОТов в 6–7 км юго-восточнее Радошковичи… 19.30. Части 20 тд все еще ведут бой против ДОТов южнее Радошковичи».* **[353]**

Запись за 27 июня в ЖБД 44-го стрелкового корпуса:

«10.00. Начальник штаба 64-й сд полковник Белышев доложил, что в течение 26.6 были случаи оставления ДОТов постоянными гарнизонами[152]*. Командир 44 СК комдив Юшкевич приказал: немедленно выслать в район боевых действий заместителя по политчасти коменданта УР, принять самые жесткие меры по восстановлению постоянных гарнизонов в ДОТ, в случае самовольного оставления ДОТ – бегущих в тыл расстреливать на месте.*

[152] Случаи были не единичными, о чем можно судить по удивительно низким потерям немецких саперных батальонов: *«У Заславля вновь проявил себя 32-й саперный батальон, совместно с танками, мотоциклетными и противотанковыми частями он штурмовал 22 бункера, потери – только 2 раненых. Саперы 58-го саперного батальона в составе передового отряда 7-й танковой дивизии вместе с танковым полком обезвредили бункеры на дороге Радошковичи – Острошицкий Городок, потери – 4 убитых, 14 раненых».* (NARA. T 313, R 231, f. 160–161).

10.30. Установлено движение танков противника с м. Заславль в направлении Ратомка. В районе Лошаны имелось пространство, непростреливаемое из ДОТ, в этом направлении пошли танки противника. 30-й сп, пропустив танки, остался на занятом рубеже…

16.10. Связь 288 сп со штабом 64-й сд потеряна. Танки противника курсируют по дорогам Рогово, Козеково и Заславль, Лапоровичи, одновременно мотопехота противника действует в направлении Козеково, Вышково (н.п. в 7 км южнее Козеково. – *М.С.*). *30-й сп оказался в окружении. Контратака 30 сп из Вышково на восток успеха не имела. В 16.10 связь командира 64-й сд с командиром 30 сп была потеряна и больше не восстанавливалась.*

18.00. По приказанию командира 44 СК в 64 сд направлены генерал-майор Орлов и полковой комиссар Усенко для оказания помощи 64-й сд и для наведения порядка…

В течение 25, 26, 27 июня частями 64-й сд было уничтожено до 350–400 танков и бронемашин противника, взято несколько пленных. Генерал-майор т. Орлов принял самые жесткие меры по возвращению отдельных бегущих красноармейцев с фронта в тыл, главным образом из состава гарнизона УР…» **[463]**

Не менее ожесточенный бой полыхал 27 июня и к северу от Минска. Для немцев день начался со странного эпизода: *«Командир 39-го танкового корпуса докладывает радиограммой: 7-я танковая дивизия в 06.00 отбила у Смолевичи танковую атаку противника с направления Борисов с тяжелыми потерями у противника. Следует принять во внимание возможность продолжение атак. Не идет ли речь о танковых резервах из-под Москвы?»* **[353]** Что это было? «Резервы из-под Москвы», т. е. 1-я моторизованная дивизия 7-го мехкорпуса появится у р. Березина лишь 29 июня, а у Минска ее не было никогда. Скорее всего, немцев атаковало (странно, что с восточного направления) одно из многочисленных подразделений разгромленных мехкорпусов Западного фронта (а может быть, и подразделение 5-й тд Северо-Западного фронта, докатившееся от Вильнюса до восточных пригородов Минска).

Как бы то ни было, сообщения о контратаках с участием танков встречаются в немецких документах за 27–28 июня неоднократно; немцы даже ввели в действие противотанковый резерв (один взвод 50-мм ПТО из состава противотанкового дивизиона 7-й тд и две 88-мм зенитки, поставленных на огневую позицию у автострады Минск, Борисов) и отчитались о 35 уничтоженных за 27 июня танках противника.

Главные же события развернулись в районе Острошицкий Городок, Белоручье, где 100-я стрелковая дивизия при поддержке 151-го корпусного артполка нанесла контрудар в северном направлении, продвинулась на 10–12 км и на некоторое время перерезала коммуникации прорвавшейся в район Смолевичи 7-й танковой дивизии вермахта. Ситуация была оценена как весьма тревожная: *«В случае продолжения противником организованных атак против частей 7-й танковой дивизии у Смолевичи командующий 3-й ТГр приказал командиру 39 ТК во избежание прорыва противником позиций 7 тд произвести отход ограниченными силами на запад».* **[353]**

В реальности немцы ограничились тем, что повернули на 180 градусов разведбат 7-й танковой дивизии и в 16–30 поставили перед ним задачу наступать от Рудня на Острошицкий Городок. **[455]** Вероятно, этот эпизод отражен в донесении начальника отдела политпропаганды 2-го стрелкового корпуса: *«До полка пехоты с танковым батальоном из Рудня начали выдвигаться в западном направлении во фланг и тыл 603-го стрелкового полка* (161-я сд)*, примыкавшего к 100-й сд».* **[464]** Основную же роль в деблокировании коммуникаций 7 тд сыграло начатое в 7 вечера наступление мотопехотных частей 20-й танковой дивизии от Мацки на Белоручье, поддержанное действиями танкового полка дивизии, наступавшего вдоль дороги с запада.

Ожесточенный бой продолжался до темноты, понесшие большие потери части 100-й сд отошли к м. Паперня (н.п. у реки Вяча в 3 км южнее дороги Козеково, Слобода). **[461]** *«Когда батареи направили хорошо скорректированный огонь на позиции противника, сопротивление прекратилось, и наше наступление могло быть продолжено. Между оставленными противотанковыми пушками, минометами и пулеметными гнездами лежали тела убитых советских солдат. Артиллерия и танки противника смогли уйти».*

28 июня

Развязка наступила 28 июня, когда к месту сражения у Минска с юго-запада стали подходить передовые части 17-й и 18-й танковых дивизий 2-й Танковой группы. С этого момента положение 44 СК стало совершенно безнадежным – последний неиспользованный резерв, 108-я стрелковая дивизия, ранее практически бездействовавшая, оказалась теперь под ударом превосходящих сил противника:

«10.00. В штабе 44 СК получены сведения об отходе 444 сп (108-я сд) *из района Дзержинск* (Койданово). *Командир 44 СК приказал командиру 108-й сд сменить КП ближе к 444 сп, лично руководить боем 444 сп…*

10.10. Командир 44 СК комдив Юшкевич[153] *отдал устное приказание своему заместителю генерал-майору Орлову выехать в 444 сп и железной рукой восстановить порядок, потребовать стойко обороняться, ни шагу назад, в тыл не пропускать ни одного человека, по отношению к беглецам и не выполняющим требование о возвращении на фронт применять оружие.*

10.45. Командир 44 СК комдив Юшкевич в приказании № 5 требует от командира 64-й сд и гарнизонов УР стойко оборонять занимаемый рубеж и ни шагу назад; всех беглецов, самостоятельно бросающих поле боя, возвращать на место, в случае нежелания – расстреливать на месте…

12.00. 444 сп атакован несколькими группами танков из района Дзержинск общей численностью до 70 танков[154]*. Танки противника подавили один дивизион легкого артполка, нанесли поражение 3-му дивизиону 49-го корпусного артполка и прорвались внутрь обороны 108-й сд.*

13.00. Прорвавшиеся танки противника из района Дзержинск атаковали командный пункт 44 СК в районе лес восточнее Волковичи. В результате 4 танка противника уничтожено огнем противотанковой батареи, 2 танка подбито и увезено на буксире. На КП имеются потери: 7 человек убито, из них три средних командира, 22 ранено». **[463]**

Тем временем отнюдь не бездействовали и «старые противники»; 12-я танковая дивизия прорвалась, наконец, через оборону обескровленного 159-го стрелкового полка (64-я сд) и в 16 часов вошла в разрушенный бомбежками Минск. В центре полосы обороны 64-й сд кто-то еще оказывал сопротивление, о чем скупо свидетельствуют документы 20-й танковой дивизии вермахта: *«28 июня в 04.30 танковый полк с 3-м батальоном впереди снова выходит в наступление. Вначале движение хорошее, но затем попадается все более сильный противник. Даже с поддержкой одного батальона 59-го мотопехотного полка сопротивление не удается сломить, а собственные потери увеличиваются…»* Именно в этой, последней

---

[153] Юшкевич Василий Александрович (1897–1951), член ВКП(б) с 1919 г., в середине 30-х годов командовал 100-й стрелковой дивизией и 13-м стрелковым корпусом. Военный советник в Испании, по возвращении репрессирован, освобожден в ноябре 1939 г., назначен начальником 1-го отдела Управления боевой подготовки РККА. Войну встретил в старом звании «комдив» и в должности командира 44 СК, в дальнейшем командовал армиями, дослужился до звания генерал-полковника. Последняя должность – командующий Приволжским ВО.

[154] 28 июня бо´льшая часть танков 17-й тд вермахта стояла без горючего в районе Столбцы, Несвиж, так что цифра в 70 танков – одна треть от их общей численности – могла быть даже завышенной.

фазе сражения 20-я тд теряет командира мотопехотного полка (убит) и командира артполка (ранен). Лишь к вечеру 28 июня 20-я тд выходит к дороге Острошицкий Городок, Минск и, повернув на юг, в 9-30 29 июня входит в Минск.

Штаб 44 СК окончательно теряет связь с подчиненными ему частями. *«В 24 часа связь с 108-й стрелковой дивизией совершенно прекратилась и более не возобновлялась, а посланные делегаты от штаба корпуса в штаб 64-й стрелковой дивизии – помощник начальника Оперативного отдела майор Нартов и начальник Отдела тыла подполковник Кузин – в штаб корпуса не возвратились. Посланный в 108-ю стрелковую дивизию помощник начальника Оперативного отдела ст. лейтенант Сыроежкин, делегат от 539-го стрелкового полка и три командира* [из] *батальона связи корпуса, из них один командир батальона связи капитан Аршавский, также не возвратились обратно».* **[462]**

29 июня оставшиеся в строю командиры и бойцы 64-й и 108-й дивизий сосредоточились в лесном массиве между Ратомка и Старое Село; туда же подходили многочисленные группы бойцов, отступающих с запада, а вечером 30 июня появились и командиры штаба 3-й Армии вместе с ее командующим, генерал-лейтенантом В.И. Кузнецовым. Решено было прорываться на юго-восток, и это решение оказалось верным: южный обвод «минского котла» был еще очень тонким[155], части 17-й немецкой танковой дивизии растянулись на 60-км участке от Столбцов до Минска, а 18-ю танковую Гудериан бросил в обход Минска с юга, через реки Свислочь и Волма к магистрали Минск, Борисов. Выход из окружения начался в ночь с 1 на 2 июля, с боями удалось вывести из «котла» порядка 3 тыс. человек.

Отход 2-го стрелкового корпуса (т. е. немногочисленных сохранивших боеспособность и управляемость частей 100-й и 161-й дивизий) начался раньше, соответствующий приказ командир корпуса генерал-майор Ермаков отдал в 3-00 28 июня. Части с боями отходили на восточный берег р. Волма, в обширный лесной массив между дорогами Минск, Смолевичи и Минск, Смиловичи. Об обстановке красноречиво свидетельствуют несколько строк в донесении политотдела корпуса:

«Начштаба 331 СП майор Маргон покончил жизнь самоубийством. Командир полка был тяжело ранен, а начальник штаба майор Маргон не сумел руководить отходом полка, в результате два батальона не прибыли в намеченный район сбора». На другой странице архивного дела политуправления Западного фронта, вероятно, этот же эпизод описан так: «*Майор Моргун убил трех командиров и нанес себе тяжелое ранение».* **[467]**

Потери противника (как можно судить по донесениям частей 7-й танковой дивизии) 28 июня были единичными, но одна из них оказалась «очень громкой» – был убит командир танкового полка дивизии полковник Ротенбург, уже представленный на тот момент к награде за успешное форсирование Немана у Алитуса. Обстоятельства происшествия в ЖБД 3-й ТГр описаны так: *«После легкого ранения по дороге к дивизионному медицинскому пункту, которая шла через территорию, занятую противником».* В документах 2 СК и 100-й сд подчеркивается, что *«личный портфель с документами отправлен в штаб корпуса»*. **[487]**

Несмотря на то что противник особых усилий по преследованию отходящих не предпринимал (немцам нужны были дороги – борисовское и могилевское шоссе, а не погоня по лесам за отступающими), за реку Волма вышли лишь малочисленные группы бойцов и командиров. В докладной записке батальонного комиссара Диброва (представитель политуправления фронта в 161-й сд) читаем: *«В районе Волма из оставшихся бойцов и комнач-состава и собранных из 155 сд, 100 сд, 108 сд – всего 1200 человек – сформировано два батальона. За период боев 161-я сд имеет незначительные потери убитыми и ранеными (примерно 354 человек, максимум), остальные потеряны, попали в окружение (так называ-*

[155] Если верить записи в ЖБД 3-й ТГр, в 17–00 29 июня по дороге Минск – Смиловичи из «котла» беспрепятственно вышла механизированная колонна длиной 10 км.

емые без вести пропавшие), пробились к другим частям или ходят по дорогам и лесам и ищут свои части». **[468]**

Так закончилось трехдневное сражение за Минск. Учитывая, что с немецкой стороны действовали исключительно танковые соединения, стоит отметить и уровень потерь техники. 7 июля командование 3-й ТГр вермахта направило в отдел тыла Генерального штаба сухопутных войск донесение о потерях. По состоянию на 30 июня безвозвратно потеряно: 30 танков в 19-й тд, 25 танков в 7-й тд (но тут следует учесть, что 11 танков дивизии было потеряно у Алитуса), 15 танков в 20-й тд; 12-я тд по состоянию на 4 июля безвозвратно потеряла 11 танков. **[486]** Всего в трех дивизиях, воевавших у Минска (7-я тд, 12-я тд, 20-я тд), безвозвратно потерян 51 танк[156]. Если убрать из категории «танк» пулеметные танкетки Pz-I, то в перечне потерь останется 41 единица.

[156] В докладе о боевых действиях 100-й сд с 26 по 28 июня утверждается, что дивизия уничтожила 101 танк противника.

Глава 3.6
Западный фронт. Итоги

Замыкание кольца окружения у Минска происходило относительно медленно. По меньшей мере три дня – 29 и 30 июня, 1 июля – южнее Минска был лишь весьма дырявый заслон из подходящих к городу подразделений и частей 17-й танковой дивизии вермахта; столь же тонкой была «стальная нить» 18-й тд, растянувшейся юго-восточнее Минска на 35 км от р. Волма до Жодино. На весьма условном «фронте» между Минском и Бобруйском 80-км разрыв между 47 ТК и 24 ТК закрывали два подвижных соединения: 10-я танковая дивизия и моторизованная дивизия СС «Рейх».

Абстрактно рассуждая, такая ситуация открывала возможность для деблокирования окруженной группировки войск Западного фронта ударом с востока, но даже попыток действовать подобным образом высшее командование Красной Армии не предпринимало. Утром 27 июня (соответствующие телеграммы сданы на узел связи Генштаба в 7-00) за подписями Буденного, Маленкова и Покровского (Военный совет т. н. «группы армий Резерва Главного командования») были отданы приказы о развертывания 22-й, 20-й и 21-й Армий по линии рек Западная Двина, Днепр (Полоцк, Витебск, Орша, Могилев, Рогачев, Речица). **[470]** Можно (хотя едва ли нужно) спорить о «гуманности» такого решения, но с позиций жестокой логики войны других вариантов не было: спасать остатки разгромленных армий Западного фронта было уже поздно, а спасти Москву можно было только скорейшим выстраиванием нового фронта по естественному оборонительному рубежу рек Западная Двина и Днепр.

Сопротивление в двух «котлах окружения» (Белосток, Слоним и Новогрудок, Минск) продолжалось до первых чисел июля. В коротких строках донесений штабов ГА «Центр» трагедия окруженных описана так:

«29 июня.

В отдельных случаях противник все еще оказывает упорное и ожесточенное сопротивление. Главным образом стремится к прорыву и отходу на восток. Единого руководства операцией по прорыву и отходу не чувствуется…

30 июня.

В ходе завершения окружения и прочесывания тылового района противник все еще оказывает отчаянное сопротивление. Артиллерия и авиация противника бездействуют… Противник в районе Минска, похоже, деморализован. Более не оказывает никакого организованного сопротивления, но все же группами силою до полка время от времени наносит удары с целью деблокирования своих окруженных войск, иногда при поддержке танков…

1 июля.

В ночь с 30 июня на 1 июля упорные бои продолжались только под Зельвой, в других районах противник оказывал незначительное сопротивление, отчасти наблюдаются признаки полной его деморализации. Количество пленных и трофеев увеличивается. Общее число их пока трудно установить…

4 июля.

У противника в Налибокской Пуще более не осталось сил для оказания заметного сопротивления, и с 3 июля он начал переходить на нашу сторону во все более возрастающем количестве. Пленные и перебежчики дают показания, что войска остались без продовольствия и деморализованы. Только там, где остались комиссары, они решаются на сопротивление…» **[474]**

По состоянию на 4 июля включительно в полосе действий ГА «Центр» было взято в плен 217 тыс. человек и, как сказано в донесении штаба ГА, *«их число все более возрастает».* **[475]** 8 июля командующий Группой армий генерал-фельдмаршал фон Бок издал приказ, в

котором были подведены итоги операции: *«Двойная битва за Белосток и Минск завершилась. Группе армий противостояли четыре русские армии, насчитывавшие около 32 стрелковых дивизий, 8 танковых дивизий, 6 механизированных бригад и 3 кавалерийские дивизии. Из них нам удалось разбить 22 стрелковые дивизии, 7 танковых дивизий, 6 механизированных бригад и 3 кавалерийские дивизии… На вчерашний день число пленных и количество захваченного военного имущества исчислялись следующими цифрами: взято в плен 287 704 человека, в том числе несколько корпусных и дивизионных генералов. Захвачено и уничтожено 2585 танков, включая самые тяжелые, и 1449 артиллерийских орудий…»* **[476]**

И эти цифры не стали окончательными. Судя по справке штаба ГА «Центр» от 28 сентября, в сражении у Белосток, Минск было взято в плен 338,5 тыс. человек, уничтожено и захвачено 3188 танков и 1830 орудий. **[477]**

Приведенные в приказе Бока цифры говорят о том, что немцы несколько завысили исходную численность группировки Западного фронта: они насчитали 49 соединений (дивизий и бригад), а в реальности в составе ЗФ было 44 дивизии, но с учетом войск левого фланга 11-й Армии СЗФ (3–4 дивизии, оказавшиеся в полосе наступления 3-й ТГр вермахта) ошибка совсем невелика. По немецкой оценке «неразбитыми» остались 11 дивизий; нельзя не заметить, что и эта цифра вполне совпадает с данными, названными в ЖБД Западного фронта: *«Из окружения удалось выйти отдельным отрядам и группам, из них наиболее многочисленными оказались 155-я, 143-я и 24-я стрелковые дивизии. Из остальных соединений вышли небольшие группы и отдельные лица. На рубеж реки Березина и южнее с боями вышли только 50, 100, 161, 64, 108, 143, 155, 55, 75-я стрелковые дивизии, 20-й и 14-й мехкорпуса, 4-й воздушно-десантный корпус и небольшие остатки (до 1000 человек) 24, 6 и 42-й стрелковых дивизий».* **[478]**

Итого – 12 стрелковых дивизий и два мехкорпуса. Перечислены главным образом соединения 2-го эшелона фронта, но присутствуют также три дивизии 4-й Армии (6-я, 42-я и 75-я). Позднее, в августе 41-го, был составлен «Перечень войсковых частей Западного ОВО, вышедших из Западной Белоруссии и участвующих в боях по состоянию на 1.8.41 г.». **[479]** Существенных различий в списках нет; к числу вышедших из окружения добавлены две стрелковые дивизии (49-я и 121-я), добавился 17 МК, но не вошли в перечень 14 МК и 24-я сд. Все это обилие цифр и номеров сводится к тому, что две трети войсковых соединений Западного фронта были потеряны полностью, а одна треть вроде бы вышла. Теперь постараемся уточнить – в каком состоянии (в какой численности) вышли избежавшие окружения дивизии?

Состояние первичных документов войск Западного фронта (о чем многократно говорилось выше), да и состояние штабов, в которых эти документы должны были составляться, таково, что ни о каких точных цифрах не может быть и речи; все, что возможно, – это зыбкие ориентировочные оценки на основании разрозненных и противоречивых документальных источников.

6-я и 42-я стрелковые дивизии. Это те самые, «брестские дивизии», разгромленные в первые два дня войны, именно они в Оперсводке № 1 штаба 4-й Армии уже вечером 24 июня были охарактеризованы как «остатки, не имеющие боеспособности». Тем не менее составители ЖБД фронта включили их в перечень вышедших из окружения, правда, с уточнением *«небольшие остатки (до 1000 человек)».* Есть еще и Оперсводка № 10 штаба фронта от 4 июля, в этом документе приведены такие данные: *«6-я стрелковая дивизия – 340 человек, 42-я стрелковая дивизия – 4000 человек, из них 50 % не обмундировано».* **[480]** Четыре тысячи человек в дивизии, которая вместе с 6-й сд за неделю откатилась от Бреста до Днепра, – это фантастика; возможной разгадкой может быть то, что уже за Днепром в дивизию зачислили мобилизованный личный состав (отсюда и странная фраза про «50 % не обмундировано»).

Упомянута в Оперсводке № 10 и 55-я стрелковая дивизия, в ней к 4 июля было 800 человек.

Включен в состав вышедших 14-й мехкорпус; в соответствии с докладом о боевых действиях 14 МК к моменту вывода корпуса на переформирование (29 июня) в его дивизиях оставалось: 285 человек в 205-й мд, 450 – в 22-й тд, 1090 – в 30-й тд. **[386]** В среднем по 600 человек на дивизию.

В августовский «Перечень войсковых частей» был включен 17-й мехкорпус. В докладе командования корпуса вполне самокритично констатируется: *«Характер и количество действительных потерь в корпусе установить не представилось возможным».* Тем не менее в докладе есть несколько слов, позволяющих ориентировочно оценить численность вышедшего из окружения личного состава: *«В течение 14, 15, 16, 17 июля из состава частей и остатков корпуса был выделен отряд в 1400 человек, который оборонял рубеж р. Сож… 22.7 по приказанию генерал-майора Борзикова из остатков корпуса сформирован и отправлен на передовые позиции в район Ярцево мотострелковый полк под командой майора Шипилюк и 25.7 сформирован мотострелковый батальон».* **[403]** Даже если предположить, что все три формирования («отряд», полк и батальон) составлялись из разных людей, и исключить возможность получения корпусом свежего пополнения, то и при этих, отнюдь не бесспорных допущениях, на одну дивизию 17 МК в среднем придется по 1,6–1,8 тыс. человек.

В предыдущей главе была упомянута докладная записка батальонного комиссара Диброва (представитель политуправления фронта), где сказано, что из остатков трех дивизий, вышедших за реку Волма, было сформировано два батальона общей численностью в 1200 человек. Три дивизии – это 155-я, 100-я и 108-я сд. Первая из них, заметим, упомянута в ЖБД фронта в перечне «*наиболее многочисленных».* Примечательно и то, что эти три дивизии из трех разных корпусов, вполне уместно предположить, что где-то вышли из окружения и другие остатки этих дивизий. В частности, 44 СК (64-я и 108-я сд вместе с примкнувшими к ним подразделениями других соединений фронта) вывел из окружения порядка 3 тыс. человек.

Возможно, самой многочисленной и успешной – на этом ужасающем фоне – оказалась 24-я Железная дивизия, в которой из окружения вышло порядка 2 тыс. человек.

Резюме: при самой оптимистичной оценке средняя численность личного состава вышедших из окружения дивизий Западного фронта составляла не более 1,5 тыс. человек. Дальше все считается очень просто: 18 дивизий (12 стрелковых плюс два мехкорпуса) по 1,5 тыс. человек в каждой. В сумме набирается 27 тысяч. Округлим до 30. Увеличим получившееся число в полтора-два раза (кроме дивизий в составе фронта были еще и корпусные, армейские, тыловые, военно-учебные и прочие части и учреждения). Итого: 45–60 тыс. человек, и это все, что осталось от Западного Особого военного округа. А было в нем накануне войны – как указано в знаменитом «Статистическом сборнике № 1» – 600 тыс. человек (и это не считая 71 тыс. призванных на «учебные сборы»).

600 – 60 = 540.

Безвозвратно потеряно девять десятых личного состава. В абсолютных числах – больше полумиллиона. Косвенное подтверждение правильности такой оценки потерь можно обнаружить в известном и вполне официальном статсборнике Кривошеева («Гриф секретности снят»), в соответствии с которым Западный фронт с 22 июня до 9 июля потерял 521 тыс. единиц стрелкового оружия.

Несколько слов (без претензий на энциклопедический охват) о судьбе командного состава разгромленного фронта.

Убиты в первых боях и при выходе из окружения: командир 6-го мехкорпуса генерал-майор М.Г. Хацкилевич и начальник артиллерии корпуса генерал-майор А.С. Митро-

фанов, командир 13-го мехкорпуса генерал-майор П.Н. Ахлюстин, командир 21-го стрелкового корпуса генерал-майор В.Б. Борисов, командир 27-й стрелковой дивизии генерал-майор А.М. Степанов, командир 29-й танковой дивизии полковник Н.П. Студнев.

Пропали без вести (погибли при невыясненных обстоятельствах): командир 5-го стрелкового корпуса генерал-майор А.В. Гарнов, его заместитель генерал-майор Ф.И. Буданов и начальник артиллерии корпуса генерал-майор г. П. Козлов, заместитель командира 13-го мехкорпуса генерал-майор В.И. Иванов, начальник штаба 11-го мехкорпуса полковник С.А. Мухин, начальник штаба 6-го мехкорпуса полковник Е.С. Коваль, командир 6-й стрелковой дивизии полковник Попсуй-Шапко, командир 8-й стрелковой дивизии полковник Н.И. Фомин, командир 55-й стрелковой дивизии полковник Д.И. Иванюк, командир 25-й танковой дивизии (13 МК) полковник Н.М. Никифоров, командир 36-й танковой дивизии (17 МК) полковник М.З. Мирошников, командир 209-й моторизованной дивизии полковник А.И. Муравьев.

Попали в плен: командир 4-го стрелкового корпуса генерал-майор Е.А. Егоров, командир 6-го кавкорпуса И.С. Никитин, начальник штаба 21-го стрелкового корпуса генерал-майор Д.Е. Закутный, начальник АБТУ 10-й Армии полковник г. И. Антонов, заместитель командира 11-го мехкорпуса генерал-майор П.Г. Макаров и начальник артиллерии корпуса генерал-майор Н.М. Старостин, командир 13-й стрелковой дивизии генерал-майор А.З. Наумов, командир 49-й стрелковой дивизии полковник К.Ф. Васильев, командир 4-й танковой дивизии генерал-майор А.Г. Потатурчев, командир 29-й моторизованной дивизии генерал-майор И.П. Бикжанов, командир 36-й кавдивизии генерал-майор Е.С. Зыбин. После окончания войны Егоров, Наумов, Зыбин, Закутный были казнены, Потатурчев умер в тюрьме до суда, Антонов активно сотрудничал с Власовым, но смог избежать репатриации в СССР.

Получили ранения: начальник штаба 3-й Армии генерал-майор А.К. Кондратьев, командир 85-й стрелковой дивизии генерал-майор А.В. Бондовский, командир 86-й стрелковой дивизии полковник М.А. Зашибалов, командир 6-й кавдивизии генерал-майор М.П. Константинов, командир 31-й танковой дивизии (13 МК) полковник А.С. Калихович. **[488]**

Итого – 34 старших командира (генералы или полковники на генеральских должностях).

Судьба высшего командования Западного фронта была еще более трагична. Командующий войсками фронта генерал армии Д.Г. Павлов, начальник штаба генерал-майор В.Е. Климовских, начальник артиллерии генерал-лейтенант Н.А. Клич, начальник связи генерал-майор А.Т. Григорьев, заместитель командующего ВВС фронта генерал-майор Таюрский были арестованы и расстреляны. По одному делу с Павловым был осужден и расстрелян командующий 4-й Армией генерал-майор Коробков. Командующий ВВС Западного фронта генерал-майор И.И. Копец застрелился (или был убит при аресте). Начальник оперативного отдела штаба фронта генерал-майор И.И. Семенов был арестован и приговорен к 10 годам тюрьмы, в октябре 1942 г. досрочно освобожден, восстановлен в звании. **[382]**

Теперь постараемся оценить размер потерь личного состава, которыми ГА «Центр» заплатила за столь сокрушительный разгром своего противника.

В оперативной сводке штаба 9-й Армии вермахта от 2.7.41 г. указано, что с 22 по 28 июня Армия потеряла 4764 человека, в том числе 1449 – безвозвратно (убитые и пропавшие без вести). **[482]** В пересчете на 12 пехотных дивизий, входивших в ее состав, это означает потерю 57 человек в день (на самом деле – еще меньше, т. к. в составе Армии, кроме пехотных дивизий, были отдельные подразделения и части корпусного и армейского подчинения). По меркам июня 41-го эта цифра чуть выше обычного; можно предположить, что на итого-

вую сумму повлияли (в сторону увеличения) потери пехотных дивизий 20 АК, отразивших удар КМГ Болдина.

Потери 3-й Танковой группы значительно меньше: с 22 июня по 2 июля всего 1769 человек, в т. ч. 583 безвозвратно. **[483]** В пересчете на 7 дивизий, входивших в состав Группы, получается 24 человека в день – феноменальная цифра, особенно принимая во внимание боевой путь 3-й ТГр и ее «безнадежно устаревший» (вернем советским историкам это звучное определение) танковый парк[157].

В оперативной сводке штаба ГА «Центр» от 3-30 3 июля сказано, что «*по неполным данным, потери 4-й и 9-й Армий и 3-й Танковой группы составляют: убиты 221 офицер и 2655 солдат, ранено 389 офицеров и 7125 солдат, пропало без вести 20 офицеров и 945 солдат».* **[484]** Суммарно это дает потерю 11 355 человек, в т. ч. 3841 безвозвратно.

Потери 2-й Танковой группы в указанной выше опер-сводке не отражены. Однако есть известные данные по т. н. «десятидневкам» (суммарные ведомости потерь вермахта за каждые 10 дней войны), в соответствии с которыми с 22 июня по 20 июля Танковая группа Гудериана потеряла 4368 человек, в т. ч. 1142 безвозвратно. На первый взгляд, даты не совпадают, но надо иметь в виду, что с утра 3 июля обе Танковые группы (2-я и 3-я) были сведены в одну 4-ю танковую армию (в дальнейшем это решение было признано не слишком удачным, и все вернулось «на круги своя»); таким образом потери, учтенные в «десятидневках» как потери на 20 июля, являются, по сути дела, потерями на конец дня 2 июля.

Таким образом, с достаточной для ориентировочной оценки точностью нижней границей потерь ГА «Центр» за первые десять дней войны можно считать цифру в 16 тыс. человек (11 355 + 4368), в том числе 5 тысяч безвозвратно (3841 + 1142). Принимая во внимание неизбежную неточность и неполноту сводок, составленных по горячим следам боев, следует увеличить полученные цифры на 20–25 %. Таким образом мы приходим к верхней оценке общих потерь, понесенных ГА «Центр» за время разгрома Западного фронта (с 22.6 по 2.7), **в размере 19—20 тыс. человек. В среднем по 40 человек в день на дивизию.**

Соотношение потерь с потерями противника (Красной Армии] порядка 1 к 27. Если же считать только безвозвратные потери, то пропорции получаются и вовсе сумасшедшие (1 к 80), но это – в данном конкретном случае – глубоко неверный подход, т. к. в Красной Армии само соотношение числа раненых и безвозвратно выбывших из строя было абсолютно ненормальным (безвозвратные потери многократно выше санитарных за счет огромной доли «пропавших без вести» в структуре потерь). Количество раненых в частях Западного фронта сегодня не назовет никто, да и обсуждать эту страшную тему никто по сей день не решился. Поэтому ограничимся «скромной» пропорцией в 1 к 27. Может быть, даже 1 к 25.

Среднеарифметические цифры обычно не отражают всей полноты картины, поэтому стоит «подкрутить резкость» и рассмотреть потери немецких дивизий, понесших максимальный урон.

Большими (вероятно – самыми большими в ГА «Центр») были потери 18-й танковой дивизии (2-я ТГр). За первые 10 дней войны дивизия потеряла (главным образом – в боях против 47-го стрелкового корпуса у Слоним, Барановичи) 1346 человек.

Штурмовавшая Брестскую крепость 45-я пехотная дивизия за 8 дней боев потеряла 1120 человек; средние ежедневные потери составляют 140 человек, и это также рекордно-высокие для ГА «Центр» значения.

---

[157] В дальнейшем уровень потерь в 3-й ТГр вырос и стал вполне «нормальным» по меркам вермахта; за 50 дней войны, с 22 июня по 10 августа, семь дивизий и одна бригада (900-й мпб) Группы потеряли 17 199 человек, т. е. 46 на дивизию в день. (NARA. T 313, R 231, f. 140).

29-я моторизованная дивизия (2-я ТГр), в течение 4–5 дней державшая под многочисленными ударами выход из Белостокского «мешка», потеряла до 2 июля 1026 человек; примерно 100 в день.

Не прошли бесследно для статистики потерь вермахта и бои, которые 25–28 июня в районе Трабы, Ивье вела 24-я Железная дивизия генерала Галицкого. Как пишет (причем пишет, ссылаясь на служебный доклад) в своих мемуарах Г. Гот, командующий 3-й ТГр, *«за первые три недели боев потери 19-й танковой и 14-й моторизованной дивизий в общей сложности составляют 163 офицера и 3422 унтер-офицера и солдата».* **[485]** В среднем – 85 человек в день.

Максимальными были, вероятно, потери 7-й танковой дивизии 26 июня; как было выше отмечено, дивизия потеряла в тот день более 193 человек («более», т. к. в этой цифре не учтены потери одного из мотопехотных полков дивизии). Этот «пиковый» уровень потерь объясняется, скорее всего, тем, что 26 июня дивизия попала под массированный удар советской авиации; во все другие дни ее потери были значительно ниже, составив в целом порядка 500 человек за июнь.

Все это обилие цифр приведено совсем не для того, чтобы просто утомить читателя. Размер средних, больших, максимальных («пиковых») однодневных потерь дивизий вермахта дает нам некую «опорную площадку», позволяющую оценить реальные возможности средств поражения той эпохи и масштаб потенциально возможных «кровавых потерь» (есть в военном деле такой жутковатый термин, означающий совокупность убитых и раненых).

В общем и целом для немецких дивизий ГА «Центр» первая неделя войны состояла из маршей, изредка нарушаемых отдельными короткими стычками. Такому «режиму боевых действий» соответствовали потери 40–50 человек на дивизию в день. 45-я пехотная у стен Брестской крепости не маршировала, а вела напряженный бой; результат – «кровавые потери» порядка 140 человек в день. Ожесточенные многодневные бои пришлось вести 7-й, 18-й, 19-й танковым, 29-й моторизованной дивизиям – там и потери приближаются (или заметно превышают) отметку в 100 человек в день. Разумеется, все эти цифры могут быть неполны и неточны; вполне возможно, что какие-то эпизоды напряженных боев оказались за рамками нашей книги, соответственно, можно предположить, что реальные потери в дивизиях вермахта в какие-то критические моменты доходили до отметки 200–250 человек в день.

А что мы видим на другой стороне фронта? 128-я стрелковая дивизия (11-я Армия Северо-Западного фронта) исчезает за один день 22 июня; в дивизии было 15,5 тыс. человек – где они потерялись? Левым соседом 128-й сд была 56-я стрелковая дивизия Западного фронта; в Боевом донесении № 3 штаба 3-й Армии от 12–30 24 июня утверждается, что *«56-я сд в результате боев имеет два небольших разрозненных отряда численностью до 700–800 человек».* Что же это за бои такие, в которых дивизия теряет по 4–5 тыс. человек в день? Можно до бесконечности спорить о ТТХ советских и немецких пулеметов-минометов, но никакие технические нюансы не могут служить объяснением 20-кратной разницы в ежедневных потерях противоборствующих дивизий.

Впрочем, вопросы эти – вполне риторические. Ответ известен. Ситуация, сложившаяся на Западном фронте, примечательна лишь тем, что процесс, который в документах штабов Красной Армии обозначался словами «дивизия рассеялась», находит свое четкое количественное выражение в цифре захваченных немцами пленных. Если взять за основу полученную выше оценку совокупных потерь фронта (540 тыс. человек), то учтенные немцами 338,5 тыс. пленных составляют 63 % потерь Западного фронта[158].

[158] В последние годы чрезвычайное распространение в патриотических кругах получила байка о том, что «немцы

Тут еще очень важно подчеркнуть, что общее количество «рассеявшихся» было несомненно больше числа захваченных немцами в плен. Какое-то количество (тысячи? десятки тысяч?) бывших красноармейцев, переодевшихся в гражданскую одежду, избежали плена – укрылись в глухих лесных деревнях, вернулись к себе домой (в условиях очень дырявого «кольца окружения» это было осуществимо в больших географических масштабах, включая перемещение жителей восточной Польши в западную Польшу), ушли в партизаны, записались в «полицаи» и т. д. Несомненно и то, что многие тысячи (десятки тысяч?) «июньских окруженцев» несколько месяцев брели лесными тропами на восток и вышли к своим уже после составления всех упомянутых выше отчетов, докладов и «перечней».

Дать сколь-нибудь реалистичную оценку количества «уклонистов» (покинувших свою часть, но при этом уклонившихся от попадания в немецкий лагерь для военнопленных) очень трудно – если вообще возможно. Редкие, разбросанные по различным документам советских штабов цифры позволяют лишь утверждать, что пропавших без вести было во много раз больше, чем убитых.

«За период боев 161-я сд (от которой осталось, как сказано в том же политдонесении, всего 700 человек. – *М.С.*) *имеет незначительные потери убитыми и ранеными (примерно 354 человек, максимум), остальные потеряны, попали в окружение (так называемые без вести пропавшие), пробились к другим частям или ходят по дорогам и лесам и ищут свои части».* **[468]**

«В 797-м стрелковом полку 232-й сд было убито и ранено: начсостав – 14, младший начсостав – 15, рядовой состав – 113, а пропало без вести: начсостав – 31, младший начсостав – 82, рядовых – 904 (в целом получается соотношение 1 к 7. – *М.С.*). *Есть все основания полагать, что большая часть пропавших без вести разбежались, дезертировали с поля боя и находятся в лесах в районе действия дивизии».* **[489]**

«Надо полагать, что в личном составе потери выразились цифрой, не превышающей 5 % от общего состава» – это написано в докладе о боевых действиях 17-го мехкорпуса, фактически потерявшего три четверти личного состава. **[403]** 86-я авиабаза (наземный персонал аэродрома у г. Алитус) за 7 дней войны потерял: убитых – 1, раненых – 3, пропавших без вести – 242. **[363]**

Разумеется, это «отдельные частные случаи». Столь же бесспорно и то, что ни одного противоположного «частного случая» – примера дивизии, в которой потери убитыми и ранеными были бы больше числа разбежавшихся – пока еще никто не нашел. Переходя от частного к общему, от потерь отдельных частей и соединений к потерям всего Западного фронта, можно предложить лишь очень зыбкую оценку, основанную на предположении, что число убитых и раненых с одной стороны (в данном случае – в частях Красной Армии) не могло более чем в 4–5 раз превосходить соответствующий показатель противника (вермахта). При таком (да, очень зыбком и едва ли доказуемом) допущении можно предположить, что потери Западного фронта состояли из 80–100 тыс. убитых и раненых и порядка 400–450 тыс. «рассеявшихся».

хватали всех мужчин призывного возраста и зачисляли их в военнопленные». Авторов и распространителей этого бреда нисколько не смущают простые вопросы: «Зачем?» «Кто их должен после этого кормить?» «Как совместить это с фактом освобождения сотен тысяч реальных военнопленных?» Летает по всемирной Сети даже некий «приказ от 8 июля». Да, приказ от 8 июля существует. Правда, это 8 июля 1943 (сорок третьего) года, и подписал его Гиммлер, который прямого отношения к вермахту, войне и военнопленным не имел. *«Пленные мужчины в возрасте от 16 до 55 лет, взятые в борьбе с бандами* (выделено мной. – *М.С.*) *в зоне военных действий, армейском тылу, восточных комиссариатах, генерал-губернаторстве и на Балканах, считаются военнопленными».*

Часть 4
Оценочные суждения

Документы отдела разведки и контрразведки 17-го армейского корпуса (ГА «Юг»). **[490]**

26 июня 1941 г.
Обобщающий отчет о результатах допросов пленных

«…Обмундирование находится в очень плохом состоянии, частью изодрано. Обувь частично сильно потрепана, используются запасные подметки. Пленные очень жалуются на плохое снабжение продовольствием в своих частях; они говорят, что в качестве довольствия им выдавали сырое пшено. 25.6 многие пленные жаловались на то, что они ничего не ели с момента начала войны. Некоторые пленные производят впечатление людей сильно истощенных и апатичных к тому, что с ними происходит…

Кроме комиссаров лишь относительно небольшое в процентном отношении число личного состава согласно с политическим устройством в стране. Офицеры практически все являются коммунистами или пришли из рядов молодежной коммунистической организации. К колхозам все настроены негативно…

В показаниях пленных прослеживается их опасение быть расстрелянными в плену. По их словам, если бы была уверенность в том, что их не будут расстреливать, то, возможно, гораздо большее число русских военнослужащих предпочло бы сдаться в плен. Четверо пленных утверждают, что они будто слышали о том, как военнослужащие 98-го артиллерийского полка побросали свои орудия, технику и разбежались.

Замечено, что у большинства пленных сорваны петлицы, а также нарукавные и другие знаки различия…»

12 июля 1941 г.
Отчет о допросах военнопленных

«…Вновь подтверждено, что бо´льшая часть доставленных пленных приняла решение о переходе на нашу сторону под воздействием сброшенных нами с воздуха листовок. На вопрос о том, почему целые соединения не складывают оружие, был дан ответ, что наши листовки еще воспринимаются большинством скептически и их содержанию не полностью доверяют. Собственные командиры, разумеется, прилагают старания к тому, чтобы усиливать имеющиеся сомнения.

Трудность перехода также заключается в том, что собственные командиры без раздумий расстреливают любого, если видят намерение сложить оружие. Также и наши пулеметы, которые сразу же пускаются в ход, как только кто-то бывает замечен, делают побег слишком рискованным. По всему видно, однако, что выбранный способ облегчения боевых действий путем сбрасывания с воздуха листовок является для нас ценным…»

24 июля 1941 г.
Донесение о допросе перебежчика

«…Настроение в части (отдельный пулеметный батальон укрепрайона. – *М.С.*) *подавленное. Все уже давно хотят закончить войну, но жестким устрашением принуждаются*

командирами к дальнейшей борьбе. После работы [немецкого] *громкоговорителя командиры ходили со взведенными пистолетами и угрожали расстрелять любого, кто попытается бежать к немцам. Несмотря на запугивание, под впечатлением от пропаганды солдаты договорились тайно покинуть ДОТы ночью, запереть там командиров и перебежать к немцам. Но этот план сорвался из-за внезапного ночного отступления. Перебежчик тем не менее убежден в том, что остальные солдаты все равно покинут часть при первой же возможности. Ему самому удалось сбежать, когда при отходе он был выставлен часовым для наблюдения на случай нападения немцев».*

24 июля 1941 г.
Доклад о настроениях в войсках противника

«…Военнопленные сообщают, что только сейчас, находясь в плену, они могут открыто друг с другом разговаривать. В Красной Армии никто не осмеливался высказывать свое мнение, так как видел в каждом слушателе шпиона. Поэтому так редко происходит отстранение от дел комиссаров и коммунистических командиров. Перебегать к немцам крайне тяжело, это может произойти лишь при немецком наступлении, в момент, когда войска совершают беспорядочное отступление. Пленные твердо убеждены, что рано или поздно вся армия перебежит к немцам, так как никто из красноармейцев не понимает, за что он должен бороться. Основная масса красноармейцев – колхозники, враждебно настроенные в отношении советского режима, так как у них была отобрана частная собственность. У большинства красноармейцев отцы сосланы, убиты либо живут в тяжелой нужде. Войска продолжают сопротивление лишь под сильнейшим террором…»

6 августа 1941 г.
Донесение о допросе перебежчиков

«9-я рота 3-го батальона 8-го мотопехотного полка СС доставила следующих советско-русских перебежчиков (перечислено 9 человек, все уроженцы Ленинграда, возраст 18–19 лет. – *М.С.*). *Эти перебежчики сообщили следующее:*

Настроение в нашей воинской части очень плохое. Мы не испытываем никакой ненависти к немцам. Наш комиссар, еврей, рассказывал нам, что немцы разорвут нас на куски, но мы ему не поверили. Зато мы поверили в то, что было написано в немецких листовках, которые были сброшены на нашу часть с самолетов.

Довольствие было очень плохое. Хлеба мы получали в день по 400 г. А поначалу нам выдавали только по 100 г хлеба в день. Хлеб был очень плохой. Денежное довольствие мы получали в размере 8 руб. в месяц. Настроение в Ленинграде очень плохое. Люди ждут, когда немцы войдут в город, и надеются тогда на лучшие времена. На участке леса, откуда мы прибыли, находятся еще тысячи солдат, которые хотят перебежать. Наша воинская часть самораспускается».

Документы управления разведки и контрразведки 3-й Танковой группы (ГА «Центр»). **[491]**

14 июля 1941 г.
Положение в Белоруссии

«Так же, как и в Литве, на территории Белоруссии, прежде принадлежавшей Польше, население, за исключением евреев, приветствуют немецкие войска как освободителей. При-

чина: принудительная коллективизация в деревне и сопровождавшие ее ссылки и расстрелы. Нами не найдено подтверждение факта массовых кровавых расправ над арестованными гражданскими лицами, о чем нас уверяло население. Вероятно, арестованные при приближении немецких войск были уведены на восток. Радость населения – белорусов (греко-католиков) и поляков (римско-католиков) – одинакова, острых противоречий между ними нет.

Примечательно, что и жители областей Белоруссии, постоянно входивших в состав Советского Союза, смотрят на вступление немецких войск без недовольства. Причина: коллективное хозяйствование на земле выродилось в принудительную систему, при которой люди день и ночь работают и не видят плодов своего труда. Голод 1933, 34, 35 годов еще хорошо памятен крестьянам. Если народ вначале не везде высказывает радость, то это объясняется неопределенностью с будущим и запугиванием, проводившимся советской властью, объявившей, что обязанностью каждого немца будет уничтожать русских.

В городах царит бо́льшее безразличие, которое в больших городах, например в Минске, перерастает в неприятие и вражду. Безучастность, однако, превращается в ненависть к Сталину после того, как, следуя директивам Сталина из его речи от 3.7.1941, коммунисты начали перед отступлением сжигать города, например Витебск. Так как люди в городах и колхозах до сих пор жили тем, что государство из своих хранилищ ежедневно распределяло жизненно необходимые продукты, то народ грабит, чтобы не голодать. Насколько это возможно, немецкие войска пытаются грабежи прекратить и прилагают усилия для справедливого распределения…

Какого-нибудь проявления неповиновения Советской власти не было установлено. Шаг от критики и внутреннего неприятия советских порядков до активного сопротивления очень тяжело дается этому столь сильно измученному и лишенному инициативы народу.

Так как население ощущает себя белорусами, чувствует общность с Россией и их отрицательная позиция по отношению к Москве носит социально-экономический характер, то весьма вероятно, что и в российских областях мы застанем похожее положение дел, как и в описываемом районе.

4 августа 1941 г.

Доклад об отношении русского гражданского населения к немцам (рис. 33)

«Для выполнения поставленной мне задачи выяснения и сбора сведений о поведения и позиции русского гражданского населения я посетил 3 августа две церкви в г. Велиж. Церкви были так переполнены верующими (2 августа православная церковь отмечает Ильин день. – *М.С.*), *что не все нашли в них место и были вынуждены стоять перед церковью и в проходах. Это было потрясающее зрелище, видеть этих простых людей, которые кланяются и плачут, внимательно слушая проповедь их священника. Ведь у русского народа уже 22 года насильственно отобрана возможность собираться на церковные праздники. Со слезами на глазах они благодарят на коленях высшую силу за освобождение их немецкой армией от ига коммунизма. Они зашли в своей благодарности и радости настолько, что заключительную молитву священника, за победу немецких войск и их великого фюрера, воспринимали близко к сердцу. С ужасом вспоминают эти бедные люди жестокую тиранию большевизма и, как они признают, лучше уж они, повиснув на подножках наших машин, в Германию уедут, чем хоть еще мгновение окажутся под красным игом».*

Рис. 33. Доклад об отношении русского гражданского населения к немцам

Документы отдела разведки и контрразведки 10-й танковой дивизии (ГА «Центр») **[492]**

10 июля 1941 г.
Тема: показания пленных

«8 пленных показали, что они из 542-го стрелкового полка (161-я стрелковая дивизия, участник сражения за Минск. – *М.С.*). *Полк был задействован у Минска, после чего находился в отступлении. Последние арьергардные бои произошли 3 дня назад. Офицеры на автомашинах уехали, в части остались лишь некоторые младшие командиры-коммунисты. Большая часть полка разбежалась, не желая более воевать. Когда пленные узнали от жителей деревни, что если они сдадутся немецким войскам, то с ними ничего не случится, они сразу же, завидев наши разведывательные автомобили, с поднятыми руками вышли нам навстречу».*

20 июля 1941 г.
Тема: показания пленных

«Вчера вечером к нашему передовому охранению у Леонидовки перебежал русский солдат и дал следующие показания:

7 июля 32-й пехотный полк был переброшен из Воронежа под Ельню. Здесь он был задействован на строительстве полевых укреплений. Кроме того, для устройства укреплений было привлечено 20 тыс. рабочих из Москвы. Снабжение рабочих и полка было крайне скудным. В последние два дня никакого продовольствия вообще не выдавалось, в полку начался бунт, и часть военнослужащих приняли решение перейти к немцам. Об их намерении стало известно [командованию], *после чего бунтовщики были задействованы на переднем крае во время немецкой танковой атаки.*

Севернее и южнее Ельни стянуто большое количество артиллерии (противотанковые пушки калибром 152, 76 и 50 мм). Командир сказал солдатам, что за неисполнение приказов были расстреляны 9 генералов (на тот момент командование Западного фронта еще не было расстреляно, но подписанное Сталиным Постановление ГКО № 169 было уже объявлено в войсках, и там было именно 9 фамилий арестованных генералов. – *М.С.*). *Место, где располагался полк, обозначалось как полевой пост 116. Расположенные в Ельне и вокруг нее войска в результате боев в последние дни сильно истощены, и только страх быть расстрелянными в плену удерживает их от перехода к нам».*

26 июля 1941 г.

«Дорогой Гиргенсон[159],

[159] Никаких реквизитов на документе нет, подписи также нет. Однако установить личность адресата несложно – скорее всего, это бригаденфюрер СА Томас Гиргенсон, прибалтийский («остзейский») немец, начальник разведывательного отдела штаба СА («штурмовые отряды»), в ведении которого находился подбор кадров для гражданской администрации

Кроме того, что у меня все хорошо, сообщаю сегодня следующее:

Мы можем с уверенностью констатировать, что немецкие листовки хорошо действуют как на русских солдат, так и на гражданское население. Командиры моих разведгрупп постоянно убеждаются в этом лично…

Сейчас, когда все приводится в порядок, мы собираемся наладить хозяйственную жизнь, а именно сельское хозяйство. Здесь, в центре России, в 60 км к юго-востоку от Смоленска, сельское население желает красным комиссарам провалиться ко всем чертям. Оно отзывается на наш призыв приступить без промедления к сенокосу. Оно снабжает нас, нередко добровольно, молоком, луком, мясом. Если прислать сюда немного спокойных и распорядительных людей, плюс людей с сельскохозяйственными и техническими знаниями, знающих язык, пропагандистов, то будет нетрудно без больших потерь наладить здесь нормальную жизнь и уборку урожая.

Уровень жизни людей здесь настолько низок, что даже небольшой части дохода от сельскохозяйственной деятельности было бы вполне достаточно, чтобы значительно улучшить социальную обстановку, поднять покупательную способность, с одной стороны, и стимулировать желание работать – с другой.

Мы не сможем упразднить большие коллективные предприятия, да это и не нужно. Хотя бы потому, что здесь крестьян в нашем понимании, то есть людей, способных самостоятельно работать, больше не осталось. Но если этим нищим государственным поденщикам вместо половины моргена земли (примерно 12 «соток». – *М.С.*)*, одной свиньи и одной коровы дать все это в двойном количестве в частное пользование, то они будут счастливы и довольны. Кроме того, если сказать общине: из урожая, собранного с ваших земельных наделов, вы получите еще столько-то % от прибыли, то таким образом мы стимулируем инициативу, и в результате отбора по результатам труда сможем заложить основу нового среднего сословия, лучшим из которого можно будет дать возможность дорасти до руководящих должностей…»*

Документы отдела разведки и контрразведки 48-го танкового корпуса (ГА «Юг») **[493]**

16 июля 1941 г.

Тема: Особые подробности из протоколов допросов:

«…Подтверждено, что украинское население попадает под действие очень активной пропаганды в немецких листовках, сбрасываемых с самолетов. Содержание передается от одного человека другому устно, главным образом, женщинами и детьми, поскольку они, как сообщается, могут беспрепятственно разговаривать с солдатами.

Перебежчики используют для бегства, главным образом, момент замешательства, например при налетах немецкой авиации. Примечательным обстоятельством является то, что они частично приходят уже и из тыловых районов русских. Так, отдельные перебежчики заявили, что им пришлось пробираться из района Киева в западном направлении до встречи с первыми немецкими войсками (в середине июля 41-го части немецкого 48 ТК вели бои в районе Бердичева, т. е. желающим сдаться в плен предстояло пройти порядка 150 км. – *М.С.*).

Примечательно, что мусульмане из числа пленных во время допросов особо подчеркивают свои антикоммунистические взгляды. Тон, которым они говорят о большевизме, отличается особой резкостью и твердой уверенностью в [своем] *превосходстве.*

на оккупированных территориях Советского Союза.

Пленные приносили с собой немецкие листовки и рассказывали независимо друг от друга, что листовки им давали офицеры после бегства комиссаров…»

Документы отдела разведки и контрразведки 4-го авиакорпуса люфтваффе. **[494]**

№ 1 082/41, секретно

«Румынскими войсками был взят в плен политический комиссар подразделения НКВД военно-морской базы г. Одесса, который ответил на следующие вопросы:

…Русское население не знает истинного положения на фронте. Население знает лишь о боях в районе Киева, под Белой Церковью и Житомиром. О потере Бессарабии не сообщалось вплоть до 22 августа. Сообщалось только о боях на р. Прут. Русское население обработано пропагандой таким образом, что оно не может иметь своего мнения.

Допрашиваемый считает, что после дальнейших немецких успехов, таких как взятие Ленинграда, Москвы, Киева и т. д., население поднимется. Этому будет способствовать и большая нехватка продуктов питания и одежды. Первыми восстанут женщины. Эту революцию можно было бы ускорить путем постоянной пропаганды листовками и освобождением нескольких надежных пленных, которых можно вернуть. Эти пленные должны распространить информацию о том, что пленных здесь совсем не убивают, а обращаются с ними хорошо.

Вероятно, после потери политических и промышленных центров влияние властей на население ослабеет, и эти средства (террор) *уже не будут эффективны… Он считает, что сопротивление сможет продолжаться не дольше 3 месяцев, так как вследствие понесенных потерь все резервы будут исчерпаны. Бедственное положение населения и понесенные потери могут сломить сопротивление руководящих органов…»*

Дневниковые записи солдата вермахта Вилли Кубека **[495]**

«По прошествии полутора месяцев русской кампании, после того, как я составил представление о мирных жителях Украины, мне приходит в голову сохранить свои воспоминания для послевоенных лет. Первое, что меня поразило, – это дружелюбный настрой мирного населения. Мне не было известно ни одного случая нападения на наших солдат, во всяком случае, на южном участке фронта. Мы тогда не боялись никаких враждебных актов со стороны мирного населения, даже оказываясь в тылу врага, когда отправлялись на разведку. Отправляясь в деревню раздобыть съестного, мы также не боялись, что кто-нибудь из местных всадит нам нож или топор в спину. Не знаю ни одного подобного инцидента, в противном случае командование строго-настрого запретило бы подобные рейды.

По моему личному впечатлению, мирное население от всей души ненавидело своего великого вождя Сталина. Мы постоянно слышали: «Ленин – гут, Сталин…» – и при этих словах люди делали многозначительный жест, везде означавший одно и то же и поэтому понятный: петля на шею. Больше всего Сталина ненавидели за коллективизацию сельского хозяйства. После нее все конфискованные у зажиточных крестьян земли, сельхозинвентарь, скот, птица были объявлены собственностью государства, иначе говоря, переданы в коллективную собственность. Но главное слово оставалось за ненавистными партократами. Все жители той или иной деревни работали сообща, за это они получали хлеб и деньги – совсем немного – около половины рейхс-марки в день в пересчете на наши деньги. Главную прибыль присваивало государство, жителям деревни оставляли лишь столько, чтобы они смогли кое-как перебиваться.

От нас жители Украины ожидали, что мы положим конец коллективизации. Может, наше руководство все же поймет, что именно это и открывало возможность сделать Украину союзником. Я твердо убежден, что многие крестьяне были на нашей стороне в борьбе против сталинского режима. Не было подразделения, в котором бы добровольцы из местных жителей не сотрудничали активно с нами…»

Из протокола допроса генерал-майора Закутного, бывшего начальника штаба 21 СК **[496]**

«…По мнению генерала, эта война чрезвычайно непопулярна в России и легко может привести к свержению теперешнего правящего режима. Этой опасности советское правительство может избежать только путем своевременного заключения сепаратного мира. Большое значение, по словам генерала, имеет также вопрос о том, как далеко переместится фронт на восток. Если немцам удастся занять большие пространства России, для советского правительства возникнет угроза того, что на оккупированной территории будет образовано русское параллельное правительство. Появление такой возможности особенно опасно для советского правительства, и поэтому ему, безусловно, придется предотвратить создание параллельного правительства за счет своевременного заключения сепаратного мира. Если же избежать создания параллельного правительства не удастся, то благодаря заключению такого мира [советское руководство] *будет пытаться сохранить за собой по крайней мере остатки территории России.*

Большинство своих политических взглядов Закутный изложил по собственной инициативе, причем конкретные вопросы на этот счет ему не задавались. Он явно испытывал потребность высказаться на эту тему, так что его высказываниям на этот счет следует придавать особое значение».

Из докладной записки Главного военного прокурора В. Носова заместителю наркома обороны СССР армейскому комиссару 1-го ранга Л. Мехлису[160].

27 сентября 1941 г.

«10–20 июля сего года части 25-го стрелкового корпуса, занимавшие оборону в районе города Витебска, Сураж-Витебский, позорно разбежались, открыли дорогу противнику для продвижения на Восток, а впоследствии, попав в окружение, потеряли большинство личного состава и материальную часть. Произведенным по поводу этого следствием установлено следующее:

…Днем 11 июля на участке обороны, занимаемой двумя батальонами 501 сп, мотомехчасти противника неизвестной численности (разведка отсутствовала) прорвались через Западную Двину на шоссе Витебск, Смоленск и Витебск, Сураж. Указанные два батальона 501 сп, не имея надлежащего руководства, в панике разбежались. Охваченный паникой «окружения» в ночь на 12 июля начал менять свое месторасположение штаб корпуса. К 16.00 12 июля командир корпуса генерал-майор Честохвалов с группой штабных командиров и батальоном связи, бросив часть автомашин, прибыл на КП 134-й сд в село Прудники. Их прибытие сразу внесло панику в части дивизии, так как прибывшие, в том числе и сам Честохвалов, панически рассказывали о якобы нанесенных немцами потерях частям 162-й сд, бомбежке их с воздуха и т. п…

[160] Документы военной прокуратуры (всех уровней) и военных трибуналов наглухо закрыты для исследователей, соответственно, можно только догадываться – сколько еще подобных докладов укрыты в пыли «архивного ГУЛАГа».

После указания командира корпуса Честохвалова об отступлении началось паническое бегство на восток. Первыми побежали штаб корпуса и 2-й эшелон штаба 134-й сд, возглавляемый начальником штаба дивизии подполковником Светличным, который с 9 июля на КП отсутствовал («отстал») и только к моменту отхода 12 июля прибыл в село Прудники. Автомашины без руководства в панике неслись на восток на местечко Яновичи. Паническое бегство штабных командиров губительно отразилось на частях и местных советских органах, которые бросали все и бежали на восток, еще не видя никакого противника и даже не слыша стрельбы. 13 июля штаб корпуса остановился у местечка Яновичи, но 14 июля переехал в лес у села Понизовье, бросив всякое управление частями корпуса и потеряв связь со штабом армии. По примеру штаба корпуса разбегались воинские части, не оказывая никакого сопротивления противнику, бросая материальную часть и снаряжение…

При въезде в село Рыпшево в 23.00 колонна штаба была встречена окриками «Стой!» и беспорядочной стрельбой незначительного отряда немецкой разведки; по словам очевидцев, разведчиков было около 10 человек. Возглавлявший автоколонну на первой машине начальник штаба корпуса полковник Виноградов, не останавливая машины, проехал и выскочил за село. Следовавший за ним во второй машине командир корпуса генерал-майор Честохвалов остановил автомашину, бросил личное оружие, поднял руки и пошел к немцам[161]*. Находившийся с ним в машине начальник инженерной службы штаба корпуса подполковник Егоров выскочил из машины и бросился в другую сторону, через огороды в лес. То же сделали остальные командиры и политработники штаба корпуса…*

Находясь в окружении, под влиянием трусости, некоторые командиры и политработники, чтобы скрыть свою принадлежность к командному составу Красной Армии, посрывали знаки различия и петлицы, обменяли свое воинское обмундирование на гражданские костюмы, а часть из них даже уничтожила личные и партийные документы. Начальник политотдела корпуса полковой комиссар Лаврентьев уничтожил партийный билет, обменял свое комсоставское обмундирование на рваный костюм «заключенного», отпустил бороду, повесил котомку за плечи и, как трус и бездельник, несколько дней двигался за частями, ничего не делая, деморализуя личный состав своим внешним видом. Когда ему предложили военное обмундирование, он отказался и одиночным порядком в своем костюме «заключенного» пошел на восток. Также одиночным порядком пробирались военком корпуса бригадный комиссар Кофанов, полковник Стулов, начальник особого отдела корпуса старший лейтенант госбезопасности Богатько. Последний вместе со своей машинисткой, переодевшись в костюмы колхозников, выдавая себя за «беженцев», пробирались в город Вязьму…» **[497]**

Из Спецсообщения Управления контрразведки НКГБ СССР «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов»

[Не позднее 24 июля 1943 г.]

Тренев К.А.

«Я избегаю читать газеты, мне противно читать газеты, сплошную ложь и очковтирательство… Что касается нашей страны, то она больше выдержать войны не в состоянии, тем более что за сохранение существующего режима вряд ли многие согласятся бороться… Надо быть последовательным. Коминтерн разогнали, надо пересмотреть гимн «Интернационал», он не может понравиться союзникам…» (Тренев намекнул,

[161] Обстоятельства пленения (если оно было) генерала Честохвалова не выяснены по сей день. По одним версиям, он был убит в перестрелке при первой встрече с немцами, по другой – убит при попытке сбежать; ясно только то, что сколь-нибудь длительное время в немецком плену он не был.

что он сознательно отходит от общественной работы и старается пребывать в тени, подготовляя безболезненный переход на сторону «нового режима», который будет, по его убеждению, установлен после войны.)»

Новиков-Прибой А.С.

«Крестьянину нужно дать послабление в экономике, в развороте его инициативы по части личного хозяйства. Все равно это произойдет в результате войны… Не может одна Россия бесконечно долго стоять в стороне от капиталистических стран, и она перейдет рано или поздно на этот путь, правительство это само поймет…»

Федин К.А.

«Все русское для меня давно погибло с приходом большевиков; теперь должна наступить новая эпоха, когда народ не будет больше голодать, не будет все с себя снимать, чтобы благоденствовала какая-то кучка людей (большевиков). За кровь, пролитую на войне, народ потребует плату, и вот здесь наступит такое… Может быть, опять прольется кровь…»

Толстой А.Н.

«Мы уже теперь заботимся о том, чтобы у нас в запасе были людские военные резервы – на тот случай, что, когда война придет к завершению, нам еще придется драться со своими союзниками за дележ и переустройство Европы… В близком будущем придется допустить частную инициативу, новый НЭП, без этого нельзя будет восстановить и оживить хозяйство и товарооборот…»

Погодин Н.Ф.

«Страшные жизненные уроки, полученные страной и чуть не завершившиеся буквально случайно сдачей Москвы, которую немцы не взяли 15–16 октября 1941 года, просто не поверив в полное отсутствие у нас какой-либо организованности, должны говорить прежде всего об одном – так дальше не может быть, так больше нельзя жить, так мы не выживем… У нас что-то неладно в самом механизме, и он нет-нет, да и заедает и скрипит. У нас неладно что-то в самой системе. Что хорошо, то хорошо, и многое у нас отлично, но и плохое у нас предстало такими дозами, что просто не понимаешь, как и когда это могло случиться…»

Гладков Ф.В.

«Подумайте, 25 лет советская власть, а даже до войны люди ходили в лохмотьях, голодали… В таких городах, как Пенза, Ярославль, в 1940 году люди пухли от голода, нельзя было пообедать и достать хоть хлеба. Это наводит на очень серьезные мысли: для чего же было делать революцию, если через 25 лет люди голодали до войны так же, как голодают теперь…»

Довженко А.П.

«Тема обличения порочности советского воспитания, никчемности советского педагога, ошибочности пропаганды и трагических результатов этого должна стать основной темой советского искусства, литературы и кино на ближайшее время…» **[498]**

Из книги М. Корякова «Освобождение души» (1952 г.)

«…Прибалтика, Полесье, Волынь, Галиция, Буковина, Бессарабия были оккупированы, присоединены к СССР, «освобождены», по советской терминологии. Наслаждаясь легкими, молниеносными победами, отъедаясь на даровых и обильных оккупационных харчах, бойцы и командиры Красной Армии были настроены залихватски. То была «сталинская молодежь», выращенная в искусственном, оранжерейном климате, полная веры в гений «великого, мудрого и любимого Сталина», в «освободительную миссию Красной Армии», в «непобедимость советского оружия».

Началась война… Нестойки оказались росточки веры в Сталина, выращенные в оранжерейном, тепличном климате. Они тотчас завяли, едва на них повеяло жарким, опаляющим дыханием тяжелых и неудачных боев. На протяжении десятилетий большевизм вытравлял в молодом поколении органическую, национальную веру в Россию; теперь напористый ураган войны выдул и веру в Сталина, – в душе советского солдата стало пусто, хоть шаром покати. Так начался разброд Красной Армии.

В июле и августе – первые два месяца войны – в действующую армию влились новые контингенты: миллионы крестьян Украины, Северного Кавказа, Поволжья, среднерусской полосы. Не комсомольцы, а тридцатилетние-сорокалетние люди, новый – более глубинный – народный слой, слабо затронутый большевистской пропагандой, идеями «освобождения» Европы, наступательной войны. На памяти этих бойцов лежало другое: как в 1930-м году большевики разоряли единоличные – отцами и дедами построенные – хозяйства, отбирали лошадей, коров и насильно загоняли в колхозы; как в 1932-м году целые деревни, села и станицы вымирали от голода, зарастали бурьянами, высылались на поселение в полярную тундру, пески Туркестана, концентрационные лагеря Колымы.

Новое пополнение принесло на фронт антисоветские настроения, которые сразу нашли отклик у «сталинской молодежи», разгромленной на границах в первые дни войны. Не только отклик, но и четкое оформление – прямую установку на пораженчество. Потеряв веру в Сталина, опустошенные душевно, молодые люди «сталинской эпохи» потянулись к немцам. Появились «нырики», прятавшиеся в погребах, подвалах. Немецкая волна прокатывалась – «нырики» вылезали. Бывшие коммунисты и комсомольцы, как правило, поступали на немецкую службу. Пожилые бойцы переодевались в крестьянскую одежду, подавались ближе к родной деревне, чтобы делить колхозы и заново строить единоличные дворы. Кто не имел поблизости родной деревни, оседал в хате какой-нибудь деревенской вдовушки, солдатской женки.

На полях России разыгрывалась большая военная, социальная, политическая, но главное – глубочайшая психологическая народная драма. Неправильно думать, что миллионы русских людей пошли к немцам. Ни к немцам, ни к большевикам, а просто – куда глаза глядят…»

Эпилог

16 июля 1941 г. товарищ Сталин лично подписал Постановление ГКО № 169, в котором было сказано следующее: *«Государственный Комитет Обороны должен признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником».*

Предметом исследования, задачей, целью данной книги было наполнить сочетание слов *«отдельные командиры и рядовые бойцы»* конкретным содержанием. Перевести обсуждение вопроса о «человеческом факторе» и его роли в катастрофическом поражении Красной Армии из области эмоций, ритуальных фраз, истерики, жонглирования «удобными» цитатами в сферу науки; для начала – такой простой науки, как арифметика. «Наука начинается там, где начинают измерять» (Менделеев).

Задача эта очень непростая. Танки, пушки, самолеты можно пересчитать, толщину брони – измерить, реальную бронепробиваемость снарядов проверить на полигоне. А вот как измерить «боевой дух», оценить в количественных параметрах наличие квалификации у командиров и мотивации к исполнению воинского долга у солдат? Сложно – не значит невозможно. И хотя ответы никогда не будут столь же простыми и однозначными, как в задачах по классической механике, можно найти и соответствующие объективные (допускающие количественную оценку) критерии, и первичные документы, содержащие необходимую исходную информацию для количественной оценки.

Первым по значимости критерием может служить структура потерь личного состава. Армия – это не танки, армия – это люди; разгромить армию – это значит физически уничтожить солдат противника или принудить их к отказу от исполнения воинского долга, уничтожение боевой техники играет тут сугубо вспомогательную, подчиненную роль. К сожалению, нет никакой возможности составить поименные списки потерь или, по меньшей мере, установить с точностью до тысячи человек количество убитых, раненых, дезертиров и пленных (две последние категории в конкретных условиях лета 41-го года в значительной мере неразличимы – сначала происходило бегство в лес, а затем, спустя несколько дней или недель, переход из леса в лагерь военнопленных). Хуже того, развал Красной Армии был столь глубоким и быстрым, что само использование обычных терминов военного языка становится проблематичным. Можно ли назвать «дезертиром» солдата, которого бросили все командиры – от комбата до командарма? Можно ли назвать «воинской частью» то, откуда самовольно бежал этот солдат?

Тем не менее, к несчастью для нашей страны – и к облегчению жизни будущих историков – диспропорция между «кровавыми потерями» (убитые и раненые) и потерями в результате хаоса и развала (дезертиры, пленные) настолько ярко выражена, что для ее установления и измерения достаточно даже того скромного количества информации, которым мы сегодня располагаем (арбуз настолько больше вишни, что разницу в их весе можно выявить даже на самых плохих, грубых и испорченных весах).

Строго говоря, первый шаг к выявлению этой диспропорции был сделан 20 лет назад и сделан отнюдь не мною. В 1993 г. вышло в свет первое издание статистического сборника «Гриф секретности снят», в котором коллектив вполне «официальных», «статусных» историков, возглавляемых генерал-полковником Г.Ф. Кривошеевым, опубликовал данные о потерях Красной Армии по годам и операциям войны. Там, в частности, черным по белому было написано, что количество «пропавших без вести» составляло 71 % от общего числа потерь

Южного и Брянского фронтов, 77 % потерь Юго-Западного фронта, 65 % потерь Западного фронта (это данные за весь 1941 год).

В других разделах (таблицах) сборника Кривошеева убитые и пропавшие без вести были объединены в общей графе «безвозвратные потери», однако и в этом случае огромное преобладание числа «пропавших» было отчетливо видно: безвозвратные потери оказались в 5,7 раза больше санитарных на Северо-Западном фронте (с 22.6 по 9.7), в 4,4 раза больше санитарных потерь на Западном фронте (с 22.6 по 9.7), в 2,5 раза на Юго-Западном фронте (с 22.6 по 6.7), в 7,3 раза на том же Юго-Западном фронте в период с 7.7. по 26.9. Такие «перевернутые» пропорции, несовместимые с логикой, физиологией и военной историей (в реальности число раненых во всех боях XX века в 2,5–3 раза превосходит число убитых), могут иметь только одно объяснение: безвозвратные потери состояли главным образом из «пропавших без вести», убитых же было на порядок меньше.

Данные, приведенные в сборнике Кривошеева (которые сами составители сборника изо всех сил постарались не заметить и не понять), указали общее направление дальнейшего поиска. Ограничиться только ими было невозможно хотя бы по двум причинам: нет подробной детализации, сведения слишком общие (за весь 1941 год, по целому фронту), да и сами цифры потерь, учтенных у Кривошеева, значительно занижены. Для восполнения этого пробела были написаны Части 2 и 3 данной книги. Удалось выявить конкретные цифры потерь за первые 10–15 дней войны по десяткам частей и соединений Юго-Западного и Западного фронтов. Результат исследования подтвердил – и даже значительно усилил – первоначальные оценки. Да, **пропавших без вести было во много раз (часто – на порядок] больше совокупного числа учтенных в штабных документах убитых и раненых.**

Формально рассуждая, число учтенных в документах «кровавых потерь» и их реальное количество могут не совпадать. И если бы все наши сведения по истории первых недель войны ограничивались только названными выше цифрами, то вполне уместно было бы высказать гипотезу (да, именно «высказать гипотезу», а не категорически утверждать, как это делалось на протяжении многих десятилетий), что пропавшие без вести на самом деле погибли, сражаясь до последнего патрона в окружении, в одиночку, в отрыве от командования и штабов.

В некоторых случаях именно так все и было. И случаев таких известно немало. Выше было неоднократно показано, как в документах вермахта появляется описание боя «неизвестно с кем» (в соответствующих советских документах такой эпизод никак не отражается, и по этим документам даже невозможно понять – кто же там воевал). Тем не менее, в целом и главном указанная выше «гипотеза» категорически не верна. Пропавшие без вести летом 41-го года – это, за редкими исключениями, дезертиры и пленные[162].

Прежде всего следует вспомнить о том, что «пропавшие» не пропали бесследно. Они отчетливо видны: и на фотографиях немецкой кинохроники, запечатлевшей огромные, за горизонт уходящие колонны пленных красноармейцев, и в документах штабов вермахта. Как было выше показано, две трети потерь Западного фронта полностью покрываются учтенным немцами количеством пленных (если же принять цифры Кривошеева – 418 тыс. человек в период с 22.6 по 9.7, то захваченные немцами 338,5 тыс. пленных составят не две трети, а четыре пятых всех потерь фронта). В целом до конца 1941 г. немцы захватили в плен 3,8 млн

[162] Доказывать и отстаивать столь заурядный вывод стало необходимо лишь сейчас, после выхода первых книг Солонина; до этого, в 1993 г., составители сборника Кривошеева на стр. 338 без тени смущения (и с удивительной точностью!) установили, что из 4559 тыс. человек, учтенных в донесениях штабов как «пропавшие без вести», 4059 тыс. человек находились в плену.

человек, что составляет примерно половину от реального количества потерь[163], или 85 % от потерь, указанных в сборнике Кривошеева (4,47 млн человек).

Захваченные и учтенные (что совсем не одно и то же!) в документах вермахта пленные – это только одна из (хотя и самая крупная) составляющая общей совокупности «пропавших». Огромное количество бывших красноармейцев избежало плена, причем самыми разнообразными способами. Так, в 1941 г. только органами НКВД (без учета деятельности армейских заградотрядов) было задержано 710 755 дезертиров (данные из доклада начальника Отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР А.М. Леонтьева от 30 августа 1944 г.). **[499]** Несмотря на формальную точность (вплоть до одного человека), эти отчеты, разумеется, не дают полной картины произошедшего.

Есть все основания предположить, что бо´льшая часть дезертиров побежала не назад (на восток), в объятия НКВД, а постаралась остаться на оккупированной противником территории, вернуться к себе домой, осесть в «примаках» у сердобольной солдатки и т. п. Летом 41-го немцы смотрели на это дело «сквозь пальцы» – война казалась им уже выигранной, а на полях зрел урожай, который надо было до последнего зернышка собрать, обмолотить и отправить в нужном направлении, т. е. в Германию, традиционно испытывающую серьезные затруднения с собственным зерном; в такой ситуации не было никакого резона ловить и держать бывших красноармейцев в лагерях, где их предстояло охранять да еще и как-то кормить.

Некоторое представление о количестве дезертиров (сама природа этого явления исключает возможность точного учета) может дать цифра «призванных повторно». По данным все того же сборника Кривошеева, *«939,7 тыс. военнослужащих из числа ранее пропавших без вести и бывших в плену были призваны вторично на освобожденной от оккупации территории»*. Одно-значному пониманию этой фразы мешает союз «и» (*«пропавших без вести И бывших в плену»*). С одной стороны, возникает возможность «двойного учета» (сначала как пленного, затем как «вторично призванного»). С другой стороны, к тому времени, когда началось широкомасштабное освобождение оккупированных территорий (43–44 гг.), большая часть пленных была уже давным-давно перемещена в лагеря на территории Германии, и их освобождение, репатриация (а в ряде случаев и зачисление на воинскую службу) произошли уже после окончания войны; что же касается пленных 41-го года, то две трети из них не смогли пережить первую военную зиму.

Далеко не все «пропавшие» и осевшие на оккупированной территории дожили до того момента, когда их смогли повторно призвать в Красную Армию. Сотни тысяч человек погибли, сражаясь по обе стороны баррикад гражданской войны (в «полицаях» и в партизанских отрядах), попали под бомбежку и арт-обстрел, умерли от голода и болезней, расстреляны как заложники, как «пособники партизан», как «пособники оккупантов» и пр. Наконец, не следует забывать о том, что в 1943–1944 годах на освобожденных от немецкой оккупации территориях СССР в массовом порядке происходил т. н. «призыв непосредственно в воинские части». На практике это означало, что обнаруженных мужчин призывного возраста без лишних сантиментов отправляли «искупать вину» прямо в бой, часто даже не переодев их в военную форму; эти люди ни в каких документах мобилизационного Управления Генштаба учтены не были, сколько их было и сколько их погибло – не знает никто.

---

[163] Как было уже многократно отмечено, огромное количество первичных документов утеряно (или они вовсе не были составлены), соответственно установить общее количество потерь суммированием донесений штабов заведомо невозможно. Адекватным ситуации был и остается только «балансовый метод», т. е. сравнение трех чисел: численность действующей армии на 22 июня, численность на конец года, совокупная численность поступивших в действующую армию людей (эта составляющая остается предметом дискуссии и постоянного уточнения). В целом балансовый метод приводит к минимальной оценке безвозвратных потерь 41-го года в размере 7,5–8 млн человек. Подробнее см. «22 июня. Анатомия катастрофы», стр. 367–370.

Еще одна группа фактов, убедительно (хотя и косвенно) свидетельствующая о том, что пропавшие без вести в основной своей массе отнюдь не погибли в бою, связана с цифрами потерь вермахта. На огромном количестве примеров, частных и общих, было показано, что потери вермахта были феноменально низкими: 40–50–60 человек, с учетом раненых и заболевших, на дивизию в день. Немецкие потери оказались в десятки раз (!) меньше потерь противостоявших им соединений Красной Армии. И тут нам придется или предположить, что красноармейцы стреляли в немцев бумажными шариками, или признать, что стрелявших было во много раз меньше, чем «пропавших».

Пропорции потерь боевой техники (танков) Красной Армии вполне повторяют пропорции потерь личного состава и приводят нас к аналогичным выводам о причинах этих потерь. Выявленное и описанное еще в «Бочке и обручах» явление – необычайно высокий темп и масштаб небоевых потерь танков («танковый падеж») – нашло безоговорочное подтверждение на сотнях страниц первичных документов штабов Красной Армии. В течение 7–10 дней (иногда и гораздо быстрее) советские танковые дивизии теряют все (или почти все) свои танки, но при этом явно отраженные в документах боевые потери составляют 15–20, от силы 25 процентов от их исходной численности; все остальные потеряны без воздействия противника (если не относить к категории «воздействие противника» сам факт начавшейся войны). Именно этот беспримерный в истории «танковый падеж» привел к тому, что Юго-Западный фронт исхитрился потерять безвозвратно в 50 раз больше танков, чем противник.

Документы штабов Красной Армии свидетельствуют о совершенно невероятных пропорциях потерь танков и танкистов. Если в танковых дивизиях вермахта на один безвозвратно потерянный танк приходится 30–40 (иногда и 70–80) убитых и раненых людей, то в советских танковых дивизиях учтенные потери личного состава всего лишь в 2–3–4 раза больше потерь танков; в тех случаях, когда документы позволяют установить потери не только всей дивизии, но и танковых полков (например, 32-я, 34-я и 37-я тд Юго-Западного фронта), обнаруживается, что на три безвозвратно потерянных танка приходится два человека (убиты и/или ранены).

Пожалуй, самую точную и объективную оценку действий советских танковых войск мы находим в документах противника. Там, где советские танки пропадают тысячами (Юго-Западный фронт), немцы теряют от силы одну-две сотни противотанковых пушек. Немецкие зенитные подразделения, якобы отразившие удар сотен советских танков «новых типов» (КВ и Т-34), теряют убитыми и ранеными всего несколько десятков человек. Там, где вроде бы должен был воевать танковый полк Красной Армии, в документах штабов вермахта отмечается появление «отдельных мелких групп танков»; там, где лавина из тысячи танков 6-го мехкорпуса должна была раздавить в лепешку пехотную дивизию вермахта, в немецких документах отмечено появление 100–200 танков. Даже если, вопреки всякой логике, предположить, что немецкие отчеты составлены с нулевым уровнем приписок, то и в этом случае получается, что по меньшей мере две трети от наличного количества советских танков немцы на поле боя не увидели.

Еще одним, весьма информативным критерием, позволяющим оценить численность «отдельных командиров и рядовых бойцов, проявивших неустойчивость, паникерство, позорную трусость», является темп наступления противника. Вот этот-то показатель, в отличие от многих упомянутых выше, поддается точной математической оценке: есть текстовые документы штабов вермахта, есть оперативные карты германского Генштаба, все отлично видно. Немецкая пехота наступает с темпом 15–20 км в день, успевая при этом уничтожать сотни бетонных ДОТов и форсировать одну за другой полноводные реки (отдельные исключения – практически все они были упомянуты в предыдущих главах нашей книги – только

подтверждают эту общую закономерность). Воевать при таком темпе наступления немцам было решительно некогда; это не война, а победный марш. Совместить реальность этого марша с пропагандистскими заклинаниями про «упорные бои и яростное сопротивление Красной Армии» можно, но лишь про одном допущении: яростно сопротивлялась лишь малая часть огромной советской армии.

Наконец, косвенным, но весьма красноречивым свидетельством является само состояние (т. е. практически полное отсутствие) оперативных документов штабов Красной Армии. Еще раз напомню, что командир дивизии или корпуса воюет не один, в составе штаба соединения более полутора сотен человек, из них половина – старший комсостав; одних только писарей и делопроизводителей две дюжины. Чем были заняты все эти люди, если они не смогли подготовить две оперсводки в день или не смогли засунуть эту тонкую стопку бумаг за пазуху и вынести с собой при отступлении?

Впрочем, кому было выносить штабные документы, если в массовом порядке пропали сами штабы вместе с командирами. Масштаб исчезновения командного состава Красной Армии просто ошеломляет:

– 163 командира дивизии (бригады);

– 221 начальник штаба дивизии (бригады);

– 1114 командиров полков.

Это перечень командиров Сухопутных войск (без учета авиационных командиров, не вернувшихся с боевого вылета), пропавших без вести за все время войны. **[500]** Принимая во внимание, что по штату одной стрелковой дивизии требовался один командир, один начальник штаба и пять командиров полков, мы приходим к выводу, что без вести пропал офицерский корпус, по численности достаточный для укомплектования начсостава 150–200 дивизий.

А теперь от простой арифметики перейдем к военной истории. Начнем с фундаментального исследования Н.Н. Головина «Военные усилия России в мировой войне»[164]. Генерал-лейтенант Русской императорской армии закончил работу над этой книгой в 1939 г., и на тот момент «мировая война» была одна, без порядковых номеров. Весьма объемный раздел книги посвящен анализу структуры потерь личного состава русской армии. **[501]** С использованием огромного массива документов – российских, германских, австрийских – Головин выявляет соотношение «кровавых потерь» (убитые и раненые) и количества пленных.

В целом, за всю войну и по всем родам войск русской армии получается соотношение 61 к 39. «Кровавые потери» более чем в полтора раза превышают число пленных. Значительно хуже этот показатель (Головин называет его «моральная упругость войск») становится в летнюю кампанию 1915 г. – период тяжелых поражений и глубокого отступления русской армии. Значительно хуже – это 59 к 41 («кровавые потери» все еще больше числа пленных). Для тех, кто забыл, напомню, что речь идет о войне, которая во всех советских учебниках характеризовалась как «империалистическая», «антинародная», «чуждая интересам трудящихся бойня, устроенная правительством помещиков и капиталистов». Примечательно, что и современные российские «патриоты совка» против таких оценок активно не выступают и называть Первую мировую «Отечественной войной» не спешат.

---

[164] В войну Головин вступил в должности командира лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, дослужился до звания генерал-лейтенанта, был начальником штаба армии, выдвигался на должность начальника Академии Генерального штаба, но это назначение не состоялось из-за начавшейся революции. Активно участвовал в «белом движении», в качестве военного советника представлял «правительство» Колчака на Версальской конференции. В 1927 г., находясь в эмиграции в Париже, организовал и возглавил «Высшие военно-научные курсы», выполнявшие, фактически, функции русской военной Академии в изгнании.

Были, однако же, в структуре русской армии укомплектованные по сословному принципу воинские части, в которых отношение к войне (любой войне) было в принципе иным. Это казаки и императорская гвардия; мужчины, которых в длинной череде поколений воспитывали в духе безусловной верности присяге. В казачьих частях соотношение «кровавых потерь» и пленных составило (за всю войну) 94 к 6, в гвардии – 91 к 9.

Разваливаться (как бочка, с которой сбили обручи) русская армия начала только после Февральской революции. В летней кампании 1917 г. «кровавые потери» становятся меньше потерь пленными (45 к 55); впрочем, к тому времени любые цифры потерь на фронте уже перекрывались огромным потоком дезертирства. Обстановку лета 1917 г. Головин оценивает такими словами: *«Не может быть никакого сомнения в том, что здесь мы имеем дело исключительно с разлагающим влиянием революции. Русская солдатская масса драться не желает, и на каждых десять героев, проливших за Родину кровь, приходится двенадцать-тринадцать бросивших свое оружие».*

К сожалению, мне неизвестно – как оценивал Н.Н. Головин (он умер в январе 1944 г.) ситуацию, когда на каждых десять героев, проливших кровь за Родину, приходится 30–40–50 бросивших свое оружие.

Так все-таки: 30, 40 или 50? Каким было реальное соотношение убитых, раненых и «пропавших» летом 1941 года? 1 к 3 или 1 к 5, есть же разница! Да, с точки зрения арифметики приравнять эти величины никак нельзя. Однако между арифметикой и военной историей есть множество различий; одно из них заключается в том, что для установления причин разгрома армии абсолютно неважно – убежали ли в лес три четверти, четыре пятых или девять десятых личного состава. В любом случае, даже при наименьшей из названных цифр армия, которую совсем не случайно называют «воинским организмом», обречена на гибель.

Коль скоро речь идет о столь ужасном занятии, как война, уместно будет такое сравнение: не важно, на сколько частей разрубили человека – на три, на четыре или на семь. В любом из вариантов диагноз понятен, о прогнозе можно уже не говорить, причина смерти устанавливается с однозначной ясностью. В контексте бурных дискуссий, не утихающих вокруг «концепции Солонина», имеет смысл отметить, что ни малейшего значения для диагноза не имеют побудительные мотивы «рубщика» – неважно, совершил ли он это злодеяние за плату, по пьянке, в припадке ревности, ради ограбления и пр. И уж тем более, нет никакого практического смысла тратить силы и время на выяснение вопроса – болел ли зарубленный при жизни хроническим гастритом или нет.

Точно так же нет никакого практического смысла в том занятии, в которым упражнялись два поколения советских историков, а теперь их дело с огромным воодушевлением продолжают тысячи любителей на бесчисленных интернет-форумах. Все эти гигабайты слов, потраченных на обсуждение конструкции воздушного фильтра двигателя танка Т-34, полководческого гения (или бездарности) Жукова, процента обеспечения авиаполков заправочными воронками и приставными лестницами – все это пустой, беспредметный треп. С первых же дней войны **бо´льшая часть личного состава Красной Армии бросила оружие и разбрелась по лесам**. Мотивы в данном случае (в рамках военно-исторического исследования) не имеют значения, **вполне достаточным является установление самого факта превращения армии в вооруженную и стремительно разоружающуюся толпу.** Толпа воевать не способна. Это и есть окончательный диагноз причин поражения Красной Армии летом 1941 г.

Первая моя книга («Бочка и обручи») была закончена чуть более десяти лет назад. За эти годы я получил множество писем с разных концов света. Не раз и не два люди, движимые самыми добрыми побуждениями, советовали мне: «Не трогайте простого солдата! Ругайте Сталина, ругайте бездарных и трусливых генералов, ну, если вам и этого мало, можно дойти до полковников с майорами. Но не возводите хулу на простого человека! Ваши потенциаль-

ные читатели – это сыновья и внуки тех солдат, не отталкивайте их рассказами про массовое дезертирство, про 6 млн брошенных винтовок…»

Такая логика мне понятна – но следовать ей я не стану. Увы, друзья мои, горькую правду нашей общей трагической истории придется выпить неподслащенной. Как нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка, так и нельзя освободиться от дурмана тоталитарного сознания, разрушив лишь одну его половинку.

Всякое тоталитарное государство наряду с культом обожествляемого Вождя насаждает миф о наделенном всеми мыслимыми добродетелями Народе. Этот Народ сияет в отраженном свете, излучаемом солнцеликим Вождем, пред ним каждый должен покорно склонить голову. Война, на которую Вождь пошлет свой Народ, может быть только Священной, Великой и Отечественной. Участие Народа в Священной войне являет миру образец беспримерного в истории массового героизма. «В бой, вперед, в огонь кромешный / Он идет, святой и грешный / Русский чудо-человек…»

Все на свете имеет свою цену. Сомнительное удовольствие наслаждаться сказками о своей святости и чудесатости было предоставлено советскому народу отнюдь не бесплатно. И отказ от свободы, от права решать что-то в своей стране был лишь малой частью цены. Еще надо было жить в бараке с «удобствами во дворе», горбатиться на непосильном труде за копейки (две трети народонаселения работало в колхозах и вовсе за «палочки»), мерзнуть в очереди за ржавой селедкой и глушить загнанный в подсознание страх водкой. Но и это еще не вся цена! Главный платеж – это обязанность «по первому зову партии и правительства» идти на войну самому и отдать на заклание своих детей. Куда идти и с кем воевать? Куда вас в бой пошлет товарищ Сталин, вот туда и пойдете…

Дорогой ценой досталась советскому (ныне российскому) народу красивая сказка, все остальное у него шаг за шагом украли, и по-человечески я прекрасно понимаю тех, кто осыпает меня потоками отборной брани («последнее отбирает, гад!»). Но еще лучше я понимаю тех ветеранов, которые в десятках писем говорили мне о том, какой радостью стало для них дожить до времени, когда завеса лжи, плотной пеленой окутавшей историю той страшной войны, начала рушиться.

Спокойный, трезвый взгляд на прошлое своей страны, готовность признать допущенные ошибки, чувство стыда за совершенные от имени и руками твоего народа преступления – это роскошь, доступная лишь здоровому обществу, твердо и уверенно строящему свое будущее. Сможет ли когда-нибудь Россия позволить себе такую роскошь – Бог весть…

Источники

1. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР / Под ред. г. Ф. Кривошеева. – М.: Воениздат, 1993. С. 368.

2. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны (СБД). № 34. С. 142.

3. Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Стат. сборник, т.1, Москва; Тула: Изд-во ГАУ, 1977 (размещен на www.soldat.ru).

4. ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11333. Д. 23. Л. 353.

5. NARA. T 315, R 323, f. 0019.

6. NARA. T 315, R 323, f. 0040.

7. NARA. T 315, R 323, f. 0052–0062.

8. BA-MA. RH 24–48/198, s. 20.

9. NARA. T 313, R 15, f. 0127

10. BA-MA, RH 20-9/26, s. 35

11. BA-MA, RH 24–49/8, s. 108

12. NARA. T 313, R 15, f. 0113, 0127.

13. BA-MA. RH 24–20/18, s. 12.

14. BA-MA. RH 20-9/26, s. 37.

15. *Ивлев И.И*. А в ответ тишина – он вчера не вернулся из боя // Военная археология, № 1/2011.

16. *Hahn, F.* Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres 1933–1945. Koblenz: Bernard & Graefe, 1987.

17. Гриф секретности снят… С. 162–164.

18. NARA. T313, R 15, f. 0385.

19. *Мельтюхов М.* Проблема соотношения сил сторон к 22 июня 1941 г. // Великая отечественная катастрофа-3. – М.: Яуза-ЭКСМО, 2008.

20. http://militera.lib.ru/docs/da/index.html, http://mechcorps.rkka.ru/index.htm, http://www.soldat.ru/doc/

21. *Уланов А., Шеин Д*. Порядок в танковых войсках? Куда пропали танки Сталина. – М.: Вече, 2011.

22. *Исаев А.В*. От Дубно до Ростова. – М.: Транзиткнига, 2004.

23. *Осокин А.Н*. Великая тайна Великой Отечественной. – М.: Время, 2007.

24. *Верховский Я., Тырмос В.* Сталин. Тайный «Сценарий» начала войны – М.: Олма-Пресс, 2005.

25. Интернет-альманах «Лебедь», № 525 от 29 апреля 2007 г. (http://www.lebed.com/2007/art4992.html)

26. *Исаев А*. Указ. соч. С. 80.

27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 32. Л. 67.

28. Россия – XX век. Документы. 1941 год. Кн. 1. – М.: фонд «Демократия», 1998. С. 623.

29. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1709. Д. 39. Л. 57–59.

30. Гриф секретности… С. 351, 355.

31. *Прочко Е*. Артиллерийские тягачи Красной Армии // Бронеколлекция. 2002. № 3.

32. *Мельтюхов М.И*. Упущенный шанс Сталина. – М.: Вече. 2000. С. 597.

33. *Мюллер-Гиллебранд.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945. – М.: Изографус, 2002.

34. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 32. Л. 41.

35. ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 7. Л. 106.

36. Там же. Л. 175, 262.

37. *Семидетко В.А*. Истоки поражения в Белоруссии // Военно-исторический журнал. 1989. № 4.

38. ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 22. Л. 54–56.

39. *Жуков г. К*. Воспоминания и размышления. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 233.

40. *Хорьков А.Г.* Укрепленные районы на западных границах СССР // Военно-исторический журнал. 1987. № 12.

41. *Крупенников А.А.* В первых боях. Красногорск, 1998 г. Размещено на сайте http://www.vn-parabellum.com/fort/krupennikov.html

42. Украинский историко-фортификационный форум http://relicfinder.info/forum/viewtopic.php?f=58&t=326

43. *Владимирский А.В.* На киевском направлении. По опыту ведения боевых действий войсками 5-й армии Юго-Западного фронта в июне-сентябре 1941 г. – М.: Воениздат, 1989.

44. Справка о боевых действиях артиллерии Красной Армии в войне с Финляндией // ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 209. Л. 58, 59, 125.

45. «Гриф секретности…». С. 106, 122.

46. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11360. Д. 1. Л. 65.

47. Там же. Д. 2. Л. 290, 291.

48. СБД. № 33. Л. 118.

49. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11360. Д. 2. Л. 330, 331.

50. Там же. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 1. Л. 39.

51. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11360. Д. 2. Л. 148–152.

52. Там же. Л. 91, 92.

53. СБД. № 33. Л. 188.

54. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 5. Л. 112.

55. Там же. Оп. 11360. Д. 1. Л. 4, 5.

56. *Мельтюхов М.И*. Указ. соч. С. 601, 604.

57. Там же. С. 592.

58. «Россия – XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. – М.: фонд «Демократия», 1998. С. 508.

59. *Гудериан г*. Воспоминания солдата. – Смоленск: Русич, 1999. С. 408–409.

60. *Миддельдорф Э*. Русская кампания: тактика и вооружение. СПб.: Полигон, 2000. С. 60, 63.

61. Размещено на сайте http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Zusatz/Heer/Panzerdivision41.htm

62. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11360. Д. 1. Л. 3.

63. *Миддельдорф Э*. Указ. соч. С. 16.

64. *Hahn F.* Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres 1933–1945.

65. Размещено на сайте http://pro-tank.ru/blog/456-pravda-o-panzerjager

66. ЦАМО. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 186. Л.4.

67. Там же. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 41. Л. 45–53.

68. Известия. 1939. 4 мая.

69. *Солонин М*. Три плана товарища Сталина» // Нет блага на войне. – М.: Яуза-ЭКСМО, 2010; *Солонин М*. Первый удар // Военно-промышленный курьер. 2012. № 24, 25, 26, 27. http://vpk-news.ru/articles/8968

70. ЦАМО. Ф.16. Оп. 2951. Д. 239. Л. 1–37.

71. Там же. Д. 239. Л. 197–244.

72. Там же. Д. 242. Л. 84–90.

73. Там же. Д. 237. Л. 118–130.

74. Там же. Д. 225. Л. 1–17.
75. Там же. Д. 239. Л. 245–277.
76. Там же. Д. 241. Л. 86–97.
77. Там же. Д. 218. Л. 1–45.
78. Там же. Д. 241. Л. 75–84.
79. Там же. Д. 241. Л. 1–55.
80. Там же. Д. 237. Л. 48–64.
81. Там же. Д. 241. Л. 101–117.
82. Там же. Д. 237. Л. 1–15.
83. Там же. Д. 241. Л. 16, 17.
84. Россия – XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 303.
85. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 33. Л. 42–51.
86. *Невежин В*. Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. – М.: Яуза-ЭКСМО, 2007.
87. *Стадник И*. Германия теряет пыл… // Время новостей. 2005. 15.09. № 170.
88. ГАРФ. Ф. Р-8418. Оп. 25. Д. 683. Л. 227.
89. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 245. Л. 12 (карта).
90. Россия – XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 358–361.
91. Там же. С. 147.
92. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 242. Л. 16; Ф. 28. Оп. 11627. Д. 41. Л. 25, 38; Ф. 48. Оп. 3408. Д. 19. Л. 90.
93. *Солонин М*. Неизвестная «игра» мая 41-го // Военно-промышленный курьер. 2012. № 7. 22 февраля. http://vpk-news.ru/articles/8636
94. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239. Л. 106, 107.
95. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 36. Л. 11.
96. ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 3. Л. 200.
97. Там же. Ф. 16. Оп. 1071. Д. 1. Л. 2–5.
98. Там же. Ф. 16. Оп. 1071. Д. 1. Л. 6.
99. Россия – XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 440.
100. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1071. Д. 38. Л. 1–8.
101. Там же. Л. 10–14.
102. Россия – XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 432.
103. Накануне: Западный особый военный округ: Док. и материалы / Сост. В.И. Адамушко и др. – Минск: НАРБ, 2007. Док. № 135.
104. Постановление КО при СНК СССР «О порядке разработки в ГШ РККА сов. секретных особой важности вопросов» от сентября 1938 г. // ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 209. Л. 230; План разработки оперативных планов на 1940–1941 гг. // ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 209. Л. 221.
105. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 138–156.
106. Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 110. Л. 10–13, цит. по http://www.almanacwhf.ru/?no=4&art=3
107. NARA. T 314, R 1138, f. 545; BA-MA, RH 24-8/42.
108. BA-MA. RH 20-4/1182, перевод документа см. http://www.solonin.org/doc_plan-prikryitiya-po-nemetski
109. NARA. T 314, R 1138, f. 696.
110. Планы прикрытия западных округов опубл.: Военно-исторический журнал. 1996. № 2–6.
111. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 243. Л. 173–176.
112. Россия – XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 229, 235, 241, 285.

113. Там же. С. 233.
114. ЦАМО. Ф. 131. Оп. 12507. Д. 30.
115. Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206. Л. 44; СБД. № 36. С. 32.
116. Секреты Гитлера на столе у Сталина – М.: Мосгорархив, 1995.
117. Россия – XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 147.
118. Персональный сайт М. Солонина, http://www.solonin.org/docs
119. NARA. T 314, R 1138, f. 473.
120. Россия – XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 341.
121. NARA. 3 panzerdivizion, KTB, f. 037.
122. Россия – XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 457.
123. ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 3. Л. 251, 252.
124. Там же. Д. 46. Л. 192.
125. Там же. Д. 22. Л. 36.
126. Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. – М.: МФ «Демократия», 2001. С. 140.
127. Россия – XX век. Документы. 1941 год. Кн. 1. С. 614.
128. Боевой и численный состав Вооруженных сил СССР в период ВОВ: Стат. сборник № 1 (22 июня 1941 г.). М.: 1994.
129. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11373. Д. 67. Л. 97–116, цит. по http://mechcorps.rkka.ru/files/spravochnik/docs/d_gabtu_003.html
130. 1941 год – уроки и выводы / Колл. авт. Под ред. г-м Неласова. – М.: Воениздат, 1992.
131. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 242. Л. 195–201.
132. Там же. Л. 132.
133. Россия – XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 357.
134. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206. Л. 8.
135. Там же. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 46. Л. 72, 87, 103, 130, 150.
136. *Мельтюхов М*. Указ. соч. С. 110.
137. ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 22. Л. 177.
138. Там же. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 238.
139. Россия – XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 417.
140. Боевой состав Советской армии. Часть 1 (июнь-декабрь 1941 г.) / В.В. Гуркин, К.А. Маланьин. Отв. ред. полк. Грылев. А.Н. – М.: Типография Военной академии Генерального штаба, 1963 (или 1964). С. 7–15.
141. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 909. Л. 2–10.
142. Там же. Оп. 11373. Д. 5. Л. 114.
143. NARA. T 313, R 15, f. 490–498.
144. NARA. T 313, R 15, f. 368.
145. *Солонин М*. Новая хронология катастрофы (т. 1); Другая хронология катастрофы (т. 2). – М.: Яуза-ЭКСМО, 2010, 2011.
146. Автобиография Кирпоноса опубл. в: Военно-исторический журнал. 1989. № 7.
147. NARA. T 314, R 1138, f. 559, 640.
148. NARA. T 314, R 1138, f. 535.
149. *Филиппи А*. Припятская проблема. – М.: Иностр. литература, 1959.
150. NARA. T 314, R 1138, f. 540, 541.
151. ЦАМО. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 15. Л. 24.
152. Там же. Ф. 229. Оп. 157. Д. 20. Л. 6, 9.
153. *Солонин М*. Игры 41-го года // Военно-промышленный курьер. 2012. № 45, 46.
154. Россия – XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 440, 441.

155. *Баграмян И.* Так начиналась война. – М.: Воениздат, 1971.
156. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны (СБД). № 36. С. 182.
157. Там же. С. 10.
158. Там же. С. 22.
159. Там же. С. 16.
160. Перевод трофейной «Инструкции по ведению боя танковым полком и танковым соединением», утвержденной 18.01. 1941 г., хранится в ЦАМО. Ф. 229. Оп. 157. Д. 3. Л. 173.
161. СБД. № 36. С. 37.
162. Россия – XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 290.
163. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1071. Д. 38. Л. 7, 19.
164. Там же. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 47. Л. 282–284.
165. Там же. Л. 590, 591.
166. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Запись от 30 марта 1941 г. – М.: Воениздат, 1971.
167. BA-MA. RH 20–17 / 774 (Журнал боевых действий 17-й Армии вермахта).
168. Первые дни войны в документах // Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 44.
169. *Еремин Н.* Первые дни боев на Рава-Русском направлении // Военно-исторический журнал. 1959. № 4. С. 61–75.
170. BA-MA. RH 24–49 / 8 (Журнал боевых действий 49-го корпуса вермахта).
171. ЦАМО. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 4.
172. Там же. Ф. 1230. Оп 1. Д. 23. Л. 1–13 (Журнал боевых действий 81-й моторизованной дивизии).
173. Там же. Ф. 38. Оп. 11360. Д. 2. Л. 148–152 (Краткий отчет о боевых действиях 8-й тд с 22.6 по 1.8.41).
174. Там же. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.
175. Там же. Л. 26.
176. http://niemirow41.narod.ru/Taim/Taim_boi_History_KTV_71_ID.html
http://niemirow41.narod.ru/Taim/Taim_boi_History_History_71_ID.html
177. ЦАМО. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 4. Л. 54.
178. Там же. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 865. Л. 209.
179. СБД. № 36. С. 184.
180. Там же. С. 186.
181. Там же. № 33. С. 181–192 (Доклад о боевых действиях 32-й танковой дивизии).
182. Там же. № 36. С. 196.
183. Там же. С. 30.
183. BA-MA. RH 24–49 / 8, s. 108.
184. СБД. № 36. С. 194.
185. Там же. С. 199.
186. *Гурьянов А., Кокурин А.* Эвакуация тюрем // Карта. № 6 (см. http://www.hro.org/node/6729)
187. NARA. T 314, R 1138, f. 538.
188. BA-MA. RH 24–48 / 4, s. 11–50 (Журнал боевых действий 48 ТК вермахта).
189. СБД. № 36. С. 130.
190. Россия – XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 234.
191. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1709. Д. 26. Л. 56–57.
192. Там же. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 21. Л. 451.
193. СБД. № 36. С. 11.
194. Там же. С. 183.
195. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 865. Л. 242.

196. Там же. Л. 245.
197. Там же. Оп. 11360. Д. 2. Л. 3.
198. СБД. № 36. С. 253–275 (Доклад о боевых действиях 15-го мехкорпуса).
199. Там же. № 33. С. 193–214 (Доклад о боевых действиях 10-й танковой дивизии).
200. Там же. С. 217–232 (Доклад о боевых действиях 37-й танковой дивизии).
201. ЦАМО. Ф. 229. Оп. 157. Д. 7/1. Л. 255.
202. Там же. Л. 288.
203. NARA. T 313, R 15, f. 346.
204. NARA. T 314, R 1138, f. 922.
205. NARA. T 313, R 15, f. 371.
206. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 865. Л. 247.
207. BA-MA. RH 24–48/198, s. 21–25 (Доклад управления тайной военной полиции при 48 ТК от 1.7.41).
208. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 865. Л. 226, 233, 277–279.
209. Там же. Оп. 11360. Д. 2. Л. 101–107 (Доклад о боевых действиях 8 МК).
210. Там же. Л. 108–111 (Журнал боевых действий 12-й тд).
211. *Попель Н.К.* В тяжкую пору. – М.: АСТ, 2001.
212. СБД. № 36. С. 13.
213. Там же. С. 186.
214. ЦАМО. Ф. 3029. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–11 (с оборотом листов). Журнал боевых действий 34-й тд.
215. Там же. Ф. 229. Оп. 157. Д. 7/1. Л. 59–73 (Доклад о боевых действиях 34 тд от 2.8.41).
216. СБД. № 36. С. 24.
217. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11360. Д. 2. Л. 186.
218. СБД. № 36. С. 30.
219. *Хрущёв Н.С.* Время. Люди. Власть. – М.: ИИК «Московские Новости». 1999.
220. СБД. № 36. С. 37–38.
221. Там же. С. 43.
222. Там же. С. 44.
223. Там же. С. 45.
224. Там же. С. 51.
225. ЦАМО. Ф. 3456. Оп. 1. Д. 14. Л. 15, 16 (Доклад о боевых действиях 228-й сд).
226. СБД. № 33. С. 237.
227. ЦАМО. Ф. 229. Оп. 157. Д. 7/1. Л. 270.
228. Там же. Л. 273.
229. Там же. Л. 129–130.
230. NARA. T 313, R 15, f. 137–147 (Журнал службы тыла 1-й Танковой группы).
231. NARA. T 314, R 1138, f. 1398.
232. BA-MA. RH24-3 /50.
233. ЦАМО. Ф. 3456. Оп. 1. Д. 6. Л. 28.
234. Там же. Л. 31.
235. Там же. Л. 124, 125.
236. Там же. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.
237. Там же. Ф. 3456. Оп. 1. Д. 14. Л. 21–22 (Доклад о боевых действиях 19-й танковой дивизии).
238. BA-MA. RH 24-3/43 (Журнал боевых действий 3 ТК вермахта).
239. ЦАМО. Ф. 3456. Оп. 1. Д. 14. Л. 5–14 (Доклад о боевых действиях 41-й танковой дивизии).

240. *Тимин М.* Ответный удар. Действия советской бомбардировочной авиации 22 июня 1941 г. // Авиапарк. 2010. № 2.
241. СБД. № 36. С. 53.
242. NARA. T 313, R 15, f. 125.243. NARA. T 314, R 183, f. 90.
244. ЦАМО. Ф. 131. Оп. 12951. Д. 36. Л. 31–32.
245. Там же. Ф. 3456. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.
246. NARA. T 314, R 183, f. 88, 90.
247. NARA. T 314, R 183, f. 138.
248. ЦАМО. Ф. 3456. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.
249. Там же. Д. 14. Л. 27.
250. *Рокоссовский К.* Солдатский долг. М.: Воениздат, 1997.
251. ЦАМО. Ф. 3456. Оп. 1. Д. 14. Л. 24.
252. Там же. Д. 11. Л. 7, 8.
253. NARA. T 314, R 183, f. 89, 106.
254. ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 21. Л. 451.
255. NARA. T 314, R 183, f. 104.
256. NARA. T 314, R 183, f. 114.
257. NARA. T 314, R 183, f. 138.
258. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11360. Д. 2. Л. 168–170 (Доклад о боевых действиях танкового полка 131-й мд).
259. Там же. Ф. 3456. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.
260. Там же. Д. 14. Л. 1, 2 (Доклад о боевых действиях мотоциклетного полка 22 МК).
261. NARA. T 314, R 183, f. 171.
262. ЦАМО. Ф. 3456. Оп. 1. Д. 6. Л. 128.
263. Там же. Д. 14. Л. 5–8 (Доклад о боевых действиях 41-й танковой дивизии).
264. Там же. Д. 11. Л. 17
265. NARA. T 314, R 183, f. 105.
266. ЦАМО. Ф. 229. Оп. 157. Д. 20. Л. 3.
267. Там же. Ф. 3456. Оп. 1. Д. 10. Л. 11.
268. Там же. Ф. 38. Оп. 11373. Д. 6. Л. 214.
269. Там же. Ф. 3456. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
270. СБД. № 33. С. 233–248 (Доклад о боевых действиях 43-й танковой дивизии).
271. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 865. Л. 256.
272. СБД. № 33. С. 159.
273. ЦАМО. Ф. 229. Оп. 157. Д. 7/2. Л. 425–428 (цит. по: http://mechcorps.rkka.ru/files/spravochnik/docs/d_gabtu_003.html)
274. СБД. № 36. С. 43.
275. История ВОВ. В 6 т. / под ред. Поспелова. Т.2. – М.: Воениздат, 1961. С. 32.
276. NARA. T 314, R 183, f. 313.
277. ЦАМО. Ф. 3456. Оп. 1. Д. 6. Л. 89.
278. Там же. Д. 10. Л. 15.
279. Там же. Ф. 3029. Оп. 1. Д. 46. Л. 18.
280. СБД. № 36. С. 54.
281. СБД. № 36. С. 38.
282. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР. – М.: Воениздат, 1993. С. 368.
283. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11360. Д. 2. Л. 89.
284. Там же. Л. 122.
285. Там же. Ф. 3029. Оп. 1. Д. 46. Л. 3, 36.

286. Там же. Ф. 38. Оп. 11360. Д. 2. Л. 167.
287. СБД. № 33. С. 185.
288. Там же. С. 184.
289. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11360. Д. 2. Л. 153.
290. Там же. Ф. 229. Оп. 157. Д. 7/1. Л. 144.
291. СБД. № 36. С. 269.
292. Там же. № 33. С. 205.
293. Там же. С. 211.
294. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11360. Д. 2. Л. 7.
295. Там же. Оп. 11353. Д. 3. Л. 5.
296. Там же. Ф. 229. Оп. 157. Д. 3. Л. 149.
297. Там же. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 4. Л. 79.
298. NARA. T 313, R 15, f. 498.
299. NARA. T 313, R 15, f. f. 114, 127.
300. NARA. T 313, R 15, f. f. 101, 104, 114, 122, 125, 127.
301. NARA. T 313, R 15, f. 492.
302. NARA. T 313, R 15, f. 385.
303. NARA. T 313, R 15, f. 496.
304. NARA. T 313, R 15, f. 442.
305. 10-дневные сводки потерь сухопутных войск, размещено на http://ww2stats.com/cas_ger_okh_dec41.html
306. Текст доклада комиссии Маленкова размещен на http://www.battlefield.ru/report-to-stalin-11–04–1944.html
307. Гриф секретности снят… С. 226–227.
308. *Боярский В*. Партизаны и армия. История упущенных возможностей. – Минск: Харвест, 2001.
309. «Гриф секретности снят…». С. 203, 371
310. BA-MA. RH 24–48/198, s. 20, 34, 35.
311. *Бок Ф*. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941–1945 гг. – М.: Яуза-ЭКСМО, 2006.
312. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206. Л. 8.
313. *Исаев А*. Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг. – М.: ЭКСМО, 2010.
314. ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 45. Л. 559.
315. Накануне: Западный особый военный округ: Док. и материалы. – Минск: НАРБ, 2007. С. 12.
316. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 27-А. Л. 423–432.
317. *Бойко И*. Тыл Западного фронта в первые дни Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1966. № 8.
318. ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 22. Л. 325.
319. Россия – XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 456–469.
320. *Рейнгардт К*. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 41/42 г. – М.: Воениздат, 1980.
321. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 5. Л. 110, 132.
322. Там же. Д. 909. Л. 33–35, 103.
323. Там же. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 64. Л. 26 (документ размещен на сайте www.podvignaroda.ru).
324. Там же. Л. 18 (документ размещен на сайте www.podvignaroda.ru)
325. Там же. Д. 42. Л. 1 (документ размещена на сайте www.podvignaroda.ru).
326. Там же. Ф. 3025. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

327. Там же. Ф. 221. Оп. 1374. Д. 33. Л. 1.
328. Там же. Оп. 1351. Д. 2. Л. 13 (документ размещен на сайте www.podvignaroda.ru).
329. ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 42. Л. 2 (документ размещен на сайте www.podvignaroda.ru).
330. Там же. Ф. 344. Оп. 5564. Д. 1. Л. 47 (цит по: Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 51).
331. Там же. Ф. 221. Оп. 7833. Д. 3. Л. 17–21 (цит. по: СБД. № 34. С. 22–25).
332. Там же. Ф. 619. Оп. 266019. Д. 11. Л. 14–15 (цит. по: СБД. № 33. С. 23–24).
333. Там же. Ф. 3447. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.
334. Там же. Ф. 3025. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
335. Там же. Ф. 3021. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
336. Там же. Д. 4. Л. 3.
337. Там же. Ф. 3025. Оп. 1. Д. 3. Л. 3, 7.
338. Там же. Л. 6.
339. Там же. Ф. 221. Оп. 1374. Д. 11. Л. 1–3.
340. NARA. T 313, R 224, f. 100.
341. NARA. T 313, R 224, f. 153.
342. *Гот г.* Танковые операции. – М.: Воениздат, 1961. Прил. 2.
343. NARA. T 314, R 1470, f. 962.
344. NARA. T 314, R 1470, f. 67–85 (Журнал боевых действий 57 ТК вермахта).
345. СБД. № 34. С. 30, 31.
346. Там же. С. 34.
347. Там же. С. 37, 38.
348. *Егелявичюс С*. К вопросу об участии 5-й тд в боях 22 июня 1941 г. (размещено на сайте http://www.solonin.org/other_s-egelyavichyus-i-m-solonin).
349. ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1374. Д. 5. Л. 1.
350. Там же. Д. 11. Л. 5.
351. Там же. Ф. 208. Оп. 2589. Д. 26. Л. 12.
352. NARA. T 315, R 407, f. 853.
353. NARA. T 313, R 225, f. 52–96 (Журнал боевых действий 3-й ТГр вермахта).
354. ЦАМО. Ф.16. Оп. 2951. Д. 241. Л. 95.
355. СБД. № 34. С. 45.
356. Там же. С. 38.
357. ЦАМО. Ф. 3005. Оп. 1. Д. 20. Л. 1, 2.
358. Там же. Д. 18.
359. Там же. Д. 35.
360. Там же. Д. 41.
361. Там же. Д. 4. Л. 6–17.
362. Там же. Л. 44.
363. Там же. Ф. 20045. Оп. 1. Д. 3. Л. 19–21.
364. Там же. Ф. 3005. Оп. 1. Д. 4. Л. 45.
365. NARA. T 315, R 407, f. 843, 848 (Донесения частей 7-й тд вермахта).
366. NARA. T 313, R 225, f. 138.
367. Hasso von Manteuffel, Die 7. Panzer-Division im Zweiten Weltkrieg.
368. ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 201. Л. 5.
369. NARA. T315, R 407, f. 862.
370. NARA. T315, R 407, f. 833–877.
371. ЦАМО. Ф. 3005. Оп. 1. Д. 4. Л. 47.
372. СБД. № 34. С. 107.

373. *Иванов С.* Штаб армейский, штаб фронтовой. – М.: Воениздат, 1990. С. 49.
374. СБД. № 35. С. 170.
375. Там же. № 34. С. 65.
376. Там же. С. 68.
377. ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 47. Л. 139.
378. *Сандалов Л.* Боевые действия войск 4-й армии в начальный период ВОВ. – М.: 1961.
379. *Лопуховский Л*. В первые дни войны // Великая Отечественная катастрофа-3. – М.: Яуза-ЭКСМО, 2008.
380. BA-MA. RH 20-4/192, s. 8–18 (доклад 45 пд вермахта).
381. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206. Л. 20.
382. *Звягинцев В*. Война на весах Фемиды. – М.: ТЕРРА, 2006.
383. *Абатуров В. и др*. На земле Беларуси: канун и начало войны. – М.: Кучково поле, 2006. С. 526.
384. Первые дни войны в документах // Военно-исторический журнал. 1989. № 6.
385. NARA. 3 panzerdivizion, KTB, f. 44–69.
386. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11360. Д. 2. Л. 313–317 (Доклад о боевых действиях 14 МК).
387. СБД. № 35. С. 145.
388. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 184. Л. 1–3.
389. СБД. № 35. С. 147.
390. *Алиев Р*. Штурм Брестской крепости. – М.: Яуза-ЭКСМО, 2010.
391. BA-MA. RH 27–3/179.
392. СБД. № 35. С. 150.
393. Там же. С. 149.
394. ЦАМО. Ф. 20060. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.
395. Там же. Л. 16.
396. Там же. Ф. 229. Оп. 161. Д. 58, размещено на сайте Подвиг Народа, документ № 60242967.
397. Там же. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 27. Л. 214–219.
398. Журнал боевых действий 47 ТК вермахта цит. по: *Исаев А*. Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг. – М.: ЭКСМО, 2010.
399. СБД. № 35. С. 190, 191.
400. NARA. T314, R1097, f 71 цит. по: *Исаев А*. Указ. соч.
401. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 27. Л 148–152.
402. Там же. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 47. Л. 85.
403. Там же. Ф. 38. Оп. 11360. Д. 2. Л. 318–320 (Доклад о боевых действиях 17 МК).
404. Там же. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 27. Л. 61, 61(об), 62.
405. NARA. T 314, R 715, f. 27–126 (Журнал боевых действий 24 ТК вермахта).
406. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206. Л. 44.
407 Там же. Л. 22.
408. Там же. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 5. Л. 51–54 (Доклад командира 7-й тд).
409. NARA. T 314, R 348, f. 1042–1051 (Протокол допроса генерала Потатурчева).
410. BA-MA. RH 20–9/26, s. 1–8 (Оперсводки 9-й Армии вермахта).
411. BA-MA. RH 24–20/8 s. 12–21 (ЖБД 20 АК).
412. BA-MA. RH 24–8/44a (Оперсводки 8 АК).
413. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 5. Л. 138–139. Д. 909. Л. 103.
414. Там же. Оп. 11360. Д. 2. Л. 286–291 (Доклад командира 11 МК).
415. Размещено на сайте «Рубон» (http://edu.grsu.by/rubon), перевел Д. Лютик.
416. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206. Л. 21.

417. СБД. № 35. С. 166.
418. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206. Л. 23.
419. СБД. № 35. С. 25.
420. Там же. С. 31.
421. Там же. С. 26.
422. Там же. С. 37.
423. NARA. T 313, R 224, f. 165.
424. СБД. № 35. С. 118.
425. BA-MA. RL 8/47, s. 3–11.
426. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 90. Л. 8–11.
427. BA-MA. RH 24–20/15, s. 10.
428. BA-MA. RH 24–20/18 s. 6–12.
429. СБД. № 35. С. 51.
430. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 29. Л. 67.
431. NARA. T 313, R 244, f. 670.
432. *Свердлов Ф.* Советские генералы в плену. – М.: 1999. С. 112.
433. СБД. № 35. С. 44.
434. NARA. T 313, R 227, f. 110.
435. ВИЖ. 1996. № 3. (План прикрытия Западного ОВО).
436. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206. Л. 5–7.
437. СБД. № 35. С. 39.
438. Там же. С. 171.
439. NARA. T 314, R 1470, f. 89–115 (Продолжение ЖБД 57 ТК вермахта).
440. Документы штаба 21-го стрелкового корпуса размещены на сайте: http://reibert.info/
441. СБД. № 35. С. 87.
442. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 184. Л. 33–34.
443. Там же. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 47. Л. 88.
444. Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 29. Л. 51–53.
445. Войска противовоздушной обороны страны / Колл. авт. – М.: Воениздат, 1968.
446. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2589. Д. 47. Л. 12.
447. СБД. № 35. С. 42.
448. *Михайлов В.* Как это было. История разрушения Минска в воспоминаниях очевидцев // Советская Белоруссия. 2003. 28 июня.
449. ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 47. Л. 90.
450. Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206. Л. 43, 44, 46.
451. Там же. Ф. 807. Оп. 1. Д. 5. Л. 3 (цит. по: *Исаев А.* Указ. соч.).
452. Там же. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 27. Л. 44.
453. Там же. Оп. 2589. Д. 26. Л. 21.
454. Там же. Л. 24.
455. NARA. T 315, R 407, f. 895–1014 (боевые донесения частей 7-й тд вермахта).
456. ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 45. Л. 559.
457. СБД. № 35. С. 11.
458. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 27. Л. 66.
459. Там же. Л. 29.
460. СБД. № 35. С. 173.
461. Там же. № 31. С. 11–15 (ЖБД 2 СК).
462. СБД. № 35. С. 187–189 (БД № 1 44 СК).
463. ЦАМО. Ф. 924. Оп. 1. Д. 11. Л. 3–6 (ЖБД 44 СК).

464. Там же. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 28. Л. 47–48 (Донесение начальника ОПП 2 СК).
467. Там же. Д. 27. Л. 107, 190.
468. Там же. Д. 28. Л. 260–265.
469. Там же. Оп. 2511. Д. 206. Л. 51.
470. Там же. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 22. Л. 502, 503, 504.
471. Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 606. Л. 58, 72.
472. Там же. Л. 75.
473. Там же. Л. 84.
474. Там же. Д. 625. Л. 6, 27, 31, 45, 140.
475. Там же. Л. 109.
476. Бок Ф. Указ. соч. С. 74.
477. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 603. Л. 13.
478. Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206. Л. 67.
479. Там же. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 5. Л. 141.
480. СБД. № 35. С. 161.
481. Гриф секретности снят… С. 368.
482. BA-MA. RH 20–9/26, s. 37.
483. NARA. T 313, R 225, f. 108.
484. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 625. Л. 99.
485. *Гот г.* Указ. соч. С. 108.
486. NARA. T 313, R 225, f. 138.
487. СБД. № 31. С. 16.
488. *Мартов В*. Белорусские хроники. 1941 год (http://www.idiot.vitebsk.net/i41/mart41_1.htm)
489. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 28. Л. 373–374.
490. BA-MA. RH 24–17/171.
491. BA-MA. RH 21-3/437.
492. BA-MA. RH 39/529.
493. BA-MA. RH24-48/198.
494. BA-MA. RL 8/37.
495. *Кубек В*. В авангарде танковых ударов. Фронтовой дневник. – М.: Яуза-Пресс, 2010.
496. Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 24–25.
497. ЦАМО. Ф. 913. Оп. 11309. Д. 70. Л. 160–165, цит. по: Военно-исторический архив. 2001. № 6.
498. ЦА ФСБ РФ, цит. по: Власть и художественная интеллигенция. Документы. – М.: Междунар. фонд «Демократия», 1999.
499. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом… Сб. док. // Сост. Владимирцев, Кокурин. – М.: Объед. ред. МВД России, 2008. С. 540.
500. Гриф секретности снят… С. 319.
501. *Головин Н.Н*. Военные усилия России в Мировой войне. – Париж, 1939. Размещено на http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/index.html